

N. N. BOLKHOVITINOV

RUSSIAN-
AMERICAN
RELATIONS

1815—1832

PUBLISHING HOUSE «NAUKA»

MOSCOW

1975

И. Н. БОЛХОВИТИНОВ

РУССКО-
АМЕРИКАНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ

1815—1832

798158

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1975

На форзацах помещены фотокопии собственноручного письма Б. Франклина члену Петербургской Академии наук Ф. Эпину-су от 6 июня 1766 г., оригинал которого хранится в Пенсильванском историческом обществе в Филадельфии (на англ. яз.), и донесения русского посланника в Вашингтоне Ф. В. Тейля К. В. Нессельроде от 29 ноября (11 декабря) 1823 г., подлинник находится в Архиве внешней политики России в Москве (на франц. яз.) Подробнее об этом документе см. гл. IV настоящей монографии.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое вниманию читателя исследование является продолжением книги «Становление русско-американских отношений, 1775—1815», вышедшей в издательстве «Наука» в 1966 г. Наличие в этой книге обстоятельного введения освобождает автора от подробного вступительного раздела. Не могу, однако, не сказать несколько слов о коренных изменениях, которые произошли за последние годы в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Долгие годы «холодной войны», не раз угрожавшей перерасти в термоядерную катастрофу, сменились периодом разрядки, конструктивных переговоров и делового сотрудничества. На смену кубинскому кризису осенью 1962 г. и зиме 1965 г., когда началась эскалация многолетней трагедии вьетнамской войны, пришел май 1972 г. и лето 1973 г. Начался совершенно новый этап в истории отношений между СССР и США.

Хотя рассматриваемый в настоящей работе период отстоит от современности примерно на полтора века, анализ международных событий того времени оказывается весьма поучительным. Именно после 1815 г. в полной мере проявились коренные социально-экономические и идеологические противоречия между буржуазно-республиканскими Соединенными Штатами и самодержавно-крепостнической Россией. Образование Священного союза (1815 г.) и провозглашение доктрины Монро (1823 г.) перенесли эти противоречия в международно-правовую сферу и на первый взгляд исключали возможность нормального, а тем более дружественного развития отношений между обеими странами. На практике, однако, все сложилось иначе. Конфронтацию России и Соединенных Штатов удалось сравнительно легко избежать, и уже 5(17) апреля 1824 г. было заключено первое важное русско-американское соглашение — кон-

венция о торговле, мореплавании и территориальном разграничении на Северо-Западе Америки. Последовавшее затем сближение привело в конечном итоге к заключению 6(18) декабря 1832 г. торгового договора, официально закрепившего принцип наибольшего благоприятствования и создавшего основу для всего последующего развития русско-американских торговых связей в XIX — начале XX в.

Важной особенностью настоящей работы является рассмотрение не только собственно дипломатических отношений между С.-Петербургом и Вашингтоном, но и детальное исследование торговых, общественно-политических, научных и культурных связей между обеими странами, изучение истории Русской Америки и развития деловых контактов русских поселенцев с американскими торговцами и мореплавателями на Тихоокеанском Севере. В прошлом историки международных отношений крайне редко обращались к изучению общественно-политических, научных и культурных связей. В центре их внимания обычно находились лишь межгосударственные и в первую очередь дипломатические отношения, слова и дела известных политических и государственных деятелей, прославленных генералов и дипломатов, царей и президентов. Из истории международных отношений тем самым выпадал главный элемент — народ, причем народ в лице своих самых лучших, наиболее образованных и активных представителей — ученых, общественных деятелей, литераторов и журналистов. В многотомных исторических сочинениях вновь пересказывались уже известные документы и занимательные эпизоды дипломатической борьбы и почти совершенно игнорировались связи между выдающимися деятелями науки и литературы, а также общественно-политическими, научными и культурными учреждениями. Между тем сама история отношений между Америкой и Россией открывается в середине XVIII в. прямыми и косвенными контактами Б. Франклина и других американских ученых с их петербургскими коллегами — М. В. Ломоносовым, Г. В. Рихманом и Ф. У. Т. Эпинусом¹.

¹ Документальным свидетельством этих связей являются письма Э. Стайлеса М. В. Ломоносову от 20 февраля 1765 г. и Б. Франклина Ф. У. Т. Эпинусу от 6 июня 1766 г.— APS, Papers of Dr. Frank-

Едва ли не самые оригинальные разделы книги оказались поэтому связанными с изучением американской проблематики на страницах русских журналов, анализом отношения декабристов к Соединенным Штатам, американской революции и конституции 1787 г., а также с конкретным исследованием развития русско-американских торговых, общественно-политических и научных связей в 1815—1830-е годы. Вполне понятно, что автор не претендует на окончательное и исчерпывающее исследование всех этих проблем. Он считал бы себя, однако, полностью удовлетворенным, если бы его работа стимулировала дальнейшие исследования и, хоть в какой-то, пусть даже самой малой степени, способствовала взаимопониманию между советским и американским народами, укреплению и расширению сотрудничества между нашими странами.

Говоря о конкретной подготовке настоящей работы, нельзя не упомянуть о научной командировке автора в США в 1968 г. по программе обмена между Академией наук СССР и Американским советом познавательных обществ. Пребывание в архивах, библиотеках и университетах США, встречи с ведущими американскими историками и архивистами, изучение разнообразных печатных и рукописных источников существенно расширили и обогатили документальную базу данного исследования и создали благоприятные возможности для сравнения русских и американских материалов².

Хотя в данной работе широко используются разнообразные опубликованные источники — официальные бумаги, дипломатическая переписка, протоколы конгресса, сочинения, корреспонденция, дневники и мемуары политических деятелей, ученых, литераторов, труды пу-

lin, Vol. 49, p. 19; HSP, W. D. Lewis. Miscellaneous Letters and Documents. Подробнее см.: *Н. Н. Болховитинов*. Б. Франклин и М. В. Ломоносов.— «НИИ», 1973, № 3; *он же*. Из истории русско-американских научных связей в XVIII—XIX веках.— «США: экономика, политика, идеология», 1974, № 5.

² Подробно см.: *Н. Н. Болховитинов*. В архивах и библиотеках США: находки, встречи, впечатления.— «Американский ежегодник, 1971». М., 1971; *он же*. Новые материалы по истории русско-американских отношений XIX — начала XX в.— «Материалы первого симпозиума советских историков-американистов (30 ноября — 3 декабря 1971 г.)», ч. II. М., 1973, стр. 101—137.

тешественников и современников изучаемых событий, пресса, статистика, а также многочисленные советские, американские и западноевропейские книги и статьи, в основе исследования в конечном итоге лежат богатейшие и в большинстве случаев неизвестные или недостаточно изученные архивные материалы.

Прошло уже около 20 лет с тех пор, как я впервые пришел в уютный читальный зал в старинном особняке на Большой Серпуховской улице, где расположен Архив внешней политики России. С тех пор мне пришлось работать еще по крайней мере в 20—25 советских и американских архивах, и везде я встречал неизменное внимание, любезное содействие и ценную помощь. Число лиц, в разное время и в разной форме способствовавших подготовке настоящей монографии, слишком велико, чтобы их можно было перечислить, не злоупотребляя объемом этого предисловия. Не могу, однако, не упомянуть о моих непосредственных коллегах по сектору истории США и Канады Института всеобщей истории АН СССР и сотрудниках Архива внешней политики России. На протяжении ряда лет ценные советы автору давали акад. М. П. Алексеев, Е. И. и Н. М. Дружинины, А. Л. Нарочницкий и покойный член-корреспондент АН СССР проф. А. В. Ефимов. Кандидат исторических наук В. Г. Сироткин и кандидат филологических наук Л. А. Шур взяли на себя труд познакомиться с первоначальным вариантом рукописи и выступить во время ее обсуждения в Институте всеобщей истории АН СССР в октябре 1972 г. С неизменной признательностью я вспоминаю внимание и помощь, оказанные мне проф. Л. Х. Баттерфилдом, Р. Б. Моррисом, Д. Перкинсом, О. Хэндлином, а также Р. Алленом, П. К. Гримстед, Д. Гриффитсом и многими другими американскими историками.

ОТ СОЗДАНИЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА К ПРОВОЗГЛАШЕНИЮ ДОКТРИНЫ МОНРО

(1815—1823)

14(26) сентября 1815 г. в столице поверженной Франции Франц I, Фридрих Вильгельм III и Александр I подписали знаменитый акт Священного союза. История давно уже вынесла свой справедливый приговор — Священный союз стал символом черной реакции, религиозного мракобесия, монархического легитимизма и контрреволюции, прямого насилия над волей народов, а его участники вполне заслуженно получили наименование «жандармов Европы». Так было, или, во всяком случае, так стало (после 1820 г.) на деле. Но на бумаге в расплывчатых и возвышенных формулировках этого акта первоначально все выглядело иначе. Русский царь, австрийский император и прусский король торжественно провозглашали свою непоколебимую решимость, «как в управлении вверенными им государствами, так и в политических отношениях ко всем другим правительствам, руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями... любви, правды и мира»¹.

Реакционная идея союза монархов против революционных народов оказалась столь тщательно замаскирована сентиментальными христианскими декларациями

¹ Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. I—XV. СПб., 1874—1909, т. IV, ч. 1, стр. 5; «Внешняя политика России XIX — начала XX века», под ред. А. Л. Нарочницкого и др., т. I—VIII. М., 1960—1972 (далее: ВПР), т. VIII, № 231, стр. 517—518.

о мире, братстве, любви и «благе судеб человеческих», что далеко не всякий даже очень многоопытный чигатель мог разобраться в скрытых целях и возможных последствиях этого документа. «Соответственно словам Священных Писаний, повелевающих всем людям быть братьями, три договаривающихся монарха пребудут соединены узами действительного и неразрывного братства, и, почитая себя как бы единоземцами, они во всяком случае и во всяком месте станут *подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь*; в отношении же к подданным и войскам своим они, как отцы семейств, будут управлять ими в том же духе братства, которым они одушевлены, для охранения веры, мира и правды»².

Усталая, измученная бесконечными войнами Европа жаждала мира, и высокие слова о взаимном доброжелательстве, любви и братстве воспринимались многими вполне серьезно. Людям хотелось верить, что бедствиям и страданиям пришел конец, и они верили этому. «На землю мрачную нисходит светлый мир», — писал в 1815 г. молодой А. С. Пушкин.

Нарочитая туманность и расплывчатость формулировок акта о Священном союзе не была случайной. В исторической литературе много писалось о «двойственности» Александра I, сочетавшего в одном лице и либерального реформатора и крайнего реакционера. Эта «двойственность» проявилась даже в организационной структуре русского МИД, во главе которого с 1815 г. стояли сразу два человека (разных по своим взглядам!) — статс-секретарь по иностранным делам И. А. Каподистрия и управляющий министерством иностранных дел К. В. Нессельроде. Что же касается правительственной политики России, то в ней наряду с откровенно реакционной, по крайней мере до начала 20-х годов XIX в., довольно отчетливо просматривалась и более или менее либеральная тенденция. Как указывал Ф. Энгельс, «монархам и реакционерам царизм проповедовал легитимизм, либеральным филистерам — освобождение народов и просвещение; и те и другие верили ему»³.

Хотя в заключительной части акта 14(26) сентября 1815 г. прямо указывалось, что его текст «написан тройне», уже лавно установлено, что автором и ини-

² ВПР, т. VIII, № 231, стр. 517—518 (подчеркнуто нами.— И. Б.).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 34.

дипломатом этого не совсем обычного в истории дипломатии документа был Александр I, собственноручно написавший первоначальный проект Священного союза⁴. В некоторых случаях, правда, высказывались предположения, что русский царь действовал не самостоятельно, а под влиянием баронессы Крюденер, французского адвоката и философа Никола Бергасса и даже прусского короля Фридриха Вильгельма III⁵.

Ряд новых архивных документов, в частности два неизвестных ранее проекта Священного союза, собственноручно написанных Александром I и опубликованных в VIII томе «Внешней политики России», не оставляют никаких сомнений в решающей роли русского царя⁶. Идея братского союза монархов для обеспечения всеобщего мира и спокойствия (а по сути дела существующего порядка) прочно овладела воображением Александра Павловича, и он ждал удобного случая, чтобы увековечить ее в самой торжественной форме. Первоначально царь хотел приурочить этот акт к окончанию Венского конгресса и даже говорил об этом с лордом Каслри. Неожиданное возвращение Наполеона с о-ва Эльбы заставило его на некоторое время отложить осуществление этого плана⁷.

В сентябре 1815 г. долгожданный момент наконец наступил. 160 тыс. русских солдат были собраны в Вертю, недалеко от Шалона. В присутствии царя, австрийского императора и прусского короля в течение 10, 11 и

⁴ Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. IV, ч. 1, стр. 2; Каслри — Ливерпулю, 28 сентября 1815 г.— British Diplomacy 1813—1815, ed. by Ch. K. Webster. London, 1921, p. 382.

⁵ См., например, R. F. Eybert. Charakterzüge und historische Fragmente aus dem Leben des Königs von Preussen, Friedrich Wilhelm III, T. 2. Magdeburg, 1845, S. 248—249; А. Дебидур. Дипломатическая история Европы, т. I. Священный союз. М., 1947, стр. 118—119. Полезный, хотя и далеко не полный, обзор работ о происхождении Священного союза опубликовал в 1941 г. Е. Дж. Кнэптон. Еще ранее он убедительно показал, что баронесса Крюденер по существу не имела прямого отношения к подготовке акта от 14(26) сентября 1815 г. (E. J. Knapton. The Origin of the Treaty of Holy Alliance.— «History», New Ser., Vol. XXVI (Sept. 1941), p. 132—140; *idem*. The Lady of the Holy Alliance. The Life of Julie de Krüdener. New York, 1939).

⁶ ВПР, т. VIII, № 225 и прим. 268, стр. 502—505, 692—693.

⁷ British Diplomacy 1813—1815, p. 382—384; Н. М. [Романов.] Император Александр I. Опыт исторического исследования, т. I—II. СПб., 1912, т. I, стр. 245.

12 сентября происходил грандиозный военный и религиозный спектакль. Вслед за военным парадом состоялась не менее торжественная религиозная церемония⁸. Стройные колонны войск, церковная служба, звон колоколов и песнопение — все это должно было символизировать единство союзных монархов, могущество России и ее императора Александра I.

Сразу же после этого величественного представления Александр I вернулся в Париж, где и занялся составлением текста задуманного им акта, который призван был венчать «спасительное дело мира», «христианского братства» и союза главных европейских монархов. По свидетельству секретаря и переводчика И. А. Каподистрии в Париже А. С. Стурдза, царь «собственноручно начертил вчерне проект братского и христианского союза» и поручил затем своему новому помощнику по иностранным делам, не внося серьезных изменений по существу, придать документу необходимую дипломатическую форму. Для переписки и отделки «выражений сего акта» Каподистрия привлек А. С. Стурдза. Сделанные ими редакционные исправления и «мелочные перемены» получили полное одобрение царя, который, однако, не согласился с разделением акта на четыре статьи вместо первоначальных трех⁹.

Как нам представляется, Александру I нельзя в данном случае отказать в последовательности. Составленный им проект торжественного акта не только начинался традиционной формулой «Во имя пресвятой и нераздельной троицы». Первоначальными участниками союза стали три европейских государя — император австрийский, король прусский и император всероссийский. Договор органически должен был состоять из трех статей, а его текст, как указывалось в царском проекте, был написан «втройне» (*fait triple*).

Мы не знаем, обращал ли кто-нибудь внимание на все эти характерные и любопытные совпадения, но Каподистрия и Стурдза, предлагая разделить акт на четыре статьи, явно не уловили композиционную стройность царского замысла. Впрочем, они были не одиноки.

⁸ W. P. Cresson. *The Holy Alliance*. New York, 1922, p. 30, 40.

⁹ А. С. Стурдза. Воспоминания о жизни и деяниях графа И. А. Каподистрии, правителя Греции. М., 1864, стр. 69—70.

И речь идет не только об архитектонике проекта Александра I, но и о реальном содержании и целях Священного союза.

Проект союза, которым так гордился русский император, не вызвал энтузиазма даже у его августейших коллег — Франца I и Фридриха Вильгельма III. Познакомившись с царским произведением, Франц I был явно обеспокоен содержащимися в нем высокими идеалами и поспешил передать проект на заключение своему многоопытному министру иностранных дел. В литературе часто приводился знаменитый отзыв К. Меттерниха, назвавшего высокопарное творение русского царя «пустым и звонким документом». Австрийский министр даже утверждал, что этот документ вообще не имеет «никакого значения и смысла» и его следует рассматривать лишь «как филантропическое пожелание, облаченное в религиозную фразеологию»¹⁰. Надо сказать, однако, что в действительности сам Меттерних имел прямое отношение к подготовке окончательного текста, внося несколько редакционных по форме, но важных по существу поправок, которые придали всему акту гораздо более определенное и достаточно недвусмысленное значение контрреволюционного союза монархов. О роли же австрийского министра стало хорошо известно лишь после того, как в 1928 г. Вернер Нёф опубликовал первоначальный проект Александра I и поправки, внесенные К. Меттернихом¹¹.

Заменяя в первой статье расплывчатые слова «подданные трех договаривающихся сторон» на совершенно конкретную формулу «три договаривающихся монарха», австрийский дипломат сразу же придал всему проекту вполне определенное антинародное звучание союза трех августейших государей, которые должны были подавать «друг другу пособие, подкрепление и помощь». Слова преамбулы о необходимости замены старого «образа взаимных отношений» порядком, «основанным единственно на высоких истинах», К. Меттерних предложил вообще исключить, зато специально добавил вставку о

¹⁰ C. W. L. Metternich. Mémoires, documents, écrits divers... Paris, 1880, vol. I, p. 209—212.

¹¹ W. Näf. Zur Geschichte der Heiligen Allianz. Bern, 1928 (Berliner Untersuchungen zur allgemeinen Geschichte, Heft 1), S. 34—37.

монархах как «отцах семейства», подчеркивая тем самым абсолютную естественность и очевидность их власти над своими подданными (ст. I). Как отметил в своей книге об эпохе Священного союза хорошо известный ныне Генри Киссинджер, поправки Меттерниха имели «фундаментальное значение»¹².

Государственному секретарю и советнику президента США по вопросам национальной безопасности нельзя отказать в правильном понимании существа дела. И хотя его утверждение, быть может, звучит слишком категорически, не приходится сомневаться, что изменения, внесенные министром иностранных дел Австрии, в немалой степени облегчили в дальнейшем использование Священного союза в целях подавления революционного и освободительного движения народов. Лишь после многочасового разговора К. Меттерниху удалось склонить Александра I к принятию всех предложенных изменений. Сообщая Францу I о согласии с поправками, внесенными австрийской стороной, царь вместе с тем многозначительно заметил, что они не затрагивают «цели и истинный смысл» предложенного им акта¹³. Особое удовлетворение царю доставило то обстоятельство, что подписание акта Священного союза произошло в Париже — «самой *нерелигиозной* (irreligious) столице в Европе»¹⁴.

Сразу же после подписания торжественного акта три европейских монарха обратились к принцу-регенту Великобритании Георгу с прочувственным посланием, в котором приглашали своего «брата» и «кузена» присоединиться к заключенному союзу. «Вы убедитесь,— указывалось в послании,— что он имеет целью укрепить связующие нас узы, объединив все христианские народы в одну единую семью и обеспечив тем самым под покровом всевышнего благоденствие, спасение, блага мира и навеки нерушимые узы братства. Мы глубоко сожалели, что в. к. выс-во не были с нами в торжественный момент заключения этого соглашения. Мы при-

¹² H. A. Kissinger. A World Restored. Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace 1812—22. Boston, 1957, p. 189.

¹³ Александр I — Францу I, 13(25) сентября 1815 г.— *W. Näf*. Op. cit., S. 38.

¹⁴ Каслри — Ливерпулю, 28 сентября 1815 г.— *British Diplomacy 1813—1815*, p. 384.

глашаем Вас, как нашего первого и самого близкого союзника, присоединиться к нему и внести вклад в дело, направленное единственно лишь к благу человечества...»¹⁵

В данном случае, однако, Александру I и его августейшим коллегам пришлось иметь дело не с абсолютным монархом, а государем, власть которого ограничивалась парламентом и правительством Великобритании. Религиозный восторг Александра I, рассуждения о «благе человечества», «всеобщем мире» и т. п. не вызвали у расчетливых и трезвых британских министров никакого энтузиазма, а породили лишь подозрения и насмешки. «Дело в том,— язвительно писал лорд Каслри,— что рассудок императора не совсем в порядке. В прошлом году было много оснований опасаться стремления к захватам и господству. В настоящее время общее мнение состоит в том, что он намерен искать свою славу в принципе *мира и благотворительности*»¹⁶. В конечном итоге британский кабинет нашел, что подписание принцем-регентом «акта о присоединении» является совершенно неуместным. «Этот шаг,— по словам Р. Ливерпуля,— был бы несовместим со всеми формами и принципами» английского правительства. Раздражать победоносного царя и спорить с ним по поводу христианских принципов британские министры не хотели, и выход был найден в хитроумной процедуре написания Георгом «собственноручного письма» (an autographical letter), в котором принц-регент давал «свою полную санкцию» святым принципам и обещал сотрудничать со своими августейшими союзниками во всех действиях, которые могли бы способствовать «миру и счастью человечества»¹⁷.

Касаясь этого вопроса, секретарь Меттерниха Фридрих Гентц не без схидаства заметил: «Принц-регент, то ли

¹⁵ Александр I, Фридрих Вильгельм III и Франц I — английскому принцу-регенту Георгу, 14 (26) сентября 1815 г. — ВПР, т. VIII, № 232, стр. 518—519.

¹⁶ Каслри — Ливерпулю, 28 сентября 1815 г. — British Diplomacy 1813—1815, p. 384.

¹⁷ Ливерпуль — Каслри, 3 октября 1815 г. — British Diplomacy 1813—1815, p. 385—386. Письмо принца-регента Великобритании от 26 сентября (8 октября) 1815 г. относительно акта Священного союза см.: Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XI, № 425, стр. 242; W. Näf. Op. cit., S. 41.

по небрежности, то ли для того чтобы сделать приятное или даже чтобы посмеяться над своим августейшим союзником (последнее вполне возможно, если учесть, что его подпись без контрассигнации не имела никакого значения), ответил собственноручным письмом о присоединении к договору»¹⁸.

В течение 1815—1817 гг. к Священному союзу присоединились все европейские государства и монархи за исключением Англии, римского папы и турецкого султана¹⁹. Поскольку акт Священного союза имел очевидную религиозную окраску, участие последнего в принципе исключалось с самого начала. Это обстоятельство, кстати, привело к широкому распространению мнения об антитурецкой направленности акта. Известно, например, что еще Гервинус утверждал, что, ограничивая действие Священного союза христианскими и цивилизованными странами, император Александр I втайне надеялся при содействии этого союза разрушить Оттоманскую империю и захватить Константинополь²⁰.

Довольно быстро выяснилось, однако, что турецкий султан рассматривается своими «просвещенными» собратьями в качестве законного главы не только мусульманских, но и христианских народов, населявших Османскую империю. Общность классовых интересов и в данном вопросе оказалась куда более существенной и важной, чем все различия в области идеологии и вероисповедания. Придавая Священному союзу совершенно исключительное значение, Александр I позаботился о том, чтобы официальные цели этого акта были подробно разъяснены как в самой России, так и за ее пределами. Издание царского манифеста было приурочено к церковным торжествам по случаю рождества — 25 декабря 1815 г. (6 января 1816 г.)²¹. Наряду с религиозными проповедями по всей стране зачитывался манифест Александра с изложением христианских принципов Священного союза.

¹⁸ *F. Gentz. Dépêches inédites du chevalier de Gentz...* Paris, 1876, t. I, p. 217.

¹⁹ *W. A. Phillips. The Confederation of Europe.* New York, 1966, p. 143.

²⁰ *Ф. Мартенс. Собрание трактатов...*, т. IV, ч. I, стр. 3 с ссылкой: *Gervinus. Geschichte des XIX Jahrhunderts*, Bd. I, S. 239.

²¹ ПСЗРИ, т. XXXIII, стр. 417.

Несколько позже царь поручил разъяснить цели Священного союза и русским представителям в иностранных государствах, в связи с чем он написал 18(30) марта 1816 г. пространное письмо своему послу в Лондоне графу Х. А. Ливену. Отвергая всякие предположения о существовании захватнических планов и враждебных намерениях в отношении нехристианских стран, Александр I подчеркивал, что он и его союзники преследуют те же благородные цели, которые вдохновляли их в прошедшей великой борьбе в Европе, и стремятся лишь более действенно применять в будущем христианские идеи мира, согласия и любви²².

«Христианские принципы» и «благородные идеалы» в действительности обернулись феодально-аристократической реакцией, подавлением революционных и освободительных движений, насилием и произволом. «Решительно все державы-победительницы,— писал Ф. Энгельс,— рассматривали падение Наполеона как *гибель французской революции* и торжество принципа легитимизма. Результатом этого, само собой разумеется, было восстановление этого принципа в своем отечестве, сначала под прикрытием таких сентиментальных фраз, как «Священный союз», «вечный мир», «общественное благо», «взаимное доверие между государем и подданными» и т. д. и т. д., а затем и без всякого прикрытия, при помощи штыка и тюрьмы»²³.

Неопределенные формулы Священного союза были дополнены условиями так называемого Четверного союза, заключенного 8(20) ноября 1815 г. Россией, Австрией, Великобританией и Пруссией в форме совершенно идентичных двусторонних актов²⁴. Именно это соглашение создало юридическую базу для созыва в дальнейшем конгрессов союзных держав (в литературе их называют обычно конгрессами Священного союза), на которых обсуждались меры для сохранения существующего порядка и подавления революционного движения

²² Н. К. Шильдер. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Изд. 2-е, т. III. СПб., 1905, стр. 552—553; Н. М. [Романов.] Указ. соч., т. I, стр. 171—172.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 567.

²⁴ См.: ВПР, т. VIII, № 273, стр. 609—614, 709—711; Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. IV, ч. 1, стр. 28—34.

в Европе. «Дабы еще более обеспечить и облегчить исполнение условий сего трактата и утвердить тесные узы, коими ныне все четыре монарха ко благу мира соединены взаимно,— гласила знаменитая ст. VI Четверного союза,— высокие договаривающиеся стороны условились возобновлять в определенные времена, будь то при непосредственном участии государей или через уполномоченных к тому министров, совещания для рассуждения о пользах общих и для рассмотрения мер, кои во времена каждого из сих собраний будут сочтены самыми полезными для спокойствия и благоденствия народов и охранения мира всей Европы».

В известной монографии Ч. Уэбстера о политике Р. Каслри убедительно показано, что действительным автором и инициатором данной статьи был британский министр иностранных дел²⁵. В русском проекте речь шла первоначально лишь о совещаниях, связанных с выполнением условий мирного договора с Францией, причем царское правительство стремилось прежде всего облегчить в будущем вывод союзных войск с оккупированной территории.

По настоянию лорда Каслри ст. VI был придан более универсальный характер. Совещания четырех держав должны были касаться не только Франции, но и европейской безопасности в целом. Таким путем британский министр рассчитывал усилить влияние Англии в Европе и по возможности ослабить или нейтрализовать роль царской России. Именно английская редакция ст. VI была включена в окончательный текст договоров Четверного союза и в результате была создана правовая основа для проведения в дальнейшем систематических консультаций. Таким образом, творцами реакционной системы Священного и Четверного союзов наряду с Александром I можно по праву считать также К. Меттерниха и Р. Каслри, которые сумели перевести расплывчатые христианские принципы на язык более определенных договорных обязательств.

²⁵ Ch. K. Webster. The Foreign Policy of Castlereagh, 1815—1822. London, 1925, p. 54—56; ВПР, т. VIII, стр. 700—701.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОД ЭГИДОЙ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА

История Священного союза достаточно хорошо известна, однако до последнего времени крайне мало внимания уделялось отношению Соединенных Штатов Америки к лиге европейских монархов. На первый взгляд, все как будто ясно и очевидно. Что общего может быть между передовым для своего времени республиканским правительством и реакционным союзом монархов, между представителями американской общественности и императором Александром I, между идеями народного суверенитета и принципами феодально-монархической дипломатии?

Буржуазно-республиканское правительство США действительно было своеобразным антиподом царской России, но это не мешало обоим государствам поддерживать между собой вполне нормальные и даже благожелательные отношения. Священный союз стал (особенно после 1820 г.) олицетворением феодально-монархической реакции, но первоначально к его созданию в Соединенных Штатах отнеслись совсем не так враждебно, как можно было предполагать. Даже такой решительный противник царского деспотизма и активный пропагандист республиканских принципов, как балтиморский еженедельник Х. Найлса «Уикли реджистер» в 1815—1816 гг. вполне одобрительно отзывался о политике Александра I и выступал сторонником сближения с Россией. Император Александр I, по словам Найлса, был «барьером» против уничтожения «хищными пруссаками и англичанами» французской нации¹. Коммен-

¹ «Weekly Register», September 9, 1815, Vol. IX, p. 258.

тируя в редакционной статье слухи о договоре между Россией и США, газета писала: «Мы довольны этими сообщениями; ... мы надеемся, что они могут быть осуществлены. В любом смысле интересы Соединенных Штатов требуют наилучших отношений с Россией; иметь добрые связи с США также и в ее интересах»².

В основе «прорусской» позиции влиятельного еженедельника в 1815—1816 гг. лежали не только распространенное мнение о либерализме Александра I, выступавшего в ореоле миротворца и освободителя Европы, но и вполне реальные расчеты на поддержку могущественной империи в случае новых осложнений с Англией. Издатель обращал внимание и на аналогичные побудительные мотивы политики царского правительства. «В интересах России,—писал Найлс в ноябре 1819 г.,—поощрять рост американского флота с тем, чтобы поставить барьер полному преобладанию на море Великобритании»³.

В Америке особенно высоко ценили стремление русского царя поддерживать «дружественные отношения с Соединенными Штатами»⁴. Продолжал в эти годы высоко отзываться о «достоинствах» Александра I и Томас Джефферсон, подчеркивавший, в частности, давнее расположение императора к Соединенным Штатам. Именно Александр I и проявленная им твердость в отношении Франции, по мнению Джефферсона, спасли эту страну от дальнейших несчастий, «а, быть может, и раздела»⁵.

Пересылая в Вашингтон копию «договора о тройственном союзе», поверенный в делах США в С.-Петербурге Леветт Гаррис в первую очередь отметил «возвышенные цели» нового соглашения. Вместе с тем американский дипломат выразил опасение, что этот договор вряд ли будет отвечать высоким целям, для которых он предназначен. «Если бы это было так,—

² «Weekly Register», September 7, 1816, Vol. XI, p. 17.

³ «Weekly Register», November 20, 1819, Vol. XVII, p. 181.

⁴ «National Intelligencer», 22.III 1817; «Weekly Register», July 26, 1817, Vol. XII, p. 345.

⁵ Т. Джефферсон — Дж. Логану, 15 октября 1815 г. и 23 июля 1816 г.— *Th. Jefferson. Writings*, 20 Vls. Washington, 1905, Vol. XIV, p. 354, Vol. XV, p. 48.

писал Гаррис,—мы увидели бы Европу готовой овладеть искусством мира, сразу же распустить те страшные комбинации, которые уже сдвинули мир с его оси и теперь угрожают завершить дело человеческого горя!» Поверенный в делах обратил внимание на сохранение Александром I огромных вооруженных сил, из которых 600 тыс. в соответствии с новой организацией в короткий срок могут быть доставлены «для действий в пределах сферы его политики или желаний (to operate within the sphere of his policy or ambition) ...Вы, сэр, легко можете себе представить,— продолжал Гаррис,— что подобная армия в данное время возбуждает здесь немало спекуляций, и более вероятно предположить, что она предназначается для скорой и активной службы, поскольку ее поддержание даже на родной земле поглотило бы государственный доход почти полностью»⁶.

В самих США общественность оказалась не столь подозрительной, и реакция печати на известие о подписании акта Священного союза была более или менее благожелательной. Так, в том же «Уикли реджистер» 6 апреля 1816 г. можно было прочесть об одобрении общественным мнением Соединенных Штатов проектов, которые предполагают укрепление международной солидарности и доброй воли⁷. Показательна в этой связи и сама форма сообщений американской печати о присоединении к Священному союзу монархов европейских стран: «Нидерландский король присоединился 1 июля к Священной лиге России, Австрии и Пруссии, считая, что она будет оказывать благоприятное влияние на состояние общества и взаимоотношения между странами»⁸. Связывая деятельность нового европейского союза с «консолидацией мира на земле», а также «устарением гнета налогов и громоздких военных учреждений», газета выражала надежду, что «члены Священной лиги» смогут в будущем претендовать на благодарность человечества⁹.

⁶ Л. Гаррис — Дж. Монро, 4(16) января 1816 г.—NA, DD, Russia, Vol. V.

⁷ W. P. Cresson. The Holy Alliance. New York, 1922, p. 48.

⁸ «New York Evening Post», 26.VIII 1816.

⁹ «New York Evening Post», 4.IX 1816.

Любопытным парадоксом истории остается факт восторженного отношения к Священному союзу со стороны пацифистских организаций, которые возникли в Соединенных Штатах почти одновременно с лигой европейских государств¹⁰. Первая такая организация — Нью-Йоркское общество мира — была основана в августе 1815 г. неким Д. Л. Доджем — автором антивоенного памфлета «Война несовместима с религией Иисуса Христа» (1815). Помимо чисто религиозных мотивов, Додж обратил внимание на огромный материальный ущерб, который принесли человечеству войны последних двух десятилетий. Прийти к такому выводу автору помогли убытки, понесенные его фирмой в результате захватов американских товаров воюющими сторонами¹¹.

Наиболее важный центр пацифистского движения в США возник в Бостоне (Массачусетс) по инициативе Н. Уорсестера, опубликовавшего в конце 1814 г. на свои скромные средства антивоенный трактат¹². Вместе со своими друзьями Уорсестер организовал 28 декабря 1815 г. в Бостоне собрание, на котором было основано Массачусетское общество мира и одобрена его конституция¹³.

Примечательно, что среди первых почетных членов общества был близкий друг Александра I глава Российского библейского общества князь А. Н. Голицын. В состав общества входили также многие влиятельные жители Бостона и его окрестностей, включая всех профессоров Гарвардского университета, бывшего губернатора Нью-Гэмпшира Д. Т. Гилмана, известного историка Фрэнсиса Паркмана и др. Общее число чле-

¹⁰ Об истории пацифистских организаций в США см.: *M. E. Curti. American Peace Crusade, 1815—1860. Durham (N. C.), 1929; P. Brock. Pacifism in the United States. From the Colonial Era to the First World War. Princeton, 1968, p. 449—481.*

¹¹ *D. L. Dodge. War Inconsistent with the Religion of Jesus Christ, ed. by E. D. Mead. Boston, 1905, p. 8—11, 28—30; M. E. Curti. Op. cit., p. 7; P. Brock. Op. cit., p. 458—459.*

¹² *M. E. Curti. Op. cit., p. 10; N. Worcester. A Solemn Review of the Custom of War. Boston, 1904.*

¹³ *A Circular Letter from the Massachusetts Peace Society... Cambridge, 1816, p. 14.* Цитируемая брошюра, как и ряд других редких пацифистских изданий общества, сохранилась в фондах ГПБ в Ленинграде. Основным печатным органом общества был «Friend of Peace», выходивший с перерывами вплоть до 1828 г.

нов общества в 1819 г. составляло 693, а в 1820 г. увеличилось до 932 ¹⁴.

Несмотря на представительный характер Массачусетского общества мира, его влияние в масштабах всей страны оставалось сравнительно ограниченным. Практичные американцы в своей массе довольно безразлично относились к высоким пацифистским и религиозным идеалам, которые проповедовали Додж, Уорсестер и их единомышленники. Серьезный удар пацифистскому движению нанесли также бывшие президенты США Джон Адамс и Томас Джефферсон, которые предпочли уклониться от официального участия в Массачусетском обществе ¹⁵.

Не найдя активной поддержки у наиболее влиятельных соотечественников, руководители американских пацифистов решили обратиться к русскому императору. Этот удивительный и беспрецедентный акт должен был символизировать общность христианских принципов и активную поддержку американскими пацифистами идей Священного союза. В обращении к Александру I 9 апреля 1817 г. Н. Уорсестер писал: «В ту же самую неделю, когда в России было объявлено о Священной лиге трех государей, в Бостоне была основана организация под названием Массачусетское общество мира, цель которого заключалась в распространении тех же самых принципов, которые открыто признаются замечательным союзом». Уорсестер отмечал далее, что Массачусетское общество будет стремиться предотвратить возможность повторения войны и «содействовать миру на земле и доброй воле между людьми». Одновременно американские пацифисты послали в С.-Петербург различные печатные издания общества ¹⁶.

В ответ на это необычное послание 4 июля 1817 г. царь выразил полное одобрение целям американских обществ мира и даже обещал, что всегда будет использовать свое влияние и силу для обеспечения «благ

¹⁴ О составе общества и его многочисленных филиалах см.: *Forth Annual Report of the Massachusetts Peace Society*; *Fifth Annual Report of the Massachusetts Peace Society*, p. 14; «*Friend of Peace*», I, N 10, p. 34—35 etc.

¹⁵ «*New York Evening Post*», 10.XII 1816; «*Friend of Peace*», I. N 4; *Th. Jefferson. Writings*, Vol. XVIII, p. 298—299.

¹⁶ «*Friend of Peace*», I, N 10, p. 27—28.

мира» всем народам¹⁷. «Благородный» Александр I, как мы видим, успешно разыгрывал «роль героя либерализма»¹⁸ не только во всей Европе, но и в Америке.

Восторженные почитатели Александра I в Соединенных Штатах были явно польщены вниманием русского государя, и вице-президент Массачусетского общества Т. Дауес поспешил заявить о полной поддержке деятельности союза европейских монархов. «Священная лига августейших государей, в которой император всея Руси принимает столь видное участие, является твердым признаком широкого распространения (prevalance) в будущем дела мира...»¹⁹

Шестнадцать американских обществ мира в различных штатах официально одобрили принципы Священного союза, а орган массачусетских пацифистов «Френд оф пис» открыто призывал правительство США добиваться вступления в этот союз: «Друзья мира в этой стране искренне надеются, что ни в конституции Соединенных Штатов, ни в расположении наших руководителей в настоящее время не будет найдено ничего, что могло бы служить препятствием для решительного одобрения мирных принципов со стороны американского правительства»²⁰.

Даже после Аахенского конгресса, когда подлинная сущность союза европейских монархов стала более очевидной, американские почитатели Александра I продолжали восхищаться его действиями. Вполне определенно они выразили свое одобрение и самому Аахенскому конгрессу, явившемуся «результатом того же духа и тех же самых убеждений, которые породили Священный союз в 1815 г. С того времени и вплоть до настоящего момента, судя по информации, которой мы располагаем, ряд держав, объединившихся в этом союзе, проводили миролюбивую политику. Их публичные действия дают,

¹⁷ «Friend of Peace», I, N 10, p. 28. Переписка американских пацифистов с русским самодержцем, естественно, привлекла внимание общественности США и публиковалась в ряде наиболее влиятельных газет и журналов (см., в частности: «Weekly Register», October 18, 1817, Vol. XIII, p. 124).

¹⁸ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 14, стр. 511.

¹⁹ «Friend of Peace», I, N 11, p. 6.

²⁰ «Friend of Peace», I, N 10, p. 25—26.

как мы полагаем, мало оснований для возникших подозрений в интриганстве и неискренности. С тех пор имелось много примеров действий императора Александра, позволяющих верить, что он был искренен, заявляя о своем желании предотвратить повторение войны»²¹.

Активным защитником политики Александра I выступал и балтиморский журналист, поэт и историк Поль Аллен, подчеркивавший беспрецедентную умеренность русского царя за столом переговоров после победы над Наполеоном. Издавая книгу Э. Гиббона об Александре I (1819), П. Аллен сопроводил ее специальным дополнением, где подробно изложил свои взгляды в отношении русского царя и Священного союза. По мнению Аллена, этот союз воплощал надежду человечества на сохранение вечного мира и был призван служить «высоким святым судом для защиты религии, справедливости и мира»²².

Между тем общий тон газетных комментариев и настроение американской общественности начали меняться. Так, в июле 1817 г. полуофициальный «Нэшнл интеллидженсер» (Вашингтон), хотя и резервировал свой окончательный вывод до получения более полной информации, тем не менее рассматривал Священный союз скорее как договор для территориальных захватов, чем средство распространения религиозных принципов²³. «Уикли реджистер» теперь уже отмечал, что ни один мыслящий человек не может серьезно полагаться на дружбу стран, которые управляются монархами, и что различие в идеологиях Америки и европейских правительств слишком велико, чтобы между ними могла существовать настоящая взаимная симпатия²⁴. Наконец, бостонский «Норт Америкэн ревью» справедливо обратил внимание на противоречие между миролюбивыми принципами европейских государей и их огромными вооруженными силами и заметил, что «торжественный фарс»

²¹ «Friend of Peace», II, N 3, p. 30; B. P. Thomas. Russo-American Relations 1815—1867. Baltimore, 1930, p. 29.

²² W. E. Nagengast. Russia through American Eyes, 1781—1863, p. III—23, 24.—Harvard University. Houghton Library.

²³ «National Intelligencer», 8.VII 1817.

²⁴ «Weekly Register», August 30, 1817, Vol. XVIII.

Священного союза скорее ухудит зло, чем его уничтожит²⁵.

Наиболее пронизательным был, пожалуй, саркастический отзыв государственного секретаря Дж. К. Адамса, который не только решительно осудил упоминавшуюся ранее переписку Н. Уорсестера с Александром I, но и выразил справедливые сомнения в отношении действительных целей союза европейских монархов. Мир на языке сильного, по замечанию государственного секретаря в письме к его другу Александру Эверетту от 29 декабря 1817 г., всегда означал подчинение слабого воле сильного. «...Филип Македонский,— писал Адамс,— очень активно переписывался с обществом мира в Афинах и с его помощью заглушил и преодолел все красноречие Демосфена. На берегах Невы Александр не такой близкий и не такой опасный для нас сосед, как Филип для жителей Афин, но я боюсь, что его любовь к миру носит тот же характер, что и у Филипа Македонского...»²⁶

Язвительный тон письма достаточно ясно передает резко отрицательное отношение государственного секретаря к пацифистской фразеологии Александра I и его заокеанских корреспондентов. В то же время следует иметь в виду, что Дж. К. Адамс был прекрасно осведомлен о благожелательном отношении русского царя к Соединенным Штатам и в этом смысле специально выделял Александра I из среды других европейских монархов²⁷.

Хотя все вышеизложенное касается главным образом борьбы мнений внутри Соединенных Штатов, лишь на основе этого общего фона и с учетом двойственной реакции американской общественности на известие о создании Священного союза можно правильно разобраться в возникновении у царского правительства идеи склонить США присоединиться к акту от 14(26) сентября 1815 г. Сам по себе вопрос о привлечении США к уча-

²⁵ «North American Review», Vol. VI, 1817, p. 42. Об отношении США к системе европейских государств см.: *E. H. Tatum. The United States and Europe 1815—1823.* Berkeley, 1936 (reprinted: New York, 1967), p. 29—85.

²⁶ Дж. К. Адамс — А. Х. Эверетту, 29 декабря 1817 г.— *J. Q. Adams. Writings, 7 Vols.* New York, 1913—1917, Vol. VI, p. 280.

²⁷ *Ibid.*, Vol. V, p. 43, Vol. VI, p. 139 etc.

стию в Священном союзе не пов и уже давно обсуждался в специальной литературе (Дж. Хилдт, У. Крессон, Б. Томас и др.). Многие историки (особенно европейские) были склонны, однако, рассматривать попытку царского правительства добиться присоединения заокеанской республики к Священному союзу как более или менее изолированное событие, историческую случайность или даже личную странность императора Александра I²⁸. Как правило, исследователи привлекали сравнительно узкий круг материалов (преимущественно американских) и практически не были знакомы с русскими источниками. Показательно в этой связи, что автор специального труда по этому вопросу проф. Пиренн ограничился по существу пересказом уже известных документов и не только не привлек новых архивных источников, но даже не использовал дневника Дж. К. Адамса, сославшись на то, что он отсутствует в западноевропейских библиотеках²⁹. Эти обстоятельства лишней раз свидетельствуют о необходимости вновь обратиться к рассмотрению данной проблемы с учетом как американских, так и русских первоисточников.

Прежде всего следует отметить, что глубокие и принципиальные изменения, происшедшие во всей системе международной политики к 1815 г.,— заключение Гентского договора и окончание англо-американской войны, разгром наполеоновской Франции, подписание заключительного акта Венского конгресса и, наконец, создание Священного союза,— казалось, почти не затронули русско-американских отношений и первоначально не предвещали каких-либо серьезных перемен. Американский поверенный в делах в С.-Петербурге Л. Гаррис с удовлетворением и гордостью сообщал в мае 1815 г., что во время войны, которая недавно закончилась столь почетно, американцы пользовались в России «самым

²⁸ К. *Waliszewski*. Le règne d'Alexandre 1-er, t. II. Paris, 1924, p. 300; Ch. K. *Webster*. The Foreign Policy of Castlereagh, 1815—1822; Britain and European Alliance, 2nd ed. London, 1934, p. 58—59; P. *Renouvin*. Histoire des relations internationales, t. V. Paris, 1954, p. 30—31.

²⁹ J. H. *Pirenne*. Les tentatives russes en vue d'obtenir l'adhésion des États-Unis à la Sainte-Alliance d'après quelques documents connus, 1816—1820.—«Revue belge de philologie et d'histoire», t. XXXIV, N 2, 1956, p. 433—441.

исключительным вниманием». «Наше дело поддержали даже с энтузиазмом»,— писал Гаррис и далее обращал внимание государственного секретаря на то, что при дворе его, несмотря на более низкий ранг, принимали с тем же вниманием и почетом, что и британского посла, а на последнем званом обеде в присутствии нескольких министров поднимались тосты в честь американской армии и генерала Джексона³⁰. Позднее Гарриса специально заверили в том, что последняя война с Великобританией повысила престиж американцев в глазах великих европейских держав и это будет иметь «немалые последствия» в будущих отношениях с американской республикой³¹.

В самой предварительной и общей форме вопрос о вступлении Соединенных Штатов в Священный союз был впервые поставлен новым статс-секретарем по иностранным делам И. А. Каподистрией в беседе с Л. Гаррисом 4 августа 1816 г. Касаясь перспектив взаимоотношений России и США, Каподистрия заметил, что царь никогда прежде «не испытывал большего желания иметь дружеские связи с Соединенными Штатами, чем в настоящее время». Все затронутые Гаррисом проблемы отношений России, США и Англии получили от русского статс-секретаря самые положительные заверения в поддержке. «Я могу утверждать,— делал вывод Гаррис,— что никогда еще за время моего долгого пребывания здесь мне не приходилось быть свидетелем более сердечного намерения содействовать интересам моей страны, чем то, которое существует у русского правительства в настоящий момент». В заключение полтора часовой беседы с американским поверенным в делах русский министр информировал Гарриса о том, что он занят подготовкой сообщения о «трехстороннем договоре государей России, Австрии и Пруссии, именуемом Священным союзом, для того чтобы узнать позицию в этом вопросе американского правительства». Каподистрия заявил далее, что, «если Соединенные Штаты согласятся

³⁰ Л. Гаррис — Дж. Монро, 14(26) мая 1815 г., № 5.— NA, RG 84 (American Legation, St.-Petersburg, Various Documents Received), Vol. 4326; DD, Russia, Vol. V.

³¹ Л. Гаррис — Дж. Монро, 16 (28) сентября 1816 г., № 10.— Ibidem.

присоединиться к этому договору, император воспримет это положительно³². Несмотря на существование за границей различных мнений в отношении этой лиги, она представляет собой лишь торжественный союз, созданный для сохранения мира в Европе, и пока Россия сохраняет свою настоящую силу, этот мир не будет нарушен».

Со своей стороны Л. Гаррис заверил, что мир всегда являлся «ведущей чертой» политики Соединенных Штатов и есть все основания полагать, что в ближайшее время американцев вряд ли заставят отойти от этой системы. Вместе с тем он предпочел уклониться от прямого ответа на сообщение И. А. Каподистрии, сославшись на предстоящий приезд в С.-Петербург нового американского посланника Уильяма Пинкни. Последний, естественно, будет лучше подготовлен для ответа на вопрос об отношении правительства США к поставленной проблеме. И. А. Каподистрия, по всей видимости, вполне разделял справедливость этого мнения и согласился отложить дело «до того времени, пока он не познакомится с г-ном Пинкни»³³.

Новый посланник приехал в С.-Петербург лишь 7 января 1817 г. Прием, оказанный ему в русской столице, отличался исключительным гостеприимством и доброжелательностью. В первый день Нового года по старому стилю У. Пинкни был принят Александром I, который в самых решительных выражениях заверил посланника в своем желании развивать дружественные отношения с Соединенными Штатами и отметил существование «поразительного сходства между двумя странами». Особого внимания американский посланник был удостоен и во время грандиозного новогоднего приема. В течение продолжительного времени в присутствии 18 тыс. зрителей У. Пинкни беседовал с членами царской семьи, что, по мнению многоопытного Л. Гарриса, было беспрецедентным, особенно, если учитывать, что американский посланник был министром второго класса. «Этот публичный знак внимания в адрес американского посланника стал предметом всеобщего обсуждения в придворных

³² Букв.— с уважением (with deference).

³³ Л. Гаррис — Дж. Монро, 24 июля (5 августа) 1816 г., № 19.— NA, RG 84, Vol. 4328; DD, Russia, Vol. V.

кругах и предоставил новое и счастливое свидетельство уважения, с которым здесь продолжают относиться к нашей стране»³⁴.

Радужный прием, оказанный новому американскому посланнику в С.-Петербурге, возбудил множество толков. В известной мере он озадачил и самих американцев. Впрочем, последние довольно быстро нашли правдоподобное и, по-видимому, близкое к истине объяснение — могущественная самодержавная Россия, столкнувшись с открытым, а чаще с тайным противодействием со стороны своих недавних союзников, и в первую очередь Великобритании, стремилась заручиться поддержкой заокеанской республики. Секретарь американской миссии У. Кинг, сообщая о своих первых наблюдениях в С.-Петербурге, писал Дж. Монро: «Мне удалось обнаружить, что между Россией и Англией существует сильное соперничество; огромные военные силы императора, достигающие одного миллиона человек, подозрительно рассматриваются Англией и вызывают тревогу континентальных держав... В таких условиях растущее значение Соединенных Штатов как морской державы, естественно, привлекает внимание всех и особенно России, которая полагает, что они в недалеком будущем станут соперником Англии»³⁵.

По ряду причин миссия У. Пинкни не привела к каким-либо серьезным практическим последствиям. Сам посланник не был расположен надолго задерживаться в С.-Петербурге и уже 2 мая 1817 г. просил государственного секретаря передать президенту просьбу о немедленном отзыве, ссылаясь при этом на состояние здоровья и непомерные расходы. Пинкни утверждал, что еще одна зима в России непременно его погубит³⁶.

³⁴ У. Пинкни — Дж. Монро, 28 января (н. ст.) 1817 г., Л. Гаррис — Дж. Монро, 7 (19) января 1817 г., № 26.— NA, DD, Russia, Vol. VI.

³⁵ У. Кинг — Дж. Монро, 29 января 1817 г.— Ibidem.

³⁶ У. Пинкни — государственному секретарю, 2 мая 1817 г.— Ibidem. В письме от 12 декабря 1817 г. Дж. К. Адамс сообщил о согласии президента на возвращение посланника в США и одновременно просил информировать русское правительство, что его отъезд является результатом собственных представлений, а «не какого-либо ослабления дружественного расположения» к России. Хотя известие о согласии американского правительства на отзыв Пинкни было получено лишь в мае 1818 г., уже в феврале в связи с ухудшением

В свою очередь царское правительство, не будучи уверено в положительной реакции Соединенных Штатов на предложение о присоединении к лиге европейских государств, предпочитало действовать в предварительной и неофициальной манере. Для этой цели было решено использовать нового русского посланника в Вашингтоне барона Ф. В. Тейля, для которого и были первоначально подготовлены специальные инструкции, утвержденные царем 7(19) июля 1817 г. «Поскольку до сих пор не было случая выяснить позицию федерального правительства» и «не зная о природе конституционных препятствий для подобного соглашения», император не считал возможным обращаться к Соединенным Штатам «с каким-либо официальным приглашением». В этой связи новому посланнику в первую очередь поручалось выяснить точку зрения американского правительства. Убедившись в благожелательном отношении вашингтонского кабинета, Тейль должен был вступить в переговоры с государственным секретарем и подробно разъяснить цели и задачи Священного союза, руководствуясь при этом «циркулярным рескриптом... от 22 марта 1816 г. и соображениями по этому поводу, датированными 4 мая 1817 г. и включенными в № 36 «*Conservateur Impartial*»». Для доказательства «чистоты намерений», лежавших в основе Священного союза, к инструкции прилагали текст акта от 14(26) сентября 1815 г. и царский манифест, сопровождавший его публикацию.

Свои разъяснения посланник должен был дополнить «заверением в том, что император с удовольствием рассматривал бы присоединение Соединенных Штатов» к акту от 14(26) сентября 1815 г. Из содержания инструкции видно, что царское правительство не усматривало принципиальных препятствий для официального участия США в Священном союзе и ссылалось в этой связи на пример Швейцарских кантонов. Вместе с тем в инструкции особо оговаривалось, что посланник не должен предпринимать каких-либо действий до тех пор,

состояния здоровья посланник решил уехать из С.-Петербурга, оставив в качестве временного поверенного в делах своего сына Чарлза (см.: Дж. К. Адамс — У. Пинкни, 12 декабря 1817 г.— NA, DI, AC, Vol. VIII, p. 175—176; У. Пинкни — Дж. К. Адамсу, 2 (14) февраля 1818 г.— NA, DD, Russia, Vol. IV; У. Пинкни — Дж. К. Адамсу, 13 мая 1818 г.— Ibid., Vol. VII).

пока не убедится в том, что присоединение к Священному союзу «не встречает сопротивления в общественном мнении» Соединенных Штатов³⁷.

В русских дипломатических кругах, как мы видим, присоединение Соединенных Штатов к акту от 14(26) сентября 1815 г. не только допускалось, но и считалось вполне возможным и желательным. Такого же мнения придерживался и царский посланник в Соединенных Штатах А. Я. Дашков, который, сообщая о приходе к власти новой администрации президента Монро, заверил своего лондонского коллегу графа Х. А. Ливена в том, что у американского правительства существует намерение «просить о вступлении в Священную лигу»³⁸. В данном случае русский посланник выдавал желаемое за действительное, явно переоценивая активность американских пацифистов и восторженные сообщения некоторых газет.

Хотя миссия Тейля в 1817 г. не состоялась, вопрос об участии США в Священном союзе не только не был снят с повестки дня, но и получил дальнейшее развитие в инструкциях новому русскому посланнику в Вашингтоне П. И. Полетике от 18(30) апреля и 9(21) ноября 1818 г.³⁹ По мнению царского правительства, при-

³⁷ «Memoire destiné à servir d'Instruction au Général Major Baron Tuyl...» Утверждено Александром I 7 (19) июля 1817 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 12182, лл. 13—15 (Alliance fraternelle et chrétienne).

³⁸ А. Я. Дашков — Х. А. Ливену, 22 февраля (6 марта) 1817 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 12184, л. 5.

³⁹ И. А. Каподистрия — П. И. Полетике, Варшава, 18(30) апреля 1818 г. и К. В. Нессельроде — П. И. Полетике, Аахен, 9(21) ноября 1818 г.—«АНР», Vol. XVIII, N 2, January 1913, p. 310—315. Подлинники инструкций вместе с многочисленными приложениями см.: АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 14, лл. 15—20, 60—64 и др. П. И. Полетика (1778—1848) был сотрудником Д. П. Татищева, служил в Неаполе, Мадриде и Лондоне. В 1810—1812 гг. находился в Соединенных Штатах в качестве советника русской миссии. Состоял членом литературного общества «Арзамас», где получил прозвище «Очарованный челнок». Весной 1816 г. Полетика писал С. Р. Воронцову из России, что проводит время в узком кругу друзей: «Мы говорим с полной свободой и рассуждением так же, как в палате депутатов в Париже или королевском парламенте в Лондоне» («Архив кн. Воронцова», кн. XXX. М., 1884, стр. 437). По своим взглядам Полетика тяготел к либеральным кругам, в связи с чем и заслужил расположение братьев Н. И. и С. И. Тургеневых (см.: *Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу.* М.—Л., 1936, стр. 57, 257). О раннем периоде жизни и деятельности П. И. Полети-

соединение США к союзу европейских стран вызывается «их собственными интересами». Последняя война с Англией должна рассматриваться как «неизбежный результат системы изоляции», и очевидно, что, если Соединенные Штаты будут продолжать следовать своей настоящей системе, события 1812 г. могут повториться. На кого же они в этом случае смогут опереться и «какая держава будет считать себя вправе поднять голос в их защиту?»,— задавал вопрос К. В. Нессельроде и недвусмысленно намекал на возможную поддержку Священного союза, и в частности России. Соблазняя США перспективой помощи при возникновении осложнений с Англией, руководители царского правительства в свою очередь стремились привлечь Вашингтон к сотрудничеству с монархическим альянсом в деле поддержания «порядка», христианской религии, справедливости, «устойчивости европейской системы» и т. д.⁴⁰ Как показывают секретные протоколы Аахенского конгресса, царское правительство (в первую очередь Каподистрия) стремилось привлечь США к участию в конгрессе, объединив их в дальнейшем с членами «великого союза». В русском МИД считали, что «установление отношений доверия с США» обеспечит России «весьма выгодную позицию по сравнению с Англией и Испанией»⁴¹.

Приехав в США весной 1819 г., П. И. Полетика сначала внимательно ознакомился с общей обстановкой в стране и лишь 17 июля решился наконец поставить перед американским правительством вопрос о возможном

ки см.: «Воспоминания Петра Ивановича Полетики». — «Русский архив», 1885, кн. III, стр. 305—336.

⁴⁰ См. инструктивные письма К. В. Нессельроде и Александра I П. И. Полетике от 9(21) ноября 1818 г. — АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 14, лл. 61—62, 65. Комментируя известия о стремлении России добиться присоединения США к Священному союзу, американский посланник в Лондоне Ричард Раш заметил, что в официальных целях союза нет ничего такого, против чего можно возражать: «Религия, мир и справедливость между народами — таковы его открытые цели». Вместе с тем Раш справедливо усмотрел в природе соглашения, зависящего от воли самодержавных монархов, препятствие для присоединения к нему «любого свободного правительства» (*R. Rush. A Residence at the Court of London. London, 1833, p. 293—294, запись от 30 июля 1818 г.*).

⁴¹ См. памятную записку МИД после Аахенского конгресса, 19(31) декабря 1818 г., а также протоколы конгресса. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 131.

присоединении к союзу европейских держав. Посланник подчеркнул, что это дало бы возможность Александру I в случае возникновения каких-либо разногласий между США и европейскими державами (например Великобританией) использовать свое влияние в пользу Соединенных Штатов. В соответствии с полученными инструкциями свои предложения Полетика сделал лишь в предварительной и неофициальной форме, а Дж. К. Адамс предупредил, что при любых обстоятельствах необходимо выяснить отношение к данному вопросу президента и членов американского сената ⁴².

В дальнейшем при встречах с Дж. К. Адамсом 3 августа и 24 ноября 1819 г. русский посланник вновь затрагивал этот вопрос, но так и не получил какого-либо обнадеживающего ответа. Как видно из донесения П. И. Полетики от 13(25) января 1820 г., было условлено, что Дж. К. Адамс даст знать о решении правительства США после открытия сессии конгресса. Этот срок был намечен для того, чтобы исполнительные власти могли прощупать настроение сенаторов и членов палаты и таким путем узнать об отношении к этому важному акту страны в целом. Из последующего ответа Адамса следовало, что американское правительство, серьезно обдумав сообщение, которое Полетика частным образом сделал, убедилось в том, что присоединиться к Священному союзу оно не может. В этой связи Адамс высказал соображение о резко отрицательном отношении конгресса и в заключение сказал, что было бы благоразумно отложить всю эту проблему на неопределенное время ⁴³.

В наиболее развернутой и последовательной форме отношение Соединенных Штатов к вступлению в Священный союз было изложено в общих инструкциях Дж. К. Адамса новому американскому посланнику в С.-Петербурге Г. Миддлтоу в июле 1820 г., которые заслуживают самого внимательного изучения ⁴⁴. Любопыт-

⁴² *J. Q. Adams. Memoirs, 12 Vls. Philadelphia, 1874—1877, Vol. IV, p. 394—395.*

⁴³ П. И. Полетика — К. В. Нессельроде, 13(25) января 1820 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12195, лл. 109—112.

⁴⁴ Дж. К. Адамс — Г. Миддлтоу, 5 июля 1820 г., № 1. — NA, DI, AC, Vol. IX, p. 18—52; см. также: *J. Q. Adams. Writings, Vol. VII, p. 46—51.*

но, что вся политическая часть инструкций по существу была посвящена «Лиге мира», причем общая характеристика Священного союза и оценка его деятельности за истекшие годы отнюдь не была отрицательной. Как отмечал Дж. К. Адамс, правительство США было независимо от «предубеждений, которые возбуждались против этого договора в общественном мнении». Более того, в инструкциях прямо указывалось, что президент, одобряя «общие принципы» Священного союза и будучи полностью убежден в «благотворных и добродетельных мотивах», которые руководили Александром I при его создании, «считает, что Соединенные Штаты будут более действенно способствовать великим и возвышенным целям, во имя которых он был заключен, воздерживаясь от официального вступления, чем став участником договора». Адамс отмечал при этом, что «Соединенные Штаты не только дают свое сердечное одобрение статьям Священного союза, но и будут в числе самых искренних и добросовестных в исполнении их»⁴⁵.

Слова о «сердечном одобрении статей Священного союза» и т. п. не следует, разумеется, понимать слишком буквально. Их главная цель, по всей видимости, состояла в том, чтобы смягчить отказ США от официального присоединения к союзу и по возможности облачить этот отказ в благожелательную форму. Что касается действительных причин отказа от участия в «Лиге мира», то они заключались в первую очередь в том, что США считали выгодным разделение мира на две сферы влияния. Ведь именно в этом случае они могли претендовать на особое положение в Западном полушарии и даже выступать в качестве глашатая интересов всех американских стран. Не случайно поэтому в инструкциях Г. Миддлтоу прямо указывалось: «Для блага Европы, так же как и Америки, европейская и американская системы должны находиться насколько возможно раздельно и независимо друг от друга. Если Соединенные Штаты в качестве участника Священного союза могли бы иметь право на содействие его наиболее могущественного члена в своих спорах с другими государствами, то другой участник в свою очередь

⁴⁵ NA, DI, AC, Vol. IX, p. 21.

должен получить право требовать содействия Соединенных Штатов...»

Уже одного этого обстоятельства, по мнению государственного секретаря, было вполне достаточно для того, чтобы решительно отказаться от присоединения к Священному союзу. Адамс надеялся, впрочем, что необходимости в столь откровенном изложении мотивов у Г. Миддлтона не возникнет. «Политическая система Соединенных Штатов» (и в этом государственный секретарь был твердо убежден) существенно отличалась от европейской. Строгое соблюдение невмешательства в запутанные дела «европейской системы» стало кардинальной частью политики Соединенных Штатов начиная с 1783 г. И если первоначально еще были какие-то сомнения в ее справедливости, то теперь, как считал Дж. К. Адамс, их уже нет. С каждым годом эта политика все глубже укоренялась в сознании и принципах американской нации⁴⁶.

Итак, именно принцип разделения мира на две системы (европейскую и американскую) был главным и решающим аргументом в отклонении Соединенными Штатами предложения об участии в Священном союзе. В то же время Соединенные Штаты сочли необходимым подчеркнуть свою солидарность с общими целями акта от 14(26) сентября 1815 г. и, во всяком случае в то время, не усматривали в деятельности лиги европейских монархов какой-либо угрозы своей собственной безопасности.

Первый серьезный кризис в отношениях между Россией и США произошел совсем не в результате каких-либо кардинальных противоречий или принципиальных различий в политических системах обеих держав. Его причиной явился, казалось бы, совершенно незначительный инцидент, который произошел с русским генеральным консулом в Филадельфии Н. Я. Козловым. О «деле Козлова» существует поистине колоссальная документация. В американских и русских архивах отложилось великое множество официальных материалов, дипломатических нот, записок, донесений и других важных, а чаще всего совершенно незначительных бумаг, разобра-

⁴⁶ NA, DI, AC, Vol. IX, p. 20.

ться в которых с течением времени становилось все более затруднительным ⁴⁷.

Суть дела сводилась к тому, что 9 ноября 1815 г. Н. Я. Козлов был неожиданно арестован и заключен в тюрьму по обвинению в уголовном преступлении. Сам Козлов категорически отрицал свою вину и утверждал, что цель обвинения состояла в том, чтобы путем шантажа вынудить его уплатить 500 долл.⁴⁸ 28 ноября 1815 г. русский посланник в США А. Я. Дашков направил государственному секретарю решительный протест, в котором арест генерального консула квалифицировался как нарушение международного права. Два дня спустя Дашков обратился также с циркулярной нотой ко всем иностранным дипломатам, аккредитованным в Соединенных Штатах. В донесении в С.-Петербург посланник прямо указывал, что инцидент в Филадельфии носил характер провокации, цель которой заключалась в подрыве репутации служащего русского правительства ⁴⁹.

Довольно долго протест Дашкова оставался без ответа и лишь в феврале следующего, 1816 г. ему было сообщено, что окружному прокурору Пенсильвании будет дано указание присутствовать при слушании дела и проследить, чтобы Н. Я. Козлову были обеспечены все права, принадлежащие ему как генеральному консулу ⁵⁰. Во время судебного разбирательства защита предложила прекратить дело на том основании, что (1) международное право предусматривает иммунитет для консулов от судебного преследования по уголовным делам и (2) что в соответствии с конституцией и законами США юрисдикция по всем вопросам, относящимся к консулам, принадлежит федеральным судам. Именно на основе этого второго пункта суд счел возможным удовлетворить просьбу защиты, а поскольку по характе-

⁴⁷ См., в частности: АВПР, ф. Канцелярия, дд. 12174—12180; ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, дд. 9, 10 и т. д.

⁴⁸ Н. Я. Козлов — А. Я. Дашкову, 28 ноября 1815 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12174, лл. 99—102.

⁴⁹ А. Я. Дашков — Дж. Монро, 28 ноября 1815 г., А. Я. Дашков — К. В. Нессельроде, 21 ноября (3 декабря) 1815 г. — НА, Notes, Russia, Vol. I; АВПР, ф. Канцелярия, д. 12174, лл. 67—70.

⁵⁰ Дж. Монро — А. Я. Дашкову, 3 февраля 1816 г., А. Я. Дашков — К. В. Нессельроде, 23 января (4 февраля) 1816 г., № 2. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12177.

ру преступления дело Козлова относилось к обычному праву (common law), оно не было подсудно федеральным органам, и все дальнейшее разбирательство было таким образом приостановлено⁵¹.

Когда в С.-Петербург поступили первые сообщения о неприятном происшествии в Филадельфии, Л. Гаррис был немедленно вызван в русский МИД, где его уведомили, что в связи с грубым нарушением закона император настаивает на извинении и пока этого не произойдет поверенному в делах Соединенных Штатов запрещается появляться при дворе. Обо всем этом, естественно, был поставлен в известность и А. Я. Дашков. В свою очередь Л. Гаррис начал засыпать американское правительство взволнованными письмами и просьбами о присылке необходимой информации⁵².

Для объяснения и защиты действий США Дж. Монро направил Гаррису детальные инструкции, в которых подробно изложил обстоятельства, связанные с делом Козлова⁵³. В этих же инструкциях государственный секретарь утверждал, что, поскольку обязанности консулов носят «коммерческий характер», они в отличие от иностранных посланников не пользуются дипломатическим иммунитетом и не освобождаются от судебного преследования в стране их пребывания. «Пересылаемые документы и соображения, изложенные в этом письме,— указывал в заключение Дж. Монро,— дадут Вам возможность представить все дело в должном свете перед русским правительством... Ожидается, что Вы сделаете это в откровенной и примирительной форме, соответствующей дружественным отношениям, которые до сих пор столь счастливо существовали между двумя странами»⁵⁴.

⁵¹ J. C. Hildt. Early Diplomatic Negotiations of the United States with Russia. Baltimore, 1906, p. 94; «Weekly Register», Vol. XII, p. 139—142; Дж. Монро — Л. Гаррису, 31 июля 1816 г.— NA, DI, AC, Vol. VIII, p. 90—91.

⁵² К. В. Нессельроде — А. Я. Дашкову, 23 марта (4 апреля) 1816 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12178, лл. 2—5. На лл. 6—13 подробный анализ юридических вопросов, связанных с делом Козлова; см. также: Л. Гаррис — Дж. Монро, 8(20) марта и 19(31) мая 1816 г.— NA, RG 84, Vol. 4326; АВПР, ф. Канцелярия, д. 12178, л. 14—15, 16—20.

⁵³ Дж. Монро — Л. Гаррису, 31 июля 1816 г.— NA, DI, AC, Vol. VIII, p. 89—93.

⁵⁴ Ibid., p. 93.

Положение еще более осложнилось в связи с обвинениями, которые были выдвинуты в отношении русского консула в Бостоне А. Г. Евстафьева. Он обвинялся в том, что пытался «защитить от конфискации английские товары, захваченные в качестве приза во время последней войны», под тем предлогом, что они принадлежали лично ему. Пересылая в С.-Петербург копию соответствующего доклада министра финансов А. Далласа президенту Дж. Мэдисону от 4 мая 1815 г., государственный секретарь поручил Гаррису ознакомить с этим документом русское министерство, «с тем чтобы г-н Евстафьев мог быть смещен со своего поста»⁵⁵.

Получив эти предписания, Л. Гаррис 23 мая (4 июня) 1816 г. направил ноту с жалобой на действия русского консула в Бостоне. К. В. Нессельроде прореагировал быстро и решительно. «Граф ответил,— сообщал Л. Гаррис в Вашингтон,— что должен поблагодарить меня за это сообщение, которое он незамедлительно представит императору». Показательно, что управляющий русским МИД сразу же охарактеризовал действия Евстафьева как «скандальную операцию»⁵⁶. Некоторое время спустя Нессельроде сообщил Л. Гаррису о решении Александра I немедленно отозвать А. Г. Евстафьева с занимаемого им поста и направил соответствующее предписание А. Я. Дашкову⁵⁷.

⁵⁵ Дж. Монро — Л. Гаррису, 23 декабря 1815 г.— NA, DI, AC, Vol. VIII, p. 17—18.

⁵⁶ Л. Гаррис — К. В. Нессельроде, 23 мая (4 июня) 1816 г., Л. Гаррис — Дж. Монро, 31 мая (12 июня) 1816 г., № 15.— NA, RG 84, Vol. 4328.

⁵⁷ К. В. Нессельроде — Л. Гаррису, 5 (17) июля 1816 г.— Ibidem; К. В. Нессельроде — А. Я. Дашкову, 7 (19) июля 1816 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12178, лл. 21—23. Принимая это решение, К. В. Нессельроде и Александр I даже не заинтересовались объяснением А. Г. Евстафьева или мнением своего посланника в США. Они полностью приняли на веру сообщение американской стороны и не потрудились проверить справедливость сделанных обвинений. Между тем предшествующая деятельность А. Г. Евстафьева в Бостоне, и в частности его журналистская и литературная работа, казалось бы, должны были заслужить их одобрение и признание. Позднее А. Я. Дашков направил в С.-Петербург подробную документацию о деле Евстафьева (А. Я. Дашков — К. В. Нессельроде, 25 декабря 1816 г. (6 января 1817 г.)— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12180, лл. 2—54). Среди этих материалов имелись свидетельство виднейших граждан г. Бостона от 6 декабря 1816 г., а также объяснительная записка А. Г. Евстафьева от 27 декабря (см. там же, лл. 25—26, 29—37). После

Осенью 1816 г. в С.-Петербурге был наконец урегулирован и прискорбный конфликт, связанный с делом Козлова. 4 октября Гаррис получил упоминавшиеся выше инструкции Дж. Монро от 31 июля и спустя несколько дней направил К. В. Нессельроде ноту с подробным изложением действий правительства США⁵⁸. 24 октября (5 ноября) 1816 г. состоялась встреча американского поверенного в делах с И. А. Каподистрией, который сообщил о том, что император внимательно ознакомился с документами и поручил ему договориться с Гаррисом об окончательном урегулировании этого вопроса. Официальной процедурой урегулирования конфликта, по предложению Каподистрии, должен был служить обмен нотами, текст которых был заранее согласован⁵⁹.

Поскольку в русском проекте ноты затрагивался вопрос о консульском иммунитете, Л. Гаррис отверг предложенный ему вариант и написал собственный контрпроект. «Полностью осуждая действия обвиняющей стороны и г-на Козлова перед трибуналом, которому подсудны все, кто не находится под прямой защитой народного права. (*droit public*),— отмечал Гаррис,— американское правительство поспешило осуществить вмешательство своего прокурора в штате Пенсильвания с тем, чтобы генеральный консул смог воспользоваться всеми преимуществами, которые правительство во власти ему обеспечить»⁶⁰.

27 октября (8 ноября) Каподистрия сообщил о согласии русского правительства принять предложенный Гаррисом контрпроект и на следующий день состоялся

долгих хлопот в С.-Петербурге в 1817 г. Евстафьеву удалось в конечном итоге доказать свою невиновность и вернуться в Бостон на прежнее место, но его материальное положение еще долгие годы продолжало оставаться крайне затруднительным (А. Г. Евстафьев — П. И. Полетике, 7 мая 1819 г.— АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 16, лл. 64—67).

⁵⁸ Л. Гаррис — Дж. Монро, 1 (13) октября 1816 г., № 22, Л. Гаррис — К. В. Нессельроде, 27 сентября (9 октября) 1816 г.— NA, DD, Russia, Vol. V.

⁵⁹ Л. Гаррис — Дж. Монро, 31 октября (12 ноября) 1816 г., № 23.— NA, DD, Russia, Vol. V (RG 84, Vol. 4328).

⁶⁰ «Project d'une note par le chargé d'affaires et agréé par le ministre».— NA, DD, Russia, Vol. V (приложение № 3 к допесению Л. Гарриса № 23).

официальный обмен согласованными нотами. В русской ноте от 28 октября (9 ноября) 1816 г. от имени императора официально сообщалось о восстановлении отношений русского двора с американским поверенным в делах. Этот исход сложного и щекотливого дела Гаррис характеризовал как «триумф» Соединенных Штатов тем более, что после обмена нотами И. А. Каподистрия сообщил, что император уже распорядился об отзыве своих представителей в Соединенных Штатах и дал указание подготовить срочный доклад о лицах, которые могли бы «достойно представлять его» при американском правительстве ⁶¹.

В С.-Петербурге конфликт уже приближался к успешному завершению, а в Соединенных Штатах отношения между Дашковым и американским правительством достигли наивысшего напряжения и фактически оказались прерванными. Посланник рассматривал арест русского генерального консула в Филадельфии как нарушение международного права и требовал, чтобы правительство США принесло свои извинения ⁶². В Вашингтоне решили оставить протест Дашкова без ответа и обратиться непосредственно к русскому правительству. 12 сентября 1816 г. государственный секретарь Дж. Монро написал специально письмо Нессельроде, в котором выразил сожаление по поводу «дела Козлова» и изложил позицию правительства США в этом вопросе. Он отметил, в частности, невозможность для исполнительной власти предотвратить суд, даже если предположить, что генеральный консул находится под защитой международного права ⁶³.

Письмо в запечатанном конверте было направлено А. Я. Дашкову для пересылки в С.-Петербург. Последний, однако, отказался выполнить эту просьбу и 23 сентября 1816 г. возвратил письмо государственному сек-

⁶¹ К. В. Нессельроде — Л. Гаррису, 28 октября (9 ноября) 1816 г. (приложение № 6), Л. Гаррис — Дж. Монро, 31 октября (12 ноября) 1816 г., № 23.— NA, DD, Russia, Vol. V. Хотя все переговоры с Гаррисом вел Каподистрия, официальную ноту подписал управляющий русским МИД Нессельроде (см. частное письмо Л. Гарриса — Дж. Монро, 31 октября (12 ноября) 1816 г.— Ibidem).

⁶² А. Я. Дашков — Дж. Монро, 23 августа 1816 г.— NA. Notes, Russia, Vol. I.

⁶³ Дж. Монро — К. В. Нессельроде, 12 сентября 1816 г.— J. C. Hildt. Op. cit., p. 95.

ретарю. 30 сентября 1816 г. Дж. Монро ответил, что в таком случае он отправит письмо в С.-Петербург специальным курьером, для чего решено было использовать секретаря американской миссии в Гааге А. Эверетта⁶⁴. Соответственно 31 октября 1816 г. А. Я. Дашков известил правительство США о своем решении прервать с ним всякие сношения. Поскольку правительство США, отмечал посланник, отказалось предоставить справедливое возмещение и не проявило желания соблюдать международное право, он в соответствии с указаниями «своего августейшего повелителя» предполагает покинуть страну, в которой представители императора не могут добиться соответствующего к себе отношения⁶⁵.

Хотя А. Я. Дашков и не исполнил своей угрозы покинуть США, его отношения с американским правительством оказались окончательно испорченными. «К моему великому сожалению, я вынужден сообщить в пр-ву,— писал Дашков Нессельроде весной 1817 г.,— что это правительство не прекратило в отношении меня своих придирок»⁶⁶. В апреле—мае 1817 г. посланник все настойчивее просит разрешения вернуться в Россию, однако при этом он ссылается в первую очередь на климат и состояние своего здоровья⁶⁷.

Между тем в С.-Петербурге все еще не могли подыскать подходящей кандидатуры. Лишь 18(30) июля 1817 г. К. В. Нессельроде сообщил А. Я. Дашкову об отзыве, но одновременно просил его продлить свое пребывание в США вплоть до приезда своего преемника Ф. В. Тейля⁶⁸. В октябре 1817 г. в результате обмена

⁶⁴ А. Я. Дашков — Дж. Монро, 23 сентября 1816 г. — NA, Notes, Russia, Vol. I; Дж. Монро — У. Пинкни, 12 ноября 1816 г. — NA, DI, AC, Vol. VIII, p. 117—124; RG 84, Vol. 4329. К инструкции Дж. Монро прилагалась переписка государственного департамента с Дашковым с 14 августа по 31 октября 1816 г.

⁶⁵ А. Я. Дашков — Дж. Монро, 31 октября 1816 г. — NA, Notes, Russia, Vol. I. Наиболее подробное изложение обстоятельств дела содержалось в донесении Дашкова Нессельроде от 23 октября (4 ноября) 1816 г., к которому прилагались многочисленные документы (см.: АВПР, ф. Канцелярия, д. 12177, лл. 215—256).

⁶⁶ А. Я. Дашков — К. В. Нессельроде, 24 апреля (6 мая) 1817 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12180, л. 92 и далее.

⁶⁷ См., в частности, донесения А. Я. Дашкова К. В. Нессельроде от 12 (24) апреля и 19 (31) мая 1817 г. — Там же, лл. 102—103, 109.

⁶⁸ К. В. Нессельроде — А. Я. Дашкову, 18 (30) июля 1817 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12181, л. 3.

письмами между Дашковым и государственным секретарем Дж. К. Адамсом произошло наконец формальное восстановление прерванных отношений⁶⁹.

Рассматривая кризис, вызванный арестом Н. Я. Козлова, некоторые американские историки были склонны легко выносить русскому генеральному консулу обвинительный приговор и, кроме того, указывать на непримиримость и ошибки царских дипломатов. Так, никаких сомнений виновность Козлова не вызывает у Б. П. Томаса⁷⁰. Решительное осуждение позиция русской дипломатии в деле Козлова получила и в книге Дж. Хилдта. Без всяких на то причин последний утверждал, что «в другое время и с другим государством действия, подобные тем, которые были предприняты русским правительством и его аккредитованными представителями в Соединенных Штатах, рассматривались бы как основание для войны»⁷¹.

Не вдаваясь в подробности поведения русских представителей в Соединенных Штатах, заметим, однако, что даже само американское правительство не сочло для себя возможным выносить какое-либо определенное суждение по делу Н. Я. Козлова, так как никакого официального суда не было⁷². Что касается оценки Дж. Хилдтом действий царской дипломатии, то она совершенно не вяжется с его анализом переговоров Л. Гарриса, в ходе которого исследователь неоднократно отмечал примирительную позицию русского правительства. Поскольку одной из причин возникшего конфликта правительство США считало пребывание Дашкова в Филадельфии, Гаррису было дано обещание, что в будущем русский посланник будет находиться в Вашингтоне, что облегчит его постоянную связь с американской администрацией. Интересно также обратить внимание, что основные переговоры по урегулированию возникших разногласий вел не К. В. Нессельроде, а И. А. Каподистрия, занимавший в целом более благожелательную

⁶⁹ А. Я. Дашков — Дж. К. Адамсу, 3 октября 1817 г. и Дж. К. Адамс — А. Я. Дашкову, 13 октября 1817 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12180, лл. 189—190.

⁷⁰ B. P. Thomas. Op. cit., p. 23.

⁷¹ J. C. Hildt. Op. cit., p. 106.

⁷² Дж. Монро — У. Пинкни, 12 ноября 1816 г.— NA, DI, AC, Vol. VIII, p. 117—124.

позицию в отношении США и стремившийся как можно скорее устранить препятствия для начала переговоров о вступлении Соединенных Штатов в Священный союз ⁷³.

Одним из немногих положительных результатов длительного конфликта в связи с арестом Н. Я. Козлова было привлечение внимания к проблеме консульского иммунитета. Представительный характер консульских учреждений и самих консулов признавался в то время далеко не всеми государствами и далеко не в равной степени. Постепенно, однако, все большее распространение получила точка зрения о том, что консульские привилегии и иммунитеты имеют международно-правовую (а не национальную) природу. Иностранные консулы не подлежат юрисдикции государств пребывания, однако лишь в том, что касается их служебных дел; во всех других случаях действие национального законодательства на них обычно распространяется.

Чтобы закончить освещение вопроса о консульских привилегиях и иммунитетах, следует упомянуть также о событиях, которые произошли в С.-Петербурге летом 1817 г. На этот раз речь шла о конфликте между проживавшим в то время в России молодым американским купцом У. Д. Льюисом и новым генеральным консулом в С.-Петербурге Д. Л. Гаррисом (племянником Л. Гарриса) ⁷⁴. Хотя ссора носила частный характер, Д. Л. Гаррис немедленно обратился к русскому правительству с просьбой о расследовании дела и наказании У. Д. Льюиса. Не желая вмешиваться в конфликт двух американцев, Александр I предложил передать дело на рассмотрение посланника Соединенных Штатов в С.-Петербурге У. Пинкни. Последний, однако, утверждал, что по американским законам у него нет прав для решения подобного дела. Показательно также, что У. Д. Льюис характеризовался посланником как «исключительно умный и уважаемый американец», проживающий

⁷³ См. донесения Л. Гарриса от 24 июля (5 августа) 1816 г., № 19 и особенно от 31 октября (12 ноября) 1816 г., № 23, а также частное письмо от того же числа.— NA, DD, Russia, Vol. V.

⁷⁴ Об обстоятельствах конфликта см.: У. Льюис — У. Пинкни, 20 июля 1817 г., У. Пинкни — Дж. Адамсу, 20 июля (1 августа) 1817 г. Д. Л. Гаррис — Дж. К. Адамсу, 28 июля (9 августа), 1817 г.— NA, DD, Russia, Vol. VI.

в С.-Петербурге вместе со своим братом — крупным купцом, имеющим прекрасную репутацию ⁷⁵.

Еще совсем недавно отношения между Россией и США были практически парализованы из-за конфликта по поводу консульского иммунитета русского представителя в Филадельфии. Теперь же на особых привилегиях настаивал генеральный консул США, да еще по поводу частного конфликта с американским гражданином. «Никто никогда не оспаривал права Гарриса искать защиты русского суда против своего соотечественника, — указывал Пинкни в письме Адамсу. — Затруднения с его жалобой проистекают от того, что он стремился связать нанесенное оскорбление и меру наказания со своим консульским званием» ⁷⁶.

В свою очередь У. Д. Льюис настойчиво добивался расследования деятельности Д. Л. Гарриса и особенно Леветта Гарриса, когда последний находился на посту генерального консула в С.-Петербурге. Заручившись свидетельскими показаниями и многочисленными документами, настойчивый американец возбудил впоследствии в Филадельфии судебное дело и опубликовал материалы, изобличавшие Л. Гарриса во взяточничестве и коррупции. Последовал длительный и громкий судебный процесс, который нанес существенный ущерб репутации бывшего генерального консула США в С.-Петербурге ⁷⁷. На отношениях с Россией этот новый скандал, однако, уже почти не отразился, и в царской столице даже в 30-е годы XIX в. сохранили об общительном Леветте Гаррисе добрую память, тогда как о таких известных и влиятельных деятелях, как Дж. Бейард или У. Пинкни, совершенно забыли ⁷⁸.

Наиболее сложный и важный вопрос, который после 1815 г. приобрел все возрастающее значение в русско-

⁷⁵ У. Пинкни — Дж. К. Адамсу, 20 июля (1 августа) 1817 г. — NA, DD, Russia, Vol. VI.

⁷⁶ У. Пинкни — Дж. К. Адамсу, 17 (29) августа 1817 г. — Ibidem.

⁷⁷ Многочисленные материалы о деле Л. Гарриса сохранились в архиве Пенсильванского исторического общества. См., в частности: W. D. Lewis. Consular Corruption, 1822. — HSP, Lewis—Neilson Papers; J. B. Rhoads. Harris, Lewis and the Hollow Tree. — «American Archivist», July 1962, Vol. 25, p. 295—314.

⁷⁸ G. T. Curtis. The Life of James Buchanan, Vol. I. New York, 1883, p. 219—220.

американских отношениях, был связан, однако, не с серией прискорбных инцидентов и конфликтов по поводу деятельности дипломатических и консульских представителей обеих стран, а с развитием могучей волны освободительного движения в Латинской Америке. Еще 2 февраля 1816 г. государственный секретарь писал Л. Гаррису: «Важно познакомиться со взглядами русского императора относительно независимости испанских провинций. Из прежних сообщений мы имели основание полагать, что он ей благоприятствует. Было бы крайне желательно знать, сохраняет ли он еще это расположение. Для Вас, несомненно, не составит труда узнать его взгляды, о чем я был бы рад получить информацию без промедления»⁷⁹. Срочность запроса государственного секретаря объяснялась предположением, что в переговорах с США по вопросу о Флориде испанское правительство может в будущем опираться на поддержку других держав.

Ответ на это письмо Л. Гаррис дал 7(19) июня 1816 г. Хотя американский дипломат не получил прямой информации, поскольку император находился в то время в Петергофе на военных праздниках, он, тем не менее, заверил Дж. Монро, «что е. в-во все еще сохраняет чувства, аналогичные тем, о которых Вам сообщалось в моем донесении от 5(12) мая 1812 г.⁸⁰, и что во время своего последнего визита в Париж он столь свободно говорил о поведении правительства Фердинанда, что возбудил сильное нежелание испанского монарха содействовать дальнейшей дружбе с Россией»⁸¹.

Месяц спустя Л. Гаррис смог направить в Вашингтон уже более детальные сведения о позиции России в испано-американском вопросе: «Мне доставляет большое удовлетворение иметь возможность подтвердить со-

⁷⁹ Дж. Монро — Л. Гаррису, 2 февраля 1816 г.— NA, RG 84, Vol. 4328.

⁸⁰ В тексте ошибка. Речь идет, разумеется, о донесении Л. Гарриса от 1 (13) мая 1812 г., в котором сообщалось о проектах признания русским правительством независимости Венесуэлы и открытия торговых связей с бывшими испанскими колониями. Подробно см. нашу публикацию в «Историческом архиве» (1962, № 3). Подлинник донесения см.: NA, CD, Vol. II.

⁸¹ Л. Гаррис — Дж. Монро, 7 (19) июня 1816 г., № 16.— NA, RG 84, Vol. 4328; DD, Russia. Vol. V.

общение, сделанное Вам в моем донесении от 7(19) июня по вопросу об официальной (announced) позиции в испанском вопросе. В двух последних беседах, которые я имел с графом Каподистрией, я убедился, что со стороны Испании здесь не было сделано никакого представления относительно разногласий, которые в настоящее время обсуждаются ею с Соединенными Штатами, и что, если какое-нибудь сообщение в дальнейшем будет сделано российскому министерству с целью получить поддержку или содействие е. и. в-ва испанским претензиям в этих разногласиях, оно будет встречено таким образом, чтобы разрушить все надежды Испании⁸². По вопросу о независимости испанских колоний я могу лишь сказать, что император будет совершенно нейтральным. Е. в-во был бы рад содействовать выгодному торговому обмену между его подданными и южноамериканцами; но в настоящее время он не отступит от политики, установлению которой он так способствовал, — политики, которая обеспечивает продление спокойствия Европы... Есть все основания полагать, что в случае войны между Испанией и Соединенными Штатами континентальные державы и особенно Россия отнеслись бы сочувственно к нашему делу, по крайней мере выражая свои добрые пожелания»⁸³.

Давая столь определенную и недвусмысленную характеристику позиции России в испано-американском вопросе, Л. Гаррис опирался не только на содержание бесед с Каподистрией летом 1816 г., но и свой многолетний предшествующий опыт, в частности переговоры с Н. П. Румянцевым еще в 1811—1812 гг. Не случайно он ссылаясь в этой связи на свое старое донесение, относящееся к маю 1812 г. Длительное общение с

⁸² Позднее в С.-Петербурге было получено донесение Дашкова, в котором сообщалось, что испанский посланник в Вашингтоне Л. Онис конфиденциально сообщил своему русскому коллеге о поданном им мадридскому правительству мнению относительно уступки Флориды России. Онис полагал, что такая уступка вполне возможна, если об этом предварительно не будет известно в Европе или в Соединенных Штатах. Практических последствий предложение Л. Ониса, разумеется, не имело (см.: А. Я. Дашков — К. В. Несельерде, 21 августа (2 сентября) 1816 г., № 14.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12177, л. 102).

⁸³ Л. Гаррис — Дж. Монро, 6 (18) июля 1816 г., № 18.— NA, RG 84, Vol. 4328: DD, Russia, Vol. V.

Н. П. Румянцевым оказало, по-видимому, сильное влияние на американского дипломата, и он не заметил каких-либо принципиальных изменений в позиции России в отношении Испанской Америки после 1815 г. Правда, к лету 1816 г. эти изменения носили лишь скрытый, потенциальный характер. Сколько-нибудь определенно политика России в отношении Испании и ее американских колоний еще не сформировалась, но о сочувствии императора Александра I к восставшим колонистам говорить, конечно, не приходится⁸⁴.

Не слишком преуспел в сборе сведений о позиции России в испано-американском вопросе и новый посланник Соединенных Штатов в С.-Петербурге У. Пинкни. «Вы знаете трудность получения здесь какой-либо достоверной информации о подобных сюжетах»,— доносил У. Пинкни в Вашингтон 13(25) сентября 1817 г. и признавал, что пока он не располагает сколько-нибудь определенными сведениями⁸⁵. Лишь однажды положение в Южной Америке было затронуто в ходе продолжительной беседы Пинкни с князем Голицыным и неким «влиятельным лицом» (a person of consideration), которое поинтересовалось мнением американского посланника о возможности успеха борьбы испанских колоний. «Я откровенно заявил ему, что совершенно не сомневаюсь в ее конечном успехе вне зависимости от того, какие препятствия могли бы временно ее замедлить. Мы обсуждали этот вопрос некоторое время, но я не почувствовал, чтобы он проявил особое участие в отношении правительства Испании, хотя я считаю вполне очевидным, что он не был защитником колоний».

Отмечая слабый интерес к борьбе колоний против

⁸⁴ Отметим в этой связи, что когда во второй половине 1816 г. распространились слухи о возможном приезде в Россию представителя повстанцев генерала Хосе де Толедо с предложением «мексиканской короны» великому князю Николаю Павловичу, то такой приезд рассматривался царским правительством как событие крайне нежелательное. Вместе с тем, если бы Хосе де Толедо все же приехал в Россию, то его предполагалось принять и использовать беседы с ним для того, чтобы выяснить положение в испанских колониях (см.: письма И. А. Каподистрии К. В. Нессельроде и П. Я. Убри от 29 сентября (11 октября) 1816 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 7966, лл. 26, 28—30).

⁸⁵ У. Пинкни — Дж. К. Адамсу, 13 (25) сентября 1817 г.—DCUS, Vol. III, N 1009, p. 1851 (полный текст см. NA; DD, Russia, Vol. VI).

Испании, проявляемый Россией (по сравнению с Францией или Англией), американский дипломат вместе с тем высказывал некоторые подозрения. Он исходил при этом не из каких-либо определенных сведений, а скорее из общих соображений о существовании дружественных связей между императором России и королем Испании. «Соппротивление подданных власти короля и попытка увеличить число республик могут послужить стимулом к общему объединению Европы для того, чтобы их ослабить и подавить»,— писал У. Пинкни в упоминавшемся донесении и высказывал далее предположение, что будущий конгресс европейских государей может заняться обсуждением положения в Южной Америке⁸⁶.

Опасения У. Пинкни не были лишены внутренней логики. Будучи потенциально положительной в 1810—1812 гг., позиция царской России в испано-американском вопросе после создания Священного союза, несмотря на сохранение нейтралитета, стала в принципе реакционной, легитимистской и полной сочувствия к монархическим правам Фердинанда VII. Эти обстоятельства, как известно, послужили основанием для возникновения легенды о существовании реальной угрозы прямой вооруженной интервенции Священного Союза и в первую очередь царской России в Латинскую Америку, детальное опровержение которой было дано нами еще в 1957 г.⁸⁷ С тех пор эта точка зрения получила признание и развитие в целом ряде крупных исследований как советских, так и зарубежных ученых, в числе которых следует назвать труды Л. Ю. Слэзкина (СССР), М. Коссока (ГДР), Э. Фёлькля (ФРГ) и Р. Бартли (США)⁸⁸.

В настоящее время ни один осведомленный исследователь не сомневается в том, что реальной угрозы вооруженной интервенции держав Священного союза, и в частности России, в Латинскую Америку не существ-

⁸⁶ DCUS, Vol. III, N 1009, p. 1851—1852.

⁸⁷ Н. Н. Болховитинов. К вопросу об угрозе интервенции Священного союза в Латинскую Америку.—«НИИ», 1957, № 3, стр. 46—66.

⁸⁸ Л. Ю. Слэзкин. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964; М. Коссок. Im Schatten der Heiligen Allianz. Berlin, 1964; E. Völk. Russland und Lateinamerika 1741—1841. Wiesbaden, 1968; R. H. Bartley. Russia and Latin American Independence, 1808—1826. A Dissertation. Stanford University, 1971.

вовало. Вместе с тем в оценке отдельных событий и фактов, в первую очередь русско-испанского соглашения о продаже военной эскадры в 1817—1818 гг., все еще существуют серьезные разногласия.

Если Л. Ю. Слѣзкин на основе изучения широкого круга документальных источников пришел к выводу, что это соглашение («акт о продаже») носило в основном коммерческий характер, то В. М. Мирошевский и разделяющие его взгляды Б. Н. Комиссаров и Л. А. Шур главное внимание уделяли политическому аспекту «тайной конвенции»⁸⁹. По их мнению, царская Россия начиная с 1815—1816 гг. «проводила явно враждебную восставшим колониям политику, оказывала Испании активную и весьма существенную поддержку, вынашивала планы коллективного вмешательства европейских держав в дела Испанской Америки». Ярким проявлением этой политики и явилась конвенция 1817 г., которая имела не только военное, но и политическое значение как символ открытой поддержки Фердинанда VII⁹⁰.

По признанию Э. Фѣлькия, закулисная сторона событий все еще до конца не разгадана⁹¹, и исследователям, по всей видимости, не избежать нового обращения к анализу архивных документов. Именно это обстоятельство заставляет нас вновь заняться рассмотрением истории заключения данного соглашения, хотя при этом мы не можем избежать и некоторого повторения того, что уже было сделано В. М. Мирошевским и Л. Ю. Слѣзкиным. Напомним, в частности, что впервые вопрос о продаже русских военных судов Испании был поставлен лично Фердинандом VII в конфиденциальной беседе с русским посланником в Мадриде Д. П. Татищевым в марте 1817 г. Король просил о постройке кораблей в балтийских портах или в Архангельске, а еще лучше о

⁸⁹ Л. Ю. Слѣзкин. Указ. соч., стр. 142—143; Л. А. Шур. Россия и Латинская Америка. М., 1964, стр. 42—50; В. М. Мирошевский. Покупка Испанией русских военных кораблей (Публикация Б. Н. Комиссарова).— «Вестник ЛГУ», 1964, № 8, стр. 62—63; Б. Н. Комиссаров. Спор о русско-испанской конвенции.— «Вопросы истории», 1966, № 6, стр. 195—197.

⁹⁰ Я. М. Свет, Л. А. Шур. Русско-латиноамериканские отношения в XIV—XIX вв. в освещении зарубежных исследователей.— «Латинская Америка», 1970, № 6, стр. 154, 157—158; Письмо в редакцию.— «Латинская Америка», 1971, № 5, стр. 222—223.

⁹¹ E. Völkl. Op. cit., S. 213.

предоставлении Испании четырех линейных кораблей, вооруженных 74 или 80 орудиями, и семи-восьми фрегатов⁹². В обращении к Александру I испанский король откровенно писал: «Возрождение Испании зависит от восстановления ее морских сил; это привело бы к умиротворению колоний и, как следствие, к процветанию полуострова»⁹³.

Царское правительство твердо придерживалось принципа коллективных действий европейских держав и не было расположено идти на сепаратное соглашение с Испанией, которое могло серьезно осложнить международные позиции России. В С.-Петербурге считали, что одностороннее сотрудничество с Испанией может вызвать опасения других держав и нарушить политическое равновесие. Эти соображения получили развитие в ответном письме Александра I испанскому королю, а также в инструкциях К. В. Нессельроде Д. П. Татищеву. Подчеркивая необходимость связи Испании с общим концертом европейских держав, царь обращал внимание на возможные отрицательные последствия уступки русских кораблей⁹⁴. Принятие предложений Фердинанда VII «не только поставило бы испанскую монархию в *ложное и опасное положение*,— подчеркивал К. В. Нессельроде,— но также лишило бы Россию возможности быть для нее полезной как в *настоящее время*, так и в *будущем*». В том случае, если Фердинанда VII не удастся отговорить от идеи приобретения военных кораблей, Д. П. Татищеву предписывалось добиться согласия Испании поставить об этом в известность другие державы, в том числе Англию. Нессельроде указывал также, что продажа кораблей не должна выглядеть как политический акт, связывающий Россию с Испанией какими-либо особыми отношениями, а лишь как простая торговая операция⁹⁵.

⁹² Д. П. Татищев — Александру I, «Мадрид, 14 (25) (так в подлиннике.— Н. Б.) марта 1817 г.», № 1.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7548, лл. 29—34. Многие цитируемые документы по нашей рекомендации включены в ВПР, т. IX (в печати) и т. X (готовится к печати).

⁹³ Фердинанд VII — Александру I, 25 марта 1817 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 6536, л. 1.

⁹⁴ Александр I — Фердинанду VII, 23 мая (4 июня) 1817 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 6537, лл. 4—6.

⁹⁵ К. В. Нессельроде — Д. П. Татищеву. Проект инструкции

Если Д. П. Татищев, узнав о просьбе Фердинанда VII, рассчитывал на получение от Испании важных уступок в Калифорнии и особых торговых прав в портах Испанской Америки, то К. В. Нессельроде писал лишь о коммерческой стороне дела: «Главное преимущество, которое дает нам предлагаемый проект, состоит в получении столь значительной суммы, которая принесла бы реальную пользу в оживлении наших финансов». При этом он специально указывал на необходимость гарантировать обязательное и своевременное получение всей запрашиваемой суммы (12 млн. руб.)⁹⁶.

Реальные события развивались летом 1817 г. в Мадриде совсем не по тому пути, который рекомендовали Александр I и К. В. Нессельроде. Влияние Д. П. Татищева в испанской столице достигло кульминационной точки, и русский посланник не был склонен точно придерживаться буквы полученных им инструкций. В результате секретных переговоров между Татищевым и испанским военным министром генералом Франциско де Эгиа 30 июля (11 августа) 1817 г. была подписана специальная конвенция о продаже русской эскадры в составе пяти линейных кораблей и трех фрегатов за 13 600 тыс. руб. ассигнациями. Характерно, что в преамбуле этого соглашения имелась ссылка на современное положение испанских колоний в Америке, а в заключении указывалось, что конвенция будет оставаться секретной⁹⁷.

Комментируя заключенное соглашение, русский посланник в Мадриде сообщал К. В. Нессельроде, что ему трудно описать радость Фердинанда VII, когда стало известно о согласии Александра I продать Испании военную эскадру. Подписанная конвенция, по утверждению Татищева, не только выгодна для казначейства, но и имеет политическое значение «в результате того

одобрен царем 15 (27) мая и отправлен 31 мая (12 июня) 1817 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7550, лл. 94—105.

⁹⁶ К. В. Нессельроде — Д. П. Татищеву, 31 мая (12 июня) 1817 г.— Там же, лл. 111—113. Вместе с этой депешей Татищеву послалась утвержденная царем секретная записка министра финансов Д. А. Гурьева от 18 (30) мая 1817 г., посвященная практической стороне выплаты Испанией причитающейся России суммы.— Там же, лл. 115—117.

⁹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 7549, лл. 262—266.

влияния, которое она окажет на восставшие колонии»⁹⁸.

Можно себе представить недоумение и замешательство царского правительства, когда в С.-Петербурге был получен текст секретной конвенции, подписанный Д. П. Татищевым в явном противоречии с данными ему инструкциями. К тому же оказалось, что конвенция не только одобрена Фердинандом VII, но, по сообщению Татищева от 6(18) августа 1817 г., Испания уже сделала первый взнос в счет платы за передаваемые ей корабли⁹⁹.

Аннулировать соглашение и отказаться от продажи судов — значило идти на открытый скандал и полную утрату всякого влияния в Мадриде. Кроме того, с финансовой точки зрения условия продажи были вполне приемлемыми и даже выгодными. В этих условиях выход был найден в том, чтобы, не отказываясь от практического выполнения условий продажи военных кораблей, в то же время в рабочем порядке заменить секретную конвенцию открытым «актом о продаже», снабдив на этот счет Д. П. Татищева совершенно определенными инструкциями и сообщив об условиях соглашения европейским державам и в первую очередь Великобритании.

Соответственно 17(29) октября 1817 г. со специальным курьером Д. П. Татищеву были отправлены из Москвы директивные инструкции, в которых по существу дезавуировались действия посланника в Мадриде и сообщалось об отказе императора утвердить условия заключенной им секретной конвенции, как противоречащей общей системе внешней политики России. «Эта система,— указывалось в инструкции,— полностью исключает любое сепаратное соглашение, договор или акт. С еще большим основанием она несовместима с секретным соглашением...» В инструкции отмечалось далее, что император ни в коем случае не может согласиться с тем, чтобы условия соглашения с Испанией оставались секретными, и твердо убежден в необходимости довести их до сведения других европейских держав, которые не

⁹⁸ Д. П. Татищев — К. В. Нессельроде, 31 июля (12 августа) 1817 г., № 94. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 7548, лл. 258—261.

⁹⁹ Л. Ю. Слѣзкин. Указ. соч., стр. 141.

будут в этом случае подозревать, что Россия получила какое-либо дополнительное вознаграждение. Для того чтобы исключить самовольные действия со стороны Татищева, ему направлялся не только измененный текст соглашения, призванный заменить «секретную конвенцию», но и официальные ноты, которыми должны были обменяться русская и испанская стороны. В инструкции многозначительно указывалось, что император «рекомендует» Татищеву приложить все усилия для того, чтобы примирить «местные и случайные интересы» с необходимостью сохранения без изменений общей системы союза и взаимного доверия европейских государств¹⁰⁰.

В тот же день К. В. Нессельроде написал Х. А. Ливену о решении императора «дать условиям этого второстепенного соглашения более широкую огласку, чем оно заслуживает, с целью предотвратить всякое ложное его толкование», и специально подчеркнул, что «оно не содержит никакого даже частного обязательства». Сравнение «акта о продаже» с первоначальным вариантом «секретной конвенции» показывает, что русское правительство внесло в соглашение ряд существенных поправок. Если в первоначальном тексте указывалось, что эскадра необходима Фердинанду «для восстановления власти испанской монархии» и имелась прямая ссылка на «современное положение ее заморских владений», то в измененном варианте говорилось лишь об «организации достаточной морской полиции» как условия развития испанской торговли, промышленности и судоходства. Соглашаясь с просьбой Фердинанда VII, император отмечал, что «организация морской полиции в районах, посещаемых испанскими судами, ... может по праву рассматриваться как важная подготовительная мера для торговых связей, которые должны существовать между всеми странами, присоединившимися к одной и той же системе мира и единения»¹⁰¹.

Важные изменения были внесены и в заключитель-

¹⁰⁰ К. В. Нессельроде — Д. П. Татищеву, Москва, 17 (29) октября 1817 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 7550, лл. 170—175. На лл. 180—181, 182—183 проекты испанской и русской нот. Все материалы были утверждены Александром I 13 (25) октября 1817 г.

¹⁰¹ См. соответственно: АВПР, ф. Канцелярия, д. 7550, лл. 176—179, 184—187.

ную часть соглашения. Если в первоначальном тексте указывалось, что конвенция будет оставаться секретной, то в новой редакции соответствующая фраза была вообще снята. Устранялась и необходимость последующей ратификации. Что касается конкретных условий соглашения, то поправки, внесенные царским правительством, были уже менее существенными. Отметим, однако, что в ст. V более обстоятельно обосновывалась общая стоимость эскадры в 13 600 тыс. руб. ассигнациями, а следующая, VI ст., где говорилось об использовании для расчетов с Россией 400 тыс. ф. ст., которые Испания должна была получить от Англии в качестве возмещения за отмену торговли неграми, вообще снималась. Термин «конвенция» уже не фигурировал, и соглашение в дальнейшем именовалось «актом о продаже»¹⁰².

В конечном итоге Испании пришлось уступить, и 17(29) апреля 1818 г. Татищев направил в С.-Петербург текст «акта о продаже», который был наконец одобрен Фердинандом VII, но помечен при этом старой датой¹⁰³. Таким образом, соглашение официально датируется 30 июля (11 августа) 1817 г., хотя фактически оно было окончательно одобрено и подписано лишь в апреле следующего, 1818 г. Первоначальный вариант конвенции не имел юридической силы, поскольку он не был ратифицирован Александром I, а новый текст соглашения («акт о продаже») уже не подлежал дополнительному утверждению: «Настоящий акт рассматривается как полностью вступивший в действие с момента подписания его, на основании особых полномочий, которыми снабжены оба подписавших его министра, а также согласно содержанию прелиминарных, имеющих обязательную силу документов, которыми обменялись предварительно по этому предмету оба правительства»¹⁰⁴.

¹⁰² Там же, л. 173.

¹⁰³ Д. П. Татищев — К. В. Нессельроде, 17 (29) апреля 1818 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 7553, л. 11. «Acte de Vente» с надписью: «Одобрено королем 11 августа 1817 г.» — Там же, лл. 12—15. Еще ранее, в декабре 1817 г., генерал Эгиа и Татищев обменялись официальными нотами, текст которых (так же как и текст «акта о продаже») точно соответствовал проектам, утвержденным Александром I в октябре 1817 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 7549, лл. 88—89, 90—91 (эти ноты также были помечены задним числом).

¹⁰⁴ Оригинал «акта о продаже» см.: АВПР, ф. Трактаты, д. 822/196, лл. 1—6. Текст соглашения о продаже эскадры был впер-

Что касается практической стороны выполнения соглашения о продаже русских кораблей, то еще в сентябре 1817 г. из Ревеля в Кадис вышла эскадра в составе пяти 74-пушечных линейных кораблей («Дрезден», «Норд-Адлер», «Любек», «Нептунус», «Три святителя») и трех фрегатов («Патрикий», «Меркуриус» и «Автроиль») под командованием контр-адмирала Моллера. За несколько дней до отправки эскадры русским представителям в Лондоне, Париже и Копенгагене были даны предписания сообщить соответствующим правительствам, что продажа судов носит коммерческий характер и не связана с политическими расчетами¹⁰⁵.

Выше опубликован в английской газете «Morning Chronicle» 2 декабря 1823 г., а затем включен в известное собрание трактатов Георга Мартенса (*G. F. Martens. Nouveau recueil des traités...*, t. V. Gottingue, 1824, p. 41—44). Поскольку в испанских архивах оригинал соглашения не был обнаружен, а в опубликованном варианте имелись некоторые противоречия, многие историки высказывали сомнения в его аутентичности. См., в частности: *H. Baumgarten. Geschichte Spaniens*, Bd. II. Leipzig, 1865, S. 196—197; *D. Perkins. Russia and the Spanish Colonies*, 1817—1818.—«АНР», Vol. XXVIII, N 4, July 1923, p. 657—658 (note 4). «В настоящее время, с обнаружением в советском Архиве внешней политики официальной копии конвенции от 30.VII—11.VIII 1817 г.,—писал В. М. Мирошевский,—вопрос следует считать окончательно выясненным; сомнения в аутентичности опубликованного в 1823 г. текста отпадают» («Вестник ЛГУ», 1964, № 8, стр. 65). Проведенное нами сличение французского подлинника с опубликованным вариантом не подтвердило вывода В. М. Мирошевского. Прежде всего следует сказать, что текст соглашения был сначала переведен газетой «Morning Chronicle» на английский язык, а в публикации Г. Мартенса вновь переведен на французский, что, естественно, привело к изменению редакции и фразеологии. Самое же главное заключается в том, что в 1823—1824 гг. был опубликован первоначальный вариант конвенции, который не был утвержден царским правительством. Между тем в заглавии соглашения было помечено как «акт о продаже» (*acte de vente*), что позволяет предположить, что издатели знали и об окончательном варианте текста. Помещая в газете отвергнутый царским правительством текст конвенции, издатели явно стремились представить политику России в самом неблагоприятном виде. Напомним также, что 11 июня 1823 г. на страницах «Morning Chronicle» была опубликована знаменитая впоследствии фальшивка — «Веронский секретный договор» (комплект газеты «Morning Chronicle» за 1802—1827 гг. имеется в ЦГАДА).

¹⁰⁵ К. В. Нессельроде — Д. П. Татищеву, 15 (27) сентября 1817 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 7550, лл. 160—162. На л. 163 ведомость о составе эскадры Моллера; см. также: К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену, 12 (24) сентября 1817 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 6865, лл. 107—112.

О характере соглашения с Испанией, составе эскадры и ее предстоящей отправке из Ревеля в Кадис было известно и посланнику Соединенных Штатов в С.-Петербурге У. Пинкни¹⁰⁶. Хотя американский дипломат и не знал всех деталей продажи, его комментарии очень точно отражали две основные линии в оценке русско-испанского соглашения. «Продажа флота,— писал Пинкни,— едва ли может рассматриваться как совершенно нейтральный акт в отношении колоний, но если это *продажа*, то, по-видимому, это показывает, что император не намерен стать участником спора. Я говорю, *если это продажа*, потому что нет недостатка и в тех, кто считает, что это продажа *только по форме*. Я так не думаю». В том же донесении У. Пинкни сообщал, что английский посол лорд Каткерт обратился к русскому правительству за разъяснениями по поводу намерения императора предложить свое посредничество между Испанией и ее колониями. «Ответ графа Нессельроде заключался в том, что эти предположения (*speculations*) не имеют никаких оснований; и он повторял свои заверения столь часто и столь искренне, что вряд ли разумно сохранять или во всяком случае выражать какие-либо сомнения по этому предмету»¹⁰⁷.

21 февраля 1818 г. после трудного плавания по бурной Атлантике, продолжавшегося почти пять месяцев, русские корабли наконец прибыли в Кадис. Ликованию испанских монархистов не было предела. Официозная «Гасета де Мадрид» 28 февраля поместила восторженную статью, в которой весьма недвусмысленно излагались сокровенные желания и надежды испанского двора. Газета сообщала, что покупка эскадры будет способствовать развитию торговли, «увеличению морских сил короля», «уничтожению пиратов», «защите верных подданных в заморских владениях» и возвращению Европе «преимуществ, которых она была лишена волнениями в Америке»¹⁰⁸. Было очевидно, что мад-

¹⁰⁶ См.: У. Пинкни — государственному секретарю США, 25 сентября (7 октября) и 27 сентября (9 октября) 1817 г.— NA, DD, Russia, Vol. VI.

¹⁰⁷ У. Пинкни — Дж. К. Адамсу, 29 сентября (11 октября) 1817 г.— Ibidem; DCUS, Vol. III, N 1010, p. 1852.

¹⁰⁸ «Gaceta de Madrid», 28.11 1818; DCUS, Vol. III, p. 1964—1965; ВІЛА, Vol. II, p. 365; АВПР, ф. Канцелярия, д. 7552, лл. 51—52.

ридский двор стремился нажать максимальный политический капитал на известии о продаже эскадры и всемерно преувеличить значение поддержки, которую оказало Испанию царское правительство. В статье указывалось, что эскадра полностью оснащена и может «предпринять длительные путешествия». О прекрасном состоянии всех судов (кроме корабля «Три святителя») сообщил первоначально и Д. П. Татищев¹⁰⁹. Вскоре, однако, выяснилось, что ни о каких «длительных путешествиях» не может быть и речи.

В серии донесений на имя Александра I, К. В. Нессельроде и И. А. Каподистрии в апреле 1818 г. русский посланник сообщил о существенных дефектах, обнаруженных у нескольких русских судов, и о возникших в этой связи затруднениях. По словам Татищева, Фердинанд VII был неприятно поражен плохим состоянием ряда кораблей и считал необходимым произвести вычеты из общей суммы, которая должна быть за них уплачена. Король настаивал также, чтобы неисправные корабли заменить тремя новыми фрегатами¹¹⁰. В частном письме Каподистрии посланник в Мадриде заметил, что проданные Испании суда, быть может, годились для службы в Балтийском море, но не для перехода до Кадиса и тем более через Атлантику¹¹¹. Испанский морской министр даже утверждал, что все суда были «полностью непригодны»¹¹².

В Испании, а затем и за ее пределами с невероятной быстротой распространились слухи о плохом состоянии русских кораблей, и очень скоро в Европе уже не сомневались, что под видом «торговой сделки» царское правительство подсунуло Фердинанду VII старые «калоши». С давнего времени эта версия завоевала права гражданства и в научной литературе. «Почти ни один корабль не был годен к плаванию»,— писал известный русский историк XIX в. А. Трачевский и прихо-

¹⁰⁹ Д. П. Татищев — К. В. Нессельроде (?), Кадис, 1 марта 1818 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7553, лл. 2—3.

¹¹⁰ Д. П. Татищев — Александру I и И. А. Каподистрии, 17 (29) апреля 1818 г.— Там же, лл. 4—5, 40—43; см. также обзор экспедиции, полученной от Татищева.— Там же, лл. 6—8, 10.

¹¹¹ Д. П. Татищев — И. А. Каподистрии, 16 (28) апреля 1818 г.— Там же, л. 9; ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 650, л. 14.

¹¹² R. H. Bartley. *Op. cit.*, p. 278.

дил далее к заключению, что влиянию Д. П. Татищева в Испании был положен конец¹¹³. Столь категорическое суждение не могло не вызвать некоторые сомнения, и еще В. М. Мирошевский заметил, что «утверждение о «полной непригодности» проданных Испании русских кораблей нельзя признать достаточно обоснованным»¹¹⁴.

Изученные нами в ЦГАВМФ документы позволяют внести в этот вопрос определенную ясность. Дело в том, что, вернувшись в Россию, командующий русской эскадрой контр-адмирал А. Ф. Моллер представил морскому министру И. И. Траверсе специальный рапорт о выводах, к которым пришли испанские специалисты, проводившие приемку кораблей в присутствии А. Ф. Моллера, Д. П. Татищева и «испанского капитан генерала Цезнероса»¹¹⁵. В официальном «Описании» итогов работы приемочной комиссии признавалось, что корабль «Три святителя» (постройки 1810 г.) и фрегат «Автроиль» (постройки 1812 г.) требуют «большой починки». Кроме того, замечания имелись еще по двум судам: «Норд-Адлер» (1811 г.) и «Любек» (1813 г.),— но их, по мнению адмирала Моллера, «можно исправить, не вводя корабль в док»¹¹⁶.

После рассмотрения всех обстоятельств дела царское правительство приняло в июле 1818 г. решение о передаче Испании дополнительно трех фрегатов, о чем было дано соответствующее распоряжение морскому министру И. И. Траверсе и сообщено испанскому посланнику в С.-Петербурге Сеа Бермудесу. В связи с тяжелым состоянием испанских финансов и дополнительным платежом за новые фрегаты изменялся также порядок уплаты Испанией оставшейся задолженности¹¹⁷.

¹¹³ А. Трачевский. Испания девятнадцатого века, ч. 1. М., 1872, стр. 288—289.

¹¹⁴ «Вестник ЛГУ», 1964, № 8, стр. 69—70.

¹¹⁵ А. Ф. Моллер — И. И. Траверсе, 24 марта (5 апреля) 1818 г.—ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 650, л. 1.

¹¹⁶ Там же, лл. 3 об.—4 («Описание»). Независимо от нас этот документ недавно обнаружила И. В. Спасская (К вопросу о характере русско-испанской конвенции 1817 г.—«Вестник ЛГУ», 1973, № 14, стр. 56—57).

¹¹⁷ К. В. Нессельроде — Д. П. Татищеву, 13 (25) июля 1818 г. Проект, утвержденный Александром I.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 7554, лл. 26—29. Соответственно 30 июля (11 августа) 1818 г.

Реальное значение покупки русской эскадры определяется, однако, не столько техническим состоянием кораблей, сколько тем, как они были в дальнейшем использованы. Даже устарелые и частично поврежденные суда можно было привести в порядок и в умелых руках они могли превратиться в грозную силу. Между тем Испания была не в состоянии сколько-нибудь рационально их использовать и практические результаты дорогой покупки оказались для Мадрида более чем скромными. В этом сейчас единодушны все исследователи, включая В. М. Мирошевского, Л. Ю. Слэскина и Р. Бартли. Последний, в частности, специально занимался изучением судьбы русских кораблей и пришел к выводу, что только четыре судна вообще выходили из бухты Кадиса и лишь два предприняли сколько-нибудь значительные путешествия. Фрегат «Мария Изабелла» (быв. «Патрикий») отправился весной 1818 г. к берегам Перу, но был захвачен чилийцами, став флагманским судном адмирала Кокрейна. «Фердинанд VII» (быв. «Нептунус») некоторое время использовался для службы в Средиземном море. К 1823 г. все суда русской эскадры были уже списаны и переданы на слом. Что касается трех новых фрегатов, то, по данным Р. Бартли, первый был списан в 1822 г. в Кадисе, второй затонул в 1823 г. вблизи Кубы, а третий списали в Гаване в 1828 г.¹¹⁸

Рассматривая вопрос о продаже русской эскадры Испании, следует также обратить внимание на различие позиций Татищева в Мадриде и царского правительства в С.-Петербурге, что выразилось в отказе Алек-

фрегаты «Легкий», «Проворный» и «Поспешный» вышли из Кронштадта и осенью того же года прибыли в Кадис (см.: В. М. Мирошевский. Указ. статья.— «Вестник ЛГУ», 1964, № 8, стр. 70; «Отечественные записки», 1820, ч. II, стр. 40). В 1819 г. в Мадриде было подписано дополнительное соглашение, в соответствии с которым Испания немедленно уплачивала 2605 тыс. фр. серебром, которые она получала от Франции, а в 1820 г.— еще 170 тыс. ф. ст. (всего 5300 тыс. руб. асс.).— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7560, лл. 124—125.

¹¹⁸ R. H. Bartley. Op. cit., p. 277—278; «Вестник ЛГУ», 1964, № 8, стр. 70; Л. Ю. Слэскин. Указ. соч., стр. 188. В «Дневниковых записях о походе в Калифорнию и обратно 1820 года» К. Т. Хлебников упоминал о приходе в 1819 г. из Мексики фрегата, купленного у России, «на котором доставлено в команду Калифорнии доста человек солдат».— АГО, ф. 99, оп. 1, д. 18, л. 17.

сандра I ратифицировать заключенную русским посланником «секретную конвенцию» и замене ее задним числом «актом о продаже». Царское правительство, хотя и следовало реакционным принципам легитимизма, не хотело предпринимать каких-либо сепаратных действий и связывать себя обязательством оказывать Испании военную поддержку в подавлении восставших колоний. Влиятельный русский посол в Париже Поццо-ди-Борго прямо высказывался за то, чтобы «не обещать и не предоставлять Испании легкомысленно вооруженную поддержку»¹¹⁹.

Конечно, всякая «коммерческая сделка» при определенных условиях может приобрести и очень часто действительно приобретает политическое значение. Соглашение о продаже русской эскадры не было в этом смысле исключением. И как бы царское правительство ни стремилось придать соглашению характер простой торговой сделки, «акт о продаже» в конкретных условиях 1817—1818 гг. приобретал совершенно определенный политический отснок. Но речь, как нам представляется, все же должна идти именно об «акте о продаже», а не о секретной русско-испанской конвенции, текст которой не был утвержден царским правительством. Очевидно также, что продажа кораблей усиливала военный потенциал метрополии, хотя сам по себе факт продажи военных кораблей не был формальным нарушением политики нейтралитета, поскольку оружие Испании продавалось в то время многими державами, включая США и Англию. Кстати, и сам Татищев не был сторонником вооруженного подавления колоний и в этой связи конфиденциально писал премьер-министру Писарро, что испанское правительство должно понимать, что «одна сила, не сопровождаемая справедливостью и умеренностью, могла бы принести только непрочные и непродолжительные результаты»¹²⁰.

В своей практической политике царское правительство не могло не учитывать реальный ход событий в Америке и в этой связи проявляло особый интерес к

¹¹⁹ К. О. Поццо-ди-Борго — К. В. Нессельроде, 21 сентября (3 октября) 1817 г.— Сб. РИО, т. 119, стр. 391—395.

¹²⁰ Д. П. Татищев — Писарро, 6 (18) июня 1817 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7548, л. 324.

получению объективной и достоверной информации. Именно эта цель была поставлена, в частности, в инструкциях, предназначавшихся для нового русского посланника в Вашингтоне летом 1817 г. «Французская революция,— указывалось в этих инструкциях,— придала Европе новую форму. Она оказала влияние и на остальной мир... Уже американская война была сигналом и предвестником всех последующих потрясений». Затем произошли события в испанских колониях. Посланнику предписывалось в этой связи без всякой предвзятости и насколько возможно объективно освещать все то, что происходит в Южной Америке. Русское министерство хотело знать реальные факты и объективные тенденции развития событий в Америке, которые бы не предназначались для «отстаивания бесплодных гипотез» или оправдания какой-либо определенной системы¹²¹.

Не желая, чтобы испанский посланник в Вашингтоне Л. Онис воспользовался его прибытием в США для распространения мнения об «абсолютном единстве» взглядов С.-Петербурга и Мадрида, Полетика писал Каподистрии 27 февраля (11 марта) 1818 г.: «При нынешнем состоянии этих несчастных колоний достаточно иметь обыкновенный здравый смысл, чтобы предположить невозможность их безоговорочного возвращения под владычество Испании. Их частичная, если не полная, эмансипация почти неизбежна. Любые гипотезы и политические расчеты относительно Испанской Америки непременно должны включать в себя этот результат». В свою очередь И. А. Каподистрия в развернутых инструкциях от 18(30) апреля 1818 г. указывал: «Император, принимая участие в посредничестве (если посредничество будет иметь место), очень далек от желания способствовать благодаря своему влиянию тому, чтобы колонии были подчинены метрополией... Как друг и союзник е. католического в-ва император не прекратит настаивать на том, чтобы колонии получили *от своей метрополии* управление, основанное на принципах национального представительства и свободах, зависящих от этого»¹²².

¹²¹ «Memoire destiné à servir d'Instruction...» — АВІР, ф. Канцелярия, д. 12182, л. 23 и далее.

¹²² И. А. Каподистрия — П. И. Полетике, Варшава, 18 (30) апреля 1818 г. — «АНР», Vol. XVIII, N 2, January 1913, p. 310—315. Под-

Из писем Дж. Монро своим предшественникам на посту президента США от 23 ноября 1818 г. видно, что отношение Соединенных Штатов к «союзным державам в связи с Ю[жной] Америкой» было самым благожелательным. Американские посланники в Лондоне и Париже беседовали с лордом Каслри, герцогом Ришелье и русским послом в Париже графом Поццо-ди-Борго и «были осведомлены этими министрами, что их правительства не могут успешно решить этот вопрос без С[оединенных] Штатов»¹²³.

Ни о каких односторонних и сепаратных действиях России, разумеется, не могло быть и речи. Подводя итоги длительному обсуждению испано-американского вопроса на Аахенском конгрессе, император Александр I откровенно писал Фердинанду VII в декабре 1818 г. из Вены, что все разногласия держав в отношении «коллективного вмешательства» могут быть сведены к «одной-единственной трудности» — оппозиции «*принципу военного сотрудничества*». Подобное сотрудничество, указывал далее царь, в той мере, в которой оно затрагивает «использование военной силы», принципиально неприемлемо для английского правительства. «Не в меньшей степени оно неприемлемо и в глазах других держав,— подчеркивал Александр I,— поскольку оно действительно практически неосуществимо»¹²⁴.

линник см.: АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 14, лл. 15—20. Нам уже приходилось отмечать, что известный американский историк проф. У. С. Робертсон в свое время изменил смысл приводимой цитаты, придав ей прямо противоположное значение (см.: «ННИ», 1957, № 3, стр. 52—53). В английском переводе У. С. Робертсона оказалось, что как друг и союзник испанского короля Александр I *не будет настаивать*, чтобы колонии получили от метрополии управление, основанное на принципах национального представительства! Это тем более поразительно, что во французском тексте употреблено очень сильное отрицание — «*ne cessera point d'insister*», т. е. по существу «ни в коем случае не прекратит настаивать», или «будет продолжать настаивать» (W. S. Robertson. *Russia and the Emancipation of Spanish America*.— «НАНР», May 1941, Vol. XXI, N 2, p. 204. Сверка по подлиннику в АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 14, л. 18).

¹²³ Дж. Монро — Т. Джефферсону, Дж. Мэдисону, 23 ноября 1818 г.— J. Monroe. Writings, 7 Vls. New York, 1898—1903, Vol. VI, p. 84, 85.

¹²⁴ Александр I — Фердинанду VII, Вена, 10(22) декабря 1818 г. (Projet de lettre de Cabinet à S. M. le Roi d'Espagne. Approuvé à Vienne 6(18) Décembre 1818).— АВПР, ф. Канцелярия, д. 6590,

Этот документ не оставляет сомнений в истинном характере политики держав, и в частности России. О вооруженном вмешательстве в Латинскую Америку не могло быть и речи в первую очередь потому, что такое вмешательство было практически неосуществимо. Разумеется, у европейских держав не было и особого энтузиазма воевать во славу его католического величества в далеких заморских владениях Испании.

Позиция европейских держав, и в частности России, в отношении Испанской Америки приобретала для США особое значение, и не удивительно, что в инструкциях новому американскому посланнику в С.-Петербурге Джорджу У. Кэмпбеллу этот вопрос занял центральное место¹²⁵. Государственный секретарь Дж. К. Адамс полагал: поскольку Россия не имеет прямых интересов в испано-американском вопросе, Александр I рассматривает его лишь в общем плане «господства и подчинения» и в этой связи исходит из принципа, что в отношениях между государем и его подданными право всегда на стороне первого. В то же время другой могущественный член европейского концерна — Великобритания оказывалась заинтересована в развитии торговых связей с южноамериканским рынком. «Революция в Южной Америке открыла для ее торговли Новый Свет, который в случае реставрации колониального господства Испании вновь будет для нее закрыт». В результате политика британского кабинета строится на «компромиссе между легитимизмом и торговлей» — политическое верховенство необходимо восстановить, но испанские колонии должны пользоваться свободой в торговых отношениях с другими странами.

До последнего времени, отмечал Дж. К. Адамс, европейские державы не сообщали правительству Соединенных Штатов никаких деталей о предполагаемом посредничестве между Испанией и ее колониями в Америке Единственно, что было известно Соединенным Штатам, — это «мемуар русского кабинета», датированный ноябрем

лл. 6—9. В испанских архивах подлинник этого документа обнаружил Р. Бартли (*R. H. Bartley. Op. cit.*, p. 290—291).

¹²⁵ Полный текст инструкции Дж. К. Адамса Дж. У. Кэмпбеллу от 28 июня 1818 г. см.: *NA, DI, AC, Vol. VIII*, p. 205—214; *J. A. Adams. Writings, Vol. VI*, p. 366—377; *DCUS, Vol. I, N 58*, p. 71—74 (испано-американская часть).

1817 г.¹²⁶ Американским посланникам в Париже и Лондоне были даны инструкции неофициально передать соответствующим правительствам, что США столь сильно заинтересованы в данном вопросе, что им необходимо знать о намерениях и действиях европейских держав. До сих пор политика США, как и политика европейских держав, в отношении борьбы Испании против ее восставших колоний заключалась в сохранении нейтралитета. Американское правительство, по словам Дж. К. Адамса, «искренне хотело бы следовать этому курсу в согласии с союзниками и в будущем», но оно «не будет участвовать и не может одобрить любое вмешательство, кроме того, которое призвано способствовать полной экономической и политической независимости колоний».

Некоторое время спустя Дж. К. Адамс специально запросил мнение Дж. У. Кэмпбелла по ряду конкретных вопросов, связанных с Испанской Америкой. Государственный секретарь особенно интересовался тем, какую позицию «русское правительство займет в отношении спора между Испанией и ее колониями и в каком свете оно будет рассматривать признание Соединенными Штатами независимости колоний? Будет ли оно рассматривать это в качестве акта, враждебного Испании, и в случае объявления Испанией войны Соединенным Штатам примет ли Россия в ней участие на ее стороне»¹²⁷.

Прибыв в С.-Петербург 17 сентября 1818 г., Дж. У. Кэмпбелл уже не застал в столице ни Александра I, ни К. В. Нессельроде, которые незадолго до этого уехали на конгресс в Аахен, и был принят временным управляющим министерством иностранных дел П. Я. Убри. Отсутствие в столице руководителей царского правительства, естественно, затруднило получение официальных сведений о позиции России по основным международным вопросам. «Здесь трудно собрать какую-либо достоверную информацию о взглядах государей, собравшихся в Аахене,— жаловался Кэмпбелл в

¹²⁶ DCUS, Vol. III, N 1011, p. 1853—1859. Подробный анализ меморандума см.: Л. Ю. Слэзкин. Указ. соч., стр. 150—155.

¹²⁷ Дж. К. Адамс — Дж. У. Кэмпбеллу, 20 августа 1818 г.— DCUS, Vol. I, N 62 p. 75.

первом донесении из С.-Петербурга.— Мне нет нужды сообщать Вам, что никто не говорит здесь свободно о государственных делах, а газеты по таким вопросам хранят полное молчание» или перепечатаывают отдельные параграфы из иностранных источников¹²⁸.

Отсутствие официальной информации Дж. У. Кэмпбелл стремился восполнить беседами с иностранными дипломатами и своими новыми друзьями в высшем обществе русской столицы. Существенную помощь посланнику оказали советы и рекомендации, которыми его в изобилии снабдил Дж. К. Адамс¹²⁹. Хотя донесения Кэмпбелла, особенно до возвращения Александра I в С.-Петербург, вряд ли могут служить очень надежным источником информации о внешней политике России, в некоторых случаях они использовались (кстати, в искаженном виде) для подтверждения версии об исключительно враждебном отношении царского правительства к восставшим колониям и существовании непосредственной угрозы вооруженного вмешательства России в дела Западного полушария на стороне Испании. Так, еще Дж. Хилдт писал, что русский император будет «в неблагоприятном свете рассматривать признание южноамериканских колоний Испании американским правительством» и что он стремился склонить своих союзников к интервенции «для того, чтобы предотвратить возникновение таких обширных независимых государств и последующее распространение республиканских принципов». Особое недоумение вызывала заключительная фраза о том, что «в случае войны он (Александр I.— Н. Б.) самостоятельно объединится с Испанией против Соединенных Штатов». Итак, речь шла практически о неограниченной поддержке Испании вплоть до участия в войне с Соединенными Штатами даже независимо от позиции других участников Священного союза! При этом Дж. Хилдт ссылаясь на донесение Дж. У. Кэмпбелла Дж. К. Адамсу от 10(22) декаб-

¹²⁸ Дж. У. Кэмпбелл — Дж. К. Адамсу, 25 сентября (7 октября) 1818 г., № 1.— NA, DD, Russia, Vol. VII.

¹²⁹ См.: Дж. К. Адамс — Дж. У. Кэмпбеллу, 29 июня 1818 г.— MHS, The Adams Papers, JQA. Letter-book 22, p. 55—56. См. также рекомендательные письма графу Лавалю, Ф. Г. Брею, А. М. Серра-Каприола и др.— Ibid., p. 54—58 (10421, 10422, 10425).

ря 1818 г. (№ 3), хранящееся в бумагах государственного департамента в Вашингтоне ¹³⁰.

Проверка текста донесения по архивному подлиннику сразу же выявила очевидное искажение смысла. Дж. У. Кэмпбелл действительно отмечал, что русский император будет «в неблагоприятном свете» рассматривать признание независимости восставших колоний американским правительством и даже высказывал предположение, что «при наличии перспективы успеха» Александр I будет стремиться склонить союзные державы к вмешательству для предотвращения распространения «республиканских принципов», но! «он (император.— Н. Б.) не объединится самостоятельно с Испанией в войне против Соединенных Штатов» (подчеркнуто нами.— Н. Б.).

Трудно сказать, каким образом Дж. Хилдт мог пропустить малозаметную, однако очень важную частицу «не» и тем самым придать документу совершенно противоположный смысл. Это тем более удивительно, что сразу же вслед за этим Дж. Кэмпбелл подробно развивает свою мысль и приводит причины, подтверждающие высказанное им мнение о том, что Россия не прибегнет к оружию. Хотя военные силы России огромны (они исчислялись более чем миллионом солдат), Кэмпбелл полагал, что Александр I по своему характеру является «расчетливым политиком», а не военным и поэтому «не стремится вести войну» ¹³¹.

Примерно аналогичное искажение смысла было допущено Хилдтом и при изложении другого донесения американского посланника в С.-Петербурге: «После того как Кэмпбелл имел первую беседу с императором, он вновь написал домой, что Россия будет рассматривать в неблагоприятном свете признание Соединенными Штатами независимости испанских колоний и что в случае войны она будет на стороне Испании» ¹³². И снова в архивном подлиннике донесения Дж. У. Кэмпбелла Дж. К. Адамсу от 6(18) февраля 1819 г. стоит про-

¹³⁰ J. C. Hildt. Op. cit., p. 125.

¹³¹ Дж. У. Кэмпбелл — Дж. К. Адамсу, 10(22) декабря 1818 г., № 3.— NA, DD, Russia, Vol. VII; DCUS, Vol. III, N. 1012, p. 1859—1860.

¹³² J. C. Hildt. Op. cit., p. 125 (подчеркнуто нами.— Н. Б.).

пущенное Дж. Хилдтом отрицание «не». Американский посланник писал, что Россия, по-видимому, «не (!) будет в этом случае стараться выступить на стороне Испании», хотя и отмечал ее приверженность «делу легитимизма» и неблагоприятное отношение к «распространению принципов свободы»¹³³.

Надо сказать, что конкретное содержание беседы с царем 7 февраля 1819 г. вообще не давало какого-либо повода для беспокойства. По свидетельству Кэмпбелла, Александр I принял его «самым сердечным образом» и вновь подтвердил свое твердое намерение сохранять с Соединенными Штатами «наиболее дружественные отношения». Что касается Испании, то, по словам Александра I, державы, собравшиеся в Аахене, посоветовали ей предложить своим колониям условия, которые были бы разумными и могли быть ими приняты. В качестве посредника Испании предложили такого выдающегося и независимого человека, как Веллингтон, но еще не получили от нее никакого ответа¹³⁴.

Как известно, Испания категорически отвергла все предложения о посредничестве держав. Упрямство мадридского двора было достойно лучшего применения. В памятной записке русского министерства от 19(31) декабря 1818 г. указывалось: «Если испанский король не примет европейское посредничество в делах колоний и на условиях, указанных Англией, он окончательно потеряет еще оставшиеся у него провинции в Америке и, кроме того, всякое уважение к себе на полуострове». В начале следующего, 1819 г. Татищев сообщал из Мадрида: «Я использовал все имеющиеся в моем распоряжении средства, чтобы склонить короля призвать к себе герцога Веллингтона, и если бы благосклонность ко мне была таковой, как ее мне приписывают, е. в., вероятно, уступил бы моим настойчивым просьбам; но, несмотря на все, мои усилия оказались бесполезными, и, каким бы образом я ни представлял дело, король продолжал считать его опасным для Испании и унижительным для своей персоны»¹³⁵.

¹³³ Дж. У. Кэмпбелл — Дж. К. Адамсу, 6(18) февраля 1819 г., № 5.— NA, DD, Russia, Vol. VII; DCUS, Vol. III, N 1013, p. 1861.

¹³⁴ Ibidem.

¹³⁵ Л. Ю. Слѣзкин. Указ. соч., стр. 177; АВПР, ф. Канцелярия, д. 126, лл. 7—8, д. 7556, лл. 5 и др.

Последнее донесение Дж. У. Кэмпбелла, которое иногда фигурирует в качестве доказательства подготовки Россией вооруженного вмешательства в Латинскую Америку, датируется 21 апреля (3 мая) 1819 г. «Есть основание полагать,— писал Кэмпбелл,— что ко времени окончания Аахенского конгресса русское правительство дало инструкции подготовить к активной службе к началу весны 12 линейных кораблей, не считая других судов. Полагают, что этот шаг был предпринят с целью подготовиться к сотрудничеству с Испанией на тот случай, если бы понадобилось провести такие мероприятия, которые могли бы быть предприняты в отношении восставших колоний по рекомендации союзных монархов... Однако после возвращения императора в столицу прежние распоряжения, как говорят, были отменены и для службы готовится только обычное число военных кораблей».

Любопытно, что основной вывод самого Кэмпбелла заключался как раз в том, что революция в Испанской Америке будет развиваться в дальнейшем без всякого вмешательства европейских держав, и в частности России. «Теперь есть основание полагать,— писал посланник США,— что борьба за независимость в Южной Америке будет развиваться без вмешательства из этой части света (without interruption from this quarter). Поведение старой Испании, как полагают, не является таким, какое может вызвать со стороны императора желание вмешаться в ее пользу»¹³⁶.

В общем плане весьма проницательным представляется замечание члена палаты представителей от Луизианы м-ра Робертсона, который подчеркивал в своем выступлении в конгрессе 26 марта 1818 г., что «союзные деспоты Европы» не могут «вести войны ради удовольствия и честолюбия», так как они слишком заняты тем, «чтобы держать в повиновении своих собственных подданных». Европейские армии предназначены, по его мнению, не для того «чтобы делать внешние завоевания». Они должны содержать в рабстве жителей своих собственных стран и сохранять королей на их

¹³⁶ Дж. У. Кэмпбелл — Дж. К. Адамсу, 21 апреля (3 мая) 1819 г., № 6.— NA, DD, Russia, Vol. VII. Частично опубл.: DCUS, Vol. III, N 1014, p. 1862.

престоле. «Для этой цели необходимы все три миллиона солдат», и у них нет возможности отправляться через Атлантику¹³⁷.

Определенные признаки скрытого недовольства внутри страны заметил и Кэмпбелл, в частности во время своей трехнедельной поездки в Москву летом 1819 г. Быстрое восстановление великолепного города было связано, по мнению американского дипломата, с усилением гнета «автократической власти над индивидуальным собственником» и ростом недовольства Александром I в Российской империи. Посланнику пришлось слышать жалобы на чрезмерные расходы по содержанию в мирное время огромных военных сил. Расквартирование воинских частей в деревнях лишь усилило притеснения и увеличило недовольство¹³⁸. В частном письме парижскому коллеге А. Галлатину Дж. У. Кэмпбелл сообщал, что «долгое царство деспотизма» привело к невежеству и последующей апатии народных масс. И хотя «император, несомненно, расположен улучшить их положение, его благотворительные намерения, как полагают, сильно сдерживаются опасениями последствий неожиданного увеличения свободы государственных крестьян, а также открытой оппозицией дворян любой мере, могущей повредить собственности, которой они владеют»¹³⁹.

Мы позволили себе столь пространно процитировать ряд донесений Дж. У. Кэмпбелла, чтобы исключить всякие сомнения в отношении их действительного содержания. Причины миролюбия Александра I и других европейских монархов в отношении Испанской Америки заключались, разумеется, не в каких-то особых свойствах их характера, высоких принципах христианской религии и т. п., а во вполне реальных, «земных» причинах — взаимных противоречиях держав, позиции Великобритании, а также практических возможностях союзных государств.

¹³⁷ *E. H. Tatum. Op. cit.*, p. 49; *Annals of Congress*, 15th Congress, 1st Session, House, March 26, 1818.

¹³⁸ Дж. У. Кэмпбелл — Дж. К. Адамсу, 6(18) августа 1819 г., № 12.— *NA, DD, Russia, Vol. VII.*

¹³⁹ Дж. У. Кэмпбелл — А. Галлатину, 26 октября (7 ноября) 1819 г.— *NYHS, Gallatin, 1819, N 82.*

Важную роль в разъяснении позиции царского правительства, развитии общего взаимопонимания и расширения конкретных связей между Россией и Америкой сыграла миссия П. И. Полетики. Приезд нового посланника в Соединенные Штаты весной 1819 г.¹⁴⁰ окончательно ликвидировал все последствия инцидента, связанного с арестом Н. Я. Козлова, и привел к возрождению деятельности русских дипломатических и консульских представителей в Соединенных Штатах¹⁴¹.

О характере взаимоотношений между новым посланником и Дж. К. Адамсом можно судить, в частности, по столь необычному в дипломатической практике случаю, как разрешение П. И. Полетике взять на дом и скопировать оригинал испано-американского договора от 22 февраля 1819 г.¹⁴² Оказывая «необычный знак доверия», Дж. К. Адамс стремился произвести впечатление не столько на самого посланника, сколько на Александра I¹⁴³. Со своей стороны Полетика познакомил государственного секретаря с содержанием

¹⁴⁰ П. И. Полетика — Дж. К. Адамсу, 27 апреля 1819 г.— NA, Notes, Russia, Vol. I.

¹⁴¹ На место генерального консула в Филадельфии 18(30) сентября 1818 г. был назначен советник миссии в Вашингтоне Ф. Ф. Иванов, признанный правительством США 30 июня 1819 г. (см.: АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 16, лл. 29, 95). На свой старый пост консула в Бостоне еще в конце 1817 г. вернулся А. Г. Евстафьев. В стране существовала также довольно разветвленная система вице-консулов и консульских агентов, функции которых обычно выполняли американские граждане: *вице-консулы* — Дж. Г. Богарт (J. G. Bogart), Нью-Йорк (с 7 марта 1810 г.), Э. Холландер (E. Hollandert), Новый Орлеан (с 21 июля 1817 г.), Дж. Свифт (J. Swift), Александрия (с 3 апреля 1810 г. и вице-консул с июня 1814 г.); *консульские агенты* — Ф. Уиттл (F. Whittle), Норфолк (с 31 марта 1810 г.), Ч. Диас (Ch. Deas), Чарлстон (с 4 апреля 1811 г.), С. Снос (S. Snoss), Провиденс (с 10 апреля 1812 г.), Э. Коал (E. Coale), Балтимор (с 3 мая 1815 г.), Т. Д. Петит де Вилер (T. D. Petit de Villers), Саванна (с 28 октября 1817 г.).— АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 16.

¹⁴² В соответствии с этим договором США добились разграничения на западе вплоть до Тихого океана и присоединили Флориду, которая еще ранее была оккупирована американскими войсками. Подробнее см.: Н. Н. Болховитинов. Доктрина Монро, стр. 95—116; *оп. же*. Присоединение Флориды Соединенными Штатами.— «ННИ», 1959, № 5.

¹⁴³ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. IV, p. 376—377; АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 16, лл. 1—6.

инструкций, данных ему царским правительством¹⁴⁴, и «самым положительным и торжественным образом» заверил, что Россия не имеет каких-либо специальных союзных обязательств в отношении Испании и что император решительно против таких обязательств. При этом Полетика подтвердил, что продажа русских судов Фердинанду VII была лишь торговой сделкой, «без какого-либо намерения Александра I встать на сторону Испании в ее конфликте с колониями» (сам Полетика эту операцию не одобрял). Кроме того, посланник обещал показать все имевшиеся у него протоколы Аахенского конгресса и действительно это выполнил, передал Дж. К. Адамсу через секретаря миссии С. Г. Ломоносова (лицейский друг А. С. Пушкина) соответствующие бумаги¹⁴⁵.

Учитывая отрицательное отношение союзных держав к признанию независимости восставших колоний, П. И. Полетика стремился убедить американское правительство воздержаться или во всяком случае не торопиться с установлением дипломатических отношений с новыми государствами, в частности с Буэнос-Айресом. Однако он был вполне убежден, что Испании уже никогда не удастся восстановить свое господство в Южной Америке и решительно отрицал наличие какой-либо особой предвзятости России к Южной Америке и симпатии к Испании. В свою очередь Дж. К. Адамс заверил посланника, что после того как американское правительство урегулировало свои разногласия с Испанией, оно отнюдь не склонно отступать от соблюдения строгого нейтралитета, и даже общественное мнение в этом вопросе, по всей видимости, несколько изменилось. Соединенные Штаты не связаны с европейской системой никакими «позитивными обязательствами», но они сознают «миролюбивый характер этой системы» и искренне желают согласовывать свои намерения «с политическими видами императора»¹⁴⁶.

Наиболее важной и острой проблемой для Соединенных Штатов начиная с лета 1819 г. стал вопрос о

¹⁴⁴ *J. Q. Adams. Memoirs, Vol. IV, p. 380.*

¹⁴⁵ *Ibid., p. 381, 384.*

¹⁴⁶ П. И. Полетика — К. В. Нессельроде, 18(30) мая 1819 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12193; *J. Q. Adams. Memoirs, Vol. IV, p. 442—443.*

ратификации упоминавшегося выше договора с Испанией. В июле 1819 г. маркиз Ирухо, которого считали ответственным за заключение невыгодного договора об уступке Флориды, был смещен со своего поста. В качестве предлога для затягивания ратификации был выдвинут вопрос о трех земельных пожалованиях в восточной Флориде, сделанных незадолго до подписания договора герцогу Алагону, графу Ростро и г-ну Варгасу. Правительство Соединенных Штатов заявило, что эти действия являются нарушением договора. Ввиду резкости ноты американского посланника Д. Форсита в Мадриде отказались ее принять. Одновременно было заявлено, что в Соединенные Штаты будет направлен представитель, который объяснит намерения короля¹⁴⁷.

В Соединенных Штатах считали, что английский посол в Мадриде использует все средства влияния, чтобы помешать ратификации договора¹⁴⁸. Об интригах английской дипломатии в Мадриде неоднократно доносил летом 1819 г. и Д. П. Татищев. Интересно отметить, в частности, что именно как результат этих интриг Татищев рассматривал земельные пожалования испанского короля во Флориде¹⁴⁹.

Трудности в ратификации договора 1819 г. усугублялись личными качествами нового американского посланника в Мадриде Д. Форсита, который мало подходил для выполнения своей деликатной миссии. Военный министр Дж. Кэлхаун не без ехидства заметил, что дипломатические ноты Форсита в точности напоминали его прежние речи в конгрессе, которые так раздражали его коллег. По отзыву же Дж. К. Адамса, Форсит не обладал «ни опытом, ни благоразумием, ни деликатностью чувств», необходимых для поста посланника при мадридском дворе¹⁵⁰.

Учитывая значение, которое в Вашингтоне придавали ратификации договора, П. И. Полетика постарался сделать все от него зависящее, чтобы ускорить решение

¹⁴⁷ М. Г. Салмон — Д. Форситу, 10 августа 1819 г. — ASP, FR, Vol. IV, p. 655—656.

¹⁴⁸ П. И. Полетика — К. В. Нессельроде, 27 июля (8 августа) 1819 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12193, л. 82.

¹⁴⁹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 7560, л. 31.

¹⁵⁰ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. IV, p. 521—522.

этого вопроса и предотвратить возможный разрыв между Испанией и США. Он рассчитывал при этом на влияние в Мадриде Д. П. Татищева, которому еще летом 1819 г. направил несколько специальных писем. Со времени присоединения Соединенными Штатами Луизианы обе Флориды (западная и восточная) стали, по словам Полетики, «настоящей аномалией» в испанской колониальной системе и превратились в обременительное владение, «которое в силу обстоятельств обязательно должно было ускользнуть от метрополии, чтобы усилить великую федеративную республику». Опираясь на информацию, полученную от Ониса и Адамса, русский посланник доказывал, что условия договора выгодны обеим сторонам, «безопасность Мексики прочно обеспечена», а линия границы к западу от Миссисипи даже более благоприятна для Испании, чем ранее предполагалось¹⁵¹.

Между тем Д. П. Татищев уже по собственной инициативе проявил определенный интерес к ратификации договора и сообщил Д. Форситу, что Соединенные Штаты смогут достичь успеха, если дадут обязательство не признавать независимость восставших колоний. Американский посланник, однако, был уверен, что в таком случае никакой ратификации вообще не будет. С другой стороны, Форсит заметил, что ратификация договора могла бы возбудить признательность к Испании, «которая была бы достаточно сильной, чтобы преодолеть естественное предрасположение, которое народ Соединенных Штатов испытывает к Южной Америке». Сам Татищев признавал справедливость американской точки зрения, но, намекая на позицию мадридского двора, заметил, что «невежество и самонадеянность» не внемлют разумным доводам¹⁵².

Получив письмо Полетики от 26 июля (7 августа) 1819 г., Татищев перед отъездом в отпуск «со всей настойчивостью» возобновил представления по поводу договора 1819 г. «Я с готовностью поддержал демарш г-на Форсита,— сообщал Татищев уже из Парижа в ок-

¹⁵¹ См.: П. И. Полетика — Д. П. Татищеву, 26 июля (7 августа) и 2(14) августа 1819 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12193, л. 93 и др.

¹⁵² Д. Форсит — Дж. К. Адамсу, 22 августа 1819 г.— DCUS, Vol. III, N 1093, p. 1987.

тябре 1819 г.,— и согласовал с ним наиболее приемлемую линию поведения, чтобы повлиять на решение испанского правительства; со своей стороны я продолжил бы разъяснения, которые могли бы более непосредственно воздействовать на точку зрения е. католического в-ва. Но то обстоятельство, что г-н Форсит не говорит ни на одном из языков европейского континента, вместе с недостаточной общительностью, которую можно заметить в характере этого посланника, должны были создать трудности, которые он оказался не в состоянии преодолеть»¹⁵³.

Оставшийся после отъезда Д. П. Татищева поверенным в делах М. Н. Булгари не прекращал попыток склонить Испанию к «согласию на ратификацию вашингтонского договора». Уже в октябре 1819 г. он смог сообщить П. И. Полетике, что получил от мадридского кабинета самые положительные заверения в том, что Испания стремится как можно скорее устранить свои разногласия с Соединенными Штатами. Именно с этой целью в Вашингтон направляется новый полномочный посланник Испании Ф. Д. Вивес¹⁵⁴.

Вопрос о Флориде и ратификации договора 1819 г. неоднократно обсуждался и в С.-Петербурге между Дж. У. Кэмпбеллом и К. В. Нессельроде. Управляющий русским ведомством иностранных дел неизменно благожелательно относился к сообщениям американского дипломата и в свою очередь с сожалением констатировал, что мадридский двор «не понимает собственных интересов». Отказываясь ратифицировать договор, заключенный ее полномочным министром, Испания, по словам Нессельроде, действовала явно неразумно. В то же время он подчеркнул важность сохранения мира между цивилизованными нациями в той мере, в которой это практически осуществимо¹⁵⁵.

Стремясь предотвратить разрыв между Испанией и США, царское правительство уполномочило П. И. По-

¹⁵³ Д. П. Татищев — П. И. Полетике, 9(21) октября 1819 г.— АВВР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 16, лл. 28—29.

¹⁵⁴ М. Н. Булгари — П. И. Полетике, 1(13) октября 1819 г.— АВВР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 16, лл. 190—194.

¹⁵⁵ Дж. У. Кэмпбелл — Дж. К. Адамсу, 20 октября (1 ноября) 1819 г., № 16.— NA, DD, Russia, Vol. VII.

лётнику оказывать в Вашингтоне всемерное содействие «делу мира и согласия». К. В. Нессельроде отмечал, что правительство США слишком просвещенно, чтобы предпринимать поспешные шаги, а «его права представляются достаточно серьезными, чтобы ослаблять их насильственным образом действий». При этом Нессельроде справедливо надеялся, что Испании «в конечном итоге придется уступить силе обстоятельств». Отмечая нежелание русского правительства вмешиваться в происходящую дискуссию и навязывать свое мнение иностранному правительству, Нессельроде в то же время рекомендовал Полетике убедить Соединенные Штаты проявить умеренность и предоставить Мадриду доказательство терпения, что, по всей видимости, оправдывается обстановкой¹⁵⁶.

Между тем в Соединенных Штатах уже серьезно изучали вопрос о возможности насильственного присоединения восточной Флориды. 7 декабря 1819 г. в годовом послании конгрессу о положении в стране президент Монро предложил решить вопрос о целесообразности для Соединенных Штатов односторонне осуществить условия договора так, как если бы он был ратифицирован Испанией¹⁵⁷. В ответ на запрос Дж. К. Адамса военный министр Дж. Кэлхаун сообщил имевшиеся у него сведения об испанских войсках во Флориде и на острове Куба. Министр полагал, что численность испанских войск в восточной Флориде не превышает 800 человек, включая около 500 солдат, которые в феврале

¹⁵⁶ К. В. Нессельроде — П. И. Полетике, 27 ноября (9 декабря) 1819 г.— ASP, FR, Vol. IV, p. 676. В тот же день Булгари были направлены инструкции, в которых выражалось желание, чтобы Испания ратифицировала договор об уступке Флориды. «Неужели Испания хочет лишиться этих прекрасных мест без всякой компенсации» и неужели, «занимая враждебную позицию в отношении Северной Америки», она «собирается дать Южной Америке последний сигнал и почти полную уверенность в ее окончательном освобождении?», — спрашивал Нессельроде и отмечал далее, что именно в этой связи император «был бы весьма рад узнать о своевременной ратификации акта об уступке Флориды» (К. В. Нессельроде — М. Н. Булгари, 27 ноября (9 декабря) 1819 г.— АВГР, ф. Канцелярия, д. 7561, лл. 18—20).

¹⁵⁷ Messages and Papers, ed. by J. D. Richardson, 10 Vls. Washington, 1903, Vol. II, p. 56—57.

1819 г. вновь заняли Пенсаколу и Сент Маркс¹⁵⁸. В начале 1820 г. генерал Э. Джексон, считавший, что необходимы «энергичные и быстрые меры», представил Кэлхану развернутый план военных операций¹⁵⁹.

В конце 1819 г. Д. Форсит пригрозил покинуть Мадрид, и лишь М. Н. Булгари смог убедить его отказаться от подобного намерения¹⁶⁰. Решило повременить с осуществлением насильственных действий и правительство Соединенных Штатов, причем важную, если не решающую роль в данном случае сыграла позиция России. Донесения Форсита и Кэмпбелла о шагах, предпринятых Россией, а также об очевидном желании царского правительства предотвратить разрыв между США и Испанией были получены в Вашингтоне в марте 1820 г. В свою очередь Полетика познакомил Адамса с депешей Нессельроде от 27 ноября (9 декабря) 1819 г., а также с частными письмами, полученными им от И. А. Каподистрии и К. О. Поццо-ди-Борго. Еще ранее он показал государственному секретарю письмо Д. П. Татищева от 9(21) октября 1819 г., а также другие документы, полученные в ответ на просьбу о содействии в ратификации вашингтонского договора¹⁶¹.

В записке, представленной президенту Дж. Монро 20 марта 1820 г., руководитель государственного департамента специально обращал внимание на позицию, занятую Россией. Царское правительство, по словам Дж. К. Адамса, «в полной мере осведомлено о фактах, относящихся к заключению флоридского договора, и недвусмысленно высказало мнение о том, что Испания должна его ратифицировать». Русский поверенный в делах в Мадриде сделал представления, в результате которых испанское правительство «дало самые твердые заверения в стремлении и желании короля дружественным образом урегулировать разногласия». Дж. К. Адамс отметил далее, что русский император выразил «настоятельное пожелание», чтобы Соединенные Штаты не

¹⁵⁸ Дж. Кэлхан — Дж. К. Адамсу, 22 декабря 1819 г.— *J. C. Calhoun. Correspondence. Washington, 1900, p. 164—165.*

¹⁵⁹ *A. Jackson. Correspondence, ed. by J. S. Bassett and J. F. Jameson, 7 Vols. Washington, 1926—1935, Vol. III, p. 1, 2—6.*

¹⁶⁰ Д. Форсит — Дж. К. Адамсу, 3 января 1820 г.— *ASP, FR, Vol. IV, p. 674—675.*

¹⁶¹ *J. Q. Adams. Memoirs, Vol. IV, p. 458—459, Vol. V, p. 24.*

предпринимали каких-либо враждебных действий, которые могли бы поставить под угрозу «общий мир в Европе». Это мнение в полной мере разделялось и правительством Франции. Учитывая сложившуюся обстановку, Адамс рекомендовал проявить умеренность и не предпринимать шагов к насильственной оккупации территории Флориды. Представляя Дж. Монро полученные из Европы сведения, государственный секретарь предложил обсудить, не будет ли целесообразно сообщить соответствующие документы и факты конгрессу вместе с рекомендацией отложить какие-либо действия в отношении Флориды вплоть до следующей сессии. Это явилось бы, по мнению Дж. К. Адамса, примером «умеренности и великодушия» к Испании, уважения к «пожеланиям и советам» России и Франции, а также «разумной политикой в том, что касается внутренних дел Соединенных Штатов»¹⁶².

На следующий день (21 марта 1820 г.) было созвано заседание американского кабинета для обсуждения проекта послания президента конгрессу. С возражениями по поводу послания выступил военный министр Дж. Кэлхун, полагавший, что нет достаточных оснований для того, чтобы отказываться от мероприятий, предлагавшихся президентом при открытии сессии конгресса в декабре 1819 г. С другой стороны, государственный секретарь вновь напомнил о дружественных и конфиденциальных рекомендациях, сделанных Россией и Францией. В конечном итоге было решено показать проект послания председателю комитета по иностранным делам палаты представителей Уильяму Лоундесу, а также русскому посланнику П. И. Полетике, а затем еще раз представить текст на окончательное утверждение кабинета¹⁶³.

В тот же день Дж. К. Адамс направил У. Лоундесу письмо, в котором развивал свои соображения об отсрочке каких-либо действий в отношении восточной Флориды. Государственный секретарь отмечал, что правитель-

¹⁶² См. записку государственного секретаря президенту от 20 марта 1820 г., а также соответствующие дневниковые записи Дж. К. Адамса.—MSH, *The Adams Papers*, JQA. Letter-book 22, p. 102; *J. Q. Adams. Writings.*, Vol. VII, p. 2; *idem. Memoirs*, Vol. V, p. 25—26.

¹⁶³ *J. Q. Adams. Memoirs*, Vol. V, p. 28—31.

ства России и Франции крайне опасаются возможности насильственной оккупации этой территории Соединенными Штатами и настоятельно рекомендуют воздержаться от этого шага. Если в настоящее время «мнение всей Европы по данному вопросу в нашу пользу», то «преждевременные насильственные меры могли бы,— по словам Адамса,— не только спровоцировать войну с Испанией», но и представить США как агрессора в глазах тех, кто в настоящее время к ним особенно расположен¹⁶⁴. Хотя сам У. Лоундес не высказал определенного мнения, по характеру его замечаний Дж. К. Адамс пришел к выводу, что послание президента скорее соответствует его взглядам, чем им противоречит¹⁶⁵.

Когда Дж. К. Адамс 22 марта сообщил П. И. Полетике о намерении президента направить конгрессу послание в соответствии с пожеланиями русского правительства и с официальным упоминанием о взглядах императора по поводу урегулирования противоречий с Испанией, то посланник выразил уверенность, что этот шаг будет воспринят в России с большим удовлетворением. Более того, на следующий день Полетика явился в кабинет государственного секретаря и вновь показал имевшиеся у него официальные и частные бумаги, относящиеся к данному вопросу. Посланник не возражал, чтобы Адамс использовал копию официальной депеши Нессельроде от 27 ноября (9 декабря) 1819 г. Текст послания президента получил полное одобрение и французского посланника в Вашингтоне. В результате Дж. Монро решил, что может направить послание конгрессу, даже не созывая нового заседания кабинета¹⁶⁶.

27 марта 1820 г. согласованный текст президентского послания вместе с соответствующей документацией был направлен конгрессу. Президент отмечал заинтересованность Александра I в содействии ратификации договора от 22 февраля 1819 г., о чем были получены положительные сведения от русского посланника в Вашингтоне. «По настоянию поверенного в делах императора России испанское правительство дало новое заверение в том, что

¹⁶⁴ Дж. К. Адамс — У. Лоундесу, 21 марта 1820 г.— ASP, FR, Vol. IV, p. 674; DCUS, Vol. I, N 81, p. 109.

¹⁶⁵ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. V, p. 34.

¹⁶⁶ Ibid., p. 34—35.

назначенный недавно в Соединенные Штаты посланник приступит к своей миссии без задержки и с полномочием урегулировать все расхождения путем, который был бы удовлетворителен для обеих сторон». В послании указывалось далее, что правительства России и Франции «выразили настоятельное пожелание, чтобы США не предпринимали в настоящее время каких-либо шагов, основанных на принципе репрессалий, которые могли бы привести к нарушению мира». Учитывая «деликатную манеру, в которой эти взгляды были сообщены», Дж. Монро приходил к выводу, что эта точка зрения основана на стремлении к тому, чтобы «наша справедливая цель могла быть достигнута без риска подобной крайности». Президент рекомендовал в этой связи конгрессу отложить решение по вопросам, касающимся отношений с Испанией, до следующей сессии¹⁶⁷.

Когда известие о послании президента Монро от 27 марта 1820 г. пришло в С.-Петербург, Нессельроде не замедлил выразить Кэмпбеллу удовлетворение русского правительства по поводу отсрочки Соединенными Штатами осуществления мер по овладению территорией Флориды. Со своей стороны американский посланник заметил, что «дружественная заинтересованность» императора в этом деле, несомненно, была принята во внимание и сыграла свою роль в определении курса, рекомендованного президентом¹⁶⁸. Во время прощальной аудиенции с посланником США Александр I с «явной искренностью» заявил, что его тронула манера, в которой президент упомянул о нем в своем последнем послании конгрессу по вопросу о Флориде. Царь подчеркнул, что исходя из своего географического положения, которое не дает оснований для какого-либо столкновения интересов, США и Россия должны поддерживать друг с другом самое лучшее взаимопонимание и развивать выгодные торговые связи. Он особо просил Кэмпбелла заверить правительство США, что оно всегда найдет в нем «действительного и лояльного друга». По отзыву американского дипломата, царь стремился «произвести самое

¹⁶⁷ Messages and Papers, Vol. II, p. 69—70.

¹⁶⁸ Дж. У. Кэмпбелл — Дж. К. Адамсу, 6 (18) июня 1820 г., № 25.— NA, DD, Russia, Vol. VII.

сильное впечатление в отношении своего дружеского расположения к Соединенным Штатам»¹⁶⁹.

Позиция, занятая Россией, сыграла, как мы видели, существенную роль в предотвращении новой насильственной оккупации Флориды и способствовала известному умиротворению в отношениях между Соединенными Штатами и Испанией. Впрочем, с начала 1820 г. в связи с быстрым развитием революции внутри страны и новыми успехами национально-освободительного движения на Американском континенте испанское правительство вряд ли могло думать о серьезном сопротивлении требованиям США. В этих условиях новому испанскому посланнику в Соединенных Штатах Ф. Д. Вивесу, прибывшему в Вашингтон в апреле 1820 г., было трудно рассчитывать на какие-либо существенные уступки американского правительства. Соединенные Штаты не были намерены связывать себя обещанием не признавать в будущем независимость восставших испанских колоний в Америке. Правда, Дж. К. Адамс все же намекнул посланнику, что в Вашингтоне не будут торопиться с признанием южноамериканцев¹⁷⁰. Этим весьма неопределенным заявлением Испании пришлось в конце концов удовлетвориться и ратифицировать договор осенью 1820 г. Обмен ратификационными грамотами произошел 22 февраля 1821 г., т. е. ровно два года спустя после подписания договора.

В свое время комментируя согласие мадридского правительства на передачу Флориды Соединенным Штатам, тогдашний русский посланник в Вашингтоне А. Я. Дашков образно заметил, что Испания ампутировала ногу, чтобы, быть может, спасти туловище¹⁷¹. Надежды Мадрида на сохранение своих колоний не оправдались. «Сведения из Южной Америки, недавно полученные здесь через Кюрасао и Каракас,— писал Полетика Нессельроде в конце 1821 г.,— не оставляют более никакого сомнения не только в независимости Перу, но и в занятии патриотами Картахена, которым завершается, так сказать, освобождение испанских владений

¹⁶⁹ Дж. У. Кэмпбелл — Дж. К. Адамсу, 25 июня (7 июля) 1820 г., № 26.— Ibidem.

¹⁷⁰ J. Q. Adams. *Memoirs*, Vol V, p. 86.

¹⁷¹ А. Я. Дашков — К. В. Нессельроде, 20 февраля (4 марта) 1819 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12189, л. 25.

на обширном континенте... Даже самые поверхностные наблюдатели уже давно могли предсказать, что испанские провинции в Америке ускользнут в конце концов из-под власти метрополии...»

Кстати, сам П. И. Полетика не видел большой беды для метрополии в разрушении огромного колониального здания, «которое Испания воздвигала в этом полушарии и которым она спокойно владела на протяжении более чем трех столетий». По мнению посланника, окончательная утрата Испанией «американских владений упростит и ее внутреннее управление, и внешнюю политику. Прежде всего положение Испании по отношению к Англии и Соединенным Штатам Америки почти сразу же станет более независимым... Торговля и мореплавание Испании, оправившись от первого удара, станут использовать прежние колонии с большей выгодой, чем какая бы то ни было другая нация, ибо испанцы будут пользоваться тем преимущественным положением, обусловленным той же духовной близостью, которая так благоприятствовала английской торговле в Соединенных Штатах, несмотря на всю политическую антипатию, существовавшую между двумя странами»¹⁷².

Трезвые и объективные донесения П. И. Полетики не могли не содействовать формированию в С.-Петербурге более правильного представления о событиях в Испанской Америке. В немалой степени они способствовали также взаимопониманию с правительством Соединенных Штатов.

Наряду с П. И. Полетикой значительную роль в развитии русско-американских отношений сыграл Генри Миддлтон, находившийся в С.-Петербурге в качестве посланника США почти 10 лет (с 9 ноября 1820 г. по 3 августа 1830 г.)¹⁷³. Назначению в С.-Петербург

¹⁷² П. И. Полетика — К. В. Нессельроде, 19 ноября (1 декабря) 1821 г. — «НИИ», 1966, № 5, стр. 112—113 (подлинник см.: АВПР, ф. Канцелярия, д. 12204, лл. 3—5).

¹⁷³ До недавнего времени каких-либо специальных исследований о деятельности Миддлтоне не существовало. В 1970 г. этот пробел был восполнен Г. Е. Бергквистом, который провел детальное изучение миссии Миддлтоне в России (*H. E. Bergquist, Jr. Russian-American Relations, 1820—1830; The Diplomacy of Henry Middleton, American Minister at St. Petersburg.* Boston University, 1970). К сожалению, исследователь основывался главным образом на американ-

Миддлтон был обязан Дж. Кэлхауну, предложившему его кандидатуру на ставший в то время вакантным пост посланника в России¹⁷⁴. Богатый плантатор как нельзя лучше подходил для аристократического С.-Петербурга, где ему предстояло защищать интересы американских рабовладельцев в связи с передачей спора о толковании ст. I Гентского договора на третейское решение Александра I¹⁷⁵. «Легко и свободно владея французским и имея, кроме жалованья, 50 тыс. долл. годового дохода», Миддлтон, по отзыву Луизы Адамс, мог себе позволить жить так, как в то время подобало жить иностранному посланнику в России¹⁷⁶.

Главная цель миссии Миддлтона заключалась в достижении благоприятного для Соединенных Штатов решения спора по поводу толкования ст. I Гентского договора. В ней, в частности, указывалось: «Все территории, места и владения, взятые одной стороной у другой во время войны или которые могли быть взяты после подписания этого договора, за исключением островов, упомянутых ниже, будут возвращены без промедления и без уничтожения или захвата любой артиллерии или другой общественной собственности, первоначально захваченной в названных фортах и местах и находящейся там в момент обмена ратификациями этого договора, или каких-либо рабов или другой частной собственности»¹⁷⁷.

ских материалах и лишь в ограниченном объеме использовал русские источники и литературу.

¹⁷⁴ Биографические данные о Миддлтоне и его семье см.: «Dictionary of American Biography», Vol. XII; *H. E. Bergquist, Jr. Op. cit.*, p. 17—32. По своему происхождению Г. Миддлтон принадлежал к одной из наиболее влиятельных и богатых плантаторских семей в Южной Каролине. Его деду принадлежало 50 тыс. акров, на которых трудились 800 рабов, а отец был в числе делегатов континентального конгресса, подписавших Декларацию независимости. На протяжении многих лет Миддлтон состоял членом палаты представителей штата Южная Каролина, а в 1810 г. был избран губернатором этого штата. С 1815 по 1819 г. он представлял округ Чарлстон в конгрессе США, где поддерживал протекционистский тариф и систему «внутренних улучшений».

¹⁷⁵ *S. F. Bemis. John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy.* New York, 1949 (reprint 1969), p. 263; Дж. К. Адамс — Г. Миддлтону, 17 января 1820 г. — MHS, The Adams Papers, JQA. Letter-book 22 (public), p. 99—100.

¹⁷⁶ Л. Адамс — Дж. Адамсу, 17 апреля 1820 г. — *H. E. Bergquist, Jr. Op. cit.*, p. 64—65; MHS, The Adams Papers.

¹⁷⁷ ASP, FR, Vol. III, p. 745—748.

Ссылаясь на эту статью, правительство США настаивало на возвращении захваченных британскими войсками территорий без изъятия какой-либо частной собственности и главным образом без увода рабов. США отрицали за англичанами право освобождать негров, принадлежавших американским гражданам, и считали, что Великобритания обязана вознаградить тех рабовладельцев, собственность которых в нарушение условий договора была изъята с возвращаемых территорий. С другой стороны, правительство Англии считало, что возвращение любой частной собственности не могло входить в намерения договаривающихся сторон, и что английские офицеры имели право не передать прежним владельцам рабов, находившихся в момент обмена ратификационными грамотами на борту британских судов, а также тех негров, которых уже не было на территориях, где их первоначально захватили.

В качестве арбитра, решение которого считалось бы окончательным¹⁷⁸, Соединенные Штаты предложили кандидатуру русского императора (в дружественном расположении Александра в Вашингтоне не сомневались), а правительству Великобритании в свою очередь пришлось с этим согласиться¹⁷⁹. В результате русскому царю предстояло объяснить двум ведущим англоязычным державам смысл статьи, которую они сами сочинили на своем родном языке.

Как справедливо считал Дж. К. Адамс, в С.-Петербурге предстояли трудные и деликатные переговоры¹⁸⁰. Поскольку, однако, Миддлтон был представителем «южной секции» страны и имел естественные «местные симпатии», правительство США рассчитывало, что он проявит максимум энергии в защите интересов американских плантаторов¹⁸¹.

Англичане интерпретировали спорную статью в том смысле, что условия, относящиеся к общественной собст-

¹⁷⁸ ASP, FR, Vol. IV, p. 407; Treaties, Vol. III, p. 112, 117—118.

¹⁷⁹ Дж. К. Адамс — Р. Рашу, 10 ноября 1819 г. — NA, DI, AC, Vol. VIII, p. 362; R. Rush. Memoranda of a Residence at the Court of London. Philadelphia, 1845, p. 238, 241; Messages and Papers, Vol. II, p. 76.

¹⁸⁰ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. V, p. 159.

¹⁸¹ Дж. К. Адамс — Г. Миддлтону, 17 января 1820 г. — MHS, The Adams Papers, JQA. Letter-book 22 (public), p. 99—100.

венности, касаются также рабов и другой частной собственности. С другой стороны, в Вашингтоне полагали, что в тексте договора существует ясное разграничение между общественной и частной собственностью, а поскольку англичане признали рабов в качестве частной собственности, то это полностью исключает «право уничтожения этой собственности путем их освобождения»¹⁸².

Новый американский посланник прибыл в С.-Петербург, когда в русской столице отсутствовали и царь, и оба статс-секретаря по иностранным делам. (В октябре 1820 г. открылся конгресс союзных держав в Троппау, завершившийся в 1821 г. в Лайбахе.) Лишь в мае 1821 г. Александр I вернулся наконец в Россию и 9(21) июня Миддлтон официально известил царское правительство о том, что Соединенные Штаты и Англия согласились передать вопрос о толковании ст. I Гентского договора на рассмотрение русского императора. Предложение было принято, и К. В. Нессельроде попросил заинтересованные стороны представить соответствующие материалы¹⁸³. В конце июля Миддлтон и его британский коллега Ч. Баджет подготовили официальный документ (*Comprovis*) о передаче дела на арбитраж Александра I, в котором приводился текст спорной статьи, кратко излагались существо вопроса и интерпретации обеих сторон.

Из представленного царскому правительству документа было видно, что в ходе войны 1812—1815 гг. англичане захватили или предоставили убежище значительному числу рабов, получивших право либо поступить на британскую службу, либо отправиться в другие английские владения в качестве свободных колонистов.

¹⁸² Дж. К. Адамс — Г. Миддлтону, 5 июля 1820 г.— NA, DI, AC Vol. IX, p. 28.

¹⁸³ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 6(18) декабря 1820 г.— NA, DD, Russia, Vol. VIII, N 3; Г. Миддлтон — К. В. Нессельроде, 9(21) июня, К. В. Нессельроде — Г. Миддлтону, 22 июня (4 июля) 1821 г.— Ibid., N 6, Inc. B., C. Ход переговоров, завершившихся подписанием в С.-Петербурге конвенции от 30 июня (12 июля) 1822 г., довольно подробно изложен в книге Дж. Хилдта (*J. C. Hildt. Op. cit.*, p. 146—156), а также в публикации Ф. Миллера (*Treaties, Vol. III, p. 91—140*). Во всех леталах этот вопрос исследован в диссертации Г. Е. Бергкуиста (*H. E. Bergquist, Jr. Op. cit.*, p. 61—189).

После заключения мира Соединенным Штатам возвратили только тех рабов, которые ко времени ратификации Гентского договора все еще находились в местах, подлежащих эвакуации. Американским плантаторам не были возвращены негры, находившиеся на борту британских кораблей или уведенные из мест, где их первоначально захватили ¹⁸⁴.

Защищая интересы плантаторов Юга и святость принципа частной собственности, правительство США настаивало на возвращении всех захваченных англичанами рабов или соответствующем возмещении ¹⁸⁵. С другой стороны, по мнению Ч. Баджета, запрещение уничтожать или перемещать собственность не могло относиться к собственности, которая ко времени заключения договора уже была перемещена. Только то, что еще находилось в местах, подлежащих возврату, могло быть возвращено ¹⁸⁶. Как Миддлтон, так и Баджет считали, что третейское решение Александра I должно основываться на точной конструкции текста статьи, и царскому правительству пришлось немало потрудиться, чтобы разобраться в буквальном значении спорного места.

Вместе с тем у царя было немало других и гораздо более важных дел, которые требовали самого пристального внимания. Весной 1821 г. началось восстание в Греции, на которую обрушилась жесточайшая волна турецких репрессий. В нарушение прежних договоров турецкие войска были введены в Дунайские княжества, а чиновники султана стали применять санкции в отношении черноморской торговли. Россия оказалась на грани войны с Турцией ¹⁸⁷. Стремясь парализовать актив-

¹⁸⁴ Treaties, Vol. III, p. 115 (Compromis).

¹⁸⁵ Обоснованию американской точки зрения был посвящен обширный печатный мемуар Миддлтона, озаглавленный: «Précis de la Question, ou Exposé abrégé du différencé qui est survenu par rapport au premier article du traité de Grand entre les États-Unis d'Amérique et l'Angleterre avec des pièces justificatives». St. Petersburg, 1821.— NA, DD, Russia, Vol. VIII, N 6, Inc. H.

¹⁸⁶ Treaties, Vol. III, p. 118; NA, DD, Russia, Vol. VIII, N 13, Inc. B, C (ноты Баджета от 8(20) октября и Г. Миддлтона от 4(16) ноября 1821 г.).

¹⁸⁷ Подробнее см.: А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958, стр. 36—91; Н. С. Достян. Россия и балканский вопрос. М., 1972, стр. 201—203 и др.

ности царского правительства, лорд Каслри доказывал, что любое изменение статус-кво на Востоке поставит под угрозу всю систему политических отношений в Европе¹⁸⁸. «Самым критическим моментом» в развитии восточного кризиса были, по мнению Баджета¹⁸⁹, первые недели 1822 г., т. е. как раз то время, когда царское правительство должно было приступить к детальному рассмотрению спора двух англосаксонских стран. Раздраженный противодействием Каслри и Меттерниха в ходе восточного кризиса, царь взял реванш при анализе злополучного отрывка из ст. I Гентского договора.

Не без чувства юмора Александр I заметил Миддл-тону, что ему еще никогда не приходилось так много заниматься «грамматическими тонкостями»¹⁹⁰. В ход пошли авторитетные филологические труды французских ученых: «Dictionnaire des difficultés de la langue française» par Laveaux, многотомный «Cours d'étude» par Condillac,— запрашивались мнения специальных экспертов, руководителей ведомства иностранных дел и т. д. В конечном итоге после тщательного грамматического разбора французского перевода ст. I Гентского договора русский царь объяснил двум англоязычным державам точный смысл спорного отрывка. Показательно, что вместе с третейским решением Александра I Нессельроде направил Баджету и Миддлтону 22 апреля (4 мая) 1822 г. специальные грамматические замечания, касавшиеся буквального смысла ст. I Гентского договора. Император, по словам Нессельроде, «ограничился соблюдением правил языка, примененного к изложению акта, конм обе державы просили о его третейском решении и определяли предмет их разногласий»¹⁹¹.

Следуя «буквальному и грамматическому смыслу» ст. I, Александр I признал более основательной точку зрения американского правительства и пришел к выводу:

¹⁸⁸ Ch. K. Webster. The Foreign Policy of Castlereagh, 1815—1822. London, 1925, p. 361.

¹⁸⁹ Ibid., p. 387.

¹⁹⁰ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 25 апреля 1822 г.— NA, DD, Russia, Vol. IX, N 17.

¹⁹¹ К. В. Нессельроде — Ч. Баджету, 22 апреля (4 мая) 1822 г.— Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XI, стр. 283—284; текст «грамматических замечаний» см.: Treaties, Vol. III, p. 131—136.

«Что Соединенные Штаты Америки имеют право требовать от Великобритании справедливого вознаграждения за все вещи частной собственности, которые захватили бы британские войска, и, как речь идет более специально о рабах, за всех рабов, которые британские войска увели бы из мест и земель, о возврате которых постановляет трактат, при уходе из этих самых мест и земель.

Что Соединенные Штаты имеют право считать уведенными всех тех из этих рабов, которые из означенных выше территорий были бы переправлены на британские суда, стоявшие в водах означенных территорий, и которые по этой причине не были бы возвращены.

Но если есть американские рабы, уведенные из территорий, о возврате коих Соединенным Штатам ст. I Гентского трактата не постановляла, то Соединенные Штаты за таких рабов не вправе требовать вознаграждения»¹⁹².

Речь шла, таким образом, не о том, как или когда рабы были взяты, а лишь о том, где и на каких территориях они были захвачены. В заключение Александр I выражал готовность выполнить обязанность посредника в переговорах, которые должны последовать для заключения официального соглашения на основе принятого им третейского решения.

Соответственно 30 июня (12 июля) 1822 г. в С.-Петербурге К. В. Нессельроде, И. А. Каподострия, Ч. Баджет и Г. Миддлтон подписали специальную конвенцию, состоящую из восьми статей. Для определения размера денежного вознаграждения, причитавшегося Соединенным Штатам в соответствии с третейским решением Александра I, в Вашингтоне создавался совет в составе двух комиссаров и двух посредников (английских и американских). В случае если члены совета не смогут прийти к соглашению относительно средней стоимости рабов во время ратификации Гентского договора, то в качестве арбитра приглашался русский посланник в США, решение которого должно было считаться окончательным (ст. II). В дальнейшем американский и английский комиссары должны были рассмотреть «полную опись невольников и других частных имуществ,

¹⁹² Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XI, стр. 286—287.

за кои граждане Соединенных Штатов требуют вознаграждение» (ст. III). В случае возникновения разногласий предусматривалось обращение к одному из «посредников, по жребию назначенного, который по довольном рассуждении о предмете спора рассмотрит оный вместе с комиссарами». Окончательное решение при этом принималось большинством голосов (ст. V) ¹⁹³.

Хотя конвенция предусматривала излишне сложную и запутанную процедуру для практического урегулирования спора, в США не скрывали своего удовольствия. Русский поверенный в делах сообщал из Вашингтона, что решение Александра I вызвало в стране всеобщее удовлетворение. Американский народ в полной мере оценил «новое доказательство императорской справедливости» ¹⁹⁴, а сенат 3 января 1823 г. единогласно ратифицировал заключенную при русском посредничестве конвенцию ¹⁹⁵. Дж. К. Адамс сообщил Миддлону, что президент удовлетворен как самой конвенцией, так и ее единогласной ратификацией ¹⁹⁶.

Как и следовало ожидать, окончательное урегулирование спора оказалось длительным и трудным. Лишь четыре года спустя, 13 ноября 1826 г. было подписано официальное соглашение, предусматривавшее выплату Англией в пользу Соединенных Штатов 1 204 960 долл. ¹⁹⁷ Хотя и не в полном объеме, американские плантаторы получили наконец возмещение за утрату своей «собственности». В немалой степени они были обязаны этим решением, которое вынес в их пользу русский император весной 1822 г. Известную роль в этом деле сыграла общность интересов американских рабовладельцев и русских крепостников.

¹⁹³ Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XI, стр. 289—298.

¹⁹⁴ Г. Эллисон — К. В. Нессельроде, 1(13) декабря 1822 г.— «АНР», Vol. XVIII, N 3, 1913, p. 537—538.

¹⁹⁵ Annals of Congress, 17th Congress, 2nd Session, p. 311, 318.

¹⁹⁶ Дж. К. Адамс — Г. Миддлону, 24 марта 1823 г.— NA, D1, AC, Vol. IX, p. 171—172.

¹⁹⁷ Treaties, Vol. III, p. 140, 261—268.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГАВАЙСКАЯ АВАНТЮРА ДОКТОРА ШЕФФЕРА

История Русской Америки богата яркими событиями, смелыми путешествиями, грандиозными проектами и довольно скромными практическими результатами. Одним из самых причудливых и экзотических эпизодов в истории Российско-американской компании была гавайская авантюра доктора Шеффера, воспылавшего неожиданным и страстным желанием украсить скипетр Российской империи тихоокеанской жемчужиной. Для широкой публики русская страница в истории Гавайских (или Сандвичевых, как их называли в начале XIX в.) островов до последнего времени оставалась мало и даже почти неизвестной. Однако в специальной литературе этот вопрос с большей или меньшей степенью достоверности освещается уже более 100 лет. Так, довольно подробно гавайская экспедиция доктора Шеффера была описана современником, а отчасти и участником событий К. Т. Хлебниковым¹. В январе 1838 г. краткое и не совсем точное описание событий появилось в «Гавайян спектейтор» (Гонолулу)². Позже этот вопрос рассматривался в известных трудах П. А. Тихменева и Г. Г. Бэнкрофта³. По поручению последнего французский этно-

¹ К. Т. Хлебников. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова. СПб., 1835, стр. 157—169.

² S. Whitney. Account of an alledged attempt on the part of the Russians to take possession of the Island of Kauai.— «The Hawaiian Spectator», January 1838, Vol. I, N 1, p. 48—52 (ксерокопия этой редкой статьи любезно прислана нам сотрудницей музея Кауаи К. Стаудер).

³ П. А. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-американской компании..., ч. I—II. СПб., 1861—1863, ч. I, стр. 185—192; Н. Н. Bancroft. History of Alaska, 1730—1885. San Francisco, 1886.

граф А. Л. Пинар собрал в 1874 г. ценную коллекцию документов из русских архивов⁴. К сожалению, эти материалы долгое время оставались вне поля зрения исследователей и большинство последующих авторов (У. Д. Александер, Н. Вишняков и др.) пересказывали уже известные факты⁵.

Новый шаг вперед был сделан лишь в 30-е годы XX в., когда стали известны работы Ф. А. Голдера (США) и С. Б. Окуня (СССР). В статье проф. Ф. А. Голдера на основе его старых изысканий в русских архивах кратко рассматривались не только действия доктора Шеффера на Гавайях, но и проекты, представленные в начале 20-х годов XIX в. в ведомство иностранных дел России А. Лунгстедтом и П. Добеллом⁶. Что касается проф. С. Б. Окуня, то он в 1936 г. на страницах «Красного архива» впервые опубликовал ряд важных документов из фонда департамента мануфактур и внутренней торговли, а затем подробно проанализировал их в известной книге о Российско-американской компании (1939). Именно в этих работах был впервые выдвинут тезис о том, что попытка овладеть Гавайскими островами, предпринятая Г. Шеффером, явилась якобы «реализацией тщательно продуманного плана, разработанного Российско-американской компанией и одобренного царским правительством»⁷. Публикация С. Б. Окуня до настоящего времени

⁴ BL, P—N 14 (Pinart A. L.), *Les Russes aux îles Hawaii* (1809—1822). О коллекциях Бэнкрофтской библиотеки см.: *A Guide to the Manuscript Collections of the Bancroft Library*, ed. by D. L. Morgan and G. P. Hammond. Berkeley, 1963. Б. Н. Комиссаров обратил наше внимание также на коллекцию документов, собранных А. В. Фрейгангом для написания биографии Шеффера.— ЛО Архива АН СССР, P. IV, оп. 1, № 1012.

⁵ W. D. Alexander. *The Proceedings of the Russians on Kauai, 1814—1816*.— «*Hawaiian Historical Society. Papers*», N 6. Honolulu, 1894; Н. Вишняков. Россия, Калифорния и Сандвичевы острова (Исторический очерк).— «Русская старина», ноябрь 1905, т. СХХIV, стр. 249—289; P. Gronsky. *Les Russes aux îles Hawaii aux début du XIX-e siècle*.— «*Le Monde Slave*», october 1928, vol. IV, N 10, p. 21—39.

⁶ F. A. Golder. *Proposals for Russian Occupation of the Hawaiian Islands*.— «*The Hawaiian Islands*», ed. by A. P. Taylor and R. S. Kuykendall. Honolulu, 1930, p. 39—49.

⁷ «Царская Россия и Гавайские острова», пред. С. Окуня.— «Красный архив», 1936, т. 5(78), стр. 161. Еще более категоричную

остается одним из главных источников наших знаний об аванюре доктора Шеффера на Гавайских островах. На ней основывались почти все последующие исследователи данного вопроса, причем в некоторых случаях, как, например, для А. Г. Мазура или К. Менарта, она являлась если не единственным, то во всяком случае важнейшим источником достоверных сведений⁸.

Ценность введенных С. Б. Окунем в научный оборот документальных источников не может подлежать сомнению, однако главный тезис автора о существовании «продуманного плана», одобренного и разработанного царским правительством, не встретил поддержки ни советских, ни американских исследователей. «Мы не собираемся защищать царское правительство,— отмечал К. Менарт,— но чтение документов, представленных Окунем, показывает, что его обвинения едва ли справедливы, поскольку мы находим, что позиции Шеффера, Баранова, Российско-американской компании и правительства сильно отличались друг от друга»⁹. Действительно, ни приводившиеся в публикации С. Б. Окуня, ни выявленные впоследствии другие документы не только не подтвердили выдвинутого им тезиса, но свидетельствовали о противоположном. Царское правительство не имело никакого отношения к аванюре доктора Шеффера и категорически отвергло саму идею о присоединении Гавайских островов к Российской империи.

Наиболее обстоятельной и аргументированной критике точка зрения проф. Окуня была подвергнута в книге советского исследователя Д. Д. Тумаркина в 1964 г. Хотя Д. Д. Тумаркину не были известны инструкции, которые А. А. Баранов дал Г. Шефферу в 1815 г., он справедливо высказал сомнение в том, что в них содержалось поручение овладеть Гавайскими островами. Именно в книге Тумаркина впервые были использованы основные документальные материалы, хранящиеся в

формулировку С. Б. Окунь дал позднее в монографии: «Тщательно продуманный план экспансии на Тихом океане» был не только одобрен, но и разработан самим царским правительством (см.: С. Б. Окунь. Российско-американская компания. М.—Л., 1939, стр. 145).

⁸ A. G. Mazour. Igor Scheffer: Dreamer of a Russian Empire in the Pacific.— «PHR», Vol. 6, N 1, March 1937, p. 15—20; K. Mehnart. The Russians in Hawaii, 1804—1819. Honolulu, 1938.

⁹ K. Mehnart. Op. cit., p. 23 a. o.

АВПР в Москве, а также в ЦГИА и ЦГАВМФ СССР в Ленинграде, и дан подробный и квалифицированный очерк русско-гавайских связей в первые два десятилетия XIX в.¹⁰ Но, справедливо критикуя концепцию С. Б. Окуня, Д. Д. Тумаркин, по нашему мнению, слишком увлекся и снял всякую ответственность за действия Г. Шеффера не только с царского правительства, но и с Российско-американской компании, в частности с А. А. Баранова. Слишком категорически звучит и вывод автора, будто из всех морских держав, имевших интересы на Тихом океане, «только Россия не пыталась вклиниться на Гавайи»¹¹.

Последней крупной работой, специально посвященной изучению авантюры доктора Шеффера на Гавайских островах в 1815—1817 гг., является книга проф. Р. Пирса (Кингстон, Канада). Хотя копии документов, сделанные в свое время А. Л. Пинаром, были известны некоторым американским ученым и еще накануне второй мировой войны Г. В. Ланцев и С. Г. Стюард под руководством проф. Р. Дж. Кернера перевели их на английский язык, лишь в 1965 г. они были опубликованы Р. Пирсом с обстоятельным предисловием и комментариями и стали наконец достоянием широкой научной общественности¹². В результате к середине 60-х годов круг важнейших документальных источников по данному вопросу оказался в основном уже выявленным и изученным.

Естественно возникает вопрос, есть ли необходимость вновь возвращаться к исследованию данной темы? Не будет ли это простым повторением уже известных фактов и остались ли вообще какие-либо нерешенные или спорные проблемы? Даже краткое рассмотрение историографии показывает, что на выявление принципиально новых документов и фактов рассчитывать не приходится. С другой стороны, не все аспекты деятель-

¹⁰ Д. Д. Тумаркин. Вторжение колонизаторов в «край вечной весны». М., 1964, стр. 134—166. Любезно предоставленные в наше распоряжение Д. Д. Тумаркиным микрокопии существенно облегчили проверку и уточнение многих из цитируемых далее архивных и опубликованных документов.

¹¹ Там же, стр. 141—143, 166 и др.

¹² R. A. Pierce. *Russia's Hawaiian Adventure, 1815—1817*. Berkeley and Los Angeles, 1965.

ности Шеффера на Гавайях в 1816—1817 гг., а также позиции царского правительства и Российско-американской компании освещены достаточно полно и объективно. Существуют расхождения и в некоторых общих оценках. Наконец, самым главным является, пожалуй, то обстоятельство, что ни один из предшествующих исследователей, в том числе наиболее осведомленных, не располагал всеми материалами или хотя бы самыми важными из них. Д. Д. Тумаркин не был знаком с коллекцией А. Л. Пинара в Бэнкрофтской библиотеке в Беркли, а также с отдельными важными документами из советских архивов. Наиболее существенным и досадным пробелом в его работе является отсутствие анализа богатейшей коллекции микрофильмов документов Российско-американской компании в АВПР, а также материалов, собранных А. В. Фрейгангом для биографии Г. А. Шеффера, в Ленинградском отделении Архива АН СССР¹³. Что касается Р. Пирса, то его книга значительно проигрывает из-за незнания им документов, хранящихся в советских архивах. Кроме того, сличение публикации Пирса с рукописными оригиналами коллекции А. Л. Пинара в Бэнкрофтской библиотеке обнаружило некоторые пробелы, неточности и даже ошибки в переводе. За пределами хронологических рамок публикации Р. Пирса оказались, к сожалению, и документы начала 20-х годов XIX в.

Хотя общая история Гавайев и проникновение на острова иностранных колонизаторов достаточно хорошо известны, нельзя избежать напоминания о некоторых наиболее важных фактах. К началу XIX в. Камеамеа (1753—1819), которого иногда называли Наполеоном или Петром Великим Полинезии, стал правителем всего архипелага, за исключением двух северных островов — Кауаи и Ниихау, где укрепился его соперник — Каумуалии. Попыткам Камеамеа в 1796 и 1804 гг. организовать вторжение на о-в Кауаи помешали стихийные бедствия — сначала жестокий шторм, а затем эпидемия чумы. Его превосходство в силах было, однако, столь очевидно, что в 1810 г. Каумуалии решил формально признать свою вассальную зависимость и согласился на

¹³ NA, RRAC, 77 rolls (M 11). АВПР, ф. ПАК, оп. 888, дд. 963, 964, 988, 989 (rolls 1, 2, 26, 27), а также сн. 4 на стр. 87.

уплату небольшой ежегодной дани¹⁴. Умело используя соперничество иностранных держав, Камеаеа успешно отстаивал свою независимость. Правда, в 1794 г. Г. Ванкувер уговорил его заручиться покровительством британского короля и поднять английский флаг, а для большей «неоспоримости» прав Георга III на «обладание Сандвичевыми островами» установил медную доску с соответствующей надписью¹⁵.

Британское правительство благоразумно отказалось от «подарка» Ванкувера. Не располагая в период наполеоновских войн в Европе сколько-нибудь значительными силами для активной экспансии в районе Гавайских островов, Великобритания сосредоточила свое внимание на Австралии и прилегающей к ней части Полинезии. К тому же Камеаеа очень скоро объединил весь архипелаг без всякой помощи британской короны и вряд ли можно было рассчитывать заставить его подчиниться иностранному господству.

Наиболее значительное влияние и интересы на Гавайских островах имели, однако, не англичане, а американцы. Уже с конца XVIII в. эти острова превратились в главную базу предприимчивых «бостонцев», занимавшихся обширной посреднической торговлей между Русской Америкой, Калифорнией и Китаем. Известный русский мореплаватель Ю. Ф. Лисянский, посетивший Гавайские острова в 1804 г., отмечал, что владения Камеаеа ежегодно посещало до 18 американских судов, снабжавших островитян самыми разнообразными товарами, включая пушки и ружья¹⁶. «Граждане Соединенных Северо-Американских областей, производящие торг бобрами на северо-западных берегах Америки, каждую зиму со своими кораблями

¹⁴ Подробно см.: *Д. Д. Тумаркин. Вторжение колонизаторов...*, стр. 88—110; *R. S. Kuykendall. The Hawaiian Kingdom, 1778—1854. Foundation and Transformation. Honolulu, 1947*, p. 29—60.

¹⁵ *Г. Ванкувер. Путешествие в северную часть Тихого океана и вокруг света...*, т. I—VI. СПб., 1828—1833, т. V, стр. 54—55, 100—101 и др.

¹⁶ *Д. Д. Тумаркин. Вторжение колонизаторов...*, стр. 93; *Ю. Ф. Лисянский. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах... на корабле «Нева», т. I. СПб., 1812*, стр. 184, 189—190, 212; *F. W. Howay. A List of Trading Vessels in the Maritime Fur Trade, 1785—1825*, ed. by R. Pierce. Kingston, 1973.

проводят в пристанях Сандвичевых островов. Я со многими из них был коротко знаком в бытность мою в тех краях. Некоторые по 10 и более лет там находились...», — свидетельствовал другой видный русский мореплаватель, В. М. Головнин, и приводил их имена: Эббетс, Дэвис, Виншип, Эйрс и пр.¹⁷

Активное участие в прибыльной торговле пушниной и сандаловым деревом, пользовавшимся спросом в Кантоне, принял основатель знаменитой династии миллионеров Джон Джекоб Астор¹⁸. В 1812 г. братья Джонатан и Натан Виншипы и капитан В. Х. Дэвис добились даже предоставления им монополии на вывоз сандалового дерева сроком на 10 лет и сразу же поспешили отправить в Кантон с ценным грузом пять кораблей. Когда же летом 1813 г. они вернулись на Гавайские острова, то оказалось, что Кемеамеа аннулировал заключенное соглашение, а все попытки принудить короля возобновить контракт успеха не имели¹⁹.

Более или менее регулярные связи с Гавайскими островами начиная с 1804 г. поддерживала и Российско-американская компания. Здесь останавливались суда, совершавшие кругосветные путешествия; в 1807 г. на небольшой шхуне «Николай» сюда заходил П. Слободчиков, через которого Кемеамеа послал А. А. Баранову специальные подарки — «шлем и плащ со своего плеча»²⁰. Отправляя в конце следующего, 1808 г. исследовательскую экспедицию Л. А. Гагемейстера на корабле «Нева», А. А. Баранов поручал ему «обратиться наперво в Сандвические острова для достаточного запасения

¹⁷ В. М. Головнин. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах. М., 1965, стр. 201.

¹⁸ Подробнее см.: K. W. Porter. John Jacob Astor and the Sandalwood Trade of the Hawaiian Islands, 1816—1828.— «Journal of Economic and Business History», May 1930, Vol. II, N 3, p. 495—519; *idem*. John Jacob Astor, Business Man, 2 Vls. Cambridge, 1931.

¹⁹ S. E. Morison. The Maritime History of Massachusetts, 1783—1860. Boston, 1961, p. 204; «Boston Traders and the Hawaiian Islands, 1789—1823».— Massachusetts Historical Society Proceedings, Vol. 54, 1922, p. 16. Наиболее обстоятельно начальный этап проникновения американцев на Гавайские острова рассматривается в монографии Г. У. Брэдли (H. W. Bradley. The American Frontier in Hawaii. The Pioneers, 1789—1843. Stanford University Press, 1942, p. 1—120).

²⁰ К. Т. Хлебников. Указ. соч., стр. 108.

жизненной, не только для экипажа, но и для здешнего края, ежели будет возможность, провизии, где и промедлить бурливое время года», собрать обстоятельные сведения о политическом положении, а затем обратить все внимание «на важнейший предмет поисков не открытых никем доселе островов» между Гавайями, Японией и Камчаткой²¹.

Гагемейстер собрал сведения о положении на островах и их потенциальном значении для снабжения русских владений продовольственными товарами. Он считал вполне возможным покупку на островах земельного участка или даже захват их, для чего было бы достаточно двух кораблей²². Практическим результатом экспедиции было приобретение около 1200 пудов соли, а также «порядочный запас сандалового дерева»²³.

Наконец, в конце января 1815 г. у берегов Кауаи потерпел крушение корабль «Беринг» (капитан Джеймс Беннет), находившийся там по поручению А. А. Баранова для покупки продовольствия²⁴. Выброшенный на берег корабль вместе с грузом, который оценивался в 100 тыс. рублей, был, по утверждению Беннета, захвачен королем Каумуалии и местными жителями. Именно эти обстоятельства послужили поводом для отправки на Гавайи осенью 1815 г. доктора Г. А. Шеффера (1779—1836)²⁵.

²¹ А. А. Баранов — Л. А. Гагемейстеру, ноябрь 1808 г. — «К истории Российско-американской компании (Сб. документальных материалов)». Красноярск, 1957, стр. 161—162.

²² Изложение писем Гагемейстера от 1 (12) мая 1809 г. и 20 июня (2 июля) 1809 г. см.: *R. A. Pierce. Op. cit.*, p. 37—40.

²³ *П. А. Тихменев. Указ. соч.*, ч. I, стр. 166.

²⁴ Об обстоятельствах гибели «Беринга» см. журнал капитана Дж. Беннета с 8 января по 3 февраля 1815 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 2804, лл. 115—121.

²⁵ Георг Антон Шеффер (Georg Anton Schäffer) — «доктор медицины, хирургии и повивального искусства, родился в Вирцбурге и произведен в сие звание в Геттингенском университете 1-го сентября 1808» — поступил на русскую службу, в 1809 г. «помещен при московской полиции», с 1812 по 1813 г. участвовал «в воинских предприятиях», а затем «отправился в звании лекаря на флоте в американские российские колонии» (Г. А. Шеффер — О. П. Козодавлеву, 8 (20) апреля 1819 г. — ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1209, лл. 21—22). Несколько иные данные приводит Р. Пирс (*R. A. Pierce. Op. cit.*, p. 5—6) с ссылкой на Е. Schaeffer (São Paulo) «*Revista Genealogica Latina*». São Paulo, 1959 и «*Revista Suedamerika*». Buenos Aires, 1960.

Трудно сказать, чем руководствовался А. А. Баранов, когда остановил свой выбор на докторе Шеффере. Быть может, он рассчитывал, что специальность врача а также знание иностранных языков помогут Шефферу в выполнении его миссии. Однако скорее всего в колониях просто не оказалось в то время другой кандидатуры. Первоначальные цели экспедиции Шеффера остаются не совсем ясными. Вернувшись в Ново-Архангельск летом 1815 г., капитан Беннет настаивал на необходимости отправить на Гавайские острова вооруженную экспедицию. Два других американских капитана (Смит и Макнейл) также убеждали Баранова в целесообразности такого шага. По отзыву Г. А. Шеффера, А. А. Баранов неоднократно совещался с ним по этому поводу, и они решили, что лучше всего было бы попытаться достичь дружественного соглашения с гавайцами²⁶.

В инструкциях, которыми А. А. Баранов снабдил Г. А. Шеффера в начале октября 1815 г., доктору поручалось завоевать расположение короля Камеамеа и первоначально заниматься только учеными изысканиями. Лишь после этого Шеффер должен был поставить вопрос о возмещении причиненного ущерба. В качестве компенсации предполагалось получить сандаловое дерево, которое надлежало подготовить ко времени прихода русских судов. При благоприятных условиях Шеффер должен был также добиться торговых привилегий и монополии на вывоз сандалового дерева, подобную той, которую получили в свое время американцы Дэвис и братья Виншип. Одновременно Баранов посылал специальные подарки, серебряную медаль и личное письмо Камеамеа, в котором ставился вопрос о возмещении убытков в связи с захватом груза «Беринга» и подтверждались полномочия Шеффера действовать в качестве представителя компании. Баранов отмечал также, что Русская Америка и Гавайи территориально ближе всего расположены друг к другу, и поэтому они особенно заинтересованы в установлении дружественных и взаимовыгодных торговых отношений.

²⁶ См.: Журнал доктора Шеффера (январь 1815 г.— март 1818 г.).— *R. A. Pierce. Op. cit.*, p. 157.

Вместе с тем в конце письма содержалась и скрытая угроза предпринять с согласия Камеаеа собственные меры против Каумуалии, если последний откажется удовлетворить предъявленные ему справедливые требования²⁷. Что в данном случае имелось в виду, стало ясно из инструкций А. А. Баранова командиру корабля «Открытие» лейтенанту Я. А. Подушкину от 15 (27) февраля 1816 г. После того как все мирные средства будут исчерпаны, Каумуалии надлежало дать урок и показать в виде «острастки» военную силу, по возможности, однако, избегая человеческих жертв. И если удастся одержать победу, то в этом «удобном случае» А. А. Баранов рекомендовал «уже и остров тот Атувай взять именем государя нашего имп. всероссийского во владение под державу его»²⁸.

Предпринимая столь ответственный шаг, А. А. Баранов действовал, насколько можно судить по известным нам материалам, на свой страх и риск, надеясь на старое правило, что победителя не судят. Впрочем, события развернулись так, как вряд ли кто-либо мог предполагать.

В начале октября 1815 г. на борту американского корабля «Изабелла» (капитан Тайлер) доктор Шеффер отправился на Гавайи, куда прибыл примерно через месяц (7 ноября (ст. ст.?) 1815 г.). Судя по записям самого Шеффера, уже в самом начале ему пришлось столкнуться с активным противодействием американцев, которые явно опасались утратить свои привилегии и влияние на островах. Некоторые американские капитаны или шкиперы — Дж. Эббетс, У. Хант, «старый Джон Юнг, давно живущий на сем острове в качестве губернатора и имеющий великое влияние на короля», уверили Камеаеа и «других лучших островитян», что прибытие Шеффера и «ожидаемые им вскоре из Ново-Архангельска суда — суть неприязненные намерения русских,

²⁷ А. А. Баранов — Г. А. Шефферу, 1(13) октября 1815 г. — ЛО Архива АН СССР, Р. IV, оп. 1, д. 1012, лл. 80—82; А. А. Баранов — Камеаеа [около 1 октября 1815 г.]. — *R. A. Pierce. Op. cit.*, N 4, p. 44—46.

²⁸ А. А. Баранов — Я. А. Подушкину, 15(27) февраля 1816 г. — ЛО Архива АН СССР, Р. IV, оп. 1, д. 1012, лл. 82—87.

почему письмо с медалью... было не распечатано и возвращено»²⁹.

Шефферу пришлось проявить немалую изобретательность, чтобы хоть в какой-то мере рассеять опасения короля. В этом ему, несомненно, помогли и его медицинские знания. «Я имею все основания ожидать, что мне удастся добиться возвращения ценного груза стоимостью около 20 000 пиастров,— восторженно доносил предприимчивый доктор главному правлению компании в начале 1816 г.— Мне уже удалось завоевать дружбу и доверие великого короля Камеамеа, которого я в настоящее время лечу от болезни сердца. Мне также удалось вылечить его любимую жену, королеву Каауману от жестокой лихорадки»³⁰.

Надо сказать, что «журнал», записки и донесения доктора Шеффера о его пребывании на Гавайских островах являются уникальными, но не вполне достоверными источниками. Кроме того, их содержание в литературе излагается иногда с новыми ошибками. Так, в цитируемом выше письме Шеффер отмечал, что вылечил Каауману от «жестокой лихорадки», а в английском переводе в публикации Р. Пирса это превратилось в «желтую лихорадку» (*yellow fever*). В журнале Шеффера (запись 1 января 1816 г.) говорится о том, что «у короля была простуда и лихорадка» (*the king had a cold and fever*), а в донесении в С.-Петербург от того же числа Шеффер пишет о «болезни сердца» (*heart trouble*). В изложении же главного правления компании эта болезнь превратилась в «простудную горячку»³¹.

Коль скоро «доктор медицины» допускал странную небрежность в диагнозе своих пациентов, то в изложении некоторых других обстоятельств своего пребывания на Гавайях его воображение, как мы увидим, накладывало более значительный отпечаток на действительные события, особенно там, где говорилось о бесчисленных

²⁹ Извлечения из журнала доктора Шеффера.— «Красный архив», 1936, т. 5(78), стр. 170—171.

³⁰ Г. А. Шеффер — главному правлению ПАК, 1 января 1816 г.— *R. A. Pierce. Op. cit.*, p. 60; BL, P—N 14, *Les Russes aux îles Hawaii*, p. 44.

³¹ *R. A. Pierce. Op. cit.*, p. 60, 164; ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1239, лл. 35—37; «Красный архив», 1936, т. 5(78), стр. 171.

коварных кознях врагов и собственных заслугах Шеффера. Вместе с тем Шеффер не был лишен наблюдательности. Он отмечал, например, недовольство жителей существующим положением и политикой правительства. Более двух третей плантаций на островах принадлежали королю, который часто требовал невыполнимые подати (медные гвозди для строительства судов и т. п.). Местные жители уклонялись от работы не только из-за «естественной лени», но также потому, что никто из них не мог быть хозяином своей собственности.

Необычайный восторг у Шеффера вызвали природные условия Гавайев, особенно о-в Оаху, который мог бы быть «раем». Хлеб на островах «родился на деревьях и на земле», каждый человек может приготовить любую еду — ананасы, бананы, сахарный тростник, апельсины, лимоны растут повсюду, на островах множество дикого и домашнего скота, в океане — изобилие рыбы и т. д.³²

Получив разрешение на устройство фактории, а также земельные участки на о-вах Гавайи и Оаху, Шеффер «осмотрел и нашел их способнейшими к возделыванию для многих предметов, изобильными разными строевыми лесами и сандаловым деревом, водой, рыбой, дикими быками и прочим». Он «выстроил домик и рассадил табак, кукурузу, дыни, арбузы, тыквы и другие полезные растения»³³. Деловая активность доктора Шеффера, а также интерес к сандаловому дереву еще более усилили подозрительность американцев, которые стали называть его «русским шпионом». Агенты Ханта и Эббетса, по утверждению Шеффера, не только распространяли всякие небылицы, но даже покушались на его жизнь. В результате Шеффер предпочел отправиться на о-в Оаху, где и провизии больше, «и жители лучше расположены к иностранцам»³⁴.

В мае 1816 г. у берегов о-ва Оаху появились русские корабли: сначала «Открытие» под командованием Я. А. Подушкина, а затем неожиданно «Ильмена» (ка-

³² См.: Журнал доктора Шеффера.— *R. A. Pierce. Op. cit.*, p. 170—171, 172—173 etc.

³³ «Красный архив», 1936, т. 5(78), стр. 171; *К. Т. Хлебников. Указ. соч.*, стр. 163.

³⁴ Журнал доктора Шеффера (запись 27 марта 1816 г.).— *R. A. Pierce. Op. cit.*, p. 167.

питан У. Вадзворт), которая возвращалась из Калифорнии и зашла на острова для срочного ремонта. На борту этого судна находилась партия алеутов, возглавлявшаяся Т. Таракановым. У предприимчивого доктора оказалось, таким образом, довольно значительное число служащих компании, которых он мог использовать для осуществления своих планов.

По собственной инициативе Шеффер задержал «Ильмену» в Гонолуле, поручил присмотр за организованной им факторией Петру Кичерову, а сам вместе с Я. А. Подушкиным отправился на корабле «Открытие» к острову Гавайи для переговоров с Камеамеа по поводу груза «Беринга»³⁵. Камеамеа явно не торопился удовлетворять требования доктора Шеффера. Сначала он попытался уклониться от встречи, а затем попросил подождать еще два дня, после чего «он пошлет с нами человека на Кауаи, чтобы потребовать возвращения нашей собственности, хотя Хант ему говорил, что русские оставили корабль «Беринг» на Кауаи только для того, чтобы иметь повод для захвата...» Что касается торговых вопросов, то король вообще не шел ни на какие уступки. Не разрешил он и постройку склада на о-ве Оаху, хотя подтвердил, что Шеффер может в любое время использовать там половину его собственного помещения для товаров³⁶.

Видя, что переговоры с Камеамеа не сулят ему особых успехов, Г. А. Шеффер решил не теряя времени следовать к о-ву Кауаи. 16 (28) мая 1816 г. корабль «Открытие» бросил якорь у берегов о-ва Кауаи. Началась самая удивительная и важная часть гавайской экспедиции доктора Шеффера. 21 мая (2 июня) 1816 г. Шеффер, казалось, достиг невероятного. В торжественной обстановке Каумуалии — «король островов Сандвических, лежащих в Тихом Северном океане, Атуваи и Нигау, урожденный принц островов Овагу и Мауви» — смиренно просил «е. в. государя императора Александра Павловича... принять его помянутые острова под свое

³⁵ См. доклад Т. Тараканова Л. А. Гагемейстеру, 12(24) февраля 1818 г., а также журнал доктора Шеффера.— *R. A. Pierce Op. cit.*, p. 95—100, 168—170; *К. Т. Хлебников. Указ. соч.*, стр. 163—164.

³⁶ Журнал доктора Шеффера (запись 11(23) мая 1816 г.).— *R. A. Pierce. Op. cit.*, p. 173.

покровительство» и обещал навсегда быть верным «российскому скипетру». В тот же «исторический» день было подписано еще одно соглашение, по которому Каумуалии обязался не только возратить спасенную часть груза «Беринга», но и предоставить Российско-американской компании монополию на торговлю сандаловым деревом. Компания получила также право беспрепятственно учреждать во владениях Каумуалии свои фактории³⁷.

Утратив всякое чувство реального, Г. А. Шеффер 1 (13) июля 1816 г. заключил еще и «тайный трактат», по условиям которого Каумуалии выделял 500 человек для завоевания «ему принадлежавших и силою отнятых» островов Оаху, Ланаи, Науи, Малокаи «и прочие», а общее руководство экспедицией поручил bravому доктору медицины. «Король дает доктору Шефферу,— указывалось в трактате,— бланк на оную экспедицию и всякую помощь для строения крепостей на всех островах, в коих крепостях и будут русские командиры, так, как в гавани Ганаруа (Гонолулу) на острове Вагу» (Оаху). Особо оговаривалось, что Российско-американская компания получила от короля «половинную часть» принадлежавшего ему Оаху, а также «все сандалное дерево» на этом острове. Каумуалии обязывался заплатить «за все, что он получил и еще получит, как-то: за арматуру и амуницию брига или шхуны и прочие реквизиции — сандалным деревом и откажет себе во всякой торговле с гражданами союзного штата Америки» (т. е. Соединенными Штатами). Со своей стороны доктор Шеффер брал на себя обязательство «завести фабрики и лучшую экономию, через которую бы здешние жители просветились и обогатились»³⁸.

³⁷ Акт о принятии королем Каумуалии русского подданства от 21 мая (2 июня) 1816 г. и «контракт» от того же числа см.: АВПР, ф. Гл. арх. 1—10, д. 1, лл. 4, 32; «Красный архив», 1936, т. 5(78), стр. 165—166. Подробное описание торжеств по случаю принятия королем Каумуалии покровительства России, сопровождавшихся поднятием русского флага, пушечной пальбой и криками «ура», содержится в журнале доктора Шеффера, дневниковых записках Подушкина, а также донесении служащих Российско-американской компании (R. A. Pierce. Op. cit., p. 69, 102, 175—176; ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1231, л. 43).

³⁸ «Тайный трактат» от 1(13) июля 1816 г.— АВПР, ф. Гл. арх. 1—10, д. 1, л. 33 и сл.

Главной причиной неожиданного успеха Шеффера на о-ве Кауаи явилась давняя вражда между двумя гавайскими королями. Опираясь на покровительство и помощь России, Каумуалии рассчитывал не только утвердить свою независимость от Камеамеа, но и отвоевать ряд других островов. В соответствии с данным обещанием Г. А. Шеффер купил для Каумуалии шхуну «Лидия», а также договорился о приобретении большого вооруженного корабля «Авон», принадлежавшего И. Виттимору, за 200 тыс. пиастров, подлежащих оплате А. А. Барановым. В свою очередь Каумуалии давал «свое королевское слово, что Российская Американская компания сверх трех грузов сандалного дерева, что король и должен за полученные товары и судно по первому трактату, заключенному сего года мая 21 числа, обязуется платить пять лет кряду сколько можно Российской компании: всякий год рубать сандалного дерева для компенсации компании без всякого другого платежа»³⁹.

6 (18?) сентября 1816 г. И. Виттимор на корабле «Авон» отплыл в Ново-Архангельск. На борту корабля находился сын А. А. Баранова Антипатр, с которым Шеффер отправил подлинники соглашений, заключенных с Каумуалии⁴⁰. Желая как можно скорее оповестить о своих успехах петербургское начальство, доктор Шеффер направил копии соглашений на другом американском судне в Кантон и далее через Западную Европу в С.-Петербург. Описывая свои сказочные достижения на Гавайских островах, Шеффер одновременно просил прислать из С.-Петербурга два хорошо вооруженных корабля с надежной командой. Военный фрегат, по мнению доктора, был бы весьма полезен для защиты интересов России у северо-западных берегов Америки⁴¹.

Не считаясь с реальными возможностями, Шеффер развернул на Гавайских островах и в первую очередь на острове Кауаи кипучую деятельность. При «благоприятном расположении» Каумуалии предприимчивый доктор «в продолжении 14 месяцев выстроил на

³⁹ Контракт о покупке корабля «Авон» от 22 августа (3 сентября?) 1816 г.— АВПР, ф. Гл. арх. I—10, д. 1, л. 37.

⁴⁰ Журнал доктора Шеффера.— *R. A. Pierce*. *Op. cit.*, p. 183.

⁴¹ Г. А. Шеффер — главному правлению РАК, август 1816 г.— *R. A. Pierce*. *Op. cit.*, p. 74—75.

Атувае с помощью данных от короля островитян в Вегмейской долине несколько домиков для фактории и завел сады, а для магазина король дал каменное строение; по его же приказанию старшины провинции, в которой гавань Ганнарей, торжественно сдали оную Шефферу с населяющими оную 30 семействами. Он осмотрел сию гавань, реку Вагмею, озера и все местоположение, заложил на трех возвышенностях крепости, назвав одну Александровской, другую Елисаветинской и третью именем Баркляя, а долину Ганнарейскую по желанию короля наименовал по своему имени Шефферовой... К строению оных крепостей король давал своих людей. Сия провинция изобильна малыми речками, богатыми рыбами, поля, горы и вообще местоположение пленительное, почва же земли благонадежнейшая к насаждению винограда, хлопчатой бумаги, сахарного тростника, которых он несколько и насадил, заводя сады и огороды для многих нежных плодов. Урожай оных удостоверил Шеффера о великой пользе, которую сие место и вообще все острова приносить могут России, и даже вычислил интерес из того урожая, который он видел от своего насаждения»⁴².

Расчеты Г. А. Шеффера на одобрение его действий на Сандвичевых островах, а главное — на реальную помощь А. А. Баранова и петербургского начальства не оправдались. Когда осенью 1816 г. И. Виттимор прибыл в Ново-Архангельск, правитель русских владений в Америке покупку корабля «Авон» «не апробовал и от платежа отказал». Получив подлинники соглашений Шеффера и ознакомившись с его донесениями, «А. А. Баранов немедленно написал ему, что не может без разрешения главного правления одобрить заключенные им условия, и запретил «входить в каковые-либо дальнейшие спекуляции»⁴³.

⁴² Извлечение из журнала доктора Шеффера.— ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1239, лл. 35—37; «Красный архив», 1936, т. 5(78), стр. 172. Уже в донесении А. А. Баранову от 25 ноября (н. ст.?) 1816 г. Шеффер писал: «...У меня здесь одна крепость каменная и 2 земляные с палисадниками почти готовы и дожидают народ из Ситхи». — ЛО Архив АН СССР, Р. IV, оп. 1, д. 1012, лл. 91—92. Одну из крепостей (Fort Elizabeth) в настоящее время намечено восстановить.

⁴³ См. мнение совета РАК от 26 марта (7 апреля) 1818 г.— ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1231, лл. 19—20; «Красный архив», 1936.

В начале декабря 1816 г. у берегов Гавайских островов появился совершавший кругосветное путешествие бриг «Рюрик» под командованием О. Е. Коцебу. Поскольку Шеффер давно уже распустил слухи о скором приходе к нему на помощь русского военного корабля, Камеаеа приказал выставить на берегу целое войско — около 400 человек, вооруженных ружьями. С большим трудом Коцебу удалось убедить короля в дружественных намерениях русских, и 24 ноября (6 декабря) 1816 г. состоялась его встреча с Камеаеа, «обратившим на себя внимание всей Европы». Благоприличием, непринужденностью и ласковостью в обращении король сразу же вселил «величайшую к нему доверенность». Когда Камеаеа начал жаловаться на действия доктора Шеффера, Коцебу поспешил заверить короля, что Александр I «отнюдь не имеет желанья овладеть островами»⁴⁴.

С редкой наблюдательностью и чувством юмора О. Е. Коцебу описал нравы и обычаи жителей Гавайских островов и, в частности, обращал внимание на своеобразное влияние европейской моды. Местные жители, по отзыву Коцебу, «в странном смещении представляли то матроса, то модного щеголя ...Мода до такой степени здесь владычествует, что даже низшего состояния люди почитают необходимостью носить что-либо из европейской одежды: иной ходит в одной рубашке, другой — в панталонах, а третий щеголяет в одном жилете. Нет сомнения, что американцы скупают в городах своих вышедшие из моды платья и продают оные здесь с большим барышом»⁴⁵.

Во время своего пребывания на Гавайских островах О. Е. Коцебу установил самые дружественные отношения с островитянами, а покидая 14 (26) декабря 1816 г. Гонолулу «велел салютовать крепости 7-ю пушечными выстрелами... Таким образом, европейский обычай введен на Сандвичевых островах». Находившийся на Гавайях вместе с Коцебу естествоиспытатель А. Шамиссо,

т. 5(78), стр. 167—168; П. А. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 187—188.

⁴⁴ О. Е. Коцебу. Путешествие в Южный океан..., ч. I—III. СПб., 1821—1823, ч. II, стр. 23—29.

⁴⁵ Там же, стр. 50.

оценивая международное и внутреннее положение островов, пришел к заключению, что «Сандвичевы острова останутся тем, что доныне были: вольным портом и торговым местом для всех плователей по сим морям. Если какая-нибудь иностранная держава вздумала бы овладеть сими островами, то для соделания такого предприятия ничтожным не нужно бы ни завистливой бдительности американцев, присвоивших себе почти исключительно торговлю на сих морях, ни же надежного покровительства Англии... Народ сей не покоряется иностранцам, он же слишком силен, слишком многочислен и слишком любит войну, чтобы возможно было истребить оный...»⁴⁶

Несмотря на торжественные соглашения, заключенные с Каумуалии, положение Г. А. Шеффера становилось все более затруднительным. Уже в сентябре 1816 г. под угрозой применения силы была оставлена фактория на о-ве Оаху, а затем американские капитаны предприняли попытку (правда, без успеха) спустить русский флаг в селении Ванмеа (о-в Кауап)⁴⁷. Ситуация еще более осложнилась, когда стало известно, что рассчитывать на поддержку А. А. Баранова и О. Е. Коцебу не приходится.

«Почти все мореходы Соединенных Американских Штатов,— указывал Т. Тараканов и другие служители. Российско-американской компании,— имеющие торговлю на норд-вестовом берегу..., старались прежде и теперь замышляют побудить индейцев на Сандвичевых островах к произведению революции. На острове Атувае именован тамешнего короля Томари (так в русских документах именовался Каумуалии.— Н. Б.) и его таенов в 1816 году завели они факторию для противодействия русским и Российско-американской компании, для чего и купили у короля земли, плантации и все сандальное дерево, сколько оного находится на том острове; и чего король не требовал за то от них, все заплатили. Сверх того откупили и всю годовую провизию, как-то: сухую

⁴⁶ А. Шамиссо. Наблюдения и замечания естествоиспытателя экспедиции...— О. Е. Коцебу. Путешествие в Южный океан..., ч. III, стр. 300—301. Ссылаясь на английское издание, Р. Пирс приписывает эти слова О. Е. Коцебу (*R. A. Pierce. Op. cit., p. 18*).

⁴⁷ См.: Журнал доктора Шеффера.— *R. A. Pierce. Op. cit., p. 183*.

тару, соль, кокосовые орехи и прочее, что король обязался контрактом доставить русским за груз на 12 тыс. рублей таких товаров, какие ему будут потребны».

Надеясь сохранить свои позиции на о-ве Кауаи, Г. А. Шеффер обратился к служащим Российско-американской компании с призывом взяться за оружие и «показать, что русская честь не так дешево продается». 11 июня 1817 г. храбрый доктор медицины сообщал А. А. Баранову, что «весь народ» с ним согласен удержаться на о-ве Кауаи, «покуда от Вас придет помощь», и что он занимает «здешний остров теперь во имя нашего великого государя»⁴⁸.

Вскоре, однако, стало ясно, что общее соотношение сил складывалось явно не в пользу Шеффера. Излагая последующие события на о-ве Кауаи, служащие компании доносили, что граждане Соединенных Штатов ложно объявили, что «американцы с русскими имеют войну, угрожая притом, что если король Томари не сгонит вскорости с Атувая русских и не снимет российского флага, то придут к оному 5 американских судов и убьют как его, так и всех индейцев. Тогда те самые американцы, кои находились в русской службе, взбунтовались против русских. Когда же вспыхнула на острове революция, то американец Виллиам Воздвит (William Wadsworth?), бывший капитаном на нашем бриге «Ильмень», убежал к индейцам на берег. Индейцы, соединясь с американцами, всех русских отправили с берега на наши суда... Противиться врагам нашим нам никак не было возможно; силы наши были слабы, а американцы и англичане, бывшие в нашей службе, все нам изменили, кроме Жорч Юнга (George Young), бывшего начальником судна «Мирт-Кадьяк», оставшегося на нашей стороне. Но как судно сие находилось в весьма худом... положении и на нем нельзя было отважиться пуститься в толь дальний путь, каков путь от Сандвичевых островов

⁴⁸ Т. Тараканов и др.— главному правлению РАК, 7(19) июля 1817 г.— АВПР, ф. Гл. арх. 1—10, д. 1, лл. 82—87; ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1231, лл. 42—46; в англ. переводе см.: R. A. Pierce. Op. cit., p. 101—106. Обращение Г. А. Шеффера, Т. Тараканова Дж. Янга и др. от 11 июня 1817 г., Г. А. Шеффер—А. А. Баранову, 11 июня (н. ст.?) 1817 г.— ЛО Архива АН СССР, Р. IV, оп. 1, д. 1012, лл. 93, 94—95.

до Ситхи; почему и положили мы общим согласием переместить Жорж Юнга на бриг «Ильмень» и отправить оный с нужными бумагами к Ситхе, а на «Мирт-Кадьяке» пустились к острову Вагу, дабы там можно было сколько-нибудь оный поправить и потом уже следовать к Ситхе».

Судя по журналу Шеффера, это произошло 17 (29) июня 1817 г.⁴⁹

С огромным трудом полузатонувший «Кадьяк» добрался до Гонолулы. Выпалив из пушки и подняв белый флаг, Шеффер запросил разрешения срочно войти в гавань. Только через девять дней, 1 (13) июля 1817 г. терпящий бедствие «Кадьяк» был наконец допущен во внутреннюю гавань. «Американские капитаны,— с горечью писал Т. Тараканов и его товарищи по несчастью,— ...считают за ничто, если русское судно потонет и люди в оном погибнут, лишь бы только удалось им получить лишнее полено сандалового дерева».

Хотя и с опозданием, Г. А. Шеффер наконец понял, «что рецепт — уступить и убраться домой — гораздо спасительнее и здоровее, нежели ратоборствовать и возложить на меч руку, привыкшую к ланцету»⁵⁰.

Трудно сказать, как сложилась бы судьба незадачливого завоевателя «края вечной весны», если бы в Гонолулу не зашел американский корабль «Пантер» под командованием капитана Льюиса, который из чувства признательности Шефферу за оказанную год назад медицинскую помощь согласился «отвезти его по спутности в Кантон». Оставив на о-ве Оаху большую группу русских и алеутов во главе с Таракановым, Шеффер 7 (19) июля 1817 г. навсегда покинул Гавайские острова. Его сопровождали всего два человека — алеут Г. Изкаков и слугитель компании Ф. Осипов⁵¹. Так закончи-

⁴⁹ R. A. Pierce. Op. cit., p. 202—203.

⁵⁰ В. М. Головин. Путешествие..., стр. 205.

⁵¹ Наряду с цитированным донесением служащих РАК от 7 (19) июля 1817 г. см. также журнал доктора Шеффера и его письмо А. А. Баранову.— ЛО Архива АН СССР, Р. IV, оп. I, д. 1012, лл. 109, 125—126; R. A. Pierce. Op. cit., p. 106—108, 205—206. Судьба оставшихся на о-ве Оаху алеутов и русских промышленников известна из записок О. Е. Коцебу, побывавшего в Гонолуле еще раз, в октябре 1817 г., и книги П. Тихменева. Застав Тараканова «с командой в самом жалостном положении», Коцебу снабдил «сих несчастных людей провизией на целый месяц». В 1818 г. «Тараканов»

лась гавайская часть авантюры доктора медицины. Впереди предстояли новые баталии, но место их действия — канцелярии чиновничьего С.-Петербурга, куда в августе 1817 г. стали поступать первые известия об удивительных происшествиях на далеких тихоокеанских островах.

Впервые о посылке доктора Шеффера на Гавайские острова директорам Российско-американской компании стало известно из донесений А. А. Баранова, полученных в С.-Петербурге весной 1817 г. Первоначальная реакция руководства компании оказалась резко отрицательной, и это лишний раз свидетельствует, что инициатива в данном вопросе полностью принадлежала Баранову. Правление не доверяло иностранному авантюристу, обращало внимание на противоречие в оценках Г. А. Шеффера, данных самим А. А. Барановым, а главное — не хотело каких-либо международных осложнений ни на Гавайях, ни в Калифорнии. В инструкциях, посланных Баранову весной 1817 г., директора компании указывали:

«...Ежели он (Шеффер.— Н. Б.) кончил вверенную ему Вами экспедицию на Сандвичевы острова, ...то более никакими экспедициями уже его не занимать, как человека иностранного, а не для русских прочащего все свои приобретения; а затем ежели Вы находите его нужным оставлять еще по должности врачевания, то по крайней мере не позволяйте заводить в селении Росс училища и винокурни, ибо то и другое начинать там рано или до тех пор не должно, пока русские не окоренятся там, а гишпанцы не сделаются прочными нам соседями.. А как остров Ситха есть теперь главное сборное место, то все таковые общепользные заведения, а наипаче больничные должно основывать и распространять в Ново-Архангельске..., а селение Росс оставьте в таком положении, чтоб гишпанцы не имели причин думать что-либо более, нежели одну промышленность; а между тем под видом оной умножать хлебопашество,

нов со своими людьми заключил условие с американцем Джонсом о принятии их к нему на судно для следования на общий промысел у калифорнийских берегов и таким образом пришел в Ново-Архангельск» (О. Е. Коцебу. Путешествие в Южный океан..., ч. II, стр. 244; П. А. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 191).

скотоводство, птицеводство, овощные и плодовые растения, плантажи (?), умножая и самое селение нужными строениями»⁵².

Получение 14(26) августа 1817 г. победной реляции Г. А. Шеффера с о-ва Кауаи в определенной мере поколебало первоначальное мнение директоров Российско-американской компании. Просьба Каумуалии о принятии им русского подданства открывала перед компанией соблазнительные перспективы, и главное правление было не прочь воспользоваться неожиданной удачей для распространения своего влияния на Гавайские острова. Не решаясь, однако, действовать самостоятельно, правление сочло необходимым немедленно известить о случившемся царское правительство и, если возможно, заручиться его поддержкой и одобрением. В результате уже на следующий день, 15 (27) августа 1817 г. директора компании В. В. Крамер и А. И. Северин направили Александру I всеподданнейшее донесение, в котором сообщали, что «король Томари письменным актом передал себя и все управляемые им острова и жителей в подданство в. и. в-ву». Донесение Шеффера и акт короля Томари пересылались на «всемиловитейшее» императорское усмотрение⁵³. Примерно аналогичное донесение Крамер и Северин два дня спустя направили руководителю ведомства иностранных дел Нессельроде⁵⁴.

Сообщения о действиях Шеффера на Гавайях появились летом 1817 г. и в иностранных газетах, которые сопровождали их различными спекуляциями по поводу активности России на Тихом океане и в Калифорнии. Так, лондонская «Морнинг кроникл» в номере от 30 июля 1817 г., ссылаясь на немецкую газету, сообщала о переговорах России по поводу уступки Калифорнии с целью приобретения монополии в тихоокеанской торговле. Здесь же приводилось сообщение американской газе-

⁵² Главное правление РАК — А. А. Баранову, 22 марта (3 апреля) 1817 г., № 196.— НА, RRAC, г. 1, р. 67—68; *R. A. Pierce*. *Op. cit.*, р. 108—109 (в англ. переводе у Р. Пирса имеются некоторые неточности).

⁵³ Главное правление РАК — Александру I, 15(27) августа 1817 г.— ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1231, л. 2.

⁵⁴ Главное правление РАК — К. В. Нессельроде, 17(29) августа 1817 г.— АВПР, ф. Гл. арх. I—10, д. 1, л. 1; донесение Шеффера от августа 1816 г.— Там же, л. 2 (нем.).

ты «Нэшл адвокатс» о присоединении русскими одного из островов («недалеко от Сандвичевых островов») и постройке на нем укреплений. «Мы скоро обнаружим эту нацию с ее славным (геповн) и активным правительством во всех частях света». Этот же отрывок, помещенный в газете «Курир», стал предметом внимания и в русском министерстве иностранных дел⁵⁵. 22 сентября (4 октября) 1817 г. краткое сообщение о присоединении одного из островов в Тихом океане с ссылкой на американские газеты было помещено в «Северной почте»⁵⁶.

Подробную записку о Сандвичевых островах с приложением письма от правителя селения Росс И. А. Кускова от 12(24) августа 1816 г., в котором описывались успехи Г. А. Шеффера и сообщалось о вступлении Каумуалии в русское подданство, составил известный морской историк и географ В. Н. Берх⁵⁷. Текст этой записки без упоминания о письме Кускова был опубликован в начале 1818 г. в популярном русском журнале «Сын отечества» в связи со слухом, будто «один из Сандвичевых островов занят русскими». Давая подробное описание Гавайского архипелага, Берх отмечал, что географическое расположение островов «делает их необходимо нужными» для удобного сообщения между восточными берегами Сибири и русскими владениями в Америке, а также для снабжения Камчатки продовольственными товарами⁵⁸.

Рассчитывая, видимо, что отношение царского правительства к сообщению об успехах Шеффера на Гавайях будет более или менее положительным (кто же отказывается от дареного?), директора Российско-американской компании соответственно подготовили свои первые распоряжения по этому вопросу. Уже в приписке к инструкции А. А. Баранову от 14(26) августа 1817 г. Ве-

⁵⁵ «The Morning Cronicle», 30.VII 1817; *R. A. Pierce*. *Op. cit.*, p. 122—123; «The Courier», 30.VII 1817; АВПР, ф. Гл. арх. 1—10, д. 1, л. 3.

⁵⁶ «Северная почта», 22.IX (4.X) 1817, № 76.

⁵⁷ Записка В. Н. Берха о Сандвичевых островах, август 1817 г.—*R. A. Pierce*. *Op. cit.*, p. 113—122.

⁵⁸ *В. Н. Берх*. Нечто о Сандвичевых островах.—«Сын отечества», 1818, ч. 43, стр. 161—162. Очерк Берха был основан как на литературных данных, так и на личных наблюдениях автора во время посещения Сандвичевых островов на корабле «Нева» в 1805 г.

Удиректор Крамер поспешил сообщить, что главным правлением получено «самое интереснейшее и приятное донесение г. доктора Шеффера с одного из Сандвичевых островов — Атувай — и по которому сего дня подано донесение г. и. на тот случай, что не угодно ли будет е. в-ву что-либо повелеть с отходящим на сих днях фрегатом «Камчаткой». Какое же сделано на первый случай со стороны нашей распоряжение о фактории острова Атувай, оное усмотрите Вы в приложенной при сем копии с наставлением, в дополнении к которому не оставите при случае и Вы что-либо добавить»⁵⁹. В специальном добавлении к инструкциям В. М. Головнину правление компании поручало ему всемерно содействовать утверждению русской власти на о-ве Кауаи и сообщить о мерах, которые необходимы для того, чтобы обеспечить присоединение «этого нового и важного владения»⁶⁰.

В этом же духе было составлено и детальное «наставление» Шефферу от 20 августа (1 сентября) 1817 г. «Начальствующему отрядом Российско-американской компании на острове Атувай» вменялось в обязанность поддерживать Каумуалии и защищать «народ его от всяких нападков других сильных островных владельцев, сколько то позволят сделать местные обстоятельства, исключая того, что ежели нападение сделала какая-либо европейская нация или по влиянию оной, во что компании до дальнейших повелений вмешиваться не должно». Специальное внимание обращалось на необходимость оказывать «почтение» королю и избегать каких-либо ссор с местными жителями. «Под опасением неизбежного и строгого наказания, — указывалось в «наставлении» главного правления, — не делать островитянам... ни малейших обид, притеснений и отъемов их собственности, а особливо отъемов женского пола насильно без взаимного их согласия»⁶¹.

⁵⁹ Главное правление РАК — А. А. Баранову, 14(26) августа 1817 г. — NA, RRAC, г. 1, р. 96; в англ. переводе см.: R. A. Pierce. Op. cit., p. 109.

⁶⁰ Главное правление РАК — В. М. Головнину, 14(26) августа 1817 г. — R. A. Pierce. Op. cit., p. 110; NA, RRAC, г. 1, р. 176.

⁶¹ Главное правление РАК — Г. А. Шефферу, (через А. А. Баранова), 20 августа (1 сентября) 1817 г. — NA, RRAC, г. 1, р. 173—175; R. A. Pierce. Op. cit., p. 110—112.

Все эти наставления главного правления представляли, разумеется, уже чисто теоретический интерес. Никакого русского влияния на Гавайях в то время не существовало, а сам доктор Шеффер находился на пути в Кантон. Не оправдались и расчеты на поддержку царского правительства. Хотя формально компания относилась к ведению министра внутренних дел О. П. Козодавлева, все основные нити в решении гавайского вопроса с самого начала оказались сосредоточены в руках К. В. Нессельроде. В ответ на сообщение об блестящих успехах Шеффера главное правление было «осчастливлено» передачей от К. В. Нессельроде высочайшего соизволения вплоть до получения «оригинального акта» и подробных донесений «ничего не предпринимать»⁶². Материалы, полученные от Шеффера, рассматривались также в «комитете гг. министров». Этот комитет предоставил министру внутренних дел «донесение доктора Шеффера сообщить на соображение» Нессельроде⁶³.

Будучи неподготовленным к принятию какого-либо решения и опасаясь возможных международных осложнений, царское правительство стремилось выиграть время и собрать более полную информацию. 29 августа (10 сентября) 1817 г. управляющий министерством иностранных дел запросил соответствующие сведения у русского посла в Лондоне Ливена. «Прежде чем принять решение по этому поводу,— писал Нессельроде,— е. в-во пожелал, чтобы был внимательно изучен вопрос, пользуются ли острова Кауаи и Ниихау (в подлиннике — les Isles de Otaouway et de Onegau) общепризнанной независимостью и может ли их государь заключать соглашение о вступлении в подданство России. Поскольку в Англии можно собрать больше всего сведений о внутренних отношениях этих стран, е. в-во хотел, чтобы я обратился именно к в. пр-ву...» В заключении Нессельроде специально отмечал, что прежде чем принимать «окончательное решение по этому вопросу» император намерен ожидать получение информации, которую представит Ливен⁶⁴.

⁶² Главное правление РАК — К. В. Нессельроде, 29 января (10 февраля) 1818 г.— АВПР, ф. Гл. арх. 1—10, д. 1, л. 29.

⁶³ О. П. Козодавлев — К. В. Нессельроде, 13(25) сентября 1817 г.— Там же, л. 10.

⁶⁴ К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену, 29 августа (10 сентября)

В начале следующего года (21 декабря 1817 г. ст. ст.) в С.-Петербург пришло ответное донесение Ливена с приложением подробного историко-политического обзора Сандвичевых островов, а также мнения посла в связи с возможным присоединением их к России⁶⁵. Как отмечал русский посол, «с момента открытия Сандвичевых островов капитаном Куком в 1778 г. и вплоть до настоящего времени они постоянно пользуются полной политической независимостью». Признавая «полезность» учреждения «постоянных поселений на Сандвичевых островах для торговых связей Российско-американской компании», граф Ливен в то же время справедливо обращал внимание на «изолированное положение двух островов» (Кауаи и Ниихау), которым, естественно, угрожает любое притязание «соседнего владельца» (*dominateur voisin*). «Выгоды» от присоединения островов, по мнению посла, «становятся еще более иллюзорными», если учесть «зависть и интриги, которые этот захват вызовет со стороны англичан и американцев»⁶⁶. В подробном историко-политическом обзоре Ливен специально отмечал, что, «зная авантюристический дух мореплавателей Соединенных Штатов и активную настойчивость их спекулянтов в торговле, скоро пришлось бы ожидать враждебного столкновения с ними на Сандвичевых островах»⁶⁷.

«Ненадежное и критическое» положение Каумуалии, владевшего о-ми Кауаи и Ниихау, чрезвычайная отдаленность архипелага, «опасное соперничество» американцев — все это вместе с другими соображениями не оставляло сомнений в том, что Ливен имел веские основания, чтобы высказаться против установления русского протектората.

Вскоре после получения в С.-Петербурге мнения русского посла в Лондоне главное правление в соответствии

1817 г.— АВПР, ф. Гл. арх. I—10, д. 1, л. 5. В качестве приложений Ливену направлялись копии донесения Шеффера и акта о вступлении Каумуалии в русское подданство.— Там же, лл. 6—8.

⁶⁵ Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде, 15(27) ноября 1817 г., № 173.— АВПР, ф. Гл. арх. I—10, д. 1, л. 16; «*Opinion de l'Ambassadeur C-te de Lieven sur la soumission présumée des îles de Sandwich à la Russie*».— Там же, лл. 13—14; «*Apperçu historique et politique sur les îles de Sandwich*».— Там же, лл. 17—28. На л. 16 надпись: «Получ. 21-го декабря».

⁶⁶ «*Opinion...*» — Там же, лл. 13—14.

⁶⁷ «*Apperçu...*» — Там же, л. 27.

с решением совета компании направило К. В. Нессельроде подлинник акта о вступлении Каумуалии в подданство России, а также оригиналы других соглашений, заключенных Г. А. Шеффером. Руководители компании не возражали против приобретения, сделанного Шеффером, но явно не хотели принимать на себя обременительные обязательства, взятые им в отношении завоевания других островов. «Все сии последствия...,— указывалось в донесении главного правления,— произошли по доброй воле независимого ни от кого владельца Томари. Одно токмо, на что доктору Шефферу соглашаться не должно бы было, причиняет большую неприятность; ибо он от г. Баранова не был уполномочен на то, чтобы... сметь принять на себя обязанность предводительствовать войском короля Томари для покорения тех островов, кои от него отторгнуты, и купить для сей экспедиции на счет компании военное судно. Правление компании крайне сожалеет, что ни оно, ни Баранов, по отдаленности места и краткости времени, не могли его в том ни остановить, ниже предупредить; и должно теперь оставаться в неизвестности, какие из того выйдут последствия. Но правление между тем пошлет Баранову приказание, чтобы его оттоле вызвать и тем предупредить, если возможно, события, действиям Российско-американской компании неприличных»⁶⁸.

Чтобы как-то сгладить впечатление от событий, «действиям Российско-американской компании неприличных», первоприсутствующий директор правления М. М. Булдаков, а также В. В. Крамер и А. И. Северин представляли на усмотрение К. В. Нессельроде «Историческое, климатическое и статистическое сведение о Сандвичевых островах, почерпнутое из известий, какие оно (главное правление.— Н. Б.) имеет от служивших у компании морских офицеров, бывших на тех островах, из которых явствует, что все они совершенно свободны от влияния европейских держав». В этой записке, подписанной Булдаковым, подробно перечислялись природные богатства и преимущества географического положения Сандвиче-

⁶⁸ Главное правление РАК — К. В. Нессельроде, 19(31) января 1818 г., № 30.— АВПР, ф. Гл. арх. I—10, д. 1, л. 31; см. также: «Выписки из отношения главного правления Российско-американской компании от 19 января 1818».— Там же, лл. 44—45.

вых островов. Ссылаясь на мнение Л. А. Гагемейстера, Директор отмечал, что «один из сих островов с небольшим трудом может производить все то, что для обширной азиатской части России потребно». Среди ценных «произведений» Сандвичевых островов в записке назывались «кокосовые и хлебные деревья, хлебный плод таро, бананы, арбузы, ...сандальное дерево, дикие быки, ...различные морские и озерные рыбы... Сии продукты, а в самом большом количестве сандальное дерево, выменивают там европейские мореходы, а наипаче североамериканцы, коих видят там всегда в большем числе, нежели других наций»⁶⁹.

Три дня спустя, 22 января (3 февраля) 1818 г., М. М. Булдаков предпринял еще одно, на этот раз личное обращение к одному из влиятельных царских сановников (графу И. А. Каподистрии?). Пересылая копию донесения главного правления от 19(31) января 1818 г. «с таким делом, которое заслуживает внимания истинного патриота», Булдаков писал: «Ожидание счастливого конца сему представлению зависит от того, как будет доложено государю императору, а может быть и останется еще без доклада, по случаю кратковременного здесь пребывания нашего самодержца. В последнем случае, да и во всяком другом, могу я надеяться, что в с-во, по сердечной привязанности к новому Вашему отечеству, не изгладите из памяти сего дела и дадите ему ход во благое»⁷⁰.

Надежды Булдакова на «счастливый конец» не оправдались, хотя представление главного правления и не было оставлено «без доклада» Александру I. Сообщая 24 февраля (8 марта) 1818 г. Козодавлеву окончательное решение по вопросу о Сандвичевых островах, Несельроде писал: «Государь император изволит полагать, что приобретение сих островов и добровольное их поступление в его покровительство не только не может принести России никакой существенной пользы, но, напротив, во многих отношениях сопряжено с весьма важными неудобствами. И потому е. в-ву угодно, чтобы королю Томари, изъявля всю возможную приветливость

⁶⁹ АВПР, ф. Гл. арх. I—10, д. 1, л. 43.

⁷⁰ М. М. Булдаков — [И. А. Каподистрии?] 22 января (3 февраля) 1818 г.— Там же, л. 46.

и желание сохранить с ним приятные сношения, от него помянутого акта не принимать, а только ограничиться постановлением с ним вышеупомянутых благоприятных сношений и действовать к распространению с Сандвичевыми островами торговых оборотов Американской компании, покуда оные сообразны будут сему порядку дел». Козодавлеву поручалось довести это решение до сведения компании и «дать ей предписание, чтобы она от такового правила не отступала». В заключение Нессельроде отмечал, что «последующие затем донесения, полученные в пр-вом от доктора Шеффера, доказывают нам, что необдуманные поступки его подали уже повод к некоторым неблагоприятным заключениям», и сообщал, что император «соизволил признать нужным дожидаться наперед дальнейших по сему предмету известий»⁷¹.

Современному читателю решение Александра I может показаться совершенно неожиданным, малообоснованным и даже нелепым. Как могло случиться, что царское правительство категорически отказалось от приобретения тихоокеанской жемчужины? Разве оно не стремилось к расширению своих границ и влияния? Может быть, оно просто не разобралось в выгодах, которые давало это новое приобретение для интересов России на Дальнем Востоке, в Америке и на Тихом океане? И откуда у царя вдруг обнаружилась такая удивительная сдержанность и осторожность?

Прежде всего следует сказать, что решение царского правительства никак нельзя считать неожиданным. Со времени получения первых донесений Г. А. Шеффера прошло более полугода. За это время и главное правление компании, и министерство иностранных дел собрали разнообразный дополнительный материал, в результате чего было составлено довольно детальное представление о существе дела. Показательно также, что проект письма Нессельроде Козодавлеву был не только формально утвержден Александром I, но и носил следы тщательной

⁷¹ К. В. Нессельроде — О. П. Козодавлеву, «Москва, февраля 24 дня 1818». — ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1231, лл. 12—13. На проекте отношения к министру внутренних дел царская помета: ««Быть по сему». Февр. 23 дня 1818» и делопроизводственная надпись: «Подп. 24 февр. и отпр. к г. Убри с почтой из Москвы». — АВПР, ф. Гл. арх. 1—10, д. 1, лл. 62—63.

правки, смысл которой сводился к тому, чтобы облечь категорический отказ принять Каумуалли под покровительство России в возможно более вежливую форму. изъявив ему «всю возможную приветливость и желание сохранить с ним приятные сношения».

Отметим также, что одновременно с сообщением о решении Александра I Нессельроде направил Козодавлеву «в подлиннике записку, составленную послом нашим в Англии графом Христофором Андреевичем Ливеным как о Сандвичевых островах вообще, так и помянутых двух островах особенно ...Из сей записки в пр-во в полном виде усмотреть изволите все соображения, кои е. в-во изволил принять по сему предмету в уважение»⁷². Мы имеем, таким образом, прямое указание, что основную роль в принятии этого решения сыграло мнение министерства иностранных дел и, в частности, соображения, изложенные в записке Х. А. Ливена.

Наконец, самое главное заключается в том, что решение Александра I по гавайскому вопросу в целом соответствовало консервативному курсу политики России на Тихоокеанском Севере, а также принципу легитимизма, которому строго следовало царское правительство после 1815 г. в Европе и Америке. Речь, конечно, идет совсем не о том, что царское правительство не стремилось в эти годы к экспансии. Однако приверженность доктринам «легитимизма», «международного права» и пр. заставляла Александра I и К. В. Нессельроде очень осмотрительно относиться к открытым захватам как на Тихом океане, так и на Северо-Западе Америки (в частности, в Калифорнии). Тем самым в С.-Петербурге явно рассчитывали связать руки своему главному сопернику — Великобритании в отношении восставших испанских колоний в Америке. Не желало царское правительство и какого-либо обострения своих отношений с Соединенными Штатами, с которыми в это время предполагали начать переговоры о привлечении их к Священному союзу.

Академик А. А. Губер справедливо обратил внимание, что в отличие от колониальной политики западноевропейских держав, которая отличалась «морским, океаническим характером, колониальная политика Россий-

⁷² К. В. Нессельроде — О. П. Козодавлеву, 24 февраля (8 марта) 1818 г. — АВПР, ф. Гл. арх. I—10, д. 1, л. 65.

ской империи была преимущественно континентальной Дальневосточное и тихоокеанское направления политики России играли в то время неизмеримо меньшую роль и находились в подчиненной зависимости от общей политической ситуации в Европе и «восточного вопроса»... Слабость русских возможностей колонизации заокеанских территорий,— заключал Губер,— была продемонстрирована, в частности, широко известной судьбой русских владений в Америке и деятельностью Российско-американской компании»⁷³.

Категорическое и совершенно недвусмысленное решение Александра I, сообщенное О. П. Козодавлевым главному правлению компании 13(25) марта 1818 г.⁷⁴, поставило последнее в довольно затруднительное положение. О том чтобы открыто нарушить «высочайшую волю», не могло быть и речи. Вместе с тем правлению компании явно не хотелось полностью отказываться от преимуществ, связанных с утверждением русского влияния на Гавайях. В результате 26 марта (7 апреля) 1818 г. этот вопрос стал предметом обсуждения на заседании совета компании. Приняв решение Александра I «к точному исполнению», совет тем не менее предложил ряд дополнительных мер и, в частности, просил Козодавлева исходатайствовать «всемилоостивейшее соизволение» на пожалование Каумуалии «золотой медали с надписью «королю или владельцу Сандвичевых островов Томари в знак дружбы его к россиянам», которую и вручить ему именем е. и. в-ва с Анненской лентой для ношения на шее», а также «присовокупить к сему знаку и подарок, состоящий в кортике и в кармазинном плаще с золотыми кистями и газом».

Совет подтверждал также распоряжение главного правления А. А. Баранову, чтобы он немедленно удалил доктора Шеффера с Сандвичевых островов, «а на место его к спокойному управлению теми торговыми и хозяйственными производствами, какие уже там к взаимной пользе компании и островитян начаты и впредь без ма-

⁷³ Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII в.— 60-е годы XIX в.), документы и материалы, под ред. А. А. Губера. М., 1962, стр. 10.

⁷⁴ О. П. Козодавлев — главному правлению РАК, 13(25) марта 1818 г.— BL, P—N 14, Les Russes aux îles Hawaïi, p. 34.

лейшего опасения или прекословия могут быть продолжены..., определил другого человека, надежного, умного и скромного, и в подробности, каким образом ему поступать, дал бы ему инструкцию, сообразно тому наставлению, которое послано уже на лицо управляющего тамошнего от главного компании правления».

Руководство компании все еще надеялось при благоприятных обстоятельствах сохранить, если возможно, факторию и земельные участки, полученные Шеффером на Кауаи, или по крайней мере использовать сообщение высочайшей воли для укрепления и расширения торговых контактов с Гавайскими островами. Надежному представителю компании поручалось сообщить Каумуалии, что Александр I «оставляет его в полной независимой свободе, желая только, чтобы в такой же свободе искренней дружбы и для взаимной пользы были принимаемы им русские подданные, торгующие и промышленяющие в составе Российско-американской компании и под ее флагом»⁷⁵.

В апреле 1818 г. Козодавлев переслал мнение совета РАК Нессельроде, а летом 1818 г. Александр I удостоил ходатайство компании «всемиловитейшим благоизволением». Министру финансов Д. А. Гурьеву 5(17) августа 1818 г. было дано указание об «отпуске таковых вещей из кабинета»⁷⁶.

Между тем в С.-Петербург стали поступать известия о полном провале авантюры доктора Шеффера на Гавайских островах. 3(15) августа 1818 г. перед домом графа Н. П. Румянцева на берегу Невы бросил якорь корабль «Рюрик» под командованием О. Е. Коцебу, возвратившийся из кругосветного плавания, в ходе которого он дважды побывал на Гавайских островах⁷⁷. Главное правление получило и два письма самого доктора Шеффера: «1-е от 20-го октября прошлого 1817 года из Макао, что через политические обстоятельства принуждены были русские оставить остров Атувай, а сам он отправился в путь через помянутый город и постарается,

⁷⁵ Мнение совета РАК от 26 марта (7 апреля) 1818 г.— «Красный архив», 1936, т. 5(78), стр. 166—170.

⁷⁶ АВПР, ф. Гл. арх. 1—10, д. 1, лл. 66, 75; ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1231, лл. 25—26, 27, 29, 30.

⁷⁷ О. Е. Коцебу. Путешествие в Южный океан..., ч. II, стр. 319.

как только можно скорее, прибыть в Санкт-Петербург, дабы отдать главному правлению совершенный отчет а 2-е из Рио-Янейро от 10-го апреля текущего года, что он из Макао прибыл в сию столицу и отправляется оттоль в Россию... Таковые извещения подали причину правлению компании думать, что оставление острова Атувая произошло от неблагоприятных происшествий»⁷⁸. Последнее, «хотя и неофициально», подтвердил правлению и Коцебу.

7(19) августа 1818 г. «по приказанию гр. Н [Нессельроде]» Российско-американской компании словесно было объявлено о том, чтобы «подлинный акт» Каумуали о принятии русского подданства «не был отправлен обратно»⁷⁹. Как отмечал К. В. Нессельроде, царь полагал, что возвращение этого акта «может огорчить сего владетеля», по одновременно подтверждал необходимость исполнения всех прежних распоряжений, «о коих высочайшая воля объявлена»⁸⁰.

Тем временем в Европу приехал и главный герой гаванской авантюры — доктор Шеффер. Добравшись в конце июля 1818 г. до «Гельсинора», он узнал от русского посланника в Дании, что Александр I отправился на конгресс в Аахен. Предприимчивый доктор тотчас выехал в Берлин «для всеподданнейшего поднесения мемория о событиях, с ним случившихся на помянутых островах», а в С.-Петербург направил сопровождавшего его «промышленного» Ф. Осипова, который представил обстоятельный отчет директорам Российско-американской компании⁸¹.

Встретиться с императором Александром I и лично вручить ему «Мемуар о Сандвичевых островах» Шефферу не удалось. Зато настойчивый доктор сумел в сентябре 1818 г. передать эту записку обоим руководителям русского ведомства иностранных дел — И. А. Капо-

⁷⁸ Главное правление РАК — О. П. Козодавлеву, 13(25) августа 1818 г. — ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1231, лл. 32—33.

⁷⁹ АВПР, ф. Гл. арх. 1—10, д. 1, л. 93.

⁸⁰ К. В. Нессельроде — О. П. Козодавлеву, 19(31) августа 1818 г. — ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1231, л. 38.

⁸¹ Г. А. Шеффер — главному правлению РАК, Хельсингер, 30 июля 1818 г. — *R. A. Pierce*. Op. cit., p. 124—125; доклад Ф. Осипова главному правлению РАК. — *Ibid.*, p. 125—134; главное правление РАК — О. П. Козодавлеву, 23 августа (4 сентября) 1818 г. — ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1231, лл. 41—42.

дистрии и К. В. Нессельроде⁸². Шеффер рекомендовал царскому правительству захватить не только о-в Кауаи, но и весь архипелаг. «Занятием Сандвичевых островов Россия обеспечивает себе возможность производить ей одной торг мехами на северо-западном берегу и воспрепятствует американцам оным пользоваться, но как сии острова, так и заведения России и торговля ее без оных будут для нее потеряны в сих странах света... Из Сандвичевых островов Россия возможет предлагать свои союзы Китаю, Японии ...и американским владениям, от гишпанского ига освобожденным (!), возможет вспомоществовать Филиппинским островам, Тимору, Яве, Гое, и между тем произведения из Сандвичевых островов, равно как и российские, и их промышленность в сих странах распространятся».

Касаясь природных богатств Гавайских островов, выгод их географического положения и значения для развития тихоокеанской торговли, Шеффер сделал немало справедливых замечаний, но, когда речь шла о политических и особенно военных вопросах, его авантюристический дух проявился в полной мере. Он, в частности, выражал твердую уверенность, что Александр I сразу же последует его советам и «повелит с деятельностью все острова сии занять разом с такой воинской силой, которая достаточна будет как для сбережения их за собой, так и для внушения уважения». По мнению Шеф-

⁸² Г. А. Шеффер — И. А. Каподистрии, Берлин, 10 сентября 1818 г. (получ. 11(23) октября 1818 г.).— АВПР, ф. Гл. арх. 1—10, д. 1, лл. 95—96 с приложением «Memoire sur les îles de Sandwich, présenté à Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russes par Mr. Schäffer Assesneur de Collège».— Там же, лл. 97—102. Такая же записка была передана Нессельроде 12 сентября 1818 г., когда царский сановник находился в Берлине (см.: Г. А. Шеффер — К. В. Нессельроде, Берлин, 12 сентября 1818 г.— Там же, лл. 103—104, 105—110). В литературе записку Шеффера принято датировать февралем 1819 г. («Красный архив», 1936, 5(78), стр. 173—177; Д. Д. Тумаркин. Вторжение колонизаторов..., стр. 160; R. A. Pierce. Op. cit., p. 28 etc.). Между тем уже в сентябре 1818 г. оригинал этой записки был передан руководителям русского МИД. Сличение французского подлинника записки с русским переводом, опубликованным С. Б. Окуном, не оставляет сомнений в том, что речь идет об одном и том же документе (русский текст см.: ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1239, лл. 1—6). Составлена же записка была еще раньше, осенью 1817 г., Г. А. Шеффером и А. Луишгестдом в Макао (АВПР, ф. Канцелярия, д. 2804, лл. 23—26).

фера, «для произведения сего в действие потребно токмо два фрегата и несколько транспортных судов. Издержки за сие будут одним годом вознаграждены от произведений, особенно же сандалом, растущим на Атувае, Ваге, и Овайге, который скоро и верно распродается в Кантоне».

Любопытно, что храбрый доктор без малейшего смущения предлагал свою кандидатуру в качестве руководителя военной экспедиции. «Я обязанностью почту произвести в действие сие предприятие и покорить в. и. в-ву все сии Сандвичевы острова, буде баговолите мне оное поверить, и, хотя я и не воинского звания, однако ж оружие мне довольно известно, и притом имею столько опытности и мужества, чтобы отважить мою жизнь для блага человечества и пользы России...»

Во время конгресса в Аахене ни царь, ни его министры не имели ни желанья, ни возможности записаться обсуждением грандиозных проектов доктора Шеффера. Поэтому было решено отложить рассмотрение его записки до возвращения Александра I в С.-Петербург, а пока подготовить дополнительные материалы. Пересылая 1(13) ноября 1818 г. копию памятной записки Шеффера из Аахена в Россию, граф Нессельроде просил своего помощника по министерству П. Я. Убри собрать необходимые сведения, с тем чтобы после возвращения императора в С.-Петербург можно было представить ему «детальный доклад»⁸³.

В дальнейшем рассмотрении предложений доктора Шеффера занимались несколько ведомств и организаций (министерство иностранных дел, департамент мануфактур и внутренней торговли, Российско-американская компания) и в результате вновь был проанализирован весь комплекс вопросов, связанных с политикой России на Северо-Западе Америки и Дальнем Востоке.

В бумагах министерства иностранных дел сохранилась, в частности, специальная записка «О Сандвичевых островах по представлению доктора Шеффера» (1819 г.), в которой давался обзор предшествующих событий и решений. В этом документе вновь напоминалось мнение Х. А. Ливена о том, что присоединение Кауаи и Ниихау

⁸³ К. В. Нессельроде — П. Я. Убри, Аахен, 1(13) ноября 1818 г.— АВГР, ф. Гл. арх. I—10, д. 1, л. 113.

не может быть прочным «как по причине отдаленности», так и потому, что Камеаеа не примирится с потерей этих островов. Кроме того, это присоединение «неминуемо возбудит зависть и неудовольствие англичан и американцев, наиболее те места посещающих»⁸⁴.

Уничтожающей критике проекты Шеффера были подвергнуты в департаменте мануфактур и внутренней торговли, в ведении которого в то время находилась Российско-американская компания. Сотрудник министерства внутренних дел П. Острогорский не слишком поверил в реальность предложений об основании «на островах, в другом полушарии находящихся», плантаций хлопка, заведении мануфактур, «шелковых фабрик» и т. п. Что же касается грандиозных торговых и политических проектов доктора Шеффера, то они встретили с его стороны самые решительные возражения. Поскольку «меновая торговля островитян» находится в руках Соединенных Штатов, то последние, «как их соседи, сильные на море,— писал П. Острогорский,— всякую другую державу, не имеющую в тех морях флота, к сей связи не охотно допустят». Скептически настроенный чиновник напомнил далее, что занятие о-ва Кауаи, «коего владелец и сам на то был согласен..., было весьма неуспешно и послужило только к разорению там заведенной Российско-американской фактории и потере некоторого компанейского имущества». Совершенно убийственным выглядело заключительное замечание по поводу согласия Шеффера возглавить военную экспедицию. «Сей пункт,— писал Острогорский,— заключает нескромное о себе мнение доктора Шеффера и... не заслуживает опровержения»⁸⁵.

В развитие сделанных предложений, или, быть может, в ответ на критику представленной им записки, доктор Шеффер направил в марте 1819 г. в министерство внутренних дел специальное «Прибавление», в котором доказывал, что без занятия Гавайских островов Россия лишится своих «владений на северо-западном берегу Америки, и в скорости завладеют оными американцы Соединенных Штатов». «Бостонцы», по словам

⁸⁴ Там же, л. 126.

⁸⁵ «Красный архив», 1936, т. 5(78), стр. 177—181; ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1239, лл. 16—20 (февраль 1819 г.).

Шеффера, «давно уже тем только и занимаются, чтоб нам учинять всякие препятствия в наших предприятиях в сей части света... Они хитрят против нас в Китае», стремятся «уничтожить пашу торговлю между Азией и Америкой» и т. д. «Стоит токмо взглянуть на карту,— заключал Шеффер,—чтоб усмотреть все те выгоды, каковых Россия ожидать может от обладания сими островами, но надлежит сие предприятие совершить в наискорейшем времени, ибо спустя с год в промедлении уже будет поздно»⁸⁶.

В целесообразности и «великой пользе» присоединения хотя бы одного из Гавайских островов было убеждено и руководство Российско-американской компании. Природные богатства этих островов, по мнению директоров компании, дадут «великие выгоды для торговли и довольствия как северо-западных наших колоний, так и Камчатки и Охотска, где жизненные припасы и соль необходимо нужны, и оными со временем можно снабжать оба сии края с изобилием. Одно отдохновение при сих райских островах идущим кругом света кораблям, которого нигде инде с лучшею благонадежностью в здоровье людей, в запасении продовольствия и совершенном покое иметь не нужно, делает уже бесценным обладание оных».

Хотя правление не решалось в полном объеме одобрить грандиозные планы Г. А. Шеффера и сомневалось в его способностях «исполнять присвоение означенных островов вооруженной рукой», тем не менее оно также рекомендовало правительству «назначить два судна в транспорт и одно для прикрытия и до ста человек русских промышленных» с тем, чтобы обеспечить «прочное водворение» во владениях Каумуалии. «Повод же к сему есть самый благоприятнейший...,— указывало главное правление,— доставление королю Томари всемилостивейше пожалованных в подарок вещей, получение которых ...должны убедить его в пользу русских». При благоприятных обстоятельствах, как считало правление, «целить можно о заведении связей и на других островах,— может быть, удастся и купить один какой-либо

⁸⁶ «Прибавление к записке о Сандвичевых островах, представленной е. и. в-ву коллежским асессором Шеффером», 2 (14) марта 1819 г.— «Красный архив», 1936, т. 5(78), стр. 181—182.

остров, которого и довольно будет для пользы и видов компании»⁸⁷.

Резюмируя свои взгляды в инструкциях «главноуправляющему российско-американскими колониями» Л. А. Гагемейстеру от 1(13) апреля 1819 г., М. М. Булдаков и В. В. Крамер писали: «Мирным образом, а, может быть, еще и покупкой которого-либо острова можно приобрести райское пристанище для русских судов, идущих кругом света, и для умножения многих торговых статей для нашей коммерции»⁸⁸.

С точки зрения интересов Российско-американской компании, русских владений в Северной Америке и на Дальнем Востоке приобретение хотя бы одного из Гавайских островов, действительно, представлялось чрезвычайно заманчивым, а многие доводы главного правления выглядели вполне убедительно. Практически, однако, рассчитывать на одобрение этих предложений К. В. Нессельроде и Александром I вряд ли было реально, особенно если учесть, что год назад компания уже получила категорический отказ при гораздо более благоприятных обстоятельствах (в С.-Петербурге тогда еще не знали об изгнании Шеффера с о-ва Кауаи). Приверженность царского правительства реакционной системе Священного союза и принципам легитимизма все возрастала, а интересы Российско-американской компании по-прежнему рассматривались как более или менее второстепенные.

В докладной записке Александру I управляющий МИД вновь ссылаясь на известное мнение Ливена и давал резко отрицательную оценку действиям доктора Шеффера, отметив, в частности, что «с его стороны было сделано все, ...дабы возбудить неудовольствие в народе, подозрение в самом владельце и огорчение с завистью в иностранных совмestниках по тамошней торговле». В заключении своего доклада по гавайскому

⁸⁷ «Мнение главного компании правления», 18(30) марта 1819 г.— «Красный архив», 1936, т. 5(78), стр. 182—185. Постановление совета РАК от 29 марта (10 апреля) 1819 г. см.: ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1239, л. 28. Представление компании было сделано в ответ на секретный запрос Козодавлева (О. П. Козодавлев — главному правлению РАК, 27 февраля (11 марта) 1819 г.— NA, RRAC, г. 1, р. 249).

⁸⁸ Главное правление РАК — Л. А. Гагемейстеру, 1(13) апреля 1819 г., № 218.— NA, RRAC, г. 1, р. 243.

вопросу К. В. Нессельроде писал: «Что же касается до испрашиваемого компанией позволения приобрести на помянутых островах постоянное водворение, то при всей убедительности ее доводов о важности и пользе сего предположения, имея в виду последние происшествия, а также те уважения, по коим и прежде ей было предписано ограничить свои действия торговыми только сношениями, управляющий министерством иностранных дел полагает, что и ныне нет достаточной причины переменять сего принятого уже правила»⁸⁹.

Предложения управляющего русского МИД получили полное одобрение Александра I. Сообщая о принятом решении, Нессельроде писал Козодавлеву летом 1819 г., что даже «при самых благоприятных обстоятельствах» император отказался принять Каумуалии «с подвластными ему островами в подданство Российской империи», а «ныне е. и. в-во тем менее признает за нужное переменять означенное правило, что самые последствия доказали, до какой степени оно основательно, и опыт подтверждает, сколь мало должно надеяться на прочность такового водворения». Касаясь далее «намерения компании стараться о восстановлении с теми островами дружественных сношений», Нессельроде сообщал, что, «одобряя оное и желая полного успеха, е. и. в-во уверен, что при благоразумных распоряжениях и осмотрительном выборе со стороны ее правления скрсмных и осторожных по делам исполнителей компания приобретет сими средствами с большей благонадежностью те же выгоды и пользу, коих ожидает от непрочного сими островами обладания». Разрешая компании «употребить по ее благоусмотрению известные подарки» Каумуалии, император одновременно требовал руководствоваться только теми правилами, которые были «объяснены» в отношении Нессельроде Козодавлеву «28 февраля прошлого 1818 года»⁹⁰. 15(27) июля 1819 г. министерство

⁸⁹ «О восстановлении прервавшихся сношений с Сандвичевыми островами...», «Мая — дня 1819 года». — АВПР, ф. Гл. арх. I—10, д. 1, лл. 131—135; Д. Д. Тумаркин. Вторжение колонизаторов..., стр. 161.

⁹⁰ К. В. Нессельроде — О. П. Козодавлеву, 24 июня (6 июля) 1819 г. — «Красный архив», 1936, т. 5(78), стр. 185—186. Проект письма утвержден Александром I в Царском Селе «июня 21-го дня 1819 года». — АВПР, ф. Гл. арх. I—10, д. 1, л. 143 и далее.

внутренних дел уведомило компанию о решении Александра I в точном соответствии с ранее приведенным письмом К. В. Нессельроде⁹¹.

Таков был петербургский финал гавайского спектакля в постановке доктора Шеффера. Он обошелся Российско-американской компании примерно в 200 тыс. руб.— капитал по тем временам весьма значительный. Представляя свои соображения в департамент мануфактур и внутренней торговли «насчет увольнения в Германию доктора Шеффера», руководители компании отмечали, что он был послан «для выручки награбленного на Атувае компанейского имущества средствами, сообразными с пользой компании», но вместо этого заключил с Каумуалии различные конвенции, купил «для него на счет компании военное судно для употребления к отнятию других островов... и даже взял на себя управление его войсками, что, может быть, и было главной причиной, что ...он был и выгнан с Атувая с потерей всего на нем заведенного»⁹². Попытки компании привлечь Шеффера к ответственности и заставить хотя бы частично возместить убытки ни к чему не привели. Сам Шеффер никаких средств не имел и со своей стороны засыпал главное правление требованиями выплатить ему жалованье и покрыть расходы в пути.

В конечном итоге правление сочло за лучшее дать свое согласие на «увольнение» доктора в Германию. «Правление компании имеет честь донести,— писали Крамер и Северин в октябре 1819 г.,— что оно с доктора Шеффера никакого взыскания по экспедиции Сандвических островов делать не может, потому что видит его в таком положении, по которому нет надежды получить удовлетворение, почему и считает его свободным»⁹³.

Попытку хотя бы частично возместить убытки, понесенные в результате действий Шеффера, предпринял в 1818 г. и новый главноуправляющий Русской Америкой

⁹¹ Министерство внутренних дел— главному правлению РАК, 15(27) июля 1819 г.— *R. A. Pierce*. *Op. cit.*, p. 139—141.

⁹² Протокол заседания совета РАК, 17(29) мая 1819 г.— ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1209, л. 28. В публикации Р. Пирса слово «увольнение» ошибочно переведено как «отъезд» (*departure*) (*R. A. Pierce*). *Op. cit.*, p. 29, 138).

⁹³ Главное правление РАК— департаменту мануфактур..., 6(18) октября 1819 г.— ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1209, л. 76.

Л. А. Гагемейстер. В инструкциях капитану корабля «Открытие» Я. А. Подушкину указывалось, что цель его экспедиции на Гавайские острова заключается в «получении платежа» от Каумуалии «за шхуну и прочие вещи, оставленные Шеффером». Подушкину поручалось также убедить Камеамеа, что доктор Шеффер «поступал неподанным ему предписаниям» и «что мир и согласие народов есть благотворительная цель» императора Александра I. Поскольку судно «Кадьяк» с места трогать нельзя, капитан «Открытия» должен был постараться продать его за умеренную цену, в случае неудачи забрать железные вещи, а остальное сжечь⁹⁴. Позднее, пересылая в С.-Петербург материалы, относящиеся к экспедиции Шеффера, Гагемейстер дал его действиям самую отрицательную характеристику, отметив, в частности, что тот «перешел границы предписанных ему правил, расточал компанейское имущество» и «имел виды», исполнение которых «превосходит сил здешних»⁹⁵.

Полный провал авантюры Шеффера, значительные материальные убытки и совершенно недвусмысленное решение Александра I — всего этого оказалось еще недостаточно, чтобы заставить главное правление окончательно отказаться от соблазнительной идеи утвердить свое влияние хотя бы на одном из Гавайских островов. В инструкциях, подписанных М. М. Булдаковым, В. В. Крамером и А. И. Севериным в августе 1819 г., правителю русских колоний в Америке предписывалось

⁹⁴ Л. А. Гагемейстер — Я. А. Подушкину, 9(21) февраля 1818 г. — NA, RRAC, г. 26, р. 25—29. Ни посылка Подушкина весной 1818 г., ни последующая экспедиция комиссионера Шмидта на бриге «Братус» серьезных практических результатов не дали. Каумуалии соглашался уплатить «сандальным деревом 200 пиклей» и, кроме того, требовал «15-ть бочонков пороха» за содержание служащих компании. Сменивший Гагемейстера на посту правителя русских владений в Америке С. И. Яновский заметил по этому поводу, что можно было бы добиться гораздо большего, «если послать туда одно или два хорошо вооруженных судна». На эту меру, однако, ни Яновский, ни правление компании, принимая во внимание ясно выраженную «волю» императора, решиться не могли (С. И. Яновский — главному правлению ПАК, 30 апреля (12 мая) 1820 г. — NA, RRAC, г. 27, р. 21; R. A. Pierce. Op. cit., р. 30, 155—156; главное правление ПАК — М. И. Муравьеву, 15(27) марта 1821 г., № 177. — NA, RRAC, г. 2, р. 186; BL, P—N 14, Les Russes aux îles Hawaii, p. 119).

⁹⁵ Л. А. Гагемейстер — главному правлению ПАК, 6(18) апреля 1818 г. — NA, RRAC, г. 26, р. 62.

без промедления послать на остров Кауаи «нарочитую экспедицию», с тем чтобы «ласковым» обхождением и богатыми подарками склонить Каумуалии к установлению дружественных связей «и согласить его на позволение поселиться русским преимущественно на острове Онегау» (т. е. Ниихау). «Всего же лучше,— не останавливаясь перед явным нарушением «высочайшей воли», писали петербургские директора,— ежели бы он сей остров продал компании... Приобретение сего острова тем важно для компании, что он есть самый ближайший к колониям, и, будучи малолюдн, менее представляет опасности от кичливости жителей». Для выполнения этого плана правление рекомендовало избрать «такого человека, которого рассудок, твердость характера, добрые и оборотливые качества могли бы достигнуть до желанного успеха». «Все вышеизложенное,— по заключению петербургских директоров,— есть токмо эскиз, но настоящий в обширности план действия на Сандвичевских островах по ближайшим ...о них сведениям и сообразно монаршей воле» поручалось «обработать» самому Л. А. Гагемейстеру⁹⁶.

Пришедшие на смену А. А. Баранову морские офицеры Л. А. Гагемейстер, С. И. Яновский и особенно М. И. Муравьев относились к проектам установления русского влияния на Гавайских островах все более критически и совсем не торопились приступать к практическому осуществлению «эскиза» главного правления. Показательно, что М. И. Муравьев, получив повторное указание принять «к исполнению»⁹⁷ инструкцию от 12(24) августа 1819 г., позволил себе 16(28) января 1821 г. направить в С.-Петербург соображения о совершенной бесполезности торговых связей с Гавайскими островами. «Чтобы иметь торговлю с Сандвичевыми островами,— писал М. И. Муравьев,— сперва надо знать, что мы можем продавать им? И что можем брать взамен-

⁹⁶ Главное правление РАК—Л. А. Гагемейстеру, «а не в бытность его—занимающему его должность», 12(24) августа 1819 г.—NA, RRAC, г. 1, р. 245—248. Д. Д. Тумаркин (Вторжение колонизаторов..., стр. 163) цитирует этот документ по копии без даты (ЦГАВМФ, ф. 213, оп. 1, д. 135, лл. 1—7); Р. Пирс публикует копию инструкции без указания подписей (*R. A. Pierce. Op. cit.*, р. 141—146).

⁹⁷ Главное правление РАК—М. И. Муравьеву, 23 января (4 февраля) 1820 г., № 90.—NA, RRAC, г. 2, р. 34.

пу своих товаров? На них колониальных произведений там вовсе не нужно, а европейские изделия Американских штатов, не имея таких издержек, как Российско-американская компания, несравненно могут продавать дешевле, к тому же они берут за свои товары сандаловым деревом, которое нам получать нет никакой выгоды, ибо оно пригодно для одной кантонской торговли, куда вход нам воспрещен, да и вряд ли компании выгодно входить в соторжище с другими нациями; других произведений в сих островах, [которые] могут принести хотя малый выигрыш в торговле, я не вижу. Да и опять при случае повторю, что все побочные спекуляции для компании не могут быть выгодны. Торговля с Калифорнией для хлеба и доставки пушных товаров в Россию,— вот статья, на что нужно обратить внимание и сим ограничиться»⁹⁸.

Некоторое время спустя отказалось от своих проектов и руководство компании в С.-Петербурге. 15(27) марта 1821 г. Булдаков, Крамер и Северин распорядились, чтобы Муравьев «удержал до времени» подарки, предназначавшиеся Каумуалии, и по сути дела признали Гавайские острова сферой преобладающего влияния американских интересов. Поскольку американцы «оказали большие успехи в своих интригах в единую свою пользу, то кажется нам нет надежды иметь от сих островов пользы, тем паче, что воля государя есть, чтобы мы пользовались на оных не иначе, как и прочие иностранцы. Словом сказать: о получении от Томари удовлетворения и утверждения с ним или с другим королем будущих связей Вам должно определить..., которая всех благонадежнее, и чтоб не по пустому посылать туда суда, стоящие в один вояж от 30 до 40 т. р. расхода»⁹⁹.

⁹⁸ М. И. Муравьев — главному правлению ПАК, 16(28) января 1821 г.— NA, RRAC, г. 27, р. 152.

⁹⁹ Главное правление ПАК — М. И. Муравьеву, 15(27) марта 1821 г., № 177.— NA, RRAC, г. 2, р. 186—187; BL, P—N 14, Les Russes aux îles Hawaïi, р. 119. Следует сказать, что царские подарки так никогда и не были доставлены на Гавайские острова. В донесении от 15(27) января 1822 г. М. И. Муравьев сообщал, что он воздержался послать подарки Каумуалии, «и сделал хорошо», так как «ныне получил удовлетворительные на сей предмет распоряжения главного правления» (NA, RRAC, г. 27, р. 295). В 1844 г. эти подарки привезли обратно в С.-Петербург (ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1315, л. 1).

Ознакомившись позднее с донесениями М. И. Муравьева, правление выразило полное согласие с мнением «о невыгоде заводить торговые связи с Сандвическими островами» и рекомендовало «все силы направить к распространению торговых связей с Калифорнией, особливо же в настоящее время, когда гишпанское владычество в Америке по обеим сторонам экватора прекращается: следовательно, и закон о недопущении иностранцев торговать в сей области потерял свою силу»¹⁰⁰.

Существенные изменения к началу 20-х годов XIX в. произошли и на самих Гавайских островах. 8 мая 1819 г. в возрасте около 70 лет скончался Камеамеа — самый известный из всех гавайских вождей, основатель единого королевства и один из выдающихся государственных деятелей своего времени¹⁰¹. Летом 1821 г. Лиوليو, сын Камеамеа, перевез Каумуалии с о-ва Кауаи на о-в Оаху, где с этого времени он фактически был почетным пленником, что, впрочем, не помешало ему жениться на вдове Камеамеа — знаменитой Кааумана¹⁰².

Поздравляя нового короля с вступлением на престол, М. И. Муравьев писал: «В моем отечестве, так и во всех землях, покойный родитель Ваш славился гостеприимством к иностранцам, строгой справедливостью и уважением собственности всех и каждого, и я надеюсь, что сии добродетели и далее будут украшать Вас и отдаленное Ваше потомство». Одновременно с письмом правитель русских владений в Америке послал Камеамеа II подарки — «два зеркала, ...изнутри вызолоченную чашку для особы, которая Вам всех любезней», и т. п. Поскольку корабль «Кадьяк» все еще находился на о-ве Оаху «в ветхом состоянии», М. И. Муравьев предлагал королю «располагать оным», а если он будет продан, «то деньги, за него вырученные», поручал передать «г. Мику, капитану брига «Араб»»¹⁰³.

¹⁰⁰ Главное правление РАК — М. И. Муравьеву, 28 февраля (12 марта) 1822 г., № 151. — *NA, RRAC*, г. 3, р. 83.

¹⁰¹ *Д. Д. Тумаркин*. Вторжение колонизаторов..., стр. 109—110; *R. S. Kuykendall*. *Op. cit.*, р. 29, 62—65; *О. Е. Коцебу*. Путешествие в Южный океан..., ч. II, стр. 25, 32 и т. д.

¹⁰² *R. S. Kuykendall*. *Op. cit.*, р. 74—76.

¹⁰³ М. И. Муравьев — королю Сандвическому, 27 мая (8 июня) 1821 г. — *NA, RRAC*, г. 27, р. 226—227. Зимой 1819/20 г. на Гавайях побывал П. Добелл, назначенный русским консулом в Манилу.

В 1820 г. на Гавайях появился американский консульский агент и первая партия миссионеров. Все более активно действовали торговцы сандаловым деревом, а затем и американские китобои¹⁰⁴. «Политические отношения народа и короля,— доносил М. И. Муравьев в С.-Петербург в начале 1822 г.,— остаются те же; король мотаает, народ страдает, а американцы наживаются, только ненадолго; сандаловое дерево доставать час от часу труднее и, следовательно, платеж за него возрастает... Некоторые американцы (например, Девис) живут там более 15 лет..., они имеют очень много способов и в познании местных обстоятельств, и в своих связях, но если кто другой без сих выгод захотел что-либо там закупить, он верно будет обобран и обманут».

Общий вывод, к которому приходил правитель русских владений в Америке, звучал совершенно недвусмысленно: «...Я, право, не знаю, чем Сандвичевы острова нам могут быть полезны, а паче при нынешних обстоятельствах. Шеффер сыграл смешную комедию, за которую компания очень дорого заплатила, и я не думаю, чтобы можно было возобновить ее; иметь же просто пристанище на пути и там запастись свежей провизией никакого препятствия нет и не будет»¹⁰⁵.

Дальнейшие сношения компании с Гавайскими островами ограничивались, по отзыву П. А. Тихменева,

Используя его присутствие, Камеамеа II направил Александру I письмо и специальные подарки — одежду и головной убор из перьев, а также лодку, изготовленную местными жителями (см.: Камеамеа II — Александру I, 25 января 1820 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 2804, лл. 17—18; *П. Добель*. Путешествия и новейшие наблюдения..., ч. II. СПб., 1833, стр. 261—265). Позднее Добелл переслал в С.-Петербург упоминавшийся выше мемуар А. Лунгстедта и Г. А. Шеффера. Отстаивая «абсолютную необходимость присоединения Гавайских островов для существования старых русских владений, Добелл предлагал направить с Камчатки для их захвата военную экспедицию. «В руках России,— писал Добелл,— эти острова превратятся в самые богатые острова Востока; предоставленные же самим себе они станут пристанищем пиратов» (см.: П. Добелл — К. В. Нессельроде, Макао, 1 (13) ноября 1820 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 2804, лл. 29—30). Никакого ответа на свои предложения П. Добелл не получил.

¹⁰⁴ *Д. Д. Тумаркин*. Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820—1865. М., 1971, стр. 34, 50—68 и др.

¹⁰⁵ М. И. Муравьев — главному правлению ПАК, 15(27) января 1822 г. — НА, РРАС, г. 27, р. 295—296; BL, P—N 14, Les Russes aux îles Hawaii, p. 119—120.

«приобретением там при удобном случае продовольственных запасов и в особенности соли»¹⁰⁶. Время от времени «край вечной весны» посещали русские кругосветные экспедиции. На островах побывали О. Е. Коцебу, В. М. Головнин и многие другие известные русские мореплаватели, неизменно отмечавшие благожелательное отношение местного населения. Коцебу, вновь побывавший на островах в 1824—1825 гг., указывал, что островитяне принимали русских мореходов «предпочтительно перед всеми жившими здесь европейцами, везде и все нас ласкали и мы не имели ни малейшей причины быть недовольными». Со своей стороны Р. Уилли, министр гавайского короля Камеамеа III, писал в середине XIX в., что в течение последних 30 лет жители островов «могли лишь благодарить всех русских офицеров и купцов за их неизменную доброту, вежливость и приветливость»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ П. А. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 192.

¹⁰⁷ Д. Д. Тумаркин. Вторжение колонизаторов..., стр. 164—166; О. Е. Коцебу. Путешествие вокруг света ...на военном шлюпе «Предприятие» в 1823, 24, 25 и 26 годах. СПб., 1828, стр. 147.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНИЯ НА РУБЕЖЕ 20-х ГОДОВ XIX В.

Привилегии Российской-американской компании, утвержденные 8(20) июля 1799 г. сроком на 20 лет, истекали летом 1819 г. К весне этого года главное правление подготовило ряд записок и проектов, в которых подводились итоги деятельности компании и намечались перспективы дальнейшего развития Русской Америки. В одной из таких записок указывалось, что компания, «действуя в духе кротости и умеренности, приобрела отечеству острова и земли, о коих не имелось даже и сведений. На оных имеет она 15 постоянных оседлостей, заключающих в себе крепости, редуты, селения и корабельные верфи, на коих строятся мореходные суда. Оседлости сии охраняются от постоянных нападений гарнизонами из русских промышленных, коих во всех местах находится до 500 человек, и артиллерией с достаточным числом иных орудий. Она распространила между тамошними обитателями сведение о могуществе России и чрез то соделала ей подданных около 10 т. душ обоюбого пола...»¹

В детальном «Обозрении состояния и действий Российской-американской компании с 1797-го по 1819-й год», представленном министру внутренних дел О. П. Козодавлеву 29 апреля (11 мая) 1819 г., давалось подробное описание всех 15 постоянных поселений, а также излагались результаты деятельности компании за пред-

¹ «Записка о состоянии Российской-американской компании», 1819 г.—ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 832, лл. 1—2; «Архив графов Мордвиновых», т. VI. СПб., 1902, стр. 633—634.

шествующий период². Главным центром Русской Америки являлся Ново-Архангельск, находившийся на о-ве Баранова (Ситха). В крепости и селении было построено «довольно порядочных домов», судостроительная верфь, церковь, «магазины, цейхгаузы, арсенал и разные мастерские с принадлежащими к ним службами». Селение и крепость постоянно охраняли 70 человек, а всего Ново-Архангельский порт имел в своем ведении 222 русских и до 1000 туземных жителей. Последняя, «15-я оседлость» находилась «на берегу Нового Альбиона при малом заливе Румянцева». Это была знаменитая крепость Росс, в которой, по данным В. М. Головнина, в 1818 г. находились 27 русских и 78 кадьякских жителей³.

Следует иметь в виду, что сведения о численности населения в русских владениях в Америке (как опубликованные, так и архивные) несколько расходятся. Так, по статистической таблице, составленной В. М. Головным, в начале 1818 г. в Русской Америке проживало 355 русских, 256 креолов и 8446 местных жителей⁴. По данным, приводимым П. А. Тихменевым, в ведении компании к началу следующего, 1819 г. находились: 391 русский (из них подавляющее число — 378 — мужчин и только 13 женщин), 244 креола и 8384 туземных жителя⁵. В то же время в архивной ведомости «о числе россиян и родившихся в Америке и на островах от русских и природных женщин, кои состоят на службе компании в 1818 г.», значится 645 человек (491 мужчина и 154 женщины)⁶. Численность же местных жителей опре-

² АВПР, ф. РАК, д. 288, лл. 7—87.

³ Подробное описание крепости Росс и карту ее окрестностей (1817 г.) опубликовала С. Г. Федорова («Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII в.—1867 г.». М., 1971, стр. 254—255 и рис. 13).

⁴ В. М. Головнин. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах. М., 1965, стр. 316 (приложение № 5, вклейка). В специальном примечании В. М. Головнин указал, что в его таблице отсутствуют сведения о русских и креолах на Лисьих и Прибыловых островах. Число их не превышало 25 или 30 человек.

⁵ П. А. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-американской компании..., ч. I—II. СПб., 1861—1863, ч. I, стр. 252—253.

⁶ АВПР, ф. РАК, д. 284, лл. 1—5 (ведомость составлена В. М. Головниным).

делена в 8448 человек. «К сему числу,— указывалось в ведомости,— нужно присовокупить 75 человек мужского пола, из разных мест взятых и поселенных в крепости Росс на берегу Нового Альбиона»⁷.

Как отмечает С. Г. Федорова, в первые десятилетия XIX в. основную группу переселенцев составляли мещане сибирского происхождения, а приток крестьян из метрополии даже резко уменьшился⁸. Реакционный самодержавно-крепостнический строй и полицейско-бюрократические методы управления тормозили развитие Русской Америки, лишали ее будущего. Численность русского населения в колониях была не только очень невелика, но и относительно стабильна на всем протяжении длительного периода деятельности Российско-американской компании. Большинство самодеятельного русского населения (80%) было занято в сфере управления, обороны и обслуживания судов, а собственно пушным промыслом занималось лишь довольно незначительное число лиц. Не приходится говорить, что крестьянства как такового в колониях не существовало вообще.

Вместе с тем, несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства, на территории Северной Америки были созданы стойкие очаги русской культуры, которые оказали значительное влияние на аборигенное население и сохранили свой самобытный характер даже после того, как Россия утратила свои владения. Этому способствовало наличие сравнительно большого числа русских поселений, а также характер хозяйственной деятельности Российско-американской компании⁹.

Главный предмет хозяйственной деятельности компании составила ловля «морских и земных зверей». Исключительно богатым был промысел морских котов, которые в то время в изобилии водились у берегов Алеутских островов и в Беринговом проливе. «Промышленность сего зверя неисчерпаема»,— отмечало главное правление и приводило далее сведения, что с 1797 по 1818 г. было «упромышленено» 1 493 626 морских котов. Наиболее ценным видом пушнины были, однако, не коты, а знаменитые морские бобры. «Одна шкура сего зверя по вы-

⁷ АВПР, ф. РАК, д. 285, лл. 1—3.

⁸ С. Г. Федорова. Указ. соч., стр. 163.

⁹ Там же, стр. 245—247.

сокой доброте своей» стоила от 500 до 1000 руб. Обычная же цена колебалась в пределах от 100 до 300 руб. По тем временам это были очень значительные деньги. За тот же период морских бобров было добыто 80 271. В меньших размерах в колониях занимались промыслом лисиц, песцов, соболей и т. д. В целом за 1797—1818 гг. компания выручила от промысла пушнины, моржовой кости, китовых усов и пр. 16 376 695 руб. 95 коп., или 818 835 руб. в год.

Хотя бóльшая часть пушнины поступала на внутренний рынок или продавалась в Кяхте, существенное значение имели и торговые связи компании с гражданами Соединенных Штатов. «Из числа сей промышленности в Кантон и приходящим в наши колонии североамериканцам обменено на товары и разные потребности» морских бобров — 9738, речных бобров — 15 626, морских котов — 377 642 и т. д., всего на сумму 3 647 002 руб.¹⁰ Таким образом, свыше 20% всей добытой пушнины попадало в руки иностранцев, а в первую очередь и почти исключительно — граждан Соединенных Штатов, которые доставляли ее затем в Кантон, а иногда даже на Камчатку, что серьезно подрывало монополию компании.

Для осуществления промысла «морского зверя», связей с соседними странами и метрополией, Российско-американская компания в разное время построила и купила 32 судна, затратив на это 3,3 млн. руб. Из оставшихся к 1818 г. 13 судов пять было построено в самих колониях (бриги «Ильмень» водоизмещением 120 т, «Златоуст» — 50 т, «Константин» — 80 т, шхуна «Чириков» — 120 т, шлюп «Платов» — 220 т) и куплено у «бостонцев» четыре (бриг «Сикурс», корабли «Открытие» — 300, «Кадьяк» — 300, «Трувор» — 200 т). Кроме того, в Охотске был построен бриг «Финляндия» — 150 т, во Франции куплен американский корабль «Кутузов», а в Кронштадте приобретено еще два американских судна — «Суворов» и бриг «Рюрик»¹¹.

По официальным данным главного правления¹², на

¹⁰ АВПР, ф. РАК, д. 288, л. 50.

¹¹ Наряду с упоминавшимся выше «Обозрением» см. также: «Исторический календарь» РАК (1817 г.). — «К истории Российско-американской компании». Красноярск, 1957, стр. 20—23.

¹² П. А. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 255—256.

капитал в 1 238 738 руб. 78 коп. за 1797—1819 гг. было получено 7 685 608 руб. 57 коп. чистой прибыли, из которой 3 331 510 руб. 77 коп. присоединено «к складочному капиталу», а остальное выдано акционерам. При этом максимальная прибыль была выплачена как раз ко времени истечения срока привилегий компании в 1818—1819 гг.—1 195 495 руб. (155 руб. на каждую акцию, или 15,5% на 1 рубль). К 1 (13) января 1820 г. капитал компании достиг 4 570 249 руб. 55 коп., а генеральный баланс составлял 6 949 920 руб.¹³

Как отметил С. Б. Окунь, к официальным данным о деятельности компании следует относиться с большой осторожностью. «Балансы, составлявшиеся правлением, были сплошной фальсификацией... К первоначальной оценке какого-либо судна или строения из года в год приписывались суммы, которые затрачивались на их ремонт, в то время как амортизация не списывалась вовсе. Таким образом, через несколько лет старое, полу-сгнившее судно, по отчетности компании, оценивалось в сумме, вдвое, а иногда и в несколько раз превышавшей стоимость такого же нового судна. К преувеличенному таким способом основному капиталу добавлялись доходы за два года (отчетность компании была двухгодичной)»¹⁴. Биржевой котировки в России в то время не существовало, и стоимость акций искусственно поддерживалась выше номинала (500 руб.). Действительные акционеры лишались большей части дохода за счет наличия около 5 тыс. нераспроданных акций, находившихся в портфеле самой компании. Подавляющая часть расходов (4 696 364 руб.) падала на содержание главного правления в С.-Петербурге и только треть — 2 317 318 руб.— на снабжение и содержание колоний (по данным 1808—1820 гг.). Потребность в капитале систематически покрывалась путем государственных дотаций и займов¹⁵.

¹³ См. донесение главного правления РАК Александру I «Генваря—дня 1821 г.» и «Генеральный баланс на 1(13) января 1820 г.».—АВПР, ф. РАК, д. 296, лл. 2, 3—4. Руководство компании в итоговом «Обозрении» утверждало, что 7713 акциями по 574 руб. 28 коп. с долями владели «630 персон и разных мест».

¹⁴ С. Б. Окунь. Российско-американская компания. М.—Л., 1939, стр. 65.

¹⁵ Там же, стр. 62—65 и др.

Во владениях Российско-американской компании первоначально имелись огромные пушные богатства, и при рациональном хозяйстве можно было рассчитывать на постоянный и устойчивый промысел. Приходится только удивляться, с какой поразительной быстротой естественным богатствам этого края был нанесен непоправимый ущерб. Правление компании любило обвинять (и часто вполне справедливо) иностранных конкурентов, но, как правило, забывало упоминать о бесхозяйственности и злоупотреблениях собственных служащих, угнетении местного населения и т. д. Между тем еще И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский, а в 1815 г. сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель обращали внимание на незаконные действия компанейских служащих и притеснения ими жителей Алеутских островов. Руководство компании категорически отвергало подобные обвинения и ссылалось при этом на то, что в инструкциях главного правления «предписаны кротость, человеколюбие и попечительность». Оно также решительно отвергло право сибирского начальства вмешиваться в дела своих американских владений.

И. Б. Пестель резонно возражал в марте 1816 г., что протест Российско-американской компании «служит ясным доказательством того угнетения, с каковым управляются все ее колонии, едва ли не носящие печати великого рабства». В конечном итоге с этим мнением согласилось и министерство внутренних дел. «Хотя правление Российско-американской К^о... показывает, что часто и самые промышленные претерпевают от диких, — записано в журнале совета министерства, — но как обстоятельства сии в отношении г. сибирского генерал-губернатора от 3 марта 1816 года изъяснены совершенно в противном виде, то и надлежит главному правлению предписать, дабы кроткие меры с алеутами доказывались не в одних предписаниях правителем компании, но и на самом деле». Далее в журнале отмечалась неуместность ссылок главного правления на исключительные права, так как в привилегиях в «непосредственное заведение компании» предоставлялась «только земля, а не жители оной» и предписывалось «сделать г. Баранову строжайший выговор» за удержание на службе компании двух казенных матросов. «Что же касается до морских офицеров, притесняющих алеутов и жен их», то в этом

случае было решено «уведомить морское начальство и просить, дабы оно со своей стороны строжайше предписало морским офицерам... не выступать из границ порученной им должности и поступками своими не подавать худого примера промышленникам»¹⁶.

Одной из самых острых и трудноразрешимых проблем Русской Америки было обеспечение ее населения продовольствием. Снабжение колоний через Сибирь обходилось чрезвычайно дорого, вело к разорению якутов и массовой гибели лошадей. Доставка продовольствия морем из-за огромных расстояний и нерегулярности кругосветных экспедиций также не давала удовлетворительных результатов. Связи же с «бостонскими корабельщиками» подрывали монопольные привилегии самой компании и приводили к опасной конкуренции иностранцев.

Сообщая 31 января (12 февраля) 1816 г. Александру I «о начале новой оседлости, сделанной в 1812 году в 40 верстах от порта Сант-Франциско в малом заливе Бодега», члены совета Российско-американской компании и директора главного правления отмечали, что цель компании состоит в том, «чтобы в том или ином месте, не занятом европейцами, завести хлебопашество, сеяние пеньки, льна, всяких огородных овощей и завести пространный круг скотоводства как в рогатом, так и в конном домашнем скоте, обнадеживаясь в том благоприятностью климата, почти одинакового с Калифорнией, выгодным местоположением и склонностью первобытных тамошних обитателей»¹⁷.

О том, насколько правителю селения Росс И. А. Кускову удалось выполнить поставленные перед ним зада-

¹⁶ См.: журнал совета МВД, 7(19) октября 1818 г., № 13.— *В. И. Вагин*. Исторические сведения о деятельности гр. М. М. Сперанского в Сибири, ч. 2. М., 1872, стр. 512—515. Подлинник см.: ЦГИА, ф. 1281, оп. 1, д. 13, лл. 112—126.

¹⁷ Совет РАК — Александру I, 31 января (12 февраля) 1816 г.— АВПр, ф. Адм. дела II—3, 1816 г., д. 24, лл. 5—6. В состав совета, утвержденного по «высочайшему соизволению» 16 (28) декабря 1813 г., вошли влиятельный царский сановник И. А. Ведемейер, сенатор П. С. Молчанов и директор канцелярии министерства финансов, впоследствии управляющий департаментом мануфактур и внутренней торговли Я. А. Дружинин. Цитируемое представление подписали также директор главного правления М. М. Булдаков, В. В. Крамер, А. И. Северин и правитель канцелярии Зеленский.

чи, можно судить по свидетельствам В. М. Головнина, Ф. П. Литке и других русских мореплавателей. «Земля производит здесь в изобилии многие растения. Теперь у г-на Кускова в огородах родится капуста, салат, тыква, редька, морковь, репа, свекла, лук, картофель. Даже созревают на открытом воздухе арбузы, дыни и виноград... У него есть 10 лошадей, 80 голов рогатого скота, 2200 овец и более 50 свиней». Из «Замечаний о Новом Альбионе» В. М. Головнина мы узнаем, что крепость Росс защищалась 13 пушками, в ней имелись дом начальника, казармы и магазины. Гарнизон состоял из 26 русских и 102 алеутов. «При самом основании сего заведения губернатор Верхней Калифорнии знал об оном, равно как и все другие испанцы, в зависимости от него находившиеся, и они даже сами помогали русским, снабжая их на первое обзаведение скотом и лошадьми, и после имели с г-ном Кусковым дружеское сношение и торговлю»¹⁸.

Положение значительно ухудшилось после того, как дела Испании пришли «в прежний порядок» и особенно когда осенью 1815 г. в Калифорнию прибыл новый губернатор Пабло Висенте де Сола. «Новый губернатор требовал,— писал В. М. Головнин,— чтоб русские оставили сии берега как принадлежащие короне испанской, а в противном случае угрожая согнать их силой». Зная, «сколь слабы и презрительны» те силы, которыми губернатор мог располагать, И. А. Кусков не подчинился этому требованию. Со своей стороны Сола запретил всякое сношение с крепостью Росс, а также ловлю бобров «в заливе Св. Франциска»¹⁹. Когда же в 1818 г. мексиканский вице-король распорядился об изгнании русских

¹⁸ В. М. Головнин. Путешествие..., стр. 178—179; А. А. Шур [составитель]. К берегам Нового Света. Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века. М., 1971, стр. 157—160 и др.

¹⁹ В. М. Головнин. Путешествие..., стр. 175—176. Осенью 1816 г., во время пребывания в Сан-Франциско русского исследовательского судна «Рюрик» под командованием О. Е. Коцебу, в Пресидии состоялась «дипломатическая конференция», в которой участвовали Пабло Висенте де Сола и И. А. Кусков. Решено было, что о положении дел русскому императору сообщит капитан «Рюрика», а испанскому королю — губернатор Новой Калифорнии (The Visit of «Rurik» to San Francisco in 1816, ed. A. C. Mahr. Stanford, 1932, p. 45—47).

из крепости, губернатор был вынужден признать, что не может этого выполнить, так как не имеет достаточного числа солдат ²⁰.

Все это время шла длительная и в общем бесплодная переписка сначала между местными русскими и испанскими властями в Америке, а затем и между дипломатами в Мадриде и С.-Петербурге. В марте 1817 г. вопрос о крепости Росс был поднят в беседе испанского премьера Ф. Писарро с русским посланником в Мадриде Д. П. Татищевым. Как сообщал царский дипломат, Писарро «очень смешенно» говорил о «факториях на северо-западном берегу Америки». «Известия, недавно полученные им по сему предмету от морского министра, он смешивал с некоторыми неопределенными понятиями, которые он, кажется, почерпнул из переговоров», проводившихся в свое время еще Н. П. Резановым. Игнорировать представления испанского правительства Д. П. Татищев, однако, не мог и в этой связи запрашивал у К. В. Нессельроде соответствующие инструкции ²¹.

В апреле 1817 г. с официальным протестом по поводу селения Росс обратился испанский посланник в С.-Петербурге Сеа Бермудес. При этом он стремился переложить всю вину на действия местных русских властей в Америке. «Нижеподписавшийся с крайним сожалением должен сказать,— указывалось в протесте,— что все представления и ноты, кои после того были сделаны..., не произвели никакого последствия, и е. католическое в-во единственно вследствие упорства сих людей... уполномочил нижеподписавшегося министра формально представить е. и. в-ву на них жалобу...» ²²

В специальном объяснении, которое главное правление компании представило царскому правительству, довольно подробно излагались права компании на Северо-Западе Америки ²³. Правление особо отметило, что «точ-

²⁰ *C. J. Du Four. The Russian Withdrawal from California.*— «Quarterly of the California Historical Society», Vol. XII, N 3, September 1933, p. 242.

²¹ Д. П. Татищев — К. В. Нессельроде, 14 (26) марта 1817 г., № 3.— НА, RRAC, г. 1, р. 135—136; АВПР, ф. Капцелярия, д. 7548.

²² Ф. Сеа Бермудес — К. В. Нессельроде, 15 (27) апреля 1817 г.— НА, RRAC, г. 1, р. 133—134.

²³ См. объяснительную записку главного правления ПАК, «Августа — дня 1817 г.».— НА, RRAC, г. 1, р. 139—146.

ных и ясных пределов» владений Испании к северу от Сан-Франциско «ни на каких картах нет», а обитающие там индейцы «не покорены гишпанцами». В записке обращалось внимание и на действия Соединенных Штатов, которые основали поселение в устье реки Колумбия. «Сия нация для гишпанцев опаснее русской,— указывало главное правление,— ибо она своих государственных постановлений не уважает ради корысти и видов своих». Понимая, видимо, что все эти аргументы звучат не слишком убедительно, главное правление откровенно признавало (п. 6), что «к сему заселению компания вынуждена крайностью, дабы иметь свой хлеб и прочную экономию». Если в старых владениях компании хлебопашество наталкивалось на непреодолимые трудности, то в селении Росс «г. Кусков завел уже несколько овощных огородов и нивы... Скота имеет довольно, и всем сим, равно и получаемой чрез торговлю в самой Калифорнии провизией, снабжает уже и ситхинскую нашу колонию».

Некоторое время спустя главное правление представило министру внутренних дел О. П. Козодавлеву и Александру I донесения о плавании двух своих кораблей «Кутузов» и «Суворов» к берегам Бразилии и Перу и беседах начальника экспедиции Л. А. Гагемейстера с вице-королем Перу. Из содержания сообщения главного правления, которое было заслушано комитетом министров 27 октября (8 ноября) 1817 г., видно, что «нынешний в Лиме вицерай генерал дон Хаукина Песуелли» принял Гагемейстера «отличнейшим образом». Чили в это время уже находилась в руках инсургентов, и жители Лимы в шутку говорили, что порт Каллао «скоро будет открыт для всех наций». Гагемейстеру передавали, что, «кроме столицы мексиканской и главнейших приморских городов, вся страна приняла противную власти короля сторону... Доказательством сему служит то, что все гишпанцы, в том числе и лимский вицерай, говорят весьма равнодушно и о нашем селении Росс... и даже хвалят устройство оногo селения».

Не показывая своей осведомленности о существовании Росс, Гагемейстер заметил лишь, что «если русские и заняли какой пункт, то сие, вероятно, потому, чтобы не допустить американцев и англичан, которые стараются делать в разных местах оседлости и вредить как

нашей, так и гишпанской торговле; что русские вместе с гишпанцами в Новом Свете, подавая друг другу руку помощи, могут утвердить взаимно ту дружбу, которая приняла начало в Старом, и что совокупными силами в состоянии будут удалить незваных гостей». Испанцы слушали эти рассуждения не без удовольствия и, по всей видимости, считали «соседство русских наименьшим злом»²⁴.

Для «юридического» оформления прав России на обладание крепостью Росс Гагемейстер пригласил осенью 1817 г. главных индейских таенов для составления соответствующего протокола. В сентябре 1817 г. «начальники индейцев Чу-гу-ан, Ама-тан, Гем-ле-ле» и др. прибыли в крепость Росс. «Капитан-лейтенант Гагемейстер приносил им от имени Российско-американской компании благодарность за уступку компании земли на крепость, устроении и заведении, которые на местах, принадлежащих Чу-гу-ану, называемых жителями Мэд-жы-ны, и сказал, что надеется, что [они] не будут иметь причины жалеть о соседстве русских». Выслушав перевод, Чу-гу-ан и Ама-тан ответили, что «очень довольны занятием сего места русскими», так как они «живут теперь в безопасности от других индейцев ...После сего приятного ответа, — указывалось далее в протоколе, — сделаны были таенам и прочим подарки, а на главного Чу-гу-ана возложена медаль серебряная, украшенная императорским российским гербом и подписью: союзные России», что налагало на него «обязанность привязанности и помощи, если случай того потребует, на что как он, так и прочие объявили готовность»²⁵.

Скептически настроенный Ф. П. Литке назвал «договор с человеком, не знающим ни грамоты, ни языка»,

²⁴ Главное правление РАК — Александру I, 16 (28) октября 1817 г. — АВПР, ф. РАК, д. 236, лл. 28—31; журнал заседания кабинета министров, 27 октября (8 ноября) 1817 г. — ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 128, лл. 984 об. — 988 об.

²⁵ Точность протокола, составленного в крепости Росс 22 сентября (4 октября) 1817 г., была засвидетельствована подписями: «Флота капитан-лейтенант и кавалер Гагемейстер; штаб-лекарь надворный советник Кернер; коммерции советник, начальствующий в крепости Росс Иван Кусков; штурманский помощник 14 класса Кисляковский; компании комиссионер Кирилл Хлебников; коммерческий штурман Прокопий Туманин». — АВПР, ф. РАК, д. 308, л. 11.

всего лишь «придиркой», а «не основательным правом»²⁶. Его непосредственный начальник капитан В. М. Головнин, как и Л. А. Гагемейстер, придерживались на этот счет иного мнения, и никаких сомнений в законности русского селения в сердце Калифорнии у них не возникало. В упоминавшихся «Замечаниях о Новом Альбионе» В. М. Головнин подчеркивал, что «по всем обычаям народным» русские имели «полное право поселиться на здешних берегах, а испанцы хотят изгнать их по неосновательным и совершенно пустым притязаниям. Русские основали селение свое с добровольного согласия коренных жителей сей страны, с дозволения народа, не признающего власти испанцев и в вечной вражде с ними пребывающего», и заплатили за это «разными товарами». С течением времени возникали не только дружественные, но и родственные связи. Индейцы охотно отдавали «дочерей своих в замужество за русских и алеутов..., и в крепости Росс теперь их много»²⁷.

Противоречия, возникшие в связи с основанием крепости Росс, оказали известное влияние и на формирование общей политики России на Северо-Западе Американского континента. Все более погружаясь в реакционную систему Священного союза и упорно отстаивая святость монархических прав, Александр I и К. В. Нессельроде не хотели отступать от этих принципов во имя интересов Российско-американской компании в далекой Калифорнии. Удивительное упорство проявляли и испанские власти, терявшие в это время одно за другим свои богатейшие заокеанские владения и занимавшиеся бесплодными спорами и препирательствами по поводу совершенно незначительного поселения в Северной Калифорнии. Любопытно, что эти споры велись с государством, от которого в Мадриде рассчитывали получить поддержку в борьбе за сохранение власти Фердинанда в Западном полушарии! Впрочем, искать логику в действиях испанского короля не приходится. Сложнее обстоит дело с политикой Российско-американской компании. Как полагает С. Г. Федорова, «начиная с 1818 года в

²⁶ Л. А. Шур [составитель]. К берегам Нового Света, стр. 160.

²⁷ В. М. Головнин. Путешествие..., стр. 176, а также приложение, стр. 339; В. М. Головнин — морскому министру, 24 сентября (6 октября) 1818 г. — АВПР, ф. РАК, д. 274, лл. 4—5.

истории русских поселений в Северо-Западной Америке отчетливо проявилась тенденция к перебазированию на север». В доказательство выдвинутого тезиса исследовательница ссылается на отправку весной 1818 г. с о-ва Кадьяк на север экспедиции П. Корсаковского. «Дай бог,— писал Гагемейстер,— чтоб Север открыл нам сокровища: Юг не так-то благоден — Сандвические острова отказались, и в Россе нет бобров и всякий промысел в малом количестве...»²⁸

Отдавая должное наблюдательности С. Г. Федоровой, отметившей появление новой тенденции в деятельности главного правителя Русской Америки, следует все же сказать, что ее тезис сформулирован слишком категорически. Стремясь к укреплению северного тыла, Российско-американская компания в 1818 г. еще не собиралась оставлять и свои позиции на юге. Показательно, что тот же Л. А. Гагемейстер сразу же после вступления в должность главного правителя написал губернатору Сола письмо, в котором сообщил об отправке брига «Ильмень» с товарами, «в коих Калифорния имеет надобность», и заинтересованности в получении хлеба и провизии» для русских колоний²⁹. В том же году он сам отправился в Монтерей на корабле «Кутузов» и закупил у испанцев груз продовольственных товаров.

Но если С. Г. Федорова и сформулировала свой тезис в излишне категоричной форме, то в главном она, по-видимому, права. Наталкиваясь на все возраставшее противодействие своих иностранных конкурентов и не получая должной поддержки у царского правительства, Российско-американская компания начала задумываться уже не только, и не столько о расширении своих южных границ, сколько об укреплении северного тыла. Реального отступления из Калифорнии еще не последовало, но принципиально сохранение крепости Росс не считалось абсолютно необходимым.

²⁸ С. Г. Федорова. Указ. соч., стр. 126. Экспедиция Корсаковского основала в устье реки Нушагак Ново-Александровскую крепость, которая стала отправным пунктом для русских поселений на Кускоквие; см. также: П. А. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 248—249.

²⁹ Л. А. Гагемейстер — Сола, 18 (30) января 1818 г. — NA, RRAC, г. 26, р. 5—6.

Новая тенденция вполне определенно проявилась в письме главного правления К. В. Нессельроде в начале 1820 г. Отмечая, что у компании нет еще людей, которые поселились бы в крепости Росс «прочно с семейством и обзавелись домами и землей», а «испанское правительство Новой Калифорнии настоятельно требует уничтожения той оседлости», главное правление писало далее:

«При сем порядке вещей и при миролюбивых, кротких во всем поступках Российско-американской компании, охотно желала бы она уничтожить оную оседлость, зависть или боязнь в гишпанцах порождающую, и никогда бы более не мыслила искать другого места на берегах Альбионских, ежели бы могла она потерю той оседлости заменить постоянной торговлей с Новой Калифорнией, в которую допуск и торговля иностранцам по колониальному праву, а более чтобы не выказать удивительной беспечности и слабости тамошнего управления, не дозволен».

В развитии тесных связей с Русской Америкой были заинтересованы и сами жители Калифорнии. Эта страна изобиловала «разного рода хлебными семенами, рогатым скотом» и т. д. В ее водах «держатся морские бобры, коих промысел доставил бы калифорнийским гишпанцам великие выгоды». Кроме того, испанская Калифорния испытывала крайнюю нужду «в железе, сукне для войска..., стеклянных изделиях и многом другом, что все могла бы Российско-американская компания привозить туда на вымен». Правление напоминало, что о выгодах и пользе «меново́й торговли» с Калифорнией компания «имела счастье верноподданнейше донести е. и. в-ву государю императору от 31 января 1816 года», и просило К. В. Нессельроде «исходатайствовать у гишпанского правительства» разрешение на промысел морских бобров в водах Калифорнии «согласно тому проекту, который подан монтерейскому губернатору в 1817 году начальником компанейского корабля «Кутузов» капитан-лейтенантом Гагемейстером». Проект этот предусматривал, «чтоб упромышленные звери» делились поровну между компанией и калифорнийским правительством. Руководство компании обращало также внимание на то, что ссылка испанцев на возможность аналогичных требований других наций не основательна. «Ни одна нация не

согласится и не пошлет в Калифорнию своих грузов для промена на хлеб, ибо им оный некуда девать»³⁰.

Некоторые исследователи (в частности, С. Б. Окунь) склонны полагать, что данное представление компании было «тонко рассчитанным ходом», а проекты переговоров с Испанией — своего рода «дипломатической уверткой»³¹. Насколько искренним было согласие компании ликвидировать крепость Росс, сказать, конечно, трудно, но сомневаться в ее заинтересованности в прочных торговых связях с Калифорнией не приходится. Кроме того, руководство Российско-американской компании не могло не понимать трудностей сохранения своей крепости в самом сердце северной Калифорнии. И дело в данном случае заключалось даже не в упорном нежелании Мадрида пойти на какие-либо уступки и не в доктрине легитимизма, которой в то время строго придерживалось царское правительство. Главная и все возрастающая опасность исходила от Соединенных Штатов, которые сумели опередить Российско-американскую компанию и уже в это время располагали у северо-западных берегов Америки превосходящими силами.

Показательно, что даже в своих самых сокровенных проектах, представленных царскому правительству весной 1819 г., руководство Российско-американской компании предлагало установить южную границу русских владений на северо-западном побережье Америки по 45-й параллели (вместо 55-й), что обеспечивало компании контроль лишь над устьем реки Колумбия и северной частью нынешнего штата Орегон (о крепости Росс и Калифорнии ничего не говорилось). В то же время компания настаивала на праве делать «новые открытия не токмо ниже 45° северной широты, но и за оной далее к югу, и занимать открываемые ею земли в Российское владение на прежде предписанных условиях, если оные никакими другими *европейскими* нациями не были заняты и не вступили в их зависимость»³².

³⁰ Главное правление РАК — К. В. Нессельроде, «Генваря — дня 1820 г.».— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7562, лл. 74—76. Отрывок из этого документа с небольшими неточностями приведен в кн.: П. А. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 222.

³¹ С. Б. Окунь. Российско-американская компания, стр. 123.

³² «Проект привилегиям, предполагаемым на будущее время».— АВПР, ф. РАК, д. 288, л. 35 (подчеркнуты изменения и добавления

Стремясь добиться от царского правительства поддержки своим проектам, руководство компании решил использовать в качестве аргумента «авторитетный» иностранный документ, который будто бы неоспоримо подтверждал законные права России на обладание Северо-Западным побережьем Америки вплоть до 48°. Речь идет о «Реляции о путешествии в Калифорнию одного испанского судна, присланной при донесении пребывающего в Мадриде российского посланника г-на Зиновьева от 26 февраля (9 марта) 1789 г.», в которой сообщалось о существовании «осьми селений под 48 и 49 градусами широты Норда..., составляющих 462-а человека русских»³³. Эти поселения, по мнению главного правления, были предположительно основаны потомками 15 русских мореплавателей, оставленных А. И. Чириковым в 1741 г. у берегов Северной Америки. Правление даже утверждало, что Чириков сделал открытие не там, «где г. Миллер ошибочно и, может быть, от незнания навигации положил на своей карте Чирикова мыс в 50°...», а южнее, «как вероятно из вышеприведенных достоверностей»³⁴.

Немецкий исследователь Э. Фёлькль пришел к выводу, что все эти данные были умышленно сфальсифицированы, чтобы дать Российско-американской компании «желанный аргумент» для продвижения своих владений к югу от 51-й параллели, предусмотренной сентябрьским указом 1821 г.³⁵ По мнению Я. М. Света и С. Г. Федоровой, «в подлинной реляции С. С. Зиновьева не было ни ложных координат, ни ложного сопоставления 462 рус-

по сравнению с 1799 г.). Изменение старой формулировки «другими народами» на «другими европейскими нациями» было призвано облегчить компании расширение ее владений в будущем. Любопытно, что новая формулировка, строго говоря, исключала не только индейские племена и новые государства, возникшие на месте бывших испанских владений, но также Соединенные Штаты!

³³ НА, RRAC, г. 1, р. 89. Первое упоминание об этой «Реляции» в русской литературе см.: В. Н. Мамышев. Американские владения России.— «Библиотека для чтения», 1855, т. 130, № 2, стр. 210; см. также: G. P. Taylor. Spanish-Russian Rivalry in the Pacific 1769—1820.— «The Americas», 1958, Vol. 15, p. 126 и особенно С. Г. Федорова. Указ. соч., стр. 86 и далее.

³⁴ АВГР, ф. ПАК, д. 288, лл. 9—10.

³⁵ E. Völk. Russland und Lateinamerika 1741—1841. Wiesbaden, 1968, S. 60.

ских поселенцев с чириковцами... Эти заведомо неверные сведения были сочинены автором «извлечения из реляции» и чиновниками главного правления Российско-американской компании»³⁶.

Не отрицая того, что фальсифицированные данные о местоположении русских поселений давали компании «желанный аргумент» для расширения ее владений, нельзя не обратить внимание на то, что Фёлькль несколько сместил хронологию, когда отнес эти события к периоду после 1821 г. Интересно также проследить, откуда появилась злополучная «реляция» и в какой мере она действительно была фальсификацией?

Из письма главного правления Российско-американской компании Л. А. Гагемейстеру весной 1817 г. видно, что этот документ был получен «от одной особы, служащей в департаменте министра иностранных дел». Екатерина II, занятая войной, не могла в 1789 г. уделить этому предмету должного внимания, и он «остался в забвении», будучи заброшен «в долгий архивный ящик»³⁷. Любопытно, что само главное правление напомнило Л. А. Гагемейстеру, что «в 1741 году капитан Чириков послал штурмана Дементьева на берег между 57° и 58° северной широты», однако вслед за этим без всяких оговорок принимало версию, будто пропавшие 15 «чириковцев» поселились между 48 и 49° «при Георгиевском заливе в параллели с Нуткою, выше Колумбии», да еще размножились менее чем за 50 лет до... 462 человек! «Важно не только отыскать и открыть сих людей,— указывало главное правление,— но важнее еще то, чтобы чрез отыскание их определить и черту российского занятия».

Опытный мореплаватель и осведомленный исследователь Гагемейстер не торопился начинать дорогостоящие поиски, руководствуясь неопределенными указаниями петербургских директоров. В начале 20-х годов XIX в. главное правление было вынуждено еще раз повторить свое предписание новому правителю русских колоний в Америке М. И. Муравьеву. Впрочем, и это распоряже-

³⁶ Я. М. Свет, С. Г. Федорова. История пятнадцати.— «Бригантина». М., 1971, стр. 64.

³⁷ Главное правление РАК—Л. А. Гагемейстеру, 26 апреля (8 мая) 1817 г.— NA, RRAC, г. 1, р. 87.

ние осталось невыполненным, а поселения «чириковцев» никогда не были обнаружены ни в районе 48—49°, ни между 57 и 58° с. ш. Исследуя различные сведения о поисках следов пропавших участников экспедиции Чирикова, проф. Ф. А. Голдер еще в 1922 г. пришел к выводу, что их судьба навсегда осталась одной из неразрешимых загадок Севера. К этому же мнению склоняется и С. Г. Федорова, предпринявшая недавно новое тщательное изучение «легенды о поселении «чириковцев» на американском берегу»³⁸.

После столь авторитетных и всесторонних исследований вновь возвращаться к судьбе пропавших членов команды пакетбота «Св. Павел», по всей видимости, нет никакого смысла. Гораздо перспективнее представляется выяснение происхождения упомянутой «Реляции», тем более, что нахождение этого документа оказалось делом куда более простым и легким, чем розыски пропавших «чириковцев». Достаточно было обратиться «в долгий архивный ящик», или к соответствующей папке донесений русского посланника в Мадриде С. С. Зиновьева за 1789 г., как злополучный документ оказался в наших руках³⁹. На основе писем, полученных из Сан-Бласа (Калифорния), составитель «Реляции» сообщал о секретной испанской экспедиции, предпринятой в 1788 г. на кораблях «Принцесса» и «Сан-Карлос» под командованием Э. Х. Мартинеса и Г. Л. Аро. В ходе экспедиции испанцы посетили русские владения на северо-западном берегу Америки, где им был оказан радушный прием, и собрали важные сведения о местоположении и численности русских поселений. «По результатам этой экспедиции видно, что русские имеют на этой части побережья Америки восемь поселений, которые находятся между 48 и 49 градусами северной широты и в каждом из которых проживают от 16 до 20 семейств, составляющих в целом 462 человека русских... Кроме этих восьми поселений, испанцы, дойдя до 62° северной широты, обнаружили три других менее интересных русских поселе-

³⁸ F. A. Golder. *Bering's Voyages...*, Vol. I. New York, 1922, p. 311; С. Г. Федорова. Указ. соч., стр. 79—89.

³⁹ «Relation d'un voyage fait en Californie par un batiment espagnol». — АВПР, ф. Сношения России с Испанией, 1789 г., оп. 58/1, д. 455, лл. 59—60.

ния на 59-й параллели; по их утверждению, прошло уже 19 лет, как русские начали создавать на северном берегу Америки различные оседлости». В «Реляции» также отмечалось, что испанцы получили от русских подробную карту, где были отмечены все восемь русских поселений.

Ознакомление с этим документом позволяет утверждать, что его содержание полностью соответствовало краткой выписке, которой пользовалось главное правление Российско-американской компании. Находит объяснение и своеобразная транскрипция испанских имен (Гаро — вместо правильного Аро, «Сент-Шарль» — вместо «Сан-Карлос» и т. п.), происхождение которой объясняется влиянием перевода с французского языка. Наконец, из сопроводительного письма С. С. Зиновьева от 26 февраля (9 марта) 1789 г. видно, что «Реляция путешествия в Калифорнию» была получена от консула Бранденбурга и что посланник был «со своей стороны намерен по сему делу объясниться с графом Флорида-бланкою»⁴⁰. Материалы испанской экспедиции (отчеты Аро, дневники Мартинеса и т. д.) хранятся в Генеральном архиве Индий в Севилье и в Национальной библиотеке г. Мехико. Поэтому нам трудно с полной уверенностью утверждать, насколько точно «Реляция», присланная русским консулом в Кадисе Ф. Бранденбургом С. С. Зиновьеву, соответствовала письмам, полученным из Сан-Бласа. Эти материалы, однако, уже в XIX в. использовались Г. Г. Бэнкрофтом. Богатейшие фонды архива Индий тщательно изучала молодая испанская исследовательница Э. Вила-Вилар, а Э. Фёлькль привел пространные выдержки из отчетов Аро по материалам Национальной библиотеки в Мехико. Наконец, совсем недавно содержание сообщения Аро из Сан-Бласа от 5 декабря 1788 г. по Национальному архиву Мадрида изложил У. Л. Кук⁴¹.

⁴⁰ С. С. Зиновьев — И. А. Остерману, 26 февраля (9 марта) 1789 г. — Там же, лл. 57—58.

⁴¹ *H. H. Bancroft. History of Alaska, 1730—1885. San Francisco, 1886, p. 271—274; E. Vilá Vilar. Los rusos en América. Sevilla, 1966, p. 69—86; E. Völkl. Op. cit., S. 56 et seq; W. L. Cook. Flood Tide of Empire. Spain and Pacific Northwest, 1543—1819. New Haven, 1973, p. 125—127.*

Рассмотрение приводимых этими исследователями материалов не оставляет сомнений в том, что злополучная «Реляция» в своей основной части более или менее правильно отражала результаты экспедиции Мартинеса и Аро. Встретивший испанцев на о-ве Кадьяк главный правитель «Северо-восточной компании» Е. И. Деларов действительно сообщил о существовании восьми русских поселений, насчитывавших 462 человека⁴². Все эти поселения, однако, были расположены в районе о-ва Уналашка и побережья залива Принс Вильям (Чугацкий залив). В этом последнем месте, по словам Деларова, находилось около 40 русских, а также шлюп, который часто плавал вдоль побережья вплоть до Нутки⁴³. То ли умышленно, то ли по ошибке в «Реляции», полученной от Ф. Бранденбурга, местоположение русских поселений оказалось отнесенным к 48—49° (вместо более правильного 58—59°) с. ш. Нельзя также полностью исключить возможность, что сами испанцы, стремясь преувеличить русскую угрозу Калифорнии, сместили действительные поселения на 10° к югу. Этот вопрос, однако, еще ждет своего исследователя.

Наряду с проблемой границ, наиболее трудным и важным вопросом, который предстояло решить в связи с возобновлением привилегий Российско-американской компании на новый срок, была торговля с иностранцами и в первую очередь с гражданами Соединенных Штатов. Статистические данные о судах, посещавших северо-западное побережье Америки, показывают, что уже с начала XIX в. предприимчивые «бостонцы» практически вытеснили как испанцев, так и англичан. Если в последние десятилетия XVIII в. этот район посетили 43 испанских, 74 английских и 53 американских корабля, то с 1800 по 1820 г. испанских судов в этом районе вообще

⁴² По мнению Э. Фёлькия, данные о числе русских «промышленных», сообщенные Е. И. Деларовым, в целях устрашения испанцев были завышены в два раза. С. Г. Федорова пришла, однако, к заключению, что в сообщении Е. И. Деларова преувеличения не было (*E. Völk. Op. cit., S. 59—60; С. Г. Федорова. Указ. соч., стр. 111*).

⁴³ *W. L. Cook. Op. cit., p. 125*. Один из русских мореходов, П. К. Зайков, сообщил Мартинесу на о-ве Уналашка, что, в 1789 г. ожидается приход к Нутке двух или даже четырех русских фрегатов. Именно это обстоятельство послужило основанием для решения Испанции о занятии Нутки (*Ibid., p. 129*).

не было, английских было всего 19, а американских — 222 ⁴⁴! Пушная торговля на северо-западном побережье Америки стала в эти годы, пользуясь выражением маститого исследователя С. Э. Морисона, «бостонской высшей коммерческой школой», причем заведующим учебным процессом и старшим учителем в этой школе был А. А. Баранов ⁴⁵. В течение 1815—1819 гг. в этот район отправилось из США 54 судна, причем только из Бостона в 1817 г. вышло семь. Разумеется, не все они участвовали в торговле с Русской Америкой. К тому же число морских бобров начало сильно сокращаться (в 1805 г. было получено 17446 морских бобров, а в 1817 г. — всего 4177). Не удивительно поэтому, что, инструктируя капитана Сутера (корабль «Ментор»), бостонские предприниматели Брайант и Стургис писали 6 августа 1816 г. о приобретении в русских колониях любых других мехов, которые могут быть с выгодой проданы в Кантоне ⁴⁶.

Будучи не в состоянии конкурировать с «бостонцами», Российско-американская компания все настойчивее добивалась устранения «иностранцев от торговли в колониях с индейцами». Число американских судов «до того умножилось, — жаловалось главное правление, — что уже ежегодно приходит их в наш Ново-Архангельский порт от 3 до 6 судов. Они ничего более не привозят, как только малую часть съестных припасов и несравненно большее против одного количество роскошных товаров, вовсе тамо ненужных. Чтоб сбыть с рук последние, они никак не соглашаются продавать съестные припасы иначе, как когда возьмут у них вместе и все другие товары, а иногда даже и... судно». Как утверждала компания, «бостонцы» выменивали «у тамошних обитателей меха пушных зверей», платя «им за то всякого рода холод-

⁴⁴ F. W. Howay. A List of Trading Vessels in the Maritime Fur Trade, 1785—1825. Kingston, 1973; W. L. Cook. Op. cit., Appendix E. p. 551.

⁴⁵ S. E. Morison. The Maritime History of Massachusetts, 1783—1860. Boston, 1961, p. 261; M. E. Wheeler. Empires in Conflict and Cooperation: The «Bostonians» and Russian-American Company.—«PHR», Vol. XL, N 4, November 1971, p. 431.

⁴⁶ F. W. Howay. Op. cit., p. 103—105; C. de Roquefeuil. Journal d'un voyage autour du monde, pendant les années 1816—19, vol. 2. Paris, 1823. p. 308 et seq.

ным и огнестрельным оружием, порохом и свинцом,... возбуждая их даже и ко истреблению россиян». «Они могут нанести великий вред компании и через то породить между обеими странами большие неудовольствия, коих последствия обратятся к обоюдному ущербу. О вероятности сего можно заключить из того, что о плавающих в наших пределах шкиперах правительство Штатов не знает, а экипажи их судов состоят из сволочи (!?), служащей не из жалованья, а из участия, что приобретется во время всего их вояжа и от всяких спекуляций»⁴⁷.

Подробному изложению коммерческой деятельности граждан Соединенных Штатов на Тихоокеанском Севере была посвящена обширная «Записка о торговле североамериканцев в русских колониях в Америке, декабря 23 дня 1816 года», подписанная директорами главного правления М. М. Булдаковым, В. В. Крамером, А. И. Севериным и правителем канцелярии Зеленским⁴⁸. Во всех подробностях в записке, в частности, излагается конфликт главного правителя русских колоний А. А. Баранова с поверенным компании Дж. Дж. Астора Уильямом Хантом в Ново-Архангельском порту в 1815 г. Как и другие «его земляки», У. Хант, по утверждению главного правления, занимался нелегальной торговлей оружием, а летом 1815 г. вступил в открытый конфликт с А. А. Барановым, который 19(31) июля конфисковал его судно.

Действительные обстоятельства этого конфликта, несмотря на категорические заявления А. А. Баранова, остаются не вполне ясными. Во всяком случае командир корабля «Суворов» — известный русский мореплаватель М. П. Лазарев, бывший непосредственным участником и свидетелем происходивших событий, — полностью поддержал У. Ханта. Это еще более усугубило разногласия командира «Суворова» с правителем русских колоний в Америке. В конечном итоге Лазарев самовольно покинул Ново-Архангельск и вернулся в Кронштадт летом 1816 г.

⁴⁷ См.: «Обозрение состояния и действий РАК...» — АВПР, ф. РАК, д. 288, лл. 64—68.

⁴⁸ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12182, лл. 31—49; ф. РАК, д. 288, лл. 108—118.

Главное правление компании в С.-Петербурге, получив соответствующие донесения из Америки, целиком стало на сторону Баранова. «Изложенные обстоятельства в помянутых Ваших донесениях..., — указывалось в письме правления компании весной 1817 г., — относительно самовольных поступков суворовских офицеров и дерзких поступков американца Ханта предъявлены: о первых к морскому министру, который предписал судить Лазарева..., а о последнем — иностранному министру о исходайствовании запрещения от американского правительства делать предъ подобные озорничества, а самому Ханту — о воспрещении ходить в наши колонии»⁴⁹.

В ответ на обвинения главного правления М. П. Лазарев представил подробные объяснения, в которых отмечал, что никакой торговли оружием У. Хант не производил, а судно его без особых на то оснований захватил сам А. А. Баранов⁵⁰. Более того, если в документах компании Ханту давались самые отрицательные характеристики, то Лазарев подчеркивал, что «он человек честнейший и одарен обширными познаниями». Именно поэтому сам Лазарев и офицеры «Суворова» старались «снискать знакомство г. Ханта», а его общество было их «пищей» и «отдохновением». Как отмечал Лазарев, Хант прибыл в Ново-Архангельский порт «более для защиты от неприятеля, нежели по торговым делам. ...Касательно смуглировки г. Ханта, — продолжал Лазарев, — ничем не доказана так несправедливость сего показания, как тем, что после взятия оногo и обыска брига не нашлось тут ни единой звериной кожи».

Подлинная причина возникшего конфликта заключалась, по всей видимости, в разногласиях по коммерческим делам, которые усугубились языковыми трудностями. Как свидетельствует М. П. Лазарев, когда в мае 1815 г. на корабль «Суворов» стали грузиться пушные товары, У. Хант предъявил обязательство, данное ранее А. А. Барановым капитану У. Пиготу за купленный у него груз. Баранов никакого языка, кроме русского, не

⁴⁹ Главное правление РАК — А. А. Баранову, 22 марта (3 апреля) 1817 г. — НА, РРАС, г. 1, р. 15.

⁵⁰ Объяснения М. П. Лазарева от 16 (28) января 1817 г. — НА, РРАС, г. 1, р. 17—40; ЦГАВМФ, ф. 212, д. 3735, лл. 133—158. При публикации основная часть объяснений была выпущена (см.: М. П. Лазарев. Документы, т. I. М., 1952, стр. 70—76).

знал, а Пигот не говорил по-русски. В результате русский и английский тексты обязательства существенно расходились. «Я читал оба условия и свидетельствую,— писал Лазарев,— что они между собой не согласны; у корабельщика Пигота никогда не было намерения за оставленный Баранову груз... получить здесь банковыми ассигнациями... Корабельщик Пигот здесь ныне налицо и может сам объяснить поступок с ним Баранова». После изучения обстоятельств дела морское министерство полностью оправдало поведение Лазарева, а главное правление компании продолжало поддерживать Баранова. Вместе с тем начальник следующей кругосветной экспедиции Гагемейстер получил указания расследовать показания Лазарева, а также принять в случае необходимости управление колониями на себя⁵¹.

Хотя по конкретному вопросу взаимоотношений А. А. Баранова, М. П. Лазарева и У. Ханта существовали разные точки зрения, в необходимости строгого ограничения и даже запрещения иностранной торговли в Русской Америке в то время сомнений не возникало. В специальном постановлении совета Российско-американской компании, принятом в связи с рассмотрением упоминавшейся ранее записки от 23 декабря 1816 г. (4 января 1817 г.), указывалось, что «правлению компании необходимо должно обратиться к управляющему министерством иностранных дел и просить его: во-первых, о возобновлении ходатайства у правительства Северо-Американских Соединенных Штатов, чтобы приходящим в наши колонии гражданам их запрещено было жителям наших колоний променивать порох, свинец и всякие смертоносные орудия без дозволения тамошнего местного начальства, да и вообще иметь с ними меновую торговлю мимо компании, которой одной сей торг предоставлен... Во-вторых, о исходатайствовании утверждения постановления, в проекте правления компании изложенного, по которому все иностранные шкиперы, приходящие в наши колонии, поступать должны. Сие постановление, взятое из основания существующего при здешнем

⁵¹ См.: Выписка из постановления государственной адмиралтейств коллегии от 31 января (12 февраля) 1818 г.—*NA, RRAC*, г. 1, р. 188—193; главное правление РАК — А. А. Баранову, 15 (27) марта 1818 г.—*Ibid.*, р. 137; *П. А. Тихменев. Указ. соч.*, ч. I, стр. 185.

порте о иностранных шкиперах регламента, тем необходимее для наших колоний, что там нет еще такой учрежденной власти правительства, которая бы одним наружным видом своим в силах была упредить дерзости...»⁵²

В точном соответствии с изложенным постановлением главное правление обратилось к К. В. Нессельроде с официальным «донесением»⁵³ и приложением проекта «постановления, которое должны наблюдать все иностранные суда, приходящие в гавани, порты или рейды, принадлежащие под высочайшим покровительством Российско-американской компании»⁵⁴. В представленном проекте, состоявшем из 16 пунктов, иностранным гражданам строго запрещалось производить любые торговые операции как с местными жителями, так и со служащими компании. «С природными жителями земель и островов северо-западной части Америки, и по правам открытия принадлежащих российскому скипетру,— указывалось в п. 9 постановления,— иностранные суда не должны иметь никакой торговли, ниже мены; буде же уличены они будут в таковом народным правилам предосудительном торге, то все найденные у них кожи зверей, входящие в предмет сего края торговли, будут конфискованы, а буде найдется, что они променивали диким ружья, порох и другие какие военные снаряды, то в таком случае и самое судно со всем грузом окончискуется и экипаж отправлен будет через Сибирь в Россию для доставления в свое отечество»⁵⁵.

Руководство компании отмечало, что если представленное постановление получит одобрение К. В. Нессельроде и сделается «единственным законом», то это «исподволь преградит не только дерзости и наглости республиканцев... (подобные формулировки, по-видимому, были рассчитаны на то, чтобы вызвать особое сочувствие царских властей.— Н. Б.), но, может быть, послужит и поводом к отклонению охоты их безпрестанно при-

⁵² АВПР, ф. РАК, д. 288, л. 124.

⁵³ Главное правление РАК — К. В. Нессельроде, 26 апреля (8 мая) 1817 г.— АВПР, ф. Гл. арх. II—3, 1805—1811 гг., д. 8, лл. 36—37; ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 831, лл. 1—3.

⁵⁴ АВПР, ф. РАК, д. 288, лл. 119—123.

⁵⁵ Там же, л. 121 об.

ходить» в русские владения, «которые в торговых с ними сношениях не имеют дальнейшей нужды»⁵⁶.

Между тем проблемы разграничения и торговли на Северо-Западе Америки стали вызывать определенное беспокойство и в Соединенных Штатах. В этой связи в инструкциях американскому посланнику в С.-Петербурге Уильяму Пинкни в мае 1816 г. Дж. Монро обращал внимание, что подданные России основали поселения не только на крайнем севере Американского континента, «но совсем недавно и к югу» от реки Колумбии, в устье которой имелось владение Соединенных Штатов. И хотя государственный секретарь не располагал сведениями о том, что царское правительство придает серьезное значение новому поселению, и отмечал, что Россия едва ли замышляет «большое расширение своих владений», он тем не менее справедливо писал: «Сколь не отдаленной является опасность столкновения, лучше было бы заранее его предупредить». При урегулировании взаимных притязаний Соединенные Штаты, по словам Дж. Монро, «были бы удовлетворены, если бы в качестве границы... на Тихом океане была принята 49-я параллель»⁵⁷.

Практические результаты миссии У. Пинкни оказались более чем скромными. Хотя, по мнению Пинкни, русское правительство было вполне расположено к соглашению с Соединенными Штатами, сам посланник предпочел уклониться от конкретных переговоров и поощрял намерение императора использовать для этой цели предстоящую миссию барона Ф. В. Тейля в Вашингтон⁵⁸.

Объясняя мотивы своих действий, У. Пинкни ссылаясь в первую очередь на отсутствие у него полномочий для подписания официального соглашения. Не последнюю

⁵⁶ Главное правление РАК — К. В. Нессельроде, 26 апреля (8 мая) 1817 г. — АВПР, ф. Гл. арх. II—3, 1805—1811 гг., д. 8, лл. 36—37.

⁵⁷ Дж. Монро — У. Пинкни, 10 мая 1816 г. — NA, DI, AC, Vol. VIII, p. 51—52; *J. Monroe. Writings*, ed. by S. M. Hamilton, 7 Vls. New York, 1898—1903, Vol. V, p. 383. Позднее У. Пинкни было сообщено, что президент «имеет некоторые основания считать, что русское правительство будет удовлетворено границей по 55° с. ш.» (Р. Раш — У. Пинкни, 21 апреля 1817 г. — NA, DI, AC, Vol. VIII, p. 137).

⁵⁸ У. Пинкни — Дж. К. Адамсу, 5 (17) июля 1817 г. — NA, DD Russia, Vol. VI.

роль, по-видимому, играло и его личное желание как можно скорее вернуться в США. Начинать серьезные переговоры в С.-Петербурге в этих условиях не было смысла, а сам У. Пинкни ограничился в основном пересылкой информационных материалов о Российско-американской компании, об отправке к северо-западным берегам Америки военного шлюпа «Камчатка» и т. п. При этом посланник приходил к выводу, что активность России в освоении этого района «скорее увеличивается, чем уменьшается»⁵⁹.

В своем намерении склонить русское правительство перенести переговоры о Северо-Западе Америки в Вашингтон У. Пинкни достиг полного успеха. Беседуя с американским посланником в сентябре 1817 г., К. В. Нессельроде сообщил, что Ф. В. Тейлю даны инструкции в отношении конвенции о границах⁶⁰. Наряду с царским рескриптом и общими инструкциями новый русский посланник в США был снабжен рядом специальных записок, призванных служить руководством в переговорах относительно Северо-Запада Америки. 30 июня (12 июля) 1817 г. царь утвердил дополнительные инструкции, в соответствии с которыми посланнику поручалось добиваться запрещения нелегальной торговли граждан США во владениях Российско-американской компании и сообщить о представленном компанией проекте правил прихода иностранных судов в русские колонии в Америке⁶¹.

По мнению американского правительства, Александр I, в отличие от своих предшественников (Павла I и Екатерины II), не стремился к созданию сильного морского флота. «Пренебрежение к флоту естественно ведет к аналогичному отношению к судоходству и торговому мореплаванью, а без этого, если и можно учре-

⁵⁹ У. Пинкни — Дж. К. Адамсу, 11 августа 1817 г. — NA, DD, Russia, Vol. VI.

⁶⁰ У. Пинкни — Дж. К. Адамсу, 13 (25) сентября 1817 г. — Ibidem.

⁶¹ «Annexe au mémoire servant d'Instruction pour l'Envoyé de Sa Majesté Impériale près les États-Unis d'Amérique». — АВІР, ф. Канцелярия, д. 12182. В распоряжение Тейля была передана также «Записка о торговле североамериканцев в русских колониях в Америке» и другие материалы, представленные царскому правительству главным правлением Российско-американской компании (см. там же, лл. 31—49 и др.).

дить отдаленные колонии, то они никогда не будут процветать. По-видимому, следует внимательно наблюдать за действиями России в отношении ее поселений на северо-западном побережье, но они никогда не станут предметом серьезных разногласий или столкновения интересов между указанной империей и Соединенными Штатами»⁶².

Главным соперником в этом районе Дж. К. Адамс продолжал считать не Россию, а Англию и именно в этой связи предвидел в будущем возможность возникновения для Соединенных Штатов серьезных осложнений. Он обращал внимание на то, что во время последней войны американское поселение в устье реки Колумбия было захвачено британскими войсками. В октябре 1817 г. в район реки Колумбия для восстановления американского форта был послан военный корабль «Онтарио», что в свою очередь вызвало протест британского правительства. Для урегулирования разногласий с Англией правительство США предложило начать соответствующие переговоры. Поскольку не исключалась возможность передачи некоторых спорных вопросов на рассмотрение третьей стороны, американский посланник в Лондоне получил инструкции предложить в качестве такого посредника кандидатуру русского императора. «В этих обстоятельствах дополнительный интерес приобретают не только взгляды русского правительства относительно его собственных поселений на северо-западном побережье, но и вся система политики России в отношении Великобритании, европейского союза, Испании и южноамериканских дел может потребовать самого внимательного и постоянного наблюдения, поскольку она может оказаться связанной с вопросами, важными для интересов и благосостояния Соединенных Штатов», — инструктировал Дж. К. Адамс нового американского посланника в С.-Петербурге Дж. У. Кэмпбелла⁶³.

Наиболее любопытное сообщение о действиях Российско-американской компании поступило, однако, не от

⁶² Дж. К. Адамс — Дж. У. Кэмпбеллу, 28 июня 1818 г. — NA, DI, AC, Vol. VIII, p. 205—214; *J. Q. Adams. Writings*, Vol. VI, p. 366—377.

⁶³ NA, DI, AC, Vol. VIII, p. 210.

Кэмпбелла из С.-Петербурга, а от специального агента США Джона Превоста из Монтерея. Американский агент отмечал, что вплоть до 1816 г. русские поселения в этом районе не простирались южнее 55° с. ш. и не представляли серьезного значения, хотя и именовались Русской Америкой. После основания двух новых поселений: одного на острове Кауаи, а другого вблизи Сан-Франциско — положение изменилось. Распространение «расы», глава которой «стремится не освободить, а поработать», вызывало, по мнению Превоста, необходимость учреждения в этом районе опорного пункта, который служил бы «барьером против северной угрозы». Для этой цели, указывал Превост, лучше всего подходил порт Сан-Франциско, который характеризовался как одна из лучших гаваней в мире, находящаяся к тому же почти без защиты на территории с малочисленным, слабым и разрозненным населением⁶⁴. Легко заметить, что ссылки на возможную угрозу с севера понадобились Дж. Превосту в первую очередь для обоснования тех экспансионистских проектов, которые стали получать все большее распространение в самих США.

Поскольку вопрос о торговле иностранцев в Русской Америке в 1817—1818 гг. так и не был решен (миссия Ф. В. Тейля в США не состоялась, а П. И. Полетика отправился в Вашингтон только в 1819 г.), главное правление компании вновь поставило его перед царским правительством уже в связи с необходимостью возобновления своих привилегий. Существенную поддержку компания получила на этот раз от В. М. Головнина, который вернулся в сентябре 1819 г. в Кронштадт из кругосветного путешествия на военном шлюпе «Камчатка». В отчете о положении русских колоний в Америке, представленном правительству, Головнин специально обратил внимание на вред, который наносили компании иностранные контрабандисты, и, в частности, отмечал, что американцы «были рады случаю доставлять диким на погубение русских сколько возможно более оружия. Успехи сего народа превзошли их чаяния...»⁶⁵

⁶⁴ Дж. Б. Превост — Дж. К. Адамсу, 11 ноября 1818 г. — ASP, FR, Vol. IV, p. 855.

⁶⁵ «Записка капитана 2 ранга Головнина о состоянии Российско-американской компании в 1818 г.» — «Материалы для истории рус-

Из приводившихся В. М. Головниным фактов становилось очевидным, что Российско-американская компания была не в состоянии конкурировать с американцами. Служащие компании, получая установленное жалование, не были заинтересованы в увеличении прибыли. Они не проявляли инициативы и равнодушно относились к выполнению своих обязанностей. «У американцев так не бывает,— подчеркивал Головнин,— у них взаимная выгода всех заставляет действовать и действовать единодушно». Как полагал Головнин, компания могла «торг свой сделать для себя выгодным двумя способами: подорвать американцев в их торговле или каким-нибудь другим способом исключить их из оной»⁶⁶. Не имея возможности конкурировать со своими более сильными соперниками, Российско-американская компания могла рассчитывать на успех только при достижении полной торговой и промышленной монополии.

Впрочем, это относилось не только к иностранным конкурентам компании, но и к ее потенциальным соперникам внутри. Не случайно поэтому, обосновывая необходимость продления привилегий на новый срок, совет компании отмечал: «Коль скоро Российско-американская компания лишена будет дарованных ей преимуществ, то непосредственно за сим у частных коммерсантов возродится желание предпринимать действия промышленности, подобные действиям компании... Нельзя отвергать некоторой пользы таковых предприятий, если исполнители оных все свои деяния будут основывать единственно на правилах справедливости, умеренности и на видах, государству полезных...» Совет, однако, предвидел в этом случае опасность возникновения неизбежной конкуренции и борьбы между отдельными компаниями. «Брань сия соделается гибельною и для самих россиян, и дикие, постигнув со временем причину ее, не только потеряют к ним расположение, но могут сделаться и опаснейшими их врагами»⁶⁷. Представляя 29 апреля (11 мая) 1819 г. разработанные главным прав-

ских заселений по берегам Восточного океана». СПб., 1861, вып. 1, стр. 100.

⁶⁶ Там же, стр. 101.

⁶⁷ Мнение совета РАК от 29 марта (10 апреля) 1819 г.— АВПР, ф. РАК, д. 288, л. 3.

лением проекты на рассмотрение министра внутренних дел О. П. Козодавлева, совет компании просил также, чтобы «сила и действие прежних привилегий и правил, по минованию оным срока, не была приостановлена по одному недоразумению и чтобы чрез то компания не могла быть приведена в бедственное и расстроенное положение»⁶⁸.

Хотя о деятельности Российско-американской компании, возобновлении ее привилегий и сентябрьском указе 1821 г. существует уже довольно значительная литература, ничего сколько-нибудь достоверного о конкретной подготовке новых постановлений пока не было известно. В свое время американский посланник в С.-Петербурге Г. Миддлтон высказал предположение, что указ 1821 г. был подписан Александром I «без достаточного изучения» и даже был получен «обманным путем». По словам А. Г. Мазура, царское правительство действовало «на авось», надеясь, что новые постановления не встретят особого противодействия со стороны других держав. Такого мнения придерживается и автор новейшего исследования в этой области М. Е. Уилер. В качестве главного инициатора и даже автора постановлений 1821 г. называли В. М. Головнина, который, по утверждению Х. Шевиньи, был якобы «фактическим диктатором» в делах компании и сам полностью или почти полностью переписал учредительные документы, представленные на рассмотрение правительства⁶⁹.

Действительная история подготовки постановлений 1821 г. имеет очень мало общего с этими утверждениями. Прежде всего следует полностью исключить предположение о случайном, скоропалительном и необдуманном принятии новых постановлений. Бюрократическая машина царского правительства не была приспособлена для быстрых решений. К тому же анализ представленных Российско-американской компанией документов

⁶⁸ АВПР, ф. РАК, д. 288, л. 1.

⁶⁹ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 8 (20) августа 1822 г., № 23.— РАВТ, Vol. II, p. 42; A. G. Mazour. The Russian-American and Anglo-Russian Conventions, 1824—1825; An Interpretation.— «PHR», Vol. XIV, N 3 (1945), p. 304; M. E. Wheeler. Op. cit.— «PHR», Vol. XL, N 4, November 1971, p. 434; H. Chevigny. Russian America. New York, 1965, p. 181; H. A. Kuchner. American-Russian Rivalry in the Pacific North West 1790—1867. Cornell University, 1970, p. 50.

требовал времени и внимания. «Дабы по окончании наступающего в июле месяце сего года срока» не последовало по делам компании «остановки», О. П. Козодавлев обратился 6(18) июня 1819 г. в комитет министров с предложением «о продолжении на прежнем основании силы и действия» старых привилегий и правил, «доколе по собрании всех нужных сведений и мнений не последует... решительного о ней (компании.— Н. Б.) постановления»⁷⁰. 17(29) июня 1819 г. комитет министров рассмотрел записку Козодавлева и принял решение «дозволить Российско-американской компании продолжить действия ее на прежнем основании, но с тем, чтоб министр внутренних дел относительно перемен в привилегиях и правилах в течение одного года собрал все нужные сведения и по учинении надлежащих соображений представил оные на высочайшее утверждение...» На заседании 8(20) июля 1819 г. комитету было объявлено, что «государь император на сие соизволяет»⁷¹.

Подготовка новых привилегий и правил еще более задержалась в связи со сменой руководства министерства внутренних дел и последующим изменением его структуры. После смерти О. П. Козодавлева летом 1819 г. министерство внутренних дел на некоторое время перешло в управление А. Н. Голицына, а 4(16) ноября 1819 г. министром был назначен В. П. Кочубей. В конце 1819 г. департамент мануфактур и внутренней торговли перешел в ведение министерства финансов, и Российско-американская компания оказалась в подчинении графа Д. А. Гурьева.

В лице нового шефа компания получила влиятельного и последовательного защитника своих интересов, который не замедлил предпринять ряд конкретных мер для обеспечения ее монопольных привилегий. Существенная, хотя и далеко не решающая, роль в подготовке новых постановлений принадлежала также В. М. Головнину. Характерно, что сам мореплаватель в примечании к «Путешествию вокруг света» специально обратил

⁷⁰ АВПР, ф. РАК, д. 288, л. 134.

⁷¹ Журналы комитета министров от 17(29) июня и 8(20) июля 1819 г.— ЦГИА, ф. 796, оп. 100, д. 692, л. 2; АВПР, ф. РАК, д. 288, л. 138. Копию царского указа из правительствующего сената см.: АВПР, ф. РАК, д. 288, лл. 142—144.

внимание на то, что в апреле 1820 г. в журнале «Сын отечества» были опубликованы его наблюдения и рекомендации, «а в сентябре 1821 г. по представлению компании последовал высочайший указ об охране ее колоний посредством вооруженных крейсеров от поисков и покушений контрабандистов»⁷².

Неожиданную поддержку представления компании получили и у нового сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского, который направил возражения по поводу заключенного летом 1819 г. соглашения о предоставлении американцам на 10 лет исключительного права «производить китовую промышленность на восточных берегах Сибири». Ссылаясь на жалобы главного правления, Сперанский отмечал, что правительство не должно оказывать содействие «чужестранной торговле», и предлагал ограничиться «частным дозволением» американцам производить китобойный промысел только у берегов Камчатки, поскольку это будет содействовать «в продовольствии камчадал»⁷³.

По предложению Д. А. Гурьева, «особый комитет», куда входили также В. П. Кочубей, К. В. Нессельроде и И. А. Каподистрия, не только не утвердил соглашение с американскими китобоями, но и счел необходимым «вовсе запретить всем иностранным купеческим кораблям торговать..., или приставать к портам Восточной Сибири»⁷⁴. Касаясь позднее обстоятельств принятия

⁷² В. М. Головин. Путешествие..., стр. 146.

⁷³ М. М. Сперанский — К. В. Нессельроде, Иркутск, 1 (13) февраля 1820 г. — АВПР, ф. Гл. арх. IV—5, оп. 123, д. 4, лл. 63—72. Текст соглашения, заключенного начальником Камчатской области П. И. Риккордом и П. Добеллом с У. Пиготом и его компаньонами (Девисом, Эбецом и Миком) от 18 (30) июля 1819 г., см.: В. И. Вагин. Указ. соч., ч. 2, стр. 441—443.

⁷⁴ См. записку Д. А. Гурьева «о предложениях» П. Добелла, утверждена Александром I 31 марта (12 апреля) 1820 г. — В. И. Вагин, Указ. соч., ч. 2, стр. 455—462. М. М. Сперанский по-видимому, не ожидал таких крутых мер и был явно озадачен решением, которое, по единодушному уверению Гурьева и Нессельроде, было принято согласно его рекомендации. «Я никогда не представлял, — писал сибирский генерал-губернатор В. П. Кочубею 20 мая (1 июня) 1820 г. — чтобы внешний торг, два или три года как возникший, торг, на который и тариф опубликован, вдруг был закрыт. Я представлял только о том, что неудобно связывать себя десятилетним контрактом на рыбную ловлю». Впрочем, эти объяснения были рассчитаны больше на очистку совести, чем на какое-либо реальное изменение решения, получившего санкцию императора. (Там же, стр. 81—82).

сентябрьского указа 1821 г., руководство Российско-американской компании ссылалось на свои жалобы по поводу соглашения о китобойном промысле: «Главное правление представило министерству финансов в сильных выражениях свои на счет сего опасения и просило о воспрещении всякого с иностранцами сношения, как существенно вредного для пользы компании... Правительство, убежденное таковым домогательством, разрушило упомянутые соглашения камчатского начальства, а вслед за тем решилось издать известный запретительный акт, коим иностранцы вовсе устранены от самого приближения к берегам... Америки, Охотска и Камчатки»⁷⁵.

Следует сказать, что Д. А. Гурьев (а еще ранее О. П. Козодавлев и А. Н. Голицын) проявлял большую настойчивость, хотя и без особого успеха, для того чтобы получить от М. М. Сперанского его соображения по поводу проектов новых постановлений. В литературе уже отмечалось, что наиболее значительный вопрос, поднятый сибирским генерал-губернатором, был связан с трудностью доставки товаров сухопутным путем по Охотской дороге. Как отмечал Сперанский, «перевозки казенных тяжестей» являлись настоящим бедствием для местных жителей и грозили «не только разорением якутов», но и совершенным прекращением доставки товаров в Охотск и Камчатку⁷⁶. Объясняя свой отказ от радикальной критики присланных ему проектов, сибирский генерал-губернатор скромно писал, что его примечания основываются, «по необходимости, на сведениях, весьма несовершенных, и особливо недостаточных в отношении ко внутреннему колоний управлению», о котором он не нашел «ничего достоверного»⁷⁷.

Лишь в одном случае, когда речь шла о неограниченном праве беспошлинной торговли, Сперанский позволил себе сделать в адрес Российско-американской компании принципиальное возражение. В проекте главного правления указывалось, что поскольку компанейские товары «отправляются от одного российского порта

⁷⁵ АГО, ф. 99, оп. 1, д. 29, лл. 5—6.

⁷⁶ М. М. Сперанский — А. Н. Голицыну, 1 (13) октября 1819 г. — АВГР, ф. РАК, д. 288, лл. 152—156.

⁷⁷ М. М. Сперанский — Д. А. Гурьеву, 4 (16) февраля 1820 г. — Там же, л. 175.

в другой» (например, из Ново-Архангельска в Кронштадт), то «на основании морского пошлинного регламента» им нельзя чинить «ни малейших препятствий и остановок». М. М. Сперанский заметил, что правительству будет трудно «на 20 лет вперед обязаться не налагать на какую-либо статью пошлин, особливо на статью, столь роскошную, как, например, бобры морские». Опасаясь, что компания может в будущем получить «поверхность, вредную общему существованию и предосудительную частной сибирской торговле», Сперанский предложил сделать специальную оговорку, по которой компанейские меха допускались в русские порты беспрепятственно, «если общим узаконением на пушные товары внутренней пошлины установлено не будет»⁷⁸.

Министр финансов выразил полное согласие с замечаниями, которые Сперанский сделал по отдельным статьям, и одновременно изложил «главные черты» своего собственного плана относительно новых привилегий Российско-американской компании. Он считал необходимым в первую очередь обеспечить сохранение монопольных прав компании и «удалить в особенности всех иностранцев», которые могли бы нарушить существующий порядок. «Меры для удаления иностранцев сделались тем нужнее,— писал Гурьев,— что американцы Соединенных Штатов, бросивши несколько лет тому назад залив Нутку, поселились ныне на устье р. Колумбии, сделав большие пожертвования для устройства внутренней коммуникации посредством сей реки и рр. Миссури и Миссисипи. Компания одна не может защитить себя против иностранных: она, как и прочие подданные, имеет право на покровительство со стороны правительства, тем более, что доставляет отечеству немаловажные выгоды...» Для того чтобы обеспечить компании такое покровительство, министр финансов считал необходимым постоянно содержать в районе ее владений «два судна императорского флота, кои ежегодно будут сменяться».

⁷⁸ См.: «Примечания на проект привилегий», 4(16) февраля 1820 г.— Там же, лл. 179—180. Предложения Сперанского были учтены при окончательной редакции текста привилегий (см.: ПСЗРИ, № 28756); П. А. Тихменев. Указ. соч., ч. I, приложения, стр. 41—46 (ст. 17 и др.).

Он обращал далее внимание, что в прежних привилегиях компании было предоставлено право «распространяться по мере своих сил почти без ограничения. Сего не можно уже оставить без перемены: нужно постановить пределы нашим владениям и предписать компании, какие коммерческие сношения позволятся иметь ей с иностранцами, так как сношения сии должны всегда быть подчинены главному предмету ее существования, т. е. процветанию кяхтинской торговли».

Заканчивая изложение своих «видов», Гурьев выражал особую заинтересованность в получении одобрения Сперанского⁷⁹. Одновременно министр финансов отмечал, что, несмотря на пользу, «которую можно было бы получить от колонии Росс, на берегу Нового Альбиона», это владение «положено оставить, как по отдаленности сего заведения», так и потому, что оно «находится между владениями Гишпании и новой оседлостью Северо-Американских Штатов при р. Колумбии»⁸⁰.

Расчеты Д. А. Гурьева на получение от М. М. Сперанского каких-либо свежих и оригинальных идей не оправдались. Правда, в делах сибирского генерал-губернатора имелся краткий проект, или, точнее, черновой набросок замечаний, в котором содержалось несколько важных соображений об ограничении будущих привилегий Российско-американской компании, но этот документ, очевидно, никогда в С.-Петербург отправлен не был⁸¹.

⁷⁹ Д. А. Гурьев — М. М. Сперанскому, 2 (14) апреля 1820 г., № 6. — АВГР, ф. РАК, д. 288, лл. 182—187. Этот важный документ был впервые опубликован В. Вагиным (Указ. соч., ч. 2, стр. 518—520) с ошибочной датой «20 апреля 1820 года».

⁸⁰ Д. А. Гурьев — М. М. Сперанскому, 2 (14) апреля 1820 г., № 7. К письму Д. А. Гурьева была также приложена записка В. М. Головина «О злоупотреблениях, в колониях Российско-американской компании существующих», в которой признавалась справедливость сведений Крузенштерна и Лисянского о притеснениях местного населения, но вместе с тем указывалось, что после того как в должность главного правителя вступил Л. А. Гагемейстер «дела в компанейских колониях приняли другой вид» и многие недостатки уже искореняются (см.: В. Вагин. Указ. соч., ч. 2, стр. 106, 516—518). В свою очередь сам Головин «в доверенности» сообщил Сперанскому свои соображения «о преграждении злоупотреблений» во владениях компании «на будущее время» (АВГР, ф. РАК, д. 288, лл. 200—202).

⁸¹ См.: В. Вагин. Указ. соч., ч. 2, стр. 102—103. В упомянутом наброске Сперанский, в частности, обращал внимание на необходи-

Сибирский генерал-губернатор одобрил все основные соображения, изложенные Д. А. Гурьевым, и особо отметил, что они «делают почти излишними» его собственные дополнения. «Мне всегда представлялось,— писал Сперанский,— что проект привилегий имеет два главных недостатка: 1) что он не содержит в себе никаких постановлений, кои могли бы оградить компанию от притязаний иностранцев и упрочить ей права, даруемые правительством; 2) что вместе с правами не были определены обязанности компании». Поскольку тот и другой предмет определялись «видами», которые были сообщены Гурьевым, сибирский генерал-губернатор ограничился изложением «только некоторых подробностей, к той же цели идущих». Он полагал, в частности, что «содержание двух военных кораблей» слишком дорого и что вполне достаточно послать только один корабль («г-н Муравьев думает, что судно сие для экономических причин должно быть *шлюп*», а его местопребывание и предмет защиты «должны быть у Ситхи и Кадьяка, т. е. в тех самых пунктах, где находится опасность торгового вторжения»). Кроме того, Сперанский считал необходимым обязать компанию доставлять на Камчатку «морским путем и содержать там запас муки от 10 до 15 т. пудов». Это же «количество запаса и на тех же основаниях,— добавлял Сперанский,— полагается и для Охотска»⁸².

В полной мере Сперанский одобрил также предложения Головнина относительно предупреждения будущих злоупотреблений в колониях, хотя и в этом случае сибирский генерал-губернатор предпочел уклониться от изложения собственного мнения. «По полному моему уважению к достоинствам и праводушию сего отличного чиновника,— писал Сперанский 9(21) июня 1820 г.,— я счел долгом совести представить сии мысли во вни-

мость отделения компании от Охотского порта («ибо привилегии дают ей на Америку и острова, а не на Сибирь») и отмечал, что людей ни под каким видом нельзя «удерживать долее срока» (главное правление добивалось «дозволения» оставлять на службе компании «промышленных» по их желанию сверх предусмотренного ранее 7-летнего срока и давать им в этом случае паспорт заочно).— Там же, стр. 515—516.

⁸² М. М. Сперанский — Д. А. Гурьеву, 20 мая (1 июня) 1820 г.— В. Вагин. Указ. соч., ч. 2, стр. 103—105.

мание в. с-ва, предавая, впрочем, ближайшему вашему усмотрению, до какой степени они, при общих соображениях о будущем порядке американских заведений, могут быть в дело приняты». Упомянув в частном письме Д. А. Гурьеву о имеющихся неоспоримых доказательствах многочисленных злоупотреблений в Русской Америке в период правления А. А. Баранова, осторожный генерал-губернатор ссылаясь опять-таки на статью В. М. Головнина, опубликованную в «Сыне отечества» (1820 г., № 13). Не избежал он и откровенной лести, когда подчеркивал, что под руководством Гурьева компания «приняла вид, свойственный просвещенному торговому обществу, которое должно искать в колониях не рабства, но коммерческих связей, основанных на обоюдных выгодах и даже на образовании диких народов»⁸³.

Рассматривая исходившие от М. М. Сперанского материалы, следует признать, что его общий вклад в подготовку новых правил и привилегий Российско-американской компании оказался важным, но не решающим. В частности, речь должна идти о поддержке «видов» Д. А. Гурьева об ограждении монопольных прав компании от притязаний иностранцев, что привело в конечном итоге к изданию указа от 4(16) сентября 1821 г. Но, повторяем, это была всего лишь поддержка уже изложенного Гурьевым в письме от 2(14) апреля 1820 г. плана.

Для практического осуществления своих «вилов» Д. А. Гурьев обратился в апреле 1820 г. с письмом к морскому министру И. И. Траверсе. Ссылаясь на жалобы главного правления компании и замечания «командиров судов, в тех местах быв[ших]», Гурьев отмечал, что иностранцы, «особливо же гр[аждане] Северо-Американских Штатов, приезжают в наши колонии на судах своих и, производя явно или скрытно торги с природными жителями, делают подрыв и вред селениям нашим внушениями своими и еще более снабжением островитян разным оружием ...Взяв во внимание, что выгоды компании, устройство и цель ее нераздельны с выгодами правительства,— продолжал министр финан-

⁸³ М. М. Сперанский — Д. А. Гурьеву, 9(21) июня 1820 г. и частное письмо от 20 мая (1 июня) 1820 г.— АВПР, ф. РАК, д. 288, л. 199; В. Вагин. Указ. соч., ч. 2, стр. 106—108.

сов,— почти необходимым кажется для охранения владений наших в северо-западной части Америки и островах, на океане лежащих, содержать там непрерывно два судна императорского флота». Эта мера доставила бы «наилучший случай офицерам императорского флота усовершенствовать себя в мореплавании», а также содействовала бы снабжению Охотского и Петропавловского портов продовольственными припасами⁸⁴.

Хотя И. И. Траверсе не смог выполнить эту просьбу «в течение компании нынешнего года», он сообщил, что в будущем, 1821 г. «могут быть с удобством приготовлены для сей экспедиции» одно или два военных судна⁸⁵. Снаряжение 28-пушечного военного шлюпа должно было обойтись казне, по сведениям адмиралтейств коллегии, около 600 тыс. руб. Как полагал министр финансов, эти издержки могут быть уменьшены, если морские экспедиции послужат средством доставки «казенных тяжестей в Камчатку», а также привоза компанейских грузов в Кронштадт. Кроме того, «суммы, употребленные для защищения столь важной части империи, чикогда не могут почестья потерянными»⁸⁶.

Длительная подготовительная работа, проведенная Д. А. Гурьевым, вступила в завершающую стадию в августе 1821 г. 2(14) августа министр финансов направил главному правлению компании проекты привилегий, а также общих и секретных правил. До представления этих документов «через комитет гг. министров к высочайшему утверждению» Гурьев предложил правлению вновь познакомить с их содержанием совет Российско-американской компании. «...Я нашел бесполезным,— писал министр финансов,— сделать в оных некоторые прибавления и перемены...»⁸⁷

Главное, на что хотелось бы сразу обратить внимание,— это наличие особых «секретных правил», необходимость которых связывалась с тем, что некоторые статьи, по мнению правительства, не могли быть в то

⁸⁴ Д. А. Гурьев — И. И. Траверсе, 9(21) апреля 1820 г.— ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 665, лл. 1—4.

⁸⁵ И. И. Траверсе — Д. А. Гурьеву, 6(18) сентября 1820 г.— Там же, л. 52.

⁸⁶ АВПР, ф. РАК, д. 288, лл. 327—328.

⁸⁷ Д. А. Гурьев — главному правлению РАК, 2(14) августа 1821 г.— Там же, л. 238.

время обнародованы к всеобщему сведению. Эти «секретные правила» так и остались неизвестными не только современникам, но и последующим исследователям. Не упоминают о них ни П. А. Тихменев, ни С. Б. Окунь. Между тем «секретные правила» касались отношений компании с иностранцами и в этой связи для нашей темы представляют особый интерес. Уже в § 1 подчеркивалось, что, «наблюдая собственные свои выводы», компания «никогда не должна упускать из виду выгоды государства». Компании вменялось в обязанность всегда оказывать предпочтение русским товарам, не брать «в услужение» иностранцев, не испросив «предварительно соизволение от правительства» (§ 2). «Главные пункты» владений компании надлежало привести в такое положение, «которое бы внушало иностранцам должное к ним уважение» (§ 3).

Далее в правилах специально указывалось, что компании необходимо «в особенности обратить внимание на предприятия подданных Соединенных Американских Штатов, поселившихся на устье реки Колумбии», и что управляющий русскими колониями должен стремиться «к приобретению уважения, доверенности и даже дружбы» независимых народов на Северо-Западе Америки. «Для лучшего удостоверения, что командиры военных судов не имеют никаких тайных сношений» с иностранными мореплавателями, управляющему колониями предписывалось назначать на русские корабли «по одному или по два комиссара, выбирая для сего людей надежных и притом знающих указать проливы, гавани и вообще места, где наиболее компания полагает нужным надзор и присутствие военных судов»⁸⁸. Этот последний, § 6 о комиссарах компании тем более примечателен, что командиры военных судов в свою очередь получали инструкции доносить о злоупотреблениях в колониях местного начальства. Не доверяя ни морским офицерам, ни служащим компании, правительство стремилось связать их взаимной слежкой и проверкой.

Совет компании нашел проекты «по всем предметам согласными с истинной пользой компании» и поручил главному правлению выразить Д. А. Гурьеву «искрен-

⁸⁸ «Секретные правила для Российско-американской компании». — АВПР, ф. РАК, д. 288, лл. 277—279.

нейшее благодарение». Вместе с тем на «соизволение» министра финансов представлялось несколько частных и редакционных поправок. Так, одна из статей привилегий предусматривала, что чиновники «при определении к должности сохраняют свои чины в общем положении и считаются в действительной службе». Совет просил добавить, что это право «распространяется и на тех, кои после высочайшего утверждения в 1799 году привилегий употреблены компаниею в разные должности». В § 57 общих правил отмечалось, что компания не имеет «другого предмета, кроме ловли морских и земных зверей». Поскольку на компанию возлагались и другие обязанности, совет настаивал на изменении редакции этого параграфа в том смысле, что «ловля морских и земных зверей» — это главный, но не единственный предмет ее деятельности⁸⁹.

Общие итоги более чем двухлетнего обсуждения вопроса о новых правилах и привилегиях Российско-американской компании получили отражение в пространном докладе министра финансов⁹⁰. Поскольку этот исключительно важный документ ранее не был известен, мы позволим себе остановиться на его содержании более подробно.

Приступая к рассмотрению «предположений» компании, представленных весной 1819 г., Гурьев, по его

⁸⁹ Главное правление РАК — Д. А. Гурьеву, 15(27) августа 1821 г. — Там же, лл. 239—241; протокол общего собрания гласных акционеров от 18 (30) августа 1821 г. — Там же, л. 243. Замечания компании на проект общих правил и секретных инструкций см. там же, лл. 281—304, 236 и др.

⁹⁰ Итоговый доклад Д. А. Гурьева. — АВПР, ф. РАК, д. 288, лл. 313—347. Первоначально этот доклад, возможно, предназначался для правительственного комитета, в состав которого наряду с Гурьевым вошли управляющий министерством иностранных дел Нессельроде, министр внутренних дел Кочубей и Сперанский. В протоколе заседания комитета от 22 августа (3 сентября) 1821 г. упоминается, что министр финансов представил «изложение мотивов» (*un exposé des motifs*), которыми он руководствовался, когда внес некоторые изменения и добавления в проекты, предложенные компанией (там же, л. 305), а в конце доклада Гурьев сам отмечал, что, «предлагая все сие благорассмотрению комитета», он имеет честь представить проекты привилегий, а также общих и секретных правил. Вместе с тем на первой странице архивного подлинника доклада Д. А. Гурьева имеется его собственноручная надпись, свидетельствующая, что этот документ был представлен императору Александру I 9 (21) сентября 1821 г. (Там же, л. 313).

собственным словам, в первую очередь обратился к разрешению вопроса, стоит ли продлевать ее существование. «Если бы правительство не пожелало возобновить привилегий компании,— отмечал министр,— то, дабы сохранить выгоды российской торговли, проистекающие от колоний наших на Тихом море, должноствовало бы оно, приняв их в свое ведение, взять вместе на себя их содержание... Мера таковая, вовлекая правительство в издержки, не предоставляет средств к вознаграждению оных». Отдаленность американских владений и необходимость чрезвычайных затрат вряд ли позволят частным лицам отправиться «в места сии для отыскания предметов торговли». Таким образом, «сама польза правительства и выгоды торговли» требовали, по мнению Д. А. Гурьева, сохранения Российско-американской компании и возобновления ее привилегий.

Особое внимание в докладе обращалось на необходимость точного определения границ русских колоний в Америке, «воспротив расширение оных без особого на то соизволения... Предупреждая, чтобы компания не могла расстроить доброго согласия империи с иностранными державами, в то же время надлежит обезопасить восточные берега Сибири, прикрыть наши колонии и содержать сии последние в тесной связи и зависимости»⁹¹.

Одновременно в докладе отмечалась важность «не допускать, чтобы исключительное право» Российско-американской компании было кем-либо нарушено, и в этой связи указывалось на все возрастающее соперничество американских торговцев. «Одни только Соединенные Штаты соперничают нам; сделав опыт заведения в Нутке, которое впоследствии равномерно оставили, также на Сандвичевых островах, где они имеют главные места складки, они решились основать заселение на устье реки Колумбии, и с нескольких лет уже постоянно приезжают в наши колонии, тайно выменивая в оных все меха, какие только получить могут».

Изыскивая средства снабжения своих владений, компания «основала селение на берегу Калифорнии в заливе Бодего..., где по удобности земли и климата сделала довольно удачные опыты хлебопашества. Но

⁹¹ Там же, лл. 316—317.

колония сия, названная Росс, возбудила внимание гишпанского правительства, и жалобы одного впоследствии времени были причиной, что управляющий министерством иностранных дел... предполагал открыть по сему предмету переписку с мадридским кабинетом и испросить от одного дозволение для нашей компании по крайней мере на свободную торговлю в портах Новой Гишпании. Настоящие политические обстоятельства Гишпании не допустили привести в действие предположение сие, и селение Росс останется до времени ничем не обеспечено. Сколь не полезно было бы для нас иметь в сем краю место, изобилующее жизненными припасами, если сообразить, что колония Росс, находясь между владениями Гишпании, будет предметом непрерывных притязаний и что, с другой стороны, поселившиеся при Колумбии американцы употребят тогда все усилия вредить нам, то, кажется, можно удовлетворительно полагать, что заведение Росс ненадежно, и мы не должны ожидать от одного постоянного продовольствия колоний наших и еще менее Охотска и Камчатки»⁹².

Приводя в докладе конкретные расчеты количества продовольственных товаров, необходимых для снабжения Восточной Сибири и Камчатки, Д. А. Гурьев полностью соглашался с мнением сибирского генерал-губернатора, что «доставление главных потребностей в Охотский и Петропавловский порты должно совершаться морем на военных судах». Отправление военных кораблей к берегам Восточной Сибири и Русской Америки оказывалось необходимым и по ряду других причин. «С давнего уже времени,— указывал министр финансов,— Российская Американская компания испрашивает постановление для кораблей чужестранных, пристающих к нашим колониям. Главное правление оной в октябре месяце 1819 года возобновило представления сии, прилагая в копии письма управляющего в то время колониями ее флота лейтенанта Яновского и отношении капитана Головнина, ясно доказывающие совершенную необходимость сей меры»⁹³.

⁹² АВПР, ф. РАК, д. 288, лл. 319—320.

⁹³ Там же, л. 324. Мы имеем, таким образом, авторитетное свидетельство, указывающее, что записка В. М. Головнина наряду с

Из содержания доклада видно, что, «убеждаясь в необходимости... принять все возможные меры для удаления иностранных мореплавателей от берегов наших», министр финансов «составил проект постановления правил о пределах плавания и порядка приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских, Курильских и прочих, который был рассматриваем в комитете, для сих дел назначенном». «Единственным средством», которое могло бы заставить иностранцев считаться с этим постановлением, Д. А. Гурьев считал «содержание впредь в сих местах военных кораблей для разъездов, по примеру других европейских держав». С этой целью он еще в апреле 1820 г. «обратился к морскому министерству, полагая мнением, что на первый случай не излишним было бы отправить два, а потом ежегодно по одному вооруженному судну, сменяя их одни другими». Как сообщалось в докладе, И. И. Траверсе «окончательно уведомил, что для посылки в настоящем, 1821 году к колониям Американской компании, буде последует высочайшее на то соизволение, назначаются от морского министерства два военных судна (24-пушечный корабль вместо шлюпа «Камчатка» и 14-пушечный бриг «Аякс») ⁹⁴.

Большое место в докладе Гурьева занял и вопрос о новых границах русских владений в Америке. Принимая меры по безопасности колоний и обеспечению «исключительных прав компании», министр финансов в то же время считал нужным «предупредить, чтобы и она своими предприятиями не могла навлечь излишних забот правительству». Упомянув об основании селения Росс, о попытке доктора Шеффера присоединить один из Гавайских островов, а также протестах Испании, министр финансов предлагал «в новых привилегиях, имеющих быть дарованными компании, означить пределы владений, которые занимать ей позволяется, держась в сем ограничении, с одной стороны, возможности защитить владения свои, не завлекая правительство в издержки..., с другой — не упуская из виду и необходи-

представлениями самой компании оказала прямое влияние на издание сентябрьского указа 1821 г.

⁹⁴ Там же, лл. 326—327.

мости оставить оным достаточное пространство, дабы компания могла учредить порядок в разделении своих владений таким образом, чтобы звери, составляющие единственный предмет ее торговли, имели время в оных размножаться». Эти соображения, а также «появление американцев Соединенных Штатов в устье реки Колумбии», заставили Д. А. Гурьева установить границу русских владений по 51° с. ш. «Без сомнения, мы бы могли продвинуться до пролива Гуан-де-Фука к югу от острова Ванкувера, наипаче с тех пор как англичане и американцы оставили залив Нутку; но в то время мы слишком приблизились бы к новому заведению на реке Колумбии, и обитатели острова Ванкувера столь жестоки, что нужно бы было содержать значительную силу противу их нападений»⁹⁵.

Хотя граница владений компании устанавливалась по 51-й параллели, министр финансов считал возможным позволить компании «отправлять суда в порты Калифорнии и на острова Филиппинские за припасами и даже за товарами, как скоро мадридский кабинет на сие согласится». Поощрялась компания и «к открытию сообщения с японцами». Зато посылка кораблей в Кантон или какой-либо другой китайский порт категорически запрещалась, так как правительство Китая неоднократно в этом России отказывало. В качестве своеобразной замены Кантона судам, возвращающимся в Европу, предлагалось заходить в Манилу «для промены там на китайские товары» тех мехов, которые компания не могла бы сбыть в Кяхте. Царское правительство также считало, что народонаселение Русской Америки «не должно быть значительно увеличиваемо» как из-за трудностей в доставлении «жизненных припасов, так и потому, что умножение заселений и людей» может привести к исчезновению зверей, «удаляющихся от мест обитаемых».

Поскольку правительству были уже известны факты злоупотреблений в колониях, то в докладе специально отмечалось, что компания должна всячески избегать «мер неприязненных» в своих отношениях с независимыми племенами. Особое внимание и на этот раз обращалось на действия США. «Компания никогда не

⁹⁵ АВПР, ф. РАК, д. 288, л. 329—330.

должна упускать из виду,— писал Гурьев,— что американцы Соединенных Штатов быстрыми шагами подаются во внутренность Америки и распространяют свои сношения с народами, на Северо-Западе обитающими, что весьма бы полезно для нее было предупредить таковые их предприятия и заменить их доставлением сим народам всего, что сии деятельные соперники наши к ним привозят»⁹⁶.

Подробно излагая конкретные предложения и пожелания руководства компании, министр финансов в большинстве случаев считал возможным принять их во внимание. «Компании сей, как производству усердия и предприимчивости россиян,— заключал Гурьев,— правительство обязано приобретением обширных стран и важной отрасли изобильной торговли, и должно по справедливости сказать, что нынешнее управление компании, исправляя погрешности, простительные в столь отдаленных местах и с такими ограниченными средствами, заслужило благодарность правительства и своих сограждан»⁹⁷.

Свои соображения Д. А. Гурьев изложил 22 августа (3 сентября) 1821 г. на заседании «комитета, которому е. в-вом императором было поручено рассмотреть проекты новых привилегий и правил для Российско-американской компании». Им были представлены также проекты привилегий, правил и нескольких отдельных статей, предназначенных служить компании в качестве секретной инструкции (*quelques articles séparés pour servir d'instruction secrète à la Compagnie*).

Присутствующие на заседании члены комитета (В. П. Кочубей, К. В. Нессельроде и М. М. Сперанский) не только признали справедливость изложенных Д. А. Гурьевым взглядов, но и отметили, что последние получили полное воплощение в представленных им проектах. Вслед за этим министр финансов познакомил собравшихся с поправками и редакционными уточнениями, о которых просило главное правление Российско-американской компании. С большинством поправок члены комитета нашли возможным согласиться. В заключение комитет уполномочил министра финансов,

⁹⁶ Там же, л. 339.

⁹⁷ Там же, л. 347.

после внесения необходимых исправлений, представить рассмотренные проекты на «высочайшее одобрение е. в-ва императора»⁹⁸.

Дальнейшее прохождение подготовленных Гурьевым проектов в соответствии с установившимися традициями было чисто формальным. 4(16) сентября 1821 г. всероссийский самодержец подписал указ, в котором было «изображено»: «Усмотрев из предъявленных нам сведений, что торговля наших подданных на островах Алеутских и по берегам Северо-Западной Америки, России подвластным, подвергается разным стеснениям и неудобствам от потаенного и подложного торга, и находя, что главной причиной их неудобств есть недостаток правил, устанавливающих пределы плаванья вдоль сих берегов и порядок приморских сношений как в сих местах, так и вообще по восточному берегу Сибири и островам Курильским, признали мы нужным определить сии сношения особенным постановлением, при сем прилагаемом». Далее следовало пространное «Постановление о пределах плаванья и порядка приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских, Курильских и проч.», состоявшее из 63 больших и малых параграфов⁹⁹.

Суть нового постановления была изложена в двух первых параграфах. § 1 гласил: «Производство торговли, китовой и рыбной ловли и всякой промышленности на островах, в портах и заливах и вообще по всему северо-западному берегу Америки начиная от Берингова пролива и до 51° северной широты, также по островам Алеутским и по восточному берегу Сибири... предоставляется в пользование единственно российским подданным». В § 2 указывалось: «Посему воспрещается сим всякому иностранному судну не только приставать к берегам и островам, подвластным России, в предыдущей статье означенным, но и приближаться к оным на расстояние менее ста итальянских миль. Нарушивший сие запрещение подвергается конфискации со всем

⁹⁸ Французский подлинник протокола заседания, подписанный В. П. Кочубеем, Д. А. Гурьевым, К. В. Нессельроде и М. М. Сперанским, см.: АВПР, ф. РАК, д. 288, лл. 305—312.

⁹⁹ ПСЗРИ, № 28747; П. А. Тихменев. Указ. соч., ч. I, приложения, стр. 27—40.

грузом». Остальные параграфы подробно излагали, что и как надо было делать, чтобы выполнить данные положения.

13(25) сентября 1821 г. в соответствии с представленными А. Д. Гурьевым проектами Александр I утвердил в Порохове новые привилегии, а также общее и секретные правила Российско-американской компании. Царь отмечал, что компания, «распространяя успехи мореплавания, расширяя общепользную торговлю империи и принося значительные выгоды непосредственным участникам в оной», в полной мере оправдала его надежды. «Желая продолжить и упрочить ее существование», Александр I возобновил «дарованные ей привилегии с нужными дополнениями и переменами от сего времени впредь на двадцать лет» и утвердил «составленные для нее вновь правила»¹⁰⁰.

Как видно из соответствующей приписки на архивном экземпляре, «высочайше утвержденные проекты привилегий и правил общих» препровождались в правительствующий сенат. «Секретные же, подлинные, обращены в канцелярию министра финансов»¹⁰¹.

Устанавливая южную границу русских владений по 51-й параллели, новые привилегии в то же время допускали возможность их дальнейшего расширения, если только это не нарушало территориальных прав европейских держав и США. Канцелярская редакция соответствующего места выглядела довольно неуклюже (§ 4): «Делать новые открытия вне пределов, выше сего означенных, и сии вновь открываемые места, если оные никакими другими европейскими нациями или подданными Американских Соединенных Штатов не были заняты и не вступили в их зависимость, позволяется компании занимать в российское владение; но не заводить в оных постоянных заселений иначе, как с высочайшего на то соизволения».

¹⁰⁰ См.: Проект указа правительствующему сенату. «Высочайше утвержден в 13 день сентября 1821 в Порохове». — АВПР, ф. РАК, д. 288, л. 348. Текст указа опубликован 19 сентября (1 октября) 1821 г. Печатные экземпляры привилегий и общих правил см. там же, лл. 350—356; 357—359; П. А. Тихменев. Указ. соч., ч. I, приложения, стр. 41—46, 46—61.

¹⁰¹ АВПР, ф. РАК, д. 288, л. 348.

Еще до того как все эти постановления получили «высочайшее» утверждение, Д. А. Гурьев обратился к морскому министру И. И. Траверсе с письмом, в котором подробно изложил инструкции командирам военных кораблей, направляемым для защиты русских владений на Северо-Западе Америки. Кстати, это обстоятельство лишний раз свидетельствует, что в данном случае царская виза была пустой формальностью, и в письме от... 3(15) сентября 1821 г. министр финансов сообщал о новых постановлениях, как уже фактически принятых (позднее в отдельных местах письма были проставлены соответствующие даты): «Высочайше утвержденными правилами для Российской Американской компании, равно как и в привилегиях оной, ныне возобновляемым,— писал Гурьев,— возлагается на командиров судов, отправляющихся в Камчатку, следующие обязанности:

1. Доставка в Петро-Павловск как для сего порта, так равно для Охотска и всей Камчатки тех припасов, кои до сего времени отправляемы были через Якутск и кои без повреждения их перевозимы быть могут морем.

2. Крейсирование близ восточных берегов Сибири, Северо-Западной Америки и островов, состоящих во владении Российской Американской компании, для наблюдения за исполнением высочайше утвержденного постановления о мореходстве в вышеупомянутых местах.

3. Доводить до сведения как правителя колоний, так и морского министерства о злоупотреблениях, могущих случиться в колониях со стороны властей, компаний учрежденных»¹⁰².

«Предполагая, что многие иностранные корабли еще прежде извещения о последних мерах нашего правительства могли отправиться из разных европейских портов к колониям компании», русские военные суда должны были «ограничить свои действия в течение 1822 года тем, что, объявив командиру чужестранного судна о непременном удалении, сообщить ему экземпляр постановления под расписку..., наблюдая впрочем, чтобы они оставили места сии в возможно скорейшем

¹⁰² Д. А. Гурьев — И. И. Траверсе, 3 (15) сентября 1821 г.— ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 665, л. 357 и далее.

времени, и буде чужестранные суда в точности выполнять сие объявление, командиры военных кораблей ни под каким видом не должны оных останавливать...»¹⁰³

В письме отмечалось далее, что «всякое чужестранное судно, отправившись в путь из европейских портов после 1-го марта 1822 года», а из портов США после 1 июля того же года, «не может уже оправдываться неведением помянутого постановления». В то же время Гурьев предупреждал, что, прежде чем арестовывать иностранное судно, необходимо «тщательно исследовать», не было ли оно «занесено в пределы наши чрезвычайными противными ветрами или сбившись в пути от туманов или по другим уважительным причинам».

В целом же из этого письма было очевидно, что царское правительство не стремилось излишне осложнять свои отношения с иностранными государствами строгим соблюдением условий указа от 4(16) сентября 1821 г. и во всяком случае в течение ближайшего 1822 г. предполагало ограничиться лишь простым уведомлением о новых постановлениях.

18(30) сентября 1821 г. Д. А. Гурьев направил морскому министру новые правила и привилегии, утвержденные царем 13(25) сентября 1821 г., а уже на следующий день И. И. Траверсе поручил Ф. В. Моллеру снабдить «командира отряда, отправленного к берегам Камчатки, капитана 1-го ранга Тулубьева» копиями соответствующих постановлений¹⁰⁴.

После опубликования всех новых постановлений «недостаток» во всякого рода правилах и инструкциях был полностью устранен. Помимо 20 параграфов привилегий, имелось еще 70 открытых и шесть секретных параграфов правил. Реальное положение Российско-американской компании от этого вряд ли улучшилось. Это, однако, стало ясно позднее, а пока руководство компании поспешило выразить своему новому покровителю чувствительную благодарность¹⁰⁵.

¹⁰³ Там же, лл. 359—360.

¹⁰⁴ Д. А. Гурьев — И. И. Траверсе, 18(30) сентября 1821 г., И. И. Траверсе — Ф. В. Моллеру, 19 сентября (1 октября) 1821 г. — ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 665, л. 370, 372.

¹⁰⁵ Главное правление РАК — Д. А. Гурьеву, 22 сентября (4 октября) 1821 г. — АВПР, ф. РАК, д. 288, л. 360.

20 сентября (2 октября) 1821 г. директора компании направили соответствующие инструкции главному правителю русских колоний в Америке М. И. Муравьеву. К письму было приложено 10 экземпляров новых правил и привилегий¹⁰⁶. Еще ранее «для сведения и исполнения» Муравьеву было переслано «постановление правил о пределах плавания...»¹⁰⁷ Все эти документы главный правитель получил, однако, лишь осенью следующего, 1822 г., когда в Русскую Америку пришли военный шлюп «Апполон» и бриг «Рюрик». Сам Муравьев, по-видимому, не слишком обрадовался этим новым постановлениям и явно не торопился с проведением их в жизнь. Показательно в этой связи, что на письме главного правления, полученном «на шлюпе Апполон октября 11 дня 1822 г.», М. И. Муравьев сделал надпись: «Отложить впредь, ибо я должен сделать и распоряжение, и донесение с замечанием»¹⁰⁸.

К этому времени на строгом соблюдении новых постановлений не настаивало уже и само царское правительство, которое с лета 1822 г. фактически отказалось от проведения в жизнь условий указа от 4 (16) сентября 1821 г. Однако это — предмет специального рассмотрения последующих разделов книги.

¹⁰⁶ Главное правление ПАК — М. И. Муравьеву, 20 сентября (2 октября) 1821 г., № 532. — *NA, RRAC*, г. 2, р. 264—265.

¹⁰⁷ Главное правление ПАК — М. И. Муравьеву, 7 (19) сентября 1821 г., № 510. — *Ibid.*, р. 256.

¹⁰⁸ *Ibid.*, р. 265.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РОССИЯ И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ДОКТРИНЫ МОНРО

Доктрине Монро посвящено великое множество специальных работ — фундаментальных монографий, исследовательских статей, популярных книг, брошюр, обзоров, сборников и т. п.¹ Достаточно сказать, что известный американский историк проф. Декстер Перкинс занимался изучением доктрины Монро почти 50 лет и опубликовал серию серьезных монографий, а также обобщающий труд о происхождении и эволюции принципов, провозглашенных 2 декабря 1823 г.² И хотя до сих пор по истории доктрины Монро продолжают выходить все новые и новые статьи, книги и сборники, довольно часто они не содержат принципиально новых фактов и документов, а лишь повторяют и интерпретируют уже известные материалы³.

¹ См.: «Обзор источников и литературы по доктрине Монро». — *Н. Н. Болховитинов. Доктрина Монро (Происхождение и характер)*. М., 1959, стр. 311—335.

² *D. Perkins. The Monroe Doctrine, 1823—1826*. Cambridge (Mass.), 1927; *idem. The Monroe Doctrine, 1826—1867*. Baltimore, 1933; *idem. The Monroe Doctrine, 1867—1907*. Baltimore, 1937 (reprint: Gloucester (Mass.), 1965). Широко известна также обобщающая книга Д. Перкинса (*D. Perkins. A History of the Monroe Doctrine*. Boston, 1963), впервые опубликованная в 1941 г. под названием «Hands Off: A History of the Monroe Doctrine». В связи с полемикой, развернувшейся после кубинского кризиса, Д. Перкинс выступил с докладом в библиотеке Г. Трумэна о значении доктрины Монро для современной внешней политики США («The Monroe Doctrine — Its History and Value». Harry S. Truman Library Institute, 1967).

³ *S. Planas-Suarez. Les principes americains de politique internationale et la doctrine de Monroe*. Bâle, 1960; *F. Donovan. Mr. Monroe's Message: The Story of the Monroe Doctrine*. New York, 1963; *The Monroe Doctrine*, ed. by A. Rappaport. New York, 1964; *The Monroe*

Разумеется, это не означает, что дальнейшая исследовательская работа по истории доктрины Монро не сулит каких-либо новых находок и историкам остается только пересказывать уже известные источники. Отметим в этой связи, что Сэмюэль Флегг Бимис сумел обнаружить значительное число важных документов в личных бумагах семьи Адамсов, а сравнительно недавно проф. Брэдфорд Перкинс (сын Декстера Перкинса) выявил некоторые неизвестные ранее источники в британских архивах⁴. Наш собственный опыт показывает, что значительные перспективы для историков открывают материалы советских архивов и в первую очередь богатейшие фонды министерства иностранных дел России. Тщательное изучение русских источников особенно важно в связи с тем, что в литературе все еще встречаются не совсем точные и тенденциозные версии, преувеличивающие антирусскую направленность доктрины Монро и искажающие сам характер русско-американских отношений.

Напомним, что как только известие о послании президента США от 2 декабря 1823 г. пришло в Европу, британский министр иностранных дел Джордж Каннинг поспешил заявить, что оно направлено главным образом против России. Своими рассуждениями он счел необходимым поделиться с русским послом в Лондоне Х. А. Ливеном, который незамедлил сообщить об этом в С.-Петербург. Несмотря на свою хорошо известную проанглийскую ориентацию, Ливен сумел на этот раз правильно разобраться в истинных намерениях Дж. Каннинга. «Эта инсинуация министра иностранных дел,— писал Х. А. Ливен,— имеет, как мне кажется, цель возбудить наше недовольство американским правитель-

Doctrine: Its Modern Significance, ed. by D. M. Dozer. New York, 1965; W. A. Wilbur. The Monroe Doctrine. Boston, 1965. Определенный интерес для ознакомления с интерпретацией латиноамериканских ученых представляет книга покойного мексиканского юриста и дипломата И. Фабелы (*I. Fabela. Las Doctrinas Monroe y Drago*. Mexico, 1957), хотя в своей документальной части она также основана на уже известных источниках и литературе.

⁴ S. F. Bemis. John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. New York, 1949 (4th printing, 1969), p. 363—408, 482—536; B. Perkins. Castlereagh and Adams: England and the United States 1812—1823. Berkeley, 1964, p. 305—347.

ством и спровоцировать с нашей стороны замечания по поводу его преувеличенных притязаний...»⁵

Попытка британского министра спровоцировать протест России по поводу послания Монро успеха не имела. Зато она получила развитие в трудах целого ряда авторитетных западных историков. Достаточно сослаться в этой связи на Гарольда Темперлея, который в 1925 г. пришел к выводу, что Каннинг разрешил «французскую проблему» меморандумом Полиньяку, а Дж. К. Адамс — «русскую проблему» провозглашением доктрины Монро⁶.

Об инсинуациях Дж. Каннинга и выводах его маститого биографа, возможно, не стоило и вспоминать, если бы в худшие годы «холодной войны» история провозглашения доктрины Монро не стала вновь использоваться для доказательства существования зловещей «угрозы Москве» Западнему полушарию еще в первой половине XIX в., а само развитие отношений между Россией и США изображаться как цепь своеобразных «драматических столкновений»⁷. Сомнительная «научная новость» об антирусской направленности доктрины Монро была подхвачена и Дж. Ф. Даллесом, который поспешил оповестить об этом весь мир в речи по радио 30 июня 1954 г. Угроза, которая вызвала в 1823 г. к жизни доктрину Монро, была, по словам Даллеса, «угрозой, рожденной в России». «Именно русский царь Александр I и его деспотические союзники в Европе стремились в начале прошлого века установить контроль над Южной Америкой и западной частью Северной Америки»⁸.

Нам уже приходилось отмечать научную несостоятельность концепции о чисто оборонительном характере доктрины Монро и в этой связи подробно исследо-

⁵ X. А. Ливен — К. В. Нессельроде, 2(14) января 1824 г., № 3.— АВГР, ф. Канцелярия, д. 6931, л. 68.

⁶ H. Temperley. The Foreign Policy of Canning 1822—1827. London, 1925, p. 104.

⁷ Th. A. Bailey. America Faces Russia. Ithaca (N. Y.), 1950 (reprint 1964), p. 32, 337 etc.; America and Russia. A Century and a Half a Dramatic Encounters, ed. by O. Jensen. New York, 1962, p. 12, 40—62.

⁸ «Department of State Bulletin», Vol. XXXI, July 12, 1954, p. 43—45; The Monroe Doctrine: Its Modern Significance, p. 168.

вать роль националистических и экспансионистских тенденций в политике Соединенных Штатов. В этой же работе критиковался и тезис об антирусской направленности послания Монро от 2 декабря 1823 г.⁹ Примерно к аналогичному выводу, и совершенно независимо от нас, пришел недавно американский историк Ирби Николс в статье, опубликованной на страницах «Пэсифик историкал ревю»¹⁰. Это позволяет нам не останавливаться на всех деталях происхождения знаменитой доктрины, а сосредоточить внимание лишь на тех ее аспектах, которые непосредственно связаны с историей русско-американских отношений, главным образом в свете некоторых новых архивных документов, обнаруженных нами как в архивах Советского Союза, так и Соединенных Штатов.

Сразу же хотелось бы подчеркнуть, что генезис доктрины Монро, и в частности происхождение «принципа неколонизации» (*noncolonization principle*), связан, по нашему мнению, в первую очередь не с указом Александра I от 4(16) сентября 1821 г. и вообще не с каким-либо другим важным или второстепенным актом какого-либо европейского государства, а с действиями самих Соединенных Штатов, с националистическими и экспансионистскими тенденциями их внешней политики, со взглядами и теориями, которые получили распространение среди ведущих деятелей американского правительства. Напомним, что еще в 1811 г. Дж. К. Адамс писал о США как о стране, которая по занимаемой площади равнозначна континенту Северной Америки. По его словам, «божественное провидение», по всей видимости, предопределило, чтобы весь континент Северной Америки был населен одной нацией, говорящей на одном языке, исповедующей одну общую религию и политические принципы и придерживающейся одного об-

⁹ Н. Н. Болховитинов. Доктрина Монро, стр. 5, 334 и др.

¹⁰ I. C. Nichols, Jr. The Russian Ukase and the Monroe Doctrine: A Re-evaluation.— «PHR», Vol. XXXVI, N 1, February 1967, p. 13—26. При всех достоинствах статьи И. Николса следует сказать, что он пользовался, к сожалению, почти исключительно опубликованными источниками и практически игнорировал работы советских авторов, если не считать известной книги С. Б. Окуня о Российско-американской компании. См. также: I. C. Nichols, Jr. and R. A. Ward. Anglo-American Relations and the Russian Ukase: A Reassessment.— «PHR», Vol. XLI, N 4, November 1972, p. 444—459.

щего уклада социальных отношений и обычаев¹¹. 16 ноября 1819 г., имея в виду в первую очередь Англию и другие западноевропейские державы, Дж. К. Адамс откровенно заявил, что «мир должен привыкнуть к мысли считать в качестве нашего законного владения континент Северной Америки. С того времени как мы стали независимым народом, то, что это стало нашей претензией, является в такой же мере законом природы, как то, что Миссисипи впадает в море»¹².

Приехавший в 1819 г. в США новый русский посланник П. И. Полетика был поражен активной экспансией американцев на Запад. В письме своему лондонскому коллеге Ливену Полетика сообщал о безмерном распространении американских поселений к западу от Миссисипи. Продвижение на Запад казалось ему «всеобщей манией», и он отмечал, что поистине недалеко то время, когда поселения американцев будут следовать одно за другим от берегов Атлантики до Тихого океана¹³.

Предметом специального обсуждения в конгрессе США с начала 20-х годов стал вопрос об оккупации бассейна реки Колумбия. Инициатором и активным пропагандистом проекта захвата этого района выступал член палаты представителей Джон Флойд, а также сенатор Томас Бентон¹⁴. Не обошлось в этом деле и без влияния интересов основателя известной династии миллионеров Дж. Дж. Астора. 19 декабря 1820 г. для изучения положения на Тихоокеанском побережье и целесообразности оккупации реки Колумбия был образован специальный комитет, руководящую роль в котором играл Флойд¹⁵. 25 января следующего, 1821 г. этот комитет представил конгрессу подробный доклад с об-

¹¹ Дж. К. Адамс — Н. Адамс, 30 июня 1811 г., Дж. К. Адамс — Дж. Адамсу, 31 августа 1811 г. — *J. Q. Adams. Writings*, 7 Vls. New York, 1913—1917, Vol. IV, p. 128, 209.

¹² *J. Q. Adams. Memoirs*, 12 Vls. Philadelphia, 1874—1877, Vol. IV, p. 438—439.

¹³ П. И. Полетика — Х. А. Ливену, 26 августа (7 сентября) 1819 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12192, л. 3.

¹⁴ *V. Blue. The Oregon Question, 1818—1828: A Study of Dr. John Floyd's Efforts in Congress to Secure the Oregon Country.* — «Oregon Historical Society Quarterly», September 1922, Vol. XXIII, N 3, p. 193—212; *T. Benton. Thirty Years' View*. New York, 1845, Vol. I, p. 13.

¹⁵ *Annals of Congress*, 16th Congress, 2nd Session, p. 679.

основанием американских прав на бассейн реки Колумбия, сопровождавшийся законопроектом об оккупации этого района¹⁶.

Каких-либо практических результатов дебаты в конгрессе в то время не дали, однако они не могли не обеспокоить представителей России и Англии в Вашингтоне. Показательно, что уже в начале февраля 1821 г. П. И. Полетика направил в С.-Петербург подробное донесение, в котором обращал внимание на все возрастающий интерес в Соединенных Штатах к территориям Северо-Запада Америки. Посланник ссылался при этом на статьи, которые появлялись в американской печати, условия договора 22 февраля 1819 г., а также специально пересылал К. В. Нессельроде копию доклада комитета Флойда от 25 января 1821 г.¹⁷ В дальнейшем Полетика продолжал систематически следить за ходом обсуждения этого вопроса в конгрессе, пересылая все основные документы со своими комментариями в С.-Петербург.

Более активной оказалась реакция английского посланника в Вашингтоне Стрэтфорда Каннинга. 27 янва-

¹⁶ *Annals of Congress*, 16th Congress, 2nd Session, p. 945—959.

¹⁷ П. И. Полетика — К. В. Нессельроде, 21 января (2 февраля) 1821 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12200, л. 20 и далее. 30 сентября (12 октября) 1821 г. Нессельроде направил донесение Полетики и прилагавшиеся к нему материалы министру финансов Гурьеву, который в свою очередь познакомил с ними правление Российско-американской компании. 8(20) октября 1821 г. министр финансов препроводил Нессельроде специальную записку с обоснованием прав России на Северо-Западе Америки вплоть до 51-й параллели, а в следующем, 1822 г. на страницах популярного в то время русского журнала В. М. Головинн опубликовал статью, в которой доклад комитета Флойда был подвергнут критическому разбору (ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 218, лл. 1, 19—24 и др.; В. М. Головинн. Замечания на донесение комитета, составленного американским конгрессом...— «Сын отечества», ч. LXXVI, 1822, № 18, стр. 145—157, № 19, стр. 193—207). В марте 1822 г. М. М. Булдаков, В. В. Крамер и А. И. Северин направили полученные от Полетики материалы правителю русских колоний в Америке М. И. Муравьеву. Директора правления полагают, что компания не может оставаться равнодушной «на счет такого нового соседства», и предписывали «всеми образами воспрещать гражданам помянутых Штатов увлекать у нас повсюду то, что одним нам принадлежит» (Главное правление ПАК — М. И. Муравьеву, 28 февраля (12 марта) 1822 г.— НА, РРАС, г. 3, р. 4, 49; русск. перевод донесения П. И. Полетики и доклада комитета конгресса от 25 января 1821 г.— *Ibid.*, p. 5—9, 12—47).

ря 1821 г., взбешенный агитацией Флойда и его сторонников в конгрессе, британский дипломат явился в кабинет Дж. К. Адамса за объяснениями. Государственный секретарь не был, однако, расположен без особых на то оснований отчитываться перед британским посланником или связывать действия Соединенных Штатов каким-либо обязательством и предложил ему изложить свои претензии в письменном виде.

«Полагаете ли вы,— возразил С. Каннинг,— что мне надо указывать форму, которую я считаю целесообразной для обращения к американскому правительству?» Беседа явно пошла совсем не по привычному в дипломатических кругах руслу. Оба собеседника были настроены весьма агрессивно и вели полемику в самых откровенных выражениях. «Имеете ли вы какие-нибудь притязания,— спросил Дж. К. Адамс¹⁸,— в отношении устья реки Колумбия?» — «Да разве вы не знаете,— ответил Каннинг,— что мы имеем притязания?» — «Я не знаю,— возразил Адамс,— на что вы претендуете и на что вы не претендуете. Вы претендуете на Индию, вы претендуете на Африку, вы претендуете...» — «Может быть,— ехидно заметил английский посланник,— на часть Луны». — «Нет,— ответил государственный секретарь,— я не слышал, чтобы вы претендовали на какую-либо определенную часть Луны, но нет места на этой обитаемой планете, о котором я мог бы дать заверение в том, что вы на него не претендуете, и нет другого места, на которое вы могли бы претендовать с меньшим правом, чем на реку Колумбия и ее устье». — «И как далеко распространяется это исключение?» — поинтересовался Каннинг. «Ко всем берегам Южного моря,— ответил Адамс.— Мы не знаем ни о каких ваших правах в этом районе. Мы предполагали, что английское правительство пришло к выводу, что нет ни смысла, ни выгоды придирааться к нам в отношении территории на севере Американского континента». — «И в это,— спросил британский дипломат,— вы включаете наши северные провинции на этом континенте?» — «Нет,— ответил Адамс,— там определена граница, и мы не собираемся нарушить ее. Сохраняйте то, что при-

¹⁸ Следует оговорить, что запись беседы с С. Каннингом Дж. К. Адамс вел от первого лица.

надлежит вам, но оставьте весь остальной континент нам»¹⁹.

Выразительная беседа Дж. К. Адамса с С. Каннингом вряд ли нуждается в подробных комментариях. Государственный секретарь весьма недвусмысленно сформулировал требование предоставить Соединенным Штатам весь континент Северной Америки, за исключением уже существующих владений Англии. Практически здесь содержались все основные элементы будущего «принципа неколонизации». Из диалога очевидно также, что этот принцип прежде всего был направлен против *Англии*, поскольку именно Англия обладала самыми значительными колониальными владениями и именно с ее стороны Соединенные Штаты встречали наиболее решительное противодействие своему территориальному расширению на Северо-Западе. Особо следует подчеркнуть, что эти события происходили *до* издания указа Александра I от 4(16) сентября 1821 г. и поэтому никак не могут рассматриваться в качестве ответа на притязания России.

В полной мере антианглийские чувства Дж. К. Адамса проявились и в знаменитой речи 4 июля 1821 г. по случаю очередной годовщины провозглашения независимости США, о чем обстоятельно писал еще Э. Татум²⁰. На резкую антибританскую направленность речи Адамса не мог не обратить внимание и П. И. Полетика, который незамедлил переслать ее текст со своими комментариями и пометками в С.-Петербург²¹. Наконец, 26 ноября 1822 г. в беседе с С. Каннингом по вопросу

¹⁹ *J. Q. Adams. Memoirs, Vol. V, p. 252.*

²⁰ *E. H. Tatum. The United States and Europe 1815—1823. Berkeley, 1936, p. 241—250.*

²¹ «An Address Delivered at the Request of a Commission of the Citizens of Washington on the Occasion of Reading the Declaration of Independence on the Fourth of July, 1821», by J. Q. Adams. Washington, 1821; П. И. Полетика — К. В. Нессельроде, 30 июня (12 июля) 1821 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12200, л. 119 и далее. Разъясняя содержание своей речи, Дж. К. Адамс писал А. Эверетту 31 января 1822 г., что «колониальные учреждения не могут выполнять великие цели правительств в соответствии со справедливыми намерениями гражданского общества». Он отмечал далее, что колонии несовместимы с социальным прогрессом и что долг человечества в будущем их уничтожить (*J. Q. Adams. Writings, Vol. VII, p. 197—207*).

о торговле с Британской Вест-Индией Дж. К. Адамс вновь заявил, что «вся система современной колонизации является злоупотреблением правительства (*abuse of government*) и настало время положить ей конец»²².

Что касается указа Александра I от 4(16) сентября 1821 г., то следует иметь в виду, что практически он не затрагивал территориальных прав Соединенных Штатов, поскольку сами американцы не выдвигали реальных притязаний к северу от 51-й параллели. Как уже отмечалось, в инструкциях американскому посланнику в С.-Петербург в мае 1816 г. указывалось, что при урегулировании взаимных притязаний на Северо-Западе с правительством России Соединенные Штаты были бы удовлетворены границей по 49-й параллели²³. Позднее, 12 ноября 1822 г., государственный секретарь Адамс откровенно заметил, что для США практически не имеет значения, «дойдет ли Россия до 55-й или до 51-й параллели,— этот вопрос затрагивает в первую очередь Великобританию»²⁴.

С другой стороны, торговые ограничения, вводимые сентябрьским указом, запрещение иностранным судам приближаться к русским владениям в северной части Тихого океана ближе ста итальянских миль волновали уже главным образом купцов и судовладельцев Соединенных Штатов. Среди них были такие известные в то время предприниматели и торговые фирмы, как Брайант и Стургис, Дж. и Т. Х. Перкинс, Дж. Маршалл, Боадмэн и Поуп, а также уже упоминавшийся Дж. Дж. Астор. Под угрозу были поставлены не только свобода мореплавания и торговли у северо-западных берегов Америки, но и торговля с Китаем, которая из-за нехватки звонкой монеты (кризис 1819 г.) сократилась с 10 217 151 долл. в 1818—1819 гг. до 5 392 795 долл. в 1820—1821 гг. Почти половина этой торговли (2 317 795 долл.) покрывалась за счет продажи в Кантоне мехов и сандалового дерева²⁵.

²² J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VI, p. 104.

²³ Дж. Монро — У. Пинкни, 10 мая 1816 г. — NA, DI, AC, Vol. VIII, p. 51—52.

²⁴ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VI, p. 100.

²⁵ Annals of Congress, 17th Congress, 2nd Session, p. 403; H. A. Kuchner. American-Russian Rivalry in the Pacific North West 1790—1867. Cornell University, 1970, p. 41, 251, 257.

Объясняя мотивы провозглашения указа от 4 (16) сентября 1821 г., К. В. Нессельроде ссылаясь на жалобы Российско-американской компании на нелегальную торговлю иностранных и прежде всего американских контрабандистов, которые занимались мошеннической торговлей пушниной, снабжали туземцев оружием и подстрекали их к сопротивлению и восстаниям против местных русских властей. «Было важно,— писал Нессельроде,— противопоставить суровые меры этим опасностям и гарантировать компанию от ощутимого ущерба, который был результатом этого». П. И. Полетике поручалось также заверить государственного секретаря в том, что принятые меры не направлены против интересов США и что «они, напротив, являются новым доказательством постоянного желанья императора» укреплять и расширять дружественные связи, которые существуют между Россией и Соединенными Штатами²⁶.

Убедить американцев в том, что сентябрьский указ 1821 г. не противоречит их интересам, было в то время едва ли выполнимой задачей. Первые сведения о новых постановлениях появились в американской печати в конце 1821 г. Почти одновременно в конгрессе возобновились дебаты по поводу оккупации бассейна реки Колумбия для содействия торговле на северо-западном побережье Америки. В январе-феврале 1822 г. богатейший бостонский торговец Уильям Стургис (фирма «Брайант энд Стургис») опубликовал в «Бостон дейли адвертайзер» целую серию статей, где доказывал важность для США всей территории Северо-Запада вплоть до 60° с. ш.²⁷ Наконец, государственный секретарь Дж. К. Адамс, получив текст указа через официальные каналы, не замедлил потребовать у русского посланника объяснений. «Этот указ,— писал Адамс,— так сильно затрагивает права Соединенных Штатов и их граждан, что мне поручено запросить, уполномочены ли Вы дать объяснения правовой основы, в соответствии с принципами, призна-

²⁶ См.: К. В. Нессельроде — П. И. Полетике, 7(19) октября 1821 г., № 8 (циркуляр) и № 9.— «АНР», Vol. XVIII, N 2, January 1916, p. 329—331, 331—333 (подлинники см.: АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 19, лл. 42—44, 55—57).

²⁷ «Weekly Register», Vol. XXI, December 29, 1821, p. 278—279; «Boston Daily Advertiser», 28. 31.I, 6, 20.II 1822; Annals of Congress, 17th Congress, 1st Session, p. 529, 553, 744 etc.

ваемыми повсюду законами и обычаями наций, которая может подтвердить притязания и правила, содержащиеся в нем»²⁸.

В пространном ответе П. И. Полетики содержалось подробное обоснование прав России на северо-западное побережье вплоть до 51-й параллели²⁹. По мнению Полетики, законные притязания России на эти территории основывались на первооткрытии, первозанятии и, наконец, на праве, которое вытекает из мирного и никем не оспариваемого владения в течение более чем столетия, т. е. со времени, когда Соединенные Штаты еще не заняли свое место среди независимых наций. Вместе с тем посланник успокаивал Дж. К. Адамса тем, что царское правительство, определяя границу русских владений по 51-й параллели, «только умеренно использовало свое неоспоримое право». Русские мореплаватели впервые исследовали эту часть Американского континента еще в 1741 г. 51-я параллель была всего лишь средним пунктом между Ново-Архангельском, расположенным ниже 57-й параллели, и американской колонией в устье реки Колумбия ниже 46-й параллели. Наряду с известными и вполне достоверными фактами П. И. Полетика ссылаясь также на сомнительную версию о том, что «в 1789 г. испанский пакетбот «Сан-Карлос» под командованием капитана Аро обнаружил на широте 48 и 49° восемь русских поселений, в которых проживало 20 семей, всего 462 человека. Эти люди,— писал Полетика,— были потомками спутников капитана Чирикова, которые считались до того времени погибшими»³⁰.

²⁸ Дж. К. Адамс — П. И. Полетике, 25 февраля 1822 г.— ASP, FR, Vol. IV, p. 361. Еще ранее, в январе 1822 г., официальный протест против указа от 4(16) сентября 1821 г. был направлен России правительством Великобритании (см.: Р. Каслри — Х. А. Ливену, 18 января 1822 г.— РАВТ, Vol. II, p. 104—105). Копию протеста Ливен переслал русской миссии в Вашингтоне (см.: АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 21, лл. 138—139).

²⁹ П. И. Полетика — Дж. К. Адамсу, 16(28) февраля 1822 г.— ASP, FR, Vol. IV, p. 361—362. Нота Адамса от 25 февраля 1822 г. и ответ Полетики были переданы конгрессу в соответствии с резолюцией палаты от 16 февраля 1822 г. с требованием представить информацию относительно притязаний иностранных государств на территорию северо-западного побережья Америки (Annals of Congress, 17th Congress, 1st Session, Appendix, p. 2153—2157).

³⁰ П. И. Полетика — Дж. К. Адамсу, 21 марта (2 апреля) 1822 г.— ASP, FR, Vol. IV, p. 363.

В дальнейшем в связи с предстоящим отъездом Полетики из Вашингтона было решено перенести обсуждение этой проблемы в С.-Петербург, а американский посланник в России Г. Миддлтон получил предписания добиться отмены распоряжений, которые могли быть даны русским военным кораблям, направленным к северо-западным берегам Америки³¹.

Царское правительство, и в первую очередь Александр I и Нессельроде, явно не хотело обострять отношения с Соединенными Штатами и Англией из-за интересов Российско-американской компании на северо-западном побережье далекой Америки. Уже 3(15) июля 1822 г. управляющий МИД России сообщил Д. А. Гурьеву, что Александр I, «желая всемерно сохранять наилучшее согласие в отношениях своих с иностранными державами и особенно имея в виду избежать, чтобы между российскими и американскими кораблями не дошло до самоуправства», распорядился снабдить русские корабли предписаниями «производить свои наблюдения *сколь можно ближе к твердой земле* и не простираť оногo далее той широты, под которую Американская компания *действительно* пользовалась преимуществами своими в звериной и рыбной ловле». Из отношения К. В. Нессельроде видно, что император распорядился также, чтобы Ф. В. Тейль «назначен был к замещению г-на Полетики в качестве российского императорского чрезвычайного посланника и полномочного министра при Соединенных Штатах и немедленно отправился в Вашингтон, дабы с сим правительством условиться о мерах, кои могут быть с общего согласия приняты к отвращению всякого дальнейшего спора»³².

³¹ Дж. К. Адамс — Г. Миддлтону, 13 мая 1822 г.— РАВТ, Vol. II, p. 39—40.

³² К. В. Нессельроде — Д. А. Гурьеву, 3(15) июля 1822 г.— ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 666, лл. 299—302. Шесть дней спустя министр финансов передал распоряжение царя начальнику морского штаба адмиралу А. Ф. Моллеру, а последний направил в августе соответствующие инструкции командиру фрегата «Крейсер» капитану 2-го ранга М. П. Лазареву (Д. А. Гурьев — А. Ф. Моллеру, 9(21) июля 1822 г.— Там же, лл. 221—222; А. Ф. Моллер — М. П. Лазареву, 3(15) августа 1822 г.— Там же, л. 306; М. П. Лазарев. Документы, т. I. М., 1952, стр. 236—237). Прибыв в Ново-Архангельск 3(15) сентября 1823 г., командир фрегата «Крейсер» передал копии предписаний А. Ф. Моллера главному правителю русских поселений

Излагая общие принципы политики России в отношении США, К. В. Нессельроде отмечал, что эта политика всегда продолжает основываться на чувстве естественного доброжелательства, на «неизменном желании способствовать сохранению спокойствия», на «решимости уважать все признанные права» и на стремлении поддерживать с ними отношения «мира и доброго согласия». Управляющий МИД указывал далее, что, поскольку американское правительство в письме от 25 февраля 1822 г. выразило сожаление об отсутствии возможности согласовать с Россией путем предварительных переговоров договор для примирения интересов обеих сторон, император в настоящее время согласен на открытие соответствующих переговоров. «Нашим крейсерам даны указания как можно меньше удаляться от берега и ни в коем случае не распространять своего патрулирования за пределы, где наша Американская компания действительно осуществляла свою привилегию на охоту и рыболовство»³³.

Поскольку переговоры по урегулированию взаимных притязаний на Северо-Западе Америки касались трех держав: России, Соединенных Штатов и Великобритании,— было решено, что наиболее целесообразно проводить их в С.-Петербурге. Сразу же по прибытии в Вашингтон Ф. В. Тейлю поручалось передать американскому правительству пожелание императора, «чтобы г-н Миддлтон незамедлительно был снабжен полномочиями, необходимыми для окончания с императорским кабинетом путем соглашения, основанного на принципе взаимного удобства, всех споров, которые были подняты между Россией и Соединенными Штатами в результате

в Америке М. И. Муравьеву. Последний, «соображая настоящее положение с волею правительства, означенную в сих копиях,— доносил Лазарев в С.-Петербург,— всякое крейсерство фрегата, мне вверенного, считает излишним». Ввиду трудностей с продовольствием было решено отправить шлюп «Ладогу» вместе с «Апполоном» в С.-Петербург, а Лазарев на фрегате «Крейсер» направился за провизией в Калифорнию (см. рапорт М. П. Лазарева от 10(22) декабря 1823 г. из порта Сан-Франциско.— М. П. Лазарев. Указ. соч., т. I, стр. 250—253).

³³ К. В. Нессельроде — Ф. В. Тейлю, 13(25) июля 1822 г.— «АНР», Vol. XVIII, N 2, January 1913, p. 335—344. Подлинник инструкции, а также многочисленные сопроводительные документы см.: АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 22, л. 62 и далее.

опубликования указа от 4(16) сентября 1821 г. Вы добавите, что мы уже сделали такое же предложение британскому правительству и что мы имеем все основания полагать, что оно будет принято»³⁴.

Уже в июле 1822 г. Д. А. Гурьев сообщил в общих чертах о принятых решениях руководству Российско-американской компании. Одновременно он дал главному правлению указание подготовить «изложение мер, коих мы могли требовать от правительства Американских Соединенных Штатов» с тем, чтобы не было «более нужды запрещать плавание иностранных судов до расстояния, определенного правилами 4-го сентября 1821 г.» В соответствии с пожеланием К. В. Нессельроде министр финансов поручил правлению представить «ясное показание тех мест, в которых Российско-американская компания доселе пользовалась правом звериного и рыбного промысла и торговли», а также «означения градуса», который мог бы служить «последней границей наших владений, не подав повода к представлениям и доказательствам, какие ныне последовали»³⁵.

Встречаясь с И. А. Каподистрией, К. В. Нессельроде, М. М. Сперанским и другими русскими государственными деятелями, американский посланник в С.-Петербурге был прекрасно информирован о фактическом отказе царского правительства от проведения в жизнь указа 1821 г. и о стремлении России урегулировать разногласия на Северо-Западе Америки на приемлемой для всех сторон

³⁴ К. В. Нессельроде — Ф. В. Тейлю, 2(14) декабря 1822 г. — «АНР», Vol. XVIII, N 3, April 1913, p. 541.

³⁵ Д. А. Гурьев и Я. А. Дружинин — главному правлению РАК, 18(30) июля 1822 г. — NA, RRAC, г. 3, p. 183—188 (в англ. переводе см.: РАВТ, Vol. II, p. 40—41). В соответствии с этим распоряжением правление подготовило записку «О правах россиян на владение пространством Северо-Западной Америки, отданным в ведомство Российско-американской компании», в которой давалось подробное описание русских владений, а также вновь упоминалось сообщение о поселениях на 48-й и 49-й параллелях. Сама компания, однако, не выдвигала новых территориальных притязаний, а представляла определение южной границы русских владений на усмотрение правительства. Кроме того, правление представило записку «О средствах оказать иностранцам послабление в плавании близ колоний Российско-американской компании», а также опровержение существования английских контор на северо-западном берегу Американского континента (NA, RRAC, г. 3, p. 188—202, 202—210, 210—211).

основе. «С некоторых пор я начал замечать,— писал Г. Миддлтон Дж. К. Адамсу в августе 1822 г.,— что на условиях указа не будут настаивать. По-видимому, он был подписан императором без достаточного изучения и справедливо может рассматриваться как полученный обманым путем. Едва ли можно сомневаться поэтому, что при небольшом терпении и умении он примет менее нежелательную форму». Когда 24 июля (5 августа) 1822 г. Миддлтон сообщал Каподистрии о своем намерении просить официальной встречи с Нессельроде, чтобы в соответствии с полученными из Вашингтона инструкциями представить вербальную ноту протеста против указа 1821 г., ему был дан совет воздержаться от этого. Каподистрия откровенно сообщил посланнику, что русское правительство не намерено строго придерживаться положений указа. Император уже убедился в том, что «в этом деле не следует заходить слишком далеко». Военным судам даны распоряжения ограничиться предотвращением контрабандной торговли в пределах, признаваемых другими державами, и взяв за основу существующие поселения³⁶.

Еще в 1927 г. проф. Д. Перкинс справедливо обратил внимание, что провозглашение Дж. К. Адамсом «принципа неколонизации» было связано в первую очередь не с территориальными, а с торговыми интересами. «Именно потому что колониальная система исключала торговлю, государственный секретарь объявил о ее изгнании с американских континентов». Вместе с тем Перкинс признавал, что ему не удалось «проследить какой-либо прямой связи между купцами Новой Англии и позицией Адамса»³⁷. В настоящее время на основании

³⁶ См.: Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 8(20) августа 1822 г., а также: Note Verbale, 24 Juillet 1822 (Prepared but not delivered), Г. Миддлтон — К. В. Нессельроде, 27 июля (8 августа) и К. В. Нессельроде — Г. Миддлтону, 1(13) августа 1822 г.— PABT, Vol. II, p. 42—45 etc.; NA, DD, Russia, Vol. IX. О фактическом отказе царского правительства от проведения в жизнь указа 4(16) сентября 1821 г. было известно и Англии. В беседе с герцогом Веллингтоном 10 сентября 1822 г. Ливен сообщил, что император не намерен проводить в жизнь условия указа в их широком смысле и что русским судам дано предписание крейсировать на возможно близком расстоянии от берега (см.: Меморандум герцога Веллингтона от 11 сентября 1822 г.— PABT, Vol. II, p. 108—109).

³⁷ D. Perkins. The Monroe Doctrine, 1823—1826, p. 17, 19, note 39.

изучения бумаг Дж. К. Адамса в Массачусетском историческом обществе в Бостоне, переписки Дж. Монро в Нью-йоркской публичной библиотеке и материалов Национального архива в Вашингтоне можно с полным основанием сказать, что прямая связь между государственным секретарем Адамсом и торговыми кругами Новой Англии в данном вопросе установлена документально.

Осенью 1822 г. в известном бостонском журнале «Норт Америкэн ревю» была опубликована обширная статья «Изучение русских притязаний в отношении северо-западного побережья Америки», в которой подробно оспаривались аргументы Полетики в защиту указа 1821 г. и подчеркивалась важность торговли американских граждан на Тихоокеанском Севере³⁸. «Несмотря на дружественные отношения, существующие между Соединенными Штатами и Россией,— указывалось в статье,— мы рассматривали бы как серьезную опасность наличие на нашей западной границе грозного населения, подданных честолюбивого и деспотического правительства; и все почтение, которое мы испытываем к великому лидеру Священного союза, не возбуждает в нас желания быть свидетелями более близкого проявления его величия и силы»³⁹.

Автором статьи, как установил С. Ф. Бимис, был все тот же Уильям Стургис, наживший большое состояние на меховой торговле и прекрасно знавший по своим плаваниям Северо-Запад Америки⁴⁰. Примечательно, что еще до выхода в свет упомянутой статьи У. Стургис поспешил переслать ее текст Дж. К. Адамсу, поскольку

³⁸ «Examination of the Russian Claims on the North West Coast of America». — «North American Review», October 1822, N 37, p. 370—401. Сразу же после своего появления статья привлекла специальное внимание русских представителей в США и они поспешили переправить ее текст в С.-Петербург. Русский генеральный консул в Филадельфии Ф. Ф. Иванов справедливо считал, что аргументы, приводимые в журнале, могут быть использованы американской дипломатией в переговорах с Россией (Ф. Ф. Иванов — К. В. Нессельроде, 2(14) октября 1822 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 9246, лл. 3—4, а также д. 12206, лл. 2—18).

³⁹ «North American Review», October 1822, N 37, p. 393.

⁴⁰ S. E. Morison. The Maritime History of Massachusetts. 1783—1860. Boston, 1961, p. 68—70; S. F. Bemis. Op. cit., p. 510—511.

ку полагал, что приводимые в ней сведения могут быть полезны для американского правительства⁴¹.

Позднее, в мае 1823 г. Стургис обратил на эту статью внимание сенатора Джеймса Ллойда (Массачусетс), который также принимал деятельное участие в обосновании прав Соединенных Штатов на Северо-Западе Америки. Отсылая Дж. Ллойда к статье в «Норт Америкэн ревью», У. Стургис писал, что сенатор найдет в ней «его мнение о ценности и значении северо-западной торговли». «Могу только добавить,— продолжал Стургис,— что с октября прошлого года к этому побережью и островам отправились четыре корабля и только один вернулся; 17 судов остаются в настоящее время в плавании. Все суда, занятые в северо-западной торговле, большую часть времени находятся севернее 50-й параллели; наиболее ценные меха (шкурки морских бобров) редко встречаются южнее 51°... Монополия на всю торговлю к югу от 50° не заставит меня послать за сезон ни одного корабля... Обычная стоимость груза для такого путешествия составляет около 30 000 долл., стоимость корабля и снаряжение дают еще 20 000, а товары, предназначенные для этой торговли, малопригодны в других целях; я предвижу, что суда, отсутствующие в настоящее время, будут лишены русским указом права продолжать свое путешествие, в результате чего последует общий и разорительный убыток»⁴².

Несколько дней спустя, 16 мая 1823 г., сенатор Ллойд направил пространное (на 29 страницах!) письмо президенту Монро с подробным обоснованием значения торговых интересов США на северо-западе побережья Америки и с приложением письма У. Стургиса. «Все эти факты,— делал вывод сенатор Ллойд,— показывают настоятельную необходимость дать отпор необоснованным претензиям России в отношении ее юрисдикции на море,— доступ к ее берегам в пределах признаваемой за ней территории, без сомнения, имел бы для нас огромное значение»⁴³.

⁴¹ У. Стургис — Дж. К. Адамсу, 14 сентября 1822 г.— NA, RG 76, Russian Claims — Miscellaneous, Env. 1, Folder 3.

⁴² У. Стургис — Дж. Ллойду, 13 мая 1823 г.— NYPL, The Monroe Papers.

⁴³ Дж. Ллойд — Дж. Монро, 16 мая 1823 г.— Ibidem.

Полученные от Ллойда материалы, как относящиеся к делам государственного департамента, президент незамедлительно переслал Дж. К. Адамсу. В распоряжении государственного секретаря оказался в это время и ряд других документов, связанных с конфликтом на Северо-Западе. В апреле 1823 г. Брайант и Стургис обратились с официальной жалобой по поводу инцидента с бригом «Перл» (Pearl), которому правитель русских поселений в Америке и командир военного корабля «Аполлон» приказали покинуть район северо-западного побережья к северу от 51-й параллели. «Мы знаем,— писали далее Брайант и Стургис,— что русские власти на северо-западном побережье приняли меры для того, чтобы отогнать от этого побережья другие американские суда, и со дня на день ожидаем сообщения от них с Сандвичевых островов, куда они должны пристать. Вложив более 200 тыс. долл. в северо-западную торговлю, мы крайне заинтересованы в результате и не можем не надеяться, что правительство предпримет такие меры, которые обеспечат нам вознаграждение за огромные потери, которые нам угрожают»⁴⁴.

Систематическим нападкам сентябрьский указ подвергался также на страницах американской печати и в стенах конгресса. Рассматривая континент Северной Америки чуть ли не в качестве своего «естественного владения», наиболее ярые защитники американских прав на Северо-Западе не скупались на угрозы. Выступая в палате представителей 24 января 1823 г., Френсис Бейлис (Массачусетс) решительно заявил: «У того самого берега, на который он (Александр I.—Н. Б.) претендует, он встретит наши военные суда». В той же речи оратор подробно обосновал необходимость оккупации северо-западного побережья Америки. «Джентльмены толкуют о естественных границах. Сэр, наша естественная граница — это Тихий океан. Расширяющаяся волна нашего населения должна и будет катиться до тех пор, пока воды этого великого океана не ограничат нашу территориальную империю. Тогда, когда два океана бу-

⁴⁴ Брайант и Стургис — Дж. К. Адамсу, 21 апреля 1823 г. с приложением протеста от 24 ноября 1822 г., заверенного американским агентом на Сандвичевых островах Дж. Джонсом. — NA, RG 76. Russian Claims — Miscellaneous, Env. 1, Folder 3.

дут омывать наши берега, торговое благосостояние мира будет наше и воображение с трудом может оценить силу, величие и власть, которые ожидают нас»⁴⁵.

В лице государственного секретаря, бывшего, кстати говоря, также представителем Массачусетса, купцы и судовладельцы Новой Англии нашли последовательного защитника своих интересов. Разделяя общий дух и чувства своих корреспондентов, а также конгрессменов, инициаторов проекта оккупации бассейна реки Колумбия, Дж. К. Адамс считал возможным открыто заявить о своих взглядах по этим вопросам в целом ряде официальных и частных документов.

Одним из таких документов было письмо государственного секретаря сенатору Ллойдю от 15 июля 1823 г. «Президент Соединенных Штатов просил меня выразить Вам свою благодарную признательность за Ваше письмо от 16 мая и приложения, относящиеся к торговым интересам нашей страны в Тихом океане и на северо-западном побережье Америки», — писал Дж. К. Адамс и обосновывал далее права США на весь бассейн реки Колумбия. «В соответствии с нашими самыми последними картами, воды Колумбии простираются к югу до 41-й или 42-й параллели и к северу по крайней мере до 50-й или 51-й. Обладание устьем реки дает нам право на линию побережья примерно в этих пределах, а также на все внутренние воды вплоть до того, как они почти смыкают свои истоки с истоками Миссури, Платы и Арканзаса».

В заключении письма государственный секретарь в самой категорической форме выдвигал «принцип неколонизации»: «Я не думаю, что 100 итальянских миль закрытого моря будут непреодолимым препятствием в переговорах. Но какое право имеет Россия на любое колониальное владение на континенте Северной Америки? Имеет ли она что-нибудь, что мы должны признавать? И не настало ли время для американских стран передать государствам Европы, что американские континенты не должны быть впредь открытыми для учреждения новых европейских колоний»⁴⁶.

⁴⁵ Полный текст речи Ф. Бейлиса см.: *Annals of Congress*, 17th Congress, 2nd Session, p. 680—688.

⁴⁶ Дж. К. Адамс — Дж. Ллойдю, 15 июля 1823 г. — MHS, *The Adams Papers*, JQA. Letter-book 22, p. 240—242 (private).

Два дня спустя, 17 июля 1823 г., Дж. К. Адамс официально выдвинул этот принцип в своей, ставшей знаменитой беседе с русским посланником в Вашингтоне Ф. В. Тейлем. «Я специально сказал ему,— записал Адамс в дневнике,— что мы будем оспаривать право России на *любое* территориальное владение на нашем континенте и вполне определенно выдвигаем принцип, что американские континенты не могут впредь быть объектами для любых новых европейских колониальных владений»⁴⁷. Сообщая об этой беседе в С.-Петербург, царский дипломат отмечал: «Американское правительство воспользуется, вероятно, настоящим случаем, чтобы потребовать принятия общего принципа, в силу которого *иностранные государства окончательно и навсегда откажутся бы от учреждения новых колоний в обеих частях Америки*»⁴⁸.

Надо сказать, что при обсуждении содержания инструкций американскому посланнику в С.-Петербурге Г. Миддлтону на заседании кабинета в конце июня 1823 г. точка зрения Дж. К. Адамса, оспаривавшего права России на любое территориальное владение в Америке, не встретила поддержки. Было решено, что Соединенные Штаты признают русские владения к северу от 55-й параллели, а в обмен будут настаивать на праве свободной торговли⁴⁹. Именно в соответствии с этим решением и был подготовлен окончательный текст инструкции Миддлтону от 22 июля 1823 г.⁵⁰ С другой стороны, в инструкциях американскому посланнику в Лондоне Р. Рашу от того же числа «принцип неколонизации» не только был прямо упомянут, но получил наиболее развернутое обоснование. Показательно также, что, возражая против распространения владений европейских держав в Америке, Дж. К. Адамс считал экспансию самих Соединенных Штатов вполне естественной и законной. «Невозможно представить, чтобы в сложившихся в настоящее время в мире условиях какая-либо европейская страна одобрила бы проект учрежде-

⁴⁷ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VI, p. 163.

⁴⁸ Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 12(24) июля 1823 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12211, лл. 62—64.

⁴⁹ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VI, p. 158.

⁵⁰ Дж. К. Адамс — Г. Миддлтону, 22 июля 1823 г.— ASP, FR. Vol. V, p. 436—438.

ния колонии на северо-западном побережье Америки; то, что Соединенные Штаты создадут там поселения с целью приобретения абсолютного территориального права и развития внутренних коммуникаций, не только должно ожидаться, но и указано перстом природы и было в течение многих лет предметом серьезного обсуждения в конгрессе»⁵¹.

Ссылка государственного секретаря на предначертания «перста природы» звучит в дипломатических инструкциях несколько необычно. Впрочем, Адамс уже не в первый раз привлекал в качестве аргументов «законы природы», «предначертания судьбы», «намерения творца» и пр. Приходится только удивляться, что подобные «указания» свыше всегда оказывались в полном соответствии с его собственными стремлениями и интересами правящих кругов США.

Позднее, представляя президенту Монро записку о деятельности госдепартамента в связи с подготовкой годового послания конгрессу, Дж. К. Адамс писал: «По предложению русского императорского правительства, сделанного через русского посланника в Вашингтоне, посланнику Соединенных Штатов в С.-Петербурге переданы полномочия и инструкции для переговоров по урегулированию соответствующих прав и интересов двух стран на северо-западном побережье этого континента и примыкающих к нему морях. Аналогичное предложение было сделано е. и. в-ом правительству Великобритании, чей посол в России соответственно был снабжен полномочиями для урегулирования интересов Великобритании в этом же районе. Присоединяясь к этому дружественному образу действий, правительство Соединенных Штатов стремилось продемонстрировать огромное значение, которое оно неизменно придает дружбе е. и. в-ва, и свою неослабеваемую заботу сохранять и развивать самые гармоничные отношения с его правительством. В переговорах, явившихся результатом этой заинтересованности, и в соглашениях, которыми они могут закончиться, случай сочли подходящим для утверждения в качестве принципа, с которым равным образом связаны права и интересы народа Соединенных Штатов, что американские континенты ввиду свободного и независимого положе-

⁵¹ Дж. К. Адамс — Р. Рашу, 22 июля 1823 г.— Ibid., p. 446—448.

ния, которого они достигли и которое они сохранили, не должны впредь рассматриваться в качестве объектов для будущей колонизации любой европейской державой»⁵².

С самыми незначительными редакционными изменениями и сокращениями президент Дж. Монро включил этот абзац в качестве § 7 в текст годового послания конгрессу от 2 декабря 1823 г. «Принцип неколонизации» стал неотъемлемой частью знаменитой доктрины.

Помимо «принципа неколонизации», в состав доктрины Монро входят еще два важных абзаца президентского послания 1823 г. (§ 48 и 49), происхождение которых связано прежде всего с испано-американскими проблемами. Эта вторая часть доктрины получила окончательное оформление в результате обсуждения предложений британского министра иностранных дел Дж. Каннинга о совместных действиях США и Англии в испано-американском вопросе, а также конфиденциальных сообщений, полученных осенью 1823 г. от русского посланника в Вашингтоне Тейля.

Не вдаваясь в подробный анализ предыстории предложений Дж. Каннинга, отметим, что в исторической литературе обычно выделяли два основных момента. С одной стороны, с весны 1823 г. между Соединенными Штатами и Англией наметилось известное сближение, закрепленное в беседах Дж. К. Адамса с С. Каннингом в мае-июне 1823 г.⁵³ С другой — английское правительство уже с осени 1822 г. все более подозрительно относилось к возможности захвата американцами о-ва Куба и стремилось связать Соединенные Штаты взаимным обязательством не присоединять испанские колонии. Еще весной 1823 г. премьер-министр лорд Ливер-

⁵² NYPL, The Monroe Papers, Minute of Subjects with reference to the Department of State for the Consideration of Congress, [17] Novr 1823. Автограф Дж. К. Адамса. На оригинале имеется также карандашная надпись [Nov. 13].

⁵³ *D. Perkins*. The Monroe Doctrine, 1823—1826, p. 59 et seq.; *G. W. McGee*. The Monroe Doctrine — A Stopgap Measure.— «MVHR», Vol. XXXVIII, N 2, September 1952, p. 236 et seq.; *B. Perkins*. Op. cit., p. 313—316; см. также донесение С. Каннинга Дж. Каннингу, 3 и 8 мая, 6 июня 1823 г. и т. д.— PABT, Vol. II, p. 120; BILA, Vol. II, p. 495—496 etc. Британский посланник в Вашингтоне несколько переоценил стремление правительства Соединенных Штатов к соглашению с Англией, что, однако, выяснилось лишь позднее.

пуль заверил Р. Раша, что британское правительство не имеет намерения захватить Кубу, однако не потерпит какого-либо изменения суверенитета острова⁵⁴.

Анализируя мотивы предложений Дж. Каннинга, Д. Перкинс отмечал, что британский министр стремился, во-первых, ограничить действия Соединенных Штатов в отношении Кубы и, во-вторых, заручиться поддержкой американского правительства на случай возможной французской агрессии (второе Перкинс считал более важным)⁵⁵.

В подобном объяснении мотивов предложений Каннинга, как нам кажется, не учитывается одно важное обстоятельство — стремление английского министра вовлечь как Соединенные Штаты, так и новые государства Латинской Америки в систему британской политики. В случае успеха Великобритания превращалась бы в вершительницу судеб и в Европе, и в Америке.

Кроме важных политических причин, в этом вопросе необходимо учитывать и роль экономических факторов. Для растущей английской промышленности были нужны обширные рынки сбыта и источники сырья. В том, что новые государства Латинской Америки открывали в этом смысле самые заманчивые перспективы, никто, пожалуй, не сомневается. Часто забывают, однако, что еще большее значение имела торговля между Англией и Соединенными Штатами. Достаточно сказать, что в 1822 г. 95% ввозимых в США шерстяных и 89% хлопчатобумажных товаров были произведены промышленностью Великобритании. В целом же товары Великобритании и ее колоний составляли в 1822 г. 47%, а в 1823 г. — 42% американского импорта. В экспорте Англии это составляло примерно $\frac{1}{6}$ часть⁵⁶. Мы видим, таким образом, что для поисков сотрудничества с Соединенными Штатами у Дж. Каннинга имелись не только веские политические мотивы, но и солидное экономическое основание.

Наиболее обстоятельно предложения о совместных действиях Соединенных Штатов и Англии в испано-американской войне

⁵⁴ S. F. Bemis. Op. cit., p. 374.

⁵⁵ D. Perkins. The Monroe Doctrine, 1823—1826, p. 62.

⁵⁶ G. Dangerfield. The Era of Good Feelings. New York, 1952, p. 283; T. Pitkin. A Statistical View of the Commerce of the United States of America... New Haven, 1835, p. 183 etc.

риканском вопросе были изложены в конфиденциальном письме Дж. Каннинга Р. Рашу от 20 августа 1823 г. Британский министр выдвинул следующие принципы в отношении бывших испанских колоний, о согласии с которыми обеим странам предлагалось декларировать:

«1. Мы считаем восстановление испанского господства в колониях безнадежным. 2. Мы считаем, что их признание в качестве независимых государств является вопросом времени и обстоятельств. 3. Мы, однако, ни в какой мере не намерены ставить какие-либо препятствия на пути мирного урегулирования между колониями и метрополией путем дружественных переговоров. 4. Мы не стремимся к приобретению какой-либо части колоний. 5. Мы не можем относиться с безразличием к переходу какой-либо части колоний в руки другой державы»⁵⁷.

В последовавших затем переговорах Р. Раш, прощупывая позицию английского правительства, намекнул на возможность соглашения в случае предварительного признания Англией новых государств. По его мнению, это поставило бы Соединенные Штаты и Англию в одинаковое положение и сблизило их позицию в отношении Испанской Америки⁵⁸. В то время, однако, Дж. Кан-

⁵⁷ Текст предложений Дж. Каннинга от 20 августа 1823 г. см.: DCUS, Vol. III, p. 1478. Получив эти предложения 22 августа 1823 г., Р. Раш уже на следующий день отправил соответствующее донесение в Вашингтон (DCUS, Vol. III, p. 1479—1480; *R. Rush. Memoranda of a Residence at the Court of London*. Philadelphia, 1845, p. 412, 415—417). Выдвигая в августе 1823 г. предложения о совместных действиях с США, Дж. Каннинг действовал не только через Р. Раша. Предметом необычного внимания и любезности всемогущего министра неожиданно сделался также Христофор Юз (Christopher Hughes), назначенный американским поверенным в делах в Стокгольм. Юз был давним другом государственного секретаря и регулярно переписывался с ним по поводу европейских дел. В августе молодой дипломат как раз прибыл в Ливерпуль по дороге в Лондон и С.-Петербург, куда он должен был доставить инструкции Дж. К. Адамса для урегулирования конфликта на Северо-Западе Америки. Поднимая тост на банкете в честь американского дипломата, Дж. Каннинг многозначительно заметил, что «кровная связь вновь торжествует» — «мать и дочь» выступают вместе против остального мира (см. частные письма Х. Юза Дж. К. Адамсу, 27 августа 1823 г. и 19 февраля 1824 г.—MHS, The Adams Papers; *S. F. Bemis. Op. cit.*, p. 378—379).

⁵⁸ В донесении Дж. К. Адамсу Раш писал, что если эти действия ошибочны, то правительство может его дезавуировать (Р. Раш — Дж. К. Адамсу, 28 августа 1823 г.—DCUS, Vol. III, p. 1483).

нинг еще не был склонен идти на немедленное признание новых государств. Британский министр медлил, учитывая возможность осложнений с европейскими державами, сопротивление короля и консервативных кругов внутри торийской партии, а главное, не желая связывать себе руки в отношении Южной Америки. Он рассчитывал при этом и на утверждение в ряде государств Испанской Америки монархической формы правления.

Новую попытку склонить Соединенные Штаты к принятию его предложений Дж. Каннинг предпринял 18 сентября. В беседе с Рашем английский министр отметил, что «великие политические и торговые интересы, связанные с судьбами нового континента», не должны обсуждаться и урегулироваться без соглашения между Соединенными Штатами и Англией как двумя главными торговыми и морскими государствами обоих миров⁵⁹. 26 сентября 1823 г. Дж. Каннинг вновь осведомился у Раша относительно новых инструкций из Вашингтона и, получив отрицательный ответ, поставил вопрос о том, станет ли возможным англо-американское сотрудничество, если Великобритания обещает признать новые государства в будущем. Сообщая об этой беседе в Вашингтон, Раш отметил: «Хотя Каннинг, естественно, преследовал в своих предложениях выгоды для Англии, все же они в то же время были благоприятны для независимости Испанской Америки и шли рука об руку с нашей политикой...»⁶⁰

Предварительное обсуждение донесений Раша между Монро и Адамсом в присутствии военного министра Кэлхауна и генерального прокурора У. Вирта состоялось 11 октября 1823 г.⁶¹ На следующий день президент

⁵⁹ *R. Rush. Memoranda*, p. 431.

⁶⁰ *Ibid.*, p. 445. В последних беседах с Рашем Дж. Каннинг стремился уже несколько замаскировать значение своих первоначальных предложений и подчеркивал их совершенно конфиденциальный характер. К этому времени американский посланник начал сомневаться в целесообразности совместной декларации даже в случае предварительного признания Англией независимости новых государств. Он не без основания отмечал, что Дж. Каннинг стремился не к защите свободы стран Испанской Америки, а к сдерживанию Франции (Р. Раш — Дж. К. Адамсу, 10 октября 1823 г. см.: *W. S. Ford. Some Original Documents on the Genesis of the Monroe Doctrine.*— PMHS, 2nd Ser., Vol. XV, 1902, p. 425).

⁶¹ Неоценимое значение для исследования хода обсуждения предложений Дж. Каннинга и подготовки провозглашения доктрины

Монро уехал к себе домой в Лаудон Кантри (Виргиния) и вернулся в Вашингтон только в ноябре. В течение этого времени Монро не переставал обдумывать создавшееся положение и, в частности, ответ, который предстояло дать на предложения Дж. Каннинга.

Президент полагал, что предложения английского правительства следует принять и заявить, что Соединенные Штаты будут рассматривать вмешательство Европы и особенно прямое нападение на колонии как нападение на них самих. Вместе с тем Монро учитывал широту и трудность вопроса. Принятие предложений Дж. Каннинга означало коренное изменение англо-американских отношений и участие Соединенных Штатов в системе европейской политики. Эти обстоятельства, естественно, беспокоили Монро и заставили его посоветоваться с двумя своими предшественниками — Т. Джефферсоном и Дж. Мэдисоном⁶².

В ответе на обращение Монро Джефферсон указывал: «Наша первая и основная задача — никогда не вмешиваться в европейские конфликты. Наша вторая задача — никогда не допускать вмешательства Европы в заокеанские дела. Америка, Северная и Южная, имеет свой круг интересов, отличный от европейских. Америка должна иметь свою собственную систему, независимую и отдельную от европейской».

Монро имеет дневник Дж. К. Адамса, полная рукопись которого хранится в Массачусетском историческом обществе. Основная часть дневника была опубликована Ч. Ф. Адамсом еще в 1874—1877 г., и архивный оригинал позволяет уточнить лишь некоторые второстепенные детали (MHS, The Adams Papers, JQA. Diary, 1 January, 1823 — 14 June, 1824, г. 37; см. также: Diary, 25 January, 1823 — July 1826, г. 38; Diary and miscellaneous entries, 19 August, 1823 — 31 December, 1826, г. 51). Ценные материалы содержит также переписка государственного секретаря (в частности: Letters Received and Other Loose Papers, Sept.—Dec. 1823, г. 463), хотя наиболее важные документы вошли в публикацию В. Форда (1902).

⁶² См., в частности: Дж. Монро — Т. Джефферсону, 17 октября 1823 г. — *J. Monroe. Writings*, Vol. VI, p. 391—393. Переписка Монро — Джефферсона — Мэдисона в связи с предложениями Дж. Каннинга в настоящее время общеизвестна. В сентябре 1898 г. она была опубликована английским исследователем Т. А. Куком в журнале «The Fortnightly Review», а затем включена в публикацию бумаг Дж. Монро (*J. Monroe. Writings*, Vol. VI, p. 323—325, 391—396). В дальнейшем эта переписка вошла в самые различные документальные публикации и цитируется почти во всех серьезных работах по истории доктрины Монро.

Высказываясь в целом за принятие предложений Каннинга, Джефферсон одновременно выступал решительным пропагандистом теории американской системы. Его аргументация сводилась при этом к следующему: Великобритания — страна, которая может причинить Соединенным Штатам больше вреда, чем любая другая держава. Именно поэтому так важно развивать с ней отношения сердечной дружбы. Эту дружбу он не считал, однако, возможным покупать ценой участия в английских войнах. Но война, к которой может привести принятие предложений Каннинга, Джефферсон считал войной не в английских, а в американских интересах. «Ее цель — ввести и учредить американскую систему, заключающуюся в том, чтобы не допускать любую иностранную державу на нашу землю, никогда не разрешать странам Европы вмешиваться в дело наших наций. Это является поддержкой нашего принципа, а не отходом от него»⁶³.

Особый интерес представляют и соображения Джефферсона, относящиеся к вопросу о присоединении Кубы или какой-либо другой испанской провинции к Соединенным Штатам: «...Мы должны прежде спросить, желаем ли мы присоединить к нашей конфедерации одну или несколько испанских провинций. Я откровенно признаюсь, что всегда смотрел на Кубу как на наиболее интересное дополнение, которое мы можем сделать к системе наших штатов». Вместе с тем Джефферсон указывал, что он готов пожертвовать немедленным выполнением своего желания в обмен на мир и дружбу Англии⁶⁴.

Принять предложения Дж. Каннинга рекомендовал и Дж. Мэдисон, считавший, что, сотрудничая с Англией, Соединенным Штатам нечего опасаться остальной Европы. Гарантией тому служили объединенные силы Соединенных Штатов и Англии⁶⁵. Советам двух экс-президентов не суждено было осуществиться.

Вскоре после прибытия донесений от Р. Раша (9 октября 1823 г.) на рассмотрение американского пра-

⁶³ Т. Джефферсон — Дж. Монро, 24 октября 1823 г. — *Th. Jefferson. Writings*, 20 Vols. Washington, 1905, Vol. XV, p. 477—478.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 479.

⁶⁵ Дж. Мэдисон — Дж. Монро, 30 октября 1823 г. — *J. Monroe. Writings*, Vol. VI, p. 394—395.

вительства был представлен еще один дипломатический документ. Речь идет о ноте русского посланника в Вашингтоне Ф. В. Тейля от 4(16) октября 1823 г., которая была послана в связи с известием о назначении генерала д'Евреза (d'Evreux) представителем Колумбии в С.-Петербурге. В официальном письме Тейлю в июне 1823 г. К. В. Нессельроде указывал, что Россия не может принять ни генерала д'Евреза, ни любого другого представителя Колумбии или какого-нибудь иного правительства Южной Америки⁶⁶. Об отказе Александра I принять в качестве представителя республиканского правительства Колумбии генерала д'Евреза было сообщено и русским дипломатам в Европе, в частности К. О. Поццо-ди-Борго. Русскому послу в Париже давалось указание решительно отклонять любую просьбу какого-либо агента новых правительств о получении паспорта для проезда в Россию⁶⁷.

Не имея серьезных интересов в Южной Америке, царское правительство могло позволить себе быть «принципиальным» и не торопиться с признанием новых государств. Таким путем оно не только демонстрировало приверженность правам законного монарха, но и рассчитывало укрепить свое влияние в Мадриде и других столицах континентальной Европы.

В соответствии с информацией, полученной из С.-Петербурга, Тейль решил обратиться к Адамсу с официальным письмом. В этом документе отмечалось, что, узнав о назначении д'Евреза, император, «верный политическим принципам, которым он следует вместе со своими союзниками (*de concert avec ses alliés*), ни в коем случае не может принять любого агента как от Колумбии, так и от какого-нибудь другого правительства де-факто, обязанного своим существованием событиям, ареной которых в течение нескольких лет стал Новый Свет»⁶⁸.

⁶⁶ К. В. Нессельроде — Ф. В. Тейлю, 14 (26) июня 1823 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12210, л. 3.

⁶⁷ К. В. Нессельроде — К. О. Поццо-ди-Борго, 26 июля (7 августа) 1823 г. — Там же, д. 9124, л. 422.

⁶⁸ Ф. В. Тейль — Дж. К. Адамсу, 4 (16) октября 1823 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12207, л. 397 (англ. пер. см.: DCUS, Vol. III, N 1019, p. 1868). Когда 12 декабря 1823 г. генерал д'Еврез прибыл в Филадельфию, то в местной газете появилось сообщение, что он уполно-

Надо сказать, что эту ноту Тейль направил государственному секретарю по собственной инициативе, поскольку считал, что официальное сообщение будет наиболее эффективным средством поставить Соединенные Штаты в известность о решении, принятом царским правительством.

С другой стороны, в устной форме посланник сообщал, что в инструкциях от 13(25) июля и 2(14) декабря 1822 г. император выразил удовлетворение тем, что, признавая независимость южноамериканских государств, Соединенные Штаты заявили, что у них нет намерения отходить от нейтралитета, который они до сих пор соблюдали в борьбе между Испанией и ее колониями. «Желание и надежда» Александра I состоят в том, чтобы Соединенные Штаты сохраняли этот нейтралитет и в будущем. В свою очередь Адамс заметил, что США заявили о своем нейтралитете, учитывая соблюдения подобного нейтралитета и европейскими державами. До тех пор пока такое положение будет сохраняться, Соединенные Штаты свою политику не изменят. Но если одна или несколько европейских держав отойдут от системы нейтралитета, то это изменение обстоятельств станет по необходимости предметом дальнейшего рассмотрения американского правительства, последствия чего Дж. К. Адамс не считал возможным предсказывать⁶⁹.

Беседа Ф. В. Тейля с Дж. К. Адамсом и нота царского посланника от 4(16) октября 1823 г. иногда рассматриваются историками чуть ли не свидетельством интервенционистских планов России в Западном полушарии. Даже столь авторитетный и реалистически

мочен представлять правительство Колумбии в Лондоне. Газета отмечала также, что генерал отказался представлять Колумбию при русском дворе, поскольку республиканское правительство его страны не было бы признано императором Александром (см.: Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 9(21) декабря 1823 г., № 66.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12213, лл. 72—73).

⁶⁹ Здесь и далее нами используется отчет Дж. К. Адамса о беседах с Ф. В. Тейлем с 16 октября по 27 ноября 1823 г. (Memorandum on conversations with Baron Tuyl, 25—27 November 1823.— MHS, The Adams Papers, CVIII, p. 113—113b. Оpubл. без последней страницы в PMHS, 2nd Ser., Vol. XV, 1902, p. 394—399. Аналогичную копию см.: NA, DI, Special Missions, Memorandum of Inter., 16 Oct. 1823, I, p. 1—9).

мыслящий ученый, как Д. Перкинс, уподобил эту ноту «вспышке молнии на чистом небе»⁷⁰. Между тем ни в официальной ноте, ни в беседе русского посланника с Дж. К. Адамсом 4 (16) октября 1823 г. не содержалось ничего сенсационного. Верность царского правительства доктрине легитимизма была общеизвестна, и отказ Александра I принять дипломатического представителя новых республик Испанской Америки вряд ли мог поэтому вызвать особое беспокойство. Как по своему характеру, так и по форме сообщение Тейля не выходило за рамки обычной дипломатической информации.

Показательно, что прежде чем отправлять в С.-Петербург отчет о встрече с Дж. К. Адамсом, Тейль вновь явился к государственному секретарю и познакомил его с проектом своего донесения Нессельроде. Хотя в целом отчет был вполне точным, Адамс обратил внимание на то, что посланник слишком концентрированно изложил заключительные замечания и тем самым придал им «некоторый оттенок сухости» (a tone of dryness in the manner), а это не входило в намерения американца. «Отношения между Соединенными Штатами и Россией всегда носили самый дружественный характер», — отметил Адамс и заверил далее, что президент искренне желает, чтобы они оставались такими и в будущем. Государственный секретарь опасался, что из-за слишком краткого и сухого изложения беседы могут быть сделаны неблагоприятные для США выводы. Царский посланник сразу же согласился с этими доводами и в тот же день представил новый вариант донесения, который в полной мере учитывал замечания Дж. К. Адамса. Посланник с «удоволетворением» писал, что государственный секретарь усматривал в сообщениях, которые ему были представлены, новое доказательство умеренности политики России и «свидетельство еще большего постоянного дружественного расположения е. и. в-ва к правительству Соединенных Штатов»⁷¹.

Ознакомив Дж. К. Адамса с измененным вариантом своего донесения К. В. Нессельроде, русский посланник одновременно поднял вопрос о возможности опубликова-

⁷⁰ D. Perkins. The Monroe Doctrine, 1823—1826, p. 70.

⁷¹ Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 15 (27) октября 1823 г. — РМНС, 2nd Ser., Vol. XV, 1902, p. 400—401. Подлинник см.: АВПР, ф. Канцелярия, д. 12209, лл. 394—396.

ния содержания ноты от 4(16) октября 1823 г. в форме редакционной заметки в «Нэшнл интеллидженсер». По мнению Адамса, такое сообщение привлекло бы к себе лишнее внимание и вызвало бы в конгрессе запрос об ответе американского правительства. Хотя принципиальных возражений против публикации соответствующих материалов у Адамса не было, он считал целесообразным просто присоединить их к президентскому посланию конгрессу ⁷².

Ко времени возвращения Дж. Монро в Вашингтон 4 ноября 1823 г. правительству предстояло, таким образом, решить несколько взаимосвязанных проблем. Необходимо было детально обсудить важные предложения Дж. Каннинга о совместных действиях, подготовить ответ на сообщение Ф. В. Тейля и окончательно решить вопросы, связанные с урегулированием конфликта на Северо-Западе Америки. Соответственно должны были быть составлены и новые инструкции американским представителям в Европе и Испанской Америке.

По мысли государственного секретаря Адамса, решение всех этих вопросов должно было составить единую *«комбинированную систему политики»*. Впервые эта идея была высказана Дж. К. Адамсом после заседания американского кабинета 7 ноября 1823 г. и сразу же одобрена президентом Дж. Монро. «Я остался с президентом,— записал Адамс в своем дневнике,— и заметил ему, что ответ, который следует дать барону Тейлю, инструкции м-ру Рашу относительно предложений м-ра Каннинга, инструкции м-ру Миддлтону в Санкт-Петербург и инструкции посланнику, который должен быть послан во Францию,— все это должно составлять части комбинированной системы политики, согласованной друг с другом, с чем он полностью согласился. Я добавил, что барон Тейль сделал одну часть своих сообщений письменно, а другую — устно; если бы я ответил на все в одной письменной ноте, это могло бы поставить его лично в затруднительное положение» ⁷³.

Исторические заседания американского правительства в ноябре 1823 г. уже неоднократно служили предме-

⁷² Изложение беседы Дж. К. Адамса с Ф. В. Тейлем 24 октября 1823 г. см.: PMHS, 2nd Ser., Vol. XV, 1902, p. 396—397.

⁷³ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VI, p. 179.

том тщательного анализа, и здесь нет необходимости воспроизводить ход дискуссии во всех деталях. Напомним, что во время обсуждения выявились две противоположные точки зрения. Точка зрения большинства, отстаивавшаяся военным министром Кэлхауном и разделявшаяся в основном президентом Монро, исходила из возможности европейской интервенции в Южную Америку и предусматривала принятие предложений Каннинга. Другая точка зрения последовательно защищалась влиятельным и прекрасно осведомленным о действительном положении вещей государственным секретарем Адамсом, который обстоятельно вскрыл смысл и цели предложений Дж. Каннинга.

Если Кэлхаун считал выгодным связать Англию совместной декларацией, включавшей обязательство не захватывать испанские владения в Америке, так как она обладает большей силой для захвата Кубы и Техаса, то Адамс категорически возражал: «Цель Каннинга, по-видимому, состоит в том, чтобы получить какие-то публичные обязательства от правительства США, кажущиеся направленными против насильственного вмешательства Священного союза в борьбу Испании и Южной Америки, а в действительности или особенно против присоединения самими Соединенными Штатами испаноамериканских владений»⁷⁴. Американское правительство не желало отказаться от перспективы расширения территории страны за счет испанских владений в Америке (прежде всего Кубы и Техаса), и Дж. К. Адамс считал, что Соединенным Штатам следует по крайней мере «сохранить свободу действий в случае возникновения критических обстоятельств и не связывать себя любым принципом, который мог бы в ближайшем будущем быть употреблен против них самих»⁷⁵.

Большое значение для понимания существа американской политики имеет то обстоятельство, что о принципах, разделяемых Соединенными Штатами, было заявлено не совместно с Англией (а следовательно, и в зависимости от нее), а самостоятельно. По мнению Адамса, сообщение, полученное от Тейля, предоставляло США подходящий и удобный случай для того, чтобы занять

⁷⁴ *J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VI, p. 177.*

⁷⁵ *Ibidem.*

принципиальную позицию в отношении Священного союза и одновременно отвергнуть предложение Великобритании. Уже на первом заседании кабинета 7 ноября 1823 г. государственный секретарь предложил *самостоятельно* заявить России и Франции о принципах, разделяемых Соединенными Штатами, а не «выступать в роли судовой шлюпки в кильватере британского военного корабля»⁷⁶.

Эта мысль вызвала всеобщее одобрение. Хотя президент Монро и высказывался за принятие английских предложений, он был, разумеется, решительным противником того, чтобы США оказались в подчиненном и зависимом положении.

На следующем заседании кабинета, состоявшемся 15 ноября 1823 г., возникла острая дискуссия по вопросу о реальности угрозы интервенции Священного союза против независимости Латинской Америки. В начале дискуссии как президент Дж. Монро, так и особенно военный министр Дж. Кэлхаун высказывали серьезные опасения, что после падения Кадиса Священный союз направит экспедицию для подавления Мексики и Южной Америки. С другой стороны, Дж. К. Адамс был хорошо информирован о международном положении и верил в возможность восстановления испанского господства на Американском континенте не больше, чем тому, что Чимборазо провалится в океан⁷⁷.

Еще до начала заседаний кабинета в беседе с английским поверенным в делах в Вашингтоне Г. Аддингтоном Дж. К. Адамс буквально высмеял саму идею о реальном вмешательстве Священного союза и, в частности, России. Адамс полагал, что ничто не может быть более абсурдным, чем предположение, будто испано-американские провинции могут быть вновь подчинены метрополии, в связи с чем сделал весьма характерное саркастическое замечание по поводу «ребяческих капризов» Бурбонов, не имевших никакой серьезной опоры в новых государствах. Передавая содержание беседы с Дж. К. Адамсом, Г. Аддингтон писал Дж. Каннингу 3 ноября 1823 г.: «Даже простую декларацию европейских монархов он (Дж. К. Адамс.— Н. Б.) расценивал

⁷⁶ Ibid., p. 174.

⁷⁷ Ibid., p. 185—186.

как мертвую букву (a dead letter), а что касается активного и реального вмешательства, то сама эта идея слишком абсурдна, чтобы ее могли одобрить даже на мгновение»⁷⁸.

В ходе подготовки «комбинированной системы политики» осенью 1823 г. ведущая роль, как правило, принадлежала государственному секретарю Адамсу. Вместе с тем в одном важном, хотя в известном смысле формальном вопросе приоритет Дж. Монро не вызывает особых сомнений. Речь идет о годовом послании президента конгрессу. Государственный секретарь предполагал, как известно, развить «комбинированную систему политики» в форме соответствующих инструкций и дипломатических нот. Решение же о включении соответствующих идей в годовое послание о положении в стране принадлежит самому Дж. Монро.

Первоначальный набросок послания президент представил членам кабинета 21 ноября. Проект Монро открывался ссылкой на близкие и грозные опасности, которые стоят перед страной. По словам президента, они требуют могучей энергии и самого тесного единства. Затем президент с некоторыми изменениями повторял проект, который за неделю до этого составил Дж. К. Адамс, по вопросам, относящимся к государственному департаменту. С самыми незначительными редакционными поправками Монро включил в проект послания «принцип неколонизации», выдвинутый Адамсом летом 1823 г. в связи с конфликтом на Северо-Западе Америки, коснулся конфликтов о разграничении с Великобританией, вопроса о работоторговле, предполагаемой отмены частной морской войны, назначения новых посланников в Буэнос-Айрес и Сантьяго. Затем, уже по собственной инициативе, Монро затронул события в Испании и Греции⁷⁹.

Ряд коренных вопросов внешней политики, затронутых в проекте Монро, вызвал возражение государственного секретаря. Тон введения, по его мнению, вызовет в

⁷⁸ The Suppressed Dispatch of H. U. Addington. Washington, Nov. 3, 1823.— «НАНР», November 1957, Vol. XXXVII, N 4, p. 485.

⁷⁹ Проект и заметки Дж. Монро по поводу упоминавшегося наброска Дж. К. Адамса (Minute of Subjects with reference to the Department of State for the Consideration of Congress) см.: NYPL, The Monroe Papers, а также: S. F. Bemis. Op. cit., p. 388.

стране удивление и беспокойство. Что же касается части послания, где заявлялся протест против французской интервенции в Испании и предлагалось признать независимость Греции, то Дж. К. Адамс вспоминал пример агитации Г. Клея в конгрессе относительно независимости южноамериканских стран в целях завоевания популярности.

На заседании кабинета Дж. К. Адамс прямо заявил, что в той форме, в которой написан проект, послание будет «призывом к оружию» против всей Европы и в целях политики, исключительно касающейся Европы (Греция и Испания). «В течение более тридцати лет Европа пребывала в конвульсиях; почти каждая страна, входящая в ее состав, либо сама вторгалась, либо подвергалась вторжению. Империи, королевства, княжества низвергались, становились объектом революции и контрреволюции, а мы наблюдали в безопасности из нашего далека за океаном, придерживаясь принципа полного запрещения вмешательства в любые комбинации европейской политики. Это послание сразу же облачит нас в доспехи и бросит вызов на поединок. Оно будет носить характер открытого вызова всей Европе, и я не буду удивлен, если первым ответом на него Испании и Франции и даже России будет разрыв дипломатических отношений с нами. Я не ожидаю, что спокойствие, которым мы пользовались шесть или семь лет, будет далее продолжаться. Этот аспект событий является зловещим, но если мы должны вступить в борьбу с Европой, то пусть мы отсрочим это как можно дольше»⁸⁰.

Выдвигая столь решительные возражения по поводу проекта Монро, Дж. К. Адамс основывался не только на своем огромном опыте в международных делах, но и на конкретных сведениях, которые в изобилии поступали от дипломатических представителей США в Европе. Миддлтон, в частности, сообщил, что последнее годовое послание президента, где выражалось одобрение действиям конституционного правительства в Испании, вызвало серьезное недовольство в С.-Петербурге и поставило Александра I в затруднительное положение. Посланник детально информировал государственного секретаря о позиции союзных держав в греческом вопросе,

⁸⁰ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VI, p. 195.

и Адамс прекрасно понимал, что признание независимости Греции было бы открытым вызовом Европе⁸¹. Президент Монро, взгляды которого полностью поддерживал Дж. Кэлхаун, не сразу согласился с доводами Дж. К. Адамса. Однако в конце концов предложение Адамса «избежать всего, что может быть истолковано как враждебное действие против союзников», было одобрено⁸². Правительство Соединенных Штатов выразило чисто платоническое сочувствие Испании и Греции. Не думали торопиться с признанием независимости Греции и в конгрессе, ограничиваясь преимущественно заявлениями о моральной поддержке⁸³.

Главные изменения текста послания были произведены президентом уже после заседания 21 ноября. На следующий день Адамс вновь настойчиво убеждал Монро непреклонно придерживаться «американского дела», а когда 24 ноября государственный секретарь пришел к президенту, последний прочитал ему измененный текст послания конгрессу, «который полностью согласовывался с системой политики, которую я (Адамс.— Н. Б.) искренне рекомендовал при создавшемся положении»⁸⁴.

С этого времени подготовка «комбинированной системы политики» вступила в завершающую фазу. Дело уже приближалось к концу, когда неожиданно всплыл «опасный вопрос», поднятый генеральным прокурором У. Виртом на заседании кабинета 25 ноября 1823 г. Прослушав измененный в соответствии с «комбинированной системой политики» Адамса текст послания, Вирт отметил, что нельзя «занимать угрожающую позицию, не имея намерения вступить в борьбу, и спросил, прибегнут ли Соединенные Штаты к войне против Священного союза, если последний совершит прямой враждебный акт в отношении Южной Америки»⁸⁵.

⁸¹ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 29 июня и 19 августа 1823 г.— NA, DD, Russia, Vol. X, N 27, 28.

⁸² J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VI, p. 198.

⁸³ Подробнее см.: E. M. Earle. American Interest in the Greek Cause 1821—1827.— «АНР», Vol. XXXIII, N 1, October 1927, p. 44—63.

⁸⁴ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VI, p. 199. У Монро Адамс застал А. Галлатина, бывшего посланника США во Франции, разделявшего взгляды Адамса по вопросу об ответе на предложения Каннинга. Накануне Адамс послал его побеседовать с Монро.

⁸⁵ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VI, p. 202.

Вопрос Вирта имеет принципиальное значение, поскольку позволяет правильно оценить существо политики правительства Соединенных Штатов. Очень точно и последовательно Вирт развил свою мысль на заседании 26 ноября. Он заявил, что страна не поддержит правительство в войне за независимость новых государств Южной Америки. Несомненно, некоторые американцы испытывают «к ним расположение, но никогда оно не было общим и никогда не было случая, чтобы народ думал помочь им, вступив в войну... Возможно, что предложения г-на Каннинга сами по себе являются ловушкой, расставленной для того, чтобы поймать нас на публичной декларации против членов Священного союза», — заметил осторожный Вирт и указал далее, что если уж США и «должны быть связаны столь далекими обязательствами, то все документы следовало бы представить конгрессу»⁸⁶.

На заседании 26 ноября 1823 г. на этой проблеме подробно остановился Дж. К. Адамс. «Я отметил, — писал Адамс в дневнике, — что в целом настоящее послание формирует не что иное, как части одной системы, которая сейчас рассматривается, и единственно действительно серьезный вопрос, подлежащий решению, как мне представляется, это вопрос, заданный вчера м-ром Виртом». Отвергая какую-либо реальную опасность интервенции, государственный секретарь вместе с тем высказал важное предположение. Он прекрасно понимал, что если Англия даже одна выступит против интервенции Священного союза, то и тогда она несомненно выйдет победительницей в результате своего господства на море. «Но так как независимость Южной Америки в этом случае будет обеспечена только гарантией Великобритании, это приведет к тому, что колонии полностью попадут в ее зависимость и превратятся из колоний Испании в колонии Англии». Именно поэтому США «должны были действовать быстро и решительно»⁸⁷. В случае же, если Великобритания одна оградит новые государства от интервенции Священного союза, а США останутся в стороне, Дж. К. Адамс предвидел, что Англия получит огромные преимущества⁸⁸.

⁸⁶ Ibid., p. 205.

⁸⁷ Ibid., p. 208.

⁸⁸ Ibidem.

Мы видим, таким образом, что при подготовке послания прямо учитывались и торговые интересы, в частности перспективы расширения коммерческих связей США с Латинской Америкой. В Вашингтоне явно были не намерены полностью отдавать новые рынки в руки Великобритании⁸⁹.

Касаясь вопроса Вирта, Адамс рассеял последние сомнения в отношении истинной позиции США. Он подчеркнул, что «действия исполнительной власти в конце концов не могут связать нацию обязательством начать войну... Любые акции исполнительной власти в Вашингтоне оставляют конгрессу право в будущем предпринимать действия или не предпринимать их в соответствии с требованиями обстоятельств»⁹⁰.

Разъяснения Дж. К. Адамса удовлетворили членов кабинета, и послание было одобрено. У президента, возможно, оставались еще некоторые сомнения⁹¹, но в конечном итоге с ними было покончено, и 2 декабря

⁸⁹ Как нам уже приходилось отмечать, многие исследователи склонны были игнорировать роль экономических интересов в предыстории доктрины Монро. Недооценивал экономические соображения и Д. Перкинс, подчеркивавший, что при подготовке доктрины явно преобладали политические интересы, что именно *глубокий политический антагонизм* вызвал появление доктрины и окрасил дебаты, посвященные ее подготовке (*D. Perkins. The Monroe Doctrine, 1823—1826*, p. 80—81). Сорок лет спустя в обзоре нашей монографии о доктрине Монро, опубликованном на страницах «*American Historical Review*», проф. Д. Перкинс счел необходимым существенно уточнить свою точку зрения: «Хотя политические мотивы до сих пор представляются мне главными и хотя во время дискуссий на заседаниях кабинета они, по-видимому, подчеркивались вплоть до исключения других факторов, я полагаю, что стремлению к торговым связям с Латинской Америкой, как об этом говорится в дипломатической переписке Дж. К. Адамса, следовало бы придать большее значение, чем это было сделано мною ранее» («*AHR*», Vol. LXIII, N 1, October 1967, p. 85—87).

⁹⁰ *J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VI, p. 208*

⁹¹ Со слов Дж. К. Адамса его друг У. Пламмер записал, что еще за день или два до открытия сессии конгресса Монро выражал сомнение по поводу той части послания, которая относилась к вмешательству Священного союза в Испанскую Америку. Государственный секретарь и на этот раз остался непреклонным. «Ну хорошо, сказал президент, оно (послание.— *Н. Б.*) написано, и я его больше не буду менять» (*Note by W[illiam] P[lummer], June 1824.—MHS, The Adams Papers*).

Джеймс Монро направил этот исторический документ конгрессу Соединенных Штатов⁹².

Термином «доктрина Монро» обычно принято обозначать внешнеполитические принципы, изложенные в § 7, 48 и 49, хотя для правильного понимания этого документа важно учитывать весь текст послания в целом. В первой части доктрины (§ 7), связанной с развитием конфликта на Северо-Западе Америки, был сформулирован «принцип неколонизации», гласивший, что «американские континенты ввиду свободного и независимого положения, которого они добились и которое они сохранили, не должны рассматриваться впредь в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державой».

В двух других параграфах (48, 49), касавшихся прежде всего латиноамериканских проблем, провозглашался принцип разделения мира на европейскую и американскую системы. «... Мы,— указывалось в послании,— будем рассматривать любую попытку с их стороны (имелись в виду европейские державы — участницы Священного союза.— Н. Б.) распространить свою систему на любую часть нашего полушария опасной для нашего спокойствия и безопасности». Предпринять такую попытку, по словам президентского послания, было невозможно, «не ставя под угрозу наш мир и счастье». С другой стороны, президент подтверждал, что политикой США в отношении Европы является невмешательство во внутренние дела любой из европейских держав, а в борьбе бывших испанских колоний против метрополии — нейтралитет.

Довольно часто при оценке характера доктрины Монро исходят главным образом из отношений США со странами Европы. В этом случае на первое место выдвигаются положительные, прогрессивные моменты. Противопоставление буржуазной доктрины Монро — идей невмешательства и запрещения дальнейшей колонизации американских континентов европейскими державами — реакционным принципам легитимизма, «праву» интервенции с целью восстановления власти «закон-

⁹² Текст годового послания президента Дж. Монро, о положении в стране см.: *Annals of Congress, 18th Congress, 1st Session, p. 12—24; Messages and Papers, ed. by J. Richardson. Washington, 1903, Vol. II, p. 207—220.*

ного монарха», разделявшимися лидерами Священного союза, вообще говоря, правильно и вполне закономерно. Но это только одна сторона вопроса. Суть доктрины Монро раскрывалась не столько в отношениях США с системой европейских стран, сколько в политике Вашингтона в пределах Западного полушария. И на практике за демократической фразеологией послания и прогрессивными для своего времени принципами скрывались довольно недвусмысленные экспансионистские планы буржуазии Севера и плантаторов-рабовладельцев Юга. Отметим, в частности, что, возражая против дальнейшей колонизации Западного полушария, купцы, судовладельцы и промышленники Новой Англии выступали против колониальной монополии европейских стран, против барьеров для американской торговли и мореплавания в интересах укрепления и расширения своих собственных позиций и влияния в этом регионе. В результате «принцип неколонизации» стал в дальнейшем орудием создания колониальной сферы самих США.

Провозгласив доктрину Монро, правящие круги США исходили, разумеется, в первую очередь из собственных выгод, а вовсе не из интересов освободительной борьбы новых государств Латинской Америки, с которыми они даже не проконсультировались. В самом тексте послания содержался призыв к укреплению системы протекционизма с целью развития национальной промышленности, а рост могущества и благосостояния страны открыто связывался с процессом экспансии, расширением территории и всей системы американских штатов. «Эта экспансия нашего населения и присоединение новых штатов,— указывалось в заключительной части президентского послания,— оказали счастливейшее влияние на все высшие интересы Союза, что в огромной мере увеличило наши ресурсы и придало нам силу и достоинство державы, признанной всеми». Хотя в целом доктрина Монро была сложным и противоречивым явлением, главной в ней в конечном итоге оказалась тенденция к экспансии. Именно эта тенденция определила в дальнейшем реальное содержание доктрины и практику ее применения⁹³. Одновременно не следует забывать,

⁹³ Подробнее см.: *Н. Н. Болховитинов. Доктрина Монро*, стр. 242—255, 305—306; *он же. К вопросу о позиции США в войне Ла-*

что в конкретных условиях 1823 г. и применительно к странам Европы принципы послания Монро были несомненно прогрессивными (по сравнению с реакционно монархическими принципами Священного союза).

«Комбинированная система политики» нашла выражение не только в годовом послании конгрессу, но и в ряде дипломатических документов. Важными частями этой политики являлись, в частности, документы, связанные с ответом правительства Соединенных Штатов на сообщения Тейля. Еще 5 ноября Дж. К. Адамс ознакомил президента Монро с сообщениями, полученными от русского посланника, а в конце заседания кабинета, 7 ноября 1823 г., зачитал проект своего ответа вместе с соображениями, которые собирался изложить Тейлю в устной форме. На следующий день состоялась официальная встреча Дж. К. Адамса с царским дипломатом. О содержании этой беседы Тейль направил в С.-Петербург сразу два донесения: обычное и шифрованное.

В первом донесении указывалось, что замечания, которые Ф. В. Тейль от имени императора представил правительству Соединенных Штатов, были восприняты президентом дружелюбно. Последний в свою очередь выразил желание, чтобы, доводя это заверение до сведения своего двора, Тейль одновременно сообщил, что США надеются, что император будет также продолжать следовать политике нейтралитета, который в настоящее время соблюдается в разногласиях, существующих между Испанией и независимыми государствами, бывшими ранее ее колониями»⁹⁴.

тинской Америки за независимость.— «Война за независимость в Латинской Америке». М., 1964, стр. 203—239.

⁹⁴ Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 30 октября (11 ноября) 1823 г.— *PMHS*, 2nd Ser., Vol. XV, 1902, p. 401—402. Подлинник см.: АВПР, ф. Канцелярия, д. 12209, л. 416. Прежде чем отправлять сообщение об этой встрече в С.-Петербург, Тейль показал первоначальный вариант донесения Дж. К. Адамсу. Государственный секретарь обратил внимание, что, говоря о новых государствах Американского континента, он неизменно именовал их «не испанскими колониями, а независимыми странами, ранее бывшими колониями Испании». Под предлогом необходимости представить президенту точное изложение содержания их бесед, Дж. К. Адамс просил царского посланника передать ему окончательные тексты донесений в С.-Петербург. Ответственно Тейль направил Адамсу копии своих донесений

В зашифрованном донесении от того же числа Тейль писал: «На этот раз он (Дж. К. Адамс.— Н. Б.) пошел еще дальше и сказал мне, что правительство США считает недопустимым восстановление в Америке колониальной системы и всякое влияние, которое европейские державы хотели бы употребить с целью такого восстановления». Посланник оговаривался, что эта последняя мысль была выражена Дж. К. Адамсом несколько более туманно, а в заключение вновь подчеркивал, что «беседа закончилась дружественным образом»⁹⁵.

Официальный ответ правительства США на сообщение Ф. В. Тейля от 4(16) октября последовал 15 ноября 1823 г., хотя предварительный вариант ноты был составлен Дж. К. Адамсом, по всей видимости, еще 18 октября. Лишь 7 ноября текст ноты рассматривался членами американского правительства, а затем подвергся значительным изменениям со стороны президента Монро, который стремился по возможности смягчить содержание и тон этого документа, сделав его более приемлемым для царского правительства. Значительную часть первоначального текста президент вообще перечеркнул и взамен написал свой собственный смягченный вариант. В данном случае Адамсу пришлось согласиться с предложенными изменениями, и окончательный вариант в полной мере соответствовал предложениям Монро, а также учитывал редакционные поправки Дж. Кэлхана. В ноте указывалось, что Соединенные Штаты признали независимость южноамериканских государств после тщательного рассмотрения вопроса. Правительство США пришло к выводу, что Испания не может восстановить свою власть над ними и по существу новые государства стали полностью независимыми. Далее Дж. К. Адамс отмечал, что, как вытекает из содержания ноты Ф. В. Тейля, правительство России в соответствии с политическими принципами, разделяемыми императором и его союзниками, не пришло к тому же выводу. Несмотря на это, в соответствии с инструк-

К. В. Нессельроде от 15 (27) октября и 30 октября (11 ноября) 1823 г. (PMHS, 2nd Ser., Vol. XV, p. 400—402; MHS, The Adams Papers, JQA. Letter-books 23, Private, p. 340).

⁹⁵ Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 30 октября (11 ноября) 1823 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12209, л. 427.

циями президента, Адамс заверял, что правительство США отнеслось к сообщению о решении императора с тем же чувством искренности, откровенности и дружественного расположения, с каким оно было сделано⁹⁶.

«Банальнейшая государственная бумага»⁹⁷ имела одно очевидное достоинство — она вполне устраивала царского посланника, который не мог не выразить «полного удовлетворения» ответом американского правительства. Не предвидя каких-либо осложнений, Тейль 17 ноября 1823 г. познакомил Дж. К. Адамса и с новыми письмами, полученными от К. В. Нессельроде. Руководитель русского ведомства иностранных дел сообщал о предстоящем отъезде императора из С.-Петербурга на три месяца исключительно для инспекционного осмотра войск и специально указывал, что никаких враждебных действий в связи с этой поездкой не предполагается. Как и прежде, целью императора является «сохранение общего мира». В циркулярной депеше К. В. Нессельроде от 30 августа 1823 г. развивались принципы политики союзных держав в отношении Испании и отмечались успехи в борьбе с революционным движением. По выражению Адамса, это были «10 триумфов» над гибнущим делом революции. Следует подчеркнуть, однако, что общие рассуждения, содержащиеся в этом документе, относились к положению в Европе и никаких ссылок на Западное полушарие не делалось. Передавая Адамсу копию этой депеши Нессельроде, Тейль явно не предполагал, что в этой связи у него могут возникнуть особые затруднения⁹⁸.

⁹⁶ Дж. К. Адамс — Ф. В. Тейлю, 15 ноября 1823 г. — АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 21, лл. 246—247. Первоначальный проект и поправки Дж. Монро см.: РМНС, 2nd Ser., Vol. XV, 1902, р. 378—380. Записки Дж. Монро от 8 и 10 ноября 1823 г. — Ibid., р. 380, 381. Автографы хранятся в МНС, The Adams Papers.

⁹⁷ *J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VI, p. 201.*

⁹⁸ Отчет о беседе Ф. В. Тейля с Дж. К. Адамсом от 17 ноября 1823 г. и депешу К. В. Нессельроде Ф. В. Тейлю от 18(30) августа 1823 г. см.: РМНС, 2nd Ser., Vol. XV, 1902, р. 399, 402—405; *J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VI, p. 190.* Содержание циркулярных инструкций К. В. Нессельроде «по надежному и конфиденциальному каналу» было сообщено также губернатору Кубы генералу Ф. Д. Вивесу. Для этой цели советник русской миссии в Вашингтоне Ю. А. Валенштейн направил испанскому консулу в Нью-Йорке Хоугтону (Houghton) 5(17) ноября письмо на испанском языке с извещением

Сообщения, сделанные Ф. В. Тейлем, оказались для Дж. К. Адамса как нельзя кстати. Они давали удобный повод заявить о несогласии с политическими принципами Священного союза, не опасаясь возбудить недовольство по каким-либо конкретным проблемам. На заседании кабинета 21 ноября 1823 г. Дж. К. Адамс отметил, что его цель в умеренной и примирительной форме, но совершенно твердо и определенно объявить о несогласии с идеями, изложенными в сообщениях Тейля. В первую очередь он был намерен заявить о принципах, на которых основано республиканское правительство Соединенных Штатов. «Отрицая всякое намерение распространять их силой и всякое вмешательство в политические дела Европы, объявить, что мы ожидаем и надеемся, что европейские державы будут равным образом воздерживаться от попыток распространить свои принципы на американское полушарие или подчинить силой какую-либо часть этих континентов своей воле»⁹⁹.

Государственный секретарь предложил передать Тейлю содержание американских взглядов в точном соответствии с измененным текстом послания президента Дж. Монро «в форме неофициальной вербальной ноты... Это предназначалось также в конечном счете в качестве демонстрации принципов американского правительства и изложения политической системы, которой оно будет впредь придерживаться»¹⁰⁰.

Проект ноты был зачитан членам американского правительства 25 ноября 1823 г. Дж. К. Адамс составил этот документ в несколько необычных и весьма возвышенных выражениях. Особенно торжественно звучало

об отказе Александра I принять представителя Колумбии, а также «пространный отрывок» из циркуляра от 18 (30) августа 1823 г. Тейль полагал, что эти сообщения произведут в Гаване благоприятное впечатление (см.: Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 8 (20) ноября 1823 г. с приложением копии письма Валенштейна Хоугтону от 5 (17) ноября 1823 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12213, лл. 14—15, 16—17). В ответном письме от 24 ноября 1823 г. испанский консул в Нью-Йорке сообщал, что переданные ему сведения могут быть полезны для испанских властей в Америке и прежде всего на Кубе (Хоугтон — Валенштейну, 24 ноября 1823 г. и Тейль — Нессельроде, 15 (27) ноября 1823 г., № 60.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12213, лл. 39—41, 37—38).

⁹⁹ J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VI, p. 194.

¹⁰⁰ Ibid., p. 198.

«введение» — пышная декларация принципов: «1) Система правительства, чтобы быть законной, должна быть мирной, т. е. основанной на согласии и оформленной соглашением тех, кто является объектом управления, и 2) каждая нация обладает исключительным правом судить, какое правительство ей лучше подходит, и никакая другая нация не может на справедливых основаниях вмешиваться с применением силы для того, чтобы навязывать ей другое правительство»¹⁰¹. Дж. Кэлхаун выразил сомнение, целесообразно ли вообще посылать что-либо подобное русскому посланнику и не лучше ли просто ограничиться передачей копии послания Монро конгрессу¹⁰². Последовали критические замечания и со стороны других коллег Дж. К. Адамса. Стало очевидным, что «введение» не получило одобрения. Государственный секретарь, гордившийся именно этими формулировками, упорно отстаивал их абсолютную необходимость как на заседаниях кабинета, так и в частной беседе с президентом 27 ноября.

Публикуя «Некоторые оригинальные документы о происхождении доктрины Монро», В. Форд с безупречной точностью воспроизвел первоначальный вариант «замечаний» с указанием тех мест, которые встретили возражение и были затем сняты. Исследователь не сомневался, что Дж. К. Адамс познакомил Тейля с вариантом, в котором спорные места отсутствовали. Такого же мнения придерживались и другие исследователи, включая Д. Перкинса, который писал, что «Адамс последовал совету своего шефа и проповедь о республиканских принципах русскому посланнику никогда не была прочитана»¹⁰³. Между тем в отчете о встрече с Тейлем, подготовленном Адамсом для президента Монро, указывалось, что 27 ноября государственный секретарь имел беседу с русским посланником, в ходе которой «прочитал ему проект замечаний на сообщения, недавно от него полученные».

С известной долей вероятности можно предположить,

¹⁰¹ PMHS, 2nd Ser., Vol. XV, 1902, p. 405—406.

¹⁰² *J. Q. Adams. Memoirs*, Vol. VI, p. 220.

¹⁰³ PMHS, 2nd Ser., Vol. XV, 1902, p. 408—409; *D. Perkins. The Monroe Doctrine, 1823—1826*, p. 89.

что торжественная декларация принципов республиканского правительства в этой беседе (быть может, только в устной форме) была все же затронута. Во всяком случае уже в этой беседе царский дипломат счел необходимым высказать ряд соображений. Если о позиции России в испаноамериканских делах посланник не мог сделать каких-либо определенных предсказаний, поскольку в его инструкциях об этом ничего не говорилось, то «в дружественном расположении императора к Соединенным Штатам» он был совершенно уверен. «Соединенные Штаты,— продолжал Тейль,— являются республикой. Совершенно ясно, что в республике должны господствовать и республиканские принципы. Нет необходимости и пользы поэтому вступать в дискуссию по поводу основных принципов республиканского и монархического правления». Русский посланник не без оснований заметил, что в данном вопросе вряд ли может быть достигнуто единство взглядов. «Но это различие в принципах совсем не обязательно влечет враждебное столкновение между нами. Русское правительство,— по его словам,— проводило четкое различие между республикой, подобной Соединенным Штатам, и восстаниями против законной власти». По мнению Тейля, в Соединенных Штатах эти обстоятельства не всегда осознаются и русское правительство не получает за это должного «кредита»¹⁰⁴.

Вполне понятно, что царскому посланнику было не очень приятно выслушивать пространную лекцию о преимуществах республиканских учреждений, праве нации самой определять свою судьбу, разделении мира на две системы (европейскую и американскую) и т. п. Особенно же ему не хотелось пересылать подобный документ в С.-Петербург. Поэтому 29 ноября 1823 г. Тейль вновь отправился к государственному секретарю с просьбой смягчить некоторые выражения. Со своей стороны царский дипломат еще раз заверил государст-

¹⁰⁴ Memorandum on conversations with Baron Tuyll, 25—27 November, 1823.—MHS, The Adams Papers, CVIII, p. 113b; *J. Q. Adams. Memoirs*, Vol. VI, p. 212—214. В публикации Форда (PMHS, 2nd Ser., Vol. XV, 1902), а также в фондах государственного департамента (NA, DI, Special Missions, Memorandum of Inter., 16 Oct. 1823, г. 152) цитируемая нами последняя страница отчета Дж. К. Адамса президенту Монро отсутствует.

венного секретаря в дружественном расположении императора и в отсутствии у него каких-либо враждебных намерений. Даже простое сомнение по этому поводу может заставить русское правительство подумать, что посланник не сделал всего необходимого для передачи соотвествующих чувств¹⁰⁵.

Лишь 29 ноября (11 декабря) 1823 г. Ф. В. Тейль смог наконец отправить в С.-Петербург исправленный «дипломатический документ», который был ему «конфиденциальным образом» передан государственным секретарем¹⁰⁶. «Нейтралитет Европы,— указывалось в этом документе,— был одним из оснований, учитывая которые, Соединенные Штаты приняли решение признать независимость Южной Америки; они считали и продолжают считать, что от этого нейтралитета европейские страны не могут на законных основаниях отойти». Государственный секретарь отмечал далее, что Россия является одной из тех европейских стран, с которыми Соединенные Штаты поддерживали самые дружественные и взаимовыгодные связи. Хорошие взаимоотношения не прекратились, несмотря на все превратности войны и революции. Заверив в том, что США будут сохранять нейтралитет в борьбе между новыми государствами и их метрополией так долго, как будут сохранять нейтралитет европейские страны, Дж. К. Адамс сообщал, что президент желает понять общую декларацию принципов в отношении подавления революции в том смысле, что сфера их действия ограничена Европой и не предназначена для распространения на Соединенные Штаты или какую-либо часть Западного полушария.

Особое значение имела заключительная часть конфиденциальной ноты: «Соединенные Штаты и их правительство не могли бы с безразличием относиться к вооруженному вмешательству любой европейской страны, кроме Испании, ни для восстановления господства Испа-

¹⁰⁵ *J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VI, p. 221—222.*

¹⁰⁶ *Observations on the Communications recently received from the Minister of Russia. Department of State. Washington, 27 November, 1823.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 12213, лл. 63—66.* Окончательный текст «замечаний» до последнего времени остается неизвестным американским исследователям, которые в первую очередь опирались на публикацию В. Форда. В трехтомнике под редакцией У. Мэннинга «замечания» Дж. К. Адамса вообще отсутствуют.

нии над ее освобожденными колониями в Америке, ни для учреждения монархических правительств в этих странах, ни для перехода любого из владений в американском полушарии, в настоящее время или ранее принадлежавшего Испании, к какой-либо другой европейской державе». В данном отрывке был сформулирован известный «принцип неперехода» (*no-transfer principle*). В текст годового послания Монро этот принцип не вошел. Однако, составляя часть «комбинированной системы политики», он тем самым объединен в одно целое в политике, которая нашла свое выражение в доктрине Монро. Последующая практика показала, что этот принцип ассоциировался в представлении государственных деятелей Соединенных Штатов с доктриной¹⁰⁷.

Одновременно с пересылкой конфиденциального меморандума Дж. К. Адамса Ф. В. Тейль сообщал: «Г-н Адамс не нашел затруднительным согласиться с некоторыми замечаниями, которые я счел необходимым сделать после чтения первой редакции этого документа, и он одобрил в варианте, пересылаемом мною в пр-ву, некоторые изменения и сокращения (*quelques modifications et des retranchements*), казавшиеся мне желательными для более точного соответствия действительному характеру сообщенных ему обстоятельств (букв.—дел) и восстановления определенных нюансов... и сохранения выражений, которые могли бы создать менее резкое впечатление»¹⁰⁸. Государственный секретарь заверил Тейля, что правительство США придает «большое значение» (*beaucoup de prix*) тому, чтобы устранить все, что могло бы быть неприятным для русского правительства.

Касаясь дальнейшей судьбы сообщений, которыми они обменялись, Дж. К. Адамс предложил царскому дипломату либо довести до сведения конгресса ноту Тейля об отказе русского двора «принять дипломатических агентов восставших испанских провинций», а также соответствующий ответ правительства Соеди-

¹⁰⁷ *D. Perkins. A History of the Monroe Doctrine*, p. 155—161, 354 etc.; *J. A. Logan, Jr. No Transfer: An American Security Principle*. New Haven, 1961.

¹⁰⁸ Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 29 ноября (11 декабря) 1823 г., № 63 (секретно). — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12213, л. 54.

ненных Штатов, что повлекло бы за собой публикацию этих документов в американских газетах, либо оставить их «только для сведения правительства», до возникновения крайней необходимости, когда в соответствии с существующими правилами нельзя было бы избежать гласности. Русский посланник в полной мере оценил новую любезность Дж. К. Адамса и попросил его придерживаться второго пути. Тейль не без оснований опасался, что первый вариант не приведет к «полезным результатам», а лишь возбудит «яростные и, конечно, несвоевременные дискуссии»¹⁰⁹.

Позднее, получив текст годового послания Дж. Монро конгрессу, Тейль в зашифрованном донесении из Вашингтона отмечал «резкое различие» (*une différence gpronopcée*) между «тоном конфиденциальной американской ноты» и «стилем послания президента» от 2 декабря 1823 г. «Примечательно, что г-н Адамс вновь передал мне первый из этих документов, помеченный, как и прежде, его старой датой 27 ноября и подвергнутый существенным исправлениям (*modifications essentielles*) вследствие моих замечаний после появления послания». По мнению царского дипломата, как в первом, так и во втором документе правительство Соединенных Штатов проявило «чувство предпочтения» (*un sentiment de préférence*) к русскому императору¹¹⁰.

Каковы же были «существенные исправления», которые позволили Ф. В. Тейлю сослаться на «резкое различие» тона конфиденциальной ноты и послания Монро?

Проведенное нами сопоставление варианта, опубликованного В. Фордом в 1902 г., и архивного оригинала, пересланного Тейлем в С.-Петербург 29 ноября (11 декабря) 1823 г., действительно, обнаружило ряд исправлений и сокращений. В известной мере они были направлены на смягчение тона американских «замечаний», но в основном носили редакционный характер. Так, в § 6 «замечаний» было снято упоминание о том, что американские континенты ранее находились «под игом» Испании, а также фраза, в которой отмечалось, что США воздерживались от каких-либо суждений на этот счет до

¹⁰⁹ Там же, л. 55.

¹¹⁰ Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 9 (21) декабря 1823 г., № 68 (шифр.). — Там же, л. 95.

тех пор, пока сохранялась хотя бы «самая отдаленная перспектива» восстановления в колониях власти метрополии. В § 10 президент первоначально «выражал надежду» (*indulge the hope*), что сообщения, сделанные Ф. В. Тейлем, не означают изменения «в дружественном расположении императора к Соединенным Штатам». В последней же редакции указывалось, что он в этом «полностью убежден» (*fully persuaded*), а надежда выражалась лишь относительно сохранения союзными державами «системы нейтралитета» в борьбе между Испанией и Америкой.

В том же плане была изменена редакция § 15 «замечаний», который, кроме того, объединялся с § 14. Если первоначально Адамс прямо констатировал, что сфера действия деклараций союзных монархов не относится к США или любой части американского полушария, то после исправлений эта фраза выглядела более осторожно: президент выражал удовлетворение в связи с тем, что сфера их действия не охватывает США, и выражал надежду, что «она не будет распространена на любую часть американского полушария»¹¹¹.

Все эти изменения не носили принципиального характера и вряд ли могли давать основание говорить о «резком различии» тона окончательного варианта ноты и президентского послания конгрессу от 2 декабря 1823 г. Можно предположить поэтому, что под «существенными исправлениями» барон Тейль имел в виду не только твердую констатацию отсутствия каких-либо враждебных намерений России в отношении Соединенных Штатов, но и устранение в переданном ему варианте упоминавшейся ранее торжественной декларации республиканских принципов.

В литературе принято считать, что эта декларация была снята только в результате возражений коллег Дж. К. Адамса по кабинету и прежде всего по настоянию самого президента. Действительно, получив 27 ноября первоначальный текст «замечаний», Дж. Монро отметил спорные абзацы и предложил их снять. После

¹¹¹ *Observations on the Communications...*, 27 November, 1823 см. соответственно: PMHS, 2nd Ser., Vol. XV, 1902, p. 405—408 (MHS, The Adams Papers, Letters Received and Other Loose Papers, CVIII, p. 119—119a, автограф) и АВПР, ф. Канцелярия, д. 12213, лл. 63—66.

дополнительного размышления и с учетом решительных возражений государственного секретаря, Монро, однако, в тот же день направил ему вторую записку, в заключительной части которой давал свое согласие на сохранение важного для Дж. К. Адамса абзаца: «Тем не менее, поскольку Вы придаете этому отрывку такое внимание,— писал Монро,— я согласен, чтобы Вы его оставили, так как я решительно против исключения чего-либо, что Вы считаете столь существенным»¹¹².

Итак, принципиальное согласие Дж. Монро на сохранение торжественной декларации принципов было получено, но в окончательной редакции «замечаний», которая была передана русскому посланнику уже пост-фактум, отсутствовал не только соответствующий абзац «введения», но были смягчены и некоторые другие формулировки. Очевидно, что в этом случае важную роль сыграли возражения Ф. В. Тейля и стремление самого Дж. К. Адамса к сохранению с Россией благожелательных отношений.

Последний вопрос, который необходимо рассмотреть в настоящем разделе, касается комментариев послания президента Монро русскими дипломатами за границей и отношения к этой декларации со стороны царского правительства в С.-Петербурге. Следует сразу же оговориться, что приверженность царских дипломатов реакционным принципам Священного союза по существу исключала возможность правильного понимания характера и значения этого документа. Вместе с тем многие замечания и наблюдения русских дипломатических представителей не лишены здравого смысла и в ряде случаев они проливают дополнительный свет на скрытые причины и цели знаменитого послания.

В пространном донесении К. В. Нессельроде от 9(21) декабря 1823 г. Ф. В. Тейль свидетельствовал, что послание Монро произвело в Соединенных Штатах сенсацию. Большинство газет воспользовалось случаем для новой брани в адрес монархических правительств и новых деклараций в пользу революционеров¹¹³. Вме-

¹¹² Дж. Монро — Дж. К. Адамсу, 27 ноября 1823 г. — PMHS, 2nd Ser., Vol. XV, 1902, p. 409 (подлинник в MHS, The Adams Papers, XLV, p. 357).

¹¹³ Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 9 (21) декабря 1823 г., № 67. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12213, л. 77.

сте с тем Тейль приводил высказывание одной газеты, которая считала крайне желательным, чтобы «подобные излияния чувств не привели бы наше правительство к отказу от нейтралитета..., который следует соблюдать так долго, как это возможно»¹¹⁴.

В том же плане послание Монро комментировалось в донесении русского генерального консула в Филадельфии Ф. Ф. Иванова, который приложил еще экземпляр газеты «Нью-Йорк дейли адвертайзер» от 5 декабря 1823 г.¹¹⁵ Рассматривая параграф, в котором указывалось, что США будут считать опасным для их мира и безопасности любую попытку распространить систему союзных держав на какую-нибудь часть Западного полушария, газета полагала, что это слишком широкая декларация, так как Западное полушарие включает огромную территорию и большое разнообразие правительств и народов. «Мы не слышали, чтобы существовал оборонительный или наступательный договор между нами и каким-либо из этих правительств». Газета далее отмечала, что она не считает возможным защищать английские владения в Западном полушарии в случае посылки против них экспедиции Священного союза, и высказывала сильные сомнения в том, что страна будет готова начать войну с Францией и Испанией на стороне бывших испанских колоний¹¹⁶.

Давая оценку той части послания, которая касалась отношения США к борьбе Испанской Америки за свою независимость, царские дипломаты не могли не видеть в ней открытый вызов легитимистским принципам Священного союза. «Таким образом, правительство Соединенных Штатов отныне делает общее дело с восставшими в Америке, во всеуслышание объявляя себя их протектором и выступая в роли руководителя де-

¹¹⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12213, л. 78.

¹¹⁵ Ф. Ф. Иванов — К. В. Нессельроде, 24 ноября (6 декабря) 1823 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 9248, лл. 2—7.

¹¹⁶ «New York Daily Advertizer», 5.XII 1823. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 9248, л. 16. Подобные соображения не остались незамеченными и в прессе европейских стран. Отрывок из «Gazette de New York» от 5 декабря 1823 г., в котором излагались возражения против расширительного толкования послания, был перепечатан сначала в «Courier» (Лондон), а затем в «Moniteur Universel» (Париж), 2.I 1824.

мократической лиги Нового Света, находящейся в открытой оппозиции к союзу государей континентальной Европы»¹¹⁷, — писал Ф. В. Тейль в упомянутом ранее донесении К. В. Нессельроде и отмечал далее, что трудно себе представить, что американское правительство решило бы занять угрожающую позицию, не рассчитывая на определенное содействие и поддержку Великобритании¹¹⁸.

Основываясь на «достаточно длительном пребывании в этой стране, беседах с осведомленными лицами и собственных впечатлениях», Тейль высказывал интересные предположения о возможной реакции Соединенных Штатов в случае, если бы в Америку была направлена экспедиция союзных с Испанией держав. Он рассматривал два варианта в зависимости от того, выступит или не выступит Англия против подобной интервенции. В первом случае, т. е. если Англия будет решительно против интервенции союзных держав, США, по мнению Тейля, не колеблясь, поступят точно так же. При этом он скептически замечал, что их поддержка больше ограничится словами, чем делами. «Таким путем американское правительство, не рискуя ничем, затрачивая немного средств, кончило бы в случае успеха тем, что приписало бы себе большую часть славы в обеспечении независимости своих союзников: результат, во всех отношениях желательный для не знающего границ национального тщеславия и для завоевания влияния, которого оно со всем жаром добивается»¹¹⁹.

Еще большие сомнения в возможности оказания Соединенными Штатами какой-либо реальной поддержки Латинской Америке Тейль высказал при рассмотрении второго случая, т. е. если Англия не выступит против интервенции союзных держав. При подобных обстоятельствах американское правительство оказалось бы в весьма затруднительном положении. Оно не располагало достаточными средствами для вооружения и вряд ли могло рассчитывать на их получение. Жители США не склонны приносить жертвы, которые не ведут к значительной и непосредственной наживе. Прекращение

¹¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12213, л. 76.

¹¹⁸ Там же, л. 79.

¹¹⁹ Там же, л. 78.

торговых связей с рядом европейских стран вызвало бы раздражение купцов. Все это сделает войну явно нежелательной, и если правительство Соединенных Штатов будет вынуждено пойти на нее, то его тайным желанием будет стремление как можно быстрее ее закончить. В целом Тейль не придавал политике американского правительства какого-либо определяющего значения и считал, что, если уж решение о посылке сильной военной экспедиции было бы принято, позиция США без поддержки Великобритании не могла бы его изменить.

Надо сказать, что царский дипломат правильно уловил в поведении Соединенных Штатов элементы дипломатического блефа. Правительство США действительно серьезно не помышляло об оказании помощи странам Латинской Америки, но вместе с тем было не прочь нажать политический капитал на «спасении» этих стран от реально не существовавшей угрозы вооруженной интервенции. Соединенные Штаты при этом, безусловно, учитывали и отрицательное отношение к проектам подобной интервенции со стороны Великобритании.

Вместе с комментариями послания Дж. Монро Тейль направил в С.-Петербург обширный «мемуар о положении дел в испанских колониях в Америке, подготовленный г-ном Валенштейном». Советник русской миссии в Вашингтоне давно уже уделял пристальное внимание изучению положения в Испанской Америке и собрал по этому вопросу большой фактический материал. Он неоднократно беседовал о ходе борьбы бывших испанских колоний против метрополии со своим шефом, который предложил ему «изложить свои идеи на бумаге» с тем, чтобы в дальнейшем можно было познакомить с ними императорское министерство в С.-Петербурге. Хотя по некоторым вопросам мнения Ф. В. Тейля и Ю. А. Валенштейна не совпадали, посланник считал необходимым как можно обстоятельнее информировать К. В. Нессельроде о сложившемся положении¹²⁰.

Записка Валенштейна помечена концом ноября 1823 г., но, по всей видимости, она была завершена уже в декабре (в тексте встречаются упоминания о послании президента Монро). Центральной идеей мемуара

¹²⁰ Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 9 (21) декабря 1823 г., № 77. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12213, л. 106.

стала мысль о «неспособности Испании собственными средствами предпринять усилия, которые были бы достаточны для того, чтобы восстановить и сохранить власть в своих бывших колониях». При определении дальнейшей политики в отношении Испанской Америки Ю. А. Валенштейн считал необходимым учитывать решающие успехи восставших, признание независимости новых республик Вашингтоном, а также возможность совместных действий Соединенных Штатов и Англии¹²¹.

Интересные соображения по поводу послания президента Монро содержались и в донесениях русских послов, аккредитованных в европейских столицах. Заслуживает внимания, в частности, депеша русского посла в Лондоне Х. А. Ливена, в которой послание характеризовалось как политический манифест, ставящий Соединенные Штаты в положение «борца за демократические доктрины» и «арбитра судеб всего мира». Эксплуатируя позицию Великобритании, США в то же время ущемляли английское влияние, оттесняя свою соперницу на второй план. Передавая свой разговор с Дж. Каннингом, Ливен писал, что британский министр доверительно сообщил ему, что «счел необходимым потребовать от г-на Раша объяснения относительно решения Соединенных Штатов не признавать в будущем за европейцами права колонизации любой части Американского континента». Будучи явно уязвлен декларацией Соединенных Штатов, Дж. Каннинг стремился, однако, внушить Ливену, что послание Монро направлено прежде всего против России и тем самым спровоцировать протест по поводу преувеличенных притязаний американского правительства. Русский посол в Лондоне не без оснований полагал, что реакция Великобритании на американские притязания оказалась менее резкой, чем можно было ожидать, так как в Лондоне рассчитывали использовать

¹²¹ Мемуар Валенштейна, конец ноября (декабрь) 1823 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 12213, лл. 120—139; Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 9 (21) декабря и 23 декабря 1823 г. (4 января 1824 г.).— Там же, лл. 107, 218—220. Способный и трудолюбивый сотрудник русской миссии в Вашингтоне подготовил, кроме того, записку о политике Англии в отношении Латинской Америки в 1776—1806 гг. (там же, лл. 145—147), а также очерк истории войны испанских колоний за независимость (см.: Harvard University. Houghton Library. Jared Sparks. Wallenstein's Manuscripts, p. 153—192).

послание Монро для укрепления своих позиций в переговорах с союзными державами ¹²².

Надо сказать, что в С.-Петербурге предвидели возможность ссылок Великобритании на позицию Соединенных Штатов в качестве предлога для отказа от участия в коллективном обсуждении испано-американского вопроса, но полагали, что у Соединенных Штатов нет оснований для какого-либо беспокойства относительно намерений европейских держав, и были убеждены, что американское правительство не откажется от своего традиционного нейтралитета. «Но если Соединенные Штаты увидят все великие европейские державы в высшей степени доброжелательными посредниками между Испанией и ее заморскими владениями,— указывал Нессельроде в письме Ливену в январе 1824 г.,— если, одновременные декларации известят вашингтонский кабинет, что во всех случаях будут уважать интересы торговли, что не может идти и речи о восстановлении прежних монополий, что заинтересованные державы и Испания не имеют другого желания, как по-прежнему поддерживать с Соединенными Штатами отношения совершенного согласия и что, кроме того, ни одна из этих держав не ищет в оплату своих добрых услуг ни исключительных выгод, ни влияния, могущих беспокоить другие правительства, то можно ли предполагать, что Соединенные Штаты ответят, угрожая войной, и что они сразу откажутся от системы нейтралитета, которую они, кажется, считают выгодной?» ¹²³

Более пессимистически был настроен русский посол в Париже К. О. Поццо-ди-Борго. Комментируя послание президента Монро, царский дипломат в донесении К. В. Нессельроде от 18(30) января 1824 г. отмечал, во-первых, сходство американской декларации с языком «меморандума» Каннинга по вопросу об испанских колониях, и, во-вторых, полагал, что «Американская федерация» обещает европейским монархиям враждебную политику, которая станет со временем несовместимой с миром.

¹²² Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде, 2 (14) января 1824 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 6931, лл. 66—68.

¹²³ К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену, 9 (21) января 1824 г.— Л. Ю. Слѣзкин. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964, стр. 294—295.

Однако, кроме сходства, Поццо-ди-Борго усматривал в позиции США и Англии серьезное различие. Сердцевину этого различия он правильно нащупывал в борьбе Англии и Соединенных Штатов за влияние в Новом Свете. Русский посол в Париже полагал, что чрезмерная и необузданная амбиция Соединенных Штатов никогда не была бы удовлетворена только разделением господства в Новом Свете с Англией и что вашингтонский кабинет стремится зарезервировать его только для себя. Он обращал внимание также на намек Ливена о беспокойстве, которое в Англии возбудила оккупация американцами ряда пунктов в Мексиканском заливе. Отдавать Западное полушарие для распространения там влияния США Великобритания, конечно, не собиралась. Поццо-ди-Борго не без основания отмечал заинтересованность Англии видеть колонии под властью слабых и далеких принцев, таких, как принцы Испании и Португалии.

Донесение заканчивалось «глубокомысленным» рассуждением царского посла об уроках, которые следует извлечь Европе: «...Континентальная Европа должна считать себя уведомленной. События следуют друг за другом с не поддающейся учету быстротой; то, что казалось невозможным во время конгресса в Аахене, сегодня стало фактом; и, возможно, то, что мы теперь рассматриваем как маловероятное предположение, в скором времени станет реальностью. Христианский мир имеет склонность разделиться на две отдельные части и, как я опасаясь, враждебные друг другу; необходимо работать, чтобы предотвратить или отсрочить эту ужасную революцию и прежде всего спасти и укрепить ту часть, которая может избежать заражения и вторжения пагубных принципов»¹²⁴.

Понятно, что наиболее существенным в донесении Поццо-ди-Борго является не его приверженность монархической системе. От царского дипломата было бы странным ожидать чего-либо другого. Более важно, что посол в Париже правильно уловил стремление США к исключительному влиянию в Западном полушарии и развитие в связи с этим англо-американского соперничества.

¹²⁴ К. О. Поццо-ди-Борго — К. В. Нессельроде, 18 (30) января 1824 г., № 6.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 9128, лл. 461—463.

Не разделяя принципы, изложенные в послании президента Монро, царское правительство не считало, однако, что американская декларация серьезно затрагивает интересы России, и не находило нужным выражать Соединенным Штатам свое неудовольствие. В свое время Тейль специально сообщал, что до прибытия новых инструкций он воздержится от того, чтобы сделать государственному секретарю какое-либо упоминание о послании президента Монро, и пока Дж. К. Адамс также сохраняет по этому вопросу полное молчание¹²⁵. В С.-Петербурге действия Тейля нашли совершенно правильными. В инструкции К. В. Нессельроде от 7(18) марта 1824 г. не только содержалось одобрение его сдержанности в отношении послания Монро, но и указывалось на необходимость сохранять молчание и пассивность (которые Тейль считал целесообразными) по этому вопросу¹²⁶.

Официальные «С.-Петербургские ведомости» 11(23) января 1824 г. подробно изложили «весьма длинную и достопримечательную речь» президента Соединенных Штатов, но при этом были выпущены как раз те разделы, которые получили позднее всемирную известность. Любопытно, что в газете оговаривалось, что из речи извлекаются «преимущественно те места, которые обращают на себя особенное внимание». В «С.-Петербургских ведомостях» приводилось лишь сообщение, что американский посланник в России по предложению Александра I снабжен полномочиями и инструкциями, «дабы для пользы и права России и Северной Америки на северо-западные берега Америки согласить миролюбно». «Американское правительство поведением своим при сем

¹²⁵ Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 9(21) декабря 1823 г., № 68. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12213, лл. 95—96.

¹²⁶ К. В. Нессельроде — Ф. В. Тейлю, 7(19) марта 1824 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12214, л. 8. Провозглашая столь преувеличенные взгляды и претензии и устанавливая принципы, столь противоречащие правам европейских держав, этот документ, по мнению царя, заслуживал самого глубокого презрения. Следует подчеркнуть, что вряд ли правомерно проводить какое-либо различие между позицией Тейля и точкой зрения царского правительства, как это делал Д. Перкинс, отмечавший, что русский посланник предлагал направить Соединенным Штатам официальный протест, но его предложение не встретило поддержки Александра I (*D. Perkins. The Monroe Doctrine, 1823—1826*, p. 168; *idem. A History of the Monroe Doctrine*, p. 57).

случае особенно хотело доказать, сколь много уважает оно дружество императора»¹²⁷.

Позднее К. В. Нессельроде писал Ф. В. Тейлю по поводу «замечаний» Дж. К. Адамса, датированных 27 ноября 1823 г.: «Конфиденциальный меморандум, который г-н Адамс передал Вам в ответ на наше сообщение о положении Испанской монархии в то время, является, правда, основанным на принципе, противоположном тому, который разделяется европейским союзом. Тем не менее император не может не оценить умеренный тон, которым руководствовались при провозглашении этих принципов, и новые свидетельства цены, которую Соединенные Штаты придают своим интимным отношениям с Россией»¹²⁸.

Интересно отметить, что почти одновременно с провозглашением доктрины Монро американский посланник в С.-Петербурге Г. Миддлтон в соответствии с инструкциями Дж. К. Адамса от 13 августа 1823 г. представил на рассмотрение царского правительства предложения о заключении соглашения о правах воюющих и нейтральных держав на море. Проект соглашения объединял «все важнейшие принципы вооруженного нейтралитета», запрещал захват «торговых судов и грузов, принадлежавших подданным воюющих держав», и предусматривал отмену «частной войны на море»¹²⁹.

Хотя царское правительство вполне благожелательно относилось к содержанию предложенного США соглашения, оно тем не менее обратило внимание, что принци-

¹²⁷ «С.-Петербургские ведомости», 11 (23). I 1824, № 4. Аналогичной была реакция и московской газеты. В подробном отчете о послании Монро «Московские ведомости» выпустили все ставшие знаменитыми впоследствии места («Московские ведомости», 27.I (8.II) 1824, стр. 221—222). Впрочем, в этом отношении русские газеты не были каким-то особым исключением. Публикуя президентское послание, некоторые из самых известных и влиятельных европейских изданий также выпустили параграфы, известные в будущем как доктрина Монро (см., например, «Moniteur Universel», 30.XII 1823).

¹²⁸ К. В. Нессельроде — Ф. В. Тейлю, 20 мая (1 июня) 1824 г.— «АНР», Vol. XVIII, N 3, April 1913, p. 533; АВПР, ф. Канцелярия, д. 12214, л. 40.

¹²⁹ Дж. К. Адамс — Г. Миддлтону, 13 августа 1823 г.— NA, DI, AC, Vol. X, N 19, p. 97—102; Г. Миддлтон — К. В. Нессельроде, 5 декабря 1823 г.— NA, DD, Russia, Vol. X, N 34, Inc. A; Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XI, стр. 315—316.

пы, лежавшие в основе американского проекта, могут быть проведены в жизнь и принести действительную пользу только «в результате согласия всех других морских держав». Если страны, чье согласие с принципами морской конвенции является необходимым, проявят соответствующее расположение, указывал Нессельроде в ноте от 1 (13) февраля 1824 г., то и Россия со своей стороны будет готова начать конкретные переговоры о заключении «акта, который увенчал бы славой современную дипломатию». Опасаясь принимать на себя обременительные обязательства и не желая действовать сепаратно, царское правительство запросило в феврале 1824 г. мнение других великих держав, оговорив при этом, что оно не хочет оказывать на них никакого давления¹³⁰.

Примерно в это же время в С.-Петербурге между Россией и Соединенными Штатами начались официальные переговоры по урегулированию разногласий на Северо-Западе Америки, в ходе которых царское правительство занимало весьма примирительную позицию. Русские интересы в Западном полушарии были довольно ограниченными, а прямой заинтересованности в делах Испанской Америки по существу не было.

Как и в случае с указом Александра I от 4 (16) сентября 1821 г., сообщения Ф. В. Тейля по испано-американскому вопросу осенью 1823 г. предоставили Дж. К. Адамсу подходящий повод для провозглашения общих принципов политики Соединенных Штатов в отношении Испанской Америки и Европы, не опасаясь в то же время прямого столкновения с царской Россией. Что касается Священного союза, то, ввиду отсутствия каких-либо реальных планов вооруженной интервенции и учитывая позицию Великобритании, Соединенные Штаты также могли себя чувствовать в относительной безопасности. Кроме того, в любом случае США не собирались жертвовать собственными интересами, в связи с чем Монро писал в декабре 1823 г.: «Существует опасность, что английское правительство, увидев предпринятый нами шаг, попытается переложить всю

¹³⁰ См. ноту К. В. Нессельроде Г. Миддлтоу от 1 (13) февраля, а также циркуляр Алопеусу, Ливену, Поццо-ди-Борго и Обрезкову от 14 (26) февраля 1824 г.—NA, DD, Russia, Vol. X, N 34, Inc. B; АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 74, л. 89 и далее.

тяжесть на нас и выгадать на своем нейтралитете в случае подобного вмешательства союзных держав, но я думаю, что это было бы невозможно после того, что произошло по этому вопросу; вместе с тем из того, что сказано (Монро имеет в виду текст годового послания конгрессу.— *Н. Б.*), не вытекает, что мы были бы обязаны при подобном событии вступить в войну»¹³¹.

Таким образом, сам президент Монро не рассматривал годовое послание конгрессу в качестве обязательства вступить в войну. Заслуживают внимания и объяснения, которые дал Дж. Монро относительно причин сепаратного провозглашения принципов, разделявшихся американским правительством. Монро отмечал, что в такой форме этот шаг более умерен и приемлем для России и других европейских держав. «Мы знаем,— писал Монро,— что Россия боится связи между Соединенными Штатами и Великобританией». Если бы Соединенные Штаты действовали совместно с Англией, то, по мнению Монро, «возможно, было бы заключено, что мы действовали под ее влиянием и по ее подстрекательству и таким образом потеряли бы доверие как наших южных соседей, так и союзных держав»¹³².

Как часто бывает в истории, главным оказалось совсем не то, о чем торжественно декларировалось. На словах доктрина Монро звучала как открытый вызов державам Священного союза и была направлена, по идее, в защиту Латинской Америки. По существу же она в первую очередь выражала националистические и экспансионистские тенденции в политике США, и реальная угроза Латинской Америки в будущем исходила не от Священного союза (который скоро распался), а от самих Соединенных Штатов. С формальной стороны дела провозглашение «принципа неколонизации» во многом оказалось связанным с русско-американскими отношениями, но фактически и главным образом этот принцип, как и послание в целом, был направлен не столько против России, сколько против Великобритании, обладавшей наиболее крупными колониальными владениями в Америке и являвшейся основным соперником США в борьбе за влияние в Западном полушарии.

¹³¹ Дж. Монро — Т. Джефферсону, декабрь 1823 г.— *J. Monroe. Writings, Vol. VI, p. 345.*

¹³² *Ibidem.*

часть

II

ПО ПУТИ СОГЛАШЕНИЙ
И СОТРУДНИЧЕСТВА

(1824—1833)

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОНВЕНЦИИ 1824—1825 ГГ.
И РУССКАЯ АМЕРИКА

Сентябрьские постановления 1821 г. вызвали резкое недовольство не только в Англии и Соединенных Штатах, но и в самих русских колониях в Америке. Торговля с иностранцами и в первую очередь с гражданами США хотя и нарушала монопольные права Российско-американской компании, но вместе с тем служила одним из главных источников снабжения Русской Америки «жизненными припасами», промышленными изделиями, а отчасти и морскими судами¹. «Компания, не тратя почти ничего для Америки, получала оттоль непрерывно богатые грузы промыслов». Это оказалось возможным «не иначе, как только с помощью меновой торговли в Америке с иностранцами, которой Баранов удачно пользовался 13 лет». В обмен на необходимые для колоний припасы «уходили избытки только промыслов, коих нельзя было распродать в России». Прекращение иност-

¹ Наряду с соответствующими разделами нашей монографии (Становление русско-американских отношений 1775—1815. М., 1966) см. также статью М. Е. Уилер (*M. E. Wheeler. Empires in Conflict and Cooperation: The «Bostonians» and Russian-American Company.—«PHR»*, Vol. XL, N 4, November 1971, p. 419—441).

ранной торговли после смены А. А. Баранова в 1818 г. Л. А. Гагемейстером и решение «взамен оной отправить ежегодно экспедиции» привело, по мнению автора цитируемого документа, «к совершенному расстройству» дел. «На отправку в Америку в 1819, 1820 и 1821 годах сряду трех экспедиций издержано более 2 м. 400 т. р. наличных денег и в то же время на содержание сообщения через Сибирь... расходовалось по меньшей мере 250 т. р. ежегодно»². Впрочем, и эти «разорительные меры» не могли удовлетворить потребности в самых необходимых товарах.

По составленным в Русской Америке в конце 1823 г. спискам, «в ведомстве компании» числилось 9456 человек. Из них «природных русских» — 488 (474 мужчины и 14 женщин); креолов — 553. (291 мужчина и 262 женщины); «алеутов и других народов» — 8415 (4150 мужчин и 4265 женщин)³. «Нельзя предполагать, чтоб один корабль, который привезет на триста тысяч или более, мог обеспечить колонии на год», — доносил из Ново-Архангельска М. И. Муравьев 24 ноября (6 декабря) 1822 г. Естественно поэтому, что правителю колоний приходилось время от времени посылать экспедиции в Калифорнию, на Гавайские острова, а также прибегать к «расторжкам» с американцами. Так, в мае-июне 1822 г. Муравьев «посягнул» купить у американских корабельщиков «на шкуры морских котиков крупы, муки, сахару, патоки, рому, джину...» и нашел эти покупки для компании вполне выгодными⁴.

Когда же осенью 1822 г. в колониях были получены новые постановления царского правительства, положение Муравьева стало более затруднительным. «У шкипера Штивенса я мог купить за весьма сходную цену на коты очень хороший бриг со всем грузом, на коем он прибыл, но препятствовали сему новые привилегии», —

² «Записка о торговле компании в Америке с иностранцами» (Н. С. Мордвинов, 1824 г.?) — ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 850, лл. 1—9. По этому же вопросу см.: «Записка о зловредном влиянии капитана-лейтенанта Л. А. Гагемейстера на дела РАК». — АВПР, ф. РАК, д. 232, лл. 1—6.

³ «Записка о состоянии колоний РАК» (1824 г.). — ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 848, л. 1.

⁴ М. И. Муравьев — главному правлению РАК, 17(29) ноября 1822 г., № 295. — Там же, л. 5.

жаловался главный правитель. В результате вместо выгодной для обеих сторон торговой сделки Муравьев был вынужден дать шкиперу Штивенсу предписание, чтобы «при первом попутном ветре» бриг «Перл» оставил Ново-Архангельский порт⁵.

Всю серьезность создавшейся в Русской Америке ситуации М. И. Муравьев обстоятельно изложил в одном из своих донесений в С.-Петербург весной 1823 г. «Прежде хотя и были некоторые дерзкие американцы, которые подучали колош против русских, но большая часть капитанов судов и самые благоразумнейшие находили для себя очень выгодным существование Ново-Архангельской крепости на берегах N. W-й Америки не по одним коммерческим видам, но более по тому, что сие одно только место на всем пространстве W-го берега Америки от полюса и до экватора, где при каком-либо несчастном случае можно найти и помощь и безопасность. Много примеров было, что в Ситхе находили они спасение. Так думали самые благоразумнейшие из капитанов Американских Штатов, и для собственной выгоды желали безопасности Ново-Архангельска; они ясно видели, что наша торговля с колошами для них никогда не будет опасна. Многие из бостонцев жалели, что земляки их ввели в употребление ружья, но теперь уже поздно выводить оные..., ибо колоши, более двадцати лет употребляя ружья, отвыкли от стрелок, а без ружей не будет промыслу».

Главный правитель предвидел, что «иностранцы, отчужденные от всякой торговли при здешних берегах, без всякого сомнения, постараются своими наущениями озлоблять колош противу нас», и сообщал далее, что «капитан брига Американских Штатов в Кускове или Чатам-стрейт продавал отменно дешево ружья, а порох раздавал почти даром», говоря при этом, что «оный пригодится им против русских». Моряки, служившие на корабле «Апполон», утверждали даже, что видели небольшую «крепость с пушками и под американским флагом». Местные жители говорили им, что «бостонцы» уверены в скором приходе русских, «дабы хватать их в неволю и мешать их промыслу». Хотя подобные домыслы не имели

⁵ М. И. Муравьев — главному правлению РАК, 25 января (6 февраля) 1823 г.— Там же, лл. 9—10; НА, РРАС, г. 28, р. 178.

оснований, М. И. Муравьев опасался, что в результате введенных ограничений «колоши ясно увидят, что чрез нас они лишены и промыслов и торговли», так как за «бобры они достают одежду и многие другие для них уже необходимые вещи: одеяла, фриз, патуку и проч.» В конечном итоге придется не столько «преследовать торговлю американцев, как думать о собственной безопасности и приводить крепость в оборонительное положение»⁶.

Самой острой проблемой русских колоний в 1823 г. стало снабжение жителей продовольственными товарами. Последний посланный из Кронштадта корабль (бриг «Рюрик») прибыл в Ново-Архангельск 7(19) ноября 1822 г., однако колонии «не получили с ним почти никакого подкрепления». Корабль «Елизавета» до колоний не дошел, а в 1822—1823 гг. кругосветные экспедиции в Русскую Америку вообще не отправлялись⁷. Компания к этому времени оказалась на грани финансового краха. Дивиденды в 1822—1823 гг. перестали выплачиваться, а убыток даже по преуменьшенным официальным данным исчислялся в 300 тыс. руб. «В Америке в промен иностранцам по большей части уходили одни морские коты, которые теперь должны быть вывозимы для продажи в Россию». В результате «компания имеет теперь на руках своих в непродаже трехгодичную пропорцию котов в России и более 60 т. шт. в Америке и между тем нуждается в деньгах и затрудняется в способах продовольствовать колонии»⁸.

О методах ведения дел компании можно судить по тому факту, что один из директоров правления В. В. Крамер (представитель нью-йоркской банковской фирмы «Крамер энд Смит») приобрел (за 30 тыс. руб.) у своего несостоятельного должника заведомо негодное судно «Елизавета», сумму долга положил в свой карман, а на

⁶ М. И. Муравьев — главному правлению РАК, 16(28) апреля 1823 г.— ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 833, лл. 6—8; д. 838, лл. 13—15; НА, RRAC, г. 28, р. 241—245; Д. И. Завалишин. Дело о колонии Росс.— «Русский вестник», т. 62, март 1866 г., стр. 39.

⁷ См.: П. А. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании..., ч. I—II. СПб., 1861—1863, ч. I, стр. 335—336.

⁸ «Записка о торговле компании в Америке с иностранцами».— ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 850, лл. 1—9; донесение М. И. Муравьева от 12(24) апреля 1823 г.— НА, RRAC, г. 28, р. 237.

ремонт потратил еще 70 тыс. руб. Даже раздутый генеральный баланс компании, составленный на 1 (13) июня 1823 г., показал некоторое уменьшение капитала (4 609 575 руб. вместо 4 627 546 руб. в 1821 г.) В специальном примечании к этому балансу указывалось, что «настоящий убыток далеко должен превосходить означенную здесь сумму», поскольку в баланс компании включались многие давно уже утратившие ценность старые корабли и т. п.⁹

Не получая никакой поддержки из С.-Петербурга, русские колонии в Америке оказались в 1823 г. в критическом положении. «Словом сказать,— с горечью писал М. И. Муравьев директорам компании 4 (16) октября 1823 г.,— у нас ничего нет, кроме шкур морских котов. Если б я не делал покупок у американцев, то теперь бы были совсем чисты и, что еще хуже, не могли бы послать за хлебом в Калифорнию, и, следовательно, были бы и холодны и голодны...»

Для правителя Русской Америки было вполне очевидно, что все это явилось результатом нераспорядительности петербургского начальства и действия постановлений 1821 г. «Новые привилегии, наделавшие много хлопот, не принесли никакой выгоды: колоши озлоблены, алеуты недовольны малой платой, русские терпят нужду, а компания теряет свои выгоды». Как отмечал М. И. Муравьев, «главное правление, отстраняя иностранцев от наших колоний, должно было бы вместо богатых разделов [в 1818—1819 гг. на одну пятисотрублевую акцию

⁹ См.: Генеральный баланс капитала РАК на 1 (13) июня 1823 г.— ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 844, лл. 1—19 и «примечание» на лл. 20—25; С. Б. Окунь. Российско-американская компания. М.—Л., 1939, стр. 66—69; Н. Chevigny. Russian America. New York, 1965, p. 186—187; Н. А. Kuchner. American-Russian Rivalry in the Pacific North West 1790—1867. Cornell University, 1970, p. 261. Позднее комитет акционеров компании пришел к выводу, что кругосветные экспедиции были не только разорительными, но отчасти и бесполезными, «что корабль «Елена» куплен без надобности, а «Елизавета» — в гнилом состоянии, что капиталы компании употреблялись в собственные обороты директоров, а для расходов компании займовали деньги из банка». Так, один из директоров главного правления, И. В. Прокофьев, продал компании собственный дом в Москве за 150 тыс. руб., в другой раз бесполезно истратил на устройство дороги более 200 тыс. руб. и т. д. (см. записки о продаже с аукциона акций РАК и о растратах капитала директорами, 1832 г.— ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 858, лл. 18, 25 и др.).

выплачивались дивиденды в сумме 155 руб.] обратить капиталы свои для поддержания колоний...» Между тем посылки кругосветных экспедиций прекратились, и колонии были по существу брошены на произвол судьбы. Что касается «новых привилегий и новых распоряжков», то, устранив «иностранцев из Ситхи и других наших колоний», они не удалили их «от колош и проливов». Тем самым деятельность русских промышленников оказалась еще более затруднительной.

Правитель русских колоний, разумеется, отдавал себе отчет в том, что петербургским директорам не очень понравятся подобные донесения, но крайняя нужда заставляла его писать правду. «Вам, конечно, неприятно будет читать письмо сие,— заключил Муравьев свое донесение от 4(16) октября 1823 г.,— но, рассмотря мое положение, вы меня оправдаете. В ноябре месяце не только промышленные, но и ни один чиновник не будет иметь чашки чаю. Я уже по утру перестал пить чай, хотя эту привычку имел 25 лет». Хлеба в Ново-Архангельске осталось «от 1 ноября на восемь месяцев с большим ограничением; других провизий мало; в Кадьяке, Уналашке и прочих местах — до июля 1824 года»¹⁰.

Не очень рассчитывая на помощь петербургского начальства, правитель русских колоний уже неоднократно посылал корабли за продовольственными товарами в Калифорнию. И хотя не все эти экспедиции были успешны, Русская Америка получала в конечном итоге существенную поддержку в продуктах и прежде всего в хлебе. «В продолжении моего здесь пребывания,— сообщал Муравьев в конце 1822 г.,— уже 5 судов были отправлены за грузами в Калифорнию для покупки хлеба; товар туда посылается преимущественно разные холсты, полотна, коленкор, платки, сукна, фриз и проч. Все сие здесь из вышепомянутого необходимо, но, конечно, хлеб еще необходимее»¹¹.

Последняя экспедиция подобного рода была отправлена в сентябре 1822 г., когда в Ново-Архангельске еще не было известно об указе 1821 г. В письме к губернато-

¹⁰ См. письма М. И. Муравьева главному правлению РАК от 4(16) октября и 12(24) ноября 1823 г.— НА, РРАС, г. 28, р. 395—397, 414—416.

¹¹ М. И. Муравьев — главному правлению РАК, 24 ноября (6 декабря) 1822 г.— ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 838, л. 8.

ру Верхней Калифорнии де Сола Муравьев писал: «Посылаю два судна к берегам Калифорнии для покупки хлеба. Велел оным зайти сперва в Монтерей, дабы получить на сие Ваше позволение... На одном из сих судов я назначил суперкаргом г. Хлебникова, моего помощника и искреннего друга. Он Вам хорошо известен, и мне остается лично для себя просить Вас, чтобы Вы не лишили его Вашей доверенности. Он имеет от меня поручение возобновить давнишнее предложение о позволении на байдарках промыслять близ берегов Калифорнии, разумеется, платя за сие Вашему правительству. Я всегда буду думать, что новый промысел выгоден для обеих сторон»¹².

И на этот раз добиться согласия калифорнийских властей на морской промысел не удалось. Правда, первоначально губернатор Сола обнадежил К. Т. Хлебникова, «но в последствии отозвался, что сие дело зависит от мексиканского правительства, что и хунта подтвердила». Кроме того, в результате происшедшей перемены в управлении страны «увеличились пошлины на привозимые и вывозимые товары и определен платеж якорных денег по 2¹/₂ пиастра с тонны с каждого коммерческого судна, а как скоро сделались порты калифорнийские свободны для кораблей всех стран, то... и мы уже потеряли преимущество налагать на наши товары высокие цены».

Стараниями К. Т. Хлебникова многие из подобных трудностей были преодолены, и 10(22) января 1823 г., к великому удовольствию М. И. Муравьева, возвратился бриг «Волга», доставивший 630 фонег «разного хлеба», а некоторое время спустя пришел и второй корабль — «Булдаков». Хотя хлеба было привезено меньше, чем рассчитывали, он оказался очень кстати, учитывая сложные обстоятельства, в которых находились в то время русские колонии в Америке. Значительный интерес представляли и сообщения К. Т. Хлебникова о новых правилах торговли в Калифорнии и о положении селения Росс. Направляя все эти материалы в С.-Петербург, М. И. Муравьев подчеркивал, что заведенное правителем конторы селения Росс К. И. Шмидтом хлебопашество «в послед-

¹² М. И. Муравьев — П. В. де Сола, 3(15) сентября 1822 г. — НА, РРАС, г. 28, р. 90.

ствии времени могло бы принести ощутительную пользу для всех здешних колоний, если бы сие селение было удержано за нами; но прошедшего году был в Россе посланник от мексиканского правительства и сначала требовал, чтобы в продолжении шести месяцев мы сняли наше заселение». К донесению Муравьева были приложены «отзыв г. Шмита и прочие документы по сему предмету подлинниками»¹³.

В критический для русских колоний 1823 год М. И. Муравьеву не оставалось другого выхода, кроме новой посылки торговых экспедиций в Калифорнию и на Гавайские острова. Поскольку в Ново-Архангельске в это время уже почти не оставалось товаров, которые можно было бы использовать для обмена, главный правитель решил нарушить полученные им строгие предписания и возобновить продажу иностранцам морских котов. Отправляя осенью 1823 г. Хлебникова в экспедицию в Калифорнию на бриге «Рюрик», Муравьев снабдил его остатками имевшихся в колониях европейских товаров, «некоторой суммой испанских пиастров», и, кроме того, дал 3 тыс. шкур морских котов. В инструкциях своему помощнику Муравьев писал: «Возможно, что Вы встретитесь с судами Американских Штатов, которые захотят продать нужные нам вещи за котовые шкуры, и тогда Вы не усомнитесь приступить к расторжке с тем условием, чтоб шкуры получить в Бodega от г. Шмидта по Вашей записке». Кроме того, он вновь уполномочивал К. Т. Хлебникова «сделать условие для промысла бобров при берегах Калифорнии», а заодно «разведать о теперешнем состоянии Мексики»¹⁴.

В специальном послании новому губернатору Северной Калифорнии дону Л. А. Аргуельо (Argüello) по поводу споров о селении Росс М. И. Муравьев писал: «Получил я донесение гг. Хлебникова и Шмидта, что 10-го числа октября 1822-го года в нашу крепость на NW берегу Америки приезжал посланник дон Августин Фернандес де Висенте (don Augusten Fernandez de Vicente) с большой свитой, в коей и Вы, милостивый госу-

¹³ См. донесения М. И. Муравьева от 12(24) и 13(25) февраля 1823 г.— НА, RRAC, г. 28, р. 199—201.

¹⁴ М. И. Муравьев — К. Т. Хлебникову, 1(13) сентября 1823 г.— НА, RRAC, г. 28, р. 366—369.

дарь, находились, и спрашивал, по какому праву она крепость тут построена, требуя доказательств этого права, даже объявил, чтоб чрез шесть месяцев сия крепость была уничтожена». По мнению Муравьева, «комендант пограничной крепости не может или по крайней мере не обязан ответствовать», зачем и «по какому праву» его крепость тут построена. Официальные письма он должен пересылать для передачи в С.-Петербург, «вверенную же ему крепость удерживать и защищать по силе русского военного устава». Соглашаясь принимать от губернатора запросы через Шмидта или русские суда, «кои будут посещать Ваши гавани» и «доставлять оные невозможно скорее по адресу», М. И. Муравьев многозначительно добавлял, что «сия дорога для сношения между Мексикой и Петербургом не есть ближайшая». Он выражал также уверенность, что это происшествие «не охладит выгодных связей между двух доселе дружественных народов, взаимно друг друга уважающих»¹⁵.

29 октября (10 ноября) 1823 г. в Калифорнию и на Гавайские острова был отправлен также бриг «Головнин» под командованием штурмана Этолина. Для покупки необходимых для Русской Америки товаров А. К. Этолину было дано 12 тыс. морских котов и 500 речных бобров. Муравьев поручал ему купить «на коты сахару, патоки, рому», а в письме к «сандвическому королю» просил покровительствовать экипажу «Головнина»¹⁶.

Результаты обеих экспедиций превзошли все ожидания. Достигнув порта Румянцева (Бодега), К. Т. Хлебов договорился с командиром американского судна «Ментор» Джорджем Ньюэлем о покупке «у него разных европейских товаров, нужных для употребления в колониях... без малого на 14 т. пиастров. В платеж за оные он дал имевшиеся у него 2955 шт. котов ценою по

¹⁵ М. И. Муравьев — Л. А. Аргуельо, 21 июля (2 августа) 1823 г. — НА, РРАС, г. 28, р. 256—258. О переговорах К. И. Шмидта и А. Ф. де Висенте см. донесение К. И. Шмидта М. И. Муравьеву и К. Т. Хлебникову от 13(25) октября 1822 г., № 8, а также протокол от 12(24) октября 1822 г. — АГО, ф. 99, оп. 1, д. 23, лл. 1—2, 3—4, д. 22, лл. 23—24 (подл. протокола на исп. яз.).

¹⁶ Инструкции штурману Этолину, письмо М. И. Муравьева «сандвическому королю» и другие материалы, связанные с посылкой брига «Головнин», см.: НА, РРАС, г. 28, р. 414 ff.; ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 848, л. 10 и др.

1³/₄ пиастра за штуку, что на российские деньги составит около 9 рублей», а остальную сумму обязался оплатить через семь месяцев в том же месте тоже котами и по той же цене. В целом в результате экспедиции в Калифорнию Хлебников приобрел и доставил в Ситху в начале 1824 г. 1034 фонег, или около 4 тыс. пудов, пшеницы, а также 350 пудов разных припасов, «сбыл в продажу 15 128 шт. котов, за которые выручил до 136 т. рублей, заготовил в Калифорнии хлеба около 7000 пудов, купил для колоний разных необходимых потребностей на около 80 т. рублей и доставил в колонии наличными деньгами около 5000 пиастр[тров]». Наконец, он заключил «с калифорнийским правительством» и долгожданное «условие на промысел при тамошних берегах бобров»¹⁷.

Еще более успешным оказалось плавание штурмана Этолина на Гавайские острова, где он купил у известного компании американского корабельщика Т. Мика 220-тонный бриг «Араб» (переименован в «Байкал») со всем находившимся на нем грузом. Так как оставшихся у Этолина к тому времени 4867 шкур котов и 500 речных бобров было совершенно недостаточно, Т. Мик согласился привести свой корабль в Ситху и получить там причитающиеся ему деньги пушниной. Весной 1824 г. к неописуемой радости всех жителей о-ва Ситха «Рюрик» и «Араб» пришли в Ново-Архангельский порт. В числе купленных Этолиным товаров находилось 1566 одеял, 1360 штук китайки, 153 пуда чая, 530 пудов сахара, 379 пудов патоки, 72 пуда пшена, 41 пуд сухарей, 61 пуд табака, 232 ведра рома, 125 ящиков джина, 1220 аршин фриза, 1360 платков, 120 штук миткаля, большое количество пороха, ружей и пр.

Вполне удовлетворен был этой «расторжкой» и Т. Мик, отправленный вместе с экипажем обратно на Гавайские острова на бриге «Рюрик»¹⁸. Особенно же ликовало главное правление компании в С.-Петербурге. В своем «примечании» на «расторжки» Хлебникова и

¹⁷ Записка о состоянии РАК в 1824 г., «Действия Хлебникова в Калифорнии». — ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 848, лл. 10 об. — 12 об.; *F. W. Howay. A List of Trading... Kingston, 1973, p. 160.*

¹⁸ См. «Действия Этолина на Сандвичевых островах». — ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 848, лл. 12 об. — 14; *F. W. Howay. Op. cit., p. 145.*

Этолина правление указывало, что «проданные в Америку 47 т. котов и 500 шт. бобров заменяют компании 1½ миллиона рублей, кои на доставку туда товаров отсель употребить надлежало, заняв оные. Долг сей оставался бы теперь незаплаченным. Коты же, заменившие сие по излишеству их, ...лежали бы теперь в Америке бесполезно и с потерей от времени своего достоинства»¹⁹.

Практический опыт, как видим, вновь подтвердил необходимость сохранения и расширения торговых связей Русской Америки с иностранцами, в первую очередь с гражданами Соединенных Штатов, а также с Калифорнией. К началу 1824 г. это стало очевидным, по-видимому, и для руководства компании в С.-Петербурге, которое еще недавно столь настойчиво отстаивало принцип запрещения допуска иностранных торговцев в русские колонии. Один из директоров правления, И. В. Прокофьев, представил в совет компании специальную записку, где отмечал ошибочность прежнего запрещения иностранной торговли в колониях и, ссылаясь на донесения М. И. Муравьева, решительно настаивал на возобновлении допуска иностранных торговцев в Ново-Архангельск²⁰.

Активным сторонником возобновления торговли с иностранцами в Ново-Архангельске, а также расширения территории русских владений в Калифорнии выступал и адмирал Н. С. Мордвинов, направивший в январе 1824 г. специальное отношение К. В. Нессельроде. «Совет американской компании, директсра, члены особо избранного комитета, главноуправляющий селениями и морские чиновники, бывшие в сих колониях,— писал Мордвинов,— единогласно признают, что Американская компания не может существовать без торга с иностранными народами». Разрыв этого торга уже «привел компанию в весьма затруднительное положение», а «медленность в переговорах с Англией и Штатами Американскими до заключения постоянного трактата как по

¹⁹ ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 848, л. 8 об. Подробнее о К. Т. Хлебникове см. статью Л. А. Шура («Известия ВГО», 1974, № 5, стр. 402—407).

²⁰ См.: П. А. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 340—341. О представлениях И. В. Прокофьева и других действиях, направленных на возобновление иностранной торговли в Русской Америке, см. записку о состоянии РАК, «читано 13 июня 1824».— АГО, ф. 99, оп. 1, д. 29, лл. 10—12.

определению границ, так и по торговым сношениям, может между тем истощить денежные ее капиталы и подвергнуть гибельному состоянию промышленников и возмутить природных жителей, получающих от компании все для них необходимо нужное». В этой связи в качестве предварительной меры Мордвинов предлагал разрешить иностранным судам заходить в Ново-Архангельский порт для торга с уполномоченными компании, «удерживая воспрещение торговать с природными жителями»²¹.

Переходя к конкретной истории заключения русско-американской конвенции от 5(17) апреля 1824 г., необходимо отметить, что в исторической литературе довольно широко распространено мнение, что Россия, заключив это соглашение, отступила перед лицом объединенных действий Соединенных Штатов и Англии и в результате провозглашения доктрины Монро. Эта точка зрения была вполне определено сформулирована С. Б. Окунем (1939 г.) и с тех пор ее неоднократно воспроизводили на страницах советских и американских работ. «На Петербургской конференции, обсуждавшей вопрос о границах русских владений в Америке, «доктрина Монро» впервые одержала победу», — писал С. Б. Окунь и отмечал далее, что эта победа была достигнута в первую очередь благодаря совместному выступлению США и Англии. Автор известной книги об американском влиянии в России М. М. Лазерсон рассматривал конвенцию 1824 г. как первое международное соглашение, которое явилось следствием провозглашения доктрины Монро, «великой моральной победой» американской республики над «тысячелетней русской монархией», а У. Х. Гоеццманн писал, что Россия отступила не только перед лицом Соединенных Штатов, но и под давлением Великобритании²².

Наиболее осведомленные исследователи никогда не были согласны с подобной точкой зрения, а приводившиеся ими документальные материалы свидетельствова-

²¹ Н. С. Мордвинов — К. В. Нессельроде, 8(20) января 1824 г. — «Архив графов Мордвиновых», т. VI. СПб., 1902, стр. 641—643.

²² С. Б. Окунь. Российско-американская компания, стр. 82; М. М. Laserson. The American Impact on Russia, 1784—1917. New York, 1962, p. 141; W. H. Goetzmann. When the Eagle Screamed: The Romantic Horizon in American Diplomacy, 1800—1860. New York, 1966, p. 19; Н. С. Княпина. Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963, стр. 283 и др.

ли скорее об обратном²³. Совместные действия США и Англии в переговорах с Россией первоначально действительно намечались, но сепаратное провозглашение в декабре 1823 г. доктрины Монро не только им не содействовало, но оказало решающее влияние на провал англо-американского сотрудничества.

Напомним в этой связи, что весной 1823 г. государственный секретарь США Дж. К. Адамс, информируя британского посланника в Вашингтоне С. Каннинга о предложении России начать переговоры в С.-Петербурге, выразил пожелание, чтобы представители Соединенных Штатов и Великобритании были уполномочены действовать «по взаимному соглашению» (*on a common understanding*). Дж. К. Адамс добавил, что «Соединенные Штаты не имеют собственных притязаний выше 51-й параллели, но возражают против размеров притязаний, выдвинутых Россией, ...а особенно оспаривают экстравагантное намерение запретить иностранным судам приближаться к побережью в пределах 100 итальянских миль»²⁴. Показательно также, что инструкции Г. Миддлтону от 22 июля и его полномочия от 29 июля 1823 г. исходили из целесообразности ведения в С.-Петербурге совместных переговоров представителей России, США и Англии, в связи с чем предусматривалась и возможность заключения общей конвенции трех держав²⁵.

Наиболее определенно идея совместных действий Великобритании и США в переговорах с Россией была сформулирована британским министром иностранных дел Дж. Каннингом в его беседах в Ливерпуле с Х. Юзом во второй половине августа 1823 г., представлявших собой, как уже отмечалось, составную часть широкого плана вовлечения США в орбиту английской политики.

²³ *J. C. Hildt. Early Diplomatic Negotiations of the United States with Russia. Baltimore, 1906, p. 176—177; D. Perkins. The Monroe Doctrine, 1823—1826. Cambridge (Mass.), 1927, p. 34—37; B. P. Thomas. Russo-American Relations. Baltimore, 1930, p. 168 etc.* Весьма обстоятельно этот вопрос недавно рассмотрен в статье: *I. C. Nichols, Jr. and R. A. Ward. Anglo-American Relations and the Russian Ukase: A Reassessment.*—«PHR», Vol. XLI, N 4 (Nov. 1972), p. 444—459.

²⁴ С. Каннинг — Дж. Каннингу, 3 мая 1823 г.—PABT, Vol. II, p. 120.

²⁵ Дж. К. Адамс — Г. Миддлтону, 22 июля 1823 г.—ASP, FR, Vol. V, p. 437; полномочия Миддлтону от 29 июля 1823 г.—Ibid., p. 483.

В подчеркнуто дружелюбной и конфиденциальной манере Дж. Каннинг сообщил американскому дипломату, что петербургский двор отказался от «всех своих экстравагантных требований и притязаний на Тихом океане». Единственный вопрос, подлежащий урегулированию, — это вознаграждение, которое Англия и США согласятся получить за «ошибку» России. Британский министр считает, сообщал Х. Юз в частном письме к Дж. К. Адамсу 27 августа 1823 г., что интересы США и Англии «в этих вопросах о России» совпадают. Более того, Дж. Каннинг предложил Юзу задержаться в Англии до 11 сентября, чтобы присутствовать на переговорах с Р. Рашем. Последний не нашел, однако, подобную задержку достаточно оправданной, и Юз отправился в Россию, не ожидая начала переговоров в Лондоне ²⁶.

Не следует, конечно, думать, что летом 1823 г. между Англией и США в отношении Северо-Запада Америки существовало полное единомыслие. Такого единомыслия между этими странами вообще никогда не существовало, а в вопросах разграничения и торговли на Северо-Западе особенно ²⁷. Но в том, что касалось указа 1821 г., особых препятствий для совместных действий обеих держав в то время действительно не предвиделось. Как подчеркивал Дж. Каннинг в письме британскому послу в С.-Петербурге Ч. Баджету в июле 1823 г., совместные действия с Соединенными Штатами были бы особенно выгодными в переговорах по вопросу о торговле и мореплавании на Тихоокеанском Севере. Вопросы же территориального разграничения, по мнению британского министра, лучше было бы урегулировать путем соглашения между Россией и Англией, причем в качестве возможной границы русских владений предлагалась... 57-я параллель ²⁸.

Соответственно в августе 1823 г. Ч. Баджет сообщил К. В. Нессельроде, что ему и Г. Миддлону, по всей видимости, скоро будут даны инструкции о совместных действиях в переговорах по вопросам морского права на севере Тихого океана. Что же касается террито-

²⁶ См. частные письма Х. Юза Дж. К. Адамсу от 27 августа 1823 г. и 19 февраля 1824 г. — MHS, The Adams Papers.

²⁷ F. Merk. The Oregon Question. Cambridge (Mass.), 1967.

²⁸ Дж. Каннинг — Ч. Баджету, 12 июля 1823 г. — РАВТ, Vol. II, p. 124.

риального разграничения, то, поскольку США не выдвигали притязаний к северу от 51-й параллели, этот вопрос, по мнению посла, затрагивал лишь Россию и Англию, и поэтому он должен стать предметом сепаратного соглашения между этими двумя государствами. Баджет без особого смущения заявил при этом, что английские притязания простираются вплоть до 59-й параллели, а затем великодушно согласился удовлетвориться границей по 57° с. ш.²⁹

Предпринимая эти действия, Ч. Баджет стремился опередить Г. Миддлтона и переговорить с К. В. Нессельроде еще до того, как к американскому дипломату придут инструкции из Вашингтона. Британскому послу представлялась также чрезвычайно заманчивой идея ограничить русские владения в Америке не по широте, а по долготе, например по 139° з. д. Тем самым было бы сразу покончено с разногласиями по поводу восточной границы русских владений, а с юга они ограничивались бы где-то около 59° 30' с. ш. Впрочем, у самого Баджета не было особых надежд, что русское правительство согласится обсуждать подобное предложение. Кроме того, из бесед с Миддлтоном посол уже знал, что США вовсе не собираются устраняться от переговоров по территориальным вопросам и даже выдвигают собственные притязания, основываясь на правах, унаследованных ими по договору с Испанией³⁰.

Покидая столицу вместе с императором, К. В. Нессельроде сообщил дипломатическим представителям США и Англии о том, что обсуждение спорных вопросов, возникших в связи с сентябрьским указом 1821 г., уполномочен начать с ними П. И. Полетика. «Эти переговоры,— писал министр иностранных дел,— имеют своей целью подготовить путь к окончательному урегулированию разногласий, и я не сомневаюсь в том, что они будут способствовать тому результату, к которому так искренне стремится император»³¹.

²⁹ Ч. Баджет — Дж. Каннингу, 19(31) августа 1823 г., № 36.— Ibid., p. 125—127.

³⁰ Подробнее см. частные письма Ч. Баджета Дж. Каннингу от 31 августа и 5 октября 1823 г.— *S. R. Tompkins. Drawing the Alaskan Boundary.*— «Alaska and Its History», ed. by M. B. Sherwood. Seattle, 1967, p. 92, 94.

³¹ См. ноты К. В. Нессельроде Г. Миддлтону и Ч. Баджету от 22 августа (3 сентября) 1823 г.— РАВТ, Vol. II, p. 57, 131.

Прежде чем приступить к переговорам с Миддлтоном и Баджетом, П. И. Полетика решил более основательно познакомиться с состоянием дела и взглядами руководства Российско-американской компании. С этой целью он несколько раз беседовал с авторитетным экспертом по восточным делам графом Я. О. Ламбертом, который представлял интересы компании от министерства финансов³². Сам Ламберт придерживался негативных взглядов в отношении перспектив расширения русского влияния на Тихом океане и в Америке и был твердо убежден, что «России вследствие ее географического положения» не предначертано большое развитие морских сил³³.

Из бесед с Ламбертом Полетика вынес убеждение, что компания была бы удовлетворена, если бы южную границу ее владений удалось установить по 54° с. ш. и если бы в качестве линии разграничения на востоке была принята долгота (по Гринвичскому меридиану), оставляющая р. Макензи за пределами русских колоний. «В то же время,— писал Полетика,— граф Ламберт не оставил меня в неведении о том, что паша Американская компания ни в коей мере не расположена делать какие-либо уступки как англичанам, так и американцам в отношении торговли и мореплавания в пределах ее признанных границ. Напротив, она твердо намерена сохранить за собой исключительные права, и эта решимость с ее стороны должна быть отмечена, поскольку, по всей видимости, она будет представлять главную и даже единственную трудность в переговорах с правительством Соединенных Штатов Америки»³⁴.

В середине октября 1823 г. в С.-Петербург прибыл Х. Юз, доставивший Миддлтону инструкции Дж. К. Адамса от 22 июля, и американский посланник смог наконец приступить к переговорам. Однако довольно быстро Миддлтон обнаружил, что между позициями держав

³² Главное правление Российско-американской компании с самого начала было фактически отстранено от непосредственного влияния на ход дипломатических переговоров, а впоследствии даже не сразу узнало о их результатах.

³³ Подробнее см.: «Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии. Документы и материалы». М., 1962, стр. 477—490.

³⁴ П. И. Полетика — К. В. Нессельроде, 3(15) ноября 1823 г.— РАВТ, Vol. II, p. 132, 138.

существует очень большое расхождение. К тому же выяснилось, что и Полетика, и Бюджет имели полномочия лишь для переговоров, а не для заключения официально-го соглашения (полномочия английского посла касались к тому же только морских дел). Под этим предлогом американский дипломат решил на некоторое время прервать переговоры (пока Бюджет не получит соответствующих полномочий от Дж. Каннинга), а тем временем подготовил «конфиденциальный меморандум», в котором детально изложил позицию США в северо-западном вопросе³⁵. Месяц спустя этот примечательный документ, предназначенный для Александра I и занимавший 18 страниц убогистого французского текста, был препровожден для сведения в Вашингтон. «Я надеюсь,— писал Миддлтон Дж. К. Адамсу,— что Вы одобрите позицию, которую я занял, и найдете, что я правильно изложил как факты, так и принципы»³⁶.

«Конфиденциальный меморандум» подводил итоги длительной аналитической работы. В нем были обобщены как собственные изыскания Г. Миддлтона, так и материалы, привезенные Х. Юзом из Вашингтона. Интересно отметить, что, ссылаясь на введение Флерю (M. de Fleurieu) к путешествию Маршода (Marchaud), американский посланник указал на ошибку местоположения восьми русских селений, обнаруженных испанским капитаном Аро в 1789 г. в районе 48—49° (вместо более правильного 58—59°). «Весьма вероятно,— писал Миддлтон,— что это не единственная ошибка в данной реляции, поскольку история происходит от двух частных писем (одно из Сан-Бласа, а другое из Мехико), направленных французскому консулу в одном из испанских портов, а этим последним — морскому министру во Францию».

Хотя Г. Миддлтон не отрицал русских прав на «длинную цепь островов между восточным и западным континентами и даже на очень значительную часть Американского континента», тем не менее он стремился ограничить владения России чуть ли не 60-й параллелью. Правда, ему пришлось признать, что Ново-Архангельск

³⁵ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 1 (13) ноября 1823 г., № 32.— NA, DD, Russia, Vol. X; частично опубли.: ASP, FR, Vol. V, p. 449.

³⁶ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 1 (13) декабря 1823 г., № 33.— ASP, FR, Vol. V, p. 449.

расположен много южнее (57°51'), но это поселение, как подчеркивал американский дипломат, находилось на острове, что не могло давать России прав на территорию континента³⁷.

В это время Миддлтон все еще оптимистически оценивал возможность взаимопонимания с британским послом в отношении Северо-Запада Америки. «Ни он, ни я,— доносил американский посланник в декабре 1823 г.,— не предвидим какого-либо затруднения в примирении и урегулировании интересов наших соответствующих стран по этому вопросу»³⁸. Поскольку, однако, к середине декабря Ч. Баджет все еще не получил новых инструкций от своего правительства, Миддлтон решил не терять время и передать свой «конфиденциальный меморандум» К. В. Нессельроде. Посланник очень гордился убедительностью приводившихся им аргументов и рассчитывал, что после ознакомления с этим документом царское правительство пересмотрит некоторые свои взгляды³⁹.

Между тем обстановка в Лондоне начала меняться. По мере того как Дж. Каннингу становилось очевидным, что его августовские предложения не встречают одобрения в Вашингтоне и план вовлечения США в орбиту английского влияния вряд ли возможно осуществить, его позиция в переговорах с Россией стала видоизменяться. Х. А. Ливен, сообщая в ноябре 1823 г. о стремлении американского правительства вести переговоры в связи с сентябрьским указом совместно с Англией, отмечал в то же время, что Каннинг предпочел бы вести эти переговоры отдельно, но не настаивал на своем мнении⁴⁰.

³⁷ «Observations sur les droits et les prétentions de l'Espagne, de la Russie, de l'Angleterre, et des Etats-Unis relativement à la côte occidentale de l'Amérique Septentrionale et sur l'Oukaze de 4 (16) Septembre 1821».— NA, DD, Russia, Vol. X. Меморандум Миддлтона вместе с многочисленными дополнительными материалами сохранился также в бумагах американского посольства в С.-Петербурге.— NA, RG 84, Vol. 4330; англ. пер. опубли.: ASP, FR, Vol. V, p. 449—452; notes A—G.— Ibid., p. 453—456.

³⁸ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 1 (13) ноября и 1 (13) декабря 1823 г., № 32, 33.— ASP, FR, Vol. V, p. 449; полный текст донесений: NA, DD, Russia, Vol. X.

³⁹ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 5 (17) февраля 1824 г., № 34.— NA, DD, Russia, Vol. X; частично опубли.: ПАВТ. Vol. II, p. 67.

⁴⁰ Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде, 18 (30) ноября 1823 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 6921, л. 302.

До конца года позиция британского правительства все еще оставалась не вполне ясной. 17 декабря 1823 г. Раш был приглашен в дом английского министра иностранных дел для предварительного выяснения позиции США. Посланник заявил, что территория между Скалистыми горами и Тихим океаном должна быть открытой для граждан и подданных трех держав в течение всего периода действия совместной конвенции, заключенной Россией, Англией и США. При условии, если Великобритания согласится не учреждать поселения к югу от 51°, а Россия — к югу от 55°, Соединенные Штаты выражали готовность дать обязательство не создавать свои поселения севернее 51-й параллели. В ходе беседы Р. Раш заметил также, что Соединенные Штаты больше не считают какую-либо часть побережья Америки открытой для европейской колонизации.

Все эти рассуждения явно не устраивали британского министра, но он воздержался от решительных возражений, ограничиваясь контрвопросами и уточнением позиции американской стороны. Это не помешало, однако, Рашу обратить внимание на сильную оппозицию предложению ограничить британские владения территорией между 51-й и 55-й параллелями. Дж. Каннинг не без ехидства заметил, что готов понять причину, почему США хотели бы «ограничить распространение британских поселений к югу, но не знал ранее о том, что они желают остановить их продвижение к северу, особенно за пределы, уступаемые России»⁴¹.

Окончательный удар идее совместных действий США и Англии в переговорах с Россией нанесло известие о сепаратном провозглашении Соединенными Штатами доктрины Монро и, в частности, «принципа неколонизации» американских континентов европейскими державами. В беседе с Рашем 2 января 1824 г. Дж. Каннинг указал на трудности, возникающие при установлении границ на Северо-Западе, и сообщил, что он не посылал еще соответствующих инструкций Ч. Баджету. Британский министр отметил, что известие о послании прези-

⁴¹ Р. Раш — Дж. К. Адамсу, 19 и 22 декабря 1823 г. — ASP, FR, Vol. V, p. 410, 462—463; *R. Rush*. Memoranda of a Residence at the Court of London. Philadelphia, 1845, p. 467 ff.

дента США в огромной мере увеличило его затруднения, и поэтому он считает «самым лучшим вообще взять назад инструкции сэру Чарлзу Баджету в той части, в которой они касаются согласования действий трех держав, и разрешить ему действовать лишь сепаратно, не смешивая свои переговоры с переговорами посланника Соединенных Штатов в С.-Петербурге»⁴².

То, что ранее могло считаться целесообразным для обеих сторон, в новых условиях, после провозглашения доктрины Монро, Дж. Каннинг считал уже явно нежелательным. «Из бесед, которые я имел с г-ном Каннингом с начала этого месяца,— доносил Раш в Вашингтон 9 января 1824 г.,— я обнаружил, что он откажется послать инструкции сэру Чарлзу Баджету для ведения совместно с нашим правительством и правительством России переговоров относительно северо-западного побережья Америки». Баджет будет информирован, что Великобритания намерена действовать сепаратно⁴³.

Действительно, вскоре английскому послу было дано распоряжение вести переговоры в С.-Петербурге независимо от США. В качестве основания Дж. Каннинг прямо ссылаясь на послание президента Монро. «Принцип, выдвинутый президентом Соединенных Штатов, внес расхождение между соответствующими позициями США и Великобритании в отношении России, которого ранее не существовало». Британский министр не скрывал своего отрицательного отношения и к ряду других американских предложений. Он обратил, в частности, внимание, что, как следует из донесения Ч. Баджета от 17(29) октября 1823 г., П. И. Полетика склоняется к проведению пограничной линии между владениями России и Англии по 55-й параллели. Эта же параллель выдвигалась в качестве границы и американским посланником в Лондоне Р. Рашем. В подобном совпадении Дж. Каннинг усматривал либо существование предварительного соглашения между Россией и Соединенными Штатами, либо намерение последних содействовать осуществлению желания русского правительства. В своих инструкциях

⁴² Р. Раш — Дж. К. Адамсу, 6 января 1824 г.— DCUS, Canadian Relations, Vol. II. Washington, 1942, p. 397.

⁴³ Р. Раш — Дж. К. Адамсу, 9 января 1824 г.— ASP, FR, Vol. V, p. 463.

британский министр категорически требовал от Баджета ни в коем случае не признавать возможности распространения русских владений вплоть до Скалистых гор⁴⁴.

В феврале 1824 г. Бюджет информировал Миддлтона о намерении Великобритании действовать в переговорах с Россией независимо от Соединенных Штатов. Сообщая в Вашингтон об этом «крайне неожиданном обороте дела», американский посланник первоначально воздержался от каких-либо комментариев⁴⁵. Спустя некоторое время он изложил свои соображения по этому поводу в частном письме. Как отмечал Миддлтон, в первый момент, когда в С.-Петербурге было получено сообщение о неожиданном отказе Великобритании от совместных переговоров, имелось много оснований полагать, что положение Соединенных Штатов ухудшится. Решение британского правительства свидетельствовало о резком расхождении во взглядах в вопросе, по которому интересы сторон рассматривались ранее почти идентичными. Следовало предположить, что Россия воспользуется этим для того, чтобы отстаивать притязания, которые теперь уже не оспаривались совместно. «Я имею основания полагать также,— писал Г. Миддлтон,— что не было недостатка в инсинуациях, чтобы придать неблагоприятное толкование доктрине, которую мы выдвинули, и представить ее как направленную исключительно против России. Я затратил немало труда, чтобы сгладить подобное впечатление, и дал ясно понять, что буду самым решительным образом протестовать против любого разграничения территории без участия Соединенных Штатов»⁴⁶.

В своих предположениях об инсинуациях американский дипломат, как известно, не ошибся⁴⁷. В секретном меморандуме, предназначенном для Ч. Баджета,

⁴⁴ См.: Дж. Каннинг — Ч. Баджету, 15 января 1824 г.— РАВТ, Vol. II, p. 144—149. К инструкции прилагался также ряд документов, полученных Дж. Каннингом от компании Гудзонова залива, интересы которой должны были служить ориентиром в предстоящих переговорах с Россией (*Ibid.*, p. 149 ff.).

⁴⁵ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 5(17) февраля 1824 г., № 34.— NA, DD, Russia, Vol. X; ASP, FR, Vol. V, p. 457.

⁴⁶ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 25 февраля (8 марта) 1824 г.— РАВТ, Vol. II, p. 68.

⁴⁷ См.: Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде, 2(14) января 1824 г., № 3.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 6931, лл. 66—68.

Дж. Каннинг подчеркивал: «Принцип, выдвинутый в речи президента Соединенных Штатов в отношении колонизации (с которым Великобритания не согласна), должен вызвать столь сильное неудовольствие России, что можно ожидать возникновение затруднений в переговорах между Россией и США». В результате переговоры в С.-Петербурге станут гораздо более трудными для Соединенных Штатов, чем для Великобритании⁴⁸.

Прогноз британского министра иностранных дел не оправдался, и уже в донесении от 25 февраля (8 марта) 1824 г. Миддлтон сообщал в Вашингтон, что он предвидит не менее успешную перспективу переговоров без участия «наших друзей» за Ла-Маншем, как и с их помощью. Посланник не скрывал своего удовлетворения по поводу «доброй воли и умеренности», проявленной русским правительством в отношении Соединенных Штатов, «несмотря на совершенно противоположные позиции, в которых мы находимся политически». С завидной проицательностью американский дипломат заметил, что в С.-Петербурге позицию Англии в отношении Испанской Америки считают «менее оправданной», так как у британского кабинета не было столь сильных побудительных причин для действий, как у США. «Каковы бы ни были чувства и взгляды, в соответствии с которыми они (т. е. русские уполномоченные.— Н. Б.) действуют,— заключал Миддлтон свое частное письмо Адамсу,— я имею основания надеяться, что результатом наших переговоров будет принятие Вашего проекта конвенции с очень небольшими изменениями»⁴⁹.

Ход дипломатических конференций в С.-Петербурге в общем подтверждал оптимистический вывод американского посланника. Официальное открытие переговоров состоялось 9(21) февраля 1824 г. в доме русского министра иностранных дел. С самого начала Нессельроде дипломатично обошел обсуждение «принципа неколонизации», заявив, что было бы лучше перенести дискуссию из области абстрактных принципов *права* в сферу действительных фактов и постараться урегулировать раз-

⁴⁸ См.: Секретный меморандум Дж. Каннинга, 7 января 1824 г.— РАВТ, Vol. II, p. 69, а также Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 7(19) апреля 1824 г.— ASP, FR, Vol. V, p. 460—461.

⁴⁹ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 25 февраля (8 марта) 1824 г.— РАВТ, Vol. II, p. 68—69.

ногласия между обеими правительствами «на наиболее приемлемой для наших *взаимных интересов* почве»⁵⁰. Г. Миддлтон согласился с подобной процедурой и в ответ на запрос К. В. Нессельроде о конкретных предложениях для урегулирования спорных вопросов представил два документа: краткую записку о состоянии вопроса и проект соглашения из трех статей, в точном соответствии с инструкциями Дж. К. Адамса от 22 июля 1823 г.

Проект Соединенных Штатов предусматривал свободу навигации и рыбной ловли в любой части Тихого океана, а также высадки в еще не занятых местах для торговли с местными жителями (ст. I) с оговоркой, что во избежание незаконной торговли американские граждане не будут высаживаться в тех местах северо-западного побережья, которые действительно заняты русскими поселениями, «без разрешения губернатора или коменданта» (ст. II). Аналогичные ограничения налагались на русских подданных в районах американских поселений. В последней, третьей, статье обуславливалось, что граждане США не будут впредь основывать поселения к северу от 55-й параллели, а русские подданные — к югу от этой параллели⁵¹.

Следующая встреча состоялась 20 февраля (3 марта). К. В. Нессельроде и П. И. Полетика познакомили Г. Миддлтона со своими полномочиями, подписанными императором 12(24) февраля 1824 г., и стороны официально обменялись копиями соответствующих документов. Вслед за этим Нессельроде вручил американскому уполномоченному русский контрпроект соглашения, который хотя и совпадал в общей форме с предложениями США, но включал одно важное дополнение к ст. II, запрещавшее американцам торговлю на всей территории русских владений, кроме Ново-Архангельска. Линия разграничения проводилась не по 55°, а по 54°40' с. ш., что обеспечивало за Россией всю территорию о-ва Прин-

⁵⁰ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 7(19) апреля 1824 г.— ASP, FR, Vol. V, p. 458. В этом донесении посланник США подробно излагал всю историю своих переговоров в С.-Петербурге и прилагал соответствующую документацию.— Ibid., p. 457—462 (подлинник см.: NA, DD, Russia, Vol. X).

⁵¹ Проект Соединенных Штатов от 8(20) февраля 1824 г.— ASP, FR, Vol. V, p. 464.

на Уэльского⁵². В ответ на категорические возражения американского уполномоченного П. И. Полетника в свою очередь заявил, что никогда не подпишет документ, в котором содержался бы принцип свободного доступа судов Соединенных Штатов к берегам русских владений⁵³. В конечном итоге стороны согласились встретиться через три дня, с тем чтобы Г. Миддлтон имел время для внимательного ознакомления с русским проектом и мог представить предложения, которые он сочтет нужным сделать.

Когда в назначенный срок состоялась третья конференция, то выяснилось, что американский посланник готов признать 54°40' с. ш. в качестве линии разграничения, но настаивает на том, чтобы суда обеих держав имели право в течение 10 лет заниматься рыбной ловлей и вести торговлю с местными жителями на всем протяжении северо-западного побережья Америки. Чтобы склонить русских представителей к принятию своего предложения, Миддлтон представил также альтернативный проект ст. III, в котором отмечалось, что, поскольку в настоящее время стороны не смогли прийти к соглашению о линии разграничения своих владений на северо-западном побережье Америки, весь этот район в течение ближайших 10 лет остается свободным для судов граждан и подданных обеих стран⁵⁴.

Обсуждение линии разграничения между владениями России и Соединенных Штатов косвенным образом поставило и вопрос о судьбе селения Росс в Калифорнии. Первоначально Нессельроде предполагал изменить формулировку американского проекта с тем, чтобы обеспечить в случае необходимости сохранение в будущем селения Росс в руках компании. Он согласился, однако, принять формулировку Миддлтона, поскольку «то, что лежит южнее мыса Мендосино, не может, строго говоря, рассматриваться частью северо-западного побережья»⁵⁵.

⁵² Русский контрпроект от 20 февраля (3 марта) 1824 г.— Ibid., p. 465.

⁵³ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 7(19) апреля 1824 г.— Ibid., p. 459.

⁵⁴ См. второй контрпроект Соединенных Штатов, 23 февраля (6 марта) 1824 г.— Ibid., p. 465.

⁵⁵ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 7(19) апреля 1824 г.— Ibid., p. 459.

Наиболее трудным для согласования оставался вопрос о свободе торговли американских граждан в русских владениях в Америке к северу от 54° 40'. Как уже отмечалось, в начале 1824 г. руководство Российско-американской компании существенно изменило прежнюю позицию и признало необходимость восстановления торговых связей с «бостонцами» в Ново-Архангельске. Как видно из протокола от 8(20) февраля 1824 г., совет компании, рассмотрев донесения М. И. Муравьева, нашел, что «от всеобщего запрещения иностранцам приставать к нашим американским портам проистекли весьма невыгодные последствия». Совет пояснял далее, что российские колонии в Америке «по географическому положению своему отдалены на большое пространство от отечественной страны, а посему и не могут всегда получать своевременно потребные для них пособия... В сих крайних случаях прибегал всегда покойный Баранов к гражданам Соединенных Американских Штатов и покупал у них разные припасы, материалы и корабли гораздо дешевле, нежели бы чего они стоили правлению компании. Нынешний главный колоний правитель пользовался также сими пособиями, но новые привилегии, полученные им октября 2 дня 1822 года, положили ему преграду снабжаться от американцев нужными ему вещами».

Разрешение на открытие иностранной торговли в Ново-Архангельске, по мнению руководства компании, необходимо предоставить не позднее «начала будущего марта», с тем чтобы известие о нем успело дойти в Охотск ко времени отправления оттуда судов в Русскую Америку. «Хотя совету известно, что о колониальных сношениях с иностранцами происходят теперь дипломатические совещания, но как окончание оных может еще продлиться, то он считает необходимо нужно ныне же испросить позволение главному колоний правителю Муравьеву иметь с ними по усмотрению надобности торговые сношения в одном только ново-архангельском порте, где он имеет постоянное пребывание...»⁵⁶

Три дня спустя директора компании М. М. Булдаков, А. И. Северин и И. В. Прокофьев обратились с офи-

⁵⁶ Протокол совета РАК от 8(20) февраля 1824 г.— АВПР, ф. РАК, д. 314, лл. 3—4.

циальным письмом к министру финансов Е. Ф. Канкрину с просьбой оказать содействие для получения соответствующего разрешения, а последний в секретном порядке сообщил об этой просьбе управляющему министерством иностранных дел⁵⁷. К. В. Нессельроде, занятый в это время переговорами с Г. Миддлтоном и Ч. Баджетом, не торопился с ответом, и 24 марта (5 апреля) 1824 г. министр финансов направил ему повторное отношение с просьбой ускорить решение по данному вопросу⁵⁸.

На этот раз Нессельроде незамедлительно доложил Александру I «о ходатайстве главного правления Американской компании», и 27 марта (8 апреля) высочайшее «соизволение» было получено. «Е. в-во,— сообщал Нессельроде Канкрину и Мордвинову,— находя, что причины, побуждающие сие правление желать возобновления существовавшей в колониях наших торговли с иностранцами, заслуживают уважения, высочайше повелеть соизволил: разрешить производство с приходящими туда иностранными судами торговли на известных правилах и в одном назначенном порте»⁵⁹. В апреле 1824 г. благодаря Е. Ф. Канкрину за оказанное содействие, главное правление сообщало, что оно «сделало нужные распоряжения касательно проведения в исполнение сего высочайшего соизволения»⁶⁰.

Судя по донесениям М. И. Муравьева, «торговля с иностранцами в Ново-Архангельске возобновилась к очевидной пользе компании и к удовольствию всего народонаселения». В конце 1824 г. в Русской Америке побывал американский бриг под управлением шкипера Т. Мика, а в феврале следующего, 1825 г. в Ново-Архангельск прибыло другое американское судно из Бостона под командованием Бланшарда. Обе «расторжки» оказа-

⁵⁷ Главное правление РАК — Е. Ф. Канкрину, 11(23) февраля 1824 г., Е. Ф. Канкрин — К. В. Нессельроде, 14(26) февраля 1824 г.— Там же, лл. 2, 5—6.

⁵⁸ Е. Ф. Канкрин — К. В. Нессельроде, 24 марта (5 апреля) 1824 г.— Там же, лл. 8—9.

⁵⁹ К. В. Нессельроде — Е. Ф. Канкрину, 29 марта (10 апреля) 1824 г.— АВПР, ф. РАК, д. 314, л. 10. Аналогичное письмо к Н. С. Мордвинову см.: «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 648—649.

⁶⁰ Главное правление РАК — Е. Ф. Канкрину, 4(16) апреля 1824 г.— АВПР, ф. РАК, д. 314, л. 18.

лись весьма выгодными, поскольку каждую /котовую шкуру «давнишнего промысла и не высшего достоинства» удалось продать по 12 руб. ассигнациями. Успешные торговые связи с американцами продолжались и в дальнейшем, хотя постепенное уменьшение морских котлов привело к тому, что после 1829 г. колониальное начальство предпочитало покупать иностранные товары, переводя платеж векселями на главное правление⁶¹.

Добываясь весной 1824 г. восстановления иностранной торговли в Ново-Архангельске, руководство компании, по всей видимости, оказало косвенное влияние на ход дипломатических конференций в С.-Петербурге, хотя далеко не в том направлении, в каком оно этого хотело. Во всяком случае, когда 8(20) марта переговоры с Миддлтоном после двухнедельного перерыва возобновились, К. В. Нессельроде пошел на уступки и в предварительном порядке выдвинул предложение, которое в дальнейшем открыло путь к соглашению. Речь шла о возможном согласии России допустить свободу торговли в своих американских владениях на 10 лет при условии запрещения продажи местным жителям оружия и военного снаряжения. Две недели спустя П. И. Полетика посетил Г. Миддлтона и передал ему новый проект конвенции, состоявший из семи статей. В соответствии с этим проектом американские граждане получали право рыбной ловли и торговли в русских владениях на северо-западном побережье сроком на 10 лет. Одновременно предусматривалось запрещение продажи местным жителям всякого рода оружия и военного снаряжения⁶².

Полетика сообщил Миддлтону, что запрещение торговли оружием и снаряжением рассматривается как непременное условие всего соглашения и что император желал бы, чтобы в благотворительных целях к этому списку были добавлены также все виды спиртных напитков. В письменной форме Нессельроде специально подтверждал, что «немедленное запрещение торговли с местным населением оружием и снаряжением является условием, которому е. и. в-во придает наибольшее значение, и что отсутствие этого условия не позволило бы

⁶¹ П. А. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 341; F. W. Howay. Op. cit., p. 164—165.

⁶² Проект конвенции, предложенный Россией 22 марта (3 апреля) 1824 г.— ASP. FR, Vol. V, p. 466.

ему дать свое согласие на остальные статьи договора. Что касается запрещения торговли спиртными напитками,— писал Нессельроде,— то император крайне желает, чтобы об этом было объявлено, и он не сомневается, что г-н Миддлтон и правительство Соединенных Штатов воспримут это пожелание, продиктованное гуманными и моральными мотивами, самым благожелательным образом»⁶³.

После некоторых колебаний Г. Миддлтон согласился с запрещением торговли как спиртными напитками, так и всякого рода оружием при условии, что это обязательство «никогда не будет предлогом ни для обыска и задержки судов, ни для захвата товаров и любых других принудительных мер в отношении владельцев или команды кораблей, которые могут проводить подобную торговлю»⁶⁴.

Последний вопрос, который вызвал острые дебаты во время встреч Г. Миддлтону с К. В. Нессельроде и П. И. Полетикой 31 марта (12 апреля), 1 (13) и 2 (14) апреля 1824 г., был связан с десятилетним сроком свободной торговли американских граждан в русских владениях. Русские уполномоченные настаивали на безусловной отмене этой привилегии по истечении 10 лет. Возражая против этого, Миддлтон доказывал, что торговля с американцами делается для русских поселений ценной и незаменимой еще до истечения 10-летнего срока, и, кроме того, подчеркивал, что у него нет полномочий соглашаться на подобное условие. Выход был найден в подписании 2 (14) апреля 1824 г. специального протокола. Русская сторона приняла американский вариант ст. IV, но в протоколе отмечалось: «...Взаимное право торговли, предоставленное этим условием, не может быть продлено сверх установленного срока иначе, как с обоюдного согласия»⁶⁵.

⁶³ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 7 (19) апреля и К. В. Нессельроде — Г. Миддлтону, 20 марта (1 апреля) 1824 г.— Ibid., p. 460, 466.

⁶⁴ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 7 (19) апреля, проект Соединенных Штатов от 24 марта (5 апреля), русский контрпроект от 28 марта (9 апреля) и проект США от 31 марта (12 апреля) 1824 г.— Ibid., p. 460, 467—468.

⁶⁵ Протокол, подписанный Г. Миддлтоном, К. В. Нессельроде и П. И. Полетикой 2 (14) апреля 1824 г.— ASP, FR, Vol. V, p. 469; Treaties, Vol. III, p. 159—160. Подлинник см.: приложение «г» к допесению Миддлтону от 7 (19) апреля 1824 г.— NA, DD, Russia, Vol. X.

Официальное подписание конвенции между Россией и США «о непоколебленном сохранении состоящей между ними дружественной связи» состоялось в С.-Петербурге 5(17) апреля 1824 г. В первой статье с общего согласия торжественно провозглашалось, что подданные обеих держав «могут пользоваться беспрепятственно и с полной свободой мореплаванием, производством рыбной ловли и правом приставать к берегам в таких местах, которые еще не заняты», во всех частях Тихого океана. Далее, однако, оговаривалось, что «граждане Соединенных Штатов не могут приставать в тех местах, где находится российское селение, без позволения тамошнего правителя или начальника, а равным образом и российские подданные не могут приставать без позволения к селениям Соединенных Штатов на северо-западном берегу» (ст. 2).

Линия разграничения между владениями обеих держав «на северо-западном берегу Америки» устанавливалась по 54°40' с. ш. (ст. 3). В важной ст. 4 конвенции указывалось, что «в продолжении десяти лет, считая со дня подписания сей конвенции, кораблям обеих держав... будет позволено взаимно заходить без малейшего помешательства во все внутренние моря, заливы, гавани и бухты, находящиеся на берегу, в предыдущей статье обозначенном, для производства там рыбной ловли и торговли с природными той страны жителями». Из этого «торга» исключались «всякие спиртовые напитки, огнестрельное и белое оружие, порох и военные снаряды всякого рода». Это запрещение не должно было, однако, «служить предлогом или быть истолковано в том виде, что оно дает право кораблю осматривать или задерживать, или товары захватывать, или, наконец, принимать какие-либо меры принуждения..., ибо высокие договаривающиеся стороны взаимно предоставили себе определять наказания и налагать денежные пени за нарушение сей статьи» (ст. 5). В последней, шестой, статье предусматривалось, что ратификационные грамоты будут разменены в Вашингтоне «через десять месяцев, или, буде можно, и прежде»⁶⁶.

⁶⁶ Текст конвенции от 5(17) апреля 1824 г. см.: ПСЗРИ, т. XXXIX, стр. 251—253; П. А. Тихменев. Указ. соч., ч. I, приложения, стр. 61—63; Treaties..., Vol. III, p. 151—155.

Так закончились переговоры, которые привели к подписанию первого официального договора между Россией и Соединенными Штатами. С самого начала они носили, как мы видели, деловой и конструктивный характер. «Вся обычная дискуссия о праве и факте», по обоюдному согласию, полностью исключалась и лишь в отдельных случаях американский посланник прибегал к дополнительным аргументам, когда считал необходимым поддержать американские притязания. «В общем же все, что носило характер *обсуждения*, — писал Миддлтон, — по-видимому, тщательно избегалось противной стороной»⁶⁷.

Соединенные Штаты могли быть довольны. Они получили по существу все, на что рассчитывали, уступив России незначительную территорию, которая им не принадлежала и на которую они практически никогда не претендовали (южная граница русских владений устанавливалась по 54°40′ вместо 55° с. ш., как предлагалось в первоначальном американском проекте). Петербургские переговоры 1824 г. весьма показательны и в другом отношении. Если американское и британское правительства самым внимательным образом относились к защите торговых интересов своих граждан на Северо-Западе Америки (вспомним, например, представление бостонской фирмы «Брайант энд Стургис» Дж. К. Адамсу или записки компании Гудзонова залива Дж. Каннингу), то о руководителях царского ведомства иностранных дел этого сказать нельзя. Более того, ход переговоров с США и Англией совершенно определенно свидетельствовал о том, что интересы Российско-американской компании не имели для К. В. Нессельроде решающего значения, хотя он и был о них своевременно информирован.

Уже в первом своем отношении управляющему МИД от 8 (20) января 1824 г. адмирал Н. С. Мордвинов отмечал, что выгоды компании «требуют удержания 52 градуса, чертой коего заключается остров Шарлот. Но если невозможно будет удержать и сего предела, то необходимо нужно остановиться на 53°40′, т. е. по N[северный] мыс острова Шарлот». Поскольку «в северных

⁶⁷ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 7 (19) апреля 1824 г. — ASP, FR, Vol. V, p. 460.

широтах Америки нет возможности производить ни хлебопашество, ни завести скотоводство», Мордвинов решительно настаивал на сохранении «порта Росс, лежащего по 38°40′», и удержании по крайней мере территории «от Бодеги на один градус к N [северу] и на один градус к востоку»⁶⁸.

Развивая свои соображения в письме от 20 февраля (3 марта) 1824 г., Н. С. Мордвинов вполне обоснованно подчеркивал, что «приморские колонии требуют для благосостояния своего не одного обладания берегом, но потребны для них нивы и леса, площади и горы для удовлетворения многочисленных для жителей нужд». Если же дело ограничится предоставлением во владение России узкой прибрежной полосы в 30—40 миль к северу от Ново-Архангельска, то, по мнению Мордвинова, компания неизбежно в дальнейшем будет отодвинута «за 60-й градус» и оставит свои селения «ниже сего градуса».

Для обоснования русских притязаний на все пространство «матерой земли до самых Кордильерских гор, или Каменных гор», адмирал ссылался не только на «природой положенные границы», но и на давние исторические права. «Северо-западный берег Америки открыли первые россияне и на оном соделали первые заселения; они первые познакомились, подружились и соединились торговыми обменами и даже семейственными союзами с жителями матерой земли сего края. Для удержания в зависимости коренных жителей Россия не щадила ни трудов, ни издержек, подвергалась многолетней опасности, понесла многие кораблекрушения и приобрела права, каковых никакой другой народ предъявить не может». Что касается Англии, то она «в недавних токмо временах открыла течение реки Макензии, которая протекает по восточную сторону» Скалистых гор. Учитывая, что в данный момент обстоятельства могут не

⁶⁸ Н. С. Мордвинов — К. В. Нессельроде, 8(20) января 1824 г.— «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 641—642; ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 849, лл. 6—7. Несколько позже Мордвинов представил Нессельроде «выписку» с обоснованием «прав Российской державы» по обладанию северо-западным побережьем Америки вплоть до 50-й параллели, а также соответствующий отрывок из опубликованного в конце XVIII в. путешествия Г. Ванкувера (см. письма Мордвинова Нессельроде, 15(27) января и 3(15) марта 1824 г.— «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 643—644, 647—648).

благоприятствовать «к справедливому и выгодному означению на матерой земле границ наших», Н. С. Мордвинов рекомендовал «за благополезное отложить до других времен переговоры с английским министром и ограничить себя открытием порта ново-архангельского для свободного входа в оный иностранных судов с постановлением правил торговых и с удержанием воспрещения иметь им непосредственный торг с дикими и притом не снабжать их оружием и порохом, которые они обращают против нас и против них самих, ибо известно, что несколько из американцев Соединенных Штатов убиты были ружьями, от европейцев данными». Для более обстоятельного объяснения адмирал Мордвинов просил Нессельроде назначить удобное время для личной встречи⁶⁹.

Глава ведомства иностранных дел не проявил особого желанья принять некогда влиятельного царского сановника, который отличался завидной независимостью своих убеждений. К тому же переговоры с американским посланником вступили в завершающую стадию, и К. В. Нессельроде, по всей видимости, не очень хотелось посвящать в их ход представителя Российско-американской компании. В результате управляющий МИД ответил Н. С. Мордвинову лишь 11(23) апреля 1824 г., т. е. только после того, как конвенция с США была уже подписана.

Сообщая, что император принял отношение Н. С. Мордвинова с благосклонностью и что права российских подданных на Северо-Западе Америки не будут выпущены из виду, К. В. Нессельроде недвусмысленно намекал, что могут существовать «другие важнейшие государственные потребности и пользы и проистекающие оттого важнейшие обязанности для правительства». Он писал также, что «надлежит принимать в соображение не только степень обоюдных требований, но и степень возможности достигнуть цели оных без вредного напряжения сил». Учитывая эти соображения, Нессельроде замечал далее, что «простирает наши притязания на внутренность твердой земли Америки *до средних Каменистых гор* (Rocky Mountains) мы не имеем ни права, ни возмож-

⁶⁹ Н. С. Мордвинов — К. В. Нессельроде, 20 февраля (3 марта) 1824 г. — «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 644—647.

ности; такое притязание может лишь быть причиной не только споров, но и других неприятнейших происшествий, и, как мне кажется, даже нет видимой пользы в сем мысленном расширении наших пределов». Руководитель ведомства иностранных дел явно недооценивал значение обширных территорий, лежавших к западу от Скалистых гор, и отмечал, в частности, что «в тамошних местах земля почти бесплодна».

Переходя к содержанию конвенции от 5(17) апреля 1824 г., К. В. Нессельроде доказывал, что ее условия «взаимно и совершенно удовлетворительные». Согласие США запретить торговлю оружием давало, по его мнению, «первое прочное основание спокойному существованию поселений наших» и уничтожало «главный повод бывших доселе в том краю беспорядков, распрей и кровопролитий». Что касается разрешения американским гражданам производить рыбную ловлю и торговлю в русских владениях в течение 10 лет, то Нессельроде отмечал, что компания «до сих пор не находила средств им препятствовать в том», а после истечения «немногих срочных лет мы имеем законную власть совершенно воспретить им торговлю и рыболовство в сем крае».

В целом управляющий МИД утверждал даже, что в результате заключенного соглашения русские колонии «выигрывают более», поскольку этот акт «есть в некотором смысле начало политического бытия их и безопасности, ибо ныне в первый раз определяются их отношения к иностранным государствам». Не очень полагаясь, однако, на убедительность своих доводов, К. В. Нессельроде не забыл упомянуть, что «государь император благоволил одобрить все постановления сей конвенции, в коей по возможности соглашены требования и пользы обеих договорившихся сторон», и в заключение выражал надежду, что члены Российско-американской компании оценят «новое великое благодеяние августейшего покровителя, столь неутомимо пекущегося о их благе»⁷⁰.

⁷⁰ К. В. Нессельроде — Н. С. Мордвинову, 11(23) апреля 1824 г. — «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 649—654; ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 849, лл. 10—17. Одновременно с этим письмом Нессельроде сообщил, что «с особенным любопытством и вниманием» ознакомился со статьей В. Н. Берха, написанной в ответ на замечания «некоторых иностранных журналистов» об указе 4(16) сентября 1821 г. «Отдавая полную справедливость достохвальным наме-

Неблагодарные члены Российско-американской компании не оценили благодеяние своего «августейшего покровителя». В адрес царского правительства посыпались записки и жалобы на условия заключенной в апреле 1824 г. конвенции. В ответ на запрос Н. С. Мордвинова о последствиях предоставления «иноземному народу... права ловли в водах, омывающих берега наших колоний», директора главного правления утверждали, что эта мера «потрясет компанию в самом ее основании и будет причиной самых губельных последствий для ее благосостояния». Получив одинаковые права, «предприимчивые граждане Соединенных Штатов, влекомые надеждой верных выгод, в самое короткое время покроют судами все места, доставляющие богатый промысел или посредством ловли, или посредством торговли». В итоге будет нанесен ущерб торговле «в Кяхте с Китаем, на границах Турции и Персии, а равно на ярмарках Ирбитской и Макарьевской»⁷¹.

Сам Мордвинов сразу же после получения текста конвенции обратил внимание Нессельроде, что французское слово «rêche» означает не только рыбную ловлю, но и всякого рода ловлю вообще — «rêche de poissons, rêche de corail, rêche de perle и проч.» Между тем без исключительного права «ловли морских зверей, котов и морских бобров компания наша,— отмечал Мордвинов,— существовать не может»⁷². По согласованию с Александром I управляющий МИД ответил, что под

рениям автора», управляющий МИД полагал, однако, что «статья едва ли может быть напечатана», так как это послужило бы лишь «поводом к возобновлению бесполезных и даже неприятных для правительства нашего прений» («Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 654—655).

⁷¹ Главное правление РАК — Н. С. Мордвинову, 5(17) мая 1824 г.— «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 658—661; ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 849, лл. 22—24, Цитируемая записка, как и ряд других документов по данному вопросу, была подготовлена К. Ф. Рылеевым, который служил в то время в Российско-американской компании правителем канцелярии. Черновой автограф этого документа см.: «Литературное наследство», т. 59. М., 1954, стр. 166—167. Составители отмечали, что им не известен адресат записки, и ошибочно датировали ее второй половиной 1824 г. или первой половиной 1825 г.

⁷² Н. С. Мордвинов — К. В. Нессельроде, 12(24) апреля 1824 г.— «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 655—656 (подлинник см.: АВПР, ф. Канцелярия, д. 7316, л. 3).

этим словом имелась в виду именно ловля «всяких водяных животных и вообще всех произведений моря»⁷³. Стремясь как можно быстрее покончить с оппозицией, К. В. Нессельроде уже 10(22) мая 1824 г. добился официальной ратификации конвенции императором Александром I⁷⁴. Десять дней спустя документы, связанные с заключением конвенции между Россией и США о «непоколебимом сохранении состоящей между ними дружественной связи», были направлены посланнику в Вашингтоне Ф. В. Тейлю⁷⁵.

Предотвратить дальнейшие протесты К. В. Нессельроде не удалось, тем более, что о заключении соглашения с Соединенными Штатами стало наконец известно и руководству компании. «В мае месяце 1824 г.,— указывало главное правление,— дошло посторонним образом до сведения компании, что нашим правительством и Северо-Американскими Штатами заключена 5(17) апреля конвенция. Один из директоров тогда же явился к управляющему министерством иностранных дел, который приказал ему явиться у тайного советника Полетники, а от сего он лично получил словесное уведомление, что таковая конвенция действительно сделана»⁷⁶.

14(26) мая 1824 г. главное правление обратилось к министру финансов Е. Ф. Канкрину с официальным протестом по поводу заключения конвенции от 5(17) апреля, ссылаясь при этом на личное заявление К. В. Нессельроде одному из директоров компании, А. И. Северину⁷⁷. Правление считало, что условия конвенции и прежде всего предоставление американцам свободы торговли и рыбной ловли в русских владениях на 10 лет нарушают привилегии компании и ставят под угрозу не только благосостояние, но и само ее существование. Пересылая протест компании К. В. Нессельроде, министр финансов просил его «войти в рассмотрение озна-

⁷³ К. В. Нессельроде — Н. С. Мордвинову, 18(30) апреля 1824 г.— «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 656—657 (подлинник см.: ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 849, лл. 20—21).

⁷⁴ П. А. Тихменев. Указ. соч., ч. I, приложения, стр. 63.

⁷⁵ См.: К. В. Нессельроде — Ф. В. Тейлю, 20 мая (1 июня) 1824 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12214, л. 26 и др.

⁷⁶ Записка главного правления в совет РАК, 2(14) июня 1826 г.— ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 980, лл. 61—62.

⁷⁷ Главное правление РАК — Е. Ф. Канкрину, 14(26) мая 1824 г., № 346.— АВПР, ф. РАК, д. 314, лл. 19—21.

ченного дела»⁷⁸. Управляющему ведомством иностранных дел явно не хотелось возвращаться к обсуждению условий уже ратифицированной конвенции, но 12(24) июня 1824 г. последовало новое обращение главного правления к Е. Ф. Канкрину⁷⁹. Царскому правительству приходилось как-то реагировать на эти протесты, и Александр I распорядился создать для окончательного решения дела специальный комитет, в состав которого, помимо К. В. Нессельроде, вошли такие лица, как Е. Ф. Канкрин, М. М. Сперанский, Я. А. Дружинин и П. И. Полетика.

Открывая заседание комитета 21 июля (2 августа) 1824 г., К. В. Нессельроде доложил о состоянии вопроса — напомнил условия конвенции, заключенной с Соединенными Штатами, содержание двух представлений Российско-американской компании, а также проект своего ответа на эти представления. Как записано в «протоколе конференции 21-го июля», члены комитета «обратили величайшее внимание на причины опасений, изъясненных оною компаниею, равно как и на причины, говорящие в пользу постановления, заключенного с полномочным вашингтонского кабинета, также и на средства, которые императорское министерство считает удобнейшими к предупреждению всех вредных и несправедливых толкований».

Большинство членов комитета⁸⁰ полагали, что конвенция от 5(17) апреля выгодна для интересов России и должна быть поэтому утверждена. «Не должно выпускать из виду, — указывалось в протоколе, — что условием 5(17) апреля прекращаются все споры, к которым дало повод постановление 4(16) сентября 1821 г., постановление, изданное по формальной и неоднократной просьбе Российско-американской компании; что сии

⁷⁸ Е. Ф. Канкрин — К. В. Нессельроде, 16(28) мая 1824 г. — Там же, лл. 22—23.

⁷⁹ Протокол совета Российско-американской компании от «1824 года июня — дня» о защите ее интересов от посягательств американских промышленников с автографом К. Ф. Рыльева хранится в Гос. архиве Пермской области, ф. 445, оп. 1, д. 78, л. 1.

⁸⁰ Хотя в протоколе нет точных указаний о позиции отдельных членов комитета, общее содержание документа позволяет сделать вывод, что большинство составляли трое из пяти — К. В. Нессельроде, П. И. Полетика (лица, подписавшие конвенцию) и М. М. Сперанский.

споры делались уже весьма важными и, конечно, возобновятся опять, если Россия не утвердит условий, и что в таком случае невозможно будет предвидеть ни конца их, ни последствий». Заключенное соглашение «относится только к спорным землям на северо-западном берегу Америки и прилегающим островам». Что касается побережья Сибири и Алеутских островов, то власть России над этими территориями «издавна признана всеми державами». Кроме того, «Россия основала прочные заведения как по берегам Сибири, так и на Алеутской гряде островов, почему подданные американские в силу ст. 2-й условия 5 (17) апреля не могли бы ни приставать в приморских тамошних местах, ни же производить звериную и рыбную ловлю без позволения наших комендантов или губернаторов».

Министр финансов Е. Ф. Канкрин и директор департамента мануфактур Я. А. Дружинин внесли в протокол особое мнение, в котором предложили вменить русскому посланнику в Вашингтоне Ф. В. Тейлю в обязанность «истребовать, дабы свободный промысел звериной и рыбной ловли... производился только от 54° 40' до высоты Крестного залива (Cross Sound)». Большинство членов комитета «почло за нужное вникнуть» в существо предложений Канкрина и Дружинина и нашло, что они относятся к двум главным пунктам: «К бухте Якутатской (Berings Bay) под параллелью 59° 30'» и «к бухте или заливу Крестному (Cross Sound) под параллелью 57°». Первый из этих пунктов «находится под такой широтой, где права России никогда не составляли предмета споров», и это «позволило заключить его в общей декларации касательно Алеутских островов и других северных мест», которую Ф. В. Тейлю поручалось сделать «во избежание всякого несправедливого толкования» конвенции. «В рассуждение же второго (Cross Sound)», находившегося «под 57° северной широты и, следовательно, в пределах тех островов и земель, о коих права владычества России были оспариваемы», то исключить его из действия конвенции оснований не было. Тем не менее, для того чтобы продемонстрировать «попечительность» правительства о выгодах компании, Ф. В. Тейлю, по единодушному мнению комитета, поручалось попытаться убедить вашингтонский кабинет, «что, приняв за благо примечание, касающееся до бухты Крестной, он

предупредит все неприятные встречи между подданными обеих держав». Посланник должен был, однако, упомянуть об этом предложении только тогда, когда убедится, что оно будет принято «за благо» и не воспрепятствует Соединенным Штатам «утвердить условие 5(17) апреля»⁸¹.

Сообщая главному правлению компании «протокол конференции 21-го июля» и другие документы, связанные с рассмотрением его жалоб на условия конвенции, Е. Ф. Канкрин и Я. А. Дружинин отмечали, что для предотвращения всех недоразумений русскому посланнику в Вашингтоне направлены необходимые инструкции с тем, чтобы ограничить пределы, в которых американским гражданам разрешается рыбная ловля и торговля с местными жителями, территорией между 54°40' с. ш. и заливом Якутат⁸².

Если в С.-Петербурге в кругах, связанных с Российско-американской компанией, условия соглашения с Соединенными Штатами вызвали решительные протесты, то в Вашингтоне не скрывали своего удовлетворения. Оригинал конвенции был отправлен Г. Миддлтоном со специальным курьером 12(24) мая и получен в Вашингтоне 26 июля 1824 г.⁸³ В беседах с Ф. В. Тейлем летом 1824 г. Дж. К. Адамс отмечал, что не предвидит каких-либо затруднений при ратификации конвенции сразу же после открытия сессии конгресса в декабре 1824 г. Сам государственный секретарь был особенно заинтересован в заключенном соглашении, так как это увеличивало его шансы на президентских выборах осенью 1824 г.⁸⁴ Полное одобрение правительства США получили и действия Миддлтона в ходе переговоров в С.-Петербурге⁸⁵.

⁸¹ Протокол конференции от 21 июля (2 августа) 1824 г.— ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 851, лл. 1—5. Оpubл. с ошибочной датой «21 июня» в «Архиве графов Мордвиновых», т. VI, стр. 674—679.

⁸² Е. Ф. Канкрин, Я. А. Дружинин — главному правлению РАК, 4(16) сентября 1824 г.— РАВТ, Vol. II, p. 92—93.

⁸³ Г Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 12 (24) мая 1824 г.— NA, DD, Russia, Vol. X.

⁸⁴ См.: Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 31 июля (12 августа) и 14(26) августа 1824 г.— «АНР», Vol. XVIII, N 3, April 1913, p. 554—555.

⁸⁵ Дж. К. Адамс — Г. Миддлтону, 7 августа 1824 г.— NA, DI, AC, Vol. X, p. 203.

Комментируя содержание русско-американской конвенции, президент Дж. Монро специально выделил три главных момента: отказ России от притязаний на закрытое море (*mare clausum*), утверждение в качестве пограничной линии «очень высокой северной широты» и предоставление Соединенным Штатам свободной торговли с индейцами в течение 10 лет. «Начав переговоры только с нами и уступив нам в этих вопросах, особенно в том, что касается навигации, император проявил огромное уважение к Соединенным Штатам», — писал президент и подчеркивал далее, что дополнительное значение этот договор приобретает потому, что он был заключен до подписания аналогичного соглашения с Великобританией и после получения в С.-Петербурге известия о послании конгрессу от 2 декабря 1823 г., содержащего принципы, «противоположные тем, которые разделялись Священным союзом»⁸⁶. В целом президент отмечал в своих письмах Т. Джефферсону и Дж. Мэдисону, что договор относительно северо-западного побережья и Тихого океана предоставляет все, о чем США могли бы просить или желать⁸⁷.

Вполне благоприятный прием конвенция получила и в американской печати, в частности на страницах «Нэшнл интеллидженсер». Вашингтонский официоз поздравил администрацию президента Монро с успешным завершением переговоров с Россией и высоко отозвался о личных качествах и талантах Г. Миддлтона. Газета особо отмечала, что новое соглашение явилось результатом мудрой политики США, способствовавших на протяжении последних 10 или 12 лет «доброй воле русского правительства»⁸⁸.

6 декабря 1824 г. незадолго до того, как конвенция была передана в сенат США для ратификации, барон Тейль пришел к государственному секретарю и не без некоторого замешательства сообщил ему о содержании инструкций, только что полученных из С.-Петербурга. В соответствии с новыми указаниями, явившимися ре-

⁸⁶ Дж. Монро — Дж. Мэдисону, 2 августа 1824 г. — *J. Monroe. Writings*, 7 Vols. New York, 1898—1903, Vol. VII, p. 33.

⁸⁷ См. письма Дж. Монро Дж. Мэдисону и Т. Джефферсону от 18 октября 1824 г. — *Ibid.*, p. 41, 42.

⁸⁸ «National Intelligencer», 4.VIII 1824.

зультатом протестов Российско-американской компании, при обмене ратификационными грамотами Ф. В. Тейль должен был вручить ноту с разъяснением, что правительство России исходит из того, что свобода торговли американских граждан не распространяется на побережье Сибири и Алеутских островов. Посланнику надлежало также предложить изменение условий конвенции с тем, чтобы американским судам было запрещено торговать на северо-западном побережье к северу от 57-й параллели.

По мнению Адамса, подобный демарш, предпринятый до или во время ратификации, может привести к отклонению сенатом всей конвенции. Поэтому государственный секретарь советовал посланнику подождать ратификации и посмотреть, как конвенция будет действовать, поскольку сам он уверен, что никаких поводов для жалоб не будет. Если же такие жалобы действительно возникнут, то в этом случае наступит время для переговоров по модификации конвенции, причем со стороны правительства Соединенных Штатов будет сделано все возможное, чтобы устранить причины для неудовольствия. «Мое частное мнение состоит в том,— заявил Дж. К. Адамс,— что наши граждане не имеют никаких намерений распространять свои торговые предприятия ни на Сибирь, ни на Алеутские острова... Официальный демарш по этому поводу мог бы, однако, заронить первую мысль об этом». Государственный секретарь особо отметил, что конвенция произвела в общественном мнении Соединенных Штатов «самый желательный результат» и создала «настроение в пользу России». Более того, в цитируемой нами протокольной записи прямо указывалось, что государственный секретарь Соединенных Штатов рассматривал обе страны «как *естественных друзей*» («Je considère les deux pays comme *amis naturels*»).

Все эти соображения показали русскому посланнику достаточно убедительными, и он попросил государственного секретаря считать, что их беседа как бы не имела места (*non avenu*). При этом Тейль зарезервировал за собой право представить соответствующую ноту уже после ратификации конвенции или, информировав о происшедшем свое правительство, запросить новые инструкции. Адамс сразу же с этим согласился, и путь

к ратификации конвенции сенатом США был открыт ⁸⁹.

В годовом послании конгрессу от 7 декабря 1824 г. Монро с удовлетворением сообщил о заключении конвенции с Россией, которая урегулировала «важные вопросы относительно северо-западного побережья этого континента и примыкающих к нему морей». Президент считал также необходимым специально добавить, что метод созыва и проведения переговоров со стороны России был весьма удовлетворителен ⁹⁰. Несколько дней спустя текст конвенции вместе с сопроводительными документами был направлен в сенат для ратификации ⁹¹.

Прохождение конвенции через сенат не встретило серьезной оппозиции. Лишь сенатор Дж. Ллойд в частном письме Дж. К. Адамсу обратил внимание, что запрещение продажи спиртных напитков лишает американских мореплавателей «самой соблазнительной торговли». Он также отметил, что ограничение свободной торговли десятью годами может в действительности оказаться и предельным сроком допущения иностранной торговли в русских владениях ⁹². Со своей стороны Тейль напомнил Адамсу, что ограничение продажи оружия и спиртных напитков является условием, которому русское правительство придает самое большое значение, и просил государственного секретаря использовать все свое влияние для того, чтобы это стало ясным для сената ⁹³.

⁸⁹ *J. Q. Adams. Memoirs, 12 Vls. Philadelphia, 1874—1877, Vol. VI, p. 435—437.* Содержание этих переговоров получило отражение в конфиденциальных документах, которыми Дж. К. Адамс и Ф. В. Тейль обменялись в конце 1824 г. («Voici quelle fut en substance la réponse de Mr. Adams. December 1824» (Tuyll. Baron de. Raport of Conference with J. Q. A., 6 December 1824).—MHS, The Adams Papers).

⁹⁰ *Messages and Papers, ed. by J. Richardson. Washington, 1903, Vol. II, p. 251.*

⁹¹ См. послание президента Монро сенату от 13 декабря 1824 г.—*Ibid.*, p. 265. Документы, относящиеся к заключению конвенции, направленные сенату, см.: ASP, FR, Vol. V, p. 434 ff.

⁹² См.: Дж. Ллойд — Дж. К. Адамсу, 25 декабря 1824 г.—MHS, The Adams Papers. Не без влияния этого письма Дж. К. Адамс в инструкциях Г. Миддлону от 29 января 1825 г. отметил, что статья, ограничивающая торговлю американских граждан с индейцами, считается необычной, и если британская торговля не будет ограничена подобным же образом, это произведет в США неблагоприятное впечатление (NA, DI, AC, Vol. X, p. 221—222).

⁹³ Ф. В. Тейль — Дж. К. Адамсу, 30 декабря 1824 г.—MHS, The Adams Papers.

В конечном итоге подавляющее большинство членов сената (41), включая Дж. Ллойда, проголосовали за ратификацию, а единственный голос против конвенции был подан Дж. Де Волфом (штат Род-Айленд). Обмен ратификационными грамотами состоялся 11 января 1825 г. и первый договор между Россией и США, таким образом, официально вступил в силу⁹⁴. Не имела уже практического значения и запоздалая памятная записка Ф. В. Тейля, в которой указывалось, что свобода торговли, предоставляемая американским гражданам, не распространяется на территорию севернее 59°30'⁹⁵. Касаясь возможных требований об изменении условий соглашения в будущем, Дж. К. Адамс в инструкциях Г. Миддлтону в январе 1825 г. отмечал целесообразность для обеих сторон подождать практических результатов, и, если будет установлено, что конвенция не удовлетворяет Россию, дополнить ее путем новых переговоров, проводимых в том же дружественном и примирительном духе, как и те, которые привели к заключению данного соглашения⁹⁶.

Следует сказать, что хотя ратификация конвенции прошла в конгрессе очень быстро и гладко, американские законодатели не слишком торопились принять в соответствии со ст. 5 этого соглашения постановление о наказании лиц, занимающихся незаконной торговлей оружием и спиртными напитками. Лишь несколько лет спустя, 19 мая 1828 г., палата представителей и сенат приняли специальный акт, предусматривавший, что американские граждане, занимающиеся в нарушение ст. 5 русско-американской конвенции от 5(17) апреля 1824 г. незаконной продажей оружия, военного снаряжения и спиртных напитков местным жителям северо-западного побережья и прилегающих островов, подлежат штрафу в размере от 50 до 200 долл., или заключению в тюрьму сроком от одного до шести месяцев⁹⁷.

⁹⁴ ASP, FR, Vol. V, p. 583; Messages and Papers, Vol. II, p. 280; J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VI, p. 465.

⁹⁵ Меморандум Ф. В. Тейля в связи с ратификацией конвенции между Россией и США (11 января 1825 г.) — MHS, The Adams Papers; NA, Notes, Russia, Vol. I.

⁹⁶ Дж. К. Адамс — Г. Миддлтону, 29 января 1825 г. — NA, DI, AC, Vol. X, p. 222.

⁹⁷ Акт конгресса от 19 мая 1828 г. — «The Public Statutes of the United States of America», Vol. IV. Boston, 1850, p. 276.

Значительно более сложными и продолжительными оказались переговоры между Россией и Великобританией. Они начались почти одновременно с русско-американскими конференциями в конце февраля 1824 г. и продолжались с перерывами около года. С самого начала наиболее трудными оказались вопросы, связанные с территориальным разграничением русских и английских владений на Северо-Западе Америки. Желая продемонстрировать свою умеренность, русские уполномоченные сообщили британскому послу Ч. Баджету о том, что они отказываются от распространения своих владений вплоть до 51-й параллели и согласны удовлетвориться границами 1799 г., т. е. 55° с. ш. Для того чтобы сохранить во владении компании всю территорию о-ва Принца Уэльского, К. В. Нессельроде и П. И. Полетика предложили установить границу по $54^{\circ}40'$ с. ш. и вдоль побережья провести границу по горному хребту, что сохранило бы за Россией узкую полосу континента вплоть до пересечения с 140° з. д. Нессельроде и Полетика соглашались, кроме того, на открытие Ново-Архангельского порта и свободную навигацию по рекам, которые протекают через русские владения.

Возражая против этих предложений, Ч. Баджет ссылаясь на то, что Российско-американская компания не имеет поселений южнее 57-й параллели, и предлагал, чтобы русские владения вдоль Американского континента начинались от 56-й параллели. «Эта разница, если смотреть по карте,— сообщал Нессельроде русскому послу в Лондоне 5(17) апреля 1824 г.,— может с первого взгляда показаться незначительной; тем не менее она столь существенна, что для нас совершенно невозможно принять план разграничения, предложенный уполномоченным е. британского в-ва».

Касаясь существа разногласий между Россией и Англией в переговорах в С.-Петербурге весной 1824 г., Нессельроде отмечал: «Мы настаиваем лишь на привилегии, которой наша торговля пользовалась еще с 1799 г., тогда как английские компании Гудзонова залива и Северо-западная появились поблизости этих широт едва ли три года назад, и они еще до сих пор не занимают какого-нибудь места на берегу океана. Хорошо известно, что они стремятся обеспечить себе выгоды от охоты и рыбной ловли только еще для будущего. Таким обра-

зом, если мы хотим *сохранить* (conserver) то, что имеем, то английские компании хотят приобрести (acquérir). Одного этого обстоятельства достаточно для того, чтобы оправдать наши предложения. Не в меньшей мере они соответствуют и принципу взаимного удобства (principe des convenances mutuelles), который должен служить основой для переговоров».

Позиция России усиливалась также тем, что Великобритания, заключив 20 октября 1818 г. конвенцию с США о совместном владении на протяжении 10 лет территориями между Скалистыми горами и Тихим океаном к югу от владений России, не могла уже претендовать на свои исключительные права в этом районе. Юридически Соединенные Штаты имели совершенно аналогичные притязания и к этому времени уже признали в качестве южной границы русских владений $54^{\circ}40'$. Стремясь подчеркнуть умеренность своих предложений, К. В. Нессельроде указывал, что Россия не стремится к получению каких-либо преимуществ и желает избежать серьезных осложнений⁹⁸.

Британский кабинет не был, однако, склонен принимать подобные условия. Как огромную уступку России Дж. Каннинг преподносил свое согласие на включение в состав русских владений всего о-ва Принца Уэльского⁹⁹. В то же время британский министр настаивал, чтобы уступаемая России полоса земли вдоль побережья не превышала 10 морских лиг (морская лига = 5,56 км), а желательно была бы даже уже¹⁰⁰. Английская сторона настаивала также на праве своих подданных охотиться, ловить рыбу и торговать с туземным населением на вечные времена в пределах территории, составлявшей предмет спора, т. е. от 59° с. ш. до $54^{\circ}40'$, и сроком на 10 лет в другой части русских владений — от 59° с. ш. и до Берингова пролива. Наконец, британское правительство требовало открытия на вечные времена Ново-Архангельского порта. Русские уполномоченные не могли пойти на принятие подобных пред-

⁹⁸ См.: К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену, 5(17) апреля 1824 г. — РАВТ, Vol. II, p. 169—172.

⁹⁹ Х. А. Ливен — К. А. Нессельроде, 20 мая (1 июля) 1824 г. — Ibid., p. 177.

¹⁰⁰ Дж. Каннинг — Ч. Баджету, 12 июля 1824 г. — Ibid., p. 181—182 с приложением проекта конвенции (p. 182 ff.).

ложений, поскольку это было «равносильно отречению от своего территориального суверенитета»¹⁰¹.

В результате Ч. Баджет уехал из С.-Петербурга, так и не подписав никакого соглашения. В частном письме Дж. Каннингу от 24 августа 1824 г. он объяснял, что публикация русско-американской конвенции привела к такому взрыву протестов, что Нессельроде и Полетика теперь боятся подписать документ, который не содержал бы значительных и очевидных преимуществ¹⁰².

Заключительная часть переговоров в С.-Петербурге велась уже новым английским уполномоченным—С. Каннингом, который получил инструкции добиваться, чтобы ширина русских владений вдоль побережья не превышала 10 морских лиг и разграничение к северу от 59-й параллели шло не по 139°, а по 141° з. д. (т. е. было отодвинуто на два градуса к западу)¹⁰³.

В конечном итоге царское правительство решило уступить, и 16(28) февраля 1825 г. К. В. Нессельроде, П. И. Полетика и С. Каннинг подписали конвенцию «о разных предметах, относящихся как до торговли, мореплавания и рыбных промыслов обоюдных их подданных на Тихом океане, так и до границ обоюдных владений их на северо-западном берегу Америки»¹⁰⁴.

В соответствии со ст. III конвенции граница между русскими и английскими владениями устанавливалась от южного окончания о-ва Принца Уэльского (54°40' с. ш.) «вдоль по проливу, называемому *Портландский канал*, до той точки твердой земли, где она касается 56 градуса северной широты. Отсюда черта разграничения последует по хребту гор, простирающихся в параллельном направлении с берегом, до точки пересечения на 141 градусе западной долготы» и далее на север вдоль той же меридианной линии до Ледовитого океана. Специально оговаривалось также (ст. IV), что пограничная линия вдоль побережья по хребту гор не должна отстоять от берега более чем на 10 морских лиг,

¹⁰¹ См.: *Ф. Мартенс. Собрание трактатов...*, т. XI, стр. 314.

¹⁰² *S. R. Tompkins. Drawing the Alaskan Boundary.—«Alaska and Its History»,* p. 107.

¹⁰³ Дж. Каннинг — С. Каннингу, 8 декабря 1824 г.— РАВТ, Vol. II, p. 211 etc.

¹⁰⁴ Текст русско-английской конвенции от 16(28) февраля 1825 г.— *Ф. Мартенс. Собрания трактатов...*, т. XI, стр. 316—322.

т. е. не более, чем на 55,6 км¹⁰⁵. Британские граждане навсегда получали право свободного плавания по всем рекам, которые, впадая в Тихий океан, пересекали русскую границу (ст. VI), а также в течение 10 лет производить рыбную ловлю и торговлю с местными жителями (ст. VII). Запрещение делалось лишь в отношении торговли «спиртовыми напитками, огнестрельным и белым оружием, порохом и другими военными снарядами» (ст. IX).

Уже после того как конвенция была ратифицирована, 3(15) марта 1825 г. Нессельроде поручил Ливену вновь возвратиться к предложению провести границу вдоль побережья по хребту гор. Послу поручалось заявить, что император усмотрел бы в принятии этого предложения доказательство особенного к нему расположения со стороны британского правительства¹⁰⁶. Как и в случае с русско-американской конвенцией, предпринимать новую инициативу уже после ратификации договора было, разумеется, делом совершенно безнадежным.

Уступки, сделанные царским правительством во время переговоров с США и Англией, ставили Российско-американскую компанию в довольно трудное положение, с которым главное правление не хотело мириться. В отношении министру финансов Е. Ф. Канкрину от 17 февраля (1 марта) 1825 г., направленном И. В. Прокофьевым, А. И. Севериным и К. Ф. Рылеевым, сообщалось о предписании главного правления колониальному начальству «устраивать крепостицы на северо-западном берегу Америки по Медной реке от морского берега внутрь земли».

Правление просило Е. Ф. Канкринина сообщить об этом в министерство иностранных дел, «дабы при переговорах с великобританским кабинетом оно обратило внимание на сей предмет... Известно,— писали руководители компании,— что англичане уже распространили свои приобретения до самого хребта Каменных гор

¹⁰⁵ В перевод Ф. Мартенса вкралась ошибка: «dix lieues marines», «ten marine leagues» — это «10 морских лье», или «10 морских лиг», а не «десять морских миль» (Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XI, стр. 319).

¹⁰⁶ См.: Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XI, стр. 315 (К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену, 13(25) марта 1825 г.).

(Rocky mountains) и, вероятно, пожелают перенести оные даже и по сию сторону тех гор. Хотя же компания желает со своей стороны распространить заселения свои до помянутого хребта (Rocky mountains), что необходимо для прочного существования ее, чему уже сделано начало и чего она, без сомнения, достигнет, если не будет иметь опасного совместничества; но как компания не имеет столь обширных средств, ибо не может войти в противоборство с английским правительством..., то, дабы правительство английское не присваивало себе страны, лежащей по сю сторону гор, главное правление компании осмеливается заметить, что Каменные горы (Rocky mountains) могут и должны быть в тамошнем крае границей обеих держав. Взаимная польза, справедливость и сама природа того требуют»¹⁰⁷.

Первоначально министр финансов был склонен отнестись к письму Прокофьева, Северина и Рылеева вполне благожелательно. «Находя сие представление уважительным,— писал он К. В. Нессельроде десять дней спустя,— я долгом поставляю препроводить к в. с-ву копию с оного»¹⁰⁸. Реакция главы МИД оказалась, однако, совершенно иной. Конвенция с Великобританией была уже подписана, и Нессельроде был решительно против обсуждения вопроса, по которому он пошел на такие значительные уступки Англии. 3 (15) марта 1825 г. Александр I официально ратифицировал англо-русскую конвенцию, а на следующий день Е. Ф. Канкрин записал на полях вышеупомянутого представления грозную резолюцию: «Получено от е. с-ва лично с высочайшим повелением предписать компании, чтобы она тотчас отменила построение крепостцов, а будет от дано уже распоряжение, послала бы об отмене нарочного, притом заметить компании, что самое требование ее не соответствует ни обстоятельствам тамошнего края, ни же правилам, компании предоставленным; сверх того, призвав директоров сделать им строжайший выговор за неприличность как самого предложения, так и выражений, с тем чтобы они беспрекословно повиновались рас-

¹⁰⁷ Главное правление РАК—Е. Ф. Канкрину, 17 февраля (1 марта) 1825 г.—АВПР, ф. РАК, д. 258, л. 12.

¹⁰⁸ Е. Ф. Канкрин—К. В. Нессельроде, 27 февраля (11 марта) 1825 г.—Там же, л. 13.

поряжениям и видам правительства, не выходя из границ купеческого сословия»¹⁰⁹.

Несколько фраз, в том числе слова, «что Каменные горы могут и должны быть в тамошнем крае границей обеих держав», были подчеркнуты как «неприличные». Кроме того, на документе имеется также карандашная надпись рукой Е. Ф. Канкрин: «6 февр[аля — надо марта! — Н. Б.] сделан выговор».

Позднее, пересылая главному правлению компании тексты конвенций 1824—1825 г., Канкрин счел необходимым присовокупить ряд замечаний, полученных им от Нессельроде. «Его сиятельство пишет ко мне, — указывалось в письме министра финансов в ноябре 1825 г., — «что он не преминул доложить государю императору по содержанию отношения моего от прошлого февраля о желании Российско-американской компании вместо прибрежной черты на твердой земле Америки приобрести полосу земли, которая к востоку граничила бы только с горами, известными под именем Rocky mountains». Подобное желание, однако, не получило высочайшего «соизволения». Еще ранее было отклонено и соответствующее обращение адмирала Мордвинова. Александр I и Нессельроде считали, что «побережная черта», закрепленная за Россией конвенцией от 16(28) февраля 1825 г., «с избытком достаточна для нужного обеспечения заведений наших на близ лежащих островах».

Кроме того, для сведения компании доводилось, что при ратификации конвенции от 5(17) апреля 1824 г. Ф. В. Тейль «не нашел возможности сделать формальную декларацию, о которой было ему поставлено на вид, вследствие конференций наших в июле 1824 г. и состоявшегося на основании оных протокола». Когда русский посланник «объявил вашингтонскому кабинету словесно и посредством вербальной ноты о настоянии нашем», то Дж. К. Адамс «представил ему, что правительство Соединенных Штатов никогда не может в сем акте найти ни одной оговорки, которую можно было бы приспособить к берегам Сибири; в рассуждении же северной части северо-западного берега Курильских и Алеутских островов никогда граждане Соединенных

¹⁰⁹ Запись Е. Ф. Канкрин от 4(16) марта 1825 г.— Там же, л. 12.

Штатов не замыслили к тем местам какого-либо торгового предприятия».

Официальная декларация, по мнению государственного секретаря, не только крайне затруднила бы ратификацию конвенции, но и могла «произвести действие, вовсе противное ее цели, возбудив такие намерения». Тейль, «будучи убежден в неосновательности опасений Российско-американской компании и имея, впрочем, только на случай предписание, показанное в протоколе 21-го июля 1824 г., сделать вышеозначенную декларацию, удержался подать оную г-ну Адамсу официально» и приступил к ратификации соглашения, заключенного 5(17) апреля 1824 г. «Поведение сего посланника в полной мере одобрено государем императором», который, по сообщению Нессельроде, был «совершенно удостоверен в существенных выгодах» конвенции с США ¹¹⁰.

Не встретили поддержки царского правительства и ряд других представлений Российско-американской компании как по территориальным, так и по торговым вопросам. Особое беспокойство компании все эти годы вызывала судьба селения Росс в Калифорнии. Еще осенью 1823 г. главное правление представило Е. Ф. Канкрину «извлечение» из донесений М. И. Муравьева, в которых сообщалось, что новые мексиканские власти потребовали, чтобы русские оставили свою крепость, так как «то место принадлежит мексиканскому правительству». Содержание донесений Муравьева правление считало весьма важным и не сомневалось в должном внимании и «представительстве» министра финансов «у монаршего престола» ¹¹¹.

¹¹⁰ Е. Ф. Канкрин и Я. А. Дружинин — главному правлению РАК, 13(25) ноября 1825 г. — «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 681—684; ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 849, лл. 27—30. В противоположность этому главное правление компании не скрывало своего возмущения поведением Ф. В. Тейля, который «не нашел возможным сделать формальную декларацию». Оно высказывало при этом предположение, что МИД только условно поручил ему сделать подобную декларацию и поэтому посланник счел возможным ограничиться вербальной нотой (см.: записка главного правления в совет компании, 2(14) июня 1826 г. — ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 980, лл. 58—102).

¹¹¹ Главное правление РАК — Е. Ф. Канкрину, 14(26) ноября 1823 г. — АВПР, ф. РАК, д. 308, л. 2; «Извлечение из депеш Муравьева, полученных 16 октября 1823 г.» — Там же, лл. 3—8.

В подтверждение своих прав на селение Росс компания приводила протокол беседы капитана В. М. Головина с индейскими вождями от 22 сентября (4 октября) 1818 г., а также письмо канцлера Н. П. Румянцева от 1(13) декабря 1809 г., в котором сообщалось, что император, «отказывая... производить от казны на Альбионе поселение, предоставляет правлению на волю учреждать оное от себя, обнадеживая, во всяком случае, монаршим своим заступлением»¹¹². Именно о таком «заступлении» и просила теперь компания, надеясь при поддержке правительства утвердить свои права на обладание колонией в Калифорнии.

Ознакомившись с представлением главного правления, Канкрин нашел его «уважительным» в отношении интересов компании, а также «политических видов правительства» и в этой связи 17(29) ноября 1823 г. обратился к Нессельроде с просьбой довести материалы о селении Росс до сведения императора. Руководитель ведомства иностранных дел смотрел на этот вопрос иначе и не был расположен предпринимать какие-либо конкретные действия в защиту интересов компании в Калифорнии. Власть мадридского двора на Калифорнию уже не распространялась, а образование независимой Мексики царское правительство во всяком случае юридически предпочитало не замечать. Долгое время К. В. Нессельроде вообще не реагировал на обращение министра финансов, и в сентябре следующего, 1824 г. Е. Ф. Канкрин был вынужден направить повторное представление¹¹³. Лишь после этого напоминания он получил наконец ответ Нессельроде, в котором указывалось, что Александр I «в недавнем еще времени» признал «бесполезным заводить об оном месте новые прения с гишпанским правительством, поелику власть его при настоящих сложных обстоятельствах в американских его владениях не простирает на оные своего действия. Что же касается до революционного правительства в Мексике, то мы ни в какие сношения с ним не

¹¹² Текст письма Н. П. Румянцева главному правлению РАК от 1(13) декабря 1809 г. и протокол беседы с индейскими вождями от 22 сентября (4 октября) 1818 г.— Там же, лл. 9—11.

¹¹³ Е. Ф. Канкрин — К. В. Нессельроде, 17(29) ноября 1823 г.— АВПР, ф. РАК, д. 308, л. 16; Е. Ф. Канкрин — Дивову, 18 (30) сентября 1824 г.— Там же, л. 17.

вступаем и, следовательно, не можем обратиться к нему и по делам, относящимся до прав наших над селением Росс и над землей оным занимаемой»¹¹⁴.

Между тем Российско-американская компания, и особенно наиболее активная ее часть, которая, как выяснилось впоследствии, была связана с декабристами, не только не собиралась отказываться от уже существовавшего селения Росс, но и мечтала укрепить и расширить русское влияние на прилегающие к нему территории. Главным инициатором этих проектов в 1824—1825 гг. выступил мичман Д. И. Завалишин, посетивший русские колонии в Америке на фрегате «Крейсер»¹¹⁵. Прибыв в Калифорнию в декабре 1823 г., Завалишин в полной мере оценил огромные потенциальные возможности этого края. «Превосходный порт залива Сан-Франциско, благоприятный климат и богатая почва» представляли, по мнению русского моряка, «главную цену Калифорнии»¹¹⁶. В то же время он обратил внимание на слабость колонии Росс, невыгодность ее местоположения, а также нерешительность компании, которая поощряла притязания как испанцев, так и североамериканцев. «Развитие нашей колонии и вследствие того безопасность от покушений американцев,— считал Д. И. Завалишин,— ...были возможны лишь в том случае, когда, с одной стороны, мы расширили бы колонию к северу до границы Соединенных Штатов (до 42-й параллели.— Н. Б.) и к востоку до какой-нибудь естественной границы, например до реки Сакраменто или

¹¹⁴ К. В. Нессельроде — Е. Ф. Канкрину, 15(27) октября 1824 г.— Там же, л. 18.

¹¹⁵ См.: Д. И. Завалишин. Калифорния в 1824 году.— «Русский вестник», т. 60, ноября 1865 г., стр. 322—368; он же. Дело о колонии Росс.— «Русский вестник», т. 62, март 1866 г., стр. 36—65; он же. Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» в 1822—1823 под командою Михаила Петровича Лазарева.— «Древняя и новая Россия», 1877, т. 3, № 5—7, стр. 57—67, 114—125, 199—217; он же. Вселенский Орден восстановления и отношения мои к Северному тайному обществу.— «Русская старина», 1882, т. 13, кн. 33, стр. 11—16; он же. Записки декабриста. СПб., 1906. О планах Завалишина в отношении Калифорнии см. также: А. G. Mazour. Dmitry Zavalishin: Dreamer of a Russian-American Empire.— «PHR», Vol. V, March 1936, p. 26—37; С. Б. Окунь. Российско-американская компания, стр. 127—132; E. Vötkl. Russland und Lateinamerika 1741—1841. Wiesbaden, 1968, S. 134—138.

¹¹⁶ Д. И. Завалишин. Калифорния в 1824 году.— «Русский вестник», т. 60, ноябрь 1865 г., стр. 366.

Сьерры-Невады, а, с другой стороны, примкнули бы к заливу Святого Франциска с юга»¹¹⁷.

Путь к осуществлению своих планов Д. И. Завалишин видел в провозглашении независимости Калифорнии от Мексики, о чем он беседовал с рядом местных деятелей включая губернатора Л. А. Аргуельо¹¹⁸. Наибольшее понимание он встретил, однако, у настоятеля миссии св. Франциска Иосифа (Хосе) Альтимиры (José Altimira)¹¹⁹. Впрочем, это объяснялось не мнимой привязанностью Альтимира к России, а внутренней борьбой различных группировок в самой Калифорнии. Каких-либо реальных последствий беседы Д. И. Завалишина с настоятелем миссии св. Франциска не имели, а в мае 1824 г. предприимчивый моряк по срочному вызову был отправлен из Ново-Архангельска в С.-Петербург¹²⁰. Сообщая адмиралу А. Ф. Моллеру об исполнении полученного предписания, командир фрегата «Крейсер» М. П. Лазарев дал мичману Завалишину самую лестную характеристику: «Пользуясь сим случаем,— писал Лазарев,— я обязанностью себе поставляю рекомендовать г-на Завалишина как весьма исполнительного и ревностного к службе офицера и с сим вместе довести до ведения в. пр-ва, что в продолжении более нежели двухлетнего его служения под моим начальством он как благородным поведением своим, так и усердным исполнением всех вверенных на него обязанностей приобрел право на совершенную мою признательность»¹²¹.

¹¹⁷ Д. И. Завалишин. Дело о колонии Росс.— «Русский вестник», т. 62, март 1866 г., стр. 55.

¹¹⁸ Восстание декабристов. Материалы. Документы. Следственные дела, т. I—XII. М., 1925—1969, т. III, стр. 352.

¹¹⁹ Подробнее см.: С. Б. Окунь. Российско-американская компания, стр. 130—132.

¹²⁰ Еще в начале своего плавания на фрегате «Крейсер» Д. И. Завалишин направил Александру I письмо, в котором изложил соображения по поводу политического курса Священного союза после Веронского конгресса 1822 г. (*E. Völkl. Op. cit., S. 134—135*). Представление начальника морского штаба А. Ф. Моллера от 31 января (12 февраля) 1823 г. о вызове мичмана Завалишина «для объяснения по известному ему письму» было в тот же день апробовано императором, а затем по эстафете отправлено в Охотск (см.: ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 673, л. 1).

¹²¹ М. П. Лазарев — А. Ф. Моллеру, 6(18) мая 1824 г.— ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 665, л. 439.

Давая подобную характеристику, М. П. Лазарев не мог, конечно, предполагать, что его протеже будет близок с членами Северного общества и посвящен в планы вооруженного восстания. По всей видимости, он не знал и о замыслах Завалишина относительно Калифорнии. Между тем, приехав в ноябре 1824 г. в С.-Петербург, Д. И. Завалишин представил царскому правительству обстоятельную записку с предложениями расширить русские владения в Калифорнии. Рассмотреть эти предложения было поручено специальному комитету, куда вошел К. В. Нессельроде, а также Н. С. Мордвинов¹²². Хотя сам Завалишин не был приглашен участвовать в обсуждении вопроса о селении Росс, он сумел заинтересовать своими проектами как директоров компании, так и адмирала Мордвинова. Действительное значение русская колония в Калифорнии, как полагал Завалишин, могла приобрести только в случае расширения ее территории — к северу до границы с США по 42° с. ш., к югу до залива Сан-Франциско и к востоку до р. Сакраменто. Именно так обозначил Н. С. Мордвинов границу на представленной Д. И. Завалишиным карте. «Мне удалось также привлечь к своему проекту и сенатора Полетику..., который вначале в качестве уполномоченного от министерства иностранных дел объявил себя на конференции противником моих идей»¹²³.

Большое внимание в планах Завалишина отводилось развитию в Калифорнии интенсивного земледелия, для чего предполагалось переселить в колонию Росс крестьянские семейства, предварительно выкупив их «из крепостного состояния». По его предложению «поселенцам предполагалось предоставить полную свободу от повинностей и обязательных занятий в убеждении, что они и без того будут заниматься преимущественно земледелием». При этом имелось в виду, что им будут также предоставлены необходимые орудия производства и земельные участки¹²⁴.

Идеи Д. И. Завалишина получили известное (хотя и

¹²² «Русский вестник», т. 60, ноябрь 1865 г., стр. 365; *A. G. Mazour*. *Op. cit.*— «PHR», Vol. V, March 1936, p. 30.

¹²³ «Русский вестник», т. 62, март 1866 г., стр. 60.

¹²⁴ См.: «Русский вестник», т. 60, ноябрь 1865 г., стр. 366—367; т. 62, март 1866 г., стр. 53—54.

не полное) отражение в записке главного правления «Об исходатайствовании высочайшего дозволения на заселение оседлых хлебопашцев в селение Росс», касавшейся границ округа, «имеющего принадлежать к сему селению», от февраля 1825 г. (ст. ст.). Правление считало необходимым просить министра финансов исходатайствовать у Александра I «дозволение основать заселение оседлых хлебопашцев в своих колониях, и на сей конец даровать компании право пригласить на выгодных условиях несколько хлебопашцев с их семействами или приобрести таковых куплей от помещиков с тем, что сии крепостные со дня их вступления во владение компании получают свободу и будут числиться государственными крестьянами».

Не решаясь, по-видимому, настаивать на радикальном расширении границ своей колонии в Калифорнии, главное правление полагало, что «для спокойного обладания на пребудущее время оным местом» необходимо «с согласия испано-американского правительства назначить границы округа, имеющего принадлежать к сему селению. Границу сию со стороны Калифорнии можно определить речкою Ливантулой, впадающей в залив Большая Бодего. Назначение же границ внутри земли с восточной и северной стороны должно представить местным начальствам обеих держав»¹²⁵.

Трудно было ожидать, что царское правительство положительно отнесется к этим предложениям, какими бы частными и малозначительными они ни представлялись на первый взгляд. Сам принцип заселения новой колонии освобожденными от крепостной зависимости земледельцами противоречил общей политике царского правительства в крестьянском вопросе. Такая идея могла возникнуть у Завалишина, ее мог приветствовать правитель канцелярии компании К. Ф. Рылеев, ее могли поддержать даже директора главного правления и государственные деятели типа Н. С. Мордвинова и М. М. Сперанского, но для правительства Аракчеева и Нессельроде она была явно неприемлема. Не удивительно поэтому, что управляющий МИД категорически отверг подобные предложения.

¹²⁵ См. записку главного правления совету РАК, «февраль — дня 1825 года». — ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 834, лл. 7—9.

Настойчивый Завалишин обратился летом 1825 г. с личным письмом к Александру I, но царь так и не пожелал его принять¹²⁶. Неудачей закончились и попытки главного правления добиться разрешения принять Д. И. Завалишина на свою службу. Любопытно, что компания организовала по случаю отъезда Завалишина в Калифорнию даже специальный банкет, на котором присутствовали М. М. Сперанский, П. И. Полетика, В. М. Головнин и др. «Российско-американская компания,— вспоминал Завалишин,— не требовала никакого пособия. Единственная ее просьба состояла в том, чтобы отпустить меня к ней на службу... Это мне не было разрешено... Сколько можно было понять из официальных и неофициальных сообщений, причины были те же самые, которые удержали само правительство от прямого участия в деле: опасение столкновения с Англией и с Соединенными Штатами»¹²⁷.

Проекты расширения русского влияния в Калифорнии были полностью перечеркнуты восстанием 14 (26) декабря 1825 г. на Сенатской площади. Все записки и документы Д. И. Завалишина, относящиеся к исполнению «некоторой части» его «планов относительно Калифорнии», перепуганные директора немедленно уничтожили. И. В. Прокофьев, по отзыву Завалишина, «со страху после 14 декабря сжег все бумаги, где даже только упоминалось мое имя, а не только те, которые шли лично от меня»¹²⁸. Уже находясь в тюрьме, Завалишин в письме Николаю I в начале 1826 г. объяснял значение своих калифорнийских планов: «Калифорния, поддавшаяся России и заселенная русскими, осталась бы навсегда в ее власти. Приобретение ее гаваней и дешевизна содержания позволяли содержать там наблюдательный флот, который бы доставил России владычество над Тихим океаном и китайской торговлей, упрочили бы владение другими колониями, ограничили бы влияние Соединенных Штатов и Англии»¹²⁹.

¹²⁶ Восстание декабристов, т. III, стр. 251—252.

¹²⁷ «Русский вестник», т. 60, ноябрь 1865 г., стр. 367; «Русская старина», 1882, т. 13, кн. 33, стр. 53.

¹²⁸ «Русский вестник», т. 60, ноябрь 1865 г., стр. 340; Д. И. Завалишин. Записки декабриста, стр. 91.

¹²⁹ Д. И. Завалишин — Николаю I, 24 января (5 февраля) 1826 г.— Восстание декабристов, т. III, стр. 228.

Реальная действительность была, как известно, совсем не похожа на заманчивую картину, о которой не переставал мечтать молодой военный моряк. Колония Росс представляла собой небольшую деревянную крепость «с 17-ю орудиями малого калибра». В ней находился «дом для начальника, контора, казармы, двухэтажный магазин и некоторые другие здания». Служащих компании, кроме алеутов, считалось до 50 человек, из которых «едва 12 человек» занимались собственно сельским хозяйством, засевая «около 200 пудов пшеницы и до 40 пудов ячменю». Кроме того, в Россе находилось «лошадей — 46, быков и коров — 2139, свиней — 81 и овец — 842». С 1826 по 1833 г. из колонии было вывезено всего около 6 тыс. пудов пшеницы, или примерно 850 пудов в год. После того как К. Т. Хлебников получил разрешение калифорнийских властей на ловлю морских бобров, в течение ряда лет алеуты занимались промыслом на о-вах Ферлонс. Постепенно, однако, этот промысел давал все меньшие результаты, а впоследствии и совсем прекратился. Если в 1824—1825 гг. было добыто 975 морских бобров, то в 1832—1833 гг. — всего 188. Промысел морских котов сократился с 1050 в 1825 г. до 54 штук в 1833 г. и т. д. В целом колония Росс оставалась для компании убыточной. На ее содержание в 1825—1830 гг. тратилось примерно 45 тыс. руб. в год, а доход составлял в среднем всего 12 883 руб.¹³⁰

Радужные надежды обернулись более чем скромными практическими результатами. Впрочем, это — далеко не единственный пример в истории Российско-американской компании. Широкие планы руководство компании строило во второй половине 20-х годов и в отношении прямых торговых связей с о-вом Гаити. По ряду причин позиция царской России в отношении независимости Гаити оказалась более или менее благоприятной. Еще в 1819—1821 гг. в связи с письмами короля Кристофа и президента Буайе царское правительство рекомендо-

¹³⁰ См.: «Записка о колонии Российско-американской компании, именуемой Росс». — «Архив графов Мордвиновых», т. VI, стр. 666—674; ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 834, лл. 1—6; П. А. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 353—359; E. O. Essig. The Russian Settlement at Ross. — «Quarterly of the California Historical Society», Vol. XII, N 3, Sept. 1933, p. 191—216.

вало Франции признать независимость Гаити и получить в этой связи коммерческие выгоды¹³¹. При этом имелась в виду и возможность установить в будущем торговые связи между негритянской республикой и Российской империей, о чем президент Буайе писал проживавшему в России генералу Ж. Бойе в начале 1820 г.¹³²

В 1822 г. генерал Бойе с ведома Александра I ездил на о-в Гаити. По свидетельству Д. И. Завалишина, генерал подал Александру I проект установления торговых связей с негритянским островом, который был одобрен царем при условии предварительного признания независимости Гаити правительством Франции. В середине 20-х годов XIX в. проектом установления прямых торговых связей с Гаити заинтересовалась Российско-американская компания, предполагавшая отправить на остров свой корабль с Д. И. Завалишиным и генералом Бойе на борту¹³³.

Хотя возможность использовать Завалишина на службе компании после восстания декабристов полностью исключалась, главное правление не собиралось отказываться от своего проекта, тем более что после признания в 1825 г. независимости о-ва Гаити Францией никаких формальных препятствий для этого уже не предвиделось. Учитывая это обстоятельство, правление обратилось осенью 1826 г. к Е. Ф. Канкрину с просьбой исходатайствовать «соизволение» Николая I «на открытие торговых сношений» с о-вом Гаити. Правление отмечало, что «торговые сношения с сим островом, изобилующим колониальными произведениями, представляют самый выгодный способ для сбыта российских, в коих имеет оный потребность, и для получения из первых рук колониальных продуктов посредством менового торга и что остров Гаити может служить выгоднейшим местом складки товаров между Северными и Южными странами Америки». В случае разрешения на открытие торговых связей правление просило, «чтобы

¹³¹ Подробнее см.: Л. Ю. Слѣзкин. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964, стр. 220—225.

¹³² L. Elie. Le President Boyer et l'Empereur de la Russie Alexandre 1-er. Port-au-Prince, 1942, p. 32—34; Л. Ю. Слѣзкин. Указ. соч., стр. 223.

¹³³ С. Б. Окунь. Российско-американская компания, стр. 158—159; Д. И. Завалишин. Записки декабриста, стр. 229.

компанейские товары, отправляемые с Гаити и привозимые в Россию, были освобождены, хотя на срочное время, от таможенных пошлин»¹³⁴.

В ответ на запрос министра финансов Нессельроде уведомил, что, поскольку Франция признала независимость Гаити, компания «может быть допущена к торговле с жителями того острова и к заведению там складочных мест для товаров». В то же время управляющий МИД России полагал, что «особенное преимущество» в пользу компании «может препятствовать успехам новой отрасли торговой промышленности во вред другим российским подданным, которые пожелали бы также воспользоваться выгодами сей торговли». Канкрин в полной мере согласился с мнением Нессельроде и 31 декабря 1826 г. (12 января 1827 г.) представил в комитет министров соответствующие предложения.

Кабинет министров рассмотрел вопрос на заседании 15(27) января 1827 г. и счел возможным не только дозволить открытие прямых торговых связей с о-вом Гаити, «но для споспешествования в сем новом предприятии разрешить компании произвести два отправления... без платежа таможенных пошлин». Министр финансов выразил свое несогласие с решением комитета, доказывая, что «посылка судов в Гаити не сопряжена с какими-либо затруднениями и желательно завести с сим островом естественную торговлю, а не таковую, которая основана на подарке от казны». С другой стороны, адмирал Н. С. Мордвинов представил особое мнение, в котором всесторонне обосновывал выгоды открытия торговых связей с о-вом Гаити. В связи с возникшими разногласиями Николай I распорядился передать все дело «на рассуждение Государственного совета», что, естественно, и было выполнено¹³⁵.

Надо сказать, что записка, или «особое мнение», Н. С. Мордвинова,— это документ, заслуживающий специального анализа. Ее автор подчеркивал, что защищает не интересы частной компании, а заботится о благосостоянии русской торговли вообще. «При настоящем положении европейских торговых народов тот из них, который не распространяет торговли, не расширяет

¹³⁴ ЦГИА, ф. 560, оп. 8, д. 259, лл. 2—3.

¹³⁵ Там же, лл. 4—5.

пределов для оной и не отыскивает новых торжищ, неминуемо может потерять и старый свой торг»¹³⁶. Что касается компании, то предоставленные ей ранее привилегии на «полное обладание» водами и берегами Северо-Западной Америки были в 1824 г. существенно изменены в пользу Соединенных Штатов и Англии, которые оказались на 10 лет «сопричислены наравне с российскими подданными в промыслах вод и торговле с прибрежными народами, состоявшими в непосредственной зависимости от компании... Притом компания лишена и великого пространства, составлявшего ее единой обладание на твердой земле Северо-Западной Америки, уступкой оного Англии».

Некоторой компенсацией, как полагал Мордвинов, было бы разрешение беспошлинного ввоза колониальных товаров с о-ва Гаити «в продолжении шести лет считая начало срока со дня отправления компанией первого на остров Гаити груза». За это время компания могла бы «приспособить отправления свои вкусу и надобности народа гаитского, открыть для себя сношения с окрестными островами и жителями твердой земли и заключить взаимными выгодами постоянные и прочные торговые связи». Значительные выгоды сулило в будущем заведение на острове «складочного места» и учреждение «благовременно запаса из нужных северо-западным нашим колониям потребностей и из обменных с дикими того края народами товаров при первом открытии плавания через Панаминский перешеек по сему ближайшему в Тихое море пути».

В заключение своей пространной записки Н. С. Мордвинов восклицал: «Радостно было бы видеть многих с нашими изделиями плывущих во все страны Америки; но сего мы надеяться не можем по недостатку у частных людей капиталов». Он справедливо предупреждал также, что «дозволение, без предоставления выгод, на открытие пути к новому неиспытанному торжищу на

¹³⁶ Здесь и далее цитируется записка Н. С. Мордвинова в связи с обсуждением комитетом министров 15(27) января 1827 г. проекта открытия торговых связей с о-вом Гаити.— ЦГИА, ф. 560, оп. 8, д. 259, лл. 6—17; копию записки с надписью «1827 года генваря подана в комитет министров» см. в бумагах Мордвинова.— ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 112, лл. 133—146.

острове Гаити остановит компанию от начинания и уничтожит предприятие ее. Ни Американская компания, ни другие частные лица без обеспечения их в некоторой степени прибылей не решатся никогда открыть торговых с Америкой сношений»¹³⁷.

Слухи о том, что Российско-американская компания при поддержке Мордвинова добивается исключительного права на торговлю с островом Гаити, обеспокоили петербургских сахарных заводчиков и других торговцев. В результате весной 1827 г. они обратились с соответствующим письмом к министру финансов, который в свою очередь переправил его в Государственный совет.

В бумаге, отправленной 9(21) мая 1827 г. «правлящему должность госуд[арственно]го секретаря Марченки», адмирал Мордвинов отверг возражения сахарных заводчиков, поскольку они направлены на то, чтобы «сохранить выгоды иностранных купцов, а не российских». Не признал он убедительным и «словесные объявления, сделанные в опровержение его мнения», о том, что «прямая из России с Америкой торговля возродит негодование Американских Штатов, что невыгодно будет с.-петербургским сахарным заводчикам покупать дешевыми ценами привозимый на российских судах сахарный песок и что через сие может расстроиться торговля, производимая иностранными судами из Кубы, Бразилии, Гаваны и Северной Америки». Наконец, адмирал, вновь подчеркивал, что ходатайствует «о пользах российской торговли» в целом, «не исключая никого из поощрения, в какую бы страну Америки кто ни предпринял плавание с грузом отечественных произведений на отечественных кораблях». Он напоминал в этой связи, что Александр I предоставил аналогичную привилегию «одному архангельскому купцу (речь шла о К. Анфилатове.— Н. Б.) на провоз из Америки товаров беспошлинно», но это право простиралось лишь на короткий срок (два года)¹³⁸.

Заступничество Н. С. Мордвинова не оказало должного воздействия на царских сановников, заседавших в

¹³⁷ ЦГИА, ф. 560, оп. 8, д. 259, лл. 16—17.

¹³⁸ ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 112, лл. 171—172.

Государственном совете. Рассмотрев вопрос о разрешении беспошлинной торговли с о-вом Гаити в департаменте государственной экономии 16(28) марта и на общем собрании 3(15) мая 1827 г., совет большинством голосов постановил не предоставлять компании каких-либо особых преимуществ «сколько по незначительности самой торговли..., столько потому еще главнейше, чтобы дозволением беспошлинной торговли исключительно с Гаити не дать повода к злоупотреблению». Мнение Государственного совета «о дозволении Российско-американской компании производить непосредственную торговлю с островом Гаити», как видно из надписи, сделанной председателем совета В. П. Кочубеем, Николай I «утвердить соизволил и повелел исполнить»¹³⁹.

Высочайшее повеление, не подкрепленное реальной поддержкой, так и осталось на бумаге. Компания отказалась от исполнения своего проекта, и прямые торговые связи с о-вом Гаити так и не были установлены. Лишь отдельные купеческие суда под русским флагом время от времени плавали к берегам Латинской Америки. Так, имеются сведения, что еще в 1821 г. «Николай Павлович» под командованием Х. Мейерса (Juan Myers) поднимался по р. Ориноко до Ангостуры (ниже Сьюдад-Боливар), а в 1833 г., если верить сообщению мексиканской газеты «Эль Телеграфо», другое судно под русским флагом, «Елизавета Луиза» (капитан Фредерик), плавало в Веракрус (Мексика) и Ла-Гуайра (Венесуэла)¹⁴⁰.

Вполне успешным оказалось плавание в 1829 г. из Ново-Архангельска в Чили компанейского брига «Байкал» под командованием А. К. Этолина. Русские товары ранее были там вообще неизвестны, и Этолин выгодно распродавал «широкие полотна, тики разных сортов и так называемые господские холсты». В свою очередь он приобрел для Русской Америки 9340 пудов пшеницы и других продуктов по ценам, которые были выгодны не только по сравнению с доставкой из Охотска, но даже из Калифорнии. В начале 30-х годов XIX в. компания

¹³⁹ Мнение Государственного совета от 3(15) мая и заверительную надпись В. П. Кочубея от 2(14) июля 1827 г. см.: ЦГИА, ф. 560, оп. 8, д. 259, л. 19.

¹⁴⁰ E. Völkl. Op. cit., S. 172.

произвела «закупку мануфактурных и других необходимых произведений в Бразилии», а в 1836 г. капитан-лейтенант Этолин доставил из Чили на корабле «Елена» 18 тыс. пудов муки и пшеницы. Развитие связей компании с Латинской Америкой оказало определенное влияние и на позицию торговцев Соединенных Штатов. «Американцы, видя возможность снабжать колонии оными предметами без их посредничества, сами понизили цены на свои произведения и изъявили готовность в платеж за оные брать не котами, но векселями колониального начальства на главное правление в С.-Петербурге»¹⁴¹.

В целом в результате развития связей Русской Америки с гражданами Соединенных Штатов, торговли с Калифорнией, Чили и т. д. положение компании несколько улучшилось. Капитал компании, разделенный «на 7484 акции по 675 руб. 19½ коп. каждая», к началу 1832 г. исчислялся в 5 053 162 руб. 45 коп. Население колоний составляло 10 546 человек (597 русских, 935 креолов и 9013 коренных жителей). Начиная с середины 20-х годов XIX в. возобновилась и «выдача прибылей», составлявших на одну акцию в 1824/25 г.— 147 руб., в 1826/27—121, в 1828/29—116 и в 1830/31 г.—120 руб.¹⁴²

Главное правление не переставало, однако, жаловаться на условия конвенции 1824 г. с Соединенными Штатами, предоставлявшей американцам равные права с компанией для торговли с местными жителями на северо-западном берегу Америки. «Мы не можем с успехом состязаться с ними в сей торговле,— писало главное правление в «Обзрении состояния дел» компании за 1831 г.,— во-первых, потому, что все произведения, употребляемые дикими, могут быть доставлены американцами Соединенных Штатов гораздо по дешевейшим ценам; а во-вторых, что американцы нередко дозволяли променивать и огнестрельное оружие, дорого ценное дикими, чего колониальное начальство наше... ни

¹⁴¹ П. А. Тихменев. Указ. соч., ч. I, стр. 344—347; «Обозрение состояния дел Российско-американской компании за 1831 год».— ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 857, лл. 7—8.

¹⁴² Основные сведения о РАК излагались в записке, пересланной И. В. Прокофьевым Н. С. Мордвинову 14(26) февраля 1833 г.— ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 854, лл. 3—4.

как себе позволить не может. Сие невыгодное соперничество с истечением в будущем году срока конвенции должно решительно прекратиться»¹⁴³.

В заключение следует отметить, что, хотя серьезно-практического значения рассмотренные представления и жалобы Российско-американской компании не имели, их анализ чрезвычайно важен для понимания различий в позициях руководства компании и царского правительства. В исторической литературе со времени опубликования известной монографии проф. С. Б. Окуня широкое распространение получило мнение, что компания была всего лишь удобной ширмой для проведения экспансионистской политики царизма, а ее практическая деятельность уже с первого дня контролировалась и направлялась правительством, была тождественна или очень близка официальной линии императорского кабинета¹⁴⁴.

В самом общем плане это действительно было так, но только в самом общем плане. По многим конкретным вопросам и даже проблемам принципиального характера между руководством компании и царским правительством не только не было единства, но возникали открытые и серьезные разногласия. Показательно, что даже С. Б. Окунь не мог не признать существования «фрондерства». В ряде случаев это «фрондерство», как нам представляется, было исключительно острым и совершенно очевидным. Более того, речь идет по существу о принципиальном противоречии интересов Российско-американской компании, представлявшей в определенной мере купеческие и буржуазные круги русского общества, реакционно-монархическим, легитимистским и охранительным принципам царского правительства. Не случайной поэтому оказалась и связь компании с будущими декабристами. По свидетельству Д. И. Завалишина, Александр I «сильно рассердился, что «купцы» вздумали учить дипломатов, и велел дать выговор правителю дел, сказав, что купцы ничего не разумеют, и, конечно, не они писали меморию»¹⁴⁵.

¹⁴³ «Обозрение состояния дел Российско-американской компании за 1831 год». — ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 857, л. 4.

¹⁴⁴ С. Б. Окунь. Российско-американская компания, стр. 26, 39, 49—50, 90—94, 145, 257—258.

¹⁴⁵ Д. И. Завалишин. Записки декабриста, стр. 88.

Сразу же после восстания декабристов главное правление компании поспешило уничтожить документы, которые могли бы подтвердить его связь с заговорщиками. В то же время оно продолжало настаивать, что заключенные правительством соглашения с Соединенными Штатами и Англией нарушают привилегии компании и крайне затрудняют ее дальнейшую деятельность. Твердая позиция компании сыграла в дальнейшем определенную роль в том, что после истечения обусловленного в конвенциях 10-летнего срока невыгодные условия о свободе торговли иностранцев с местным населением в русских владениях в Америке не были возобновлены.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
**СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ, РОССИЯ
И ИСПАНСКАЯ АМЕРИКА
В 1825—1826 ГГ.**

За последние годы советские историки проделали обширную и плодотворную работу по изучению позиции России в период войны Испанской Америки за независимость. С наибольшей полнотой этот вопрос рассмотрен в монографии известного советского латиноамериканиста Л. Ю. Слѣзкина. Нам уже приходилось отмечать многочисленные достоинства этого труда, основанного на привлечении широкого круга документальных, в том числе архивных источников¹. К сожалению, хронологические рамки книги Л. Ю. Слѣзкина в основном ограничены 1825 г. и события второй половины 20-х годов XIX в. оказались по существу вне его внимания. В результате исследователь пришел к выводу, что «отъезд Александра I на юг России и события, следовавшие за его смертью в декабре 1825 г., привели к тому, что вопрос о бывших колониях Испании, заглохший с марта того же года и возникший было в августе по инициативе США, ушел из поля зрения русской дипломатии и больше не фигурировал в политике России как достойный хотя бы относительного внимания»².

Между тем именно в 1825—1826 гг. произошли события, в результате которых предшествующая полити-

¹ Н. Н. Болховитинов. Война Латинской Америки за независимость и позиция России.— «Вопросы истории», 1965, № 11, стр. 153—159.

² Л. Ю. Слѣзкин. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964, стр. 325—326.

ка царской России в испаноамериканском вопросе получила свое естественное и логическое завершение. Несмотря на всю приверженность реакционным идеям Священного союза и принципам легитимизма, царское правительство было вынуждено признать бесспорный факт победы восставших колоний и даже решило посоветовать Испании принять мирные предложения правительства Колумбии. На некоторое, хотя и сравнительно короткое, время испаноамериканский вопрос занял в отношениях между Россией и Соединенными Штатами центральное место, причем обе державы, как это ни парадоксально на первый взгляд, оказались в одном лагере — лагере сторонников скорейшего мирного урегулирования и признания Испанией независимости новых американских государств.

Для объяснения этой «удивительной» метаморфозы необходимо хотя бы кратко рассмотреть положение в Карибском бассейне и развитие своеобразного «кубинского кризиса» 1825—1826 гг. По меткому выражению лондонской газеты «Курьер», Куба в то время представляла собой «Турцию трансатлантических отношений» (*Turkey of trans-Atlantic politics*), грозящую своим падением и поддерживаемую теми, кто стремился захватить ее наследство, или, точнее, «подхватить ее в падении» (*catching her in her descent*)³. По целому ряду внутренних и внешних причин Мадриду удавалось удержать свое господство на Кубе, несмотря на потерю всех континентальных владений в Западном полушарии. Этому способствовало островное положение страны, жестокие репрессии испанских властей, противоречия и взаимные подозрения держав, а также страх перед

³ Удачное сравнение тут же попало на страницы американской печати (см.: «*Weekly Register*», Vol. XXVIII, August 6, 1825, p. 354), а после того как Дж. М. Кэллахан включил его в свои известные исследования, оно уже не покидает как общие, так и специальные исторические труды по этой проблематике (*J. M. Callahan. Cuba and Anglo-American Relations (1819—1829)*. — «*Annual Report of the American Historical Association, 1897*». Washington, 1898, p. 202; *idem. Cuba and International Relations: A Historical Study in American Diplomacy*. Baltimore, 1899, p. 140; *H. Portell Vilá. Historia de Cuba en sus relaciones con los Estados Unidos y España*, t. I—IV. La Habana, 1938—1941; t. I, p. 197; *B. Rauch. American Interest in Cuba*. New York, 1948, p. 23; *J. A. Logan, Jr. No-Transfer: An American Security Principle*. New Haven, 1961, p. 173 etc.

восстаниями негров-рабов, который толкал кубинских плантаторов на сговор с метрополией⁴.

В мае 1824 г. королевским декретом Кубе было присвоено название «Всегда верного острова», но это, разумеется, не являлось слишком надежной гарантией сохранения власти метрополии. В Мадриде продолжали опасаться революционного восстания против колониального режима, а также влияния, которое могли оказать на Кубу успехи освободительного движения на континенте. Русский посланник в Испании П. Я. Убри сообщал в мае 1825 г., что мадридский кабинет более месяца занимался главным образом тем, что разрабатывал мероприятия по сохранению в руках метрополии ее важнейшего владения в Америке. 28 мая 1825 г. капитан-генералу Кубы Ф. Д. Вивесу были даны чрезвычайные полномочия, а на остров стали прибывать дополнительные контингенты испанских войск. Созданная на Кубе постоянная военно-административная комиссия была призвана заменить все другие судебные учреждения. 40 тыс. испанских солдат буквально терроризировали остров, который превратился в главную базу для борьбы с освободительным движением⁵.

Главная опасность испанскому господству в середине 20-х годов XIX в. находилась, однако, не в самом острове, а за его пределами. 20 декабря 1824 г. Боливар в письме вице-президенту Колумбии Ф. де П. Сан-

⁴ Сравнительно недавно движение за независимость Кубы и причины его поражения в 20-е годы XIX в. были обстоятельно рассмотрены в монографии Ф. Фонера, а также в специальной статье А. М. Зориной (см.: Ф. Фонер. История Кубы и ее отношений с США. 1492—1845 годы. М., 1963, стр. 128—154, 185—208; А. М. Зорина. Освободительное движение на Кубе в первой четверти XIX в.— «Война за независимость в Латинской Америке (1810—1826)». М., 1964, стр. 102—138). Среди многочисленных общих и специальных работ по этой проблематике нельзя не отметить капитальный труд Э. Портель Вилá (Н. Portell Vilá. Op. cit., t. I, p. 197—291), а также Х. Франко (J. Franco. Política continental Americana de España en Cuba 1812—1830. La Habana, 1964).

⁵ См.: Ф. Фонер. Указ. соч., стр. 150—151; А. М. Зорина. Указ. статья, стр. 122—123; АВГР, ф. Канцелярия, д. 7590, л. 266. Любопытно, что Дж. К. Адамс считал Вивеса как раз тем человеком, который может принудить население острова к подчинению испанскому правительству. «Он так успешно выполнил эту задачу,— отмечал Адамс,— что правительство Соединенных Штатов в дальнейшем ничего не слышало о предполагаемом восстании на Кубе» (Н. Portell Vilá. Op. cit., t. I, p. 244).

тандеру рекомендовал поставить Испанию в известность, что «если в течение определенного срока она не признает Колумбию и не заключит мир, то наши войска немедленно двинутся в Гавану» и на Пуэрто-Рико. Весной следующего, 1825 г. правительство Мексики срочно направило в Боготу генерала Бустаманте, которому было поручено предложить объединить силы Мексики и Колумбии для того, чтобы добиться независимости Кубы под их совместным протекторатом⁶. Одной из целей созывавшегося по инициативе С. Боливара Панамского конгресса должно было стать обсуждение вопроса об освобождении Кубы и Пуэрто-Рико. Делегатам предстояло рассмотреть «целесообразность создания объединенных сил» для освобождения островов от испанского ига, а также численность воинских соединений, выделяемых для этой цели каждым участником⁷.

Сведения о предполагаемой экспедиции для освобождения Кубы и Пуэрто-Рико все чаще стали появляться на страницах печати, вызывая серьезное беспокойство правящих кругов США. Именно в этой обстановке в Вашингтоне весной 1825 г. решили обратиться к России; изучение последствий американского обращения и составит главный предмет настоящей главы.

Надо сказать, что сама по себе эта проблема не является новой и оригинальной. Отдельные важные документы были опубликованы еще в таких известных и авторитетных изданиях, как «*American State Papers, Foreign Relations*» (Vol. V) и «*British and Foreign*

⁶ Ф. Фонер. Указ. соч., стр. 189; W. R. Manning. *Early Diplomatic Relations between the United States and Mexico*. Baltimore, 1916, p. 106.

⁷ Инструкции правительства Колумбии поверенному в делах в Буэнос-Айресе Д. Фунесу от 6 марта 1825 г.—BFSP, Vol. XII, p. 894; J. R. Lockey. *Pan-Americanism: Its Beginnings*. New York, 1920, p. 321—322. Ссылаясь на сообщения американских газет, русский посланник в Вашингтоне Ф. В. Тейль подробно информировал К. В. Нессельроде весной 1825 г. о том, что Мексика и Колумбия ведут широкую подготовку к захвату Кубы и Пуэрто-Рико, а положение на самих островах, несмотря на отpravку подкреплений с Канарских островов и из Барселоны, весьма неустойчивое. Царский дипломат обращал также внимание на программу намечавшегося «всеобщего конгресса новых государств Америки» и специально выделял «план, направленный против Кубы и Пуэрто-Рико» (Ф. В. Тейль—К. В. Нессельроде, 14(26) апреля 1825 г.—«НИИ», 1966, № 5, стр. 115—116; АВПР, ф. Канцелярия, д. 12217, лл. 351—354).

State Papers» (Vol. XIII). Позднее, в 1925 г., огромное число документальных материалов из архива государственного департамента США было опубликовано У. Мэннингом, а в 1930 г. проф. Б. Томас специально обратился к исследованию русско-американского аспекта «кубинского кризиса» 1825—1826 гг. К сожалению, однако, последний основывался исключительно на американских источниках и совершенно не был знаком с русскими архивными документами. Кроме того, он находился под сильным влиянием широко распространенной в то время точки зрения, будто Россия последовательно и неизменно поощряла мадридский двор добиваться восставления его господства в колониях и что именно против России и была главным образом направлена знаменитая доктрина Монро.

В этих условиях Томас первоначально вообще отказался искать рациональное объяснение причин обращения правительства США к царской России за помощью и сотрудничеством, чтобы добиться прекращения военных действий и признания Испанией независимости новых американских государств. Для Б. Томаса и других сторонников традиционных взглядов в отношении позиции России в испаноамериканском вопросе этот факт казался, естественно, совершенно непонятным и даже «непостижимым» (*inconceivable*)⁸.

В дальнейшем, по мере того как Томасу приходилось анализировать фактический материал, он несколько видоизменил свою точку зрения и в конечном итоге пришел к выводу о серьезном повороте в политике царской России в отношении бывших испанских колоний в Америке в 1825—1826 гг.⁹ В позиции России в эти годы действительно произошли некоторые сдвиги, однако в свете новых исследований они представляются скорее естественным выводом и логическим завершением предшествующей политики, чем каким-то «изменением», «поворотом» или отходом (*departure*) от прежнего курса. Послание президента Монро от 2 декабря 1823 г. в полной мере выявило коренные идеологические расхождения между Вашингтоном и С.-Петербургом, но на практике это не помешало сотрудничеству России

⁸ *B. P. Thomas. Russo-American Relations. Baltimore, 1930, p. 49.*

⁹ *Ibid., p. 64—65.*

и США как на Северо-Западе Америки, так и в гораздо более сложном испаноамериканском вопросе в 1825—1826 гг.

Как уже отмечалось, Г. Миддлтон не скрывал весной 1824 г. своего удовлетворения по поводу «доброй воли и умеренности» царского правительства в отношении Соединенных Штатов, несмотря на совершенно противоположные политические позиции обеих держав¹⁰. Именно под влиянием этих сообщений у Дж. К. Адамса и Дж. Монро возникла идея не только отвлечь С.-Петербург от каких-либо враждебных планов, но и добиться взаимопонимания и сотрудничества России и США в испаноамериканском вопросе. «Чем больше я думаю о письме, недавно полученном от м-ра Миддлтона,— писал Монро Адамсу, в июне 1824 г.,— тем больше желаю, чтобы Ваша депеша к нему была бы ускорена. В этих сообщениях весьма определенно выражена перспектива отрыва России от какого-либо сотрудничества с Испанией или любого другого члена Священного союза против Ю[жной] Аме[рики]. Россия должна отдавать себе отчет, что только в результате такого сотрудничества она может заставить С[оединенные] Штаты вступить в тесную связь с Англией. А так как поэтому она не может быть заинтересована в восстановлении власти испанской монархии над новыми государствами, можно предположить, что противоположные соображения будут иметь достаточный вес, чтобы склонить русское правительство занять решительную позицию в этом вопросе и сделать ее известной по крайней мере нам»¹¹.

В то время у Дж. К. Адамса, видимо, не нашлось подходящего случая, чтобы попытаться добиться сотрудничества с Россией в испаноамериканском вопросе. Однако год спустя такой случай представился. 10 мая 1825 г. по поручению Дж. К. Адамса, ставшего в то время уже президентом, новый государственный секретарь США Г. Клей направил Миддлтону пространные (более 3 тыс. слов!) инструкции, в которых посланнику предлагалось заручиться содействием русского прави-

¹⁰ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 25 февраля (8 марта) 1824 г.— PABT, Vol. II, p. 68—69; NA, DD, Russia, Vol. X.

¹¹ Дж. Монро — Дж. К. Адамсу, 9 июня 1824 г.— MHS, The Adams Papers.

тельства, с тем чтобы убедить Испанию прекратить войну со своими бывшими колониями для сохранения ее господства над Кубой и Пуэрто-Рико¹². Инструкции Клея — один из самых примечательных и любопытных документов не только в истории русско-американских отношений, но и всей дипломатии 20-х годов XIX в. вообще.

Первое, что бросается в глаза, — это откровенный, а в некоторых случаях даже циничный реализм автора, его стремление возможно более ясно и четко изложить создавшуюся обстановку, а также политику Соединенных Штатов. И, надо сказать, Клею удалось сделать это вполне убедительно. Совершенно неопровержимо звучит, в частности, его вывод о полном и окончательном падении господства Испании на американских континентах. «На всем протяжении обоих континентов — от западных границ Соединенных Штатов и до мыса Горн — власть Испании повержена. Недавняя решающая победа при Аякучо¹³ привела к уничтожению последних остатков испанского войска. Ни на один фут территории на всем этом огромном пространстве не распространяется господство Испании и ни один штык ее не поддерживает. Война, если говорить правду, закончилась», и Испания не имеет никаких шансов вновь подчинить свои бывшие колонии. «Завоевание Соединенных Штатов Великобританией оказалось бы не более безумным и безнадежным предприятием, чем реставрация власти Испании на этих континентах».

Более сложным был вопрос о том, чем грозит Испании ее упорный отказ пойти на заключение мира. Впро-

¹² Г. Клей — Г. Миддлтоу, 10 мая 1825 г. — ASP, FR, Vol. V, p. 846—849; BFSP, Vol. XIII, p. 403—409; NA, DI, AC, Vol. X, p. 331—338. Как и многие другие документы, связанные с «кубинским кризисом» 1825 г., эти инструкции вошли и в публикацию: DCUS, Vol. I, p. 244—250. Для того чтобы избежать какой-либо случайности при доставке оригинала, Даниел Brent по указанию Клея отправил Миддлтоу в дальнейшем еще и копию этой инструкции (Д. Brent — Г. Миддлтоу, 26 мая 1825 г. — NA, DI, AC, Vol. X, p. 365).

¹³ В сражении на равнине Аякучо в Перу 8 декабря 1824 г. была разгромлена последняя крупная группировка испанских войск в Южной Америке. Более 2 тыс. испанских солдат и 14 генералов во главе с вице-королем Ла Серна попали в плен (см.: М. С. Альперович. Испанская Америка в борьбе за независимость. М., 1971, стр. 157—158).

чем, и в этом случае государственный секретарь сумел нарисовать довольно впечатляющую картину. Вместо наступательных операций Испании придется думать о защите оставшихся у нее островных владений, и в первую очередь Кубы и Пуэрто-Рико, поскольку нельзя сомневаться в том, что «новые государства направят свои объединенные и незанятые силы для покорения этих ценных островов. Естественно, что они будут бить врага там, где они могут его настигнуть. И их будет стимулировать к нападению двойная цель, связанная с богатством добычи и с тем фактом, что эти острова являются местом концентрации испанских войск... Успех такого предприятия отнюдь не исключается. Их близость к островам и прекрасная акклиматизация их армий дают объединенным усилиям республик огромные преимущества. А если учесть при этом и тот важный и хорошо известный факт, что большая часть населения островов склоняется к отделению от Испании..., то их успех становится почти несомненным». С другой стороны, если Испания согласится прекратить военные действия, то, по мнению Клея, «она еще сможет удержать то, что осталось от ее бывших американских владений. Сохранение же таких островов, как Куба и Пуэрто-Рико, действительно заслуживает серьезного рассмотрения и должно удовлетворить разумное честолюбие».

Переходя к основной цели своей инструкции — убедить царское правительство склонить Испанию к заключению мира со своими бывшими колониями, — государственный секретарь писал: «Тот, кто становится защитником мира, становится действительным защитником Испании. Если император, благодаря своей мудрости, просветит испанские власти и объяснит им настоящие интересы Испании, то не может быть никаких опасений в отношении успеха его могущественного вмешательства».

В этой связи Миддлтон уполномочивался без всяких оговорок раскрыть «чувства и желания» правительства США в отношении Кубы и Пуэрто-Рико в соответствии с «тем духом самой полной откровенности и дружбы, который всегда характеризовал отношения между Россией и Соединенными Штатами». Эти «чувства и желания» заключались в том, что США были

вполне удовлетворены «настоящим положением этих островов, открытых теперь для торговли и предпринимательской деятельности их граждан», и «не хотят для себя каких-либо политических изменений» на этих островах. «Если же Куба провозгласит свою независимость, то численность и характер населения острова делают маловероятным, что она сможет ее сохранить».

Циничное заявление Клея приобретает еще более зловещий характер в свете дальнейших пояснений: «Подобная преждевременная декларация могла бы повлечь за собой повторение тех ужасающих сцен, скорбной ареной которых был соседний остров» (речь идет о Гаити!). Что и говорить, не очень приятное откровение знаменитого идеолога «американской системы» и «глашагая свободы Латинской Америки». И это пятно не так-то легко отмыть даже опытным специалистам в жанре исторических биографий.

В заключение примечательной инструкции указывалось: «Президент лелеет надежду, что приверженность императора к миру, не меньше чем его дружба к Испании, заставит его использовать высокий авторитет своего имени для прекращения войны, дальнейшее продолжение которой должно привести только к бесполезной потере человеческих жизней. Ни одна держава не проявила большей заинтересованности в мировом спокойствии, чем Россия, которая совсем недавно предоставила сильнейшее свидетельство своего нежелания нарушать его на Востоке, показав беспримерную умеренность и воздержанность. Если на Америку распространятся благоденствия мира, которыми под покровительством е.и.в.ва пользуется теперь Европа, то все части этого континента будут иметь приятный случай считать императора, как это всегда делали Соединенные Штаты, своим самым могущественным и верным другом»¹⁴.

¹⁴ Поскольку инструкции Миддлону «лучше всего объясняли взгляды, которых придерживался президент», Клей счел необходимым сразу же переслать их новому посланнику США в Великобритании Р. Кингу, а также Д. Брауну в Париже, для того чтобы добиться содействия соответствующих правительств. Государственный секретарь рассчитывал, что в результате объединенных действий (как прямых, так и косвенных) можно будет заставить Испанию

Прежде чем отправлять инструкции Миддлону в С.-Петербург, Г. Клей познакомил с их содержанием русского посланника в Вашингтоне. Тейль отнесся к инициативе, проявленной правительством США, вполне благожелательно. В беседе с президентом Дж. К. Адамсом 19 мая 1825 г. (Г. Клей в это время уехал к себе на родину в штат Кентукки) посланник с «высокой похвалой» отозвался об инициативе, проявленной Соединенными Штатами, и «выразил твердую уверенность, что вне зависимости от того, каково будет решение императора по поводу сделанного ему предложения, само по себе обращение будет воспринято им благожелательно и дружественно». Более того, по своей собственной инициативе Тейль предложил сообщить содержание инструкций Клея русским послам в Лондоне и Париже в надежде, что они смогут оказать определенное влияние в Мадриде еще ранее, чем это будет сделано через С.-Петербург.

Мотивы, которыми руководствовался русский посланник, показали Дж. К. Адамсу полностью соответствующими интересам дела, и во избежание «ненадежных» средств сообщения президент предложил ему воспользоваться услугами Р. Кинга, который как раз в это время должен был отправиться к месту своего нового назначения. Соответственно в «частном и конфиденциальном» письме новому американскому посланнику в Англии от 21 мая 1825 г. Дж. К. Адамс рекомендовал Р. Кингу лично вручить эти бумаги Х. А. Ливену. «Барон Тейль переслал мне копию депеши, которую он написал по этому поводу графу Ливену и в которой он упомянул Ваше имя. Он просит графа сообщить о ней г-ну Поццо-ди-Борго, что тот, конечно, сделает по безопасному каналу. Барон выразил искреннее желание, чтобы мы оказали влияние на Мексику и Колумбию с тем, чтобы они отложили враждебные действия против Кубы до того, как станет известно о результате предпринятого нами демарша. Это уже было сделано и сделано до того, как был предпринят сам демарш. Посланники обеих этих республик убеждены, что подобная мера будет столь же приемлема для их правительства, как,

«понять необходимость мира» (см.: Г. Клей — Р. Кингу, 11 мая и Д. Брауну, 13 мая 1825 г.— DCUS, Vol. I, p. 250—251, 251—252).

судя по предположениям барона Тейля, мы имеем основания надеяться, она будет приемлема в С.-Петербурге»¹⁵.

В целом в ходе беседы с русским посланником Дж. К. Адамс очень обстоятельно изложил причины, побудившие Соединенные Штаты обратиться к Александру I, и, в частности, откровенно заявил, что если Кубе и Пуэрто-Рико суждено стать в будущем владением какой-нибудь американской державы, то такой державой должны оказаться Соединенные Штаты. Правда, в самих инструкциях Г. Миддлону об этом прямо не говорилось, зато еще ранее, назначая Дж. Р. Пойнсетта на пост посланника в Мексике, американское правительство дало ему на этот счет самые недвусмысленные указания. США, по словам Г. Клея, не могут оставаться безучастными, если Мексика и Колумбия отправят экспедиции для завоевания Кубы и Пуэрто-Рико. Торговля, мир и безопасность Соединенных Штатов «слишком тесно связаны с благосостоянием и судьбой острова Куба, чтобы позволить им наблюдать за любым изменением его положения и политических связей без глубокого беспокойства. Они не собираются сами вмешиваться в настоящее положение острова, но не могут оставаться безучастными к любому предполагаемому изменению». Речь шла при этом не только и не столько о европейских державах, а в первую очередь... о Мексике и Колумбии! «Ни одна из этих держав,— указывалось в инструкциях Дж. Р. Пойнсетту,— не имеет и не будет иметь в ближайшее время морские силы, достаточные для того, чтобы сохранить и защитить Кубу, если бы ее завоевание было осуществлено. Соединенные Штаты не стремятся увеличивать свои владения присоединением Кубы. И тем не менее если этот остров должен стать зависимым от какого-либо из американских государств, нельзя не признать, что благодаря своему расположению он должен принадлежать США»¹⁶.

¹⁵ *J. Q. Adams. Memoirs, 12 Vls. Philadelphia, 1874—1877, Vol. VII, p. 8—10; Дж. К. Адамс — Р. Кингу, 21 мая 1825 г.— The New York Historical Society, The Rufus King Papers; Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 14(26) мая 1825 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12217, л. 398 и далее.*

¹⁶ Г. Клей — Дж. Р. Пойнсетту, 26 марта 1825 г.— DCUS, Vol. I, p. 231. Знаменитый «принцип неперехода» (no-transfer principle).

Депеша Клея от 10 мая 1825 г. была получена в С.-Петербурге 18 июня (10 июля), и Г. Миддлтон, не теряя времени, сообщил о ее содержании К. В. Нессельроде. Первоначально руководитель русского МИД не был склонен обнадеживать американского дипломата, ссылаясь при этом на существенное расхождение в «образе мыслей» обоих правительств в испаноамериканском вопросе¹⁷. Миддлтон, однако, попросил разрешения представить копию своих инструкций с тем, чтобы Нессельроде мог познакомиться с ними Александра I. Соответственно 2(14) июля 1825 г. американский посланник прислал официальную ноту с просьбой о вмешательстве для того, чтобы склонить Испанию к заключению мира с восставшими колониями при условии сохранения в ее владении Кубы и Пуэрто-Рико. «Характер населения этих островов,— отмечал Миддлтон (сам бывший одним из богатейших плантаторов Южной Каролины),— делает крайне проблематичным их способность поддержать свою независимость. Преждевременная декларация, возможно, привела бы только к печальному повторению ужасных сцен в Санто-Доминго».

Содержание и тон этого документа не оставили сомнений в том, что США с большим недоверием относились уже к самой возможности независимого существования Кубы и Пуэрто-Рико и серьезно опасались восстания негритянского населения. «Все державы, которые имеют владения в американском архипелаге, глубоко заинтересованы в предотвращении подрыва на этих островах существующего порядка. Хотя Россия находится в другом положении, признанная благотворительность е.и.в-ва и его стремление к сохранению всех законных владений заставляют надеяться, что он

который, по утверждению американских специалистов, запрещал «переход колоний европейских держав в Западном полушарии во владение другой неамериканской державы» и охранял их статус-кво до того, как они завоюют свою независимость (*J. A. Logan, Jr. Op. cit., p. 1, 172 etc.*), оказался примененным против латиноамериканских республик, стремившихся к освобождению Кубы от владычества Испании! Кстати, он вполне определенно связывался в данном случае и с экспансионистскими притязаниями самих Соединенных Штатов.

¹⁷ Г. Миддлтон — Г. Клею, 15(27) июля 1825 г.— ASP, FR, Vol. V, p. 849; DCUS, Vol. III, p. 1875.

не откажется способствовать *единственному средству*, которое может быть предложено для того, чтобы избежать увеличения несчастий для Испании и всего цивилизованного мира». Миддлтон добавлял в заключение, что если не будут приняты срочные меры для сохранения Испании последних остающихся у нее колоний, то момент для этого может быть упущен навсегда ¹⁸.

Когда в дипломатических кругах Европы стало известно об обращении, предпринятом американским правительством, то некоторые влиятельные государственные деятели, и прежде всего Дж. Каннинг, поспешили выразить свою уверенность в том, что ответ России может быть только отрицательным. «Соединенные Штаты печально заблуждаются,— писал британский министр Р. Кингу летом 1825 г.,— если воображают, что русский император... так подвержен лстивым уговорам, что его можно заставить использовать влияние, которым он располагает..., в направлении, совершенно противоположном тому, которое предписывают его принципы, предрассудки и, быть может, его интересы». Полагая, что Россия является «движущей силой» (the moving soul) континентального союза, Дж. Каннинг не сомневался в том, что царское правительство не только уговаривает Испанию не признавать независимость своих бывших колоний, но и настаивает на продолжении «активной войны для их покорения» ¹⁹.

Довольно пессимистически в отношении результативности своего демарша был первоначально настроен и Г. Миддлтон, сообщавший в частном письме Г. Клею, что обращение к России оказалось несколько неожиданным и когда оно все же было сделано, перспективы выглядели совершенно неутешительно. Посланник отмечал, однако, что депеша Клея была великолепно переведена на французский язык и «сообщена различным

¹⁸ Г. Миддлтон — К. В. Нессельроде, 2(14) июля 1825 г.— ASP, FR, Vol. V, p. 850; DCUS, Vol. III, p. 1873—1874; АВПР, ф. Канцелярия, д. 3180, лл. 3—5. В декабре 1825 г. Миддлтон конфиденциально переслал в русский МИД «*Considérations sur la crise actuelle de la guerre entre l'Espagne et ses colonies, 1825*». — Там же, лл. 44—59 (автор неизвестен).

¹⁹ Дж. Каннинг — Р. Кингу, 7 августа 1825 г.— BILA, Vol. II, p. 520—521.

союзным дворам, где ею много восхищались». Он особенно обратил внимание, в частности, на одобрительное отношение к ней князя Меттерниха, а также доверительно информировал государственного секретаря о имевшихся у него сведениях, что «некоторые друзья испанского короля, которые одновременно являются друзьями своей страны», поддержат американские рекомендации «всеми имеющимися в их распоряжении средствами»²⁰.

Трудно сказать, сколь достоверны были сведения, на которые ссылался посланник Соединенных Штатов, но известные основания для оптимизма к осени 1825 г. действительно появились. Царское правительство не только не отвергло идею примирения между Испанией и ее бывшими колониями, но даже отнеслось к предложениям США с известным пониманием и сочувствием. «Его и. в-во,— указывалось в официальном ответе Нессельроде,— поздравляет себя с тем, что он возбудил такое доверие у Соединенных Штатов Америки; нижеподписавшийся уполномочен просить г-на Миддлтона передать своему правительству заверение, что император придает большое значение тем чувствам, новое доказательство которым дают их предложения». В то же время Нессельроде обращал внимание Миддлтона, что он не может дать окончательного ответа до тех пор, пока не будут получены позитивные сведения (*genseignemens positifs*) о позиции Испании в отношении ее американских владений, решении, которое она приняла относительно предложения Соединенных Штатов, и взглядах других ее союзников по этому же вопросу. Что же касается судьбы Кубы и Пуэрто-Рико, то царское правительство не скрывало своего удовлетворения тем, что Соединенные Штаты, все более убеждаясь в опасностях, которые могли бы произойти от изменения формы правления на островах, используют свое влияние для того, чтобы, насколько это зависит от них, расстроить (*déconcerter*) любое предприятие, направленное против этих владений²¹.

²⁰ Г. Миддлтон — Г. Клею, 27 августа (8 сентября) 1825 г.— DCUS, Vol. III, p. 1877—1878.

²¹ К. В. Нессельроде — Г. Миддлтону, 20 августа (1 сентября) 1825 г.— ASP, FR, Vol. V, p. 850; DCUS, Vol. III, p. 1875—1876; арх. отпуск см.: АВПР, ф. Канцелярия, д. 3181, лл. 7—8.

Хотя, по современным оценкам, ответ К. В. Нессельроде выглядит не слишком впечатляющим, а в некотором смысле даже уклончивым, Соединенные Штаты восприняли его с нескрываемым удовлетворением и энтузиазмом. Так, Миддлтон полагал, что «этот ответ *по существу* (если освободить его от дипломатических одеяний) во всех отношениях является столь благоприятным взглядам, которые развивались в Вашей (т. е. Г. Клея.— Н. Б.) депеше, насколько это можно было ожидать от правительства в том затруднительном положении, в каком оно сейчас находится». Главное препятствие, которое, по словам Миддлтона, предстояло преодолеть, заключалось в позиции испанского правительства, где «*все партии* выступали против независимости колоний. Необходимость этого шага, однако, становится столь очевидной, что можно надеяться, что даже там разумные советы будут вскоре услышаны. По *очевидным* причинам,— заключал американский дипломат,— мы не должны ожидать, что *официально* узнаем о том, что совет, подобный вышеупомянутому, был дан до тех пор, пока ему не последуют»²².

Хотя в официальной переписке нет каких-либо прямых фактов, подтверждавших оптимистический прогноз Миддлтона, можно предполагать, что у американского посланника имелись некоторые сведения, позволявшие ему столь положительно оценить ответ К. В. Нессельроде. Во всяком случае в последующих донесениях из С.-Петербурга Миддлтон не только не счел необходимым внести какие-либо поправки, но конфиденциально подчеркнул, что собранная им «небольшая информация» подтверждает его «первоначальные впечатления»²³.

Самый благоприятный прием нота Нессельроде встретила в столице Соединенных Штатов. В шифрованном донесении из Вашингтона в декабре 1825 г. Тейль отмечал, что «ответ императорского министерства на предложения г-на Миддлтона произвел здесь приятную

²² Г. Миддлтон — Г. Клею, 27 августа (8 сентября) 1825 г.— ASP, FR, Vol. V, p. 849; DCUS, Vol. III, p. 1877 (подчеркнуто Миддлтоном).

²³ Г. Миддлтон — Г. Клею, 18(30) сентября 1825 г.— NA, DD, Russia, Vol. X; частично опубл.: DCUS, Vol. III, p. 1878—1879.

сенсацию»²⁴. Президент Дж. К. Адамс с удовлетворением констатировал, что американское обращение к Александру I «не осталось без благоприятных последствий». И хотя официальная нота царского правительства была составлена крайне осторожно, Г. Клей полагал, что она дает основание надеяться, что «преобладающее влияние России используется для дела мира»²⁵.

О том, насколько эти прогнозы соответствовали действительности и как развивались события на самом деле, можно проследить на основе архивных документов русского МИД. В точном соответствии с ответом, данным Г. Миддлтону, К. В. Нессельроде направил специальные депеши русским представителям в Париже, Вене и Берлине²⁶. Русским дипломатам в европейских столицах поручалось запросить «искреннее мнение» (*opinion sincère*) соответствующего союзного правительства по поводу предложения, сделанного Соединенными Штатами. Каждому послу пересылались при этом депеша Клея, предварительный ответ России, а также инструкции, данные П. Я. Убри. Поставленный Соединенными Штатами вопрос являлся, по словам Нессельроде, «слишком тесно связанным с интересами Испании», чтобы русское правительство могло в настоящее время высказать свое мнение. «Право решать его,— писал Нессельроде Убри,—принадлежит правительству Испании. Именно оно должно взвесить свои ресурсы, представляющиеся возможности и сделать выбор»²⁷.

²⁴ Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 14(26) декабря 1825 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12220, л. 62.

²⁵ Г. Клей — Г. Миддлтону, 26 декабря 1825 г.— ASP, FR, Vol. V, p. 850; DCUS, Vol. I, p. 265.

²⁶ Все эти депеши были аналогичного содержания. Александр I одобрил их 22 августа (3 сентября), а Нессельроде подписал 3(15) сентября 1825 г. (см., в частности: К. В. Нессельроде — Д. М. Алопеусу, 3(15) сентября 1825 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 784, лл. 84—86).

²⁷ К. В. Нессельроде — П. Я. Убри, 4(16) сентября 1825 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7591, лл. 37—41. Проект утвержден царем 22 августа (3 сентября). Цитируемый отрывок заменил в проекте более пространный абзац, из содержания которого видно, что царское правительство учитывало возможность использовать «план, намеченный Соединенными Штатами», в случае, если Испания «свободно и спонтанно» (*librement et spontanément*) примет решение компенсировать свои потери соглашением, которое, насколько возможно, спасло бы ее «честь и ее интересы» (Там же, лл. 38—39).

Знакомя мадридский кабинет с депешей Клея, а также ответом России, Убри не должен был формально оказывать какого-либо давления. Решение целиком предоставлялось на усмотрение самого мадридского двора, но уже постановка вопроса о заключении мира с новыми государствами, делавшаяся через царское правительство, говорила сама за себя.

Если инструкции русским дипломатам в Париже, Вене и Берлине были совершенно идентичны, то депеша Х. А. Ливену содержала некоторые важные дополнения. Послу в Лондоне поручалось переговорить с Р. Кингом, а если этот канал не даст результатов, то «использовать все другие средства информации» для того, чтобы выяснить, не были ли американские предложения предварительно согласованы с Англией. Ливен должен был также выяснить позицию Великобритании в отношении альтернативных решений, которые представляются мадридскому двору²⁸.

Определенный интерес представляли и две депеши, которые были направлены 4(16) сентября 1825 г. Тейлю в Вашингтон. В первой, которая была подготовлена еще до того, как в С.-Петербурге были получены донесения Ф. В. Тейля за период с 14(26) мая до 29 июня (11 июля) 1824 г., Нессельроде информировал посланника о демарше, предпринятом Г. Миддлтоном, и ответе, данном царским правительством на американские предложения. Тейлю надлежало убедить Клея в том, что у императора не было возможности дать какой-либо другой ответ на предложения Соединенных Штатов и что он признателен за проявленное к нему доверие и дружбу. Посланник должен был при этом подтвердить желание императора, чтобы «эти чувства всегда руководили отношениями, которые существуют между двумя державами»²⁹.

В тот же день Тейлю была послана другая шифрованная депеша, в которой Нессельроде, подтверждая получение упомянутых донесений из Вашингтона, извещал посланника о «полном одобрении» его действий

²⁸ К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену, 3(15) сентября 1825 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 6942, лл. 152—153.

²⁹ К. В. Нессельроде — Ф. В. Тейлю, 4(16) сентября 1825 г. — «АНР», Vol. XVIII, 3 April, 1913, p. 561—562.

Александром I³⁰. Глава ведомства иностранных дел информировал Тейля, что, по полученным от Ливена сведениям, США и Англия пришли к соглашению о том, что ни та, ни другая сторона не должна овладеть Кубой и Пуэрто-Рико. Русскому посланнику в Вашингтоне поручалось также стремиться к тому, чтобы правительство США использовало свое влияние и помешало переходу Кубы и Пуэрто-Рико в другие руки³¹.

С.-Петербург был важнейшим, но не единственным каналом, который Соединенные Штаты использовали для того, чтобы склонить Испанию к примирению со своими бывшими колониями. Значительный интерес в этой связи представляет обращение американского посланника в Париже Д. Брауна к европейским державам в середине июля 1825 г. Как записано в протоколе конференции союзных держав в Париже от 17 июля 1825 г., министр иностранных дел Франции Дама (Damas) передал послам Австрии, России и Пруссии содержание сообщения, полученного им от Д. Брауна. «От имени своего правительства посланник США заявил: Соединенные Штаты предлагают Франции и другим морским державам гарантировать Испании владение Кубой и Пуэрто-Рико, однако при условии, что она примет посредничество этих держав между ней и восставшими колониями»³².

Итак, Соединенные Штаты обращались к членам Священного союза (в данном случае Франции), чтобы гарантировать Испании владение Кубой и Пуэрто-Рико. При этом они опасались вовсе не интервенции Священного союза, а стремились предотвратить освободительную экспедицию, которая готовилась Мексикой и Колумбией!

Редакция «Америкэн историкал ревю», ссылаясь на изучение архива госдепартамента, отмечала, что

³⁰ Напомним, что русский посланник в Вашингтоне вполне положительно отнесся к инициативе США и предложил свое содействие для ознакомления с американскими предложениями царских дипломатов в Лондоне и Париже.

³¹ К. В. Нессельроде — Ф. В. Тейлю, 4(16) сентября 1825 г.— Ibid., p. 562.

³² «Protocols of Conferences of Representatives of the Allied Powers Respecting Spanish America, 1824—1825».— «AHR», Vol. XXII, N 3, April 1917, p. 614—615 (Résumé de la Conférence du 17 juillet 1825).

Д. Браун «превысил объем своих полномочий», поскольку ему была послана лишь копия инструкции Миддлто-ну от 10 мая 1825 г. Следует иметь в виду, однако, что предложение Брауна соответствовало общему курсу правительства США в отношении Кубы и Пуэрто-Рико, и посланник никогда не был дезавуирован. Кроме того, ознакомление с некоторыми дополнительными материалами позволяет утверждать, что, проявляя инициативу в данном вопросе, Браун действовал и с учетом указаний, полученных им непосредственно от Дж. К. Адамса и Г. Клея. Еще до подписания своих известных инструкций Г. Миддлто-ну, Клей информировал Брауна о подготовке им важных предложений для заграничных миссий Соединенных Штатов и, в частности, сообщал посланнику о своем сильном желании, чтобы между Испанией и ее восставшими колониями в Америке был заключен мир³³.

20 мая 1825 г. в частном и конфиденциальном письме Брауну президент Адамс сообщил о содержании своих бесед с Тейлем и отметил, в частности, что русский посол в Париже Поццо-ди-Борго получит информацию о предложениях, сделанных Соединенными Штатами правительству России через Тейля и Ливена, приблизительно в то же время, что и Браун. Президент уполномочивал посланника в этой связи действовать в своих сношениях с царским дипломатом «относительно всей проблемы столь свободно, как сочтет нужным»³⁴.

Мы видим, таким образом, что даже с формальной стороны у Брауна имелись основания для того, чтобы не скрывать от представителей Священного союза намерений Соединенных Штатов в испаноамериканском вопросе. Откровенный же тон и содержание инструкций Миддлто-ну должны были окончательно рассеять всякие сомнения на этот счет. Действительно, как только в Париже была получена депеша Клея «по вопросу о войне между Испанией и ее колониями», Браун, несмотря на плохое самочувствие, решил, не теряя времени, информировать Дама о новой американской инициативе. В беседе с французским министром 12 июля 1825 г. по-

³³ Г. Клей — Д. Брауну, 9 мая 1825 г.— LC, Papers of Henry Clay.

³⁴ Дж. К. Адамс — Д. Брауну, 20 мая 1825 г.— MHS, The Adams Papers.

сланник сообщил о желании президента США видеть скорейшее окончание кровопролитной войны, что позволило бы не только спасти Кубу и Пуэрто-Рико, но и обеспечило бы испанским подданным сохранение богатых поместий на территории новых государств³⁵.

В дополнение к официальному донесению Д. Браун позднее направил Г. Клею подробное частное письмо, в котором привел ряд интересных деталей и соображений: «Я уже сделал все приготовления к моему путешествию,— писал Браун,— когда получил Ваше письмо, содержащее копию инструкций Миддлтону относительно войны между Испанией и ее колониями. Я испытывал некоторое затруднение при принятии решения о том, должен ли я ждать, пока м-р Миддлтон поставит вопрос перед императором и затем упомянуть о нем здесь министру иностранных дел. Поскольку в Ваших инструкциях ничего не говорилось о времени и месте постановки этого вопроса и поскольку мне казалось возможным, что, если политика, рекомендованная президентом, будет благожелательно принята французским правительством, это может удержать Испанию от отправки дополнительных войск против ее колоний, я решил немедленно переговорить с бароном де Дама...»

Вернувшись после отдыха в Париж, Д. Браун обнаружил, что мнения ряда представителей континентальных держав в отношении бывших испанских колоний претерпели известные изменения. «Некоторые из тех, кто ранее думал, что метрополия обладает силой для того, чтобы привести их к повиновению, теперь признают свою ошибки и допускают способность колоний к сохранению своей независимости». Американский посланник понимал, что любое его сообщение одной из великих держав сразу же становилось достоянием всех остальных, и потому не сомневался в передаче содержания его беседы с Дама во всех деталях представителям Австрии, России и Пруссии. «Я могу лишь надеяться,— делал вывод посланник,— что политика, рекомендованная президентом, получит одобрение великих континентальных держав и неохотное согласие испан-

³⁵ См.: Д. Браун — Г. Клею, 15 июля 1825 г.— DCUS, Vol. III, p. 1412—1416, а также частное письмо от того же числа: LC, Papers of Henry Clay, Vol. V, p. 795.

ского монарха. Во всяком случае предложение усилит кредит нашего правительства и предоставит убедительное доказательство благоразумия, которым направляются его планы»³⁶.

Предположения Д. Брауна о тесной связи между державами континентальной Европы вполне соответствовали действительности. Сообщая П. Я. Убри о получении из С.-Петербурга инструкций по поводу обращения США к Александру I, Поццо-ди-Борго напоминал, что подобное же обращение уже ранее было сделано вербально французскому правительству американским посланником в Париже. Дама ответил Брауну, что первое слово в этом вопросе принадлежит Испании и что Франция не может что-либо предпринять «без согласия и участия своих союзников»³⁷. В то же время русский посол в Париже вполне отдавал себе отчет в том, что Франция склоняется последовать за Англией и Соединенными Штатами и признать независимость новых государств Испанской Америки. Он отмечал, в частности, что французское министерство «готовится назначить консулов в революционные государства» и принимать в своих портах торговые корабли этих стран³⁸. Поццо-ди-Борго также переслал для сведения Убри документальные материалы, опубликованные по распоряжению правительства и признанные содействовать торговым связям с новыми государствами³⁹.

В общем, французское правительство сочувственно отнеслось к инициативе, проявленной США, хотя и не считало, что момент для этой инициативы является подходящим. В свою очередь Поццо-ди-Борго считал необходимым в первую очередь выяснить позицию испанского короля. В беседах с Дама он явно предпочитал выслушивать мнение французского правительства,

³⁶ Д. Браун — Г. Клею, 26 августа 1825 г.— LC, Papers of Henry Clay, Vol. V, p. 818—819.

³⁷ К. О. Поццо-ди-Борго — П. Я. Убри, 26 сентября (8 октября) 1825 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 9143, л. 149.

³⁸ К. О. Поццо-ди-Борго — П. Я. Убри, 8(20) сентября 1825 г.— Там же, л. 148.

³⁹ К. О. Поццо-ди-Борго — П. Я. Убри, 26 сентября (8 октября) 1825 г.— Там же, лл. 149—151; «La Courir Français», 7.X 1825, N 280 («Sur les documents relatifs au commerce des nouveaux états de l'Amérique...»).

«не входя в излишние подробности до того, как будут получены указания императорского кабинета»⁴⁰.

Более последовательно легитимистскую позицию занял в октябре 1825 г. прусский министр граф Бернсторф, отметивший в беседе с русским посланником в Берлине, что вашингтонский кабинет впервые обратился к одной из европейских держав по вопросу, который его прямо не касается. «Министр убежден,— сообщал Алопеус,— что Испания отвергнет предложения, сделанные Соединенными Штатами, хотя полагает, что тюильрийский кабинет будет побуждать принять их для того, чтобы последовать примеру Франции, признавшей независимость Сан-Доминго. Он осудил решение французского правительства относительно признания, поскольку это наносит ущерб принципам, которые составляют основу великого союза»⁴¹.

Следует напомнить, что царское правительство еще в начале 20-х годов XIX в. рекомендовало Франции признать независимость о-ва Гаити и получить в обмен значительные коммерческие выгоды⁴². В С.-Петербурге не видели в подобном шаге ничего предосудительного, а в будущем даже рассчитывали установить с островом выгодные торговые связи. Впрочем, и в Берлине твердая позиция графа Бернсторфа разделялась далеко не всеми. «Г-н Ансиллон придерживается другого мнения»,— указывал в том же донесении Д. М. Алопеус и отмечал далее, что у последнего имеются сторонники в самом министерстве, «которые хотят превратить Пруссию в торговую державу». Посланник сообщал, в частности, об отправлении «из порта Штеттин в Америку несколько дней назад корабля «Принцесса Луиза»»⁴³.

⁴⁰ К. О. Поццо-ди-Борго — К. В. Нессельроде, 4(16) октября 1825 г., № 89.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 9143, л. 171.

⁴¹ Д. М. Алопеус — К. В. Нессельроде, 9(25) октября 1825 г., № 7.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 787, лл. 400—401. К донесению прилагался официальный ответ Бернсторфа от 19 октября 1825 г., в котором прусский министр приветствовал обращение России непосредственно к мадридскому двору и, основываясь на предшествующем опыте, отмечал, что ответ Испании будет отрицательным. Солидаризуясь с позицией царского правительства, Бернсторф рассыпался в похвалах его «сдержанной мудрости» (Там же, лл. 405—406).

⁴² См.: Л. Ю. Слёзкин. Указ. соч., стр. 220—225.

⁴³ Д. М. Алопеус — К. В. Нессельроде, 9(21) октября 1825 г., № 7.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 787, лл. 400—401.

Борьба мнений в прусском министерстве, как мы видим, вполне справедливо связывалась Алопеусом с противоречиями между легитимистскими принципами и конкретными экономическими интересами⁴⁴.

Недовольство по поводу признания Францией независимости о-ва Гаити выражал в 1825 г. не только граф Бернсторф. Единомышленником прусского министра в данном вопросе оказался... дипломатический представитель США в Лондоне Р. Кинг. В этом, по мнению Х. А. Ливена, сказалось влияние интересов Юга и беспокойство государства, владевшего черными рабами. В еще большей степени американский дипломат был встревожен отправкой на конгресс в Панаму представителя Бразилии, а также позицией, которую заняла в данном вопросе Великобритания. Р. Кинг усматривал в этом скрытое намерение английского правительства получить через Бразилию преобладающее влияние (голос) в американских делах, а также стремление создать на Юге федерацию, которая могла бы со временем стать противовесом опасному влиянию Соединенных Штатов⁴⁵.

Надо сказать, что с Р. Кингом у Х. А. Ливена с самого начала установились «откровенные и доверительные отношения». От него и от Поццо-ди-Борго русский посол в Лондоне уже знал о предпринятых Соединенными Штатами демаршах и, в частности, о предложениях, нашедших отражение в протоколе конферен-

⁴⁴ Подробно о политике немецких государств в отношении войн за независимость в Латинской Америке см. исследование проф. Манфреда Коссока (*M. Kossok. Im Schatten der Heiligen Allianz. Berlin, 1964*).

⁴⁵ См.: Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде, 11 (23) ноября 1825 г., № 141.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 6941, лл. 193—194. О пристальном внимании США к положению в Бразилии сообщал осенью 1825 г. и английский посланник в С.-Петербурге Е. Дисброу (E. Disbrowe). Вашингтонское правительство было серьезно обеспокоено тем, чтобы Буэнос-Айрес и Колумбия «не попытались революционизировать Бразилию с помощью черных». Кроме того, успех, который сопутствовал борьбе негров Сан-Доминго, должен был служить стимулом для «их братьев на других вест-индских островах, а равно в Джорджии и обеих Каролинах». Выход из положения американцы видели в немедленном признании Испанией независимости своих бывших колоний, и Г. Миддлтон, по отзыву Дисброу, «льстил себе надеждой, что произвел впечатление на умы русских министров» (см.: Е. Дисброу — Дж. Каннингу, 18 (30) сентября 1825 г.— ВИА, Vol. II, p. 303).

ции союзных держав в Париже от 17 июля 1825 г. Между тем британский министр иностранных дел продолжал хранить при встречах с Х. А. Ливеном полное молчание. Посол не сомневался в том, что Великобритания не имела отношения к предложениям, которые США сделали русскому правительству, и что сам Дж. Каннинг, по-видимому, мало верит в успех американской инициативы. Британский министр явно был не расположен давать России повод участвовать в обсуждении «морских вопросов» и «трансатлантических интересов»⁴⁶.

Дж. Каннинг считал невозможным обеспечить содействие России или какой-нибудь другой великой континентальной державы для того, чтобы убедить Испанию признать независимость своих бывших колоний. «Принципы, разделяемые русским императором в отношении испанских колоний», по мнению британского министра, не позволяли рассчитывать на действительную помощь с его стороны⁴⁷. В то же время руководитель английского Форин оффис опасался растущего влияния Соединенных Штатов в Западном полушарии и, в частности, возможности захвата ими Кубы и Пуэрто-Рико. Сложившееся положение побудило Каннинга выдвинуть в августе 1825 г. свое собственное предложение, предусматривавшее взаимное обязательство трех морских держав воздержаться от присоединения Кубы. «Вы не можете позволить нам овладеть Кубой; мы не можем позволить, чтобы вы овладели ею, и никто из нас не может позволить, чтобы она попала в руки Франции», — откровенно писал британский министр Р. Кингу и предлагал в этой связи подписать взаимное обязательство не захватывать Кубу, например, в виде трехсторонней ноты⁴⁸.

Соединенные Штаты не считали, однако, что в отношении Кубы они могут быть поставлены в равное положение с Великобританией. Слишком уж велика была их заинтересованность в этом острове и слишком близко он был расположен от их берегов. В результа-

⁴⁶ Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде, 11(23) ноября 1825 г., № 140. — АВГР, ф. Канцелярия, д. 6941, лл. 186—191.

⁴⁷ Там же, л. 188.

⁴⁸ Дж. Каннинг — Р. Кингу, 7 августа 1825 г. — BILA, Vol. II, p. 520—524.

те Дж. Каннингу и на этот раз, как и два года назад, в августе 1823 г., не удалось связать США формальным обязательством не захватывать Кубу. Как явствует из беседы Клея с британским посланником в Вашингтоне Чарлзом Ваугханом, предложение Дж. Каннинга было отклонено под тем благовидным предлогом, что «Испания, почувствовав себя спокойной в отношении Кубы благодаря объединенной декларации других держав, в этом случае будет еще более упорно отказываться от мира со своими бывшими американскими провинциями»⁴⁹.

В то время как в дипломатических канцеляриях европейских стран неторопливо обсуждали варианты решения испаноамериканского вопроса, положение в Карибском бассейне все более обострялось. Ссылаясь на достоверные источники, Ф. В. Тейль доносил из Вашингтона 31 августа (12 сентября) 1825 г., что С. Боливар готов «пожертвовать 20 млн. пиастров, чтобы поднять на восстание остров Куба», и не скрывает, что независимость новых государств не будет упрочена до тех пор, пока этот остров «находится в руках испанцев». Позднее царский дипломат писал, что в Картахене для отправки на Кубу готовилась военная экспедиция, состоявшая из 10—12 тыс. человек, одного линейного корабля, 5 фрегатов и большого числа других судов. Предполагалось, что освобождение острова будет значительно облегчено недовольством кубинского населения и его готовностью подняться на борьбу против испанских властей. 16 декабря 1825 г. в филадельфийской «Нэшнл газетт» было помещено письмо, в котором сообщалось о сосредоточении 10-тысячной армии и мощного военно-морского флота для вторжения на Кубу. Балтиморская «Уикли реджистер» в номере от 24 декабря предсказывала, что эту экспедицию будет легко осуществить, так как население симпатизирует освободительным войскам, которые могут быть отправлены из Мексики и Колумбии⁵⁰.

⁴⁹ Ч. Ваугхан — Дж. Каннингу, 30 сентября 1825 г. — BILA, Vol. II, p. 532—534.

⁵⁰ Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 31 августа (12 сентября) 1825 г. — «ННИ», 1966, № 5, стр. 116—117; АВПР, ф. Канцелярия, д. 12217, лл. 479—480; А. М. Зорина. Указ. статья, стр. 132; Ф. Фонер. Указ. соч., стр. 189—190; АВПР, ф. Канцелярия, д. 12220,

Опасаясь восстания негритянского населения на Кубе и в Пуэрто-Рико и стремясь предотвратить переход островов в руки независимых государств Латинской Америки, Соединенные Штаты были весьма заинтересованы в поддержке Великобритании. Одно время казалось, что американской дипломатии и на этот раз, как и осенью 1823 г., удастся извлечь выгоду из позиции своего могущественного партнера и соперника. Британский посланник в Вашингтоне Ч. Ваughан в беседе с Г. Клеем намекнул на желательность вмешательства Соединенных Штатов для предотвращения нападения на о-в Куба. Государственный секретарь охотно информировал посланника о подготовке инструкций представителям США в Колумбии и Мексике с тем, чтобы заставить правительства этих стран «по крайней мере отложить на несколько месяцев намеченные ими операции против Кубы». Клей указал далее, что хотя американское правительство сознает трудность вмешательства для предотвращения освобождения острова до тех пор, «пока Куба будет использоваться Испанией в качестве пункта, из которого будут вестись военные действия против новых государств, тем не менее США не могут оставаться безучастными к любым действиям, которые были бы направлены на вооружение черного населения против белых». Как видно из донесения Ваughана, государственный секретарь прямо заявил, что дипломатическим представителям США будут даны указания потребовать отказа от любых проектов захвата, «важной составной частью которых входит помощь чернокожим»⁵¹.

Британский министр иностранных дел разгадал планы американской дипломатии и решил отплатить Соединенным Штатам их же методами. Хотя сам Каннинг не был заинтересован в переходе Кубы в руки Колумбии или Мексики, он не желал связывать Англию обещанием поддержать протест США, так как это могло только осложнить ее отношения с этими странами. В результате Дж. Каннинг поспешил дезавуировать

л. 49; «National Gazette», 16.XII 1825; «Weekly Register», December 24, 1825, Vol. XXIX, p. 259.

⁵¹ Ч. Ваughан — Дж. Каннингу, 21 декабря 1825 г. — BILA, Vol. II, p. 537.

Ч. Ваughана, который слишком неосторожно пошел в этом вопросе за Г. Клеем, указав, что, поскольку затрагиваются интересы только США, лишь они и имеют основания для вмешательства, а Великобритании нет необходимости разделять однозность такого вмешательства. Английский министр не скрыл при этом и своего раздражения по поводу притязаний Соединенных Штатов на особые права в Западном полушарии, нашедших воплощение в доктрине Монро. «Открыто признаваемая претензия Соединенных Штатов встать во главе конфедерации всей Америки и направить эту конфедерацию против Европы (включая Великобританию) является претензией, не отвечающей нашим интересам, или такой, какую мы можем поощрять или терпеть. Однако эту претензию нет смысла абстрактно оспаривать; вместе с тем мы не должны говорить ничего, что может казаться признанием такого принципа»⁵². Как видно, Дж. Каннинг не забыл урока, который был дан ему Дж. К. Адамсом осенью 1823 г., и совсем не хотел разделять с Соединенными Штатами ответственность за предотвращение освобождения Кубы и Пуэрто-Рико. Британский министр понимал, что вашингтонское правительство будет вынуждено сделать это по собственной инициативе, и не ошибся в этом.

20 декабря 1825 г. государственный секретарь Г. Клей направил дипломатическим представителям Колумбии и Мексики в Соединенных Штатах официальные ноты, в которых давался многозначительный совет отложить осуществление планируемых мероприятий. При этом Клей сослался на обращение США к России, которое не осталось безрезультатным, и есть основания полагать, что император предпринимает в настоящее время шаги к прекращению войны между Испанией и ее бывшими колониями. «Наша информация из Европы дает основания верить, что все великие державы склоняются сейчас к миру и совместно или порознь они дадут Испании миролюбивые советы... При таких обстоятельствах президент считает,— указывалось в американской ноте,— что отсрочка на определенное время экспедиции против Кубы или Пуэрто-Рико, кото-

⁵² Дж. Каннинг — Ч. Ваughану, 8 февраля 1826 г.— ВІІА, Vol. II, p. 542—543.

рая, как полагают, снаряжается в Картахене, или любой другой экспедиции, которая может планироваться против какого-нибудь из этих островов Колумбией или Мексикой, оказала бы благотворное влияние на великое дело мира». Подобная отсрочка, по словам Клея, воздаст должное «просвещенным намерениям русского императора» и не может не оказать на него «счастливейшего влияния»⁵³.

В конце декабря 1825 г. Клей известил американских посланников в Колумбии и Мексике о предпринятом им демарше и поручил, насколько это будет в их силах, содействовать его успеху. Ссылаясь на свою беседу с Ф. В. Тейлем, государственный секретарь отмечал, что «в соответствии с инструкциями, полученными из С.-Петербурга», русский посланник «подтверждает и поддерживает» взгляды Миддлтону относительно результата обращения Соединенных Штатов к русскому императору. Все сообщаемые документы и факты Р. Андерсон и Дж. Р. Пойнсетт должны были использовать по своему усмотрению с тем, чтобы предотвратить «любую военную или морскую экспедицию, подготавливаемую против Кубы и Пуэрто-Рико»⁵⁴.

Одновременно в инструкциях Миддлтону поручалось убедить правительство России в необходимости добиться решения Испании по вопросу о заключении мира в возможно короткий срок. «Все события вне Испании,— писал Клей,— по-видимому, объединяются в настоящее время тенденцией к миру, а падение крепости Сан-Хуан-де-Улуа, которая капитулировала 18 ноября, не может не оказать могущественного влияния внутри этого королевства. Нам известно, что когда это сообщение пришло в Гавану, оно произвело огромную и всеобщую сенсацию; местное правительство немедленно отправило быстроходный парусный корабль в Кадис для сообщения об этом событии и для того, чтобы в связи с этим умоливать короля немедленно прекратить военные действия и признать новые республики, так как это единственно

⁵³ Г. Клей — Х. М. Салазару, 20 декабря 1825 г.— ASP, FR, Vol. V, p. 851; DCUS, Vol. I, p. 263—264.

⁵⁴ Г. Клей — Р. Андерсону, Дж. Р. Пойнсетту, 30 декабря 1825 г.— NA, DI, AC, Vol. X, p. 426—427.

оставшееся средство сохранить для монархии остров Куба»⁵⁵.

Сообщая К. В. Нессельроде о предпринятых американским правительством действиях, Г. Миддлтон вновь подтвердил, что Соединенные Штаты не хотели бы, чтобы Куба оказалась во владении Мексики или Колумбии. Если же «война новых государств против островов» [Куба и Пуэрто-Рико] будет особенно жестокой и разрушительной и если она «станет опасной для спокойствия и безопасности соседних провинций», то правительство Соединенных Штатов сочтет необходимым «использовать силу, чтобы положить конец подобным эксцессам». Американский посланник подчеркивал в этой связи, сколь важным было бы получить от Испании быстрое решение о ее намерении заключить мир со своими бывшими колониями, так как отсрочка экспедиции по рекомендации президента США может продолжаться лишь ограниченный период времени⁵⁶.

Хотя действия правительства США сопровождалось многочисленными ссылками на «великое дело мира» и необходимость предоставить время, чтобы Россия и другие европейские державы могли склонить Испанию к признанию независимости своих бывших колоний, суть их заключалась в предотвращении освобождения Кубы и Пуэрто-Рико. Правительства Колумбии и Мексики не могли не считаться с совершенно недвусмысленной позицией, занятой Соединенными Штатами в отношении планируемой ими экспедиции для освобождения Кубы от испанского господства. В ответ на ноту Клея Салазар писал, что, по его мнению, судьба Кубы и Пуэрто-Рико должна быть решена на предстоящем конгрессе в Панаме, а это «даст достаточное время для получения положительных отчетов об окончательном результате добрых услуг е. в-ва императора России». Колумбийский посланник отмечал также, что признание Россией и другими европейскими державами независимости новых

⁵⁵ Г. Клей — Г. Миддлтону, 26 декабря 1825 г.— ASP, FR, Vol. V, p. 850; DCUS, Vol. I, p. 265—266.

⁵⁶ Г. Миддлтон — К. В. Нессельроде, 27 февраля (11 марта) 1826 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3201, лл. 14—15 (подлинник на франц. яз.); DCUS, Vol. III, p. 1879—1880 (англ. перевод).

американских государств является предметом их «самых горячих желаний»⁵⁷.

В беседах с Р. Андерсоном министр иностранных дел Великой Колумбии Х. Р. Ревенга опроверг существование у его правительства захватнических намерений в отношении Кубы или Пуэрто-Рико, и это, по мнению американского дипломата, свидетельствовало об изменении прежней политики. «Судя по всем сведениям, которые я смог получить,— доносил Андерсон из Боготы 9 марта 1826 г.,— у меня сложилось окончательное впечатление, что в ближайшее время ни на один из этих островов вторжение предпринято не будет. Насколько эта отсрочка произошла от неспособности в настоящее время снарядить нужную экспедицию и насколько позиция Соединенных Штатов и Ваше письмо содействовали этой цели, мне точно сказать невозможно. Наиболее вероятно, что обе причины оказали свое действие»⁵⁸.

После тщательного рассмотрения вопроса правительством Колумбии министр иностранных дел Х. Р. Ревенга направил Р. Андерсону специальное письмо, в котором давалось официальное заверение, что «без веских оснований не будет форсироваться никакая операция большого масштаба против испанских островов» до тех пор, пока не будет принято согласованного решения участников предстоящего конгресса в Панаме⁵⁹. Примерно в то же время Х. М. Салазар обратился к правительству США с просьбой использовать свое влияние, чтобы склонить Испанию если не к заключению

⁵⁷ Х. М. Салазар — Г. Клею, 30 декабря 1825 г.— DCUS, Vol. II, p. 290.

⁵⁸ См. донесения Р. Андерсона Г. Клею, 7 и 9 марта 1826 г.— DCUS, Vol. II, p. 1291—1293. Еще более определенно на этот счет высказался позднее генерал С. Боливар в беседе с делегацией кубинских революционеров в Каракасе: «Мы не можем не посчитаться с позицией правительства Соединенных Штатов, которое наравне с правительством Англии исполнено решимости сохранить господство Испании над островами Куба и Пуэрто-Рико, несмотря на то что эта их решимость будет держать нас в состоянии постоянной тревоги и заставит нас идти на большие затраты, чтобы отразить все попытки, которые наш упорный враг станет предпринимать в отношении этих островов» (цит. по: Ф. Фонер. Указ. соч., стр. 198 с ссылкой на «The United States Government Has Injured the Liberty of the People of Cuba». New York, 1848, p. 19).

⁵⁹ Х. Р. Ревенга — Р. Андерсону, 17 марта 1826 г.— DCUS, Vol. II, p. 1294—1296.

окончательного мирного договора, то по крайней мере к соглашению о прекращении военных действий на 10 или 20 лет⁶⁰.

Казалось, что правительство Соединенных Штатов могло торжествовать. От Колумбии удалось добиться даже большего, чем просили: не только отсрочки экспедиции для освобождения Кубы, но и согласия заключить временное перемирие. Весной 1826 г. Александру Эверетту, американскому посланнику в Мадриде и личному другу президента Дж. К. Адамса, были направлены инструкции: в случае неудачи достигнуть общего мира следует убедить Испанию в целесообразности заключить временное перемирие. А в отношении Кубы и Пуэрто-Рико Клей практически уже не сомневался: «Если война закончится, то эти острова останутся в безопасности во владении Испании»⁶¹.

Как доносил из Вашингтона русский поверенный в делах барон Мальтитц, Клей заверил его, что вторжения на Кубу почти наверняка не будет⁶². Позднее, пересылая русскому дипломату ноту Х. Р. Ревенги от 17 марта, государственный секретарь отмечал, что правительство Колумбии согласилось с просьбой Соединенных Штатов об отсрочке любой намечавшейся экспедиции против Кубы и Пуэрто-Рико, чтобы дать время определить результат мирного посредничества России в Испании. «Республика Колумбия,— писал Клей,— представила в этом случае новое доказательство своего стремления к миру и уважительного внимания, которое она испытывает к дружественным намерениям России»⁶³.

Тщательно продуманный и последовательно проводимый в жизнь план Адамса — Клея не учитывал, пожалуй, лишь одного, но в данном случае крайне важно

⁶⁰ Х. М. Салазар — Г. Клею, 19 марта 1826 г.— Ibid., p. 1297.

⁶¹ Г. Клей — А. Эверетту, 13 апреля 1826 г.— DCUS, Vol. I, p. 271—273.

⁶² Ф. П. Мальтитц — К. В. Нессельроде, 24 марта (5 апреля) 1826 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12221, л. 26.

⁶³ Г. Клей — Ф. П. Мальтитцу, 26 мая 1826 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12222, л. 140; DCUS, Vol. I, p. 274—275. В тот же день соответствующие документы были направлены в С.-Петербург К. В. Нессельроде и Г. Миддлону (см.: АВПР, ф. Канцелярия, д. 12222, лл. 135, 136—139, 140; Г. Клей — Г. Миддлону, 26 мая 1826 г.— NA, DI, AC, Vol. XI, p. 81).

го обстоятельства: фанатичного упрямства мадридского двора в вопросе о признании независимости своих бывших колоний в Америке и его нежелания трезво оценить собственные возможности и интересы. А между тем именно это обстоятельство оказалось тем непреодолимым препятствием, перед которым были бессильны все самые объективные и разумные аргументы, намеки, советы, добрые услуги и пр. Из бесед с Сеа Бермудесом А. Эверетт уже в сентябре 1825 г. вынес заключение, что испанский министр иностранных дел не считает для себя возможным поставить перед Фердинандом VII вопрос о признании независимости бывших колоний и опасается подозрения, будто у него есть даже самое отдаленное намерение сделать это⁶⁴. Когда же Эверетт сообщил Сеа Бермудесу об обращении правительства США к России, испанский министр иностранных дел в самых решительных выражениях заявил, что король «никогда не откажется от своих прав и отвергнет все предложения посредничества или дружественного вмешательства, которые предполагают признание независимости новых государств»⁶⁵.

Столь же безрезультатными оказались и действия, предпринятые русским посланником в Мадриде П. Я. Убри в соответствии с инструкциями, данными ему 4(16) октября 1825 г. Правда, на этот раз Сеа Бермудесу все же пришлось довести до сведения Фердинанда VII как предложения Клея, так и ответ, данный Александром I, но общая реакция его католического в-ва, как и следовало ожидать, оказалась резко отрицательной. По отзыву Сеа, особую боль королю причинили утверждения Клея о том, что «восставшие страны в настоящее время пользуются гораздо большим благополучием, чем при испанском управлении». Хотя министр иностранных дел положительно отнесся к предложению развить взгляды испанского кабинета в специальной депеше посланнику в С.-Петербурге Паэсу с последующим сообщением другим союзным правительствам, никаких сомнений относительно принципов, которые могли быть положены в основу такого ответа,

⁶⁴ А. Эверетт — Г. Клею, 8 сентября 1825 г.— DCUS, Vol. III, p. 2059.

⁶⁵ А. Эверетт — Г. Клею, 20 октября 1825 г.— Ibid., p. 2068.

не имелось, поскольку король уже объявил о своем абсолютном нежелании признать независимость новых американских государств⁶⁶.

Некоторые надежды среди иностранных дипломатов в Мадриде возникли в связи с уходом в отставку Сеа Бермудеса в ноябре 1825 г. Было обращено внимание на более мягкий и менее категорический подход герцога Инфантадо к вопросу о колониях. Впрочем, Эверетт вполне справедливо был склонен отнести это скорее за счет разницы в характерах Сеа и Инфантадо и их манере выражаться, чем действительного намерения испанского правительства идти на уступки⁶⁷.

В отличие от своего американского коллеги, П. Я. Убри с самого начала был настроен в отношении герцога Инфантадо крайне отрицательно. Уже первые беседы с новым испанским министром убедили русского дипломата в том, что герцог имеет самое смутное понятие «о внутреннем положении государств, которые провозгласили независимость, и об опасностях, которым подвергаются острова Куба и Пуэрто-Рико». По мнению Убри, Инфантадо не имел представления о различиях в позиции европейских государств, о средствах Испании для сохранения оставшихся у нее колоний и, наконец, о возможных преимуществах, извлекаемых в результате уступок, которые метрополия согласилась бы сделать⁶⁸. Еще более откровенно о «способностях» испанского министра П. Я. Убри писал в доверительном сообщении К. В. Нессельроде от 11 (23) ноября 1825 г.: «Ничтожество герцога Инфантадо является абсолютным, но ни его намерения, ни его принципы в отношении колоний не кажутся мне опасными»⁶⁹.

Можно сомневаться, конечно, в том, что царский дипломат правильно представлял себе задачи, которые стояли перед мадридским кабинетом в Испанской Америке.

⁶⁶ П. Я. Убри — К. В. Нессельроде, 15 (27) октября 1825 г., № 84.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7590, лл. 274—275.

⁶⁷ А. Эверетт — Г. Клею, 21 ноября 1825 г.— ASP, FR, Vol. V, p. 879.

⁶⁸ См.: П. Я. Убри — К. В. Нессельроде, 11 (23) ноября 1825 г., № 92.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7590, лл. 316—317.

⁶⁹ П. Я. Убри — К. В. Нессельроде, 11 (23) ноября 1825 г., № 93.— Там же, л. 320 и далее. «La nullité du Duc de l'Infantado est absolue, mais ni ses intentions ni ses principes à l'égard de Colonies, ne me semblent dangereux».

Но его характеристика оказалась все же более трезвой и близкой к истине, чем надежды на мнимый либерализм герцога Инфантадо, которые еще долго питал А. Эверетт.

Надо сказать, что американский посланник в Мадриде довольно часто расходился во взглядах со своим русским коллегой. И это даже привело его к превратной оценке характера действий П. Я. Убри в испано-американском вопросе в 1825—1826 гг. Подозрения о двойной игре царского дипломата возникли у Эверетта еще осенью 1825 г., т. е. сразу же после приезда американского посланника в испанскую столицу. Из всех иностранных дипломатов П. Я. Убри встретил своего нового коллегу едва ли не наиболее радушно. Вместе с тем Эверетт обратил внимание, что при обсуждении испаноамериканского вопроса царский дипломат проявляет крайнюю осторожность и воздерживается от четкого определения официальной позиции России в переговорах с мадридским двором. В то же время, по утверждению Эверетта, Убри заявил, что лично он не убежден, является ли немедленное признание новых американских государств правильным шагом⁷⁰. Несмотря на неоднократные заверения Убри, что он не предлагал мадридскому кабинету ничего, кроме целесообразности немедленно приступить к серьезному рассмотрению испаноамериканского вопроса, сам Эверетт склонен был предполагать, что в действительности русский посланник ободряет испанцев «относительно возможности вновь овладеть колониями или по крайней мере тем или другим путем сохранить над ними влияние»⁷¹.

Свои выводы о характере деятельности П. Я. Убри в Мадриде американский посланник подтвердил и в доносении в начале июня 1826 г. «Этот господин продолжает проявлять огромный интерес к развитию событий в Америке и часто беседует об этом с министрами. Возможно, что прямо он не советует испанскому правительству придерживаться настоящей системы, но, без сомнения, воодушевляет их в отношении перспектив и, разделяя их иллюзии, в некоторой степени помогает ее сохранению. Я опасаюсь,— заключал Эверетт,— что

⁷⁰ А. Эверетт — Г. Клею, 20 октября 1825 г.— DCUS, Vol. III, p. 2069—2070.

⁷¹ А. Эверетт — Г. Клею, 24 февраля 1826 г.— Ibid., p. 2109.

сейчас имеется мало надежд на то, что влияние России будет использовано на дело мира»⁷².

Недоверие и подозрительность А. Эверетта не могли не сказаться на его взаимоотношениях с русским посланником. Пересылая в С.-Петербург копию мемуара Эверетта с подробным изложением позиции правительства США в испаноамериканском вопросе от 20 января 1826 г., П. Я. Убри одновременно жаловался, что американский дипломат ошибочно полагает, будто Россия препятствует признанию Испанией независимости своих бывших колоний. Как видно из донесения Убри, Эверетт не скрыл от царского дипломата свое мнение о том, что русский двор препятствует согласию Испании с предложениями Соединенных Штатов. И хотя П. Я. Убри пытался вывести его из этого заблуждения, напомнив, что император прежде всего хотел лишь выяснить взгляды самого испанского правительства, американский посланник остался при своем мнении. Русский дипломат не разделял мнения Эверетта, будто Великобритания следует в данном вопросе той же линии, что и Соединенные Штаты, и в свою очередь высказал предположение, что английский и французский посланники действуют независимо от американцев⁷³.

Хотя личные взгляды Убри и Эверетта в отношении новых американских государств, естественно, сильно отличались друг от друга, подозрения посланника Соединенных Штатов относительно общей направленности действий его русского коллеги оказались необоснованными. 29 мая (10 июня) 1826 г. Убри в соответствии с депешей Нессельроде от 22 апреля (4 мая) направил герцогу Инфантадо специальный меморандум, в котором напоминал, что испанский двор все еще не дал ответа на обращение, сделанное Россией осенью 1825 г. Убри просил уделить серьезное внимание ноябрьскому демаршу России с тем, чтобы император мог наконец дать положительный ответ (*une response positive*) на обращения Клея. Это тем более необходимо, что правитель-

⁷² А. Эверетт — Г. Клею, 2 июня 1826 г. — *Ibid.*, p. 2126—2127.

⁷³ См.: П. Я. Убри — К. В. Нессельроде, 16 (28) февраля 1826 г., № 15.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7593, лл. 104—105. Копию своего мемуара герцогу Инфантадо от 20 января 1826 г. Эверетт передал Убри со значительным опозданием — только 15 февраля (см. там же, лл. 144—171).

ство США в соответствии с «рекомендациями, сделанными Россией в интересах Испании», уже публично оказало давление на новые американские государства, чтобы заставить их отложить проекты нападения «на колонии, которые еще сохраняют верность метрополии». Хотя в русском меморандуме специально отмечалось, что «е. и. в-во ни в коей мере не желает опережать решения Испании», по своему объективному значению демарш П. Я. Убри представлял вежливую форму давления и призыв к новому рассмотрению сложившегося в Америке положения⁷⁴.

Прежде чем вручить свой меморандум испанскому правительству, Убри консультировался с посланниками союзных держав, а также встречался с Ф. Лэмбом. Как выяснилось, рассчитывать на положительный ответ практически не приходилось. Судя по заявлению, сделанному британскому дипломату герцогом Инфантадо в связи с предложением восставших заключить перемирие, у испанского правительства не имелось никакого желания вести переговоры со своими бывшими колониями. В последовавшей затем беседе с Убри испанский министр стремился оправдать молчание своего двора тем, что у России нет возможности принимать участие в общих делах Европы, поскольку внутри страны проявились «революционные ферменты» и поскольку она находится накануне войны с Турцией. Со своей стороны царский дипломат посоветовал создать для всестороннего изучения вопроса о колониях специальную комиссию, которая подготовила бы соответствующий материал для короля и его правительства⁷⁵. Хотя герцог нашел идсю создания комиссии подходящей, какого-либо ответа на свой меморандум П. Я. Убри так и не получил. Зато отношения русского посланника с Эвереттом резко улучшились.

В июне 1826 г. Эверетт направил герцогу Инфантадо официальную ноту, в которой от имени республики Колумбия и ее союзников предлагалось заключить с Испанией перемирие, рассматриваемое в качестве предвари-

⁷⁴ П. Я. Убри — герцогу Инфантадо, 29 мая (10 июня) 1826 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 7593, лл. 291—292.

⁷⁵ П. Я. Убри — К. В. Нессельроде, 3(15) июня 1826 г., № 33. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 7593, лл. 286—290.

тельного шага к окончательному мирному договору⁷⁶. С содержанием этой ноты американский дипломат познакомил и П. Я. Убри, попросив последнего использовать свое влияние для поддержки сделанного предложения⁷⁷. «Русское правительство, по всей видимости, вполне довольно действиями, предпринятыми в отношении Кубы и Пуэрто-Рико»,— сообщал американский дипломат из Мадрида 25 июня 1826 г., а спустя некоторое время выражал свое удовлетворение в связи с тем, что Убри будет действовать в соответствии с полученными им инструкциями⁷⁸.

Время шло, а из Мадрида все еще не поступало утешительных известий. Правительство США начало проявлять определенное беспокойство. К тому же в Вашингтон поступили донесения Эверетта, ставившие под сомнение действительные намерения русского посланника в Испании. В результате 21 апреля 1826 г. Клей решил еще раз обратиться непосредственно в С.-Петербург и выяснить, что же конкретно было сделано для ускорения заключения мира: «Из Мадрида мы не имеем сообщений о каких-либо действиях России, направленных к этой цели. Говоря правду, содержание депеш м-ра Эверетта свидетельствует, что русский посланник, аккредитованный в Испании, не проявил никакой активности для дела мира, если только не оказывал моральной поддержки продолжению войны... Вам следует узнать от русского правительства,— продолжал Клей,— что им сделано (если сделано что-нибудь) по этому вопросу и как оно представляет перспективы на будущее». Упомянув о падении последних опорных пунктов Испании на континенте (крепостей Сан-Хуан-де-Улуа в Мексике и Кальяо в Перу), долгое время символизировавших упорное нежелание метрополии примириться с потерей своих колоний в Америке, Г. Клей одновременно сообщал о предложении Колумбии заключить пере-

⁷⁶ А. Эверетт — герцогу Инфантадо, 10 июня 1826 г.— DCUS, Vol. III, p. 2130—2131.

⁷⁷ А. Эверетт — П. Я. Убри, 12 июня 1826 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 7593, л. 312, а также донесение Убри Нессельроде, 3(15) июня 1826 г., № 35.— Там же, лл. 310—311.

⁷⁸ См. донесения А. Эверетта Г. Клею, 25 июня и 13 июля 1826 г.— DCUS, Vol. III, p. 2132—2133; *B. P. Thomas*. *Op. cit.*, p. 59.

мирие на 10 или 20 лет. Государственный секретарь уже направил по этому поводу соответствующие инструкции Эверетту и теперь поручал Миддлтону заручиться содействием России⁷⁹.

Хотя смерть Александра I и восстание 14(26) декабря 1825 г. надолго отвлекли внимание царского правительства от внешнеполитических проблем вообще и тем более от американских, новое обращение США к России не оказалось напрасным. Уже в ноте от 28 февраля (12 марта) 1826 г. Миддлтон счел возможным выразить предположение, что Николай I «продолжит миротворческую деятельность, начатую покойным императором». На следующий день посланник доносил в Вашингтон о полученных им заверениях, что личные взгляды царя благоприятны курсу, проводимому Соединенными Штатами в деле умиротворения бывших испанских колоний⁸⁰.

Главные события развернулись, однако, уже во второй половине 1826 г., когда в С.-Петербурге стало известно о результатах декабрьского демарша Соединенных Штатов и предложениях правительства Колумбии относительно заключения 10-летнего перемирия с Испанией. 23 июня (5 июля) в С.-Петербург прибыл Э. Вейер, доставивший, помимо официальных инструкций и писем, значительное число различных печатных материалов, включая известный балтиморский еженедельник «Уикли реджистер»⁸¹. Два дня спустя американский посланник попросил о встрече с Николаем I, чтобы

⁷⁹ Г. Клей — Г. Миддлтону, 21 апреля 1826 г.— NA, DI, AC, Vol. XI, p. 23—27. Частично опубл.: DCUS, Vol. I, p. 273—274. Вместе с этой инструкцией Г. Клей пересылал собственноручное письмо Дж. К. Адамса Николаю I с выражением соболезнования по случаю смерти Александра I — «постоянного и последовательного друга» Соединенных Штатов — и высказывал надежду, что новый император будет продолжать и укреплять прежнее сотрудничество (см.: Дж. К. Адамс — Николаю I, 20 апреля 1826 г.— АВГПР, ф. Канцелярия, д. 3201, л. 29; Г. Клей — Г. Миддлтону, 21 апреля 1826 г.— NA, DI, AC, Vol. XI, p. 24). Доставка этих документов была поручена Э. Вейеру.— Ibid., p. 29, 67.

⁸⁰ Г. Миддлтон — Г. Клею, 28 февраля (12 марта) 1826 г.— DCUS, Vol. III, p. 1881; NA, DD, Russia, Vol. X.

⁸¹ Г. Миддлтон — Д. Бренту, 2(14) июля 1826 г.— NA, DD, Russia, Vol. XI.

сообщить новому царю о возобновлении своих полномочий⁸².

Поскольку император был занят военными маневрами и приготовлениями к предстоящей коронации в Москве, Миддлтона 7(19) июля 1826 г. принял Нессельроде в своей загородной резиденции. Управляющий МИД в первую очередь информировал посланника, что с формальной стороны он может считать себя полностью аккредитованным. В ходе беседы Миддлтон напомнил, что США еще не получили какой-либо официальной информации относительно предоставления Россией «добрых услуг в форме мирных советов Испании». Нессельроде сообщил, что предложение Соединенных Штатов было незамедлительно передано мадридскому кабинету и «сопровождено такими соображениями, которые должны были бы обеспечить благоприятное к нему отношение». Поскольку никакого ответа не было получено, русскому посланнику в Мадриде было поручено настоять на ускорении дела. По мнению министра, эта задержка связана, возможно, с трудностью решения столь серьезной проблемы⁸³.

Вслед за этим посланник Соединенных Штатов сообщал о предложении Колумбии заключить перемирие с Испанией на 10 лет, а также об инструкциях, направленных в этой связи А. Эверетту. «Я заметил графу, что в такой форме причина конфликта останется незатронутой, а права и притязания каждой стороны не будут нарушены». По отзыву Миддлтона, Нессельроде был

⁸² Г. Миддлтон — К. В. Нессельроде, 25 июня (1 июля) 1826 г.— *Ibidem*.

⁸³ Американский дипломат и сам имел возможность убедиться, насколько сложным и щекотливым был для Испании вопрос о ее отношениях с новыми государствами. Он, в частности, неоднократно беседовал с испанским посланником в России Пазсом и герцогом Сан-Карлосом, прибывшим в С.-Петербург специально для поздравления нового императора, о причинах упорного отказа мадридского двора признать независимость своих бывших колоний. Их частное мнение сводилось к тому, что Испании «придется теперь пойти на это, но с некоторыми модификациями». Вместе с тем Пазс высказал предположение, что «король вряд ли усидит на троне, если решится на подобный шаг». В свою очередь герцог Сан-Карлос заметил, что поскольку спор идет между темпераментными южанами, то следуют голосу чувств, а не разума (см. приписку Миддлтона к его частному письму Д. Brentу от 2(14) июля 1826 г.— NA, DD, Russia, Vol. XI).

доволен сделанным предложением и считал, что Испании следует на него согласиться. Для того чтобы дать делу официальный ход, министр предложил Миддлтону изложить свое сообщение в виде вербальной ноты, меморандума или в любой другой удобной для него форме, с тем чтобы об этом можно было доложить императору вместе с просьбой о содействии.

Соответственно 9(21) июля американский посланник представил в МИД все необходимые выписки из полученных им инструкций, а Нессельроде заверил его, что в Москве сразу же займется этим делом и даст подробный ответ. Судя по зачеркнутому в донесении Миддлтона абзацу, Нессельроде сообщил ему также о своих доверительных беседах с герцогом Сан-Карлосом и заметил, что у мадридского двора наступило своего рода «оцепенение», которое мешает даже переписываться со своими собственными представителями за границей. Общий вывод, к которому пришел Миддлтон в ходе июльских бесед с главой русского ведомства иностранных дел, выглядел весьма оптимистично: хотя русское правительство в соответствии со своими принципами «никогда не будет предвосхищать решения метрополии, тем не менее оно ни в коем случае не станет поощрять дальнейшее упорство Испании в ее слепой и ограниченной политике». Что касается предложенного перемирия, то Россия, по мнению Миддлтона, будет «решительно настаивать на его принятии»⁸⁴.

Заключение, сделанное американским посланником, полностью подтвердилось⁸⁵. Уже 4(16) августа 1826 г. в Москве был подписан проект новых инструкций русскому посланнику в Мадриде и в тот же день отправлен в Испанию. Сообщая об отсрочке военной экспедиции против Кубы и Пуэрто-Рико и о предложении правительства Колумбии испанскому кабинету заключить перемирие, К. В. Нессельроде указывал, что это предложение, будучи тщательно взвешено русским прави-

⁸⁴ Г. Миддлтон — Г. Клею, 18 (30) июля 1826 г.— NA, DD, Russia, Vol. XI; частично опубл.: DCUS, Vol. III, p. 1879—1880; Г. Миддлтон — К. В. Нессельроде, 9 (21) июля 1826 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3201, л. 29, а также лл. 37—38.

⁸⁵ Несколько иной точки зрения придерживался Б. Томас. При этом он не учитывал содержание приводимой ниже инструкции К. В. Нессельроде (см.: *B. P. Thomas. Op. cit.*, p. 62).

тельством, показалось приемлемым. Оно предоставило бы Испании «полную гарантию безопасности ценных владений», а также средства распространения торговли, которая обеспечила бы огромные выгоды.

Развивая мысль о выгодах перемирия с бывшими колониями, руководитель русского МИД приходил к заключению, что это перемирие могло бы согласовываться с желаниями и благом самой Испании и что оно «заслужило внимание просвещенных лиц, входящих в состав комитета», созданного для изучения вопроса о колониях. Более того, царское правительство позволило себе высказать открытое неудовольствие по поводу содержания ответной ноты герцога Инфантадо А. Эверетту от 8 июня 1826 г., которая была охарактеризована в инструкциях как «совершенно непонятная» (*toot à fait inintelligible*).

Как справедливо отмечал Нессельроде, испанская нота по существу не затрагивала вопроса о перемирии и не выражала никакого определенного мнения на этот счет⁸⁶. Вследствие этого П. Я. Убри от имени императора уполномочивался выяснить у герцога Инфантадо, является ли данная нота окончательным решением и ответом на план умиротворения, о котором США просили Александра I сообщить Испании. Посланнику поручалось также вновь напомнить испанскому министру все соображения, которые содержались в депеше от 22 апреля (4 мая) 1826 г. относительно необходимости для мадридского кабинета прийти к окончательному решению вопроса о своих бывших владениях в Америке, с тем чтобы Россия могла наконец сообщить об этом Соединенным Штатам⁸⁷.

28 августа (9 сентября) 1826 г. император удостоил американского посланника частной аудиенции, в ходе которой обещал оказать Соединенным Штатам содействие в допуске их кораблей через проливы в Черное

⁸⁶ Еще более точно этот документ оценил сам А. Эверетт, отмечавший, что, будучи «примирительным по форме и уклончивым по содержанию», ответ герцога Инфантадо скорее был направлен на «продолжение войны, чем на признание независимости колоний» (см.: А. Эверетт — Г. Клею, 13 июля 1826 г. — DCUS, Vol. III, p. 2135. Полный текст ноты герцога Инфантадо от 8 июля 1826 г. см.: *Ibid.*, p. 2134).

⁸⁷ К. В. Нессельроде — П. Я. Убри, 4(16) августа 1826 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 7595, лл. 32—35.

море. Вполне определенно Николай I говорил и о стремлении России развивать с Соединенными Штатами дружественные связи, которые могли бы во многих отношениях быть взаимовыгодными. Когда Г. Миддлтон поднял вопрос о прекращении войны между Испанией и ее бывшими колониями, царь ответил, что, после того, что сделал покойный император и учитывая его собственные взгляды на этот счет, в позиции России посланник может не сомневаться. В тот же день Николай I принял и испанского посланника, который сообщил, что в настоящее время как раз пишет частное письмо Фердинанду VII и имеет возможность сделать доброе дело, посоветовав королю заключить мир с колониями⁸⁸.

Ободренный результатами своей беседы с Николаем I, Миддлтон решил предпринять новое официальное обращение к русскому правительству с просьбой убедить Испанию принять предложение Колумбии о перемирии и тем самым, если возможно, сохранить для себя Кубу и Пуэрто-Рико. Как отмечал американский посланник, вероятно еще есть возможность предотвратить последний удар, если император присоединится к другим державам, «для того чтобы заставить Испанию принять предложение о перемирии, сделанное недавно в Мадриде в результате вмешательства Соединенных Штатов,— перемирие, которое, естественно, могло бы расчистить путь к окончательному урегулированию»⁸⁹.

8(20) сентября 1826 г. состоялась заключительная встреча американского дипломата с К. В. Нессельроде, в ходе которой были наконец поставлены точки над «i». Теперь Миддлтон уже совершенно не сомневался в том, что русское правительство постарается склонить Испанию к принятию предложения о перемирии. Посланник сообщал, что на протяжении последнего года Россия давала Испании мирные советы. «Только по какому-то недоразумению предполагали, что русский посланник в Мадриде выступал против заключения мира».

⁸⁸ Г. Миддлтон — Г. Клею, 5 (17) сентября 1826 г., № 64. — NA, DD, Russia, Vol. XI. Частично опубли.: DCUS, Vol. III, p. 1884.

⁸⁹ Г. Миддлтон — К. В. Нессельроде, Москва, 30 августа (12 сентября) 1826 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3201, лл. 5—6. Англ. перевод опубли.: DCUS, Vol. III, p. 1883—1884. К обращению прилагалось упоминавшееся ранее письмо министра иностранных дел Колумбии Х. Р. Ревенги американскому посланнику в Боготе Р. Андерсону от 17 марта 1826 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3201, лл. 7—9.

Из-за излишней осторожности его поведение могло показаться сомнительным тем, кто не был посвящен в действительное состояние дела. Его инструкции, однако, состояли в том, чтобы убедить испанский кабинет рассмотреть вопрос о своих бывших колониях и «подготовиться к тому, чтобы принести жертвы, требуемые ходом событий, по характеру слишком серьезных, чтобы они могли контролироваться скудными средствами, находящимися в его распоряжении»⁹⁰.

В подтверждение правильности своей информации Миддлтон рекомендовал Клею обратиться к русскому поверенному в делах в Вашингтоне Ф. П. Мальтитцу, который должен был с тем же курьером получить соответствующие сообщения от царского правительства. В депеше, которую имел в виду американский посланник, царское правительство не скрывало своего удовлетворения по поводу действий Соединенных Штатов Америки для отсрочки экспедиции на Кубу и Пуэрто-Рико, а также подробно информировало Мальтитца о демаршах, предпринятых П. Я. Убри для ускорения решения испаноамериканского вопроса⁹¹. Еще весной 1826 г. русскому посланнику в Мадриде были даны инструкции сделать представление испанскому кабинету о том, что Россия уже шесть месяцев ожидает результата обсуждения предложений (*ouvertures*) Соединенных Штатов и что настало время прийти к решению, «сравнив свои ресурсы со своими желаниями и свои надежды со средствами их осуществления». Поскольку в последней ноте герцога Инфантадо Эверетту также не содержалось никакого ответа, Убри поручилось заявить, что «предложение о заключении перемирия с восставшими американцами» открывает, по мнению русского императора, огромные преимущества⁹².

Два месяца спустя Ф. П. Мальтитц получил возможность изложить позицию русского правительства в официальной ноте на имя государственного секретаря. «Его и. в-во, — указывалось в этом документе, — с действитель-

⁹⁰ Г. Миддлтон — Г. Клею, Москва, 8 (20) сентября 1826 г. — DCUS, Vol. III, p. 1885.

⁹¹ К. В. Нессельроде — Ф. П. Мальтитцу, 18 (30) сентября 1826 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12226, лл. 7—11 (одобрена царем 4 (16) сентября 1826 г.).

⁹² Там же, л. 9.

ным удовольствием увидел, что в соответствии с принципами и желаниями его предшественника вашингтонский кабинет использовал все свое влияние, чтобы сохранить на Антильских островах положение, которое оправдывается бесспорными правами Испании и в наибольшей степени соответствует интересам всех великих морских держав».

В переводе с несколько замысловатого дипломатического языка это попросту означало одобрение Николаем I действий Соединенных Штатов для предотвращения освободительной экспедиции на Кубу и Пуэрто-Рико. Вполне определенно в ноте подтверждались и все прежние заверения относительно «откровенного и благородного сотрудничества, к которому Россия не прекращала стремиться для дела общего умиротворения... Только неправильные сведения могли заставить вашингтонский кабинет подумать, что посланник императора в Мадриде поощрял испанский кабинет в том, чтобы не принимать предложения о соглашении с его бывшими колониями. Инструкции, которые император Александр дал г-ну Убри по этому поводу, напротив, рекомендовали ему пригласить правительство е. католического в-ва серьезно обдумать положение, в которое обстоятельства поставили его в отношении американских провинций, исключить из этого анализа иллюзии, становящиеся с каждым днем все опаснее, и оценить причины позиции Соединенных Штатов...» Если Испания отвергнет сделанные ей предложения, приходил к заключению царский дипломат, «Россия будет чувствовать, что использовала все законные средства в своей власти для того, чтобы способствовать мирному результату, поскольку ни ее принципы, ни ее интересы, по крайней мере в настоящее время, не позволяют ей вмешаться более активно...»⁹³

В США в полной мере оценили позицию, занятую царским правительством, и выразили свое удовольствие по поводу стремления России убедить Испанию в том, что заключение мира соответствует ее действительным интересам⁹⁴. Соответствующие отрывки из донесений

⁹³ Ф. П. Мальтитц — Г. Клею, 18 (30) ноября 1826 г.— NA, Notes, Russia, Vol. II. Англ. перевод опубл.: DCUS, Vol., III, p. 1886—1887.

⁹⁴ Г. Клей — Ф. П. Мальтитцу, 23 декабря 1826 г.— DCUS, Vol. I, p. 278—279.

Миддлтона и Эверетта, а также копии нот, которыми обменялись Г. Клей и Ф. П. Мальтитц, были сообщены колумбийскому посланнику в Вашингтоне Х. М. Салазару. Государственный секретарь заверил последнего, что Соединенные Штаты будут продолжать использовать добрые услуги европейских стран, чтобы склонить Испанию к заключению мира. От имени президента он выражал надежду, что недалеко то время, когда Испании придется уступить и положить конец бессмысленным военным действиям⁹⁵.

Как и прежде, в Соединенных Штатах явно недооценивали фанатизм мадридского двора и его упорное нежелание пойти на какие-либо уступки в вопросе о признании независимости своих бывших колоний. Дипломаты, находившиеся в самой Испании, расценивали сложившееся положение по-иному.

В донесении из Мадрида осенью 1826 г. П. Я. Убри сообщил о своих беседах с новым управляющим испанским ведомством иностранных дел М. Г. Салмоном и американским посланником Эвереттом в связи с полученными им новыми инструкциями от русского правительства. Как выяснилось, все внимание испанского кабинета в это время было сосредоточено на португальских делах⁹⁶. Естественно поэтому, когда П. Я. Убри спросил А. Эверетта, считает ли он момент подходящим для того, чтобы сделать предложения относительно соглашения с американскими государствами, последний ответил отрицательно и добавил, что в настоящее время Куба и Пуэрто-Рико уже не подвергаются с их стороны никакой опасности⁹⁷. Учитывая мнение Эверетта, а также то обстоятельство, что все предшествующие демарши по этому важному вопросу остались без всякого результа-

⁹⁵ Г. Клей — Х. М. Салазару, 9 января 1827 г. — *Ibid.*, p. 279—280.

⁹⁶ Отправка британских войск в Португалию в 1826 г. была, по выражению Ч. Уэбстера, «одним из наиболее сенсационных триумфов» Дж. Каннинга и едва не привела к войне с Испанией. Угроза Кубе возникла уже совсем с другой стороны. В случае войны самым эффективным ответом Испании, как считал Каннинг, был бы «удар» в Гаване (*BILA*, Vol. I, Introduction, p. 40; *E. J. Stapleton. Some Official Correspondence of George Canning. London, 1887, Vol. II, p. 144*).

⁹⁷ П. Я. Убри — К. В. Нессельроде, 21 сентября (3 октября) 1826 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 7594, лл. 40—41.

та из-за занятости испанского двора португальскими делами, П. Я. Убри решил «отложить на некоторое время выполнение распоряжений», сохранившихся в новых инструкциях К. В. Нессельроде.

Примерно аналогичной точки зрения придерживался в это время и Эверетт, сообщивший в Вашингтон, что происшедшие изменения и неопределенность в испанском правительстве, отсутствие в столице Фердинанда VII, а также события в Португалии сделали невозможным предпринять что-либо в вопросе о перемирии⁹⁸.

Хотя критическое положение дел в Испании не дало возможности П. Я. Убри осуществить возложенное на него поручение, общая позиция России в этом вопросе осталась без изменений.

В инструкциях новому русскому посланнику в США П. А. Крюденеру весной 1827 г. К. В. Нессельроде вновь отмечал, что, по мнению императора, мирные предложения Колумбии должны быть приняты Испанией во внимание. При этом Россия хотела бы, чтобы Испания не была полностью исключена из числа морских и колониальных держав и эти два источника богатства не принадлежали бы исключительно Англии. Отмечая стремление русского правительства к тому, чтобы соглашения между Испанией и Южной Америкой были почетными и взаимовыгодными, Нессельроде одновременно высказывал мнение, что США, по-видимому, также в этом заинтересованы⁹⁹.

Подходящего времени для нового обращения к Испании по вопросу о признании ее бывших колоний так и не наступило. Все более определенно обозначалось также неприязненное отношение влиятельных кругов Соединенных Штатов и прежде всего плантаторов-рабовладельцев к новым республикам, которые уничтожили рабство, выдвинули проекты создания собственной конфедерации, призывали к освобождению Кубы и Пуэрто-Рико, признанию негритянской республики Гаити и т. д. Об этом свидетельствовали еще дебаты в конгрессе США в январе — апреле 1826 г. по поводу участия в Панамском

⁹⁸ А. Эверетт — Г. Клею, 7 ноября 1826 г. — DCUS, Vol. III, p. 2137—2139.

⁹⁹ К. В. Нессельроде — П. А. Крюденеру, 4 (16) мая 1827 г. — АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 28, лл. 127—128.

конгрессе, и в частности выступления сенаторов Берриона (штат Джорджия), Бентона (штат Миссисипи), Гамильтона (штат Южная Каролина) и др., которые заявляли, что безопасность южных штатов не должна приноситься в жертву увлечению дипломатией ¹⁰⁰.

Явное неудовольствие по поводу преобразований, проведенных Боливаром в Перу и Боливии, проявил и Эверетт, доносивший в начале 1827 г. из Мадрида: «Недавно я с удивлением и огорчением узнал о действиях Боливара в Лиме, хотя отчасти я уже был подготовлен к чему-то подобному содержанием конституции, которую он ранее продиктовал своей республике в горах ¹⁰¹. Эти события, как мне представляется, очень существенно меняют положение дел в Испанской Америке и должны, я полагаю, оказать влияние на нашу политику в отношении этих стран. Едва ли целью Соединенных Штатов может быть содействие установлению военного деспотизма в Колумбии и Перу, первой операцией которых было бы учреждение передового поста на о-ве Куба. Если Боливар осуществит свои проекты, он должен будет почти полностью опираться на помощь цветных каст, которые в этих условиях образуют господствующую часть населения. Талантливый и опытный военный деспот во главе армии черных, конечно, не тот тип соседа, которого мы хотели бы видеть (бук.— посадить), если бы имели выбор, на нашей южной границе».

Эверетт не скрывал, что даже если бы представился благоприятный момент для возобновления в Мадриде переговоров по испаноамериканским делам, он бы сомневался в целесообразности продолжать настаивать на

¹⁰⁰ Обширный материал о ходе обсуждения вопроса о посылке представителей США в Панаму см.: «Register of Debates», 19th Congress, 1st Session, Vol. II; *D. Perkins. The Monroe Doctrine, 1823—1826.* Cambridge (Mass.), 1927, p. 208—222; *J. B. Lockey. Op. cit.*, p. 393—433; *Ф. Фонер. Указ. соч.*, стр. 202 и др.

¹⁰¹ Речь идет о Боливии, провозгласившей свою независимость 6 августа 1825 г. В течение непродолжительного времени в стране был осуществлен ряд важных преобразований — уравнивание индейцев в гражданских правах с остальным населением, отмена дворянских титулов, упразднение инквизиции и т. д. 25 мая 1826 г. Боливар закончил разработку конституции, в которой сформулировал политические принципы, имевшие значение и для других стран. 9 декабря 1826 г. аналогичную конституцию принял конгресс Перу (см.: *М. С. Альперович. Указ. соч.*, стр. 158—161).

признании республики Колумбии как акте, который соответствует интересам Соединенных Штатов. Впрочем, теперь это представляло уже скорее чисто академический интерес, так как, по свидетельству того же Эверетта, должно было пройти значительное время, прежде чем возникнет возможность вести с испанским правительством переговоры по любому серьезному предмету, кроме португальской проблемы ¹⁰².

Хотя достигнуть каких-либо практических результатов в Мадриде не удалось, главным итогом дипломатической деятельности США было предотвращение освобождения Кубы и Пуэрто-Рико. Политический курс администрации Дж. К. Адамса — Г. Клея в отношении Кубы и Пуэрто-Рико получил полное одобрение и поддержку правительства Э. Джексона, пришедшего к власти в результате выборов 1828 г. Инструктируя К. П. Ван-Несса, назначенного на пост посланника в Мадриде, новый государственный секретарь М. Ван-Бюрен указывал, что предотвратить удар, готовившийся Колумбией и Мексикой, удалось «главным образом благодаря своевременному вмешательству правительства США, которое, руководствуясь дружественным расположением к Испании и в интересах всеобщей торговли, помогло таким образом сохранить католическому в-ву эти ценнейшие части его колониальных владений».

Разъясняя причины заинтересованности США в сохранении власти метрополии на Кубе и в Пуэрто-Рико, государственный секретарь далее отмечал: «Правительство Соединенных Штатов всегда с глубочайшей заинтересованностью относилось к судьбе этих островов и особенно к Кубе. Ее географическое положение почти в поле зрения наших южных берегов дает ей господство над Мексиканским заливом и вест-индскими морями, ее безопасные и просторные гавани, ее обильная продукция, обмен которой на избытки нашего сельскохозяйственного и промышленного производства составляет наиболее обширные и выгодные отрасли нашей внешней торговли, делают для Соединенных Штатов чрезвычайно важным, чтобы не произошло никакого изменения в ее положе-

¹⁰² А. Эверетт — Г. Клею, 7 января 1827 г.— DCUS, Vol. III, p. 2139—2140.

нии, которое могло бы нанести ущерб их политическим и экономическим позициям в этом районе»¹⁰³.

Экономические выгоды, которые имело в виду правительство Соединенных Штатов, действительно были весьма значительными. Достаточно сказать, что из 964 судов, прибывших в 1826 г. в Гавану, 783 принадлежали американцам. В США экспортировалось больше кубинского сахара и кофе, чем в Испанию. В результате содействия, которое США оказали сохранению испанского господства, их позиции на Кубе еще более упрочились. В 1830 г. американский агент в Гаване У. Шейлер был официально признан консулом Соединенных Штатов на Кубе. Специально для американцев в Гаване издавалась на английском языке газета «The Mercantile Weekly Report». Иммигранты из США пользовались на острове рядом преимуществ и, в частности, были освобождены от уплаты многих налогов¹⁰⁴.

С другой стороны, политическому престижу Соединенных Штатов в Испанской Америке был нанесен серьезный удар, и английский представитель на Панамском конгрессе с удовлетворением и злорадством сообщал осенью 1826 г.: «Общего влияния Соединенных Штатов, по моему мнению, опасаться не следует. Конечно, оно существует в Колумбии, но даже там оно очень сильно ослаблено в результате их протестов против нападения на Кубу и бестактностей, которые они совершили в Мадриде»¹⁰⁵.

Что касается отношений с Россией, то сотрудничество в испаноамериканском вопросе оказало на них самое благоприятное влияние. «Искренний и конфиденциальный обмен мнениями между ним (Александром I. — Н. Б.) и правительством Соединенных Штатов в связи с положением в Южной Америке,— указывал Дж. К. Адамс в годовом послании конгрессу 5 декабря 1826 г.,— произошел незадолго до его кончины и способствовал определению той политической линии, которая не оставляла

¹⁰³ М. Ван-Бюрен — К. П. Ван-Нессу, 2 октября 1829 г.— DCUS, Vol. I, p. 306.

¹⁰⁴ B. Rauch. Op. cit., p. 30 с ссылкой: L. H. Jenks. Our Cuban Colony. New York, 1928, 19 et passim; R. R. Madden. The Island of Cuba. London, 1853, p. 83—84.

¹⁰⁵ Э. Даукинс — Дж. Каннингу, 15 октября 1826 г.— BILA, Vol. I, p. 423.

другим европейским правительствам иной альтернативы, кроме признания рано или поздно независимости наших южных соседей, пример чему был уже подан Соединенными Штатами». Переходя далее к состоянию и перспективам развития русско-американских отношений после вступления на престол Николая I, Дж. К. Адамс подчеркивал получение «самых удовлетворительных заверений» в дружеских чувствах императора в отношении Соединенных Штатов. «Мы имеем основание надеяться», продолжал президент, что эти чувства «послужат укреплению согласия и взаимопонимания между двумя странами» и будут «способствовать благосостоянию и процветанию обеих»¹⁰⁶.

Столь же высоко оценивал значение отношений с Россией и новый президент США Э. Джексон, писавший в годовом послании конгрессу, 6 декабря 1830 г.: «Наши отношения с Россией носят наиболее устойчивый характер. Уважение к этой империи и уверенность в ее дружбе к Соединенным Штатам... стали составной частью общественного настроения Соединенных Штатов»¹⁰⁷. Дж. К. Адамс и Э. Джексон сильно отличались друг от друга как по своим личным качествам, так и политическим взглядам. Их оценки значения и характера русско-американских отношений оказались, однако, почти идентичными. И хотя эти заявления отражали по преимуществу лишь внешнее состояние событий, общая благожелательная атмосфера официальных взаимоотношений между Россией и США, установившаяся во второй половине 20-х годов XIX в., не подлежит сомнению.

¹⁰⁶ ASP, FR, Vol. VI, p. 207; Messages and Papers, ed. by J. Richardson. Washington, 1903, Vol. II, p. 351.

¹⁰⁷ Messages and Papers, Vol. III, p. 505.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ (1815—1830-е ГОДЫ)

История торговых отношений между Россией и Америкой долгое время находилась вне поля зрения историков как в нашей стране, так и за рубежом. С давнего времени в литературе преобладало мнение о совершенно ничтожном объеме и значении русско-американских коммерческих связей в XVIII—XIX вв., и исследователи часто вообще сбрасывали со счетов экономические факторы, замечая при этом, что торговля США с Россией была «исключительно мала и незначительна»¹. Лишь во второй половине 1960-х годов появилось несколько специальных исследований, общим результатом которых явился пересмотр старых представлений об объеме и значении русско-американской торговли в XVIII—начале XIX в. и воссоздание документированной истории начального этапа торговых связей между Россией и Соединенными Штатами².

Учитывая накопленный опыт, весьма важно на столь же широкой основе проследить развитие русско-американских торговых отношений в первой трети XIX в., а также рассмотреть конкретную историю заключения

¹ J. C. Hildt. Early Diplomatic Negotiations of the United States with Russia. Baltimore, 1906, p. 32.

² A. W. Crosby, Jr. America, Russia, Hemp and Napoleon. Columbus, 1965; A. Rasch. American Trade in the Baltic 1783—1808.—«Scandinavian Economic History Review», Vol. XIII, N 1, 1965; N. E. Saul. The Beginnings of American-Russian Trade, 1763—1766.—«William and Mary Quarterly», Vol. XXVI, N 4, October 1969; Н. Н. Болховитинов. Становление русско-американских отношений 1775—1815. М., 1966, стр. 182—219; 382—439; он же. Новые работы о русско-американской торговле в XVIII—начале XIX в.—«НИИ», 1967, № 4.

первого торгового договора между Россией и США (1832 г.), который определял деловые связи между обеими странами на протяжении всего XIX в. и начала XX в. Прежде всего следует проанализировать уже известные статистические материалы об объеме торговли между Россией и Соединенными Штатами в первой трети XIX в. (см. приложение 1).

Именно эти материалы и прежде всего официальные данные о незначительной стоимости экспорта товаров американского производства в Россию (в 1815—1833 гг. он колебался от 248 тыс. до 11 тыс. долл. в год) служили основанием для распространения мнения о весьма ограниченном значении русско-американских торговых связей. Надо сказать, однако, что даже официальные американские данные дают основания сомневаться в справедливости подобной точки зрения. Торговля является двусторонним процессом, и если экспорт США в Россию действительно был невелик, то уже из рассматриваемого прил. 1 видно, что ввоз русских товаров в Соединенные Штаты был гораздо более существенным (2—3 млн. долл. в год). Наряду со значительным количеством полотна разного рода (парусное, фламское, равендук) из России в США доставлялись такие важные товары, как железо и пенька. О их количестве и стоимости можно судить по тем же официальным данным, собранным Т. Питкиным (см. табл. 1) ³.

Хотя по современным масштабам эти цифры выглядят не слишком внушительно, значение торговых связей России с Америкой в первой половине XIX в. не следует преуменьшать. В эпоху парусного флота многие сотни и тысячи американских судов, бороздивших океанские просторы, строились с использованием уральского железа, высококачественной русской пеньки и парусины. Конечно, американцы и сами выращивали лен, изготавливали пеньку, выплавляли сталь и чугун, но их качество, по многим авторитетным отзывам, уступало аналогичным товарам, привозимым из России. Так, в США доставлялся высококачественный котельный лист ⁴, секрет производства которого на протяжении 50 лет не был известен

³ *T. Pitkin. A Statistical View of the Commerce of the United States of America...* New Haven, 1835, p. 232.

⁴ *S. E. Morison. The Maritime History of Massachusetts, 1783—1860.* Boston, 1961, p. 295.

ТАБЛИЦА I

Год	Железо		Пенька	
	вес, амер. центнеры *	стоимость, долл.	вес, амер. центнеры	стоимость, долл.
1821	84 461	274 593	75 629	441 114
1822	120 890	383 915	162 165	930 405
1823	114 013	354 614	111 348	646 270
1824	111 957	317 843	44 929	234 042
1825	79 309	241 442	76 378	429 412
1826	120 848	414 948	87 588	547 562
1827	86 325	268 216	82 638	504 552
1828	117 581	366 059	108 556	707 591
1829	23 663 505**	709 827	75 546	511 605
1830	21 912 702	541 445	30 373	198 185
1831	12 720 534	314 484	35 991	189 933
1832	29 252 007	660 459	129 835	722 791
1833	21 443 500	573 280	88 373	441 087

* амер. центнер (cwt) = 45,3 кг.

** с 1829 г. вес железа приведен в фунтах.

пенсильванским металлургам. В 1824 г. сенат США запросил морского министра С. Л. Саутхарта, почему отечественная пенька не используется для оснащения судов американского флота. В ответ на это министр представил свидетельства специалистов, которые единодушно отмечали, что пенька, производившаяся в Кентукки, значительно уступала импортируемой из России. Один из специалистов (некто Джон Роджерс) писал С. Л. Саутхарту 17 ноября 1824 г., что он не стал бы использовать снасти из кентуккской пеньки, даже если бы смог приобрести их в два раза дешевле, чем русские⁵. Не дали результатов и попытки добиться коренного улучшения качества американской пеньки, а также содействовать расширению ее производства путем установления высокой ввозной пошлины (до 60 долл. за тонну). Имен-

⁵ Annals of Congress, 19th Congress, 1st Session, p. 749—754; ASP, Naval Affairs, Vol. II, p. 27—28, 29, 30, 36, 38; A. W. Crosby, Jr. Op. cit., p. 19—20.

но на 20—30-е годы XIX в. приходится пик ввоза в США русской пеньки (около 5 тыс. т в год) ⁶.

Если при рассмотрении официальных данных об объеме торговли США с Россией в долларах бросается в глаза резкое преобладание импорта над экспортом, то ознакомление с материалами русской статистики дает прямо противоположную картину (в руб.) ⁷:

Год	Вывезено	Привезено
1827	11 330 592	9 960 184
1828	13 668 722	10 168 198
1829	8 775 360	10 361 492
1830	4 657 742	25 306 141
1831	9 285 684	22 102 166
1832	8 585 696	20 494 417
1833	13 464 124,	21 084 293

Как мы видим, по русским данным, из Америки в Россию с начала 1830-х годов привозилось гораздо больше товаров, чем вывозилось. Кроме того, сам объем привезенных товаров выражался в 20—25 млн. руб. (4—5 млн. долл.) ⁸. Столь значительная принципиальная разница в статистических данных нуждается в специальном тщательном исследовании.

Прежде всего следует иметь в виду, что американцы привозили в Россию не только свои собственные изделия, но главным образом колониальные товары из стран Латинской Америки. На американских кораблях в Россию доставлялось по крайней мере две трети потреблявшегося в стране сахара, а также значительное количество хлопчатой бумаги, красильного дерева, кофе и других ценных товаров. По отзыву Г. Неболсина, США производили «главнейше посредническую торговлю между Россией и американскими владениями, ибо известно, что

⁶ С 1839 по 1843 г. на производство канатов пошло более 5 млн. фунтов русской пеньки, около 400 тыс. фунтов манильской и только 66 тыс. фунтов американской (*J. F. Hopkins. A History of the Hemp Industry in Kentucky. Lexington, 1951, p. 216—217; A. W. Crosby, Jr. Op. cit., p. 18; J. R. Thompson. Introduction of the Use of American Waterrotted Hemp for our Naval and Commercial Marine. Washington, 1859*).

⁷ ГВТ 1827—1833 гг.

⁸ Один доллар в то время оценивался примерно в 5 руб. (*Russia, and Her Commercial Strength.—«Hunt's Merchant's Magazine». Vol. V, October 1841, p. 310*).

сахарный песок, привозимый на кораблях Соединенных Штатов, есть гаванский и бразильский, и что российские полотна и канаты, кроме внутреннего потребления..., по большей части отправляются в Вест-Индию, Бразилию и другие страны Америки»⁹. В одном лишь 1832 г. в русские порты пришло 74 американских корабля, причем только 17 прямо из Соединенных Штатов, а 44 — из «Индии»¹⁰.

По своему характеру торговля Соединенных Штатов с Россией, как мы видим, была *треугольной*, причем ее основными узлами были порты Новой Англии, о-в Куба и С.-Петербург. Американские корабли сначала привозили на о-в Куба различные продовольственные и промышленные товары, затем грузились кубинским сахаром и отправлялись в далекий С.-Петербург, откуда возвращались в США с ценным грузом полотен, пеньки и железа. В результате фактический объем привозимых на американских судах в Россию товаров оказывался значительно большим, чем это находило отражение в официальных записях о его стоимости, попадавших в статистику Соединенных Штатов.

Отметим в этой связи, что американский консул в С.-Петербурге А. П. Гибсон сообщал в январе 1822 г., что стоимость ввезенных Соединенными Штатами в 1821 г. в русскую столицу товаров составляла 2 223 660 долл.¹¹, тогда как по официальным данным весь экспорт США в Россию составлял за тот же год всего 628 894 долл. А. П. Гибсон специально оговаривался, что он стремился собрать наиболее точные данные, и хотя в некоторых случаях американские капитаны «скрывали свои накладные и отказывались давать какую-либо информацию», приводимые им сведения вполне достоверны (в тех случаях, когда у Гибсона не было точных сведений о стоимости проданных товаров, он исходил из их рыночных цен). Показательно, что данные, сообщаемые А. П. Гибсоном только по С.-Петербургскому порту, неизменно превосходили официальные материалы американской статистики о торговле Соединенных Штатов с

⁹ Г. Неболсин. Статистические записки о внешней торговле России. СПб., 1835, ч. II, стр. 29—30.

¹⁰ ГВТ 1832 г., стр. 68—69.

¹¹ А. П. Гибсон — Дж. К. Адамсу, 12(24) января 1822 г. — NA, CD, Vol. II.

Россией в целом. Приведем для сравнения сведения А. П. Гибсона и в скобках официальные данные об экспорте США за отдельные годы ¹²:

Год	Стоимость американского экспорта в С.-Петербург (в долл.)	Стоимость русского экспорта в США (в руб.)
1821	2 223 660 (628 894)	12 731 463
1823	1 575 484 (648 734)	7 859 174
1825	2 225 243 (287 401)	17 461 668
1826	1 818 657 (174 648)	9 913 049

Существенное значение для воссоздания конкретной истории русско-американской торговли имеет анализ тоннажа и численности кораблей, совершавших плавания между Россией и Америкой. После перерыва в 1812—1814 гг., вызванного военными действиями в Европе и Америке, торговые связи США с Россией возобновились в 1815 г. Уже в июне этого года поверенный в делах США Л. Гаррис сообщал, что после открытия навигации в С.-Петербург прибыло 15 американских судов, причем только три из них привезли товары непосредственно из Соединенных Штатов. С другой стороны, из числа находившихся в русской столице во время войны американских судов 10 отправились в США, в связи с чем перспективы поставок русских товаров на рынках Соединенных Штатов выглядели весьма благоприятно ¹³. Всего, по данным Л. Гарриса, из С.-Петербурга в США в 1815 г. отправились с грузом 59 судов. 43 корабля прибыли в течение года, а 16 оказались ранее задержанными в С.-Петербурге в результате военных действий ¹⁴.

По русским данным, в 1815 г. в порты Балтийского моря прибыло 42, а отплыло в Америку 59 кораблей Соединенных Штатов. Всего же в этом году в Россию пришло 56 американских кораблей (из них 32 с товарами), а отбыло 91 (все с грузом). 67 направлялись в Америку и 21 — в Португалию ¹⁵.

¹² Составлено по донесениям А. П. Гибсона от 12 (24) января 1822 г., 14 (26) марта 1824 г., 31 декабря 1825 г. и 26 апреля (ст. ст.?) 1827 г.—NA, CD, Vol. II.

¹³ Л. Гаррис—Дж. Монро, 18 (30) июня 1815 г.—NA, CD, Vol. II.

¹⁴ Л. Гаррис—Дж. Монро, 4 (16) января 1816 г.—Ibidem.

¹⁵ ГВТ 1815 г.

Как русские, так и американские источники свидетельствуют о том, что решающая роль в перевозках товаров между Россией и США принадлежала судам Соединенных Штатов, а значение кораблей других стран (включая русские) было совершенно незначительным (см. приложение 3 и 4). По существу лишь единичные русские корабли участвовали в этой торговле и в редкие годы их число достигало четырех — семи.

В предисловии к «видам» за 1824 год директор департамента внешней торговли Д. Бибилов специально отмечал, что «с сего года наши купеческие корабли получили в Республике Соединенных Штатов в Северной Америке преимущество платить в тамошних гаванях такие же точно подати, какие платят собственные их шкиперы, и что товары, привезенные из Лондона на построенном в Архангельске корабле «Фаворит», принадлежащем купцу Бранту, были там застрахованы по одному проценту, наравне с лучшими английскими дубовыми кораблями. Сие показывает, каким ныне доверием и выгодами наши купеческие корабли в иностранных землях пользуются»¹⁶.

В России хорошо понимали, какое преимущество сулит участие отечественных кораблей в русско-американской торговле. «Купечество наше необходимо должно вступить в непосредственные сношения с Америкой, дабы наши произведения могли находить там выгоднейший сбыт и преодолеть соперничество иностранцев своей дешевизной, — приходил к выводу Г. Неболсин и указывал далее:— Сия торговля доставляла бы выгодное занятие нашему купеческому судоходству, и плаванья в Америку сделались бы превосходной школой для наших матросов»¹⁷.

К сожалению, все это осталось в области благих пожеланий. Не только в рассматриваемое нами время, но и гораздо позднее основная масса русских товаров продолжала доставляться в США почти исключительно на американских кораблях. Сказывалась возраставшая отсталость крепостнической России, отсутствие необходимого опыта и морских традиций, которыми в избытке обладали жители Новой Англии.

¹⁶ ГВТ 1824 г. (предисловие).

¹⁷ Г. Неболсин. Указ. соч., ч. II, стр. 37.

Весьма ограниченным было участие в перевозках товаров между США и Россией и иностранных судов, хотя в отдельных случаях из С.-Петербурга в Америку отправлялись английские, прусские и даже гамбургские корабли. Гораздо чаще случалось другое — американские суда прибывали в Россию из Англии, Португалии, Дании, Голландии и, что особенно важно, из Бразилии и «Индии», т. е. из стран Латинской Америки, прежде всего с о-ва Куба. Так, в 1825 г. из Англии пришло 10 американских судов, а из Дании даже 25(!), тогда как из США в Россию прибыло лишь 3 британских корабля¹⁸.

Особо следует подчеркнуть, что когда в 1826—1827 гг. в русской статистике начали регистрироваться суда, приходившие из «Индии» и Бразилии, оказалось, что это были в основном корабли Соединенных Штатов. Так, в 1829 г. прямо из Америки (США) в Россию пришло только 12 кораблей, а из «Индии» — 39! Кроме того, семь пришло из Бразилии. Всего же из «Индии» в Россию в 1829 г. пришло 48 судов (включая 4 английских), а из Бразилии — 20¹⁹. Это во много раз превышало число судов, прибывших из США (12) и свидетельствовало о весьма значительном объеме торговых связей России со странами Латинской Америки, осуществлявшихся, однако, главным образом при посредничестве и на кораблях Соединенных Штатов.

При этом общая роль американских судов в русской иностранной торговле все эти годы оставалась достаточно скромной. Так, в 1816 г. в русские порты прибыло 3973 корабля, из них английских — 1045, русских — 979, а американских — только 69. Спустя 10 лет, в 1825 г., в Россию прибыло 3903 корабля, из которых английских было 1836, русских — 537 и американских — 81²⁰. Суда Соединенных Штатов составили, таким образом, лишь около 2% общего числа судов, занятых во внешней торговле России. Однако надо иметь в виду, что американские корабли, как правило, были крупнее, чем суда других стран. В том же 1825 г. на долю 81 американского корабля приходилось 10 730 ластов, на 211 шведских — 9408, на 158 прусских — 7486 и

¹⁸ ГВТ 1825 г., стр. 46.

¹⁹ ГВТ 1829 г., стр. 58.

²⁰ ГВТ 1816 г., ГВТ 1825 г., стр. 46.

на 184 датских — 6991 ласт. По этим же данным, 66 американских кораблей (8594 ластва) привезли в Россию более 5% иностранных грузов²¹.

Большая роль в развитии русско-американской торговли в первой половине XIX в. принадлежала Джону Делавэру Льюису из Филадельфии, который приехал в С.-Петербург в 1810 г. и основал в русской столице один из наиболее крупных торговых домов. Если первоначально США вели свои коммерческие дела главным образом через английские и немецкие фирмы («Л. Стиглиц и К^о», «Мейер и Брюкснер», Дж. Веннинг и т. д.), то после 1815 г. и особенно в 1820—1830-е годы ведущее положение в коммерческих операциях американцев в России занял торговый дом Льюиса. Предвидя расширение связей России с США после окончания эпохи наполеоновских войн, Дж. Д. Льюис вызвал в С.-Петербург из Филадельфии для помощи в делах своего брата Уильяма Дэвиса Льюиса²².

Уже в 1815 г. объем деловых оборотов Дж. Д. Льюиса, по официальным русским данным, составил 2 899 614 руб. 26 коп., а спустя 10 лет достиг 11 897 975 руб. По размерам операций торговый дом Льюиса стал одним из крупнейших в России наряду с такими известными фирмами, как Клеменц и Берг (16 950 985 руб.), Л. Стиглиц (12 960 278 руб.) и Д. Вильсон (11 944 909 руб.)²³. Развернув активную коммерческую деятельность, Дж. Д. Льюис поддерживал регулярные контакты со своими партнерами в Соединенных Штатах, систематически информируя их о состоянии русского рынка, ценах на товары, вексельном курсе и т. п. Многочисленные циркулярные письма и другие деловые материалы, содержащие ценные сведения о русско-американской торговле, сохранились как в архиве самого Дж. Д. Льюиса в Историческом обществе Пенсильвании, так и в бумагах его американских корреспондентов, в частности капитана Джона Эндрюса (Сейлем)²⁴.

²¹ ГВТ 1825 г., стр. 46.

²² N. E. Saul. America's First Student of Russian: William David Lewis of Philadelphia.— «РМНВ», Vol. XCVI, N 4, October 1972, p. 464—479.

²³ См.: «Реестр о именных купцах, главный торг производивших, за 1824 г.» — ГВТ 1824 г., стр. 66—73.

²⁴ Essex Institute, Capt. John H. Andrews, Letters and Miscel., Vol. I; Manuscripts, Vol. II etc.

Особый интерес представляет циркулярное письмо У. Д. Льюиса от 9 февраля 1822 г., к которому были приложены сведения о коммерческих операциях, произведенных американцами через различные торговые дома в С.-Петербурге в 1820—1821 гг. (см. приложение 5).

К началу 20-х годов XIX в. Дж. Д. Льюис занял преобладающее положение в русско-американской торговле и оттеснил своих могущественных конкурентов на второй план. Из 66 американских кораблей, отошедших в 1820 г. из С.-Петербурга, 25 приходилось на долю Льюиса, 13 — Стиглица, 12 — Веннинга, 9 — Райта и 6 — братьев Крамер. В следующем, 1821 г. число отошедших из русской столицы американских судов возросло до 79, распределившись соответственно — 33, 10, 8, 10, 10. Связи торгового дома Льюиса распространились не только на Соединенные Штаты, но также на Кубу, Бразилию и Западную Европу. Только в 1821 г. в его адрес прямо из США пришло 9 судов, из Гаваны — 15, из Бразилии — 2 и из европейских стран — 8²⁵.

В денежном выражении ведущее положение Дж. Д. Льюиса в американской торговле в России было не менее очевидным. В 1820—1821 гг. торговый оборот американцев в С.-Петербурге составлял соответственно 28 081 859 и 30 418 704 руб., причем на долю Льюиса приходилось 11 326 546 и 11 166 034 руб., т. е. более трети всей американской торговли в С.-Петербурге, да и в России в целом. Значительно меньшими были коммерческие операции других иностранных купеческих фирм, через которые велась американская торговля в России. Так, на долю Стиглица в 1821 г. приходилось 5 585 886 руб., братьев Крамер — 4 071 544, Веннинга — 3 409 797, Райта — 3 282 951 руб. и т. д.²⁶

Сведения о масштабе коммерческих операций Дж. Д. Льюиса находят подтверждение и в материалах русской статистики (см. приложение 6). Уже в начале 20-х годов XIX в. торговый оборот Дж. Д. Льюиса, именовавшегося в «реестрах о именных купцах» иностранным гостем, превысил 10 млн. руб. и в дальнейшем

²⁵ Vessels addressed to John D. Lewis, St. Petersburg, 1821.—HSP, Lewis — Neilson Papers, John D. Lewis, Box 1.

²⁶ У. Д. Льюис — Дж. Х. Эндрюсу, 9 февраля 1822 г.—Essex Institute, Capt. John H. Andrews, Letters and Miscel., Vol. I.

более или менее стабильно удерживался на уровне 8—12 млн. руб. Помимо чисто коммерческих дел, Джон Д. Льюис, а также его брат Уильям на протяжении длительного времени следили за состоянием торговли между Россией и США, выполняли важные координирующие функции и по существу выступали в роли представителей американских деловых кругов в С.-Петербурге. Поскольку в официальных «видах» до 1827 г. конкретные сведения о составе и объеме русско-американской торговли отсутствовали, данные, собранные Дж. Д. Льюисом по записям петербургской таможни, приобретают особую ценность (см. приложение 7).

Доставляли в Россию перечисленные в прил. 7 товары не только США. Дж. Д. Льюис, к сожалению, не оговаривает, насколько велика была роль американских кораблей. С другой стороны, прил. 7 вполне определенно свидетельствует, что на кораблях США в С.-Петербург привозились некоторые наиболее важные товары и в первую очередь сахар и хлопок. Директор департамента внешней торговли сенатор Обресков отмечал, что в 1815 г. сахарного песка в Россию было привезено на 19 842 180 руб. 53³/₄ коп., а «бумаги хлопчатой» — «сырца и пряденой» — на 18 898 490 руб. 45 коп. Именно эти две статьи возглавляли список «главнейших иностранных товаров» в 1815 г.²⁷

Общая потребность русского рынка в сахарном песке определялась У. Д. Льюисом примерно в 1200 тыс. пудов. В 1821 г. ввоз сахара превысил 1900 тыс. пудов, тогда как в следующем, 1822 г. в С.-Петербург было привезено менее 300 тыс.! Это привело к огромному росту цен и открывало хорошие перспективы для ввоза гаванского и бразильского сахара в 1823 г. Что касается темного манильского сахара, то Льюис указывал, что его можно продать только «с огромным убытком»²⁸. По авторитетному свидетельству Г. Неболсина, «в последние годы привоз сахара через посредство североамериканцев весьма усилился, а прежде Россия снабжалась оным преимущественно через Великобританию». В подтверждение своего мнения Г. Неболсин приводил

²⁷ ГВТ 1815 г. (предисловие).

²⁸ У. Д. Льюис — Дж. Х. Эндрюсу, 7 марта 1823 г. — Essex Institute. Capt. John H. Andrews, Manuscripts, Vol. II, p. 6.

следующие сведения о ежегодном ввозе сахарного песка: в 1800—1814 гг.— 244 715 пудов, 1814—1824 — 778 798 и в 1824—1834 гг.— 1 232 884 пудов²⁹.

Значительно возрос в эти годы и ввоз в Россию хлопка-сырца, что свидетельствовало о распространении в стране бумагопрядения. Если в 1814—1824 гг. ежегодно ввозилось 55 113 пудов хлопчатой бумаги, то в 1824—1834 гг. импорт хлопка увеличился почти вдвое (100 266 пудов). «Американские корабли, пришедшие прежде в порты наши с балластом, ныне стали привозить, кроме сахара, отчасти хлопчатую бумагу»³⁰.

Разумеется, как в доставке сахара, так и хлопка в Россию участвовали не только Соединенные Штаты. Ни Льюис, ни Неболсин, к сожалению, не уточняют, какое количество этих важных товаров было привезено на американских судах. Гораздо более точными в этом отношении являются сведения о товарах, экспортировавшихся на американских кораблях из С.-Петербурга «почти исключительно в Соединенные Штаты» (см. приложение 8).

Рассматриваемые данные, составленные нами по архивным материалам, свидетельствуют, что из С.-Петербурга в США доставлялись такие важные промышленные изделия, как железо, различные полотна, а также пенька, лен и другие товары, неизменно занимавшие видное место в русском экспорте. В 1821 г. из России было вывезено льна на 29 446 984 руб., пеньки — на 20 790 771, железа — на 4 197 901, полотна — на 7 951 230, веревок и канатов — на 1 253 266 руб. и т. д.³¹ Из письма братьев Льюисов крупнейшему американскому финансисту Стефену Джирарду видно, что в 1823 г. из С.-Петербурга в США было вывезено примерно 10% русской пеньки (167 670 из 1 689 647 пудов), более трети полосового железа (256 461 из 694 889 пудов), а также подавляющая часть снастей (cordage) (24 793 из 31 692 пудов), парусного полотна (32 296 из 39 612 кусков), фламского полотна (23 871 из 29 079 кусков), равендука (34 643 из 46 130 кусков). Любопытно также, что почти все салфеточное полотно, которое

²⁹ Г. Неболсин. Указ. соч., ч. II, стр. 230.

³⁰ Там же, стр. 235, 238.

³¹ ГВТ 1821 г. (предисловие сенатора Обрескова).

было вывезено в 1823 г. из русской столицы, предназначалось для американского потребителя (755 995 из 782 078 аршин)³². Как видно, русские салфетки пришлись американцам по вкусу и пользовались у них большим спросом.

Оценивая степень точности приводимых выше данных, следует иметь в виду, что они относились только к С.-Петербургу и только к товарам, доставлявшимся на американских судах. Между тем некоторая, хотя и небольшая, часть русских товаров доставлялась в США из Архангельска (в 1815 г. из этого порта отправилось 10 американских судов, 1816 — 5, 1817 — 3, 1818 — 1, 1819 — 0, 1820 — 4, 1821 г. — 1 и т. д.). Кроме того, в отдельных случаях для доставки товаров из С.-Петербурга или Архангельска использовались и корабли других стран, в том числе русские. В этой связи наиболее полные и относительно достоверные сведения о фактическом объеме и стоимости различных статей русско-американской торговли содержатся в ежегодных «видах» государственной внешней торговли начиная с 1827 г. (см. приложение 9).

Эти материалы в полной мере подтверждают вывод о том, что в действительности на кораблях США в Россию привозилось гораздо больше товаров, чем это находило отражение в официальной американской статистике. Только в одном 1831 г. американцы привезли 1 101 133 пуда сахарного песка стоимостью в 18 669 305 руб. Это составляло более $\frac{3}{4}$ всего сахарного песка, ввезенного в Россию (в 1831 году в Россию было ввезено 1 453 634 пуда сахарного песка на 24 621 208 руб.)³³. «Мы практически располагаем монополией на торговлю сахаром, потребляемым во всей этой империи..., — с гордостью сообщал из С.-Петербурга посланник Соединенных Штатов Джеймс Бьюкенен летом 1833 г. — За последний год только этого товара на наших судах в Россию привезено 37 370 818 фунтов»³⁴. Весьма

³² Дж. Д. и У. Д. Льюисы — С. Джирарду, 13 ноября (ст. ст.?) 1823 г. — APS, Papers of Stephen Girard, 1823, p. 958.

³³ ГВТ 1831 г., стр. 32.

³⁴ J. Buchanan. Works, 12 Vls. Philadelphia, 1908—1911, Vol. II, p. 377 (по русским данным, в 1832 г. американцы доставили в Россию 985 703 пуда сахарного песка стоимостью в 14 811 057 руб.).

значительными были поставки американцами в 1831 г. кофе (44 234 из 125 780 пудов), хлопка (23 077 из 86 134 пудов), разного рода красок — индиго и пр.

В том же 1831 г. из Америки было привезено товаров на 22 102 166 руб., а весь русский импорт составлял 155 049 635 руб. Только из Англии было привезено товаров на значительно большую сумму (63 273 886 руб.). Все другие страны, включая «ганзиатические города» (20 980 245 руб.), Францию (10 147 953) и Турцию (11 357 359 руб.), уступали американцам и в большинстве случаев уступали значительно.

Таким образом, традиционное представление о совершенно незначительном объеме американского экспорта в Россию следует решительно пересмотреть. В среднем в 1827—1839 гг. из Америки в Россию доставлялось товаров на 20 447 тыс. руб. (в ассигнациях), в том числе кофе — 36,3 тыс. пудов (1174,2 тыс. руб.), табака — 0,9 тыс. пудов (132,2 тыс. руб.), сахара — 912,2 тыс. пудов (16 695,7 тыс. руб.) и, наконец, хлопко-сырца — 25,1 тыс. пудов (698,8 тыс. руб.)³⁵. Треугольный характер русско-американской торговли приводил к тому, что реальная роль Соединенных Штатов в поставках колониальных товаров в Россию была гораздо более значительной, чем это находило отражение в официальной статистике США, которая в 1831 г. учла ввоз в Россию товаров на сумму 462 766 долл. (включая стоимость товаров не только отечественного — 114 852, но и иностранного производства — 347 914 долл.)³⁶.

Что касается импорта русских товаров в Соединенные Штаты, то как русская, так и американская статистика дают более или менее сопоставимые данные. Отметим, в частности, что в 1827 г. из России в Америку было отправлено 246 734 пуда пеньки (стоимостью в 2 361 244 руб.), 225 633 пуда железа (1 177 804 руб.), 39 866 кусков парусного полотна (2 803 342 руб.), 47 651 кусок равендука (1 225 500 руб.) и 57 033 куска фламского полотна (2 052 763 руб.). Объем русского экспорта в США продолжал оставаться существенным и в последующие годы (см. приложение 10).

³⁵ «Материалы к пересмотру русско-американского торгового договора». СПб., 1912, ч. II, стр. 6, 8.

³⁶ T. Pitkin. A Statistical View..., p. 231.

В Америку шло более половины всего экспорта русского парусного полотна и равендука, более двух третей фламского полотна, а также существенное количество пеньки и железа³⁷. В среднем в 1827—1839 гг. экспорт России в США составлял 9762,6 тыс. руб., причем льна ежегодно вывозили 8,7 тыс. пудов (на 92,3 тыс. руб.), пеньки — 199,2 тыс. пудов (1531,5 тыс. руб.), шетины — 2,9 тыс. пудов (208 тыс. руб.), железа — 358,8 тыс. пудов (1709,2 тыс. руб.), канатов и веревок — 42,8 тыс. пудов (372,9 тыс. руб.) и, наконец, льняных и пеньковых тканей — 96,9 тыс. кусков (3412,3 тыс. руб.)³⁸.

Хотя общий уровень русского экспорта в Соединенные Штаты оставался в рассматриваемый нами период довольно значительным, уже на рубеже 1830-х годов начинает проявляться тенденция к постепенному снижению, связанная с прогрессирующей отсталостью крепостнической России и быстрым ростом промышленной продукции в самих США. С течением времени усиливалась конкуренция американского зерна на европейских рынках. С другой стороны, введение железных цепей вместо канатов и выделка парусов из хлопчатой бумаги вели к заметному уменьшению спроса на русскую пеньку³⁹. В результате, если в 1827—1828 гг. русский экспорт все еще на несколько миллионов превышал ввоз американских товаров, то на рубеже 1830-х годов общий баланс торговли с Америкой начал радикально меняться. Стоимость русского экспорта в Америку (в среднем около 10 млн. руб.) теперь уже более чем в 2 раза уступает возросшей стоимости привозимых в Россию американских товаров (более 20 млн. руб.). В дальнейшем эта тенденция не только сохранилась, но и еще более усилилась, о чем свидетельствует приводимая табл. 2 (в тыс. руб. по курсу 1 рубль = $\frac{1}{15}$ империала)⁴⁰.

Из этой же таблицы видно, что если вывоз товаров в Америку держался в среднем на уровне 4% русского экспорта, то ввозилось из Америки в Россию в 1830-е годы примерно 10 и даже более процентов общего импорта иностранных товаров.

³⁷ ГВТ 1827 г., стр. 30.

³⁸ «Материалы...», ч. II, стр. 4.

³⁹ См.: Г. Неболсин. Указ. соч., ч. II, стр. 200, 202.

⁴⁰ «Материалы...», ч. II, стр. 2.

ТАБЛИЦА 2

Год	Вывоз из России		Привоз в Россию	
	общая сумма	в том числе в Америку	общая сумма	в том числе из Америки
1827	95 912	4 561	83 669	4 009
1828	83 057	5 502	80 897	4 093
1829	92 817	3 592	88 375	4 241
1830	107 566	1 840	78 263	9 996
1831	98 491	3 745	71 383	8 941
1832	106 371	3 499	79 885	8 351
1833	101 886	5 503	78 933	8 620
1834	94 082	4 387	89 636	8 717
1835	93 179	5 950	91 557	10 894
1836	114 796	6 604	96 443	10 070
1837	108 283	3 788	103 472	11 075
1838	127 666	1 528	101 068	10 311
1839	147 892	1 836	108 007	9 373
1840	130 069	3 663	118 950	10 181

В целом главным итогом проведенного исследования является пересмотр старых представлений о совершенно незначительном объеме экспорта американских товаров в Россию и воссоздание детальной картины развития русско-американских торговых связей в 1815—1830-е годы. Хотя экспорт собственно американских товаров в Россию прямо из Соединенных Штатов действительно был невелик, на американских судах доставлялось значительное количество колониальных товаров и в первую очередь кубинский сахар, бразильский кофе, красильное дерево и т. д. Именно латиноамериканский угол в торговле с Россией позволял Соединенным Штатам привозить в С.-Петербург товары, пользовавшиеся большим спросом на русском рынке, а взамен получать столь необходимые для их флота железо, пеньку, канаты и парусное полотно. Вместе с тем в долгосрочном плане в связи с окончанием эпохи парусного флота и постепенным экономическим отставанием России перспективы торговых связей между обеими странами становились менее благоприятными. В полной мере это проявилось, однако, уже позднее.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

РУССКО-АМЕРИКАНСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ И ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР 1832 Г.

Во второй половине 20-х годов XIX в. вновь отчетливо выявилась старая тенденция к сближению России и Соединенных Штатов. Противоречия на Северо-Западе Америки были более или менее удовлетворительно урегулированы в результате подписания конвенции 1824 г. Значительная степень совпадения взглядов обнаружилась и в испаноамериканском вопросе, по которому между обеими странами существовали глубокие и, казалось бы, совершенно непримиримые расхождения. Как и прежде, важнейшим фактором русско-американского сближения оставались взаимные противоречия с Великобританией. Не удивительно поэтому, что в подробных инструкциях в мае 1827 г. русскому посланнику в Вашингтоне барону П. А. Крюденеру предписывалось всемерно укреплять тесные связи России с Соединенными Штатами и разъяснять всем членам американского правительства благожелательные намерения царского министерства с тем, чтобы «увековечить согласие, которое характеризует их настоящие отношения»¹.

Укреплению взаимоотношений между Россией и США способствовало также урегулирование во второй половине 20-х годов XIX в. ряда давних претензий, которые предъявлялись царскому правительству отдель-

¹ К. В. Нессельроде — П. А. Крюденеру, 4 (16) мая 1827 г.— АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 28, л. 116. О Крюденере см.: *F. Ley. La Russie, Paul de Krüdener et les soulèvements nationaux 1814—1858 (d'après de nombreux documents inédits)*. Hachette, 1971, p. 16, 27, 39—79; Г. Миддлтон — Г. Клею, 5 октября 1827 г., № 71.— NA, DD, Russia, Vol. XI.

ными американскими гражданами. Так, в апреле 1825 г. в результате обмена нотами между государственным секретарем США Г. Клеем и русским посланником в Вашингтоне Ф. В. Тейлем был урегулирован конфликт по поводу убытков, которые потерпели владельцы брига «Перл» в 1822 г. Хотя император и не признал юридической законности требования о вознаграждении владельцев брига за понесенные убытки, но тем не менее согласился на выплату компенсации в размере 16 994 долл. 69 центов, чтобы «предоставить американскому правительству новое доказательство своего расположения»².

Два года спустя удалось урегулировать и другой, еще более давний и сложный конфликт по поводу захвата в 1807 г. в Средиземном море русскими военными кораблями двух американских торговых судов — «Гектор», нарушившего блокаду Смирны, и «Коммерс», задержанного вблизи о-ва Корфу. Царское правительство в конечном итоге согласилось выплатить возмещение в общей сложности 255 731 руб. 28 коп. Из этой суммы 205 731 руб. 28 коп. предназначалось И. Торндайку (I. Thorndike) за бриг «Гектор», а 50 тыс. руб. — «Веймут импортинг К^о» за корабль «Коммерс». Хотя сумма компенсации оказалась меньше той, на которую первоначально претендовали владельцы, Г. Миддлтон полагал, что при сложившихся обстоятельствах ему удалось достичь вполне удовлетворительных результатов³.

Международный авторитет и влияние России после разгрома Наполеона, а также благожелательный характер отношений между двумя странами приводили к тому, что США считали русского царя едва ли не наиболее

² NA, RG 76, Russian Claims Miscellaneous, Env. 1, Folder 3, Brig «Pearl». Тексты нот, которыми обменялись Г. Клей и Ф. В. Тейль в апреле 1825 г., см.: Documents on Russian-American Relations ed by S. S. Jados. Washington, 1965, p. 6—7. Сообщение об окончательном урегулировании дела и выплате компенсации см.: К. В. Нессельроде — Ф. П. Мальтиту, 10 (22) января 1827 г. — АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 28, л. 106.

³ См.: Г. Миддлтон — Г. Клею, 21 марта (2 апреля) 1828 г., № 75, а также ноту Г. Миддлтона от 26 февраля 1827 г. и окончательный ответ К. В. Нессельроде от 5 (17) марта 1828 г. — NA, DD, Russia, Vol. XI; Russian Claims, Folder «Hector», and Folder «Commerce». Основ. материалы опубл.: Treaties, Vol. III, N 61, p. 421—425.

подходящим посредником при возникновении споров с другими европейскими странами и, в частности, с Англией. Посреднические функции между США и Великобританией не сулили особых лавров, и царское правительство стремилось по возможности уклониться от разбирательства сложных конфликтных дел. Касаясь намерения Соединенных Штатов привлечь Россию в качестве арбитра в переговорах с Великобританией по разграничению взаимных владений на Северо-Востоке Америки, К. В. Нессельроде рекомендовал русскому посланнику в Вашингтоне дать уклончивый ответ: избегая решительного отказа, Крюденер одновременно не должен был давать каких-либо прямых обещаний о готовности императора принять на себя роль арбитра⁴.

29 сентября 1827 г. в Лондоне представители США и Англии подписали конвенцию о передаче вопроса о северо-восточной границе на арбитраж «какого-либо дружественного монарха или государства»⁵. В самом тексте конвенции имя арбитра названо не было, но в инструкциях американскому поверенному в делах в Лондоне кандидатура русского царя была обозначена первой и наиболее предпочтительной для Соединенных Штатов. Соответственно пересылая копию этой конвенции Г. Миддлону в С.-Петербург, государственный секретарь подтвердил, что император Николай I возглавляет список возможных посредников и президент хотел бы, чтобы британский кабинет согласился с этой кандидатурой. Поскольку в неофициальных беседах в Вашингтоне Крюденер передал Клею настойчивую просьбу о

⁴ См.: К. В. Нессельроде — П. А. Крюденеру, 4 (16) мая 1827 г.— АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 28, л. 119. В дополнительных инструкциях от 4 (16) сентября 1827 г. указывалось, что Крюденеру не следует поднимать вопрос об арбитраже, пока сами американцы его не поставят. Если же США это сделают, то сначала следует попытаться им доказать ненужность привлечения третьей державы к дискуссии. И только когда выяснится, что арбитраж, по мнению американского правительства, — «единственное средство избежать военных действий», то посланник не должен был отвечать категорическим отказом без извещения С.-Петербурга. Более того, если бы в этом случае возник вопрос о приглашении в качестве арбитра другой державы, то Крюденеру рекомендовалось предложить кандидатуру русского царя (см.: К. В. Нессельроде — П. А. Крюденеру, 4 (16) сентября 1827 г.— Там же, лл. 165—166).

⁵ Treaties, Vol. III, p. 319—323; ASP, FR, Vol. VI, p. 999—1002.

том, чтобы стороны постарались избежать вооруженного конфликта, Миддлону поручалось в этой связи дать царскому правительству все необходимые заверения⁶.

Учитывая опыт прошлого, правительство Великобритании не хотело соглашаться с кандидатурой русского императора. В конечном итоге выбор пал на нидерландского короля⁷. Для России это оказалось весьма кстати, так как осложнения с Англией могли только помешать осуществлению восточной политики.

Несмотря на успешное и беспрепятственное развитие торговых связей между Россией и США, а также совпадение взглядов обоих правительств в отношении прав нейтрального судоходства в открытом море, официальных соглашений на этот счет между С.-Петербургом и Вашингтоном долгое время не существовало. (Русско-американская конвенция 1824 г. была, как известно, посвящена сравнительно частному вопросу о разграничении и торговле на Северо-Западе Америки.) Впрочем, до некоторой степени это было лишь формальным моментом. Более важным оказывалось совпадение интересов и взаимная выгода от развития связей между обеими странами. «То, что делает союзы продолжительными,— писал Нессельроде,— это совпадение интересов и взаимность в выгодах. В этом смысле между Россией и Соединенными Штатами существует союз, который мы считаем важным развивать»⁸.

В условиях приближения неизбежной войны с Турцией и сложного характера своих отношений с Англией царское правительство начинает придавать все большее значение сохранению и развитию дружественных связей с Вашингтоном. «В том, что касается Соединенных Штатов,— инструктировал Нессельроде Крюденера,— Вы, г-н барон, должны рассматривать в качестве фундаментального принципа нашей политики сохранения с ними доверительных (букв.— интимных) отношений»⁹.

Мысль о Соединенных Штатах как о «естественном

⁶ Г. Клей — У. Б. Лоуренсу, 20 февраля 1828 г.— DI, AC, Vol. XII, p. 61—65; Г. Клей — Г. Миддлону, 2 апреля 1828 г.— Ibid., p. 96—98.

⁷ Treaties, Vol. III, p. 358.

⁸ К. В. Нессельроде — П. А. Крюденеру, 4 (16) мая 1827 г.— АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 28, л. 113.

⁹ Там же, л. 128.

союзнике» России в противовес преобладающему влиянию Великобритании на море получила развитие и в депеше Крюденеру весной 1828 г. «Морское влияние Соединенных Штатов,— писал Нессельроде,— создает для нас полезный противовес исключительному преобладанию на морях Великобритании». Опасение последствий разрыва с США нередко заставляет Лондон отказаться от осуществления своих замыслов и содействует тому, что английская политика становится более примирительной. Касаясь политики России в восточном вопросе, глава ведомства иностранных дел указывал: «Наша цель состоит в том, чтобы установить такую свободу судоходства в Босфоре, чтобы американские корабли могли сразу же ею воспользоваться». Давая эти разъяснения, Крюденер должен был показать руководящим деятелям Соединенных Штатов взаимную выгоду тесных связей между вашингтонским и петербургским правительствами. В то же время даже в условиях начавшейся войны с Турцией Россия не считала необходимым заключать с Америкой специальный договор. Нессельроде подчеркивал в этой связи, что «предлагать в настоящее время наступательный и оборонительный союз Соединенным Штатам для нас было бы неосторожным шагом»¹⁰.

Хотя русско-турецкая война 1828—1829 гг., на первый взгляд, совсем не затрагивала американские интересы, в Соединенных Штатах внимательно следили за происходившими событиями и живо обсуждали проблему проливов и свободного доступа в Черное море, вопрос о независимости Греции и судьбе балканских народов¹¹. Известно, что американская печать обычно не

¹⁰ К. В. Нессельроде — П. А. Крюденеру, 28 апреля (10 мая) 1828 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12238, лл. 14—20.

¹¹ См., в частности: *E. M. Earle*. American Interest in the Greek Cause.— «*AHR*», Vol. XXXIII, N 1, October 1927, p. 44—63; *idem*. Early American Policy Concerning Ottoman Minorities.— «*Political Science Quarterly*», Vol. XLII, 1927, p. 357—367; *M. A. Cline*. American Attitude towards the Greek War of Independence, 1821—1828. Atlanta, 1930; *J. A. Field, Jr.* America and the Mediterranean World. Princeton, 1969. О русской политике в восточном вопросе в 20-е годы XIX в. см.: *А. В. Фадеев*. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958; *О. Б. Шпаро*. Освобождение Греции и Россия (1821—1829). М., 1965; *И. С. Достян*. Россия и балканский вопрос. М., 1972.

баловала Россию вниманием и чаще всего помещала критические материалы. На этот же раз многие влиятельные газеты и журналы достаточно объективно и даже доброжелательно освещали политику России в период восточного кризиса 20-х годов XIX в. Отметим в этой связи подробный анализ политики России, данный А. Эвереттом на страницах влиятельного бостонского журнала «Норт Америкэн ревью» в июле 1828 г., а также детальное изложение русско-турецкой войны, помещенное позднее в «Америкэн энюал реджистер»¹².

В начале 1830 г. на страницах того же «Норт Америкэн ревью» была дана самая высокая оценка политики России в отношении Соединенных Штатов. Несмотря на полную противоположность своих политических учреждений американским институтам, Россия, в отличие от Англии и Франции, «неизменно проявляла самое благожелательное отношение к правительству Соединенных Штатов». В статье напоминалось, в частности, о предложении дружественного посредничества в войне 1812 г., быстром достижении разумного соглашения о разграничении на Северо-Западе Америки, возмещении ущерба, причиненного американским торговцам, и указывалось, что любой государственный деятель Соединенных Штатов не может не испытывать к России чувства признательности¹³.

В связи с объявлением 14(26) апреля 1828 г. войны Турции царское правительство разослало иностранным державам специальную декларацию, в которой отмечалось, что, будучи вынужденной «употребить силу для защищения прав своих, Россия, вопреки разглашениям Порты, ...не умышляет ее разрушения». В качестве одной из важнейших целей войны провозглашалось обеспечение точного соблюдения договоров и «открытие свободного плавания в Босфоре всем народам Ев-

¹² [A. H. Everett.] Politics of Europe.—«North American Review», Vol. XXVII, N 60, July 1828, p. 254—268; «American Annual Register for the Years 1827—8—9». New York, 1830, p. 287—426. Эта последняя работа принадлежала перу Дж. К. Адамса, получившего ряд материалов от Крюденера.—J. Q. Adams. Memoirs, 12 Vls. Philadelphia, 1874—1877, Vol. VIII, p. 182—183; H. E. Bergquist, Jr. Russian-American Relations, 1820—1830. Boston University, 1970, p. 696.

¹³ «North American Review», Vol. XXX, N 66, January 1830, p. 226—227.

ропы»¹⁴. Когда русский посол в Англии Х. А. Ливен зачитал герцогу Веллингтону полученную из С.-Петербурга декларацию, «черты последнего видимо исказились под впечатлением худо скрываемого гнева». По словам Веллингтона, теперь не могло «быть речи об общих действиях Англии и Франции с Россией»¹⁵. Реакция Соединенных Штатов на соответствующее сообщение Крюденера была совершенно иной, и государственный секретарь заверил посланника в продолжении дружественных отношений между обеими странами. В Вашингтоне не сомневались и не оспаривали убеждения императора в том, что «право и справедливость находятся на его стороне и что честь и интересы его страны требуют, чтобы он прибегнул к оружию»¹⁶.

Летом 1828 г. Крюденер довел до сведения Дж. К. Адамса и Г. Клея инструкции, данные русской эскадре в Средиземном море¹⁷. Правила, которыми русские военные корабли должны были руководствоваться в отношении нейтральной торговли и судоходства, в полной мере отвечали взглядам американского правительства. Не удивительно поэтому, что правительство США сразу же поспешило выразить свое согласие с принципами вооруженного нейтралитета и обещало направить соответствующие указания командующему морскими силами Соединенных Штатов в Средиземном море, обязав его содействовать «самому дружественному и гармоничному» взаимопониманию военных кораблей обеих стран. Одновременно в ноте США указывалось, что если русское правительство расположено возобновить либеральные принципы, провозглашенные в 1780 и 1781 гг. для защиты мореплавания северных стран Европы в знаменитом договоре о вооруженном нейтралитете, то президент США выражал со своей стороны готовность содействовать их проведению в жизнь пу-

¹⁴ Текст декларации и других документов, связанных с объявлением войны Турции, приложен к донесению Г. Миндлтона от 15 (27) апреля 1828 г., № 78.— NA, DD, Russia, Vol. XI.

¹⁵ Ф. Мартенс. Собрание трактатов..., т. XI стр. 379.

¹⁶ Г. Клей — П. А. Крюденеру, 20 октября 1828 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12211, лл. 222—223, а также донесение П. А. Крюденера от 30 октября (11 ноября) 1828 г., № 85.— Там же, лл. 207—216.

¹⁷ П. А. Крюденер — Г. Клею, 16 (28) июля 1828 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12241, лл. 177—178; J. Q. Adams. Memoirs, Vol. VIII, p. 66—67.

тем заключения «любого приемлемого соглашения, о котором можно взаимно договориться»¹⁸.

Комментируя эту ноту, Крюденер справедливо рассматривал ее «как официальное предложение немедленно восстановить принципы вооруженного нейтралитета». Русский посланник также обратил внимание, что мероприятия по возобновлению вооруженного нейтралитета и особенно их следствие — «общие союзы, направленные против Англии», — явились бы «первым шагом к военным действиям против этой державы»¹⁹. Вместе с тем в ответной ноте от того же числа исполнявшему должность государственного секретаря Д. Бренту Крюденер взял на себя ответственность написать о стремлении русского императора «одобрить путем взаимного соглашения с Соединенными Штатами принципы, призванные служить в случае войны и нейтралитета взаимным правилом двух держав ... в отношении их обоюдного мореплавания»²⁰.

Несмотря на сложное международное положение в 1828 г. и неблагоприятный ход военных действий на Балканском фронте, в С.-Петербурге не считали возможным принимать предложения правительства США и «провоцировать» разрыв с Англией. Не дезавуируя Крюденера и не отвергая американских «авансов», Нессельроде вместе с тем рекомендовал посланнику дать Соединенным Штатам уклончивый и сдержанный ответ в устной форме (царское правительство опасалось, что «деликатная» дипломатическая переписка может быть впоследствии предана гласности)²¹.

¹⁸ Д. Brent — П. А. Крюденеру, 2 августа 1828 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12241, лл. 187—189; *J. Q. Adams. Memoirs Vol. VIII*, p. 69—70.

¹⁹ П. А. Крюденер — К. В. Нессельроде, 16 (28) августа 1828 г., № 79. — Там же, лл. 184—186.

²⁰ П. А. Крюденер — Д. Бренту, 16 (28) августа 1828 г. — Там же, лл. 192—193; *F. Ley. Op. cit.*, p. 101—102. Черновой проект ноты был первоначально написан 10 (22) августа и сохранился в фонде Пос-во в Вашингтоне, д. 29, лл. 146—147.

²¹ К. В. Нессельроде — П. А. Крюденеру, 28 декабря 1828 г. (9 января 1829 г.) — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12238, лл. 34—41. Пересылая в феврале 1829 г. в Вашингтон дубликат этой депеши, Нессельроде вновь отмечал, что не считает момент подходящим для осуществления подобных соглашений (см.: К. В. Нессельроде — П. А. Крюденеру, 14 (26) февраля 1829 г. — Там же, д. 12243, лл. 6—7).

Когда весной 1829 г. в США официально пришло к власти правительство президента Э. Джексона, русский посланник подробно информировал нового государственного секретаря М. Ван-Бюрена о происшедшем в 1828 г. обсуждении проблем нейтрального мореплавания. Он сообщил, в частности, что царское правительство не считает себя связанным старым договором 1800 г. с Англией и свободно в выборе такого курса, который бы соответствовал политике России и правам нейтральных держав. Крюденер напомнил, что в 1828 г. командующему русской эскадрой, блокирующей владения Турции, были даны указания соблюдать и защищать права нейтрального мореплавания.

В свою очередь М. Ван-Бюрен от имени президента подтвердил, что США продолжают стремиться к заключению конвенции для защиты нейтральных прав и свободы торговли на основе принципов, изложенных ранее в письме Brenta. Когда же Крюденер заметил, что из содержания этого письма вытекает намерение заключить конвенцию, которая была бы равнозначна «союзу для защиты нейтральной торговли», государственный секретарь указал, что «настоящее правительство не разделяет такой точки зрения». По словам Ван-Бюрена, Соединенные Штаты имеют в виду лишь такое соглашение с Россией, в соответствии с которым обе стороны договорились бы в случае будущих войн о соблюдении определенных принципов нейтрального мореплавания в отношении друг друга. Такая узкая интерпретация будущего соглашения вполне устраивала Крюденера, и обе стороны констатировали свое согласие начать соответствующие переговоры. Поскольку, однако, положение, в котором находились обе страны, «не требовало спешки», никаких конкретных шагов к началу переговоров сделано не было²².

Между тем общая международная обстановка начала существенно меняться. Летом 1829 г. русские войска преодолели Балканский хребет и овладели Адрианополем. Путь к Константинополю был открыт, и Османской Порте пришлось пойти на заключение мирного договора, который был подписан А. Ф. Орловым и

²² См. запись бесед П. А. Крюденера с М. Ван-Бюреном от 4 и 16 апреля 1829 г.—NA, RG 59, Mem. Inter., I, p. 34—37; *F. Ley. Op. cit.*, p. 102—104.

Ф. П. Паленом в Адрианополе 2(14) сентября 1829 г. Относительная умеренность русских требований объяснялась тем, что царское правительство считало более целесообразным сохранить слабую турецкую империю, чем согласиться на ее раздел европейскими державами. По условиям договора к России отошла лишь дельта Дуная, береговая полоса от Анапы до Поти, а также Ахалцихская область. Порта предоставляла свободный проход через Босфор и Дарданеллы как русским, так и иностранным торговым судам, расширяла автономию Сербии и Дунайских княжеств. Предусматривалась и полная внутренняя автономия для Греции, которая в 1830 г. была официально признана независимым государством²³.

Комментируя известие о заключении договора, американский посланник в С.-Петербурге Г. Миддлтон называл его «славным миром», в содержании которого любой беспристрастный наблюдатель может обнаружить лишь то, что является естественным результатом необходимых нужд России. «Среди наиболее примечательных черт договора» он отмечал заботу России о сохранении и расширении автономных прав народов Балканского полуострова и писал, что «ключи от Босфора и Дарданеллов» находятся теперь в руках русского императора. Турецкий султан (букв.— Grand Turk), по словам Миддлтона, будет с этого времени играть роль, которая мало чем отличается от положения «Великого Могола (Grand Mogul) после завоевания англичанами Дели»²⁴.

Учитывая обещание императора сделать все необходимое для того, чтобы обеспечить свободный доступ американских торговых судов в Черное море, посланник по своей собственной инициативе решил обратиться к Нессельроде с официальной просьбой направить русскому поверенному в делах в Константинополе инструкции о содействии переговорам Соединенных Штатов с целью заключения торгового договора с Турцией. Как указывалось в ноте Миддлтона от 19(31) октября

²³ ПСЗРИ (собр. второе), т. 4, стр. 622—633. Подробнее о договоре см.: А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 337—340; И. С. Достян. Указ. соч., стр. 326—330.

²⁴ Г. Миддлтон — М. Ван-Бюрену, 15 (27) октября 1829 г., № 89.— NA, DD, Russia, Vol. XI.

1829 г., американский уполномоченный капитан Биддл может встретить трудности со стороны турецких властей, «находящихся под влиянием держав, которые долгое время пользовались исключительными привилегиями торговли» в бассейне Черного моря. В этой связи посланник просил царское правительство рекомендовать своему дипломатическому представителю в Турции «оказать поддержку справедливым требованиям агента Соединенных Штатов» (*prêter son appui aux justes prétentions de l'agent des États-Unis*)²⁵.

В ответ на это обращение К. В. Нессельроде сообщил, что русскому представителю в Константинополе дано предписание официально поддержать демарши относительно свободного доступа в Черное море торговых судов Соединенных Штатов и «использовать с этой целью все средства, которые ему дают договорные условия между Россией и Турцией» (имелась в виду ст. VII Адрианопольского мира, зафиксировавшая беспрепятственный проход через проливы торговым судам всех стран, «которые находятся в мире с Блистательной Портой»)²⁶.

Сообщая о предпринятом демарше, Г. Миддлтон выражал надежду, что правительство Соединенных Штатов одобрит его действия. Официально ему не было известно и о миссии Дж. Биддла, хотя у него имелись «веские основания» полагать, что американский уполномоченный должен вот-вот прибыть в Константинополь. «Я был совершенно убежден,— писал Миддлтон,— что могу весьма существенно содействовать ее успеху», сообщив о миссии Биддла царскому правительству, «чи взгляды, как я хорошо знаю, благоприятствуют ее целям»²⁷.

Переговоры о заключении торгового договора с Турцией были поручены в сентябре 1829 г. трем уполномоченным: командующему военными судами в Средиземном море капитану Дж. Биддлу, американскому

²⁵ Г. Миддлтон — К. В. Нессельроде, 19 (31) октября 1829 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3245, л. 9.

²⁶ К. В. Нессельроде — Г. Миддлтону, 11 (23) декабря 1829 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 3246; К. В. Нессельроде — П. А. Крюденеру, 14 (26) декабря 1829 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12243. лл. 41—42.

²⁷ Г. Миддлтон — М. Ван-Бюрену, 12 (24) декабря 1829 г., № 90.— NA, DD, Russia, Vol. XI.

консулу в Смирне Д. Офлею и Ч. Ринду, назначенному также консулом Соединенных Штатов в Одессе. Комментируя сообщение, сделанное ему по этому поводу Ван-Бюреном, Крюденер писал: «Торговля Южной России живо интересуется коммерсантов Нью-Йорка, и мне стало известно, что многие из них просили в этой связи понизить тариф на полотна, пеньку, железо и другие товары русского производства»²⁸. Показателем возросшего интереса американцев к этим вопросам явилось, в частности, издание специального «сочинения о черноморской торговле», написанного Дирборном из Бостона. Пересылая в Россию свою работу (*Memoir on the Commerce and Navigation of the Black Sea and the Trade of Turkey and Egypt*). Дирборн писал, что его главная цель заключалась в том, чтобы «привлечь внимание своих соотечественников и американского правительства» к выгодам торговых связей с черноморскими провинциями России²⁹.

Все предшествующие попытки Соединенных Штатов заключить торговый договор с Османской Портой закончились неудачей, лишь Адрианопольский мир создал наконец благоприятную обстановку для достижения соглашения. Во время пребывания в Константинополе весной 1830 г. американский уполномоченный Ч. Ринд вступил в контакт с А. Ф. Орловым и русским посланником в Турции А. И. Рибопьером, а 3 апреля 1830 г. в беседе с турецкими министрами прямо пригрозил прервать переговоры и уехать в С.-Петербург, если Порта и далее будет отказываться предоставить Соединенным Штатам статус наиболее благоприятствуемой нации и свободный доступ в Черное море. Именно эта угроза оказалась решающей, и турецкий султан был вынужден согласиться с американскими предложениями³⁰.

Уже 13 апреля проект договора о торговле и мореплавании был согласован, а 7 мая 1830 г. подписан окончательный текст. Соединенные Штаты получили

²⁸ П. А. Крюденер — К. В. Нессельроде, 31 июля (12 августа) 1829 г., № 28. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12242, л. 192; см. также донесения Крюденера от 29 июля (10 августа), № 26, от 8(20) сентября 1829 г., № 35 и др. — Там же, лл. 180—184, 208, 121—122 и др.

²⁹ П. А. Крюденер — К. В. Нессельроде, 12(24) марта 1830 г., № 3. — АВПР, ф. Канцелярия, 1830 г., д. 293, лл. 228—229; Дирборн — Николаю I, 7 декабря 1829 г. — Там же, лл. 232—233.

³⁰ BFSP, Vol. XIX, p. 387—388.

статус наиболее благоприятствуемой нации и свободный доступ в Черное море³¹. Учитывая дружественную позицию России, Ринд передал копию договора А. Ф. Орлову, а также переслал его текст Миддлтону, с которым все это время поддерживал регулярную переписку³².

В Соединенных Штатах высоко оценили значение Адрианопольского мира и позицию России в отношении свободного доступа торговых судов всех стран в Черное море. Узнав об инструкциях, направленных царским правительством своим представителям в Константинополе, М. Ван-Бюрен выразил П. А. Крюденеру официальную благодарность³³. В донесениях из Вашингтона в сентябре 1830 г. русский поверенный в делах К. Ф. Сакен сообщил о самых благожелательных откликах американской печати на заключение Адрианопольского мира. Газета «Дейли нэшнл интеллидженсер» писала в сентябре 1830 г.: «Именно Россия оказала неоценимую услугу человечеству и цивилизации. Европа и весь мир должны быть ей вечно обязаны; но наши обязательства в отношении России носят особый характер. По своему мирному договору Россия самым бесспорным образом обеспечила нам, как и всем другим странам, свободу судоходства в Босфоре, Дарданеллах и Черном море. Все попытки нашей дипломатии добиться такого благоприятного результата до сих пор терпели неудачу из-за влияния, которое Англия оказывала на турецкое правительство»³⁴. Как отмечал «Америкэн энюал реджистер», «для Николая I было бы столь же легко освятить церковь св. Софии, как Мехмеду II превратить ее в мечеть». В мировой истории было немного примеров той умеренности, которую проявил русский царь, согласившись на подписание мирного до-

³¹ Treaties, Vol. III, p. 541—598.

³² См.: Ч. Ринд — Г. Миддлтону, 10 мая 1830 г.— NA, DD, Russia, Vol. XI (приложение к донесению Миддлтона от 4(16) июня 1830 г., № 94).

³³ См.: П. А. Крюденер — М. Ван-Бюрену, 16(28) апреля, М. Ван-Бюрен — П. А. Крюденеру, 10 мая, П. А. Крюденер — К. В. Нессельроде, 18(30) мая 1830 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1830 г., д. 293, лл. 95—99.

³⁴ К. Ф. Сакен — К. В. Нессельроде, 4(16) сентября 1830 г., № 45 и № 46.— АВПР, ф. Канцелярия, 1830 г., д. 295, лл. 10—13, 21—24; «Daily National Intelligencer», 7.IX 1830.— Там же, лл. 25—28 (фр. перевод).

говора в Адрианополе, соответствовавшего условиям сделанной в начале войны декларации³⁵.

Торговый договор США с Турцией был ратифицирован сенатом 2 февраля 1831 г., за исключением особой, секретной статьи, касавшейся строительства США военных судов для турецкого флота. 18 сенаторов проголосовали за утверждение этой статьи и 27 — против. Как сообщал русский поверенный в делах в Вашингтоне, многие члены сената выражали недовольство тем, что подобное условие было заключено «в ходе переговоров, для успеха которых Россию просили о поддержке и добрых услугах». Отказ конгресса ратифицировать секретную статью Сакен рассматривал как проявление уважения к русскому правительству³⁶.

О значении, которое правительство США придавало отношениям с Россией, можно судить по письму, с которым президент Э. Джексон обратился к Джону Рэндолфу из Роанока (штат Виргиния) 16 сентября 1829 г.: «Должность чрезвычайного посланника и полномочного министра в России скоро станет вакантной, и я очень хочу, чтобы это место было занято одним из наиболее способных и выдающихся наших соотечественников. Огромное и быстро растущее влияние России в мировых делах делает чрезвычайно важным, чтобы наш представитель при этом дворе был бы достойнейшим человеком, и необходимость этого в данный момент сильно возрастает из-за особых обстоятельств. Среди наших государственных деятелей, из числа которых можно было бы сделать правильный выбор, я не знаю никого, кто по своим способностям и опыту в государственных делах... был бы более подходящим для этой цели, чем Вы». Предлагая Рэндолфу пост посланника в России, Джексон отмечал, что испытывает при этом двойное удовлетворение: содействуя государственным интересам, он в то же время осуществляет акт, особенно приятный лично для себя³⁷. Доверительная форма личного обращения

³⁵ «American Annual Register for the Years 1827—8—9», p. 401.

³⁶ Treaties, Vol. III, p. 575; К. Ф. Сакен — К. В. Нессельроде, 14 (26) февраля 1831 г., № 3.— АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 278, лл. 60—62.

³⁷ Э. Джексон — Дж. Рэндолфу, 16 сентября 1829 г.— *A. Jackson. Correspondence*, ed. by J. S. Bassett and J. F. Jameson, 7 Vls. Washington, 1926—1935, Vol. IV, p. 73.

президента и специальный характер миссии произвели, видимо, на Рэндолфа впечатление, и он без особых колебаний решил оставить «частную жизнь» и «снова погрузиться в бурное море федеральной политики»³⁸.

Хотя вопрос о назначении нового посланника принципиально был решен еще в сентябре 1829 г., его отъезд в Россию затянулся вплоть до лета следующего года. Обиженный Г. Миддлтон не внял «частным» советам, переданным через его друзей (полковника Рутледжа и генерала Ван-Нессе), и не хотел по собственной инициативе просить президента об отзыве из С.-Петербурга. Государственному секретарю не оставалось другого выхода, кроме официального извещения о назначении Дж. Рэндолфа его преемником³⁹. В спешке при закрытии очередной сессии конгресса забыли выделить средства, предназначавшиеся для переезда и устройства посланника в С.-Петербурге (для этой цели выделялось обычно годовое жалование дипломата, что в данном случае составляло 9 тыс. долл.). Не находя возможности без разрешения конгресса выделить столь значительную сумму из других источников и желая избежать дальнейших отсрочек, президент предложил выписать счет на свое имя с оплатой около 1 января следующего года. Джексон подчеркивал, что он весьма заинтересован в том, чтобы Рэндолф прибыл к месту своего назначения в срок и имел возможность выпол-

³⁸ Дж. Рэндолф — Э. Джексону, 24 сентября 1829 г. — LC, *Diary of John Randolph Clay*, p. 40; *W. C. Bruce. John Randolph of Roanoke, 1773—1833*, 2 Vols. New York, 1922, Vol. I, p. 635. Сообщая о назначении нового посланника в России, Крюденер также переслал в Петербург памфлет о Рэндолфе, написанный Р. Рашем. Русский дипломат характеризовал Рэндолфа как богатого, остроумного и влиятельного в Виргинии человека, имеющего в стране много врагов. Из донесений Крюденера видно, что Ван-Бюрен ознакомил его с проектом письма президента и отметил в этой связи стремление США укрепить свои связи с Россией (см.: П. А. Крюденер — К. В. Нессельроде, 9 (21) сентября 1829 г., № 36, 23 сентября (5 октября) 1829 г., № 41. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 12242, лл. 237—244 и др.; *John Randolph Abroad and at Home*, by Julius [Richard Rush]. Washington, 1828).

³⁹ *The Autobiography of Martin Van Buren*, ed. by J. C. Fitzpatrick. — «Annual Report of the American Historical Association for the Year 1918». Washington, 1920, Vol. II (далее: *M. Van Buren. Autobiography*), p. 419; М. Ван-Бюрен — Г. Миддлтону, 16 июня 1830 г., № 12. — NA, DI, AC, Vol. XIII, p. 171—172.

нить задачи миссии ко времени подготовки годового послания конгрессу ⁴⁰.

Растроганный вниманием, посланник без колебаний ответил, что использование его личных средств для государственных интересов не будет большой жертвой, «поскольку другие рисковали потерять за свою страну состояние и жизнь». Одновременно виргинский плантатор решил воспользоваться удобным случаем и попросил президента разрешить ему «провести зиму на юге Европы», при условии, что государственные интересы от этого не пострадают ⁴¹.

Карандашная резолюция Джексона на письме свидетельствует, что президент сразу же распорядился удовлетворить данную просьбу. Позднее это нашло отражение и в специальном дополнении к официальным инструкциям от 18 июня 1830 г. Ведение текущих дел возлагалось в отсутствие посланника на секретаря миссии, которым по предложению Рэндолфа был назначен Джон Рэндолф Клей ⁴². «Я полностью полагаюсь на принципы, мораль и политические убеждения м-ра Клея и его способность справиться со своими обязанностями», — писал Рэндолф государственному секретарю и, надо признать, в общем не ошибся. Вся дальнейшая жизнь его молодого протеже оказалась связанной с дипломатической службой ⁴³.

Известие о посылке Дж. Рэндолфа с дипломатической миссией в Россию буквально ошеломило современников и до сих пор продолжает удивлять историков, включая самых доброжелательных биографов знаменитого виргинца. Ученые-историки, современники и биографы Рэндолфа практически единодушны в том, что он абсолютно не подходил для дипломатической службы. «Выбор Рэндолфа для миссии в Россию, — заметил проф. Б. П. Томас, — был совершенно неразумным. Вспыльчивый характер, язвительная речь, слабость здоровья (букв. — немощь тела) и деликатное психическое состоя-

⁴⁰ Э. Джексон — Дж. Рэндолфу, 3 июня 1830 г. — *A. Jackson. Correspondence, Vol. IV, p. 142.*

⁴¹ Дж. Рэндолф — Э. Джексону, 8 июня 1830 г. — *Ibid., p. 144.*

⁴² *W. C. Bruce. Op. cit., Vol. I, p. 636; М. Ван-Бюрен — Дж. Рэндолфу, 18 июня 1830 г., № 2. — NA, DI, AC, Vol. XIII, p. 156—157; М. Ван-Бюрен — Дж. Р. Клею, 18 июня 1830 г. — Ibid., p. 173—175.*

⁴³ Дж. Рэндолф — Ван-Бюрену, 28 мая 1830 г. — *NA, DD, Russia, Vol. XII.*

ние делали его полностью непригодным для дипломатического поста»⁴⁴. Даже такой благожелательный и авторитетный биограф Рэндолафа, как Уильям Брус, не мог в конечном итоге не прийти к заключению, что эксцентричный виргинец (учитывая к тому же все ухудшавшееся состояние его здоровья) не должен был назначаться на пост посланника в Россию⁴⁵. По выражению другого биографа, Рэндольф примерно так же подходил для дипломатии, «как кузнец для вышивания»⁴⁶.

Естественно возникает вопрос, что же послужило основанием для правительства США остановить свой выбор на столь необычной кандидатуре и заменить Г. Миддлтона человеком, который на протяжении всей своей жизни не имел ни малейшего понятия о дипломатии как в прямом, так и в переносном смысле слова? Серьезных оснований для отзыва Миддлтона в общем не имелось, если не считать слишком долгого срока его пребывания на посту посланника в С.-Петербурге. Определенное влияние на решение правительства США могла оказать ссора Миддлтона с секретарем американской миссии в С.-Петербурге Б. Уаттом, который был уязвлен унижительным приемом, оказанным ему в доме посланника осенью 1828 г. В письмах Ван-Бюрену Уатт жаловался на «аморальные привычки» Миддлтона, а также его аристократические симпатии⁴⁷. К своему несчастью, Г. Миддлтон был назначен еще при правительствах Дж. Монро и Дж. К. Адамса, и в конечном итоге в связи с приходом к власти новой администрации вопрос о его отзыве оказался предрешенным.

Любопытно, что идея об отправке Рэндолафа с дипломатической миссией в С.-Петербург пришла в голову такому многоопытному политику, как Мартин Ван-Бюрен. «Говорят, он великий волшебник, — заметил о Ван-Бюрене Джексон, — но его магическим жезлом движет только здравый смысл, направленный в интересах отечества»⁴⁸.

⁴⁴ B. P. Thomas. *Russo-American Relations 1815—1867*. Baltimore, 1930, p. 70.

⁴⁵ W. C. Bruce. *Op. cit.*, Vol. II, p. 651.

⁴⁶ G. W. Johnson. *Randolph of Roanoke: a Political Fantastic*. New York, 1929, p. 258.

⁴⁷ Б. Уатт — М. Ван-Бюрену, 27 декабря 1829 г., 3 марта 1830 г. — NA, DD. *Russia*, Vol. XI. Подробнее см.: H. E. Bergquist, Jr. *Op. cit.*, p. 651—672.

⁴⁸ A. Holmes. *The American Talleyrand*. New York, 1968, p. 262.

Мы не собираемся ставить под сомнение «здравый смысл» и организаторские способности «волшебника Вана», но в случае с Дж. Рэндолфом он явно перемудрил. Обосновывая свое неожиданное предложение, «американский Талейран» напомнил Джексону, что желчный виргинец сумел посориться со всеми предшествующими президентами начиная от Т. Джефферсона и кончая Дж. К. Адамсом. Правда, с новоизбранным президентом Рэндолф находился в самых наилучших отношениях, но это, разумеется, не могло служить достаточной гарантией на будущее. Не исключена возможность, что в Вашингтоне просто хотели на некоторое время избавиться от опасного смутьяна, могущего по любому поводу и без всякого повода начать кампанию против администрации, приходу к власти которой он сам немало содействовал. Назначение Рэндолфа на почетный дипломатический пост и отправка в далекий С.-Петербург в этом смысле могли показаться не такой уж нелепой идеей. Впрочем, об этом «хитрый Ван» только намекнул, обратив внимание на постоянные ссоры Рэндолфа с президентами. В качестве официального мотива он указывал на свою заботу о том, чтобы в глазах потомков Рэндолф не остался «непрактичным и бесполезным человеком». Хотя дипломатический пост не подходил для раздражительного виргинца, Ван-Бюрен полагал, что в С.-Петербурге ему не удастся принести особого вреда. «Наши отношения с этим правительством просты и дружественны, и если окажется, что мы совершили ошибку в выборе посланника, это не принесет большого вреда»⁴⁹.

В американских газетах уже летом 1830 г. начали иронизировать, что никто не может с большим правом, чем Рэндолф, претендовать на определение «чрезвычайный посланник»⁵⁰. Можно добавить, что к новому посланнику вполне подходила и вторая часть его «титула» — «полномочный министр». Рэндолф получил не только самые широкие полномочия для ведения дипломатических переговоров, но и право по собственному усмотрению сменить суровый русский климат на теплую зиму Южной Европы.

⁴⁹ *M. Van Buren. Autobiography, p. 419.*

⁵⁰ «*Weekly Register*», Vol. XXXVIII, July 3, 1830 (from *National Gazette*).

Специального внимания заслуживают детальные инструкции М. Ван-Бюрена от 18 июня 1830 г., посвященные основным задачам миссии Рэндолфа⁵¹. Напомнив в общих чертах историю взаимоотношений России и Соединенных Штатов, позицию, занятую Екатериной II во время войны за независимость, а также предложение посредничества Александра I в англо-американской войне 1812 г. и т. д., государственный секретарь поручил Рэндолфу сразу же заверить русского царя в том, что президент Джексон всеми средствами стремится увековечить дружественные отношения между обеими странами. Главные цели миссии состояли в этой связи в заключении 1) договора или конвенции о торговле и мореплавании и 2) соглашения о правах и обязанностях воюющих государств и нейтралов в случае, если одна из сторон окажется в состоянии войны с третьей державой.

Касаясь первого договора, Ван-Бюрен отмечал, что начиная с 1815 г. Соединенные Штаты отменили все торговые ограничения в отношении судов и товаров тех стран, которые согласились распространить такие привилегии на американские произведения и корабли в своих портах. Эта система получила развитие в соответствующих постановлениях 1824 и 1828 гг. и торговых договорах, заключенных США со многими европейскими и американскими странами (Данией, Швецией, Бразилией, Центральной Америкой, Ганзейскими городами и, наконец, совсем недавно с Австрией и Пруссией). Именно эти последние соглашения Ван-Бюрен рекомендовал Рэндолфу взять за основу при заключении договора с Россией.

Государственный секретарь признавал, что и без договора торговля между Россией и США развивалась без особых препятствий. В русских портах не существовало серьезных дискриминационных пошлин, направленных против иностранных купцов и судовладельцев. Единственным исключением, по мнению Ван-Бюрена, было правило, по которому русские суда уплачивали портовую пошлину (*tonnage duty*) только раз в год, тогда как иностранные корабли платили ее каждый раз, когда при-

⁵¹ М. Ван-Бюрен — Дж. Рэндолфу, 18 июня 1830 г., № 2.— NA, DI, AC, Vol. XIII, p. 127—157.

ходили в данный порт. Впрочем, когда правительство США в 1825 г. поставило этот вопрос, то получило резонный ответ, что американские суда из-за дальности расстояния и краткости навигации на практике не появляются в балтийских портах более одного раза. Поскольку в государственный департамент в то время не поступало по этому поводу каких-либо жалоб, Соединенные Штаты не настаивали на отмене упомянутой пошлины, хотя и выразили пожелание, чтобы в будущем царское правительство установило бы равенство «как по существу, так и по форме».

Если ранее США были в общем удовлетворены естественным ходом своих торговых отношений с Россией, то к началу 30-х годов XIX в. появились некоторые обстоятельства, которые, по признанию Ван-Бюрена, придали этой проблеме новое значение и усилили желание президента заключить официальное торговое соглашение на основе принципа наибольшего благоприятствования. По мере расширения торговых связей возрастала и заинтересованность американских купцов и судовладельцев в существовании твердых договорных гарантий, которые исключали бы возможность установления каких-либо дискриминационных пошлин. «До тех пор пока система торговли должна подлежать сепаратному законодательству, зависящему от самостоятельной воли правительства, от неустойчивой и колеблющейся политики кабинетов и министров, — указывал государственный секретарь, — она остается подверженной непрерывным колебаниям и неопределенности, всегда пагубным для торгового предпринимательства». Ван-Бурен предвидел, в частности, что в случае заключения договора может произойти и некоторое изменение в характере и частоте посещений России американскими торговыми судами. Так, участие кораблей Соединенных Штатов в посреднической торговле между Швецией, Данией, Ганзейскими городами, Пруссией (не говоря уже об атлантических портах Северной Европы) и Россией могло привести к тому, что балтийские порты стали бы посещаться судами США по несколько раз в год.

Стремление Соединенных Штатов к заключению торгового договора особенно возросло в связи с перспективой участия американцев в черноморской торговле. «Договор, заключенный нами в настоящее время при благо-

приятном содействии императора (under favorable auspices of the Emperor) с Оттоманской Портой...,— писал Ван-Бюрен,— откроет для нашего торгового флота сферу деятельности, которая до сих пор не использовалась нашими предприимчивыми мореплавателями. Для нас, таким образом, это будет новая торговля: ее выгоды несомненны, а размеры — неизвестны». Государственный секретарь был уверен, что при условии «справедливой конкуренции» предприимчивые американцы всегда смогут одержать верх над любыми соперниками. Корабли США будут осуществлять посредническую торговлю между богатыми черноморскими владениями России и странами бассейна Средиземного моря, Южной Европой, Африкой и Азией. Подчеркивая «сильное желание» Соединенных Штатов преодолеть прежнюю неприязнь России к заключению торговых договоров, Ван-Бюрен указывал, что «новые выгоды, вытекающие из открытия Черного моря», никогда не могут быть должным образом обеспечены только путем обычных постановлений.

В результате тщательного рассмотрения вопроса президент пришел к убеждению, что договор о торговле и мореплавании был бы одновременно «самым простым и наиболее действенным средством для полного развития новых коммерческих ресурсов Российской империи и справедливого участия в этих выгодах нашего собственного купечества». Ведя переговоры в С.-Петербурге, Рэндолфу надлежало действовать быстро, но с особой осторожностью, учитывая, что русское правительство уже неоднократно высказывало свое отрицательное отношение к заключению формального договора.

Второй важной задачей миссии Рэндолфа было заключение с Россией соглашения политического характера — так называемой морской конвенции, или конвенции о морских правах (Convention Respecting Maritime Rights). Как и в случае с торговым договором, Ван-Бюрен излагал всю историю вопроса о морских правах начиная с войны США за независимость и образования лиги вооруженного нейтралитета. Принципы, провозглашенные в 1780 г., полностью соответствовали стремлениям Соединенных Штатов с первых дней их независимого существования. Хотя все предшествующие попытки американцев склонить Россию к формальному заключению конвенции о морских правах практических резуль-

татов не дали, Ван-Бюрен полагал, что в новых условиях царское правительство отнесется к этому предложению более благожелательно. Ссылаясь на обмен нотами и беседы, происходившие в Вашингтоне в 1828—1829 гг. с русским посланником П. А. Крюденером, государственный секретарь приходил к выводу о «готовности обоих правительств вступить в переговоры для заключения конвенции», в которой были бы определены принципы нейтрального мореплавания в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется в состоянии войны.

В качестве основы для переговоров к инструкции прилагался проект конвенции о морских правах, состоявший из 26 статей⁵². В особой, вводной статье провозглашались некоторые общие принципы и, в частности, указывалось, что «свободные корабли дают свободу товарам и что собственность воюющих сторон на борту нейтральных судов, исключая военную контрабанду, является свободной».

В целом американский проект конвенции повторял хорошо известные принципы вооруженного нейтралитета и соответствовал предложениям, которые уже выдвигались Соединенными Штатами ранее. Следует, однако, отметить, что в проекте 1824 г. содержалось важное положение об уничтожении каперства, в связи с чем торговые суда и их грузы, принадлежавшие гражданам воюющих держав, не подлежали захвату во время войны. В проекте 1830 г. это положение отсутствовало, поскольку правительство США не считало целесообразным ограничивать средства ведения войны своим небольшим военно-морским флотом и стремилось сохранить в случае необходимости возможность снаряжения каперов⁵³.

Хотя содержание конвенции не выходило за рамки уже известных принципов, ее заключение представляло бы очевидный вызов Великобритании. Впрочем, это не очень смущало Соединенные Штаты, которые в случае поддержки России рассчитывали ограничить произвол своего могущественного соперника на море. Государственный секретарь выражал уверенность, что последовательное увеличение вооруженных сил США вместе с новыми возможностями, которые открывают для русского

⁵² NA, DI, AC, Vol. XIII, p. 157—171; АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 87, лл. 3—29.

⁵³ NA, DI, AC, Vol. XIII, p. 151.

флота «завоевания на востоке», должны вскоре предоставить обеим странам преобладающее влияние в морских делах, способное преодолеть сопротивление тех держав, чьи взгляды могут не совпадать с политикой России и Америки. «Если в будущем им придется вновь выступить на защиту нейтральных прав и свободы морей, то их объединенные морские силы... дадут силу и влияние, достаточные для поддержания принципов, которые они провозгласят и справедливость утверждения которых предоставляет международное право» (The Law of Nations) ⁵⁴.

Наряду с официальными инструкциями Дж. Рэндолф получил также «частный меморандум» Ван-Бюрена, в котором содержались некоторые дополнительные советы по поводу действий нового американского посланника в С.-Петербурге. Ему поручалось изучить русские постановления, относящиеся к внешней торговле, для того чтобы проверить правильность сообщенных ему сведений. Что касается основных задач его миссии, то правительство США не предвидело особых трудностей. Как отмечал Ван-Бюрен, нет «никаких положительных причин», по которым Россия могла бы возражать против заключения торгового договора. «Пожалуй, никогда не было другого примера, когда две страны были бы столь согласны в торговой политике, как Соединенные Штаты и Россия, или чьи действия в этом отношении имели такое большое сходство». По мнению государственного секретаря, Россия стремилась к достижению соглашения и в вопросе о морской конвенции. Единственно, в чем Рэндолфу надо было проявить настойчивость,— это заставить царское правительство согласиться подписать соответствующие договоры как можно скорее, с тем чтобы президент имел возможность сообщить об этом в годовом послании конгрессу, что оказало бы влияние на Англию, если последняя еще не пойдет к этому времени на урегулирование вопроса о торговле с британской Вест-Индией. По расчетам Ван-Бюрена, специальный курьер должен отправиться из С.-Петербурга в Америку не позднее первой декады октября. «Русский министр,— указывал государственный секретарь,— деловой человек, и если его можно будет заставить взглянуть на этот

⁵⁴ NA, DI, AC, Vol. XIII, p. 154—155.

вопрос в том свете, который мы считаем правильным, то я убежден, что он охотно согласится с Вашими взглядами. Шесть недель в подобных условиях были бы так же достаточны для переговоров, как и шесть месяцев»⁵⁵.

Перед отъездом в Россию Рэндолф был снабжен не только детальными инструкциями и широкими полномочиями, но и многочисленными материалами, включая полный комплект знаменитого еженедельника Найлса в 35 томах, собрание законов США в 8 томах, разнообразные официальные публикации, документы конгресса и т. д. Роанокский плантатор захватил с собой трех негров-рабов для личных услуг, несколько бочек вина, гигантский запас продовольствия, а также массу других нужных и ненужных вещей, включая кофейную мельницу⁵⁶. Можно смело сказать, что ни один из предшествующих американских посланников не отправлялся в Россию с таким огромным багажом как личного, так и официального характера. Для доставки Рэндолфа и его багажа в С.-Петербург был выделен специальный военный корабль «Конкорд» под командованием знаменитого впоследствии капитана М. Перри, а на проводы в Норфолк прибыл государственный секретарь М. Ван-Бюрен, лично передавший новому посланнику как письменные, так и устные инструкции⁵⁷.

Накануне отъезда в честь именитого дипломата был устроен торжественный обед, на котором присутствовало более 80 гостей. Сам Рэндолф выглядел очень довольным, а Ван-Бюрен не сомневался в том, что миссия в С.-Петербурге обещает быть успешной⁵⁸.

После длительного и трудного морского путешествия вечером 9 августа 1830 г. военный корабль «Конкорд» с Рэндолфом на борту прибыл в Кронштадт. На следующее утро нового американского посланника приветство-

⁵⁵ М. Ван-Бюрен — Дж. Рэндолфу, Норфолк, 20 июня 1830 г. — NA, DI, AC, Vol. XIII, p. 191—193 (Private Memorandum for Mr. Randolph).

⁵⁶ М. Ван-Бюрен — Дж. Рэндолфу, 18 июня 1830 г., № 1. — Ibid., p. 118—127. Список багажа Рэндолфа, помеченный 24 июня 1830 г., см.: LC, Randolph Papers.

⁵⁷ M. Van Buren. *Autobiography*, p. 420; S. E. Morison. «Old Bruin». *Commodore Matthew G. Perry, 1794—1858*. Boston, 1967.

⁵⁸ «Weekly Register», Vol. XXXVIII, July 3, 10, 1830; M. Van Buren. *Autobiography*, p. 420.

вали губернатор Кронштадта адмирал Рожков и начальник порта Васильев. Под гром орудийного салюта Рэндолф пересел на небольшое паровое судно и отправился в С.-Петербург, где с письмом от Миддлтона его встречал американский консул А. П. Гибсон. Сам Миддлтон незадолго до этого уехал из России. Еще в Элсиноре Рэндолф узнал, что в столице отсутствует и русский министр иностранных дел К. В. Нессельроде, уехавший в Карлсбад. Вместо него для ведения текущих дел в С.-Петербург был вызван из Лондона князь Х. А. Ливен⁵⁹.

Не теряя времени Дж. Рэндолф немедленно известил временного главу русского МИД о своем приезде и попросил назначить время для встречи⁶⁰. В соответствии с договоренностью их первая встреча состоялась 12 августа 1830 г. Извинившись за ошибку в официальном обращении к Ливену (*viz Excellency for Highness*), Рэндолф просил князя учесть, что это была его первая «проба пера», или, точнее, первый шаг в дипломатии. Впрочем, эта ошибка оказалась, как мы увидим, далеко не последней.

Самым любопытным было, пожалуй, то, что уже во время первой встречи Рэндолф передал Ливену не только копии своей верительной грамоты и полномочий, но и ...детальных инструкций М. Ван-Бюрена от 18 июня 1830 г.!⁶¹ Новый американский посланник напомнил, что «со времен прославленной Екатерины» Россия и Соединенные Штаты были едины в отношении морских прав и принципов. Их интересы «аналогичны, если не одинаковы». Между ними не существует соперничества, а идет «дружественное соревнование в том, какая из этих стран быстрее заселит» свои необъятные дикие пространства и преобразует землю. У Ливена, разумеется, не было никаких оснований для возражений, и он с готовностью

⁵⁹ Дж. Рэндолф — М. Ван-Бюрену, 7 (19) августа 1830 г., № 2, Г. Миддлтон — Дж. Рэндолфу, 22 июля (3 августа) 1830 г.— NA, DD, Russia, Vol. XII; Г. Миддлтон — М. Ван-Бюрену, 15 (27) июля 1830 г., № 95.— Ibid., Vol. XI; Г. Миддлтон — П. Г. Дивову, 21 июля (2 августа) 1830 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1830 г., д. 308, л. 3.

⁶⁰ Дж. Рэндолф — Х. А. Ливену, 29 июля (10 августа) 1830 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1830 г., д. 309, л. 26.

⁶¹ М. Ван-Бюрен — Дж. Рэндолфу, 18 июня 1830 г.— Там же, лл. 96—145.

выразил свое согласие с дружественными излияниями экспансивного виргинца.

Зато когда речь зашла об июльской революции во Франции, единства взглядов ожидать было уже невозможно. Не имея еще каких-либо официальных сведений, Дж. Рэндолф осведомился у Х. А. Ливена о «серьезных беспорядках в Париже», и тот сразу же подтвердил их достоверность (первые вести о событиях во Франции поступили в русскую столицу 30 июля (11 августа), т. е. через 16 дней после начала революции в Париже)⁶². Забыв, видимо, что он находится в столице Российской империи на приеме у царского сановника, а не в кулуарах американского конгресса, Дж. Рэндолф заметил, что «государя в какой-то мере не могут идти в ногу со временем, когда они царствуют». Ссылаясь на пример Петра Великого, «который знал, как соединить умеренность с успехом», посланник высказал убеждение в том, что некоторые уступки общественному мнению «совершенно необходимы для успешного ведения дел при любой форме правления, но более всего при реставрации — самой худшей из всех возможных». Х. А. Ливен, по-видимому, оставил замечание Рэндолфа без ответа (во всяком случае в донесении посланника об этом ничего не сообщается). Зато они быстро договорились о предстоящем представлении императору, и Рэндолф ушел, полностью удовлетворенный оказанным ему приемом, хотя и с сознанием, что допустил со своей стороны определенные политические промахи (political misgivings)⁶³.

Последовавшая за встречей с Ливеном неделя оказалась решающей для судьбы миссии Дж. Рэндолфа в С.-Петербурге. Во всяком случае в цитировавшемся донесении Ван-Бюрену от 7 (19) августа 1830 г. Рэндолф вполне определенно сообщал, что у него нет надежды на выполнение задачи, которую поставил перед ним президент Джексон. «Время посева, как и время уборки, прошли еще до того, как «Конкорд» покинул бухту» (had got out of soundings), — писал Рэндолф и

⁶² О. В. Орлик. Россия и Французская революция 1830 года. М., 1968, стр. 37, 170; она же. Передовая Россия и революционная Франция. М., 1973, стр. 109.

⁶³ Дж. Рэндолф — М. Ван-Бюрену, 7 (19) августа 1830 г., № 2, — NA, DD, Russia, Vol. XII.

отмечал далее, что причина его неудачи — это неоправданная задержка с приездом в Россию. Отъезд Нессельроде и назначение Ливена, по его словам, «положили конец всем разумным надеждам на успех»⁶⁴.

Немалую роль в столь пессимистической оценке положения, по всей видимости, сыграли переутомление, непривычные климатические условия, а также особенности характера вспыльчивого и нетерпеливого виргинца. Следует иметь в виду, что в этот критический период он оказался к тому же практически без своих помощников. Дж. Р. Клей и личный слуга Дж. Рэндолфа прибыли в С.-Петербург буквально «полуживыми» (*more dead than alive*). Особенно удручали посланника казавшаяся неминуемой потеря его слуги — «верного Джубы», а также приближение суровой русской зимы. Опасаясь дизентерии и других желудочных заболеваний (в России в то время свирепствовала холера), Рэндолф почти ничего не ел. Тонкий ломтик поджаренного виргинского бекона с хлебом и чашкой кофе на завтрак, черствый кусок хлеба и стакан вина вместо обеда — таков был более чем скромный рацион человека, находившегося в состоянии чрезвычайного напряжения. Не удивительно поэтому, что даже к десятому дню пребывания в С.-Петербурге все помыслы Рэндолфа сводились к тому, как бы скорее воспользоваться предоставленным ему правом и «вовремя покинуть эту более чем мрачную (*stygian*) атмосферу и избежать жестокость арктической зимы». В первом «частном и конфиденциальном» письме из С.-Петербурга президенту Рэндолф уже не скрывал свое-

⁶⁴ *Ibidem*. Позднее, оправдывая свою неудачу в России, Рэндолф писал президенту Джексону, что после июльской революции во Франции ему вообще не следовало появляться в С.-Петербурге. «Задержка, связанная с жалкой интригой для спасения чувств Миддлтона, уничтожила все надежды на успех». Если бы не произошло этой задержки, то Рэндолф был уверен, что вернулся бы домой «с договором в кармане» или послал бы его президенту со специальным курьером, уехав из России еще до того, как «известия о трех днях июля пришли в С.-Петербург... Правда заключается в том, что если бы, находясь в Северном море, я знал, что происходит во Франции,— указывал Рэндолф,— то мне не надо было видеть Балтику». В другом письме президенту в марте 1832 г. он решительно утверждал, что из «всех европейских держав Россия вне всяких сомнений самая недружественная» к Соединенным Штатам (см.: Дж. Рэндолф — Э. Джексону, 18 марта и 28 марта 1832 г.— *A. Jackson. Correspondence*, Vol. IV, p. 419, 426).

го желания поскорее вернуться в США, чтобы занять «место в конгрессе следующего созыва». Вместе с тем он не прочь был получить пост американского посланника в Лондоне или Париже. «Я дал бы 20 тыс., чтобы сейчас там оказаться. Я нахожусь в Бастилии, отгороженной деспотизмом от окружающего мира»⁶⁵.

Здесь мы подошли, пожалуй, к самому важному источнику кризиса, который переживал легко возбудимый южанин, окруженный суровой тишиной и холодным великолепием столицы Российской империи. В литературе много писалось о «тишине деспотизма» (the calm of despotism), которая царила в России в 30-е годы XIX в. Обычно при этом ссылались на известное письмо Дж. Бьюкенена президенту Э. Джексону в июне 1832 г.⁶⁶ Действительно, эта мысль получила у Бьюкенена достаточно ясное и полное выражение, что, впрочем, не мешало ему найти общий язык как с К. В. Нессельроде, так и с самим Николаем I, о котором он неоднократно высоко отзывался. С не меньшим основанием на открытие «тишины деспотизма» в России мог претендовать и его предшественник на посту посланника в С.-Петербурге, в связи с чем мы позволим себе привести отрывок из письма Рэндолфа лондонскому коллеге Л. Маклейну:

«Цель этого письма состоит в том, чтобы информировать м-ра Маклейна, что все здесь — «тишина деспотизма», как сказал бы м-р Джефферсон. М-р Рэндолф *изолирован (isolé)*, оторван от любой информации. Он просит Маклейна просветить его о событиях, происходящих во Франции и Англии. Здесь говорят (я не располагаю ничем, на чем можно основываться, кроме *говорят*), что ни одному кораблю под трехцветным флагом не будет разрешено войти в порт и ни одному французу нельзя будет приехать в пределы этой империи. Все газеты перехватываются и запрещаются. То же относится к письмам, за исключением деловых»⁶⁷.

⁶⁵ Дж. Рэндолф — Э. Джексону, 22 августа 1830 г.— *A. Jackson Correspondence*, Vol. IV, p. 174.

⁶⁶ Дж. Бьюкенен — Э. Джексону, 22 июня 1832 г.— *J. Buchanan Works*, 12 Vls. Philadelphia, 1908. Vol. II, p. 199.

⁶⁷ Дж. Рэндолф — Л. Маклейну, 10 (22) августа 1830 г. (аналогичное письмо в тот же день было отправлено и У. Райвзу в Париж).— *NA, DD, Russia*, Vol. XII. Действительно 2 (14) августа Николай I запретил въезд в Россию французским подданным, а 5 (17) ав-

Подобные высказывания делают честь гражданским чувствам и убеждениям Рэндолфа, но они явно неуместны для дипломата, который был послан в Россию добиваться заключения важных политических и торговых соглашений.

Примерно аналогичные высказывания содержались и в цитированном выше первом и последнем официальном донесении Рэндолфа из С.-Петербурга от 7(19) августа 1830 г. «Я нахожусь в состоянии полной блокады, в карантине, оторванный от всякого сношения с внешним миром, не имея возможности совершить прогулку (to make a sally). В душе я не сомневаюсь, что мои письма перехватываются правительством. Я *знаю*, что так обстоит дело с моими газетамн...», — панически писал Рэндолф и приходил далее к выводу, что последние события во Франции нанесли решающий удар его миссии (have given the coup de grace to my mission).

Касаясь общего политического положения в стране, американский посланник отмечал: «Деспотизм всегда труслив и слаб. Царствующему самодержцу едва удалось спастись (The reigning Autocrat has had a narrow escape). Если бы последние события во Франции произошли немного раньше (где-то в конце первой турецкой кампании), я почти не сомневаюсь, что его постигла бы судьба некоторых из его предшественников». Все более очевидной становилась для Рэндолфа и перспектива «всеобщей войны» в Европе, конфликт принципов «свободного правительства и деспотизма»⁶⁸.

Мы видим, таким образом, что в течение первых двух недель своего пребывания в царской столице впечатлительный виргинец сделал ряд интересных и тонких наблюдений, но одновременно до чрезвычайности сгустил краски в отношении трагического и безвыходного положения, в котором он оказался. В С.-Петербурге в то время находилось множество иностранных дипломатов, и все они так или иначе справлялись с осуществлением своих функций. До приезда Рэндолфа в России

густа 1830 г. кронштадтский военный губернатор получил приказ не допускать в порт ни одного французского корабля (см.: *О. В. Орлик. Россия и Французская революция 1830 года*, стр. 172—173).

⁶⁸ Дж. Рэндолф — М. Ван-Бюрену, 7 (19) августа 1830 г., № 2.— NA, DD, Russia, Vol. XII.

почти 10 лет находился Миддлтон, и ему никогда не приходилось рассылать во все концы панические письма. Многие из того, о чем писал Рэндолф, было, конечно, вполне справедливым, но он должен был отдавать себе отчет в том, что находился в царской столице, а не в Роаноке, Филадельфии или даже Лондоне.

Панический тон официального донесения в Вашингтон и особенно частных писем президенту Джексоу, а также Л. Маклейну и У. Райвзу от 10(22) августа дает все основания полагать, что Рэндолф переживал в эти дни серьезный моральный кризис, усугублявшийся непривычной обстановкой и общим расстройством его слабого здоровья. Существование в России жесткой цензуры давно уже было общеизвестным фактом. Но столь же очевидно, что на дипломатическую почту она официально не распространялась и сравнение с Бастилией звучало явным преувеличением. В ответ на соответствующий демарш Рэндолфа Ливен сообщил, что почтовому ведомству предложено «передавать миссии Соединенных Штатов Америки все посылки, письма и газеты, которые поступят в ее адрес». При этом Ливен иронически добавил, что если до сих пор никакой подобной корреспонденции не было получено, то виновата не петербургская почта, а, по всей видимости, просто «ничего не пришло в адрес г-на Рэндолфа»⁶⁹.

Кульминационным пунктом пребывания американского дипломата в С.-Петербурге было его представление Николаю I и императрице. По поводу царской аудиенции существует такое множество легенд, что для их подробного критического анализа потребовалось бы, вероятно, написание специальной работы. Сейчас, однако, в этом нет особой необходимости. И архивные, и опубликованные источники вполне определенно свидетельствуют о том, что Рэндолф не обращался к царю со словами: «Как дела, император?», «Как чувствуете себя, мадам?» — и не падал на колени перед императрицей. Разного рода непроверенные слухи и юмористические рассказы о поведении экспансивного южанина в царской столице долгое время служили предметом развлечения

⁶⁹ Х. А. Ливен — Дж. Рэндолфу, 8 (20) августа 1830 г. — NA, DD, Russia, Vol. XII.

читателей американских газет, а также поводом для критики правительства Джексона ⁷⁰.

Исследователи и биографы Рэндолфа давно уже опровергли тщетные домыслы и анекдоты о нелепых выходках американского посланника при царском дворе и привели в этой связи значительное число авторитетных документальных свидетельств ⁷¹. Ряд материалов в защиту Рэндолфа поместила в свое время известная виргинская газета «Ричмонд инкуайер». Наиболее существенным среди них было письмо в редакцию Дж. Р. Клея, в котором секретарь американской миссии опровергал возводимые на его шефа обвинения ⁷² Касаясь представления царю, сам Рэндолф в донесении Ван-Бюрену от 14 октября 1830 г. писал: «Ничего не может быть лучше. Любезность и снисходительность императора и императрицы превзошли мои самые большие надежды и ожидания». Из ярого республиканца посланник превратился даже в поклонника Николая I, который, по его словам, стал «первым монархом Европы» и самым образцовым джентльменом, а императрица — «первой леди» королевства ⁷³.

Решительно опроверг сообщения об экстравагантных выходках американского дипломата в присутствии императорской особы и Вашингтон Ирвинг, основывавшийся при этом на своих беседах с Рэндолфом в октябре 1830 г., а также на отзывах Х. А. Ливена. Знаменитый писатель, однако, не сомневался, что в целом Рэндолф оставил после себя впечатление «редкостного чудака» (a rare bird) ⁷⁴.

⁷⁰ «Weekly Register», Vol. XXXIX, October 30, November 6, 13, 27, 1830 и др. Ряд газетных сообщений, в том числе статью из «N. Y. Journal of Commerce», переслал из США Сакен (см.: К. Ф. Сакен — К. В. Нессельроде, 24 октября (5 ноября) 1830 г., № 52.—АВПР, ф. Канцелярия, 1830 г., д. 295, лл. 52—54).

⁷¹ *H. A. Carland. The Life of John Randolph of Roanoke.* New York, 1850, Vol. II, p. 337—342; *W. C. Bruce. Op. cit., Vol. I,* p. 638—646.

⁷² «Richmond Enquirer», 9, 12, 19, 23.XI 1830, а также письмо Дж. Р. Клея от 17 января 1831 г.—LC, Randolph Papers.

⁷³ Дж. Рэндолф — М. Ван-Бюрену, Лондон, 14 октября 1830 г.—NA, DD, Russia, Vol. XII; см. также: Дж. Рэндолф — Э. Джексону, 29 сентября 1830 г.—*A. Jackson. Correspondence, Vol. IV,* p. 180—181.

⁷⁴ В. Ирвинг — П. Ирвингу, 22 октября 1830 г., «Richmond Enquirer», 3.V 1831.—*W. C. Bruce. Op. cit., Vol. I,* p. 639—640.

Определение Ирвинга в конечном итоге дает, пожалуй, наиболее правильное представление о дипломатической деятельности Рэндолафа в С.-Петербурге. Он, конечно, был достаточно осведомлен в правилах этикета, чтобы падать на колени при виде царствующей особы, но некоторые из предпринятых им нововведений в дипломатической практике вряд ли можно считать оправданными. Еще находясь в Соединенных Штатах, Дж. Рэндольф любил показывать своим друзьям и знакомым письмо Э. Джексона от 16 сентября 1829 г. Приехав в С.-Петербург, он не мог удержаться, чтобы не познакомить с содержанием этого документа Х. А. Ливена. Более того, он передавал временному главе русского МИД заодно и все полученные от правительства США деловые бумаги, включая проекты предлагаемых соглашений и секретные инструкции Ван-Бюрена от 18 июня 1830 г.⁷⁵

Не было сделано исключения даже для «частного меморандума», который Ван-Бюрен лично вручил Рэндолфу перед его отплытием из Норфолка. «Русское министерство,— писал американский дипломат Х. А. Ливену,— теперь обладает всеми официальными и частными бумагами, которые были предоставлены м-ру Рэндолфу по вопросу о переговорах... Давно известно, что в отношениях с мыслящими и честными людьми (букв.— людьми мысли и чести) откровенность и прямота (plain dealing) являются самым верным залогом доверия и успеха»⁷⁶.

Сама по себе идея об эффективности открытого и честного ведения переговоров не вызывает, конечно, каких-либо возражений и даже возбуждает к Рэндолфу естественные симпатии. В истории известны примеры, когда именно открытая дипломатия приносила наиболее плодотворные результаты. Но в данном случае Дж. Рэндольф выбрал для откровенного и прямого образа дейст-

⁷⁵ См.: Дж. Рэндольф — Х. А. Ливену, 26 августа (7 сентября) 1830 г., Э. Джексон — Дж. Рэндолфу, 16 сентября 1829 г., М. Ван-Бюрен — Дж. Рэндолфу, 18 июня 1830 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1830 г., д. 309, лл. 11, 4—5, 96—145.

⁷⁶ Дж. Рэндольф — Х. А. Ливену, 3 (15) сентября 1830 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 87, лл. 61—62. Судя по дате письма Рэндолафа, «частный меморандум» Ван-Бюрена был переслан в русский МИД в сентябре 1830 г. На самом документе стоит, однако, другая дата («30 марта 1831 г.»).— Там же, л. 58.

вий, мягко говоря, не очень подходящий момент (царское правительство было напугано июльской революцией во Франции) и уж совсем не подходящего человека — Х. А. Ливена, который уже около двух десятилетий представлял русского императора в Лондоне. Трудно было ожидать, что на того могли произвести особое впечатление конфиденциальные бумаги Ван-Бюрена. Ведь в этих документах в первую очередь доказывались выгоды заключения торгового договора и морской конвенции для самих Соединенных Штатов. Вполне определенно проявлялась и их антианглийская направленность, что, естественно, вряд ли могло вызывать сочувствие русского посла в Лондоне.

Самое же удивительное, что, не дожидаясь какого-либо официального ответа, Рэндолф известил Ливена в начале сентября 1830 г. о намерении уехать в Англию в связи с ухудшением состояния здоровья⁷⁷. В прочувствованных выражениях посланник отмечал, что «если он не увидит достопримечательности Зимнего дворца и Эрмитажа, а также все другие сокровища этой великолепной столицы, то у него будет утешение и гордость вспоминать, каким милостивым образом он был принят их и. в-вами всея Руси, августейшим государем самой могущественной империи на земле»⁷⁸.

В ответ на этот образец изысканной дипломатической вежливости Ливен писал, что довел до сведения императора различные сообщения, полученные от Рэндолфа, и Николай I воспринял их с искренней заинтересованностью. Выражая сожаление по поводу столь быстрого отъезда посланника из С.-Петербурга, император просил передать правительству США, что у него нет другого желания, как только способствовать «отношениям доброго согласия во взаимных интересах обоих народов»⁷⁹.

19 сентября 1830 г. на борту английского парохода Рэндолф отправился в Лондон, куда прибыл утром

⁷⁷ Дж. Рэндолф — Х. А. Ливену, 26 августа (7 сентября) и 6 (18) сентября 1830 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1830 г., д. 309, лл. 178, 181—182.

⁷⁸ Дж. Рэндолф — Х. А. Ливену, 30 августа (11 сентября) 1830 г.— Там же, л. 21.

⁷⁹ Х. А. Ливен — Дж. Рэндолфу, 6(18) сентября 1830 г.— НА, DD, Russia, Vol. XII; АВПР, ф. Канцелярия, 1830 г., д. 309, л. 196.

29-го. В тот же день он отправил очередное письмо президенту, в котором отмечал, что «первый закон человеческой природы» — закон самосохранения заставил его прервать свое пребывание в С.-Петербурге «гораздо ранее и более неожиданно», чем он предполагал⁸⁰.

В Россию Дж. Рэндолф так никогда и не вернулся. В апреле следующего, 1831 г. он сообщил Ван-Бюрену о том, что его здоровье серьезно подорвано, а 23 мая государственный секретарь дал разрешение на его возвращение в США. В июне 1831 г. Рэндолф попросил Ливена передать отзывную грамоту русскому правительству. После возвращения в Америку в связи с тяжелым состоянием здоровья Рэндолф жил в основном в Роаноке (Виргиния)⁸¹.

Стремительный отъезд Дж. Рэндолфа поставил 22-летнего секретаря американской миссии в С.-Петербурге Дж. Р. Клея в чрезвычайно трудное, если не сказать бедственное положение. Брошенный на произвол судьбы молодой и совершенно неопытный дипломат был лишен полномочий действовать самостоятельно, а каких-либо новых инструкций из Вашингтона или Лондона долгое время не поступало. Скромное годовое жалованье секретаря миссии (2 тыс. долл.) явно не соответствовало расходам иностранного представителя в одной из самых дорогих европейских столиц⁸². В частном письме государственному секретарю 29 октября (10 ноября) 1830 г. Дж. Р. Клей отмечал, что американская миссия прибыла в С.-Петербург в исключительно неблагоприятное

⁸⁰ Дж. Рэндолф — Э. Джексону, 29 сентября 1830 г. — *A. Jackson. Correspondence, Vol. IV, p. 180—181*; Дж. Р. Клей — М. Ван-Бюрену, 1 октября 1830 г., № 1. — *NA, DD, Russia, Vol. XII. 40-дневное пребывание Рэндолфа в России обошлось казначейству США в 21 209 долл. 71 цент, или более чем 500 долл. в день.*

⁸¹ См.: Дж. Рэндолф — М. Ван-Бюрену, 22 апреля 1831 г. — *NA, DD, Russia, Vol. XII*; Ван-Бюрен — Рэндолфу, 23 мая 1831 г. — *DI. AC, Vol. XIII, p. 227—228*; *W. C. Bruce. Op. cit., Vol. I, p. 648 et seq.*

⁸² В отличие от Рэндолфа Клей быстро освоился с жизнью в С.-Петербурге и, несмотря на недостаток денег, сумел даже начать светскую жизнь. В доме богатого банкира Стиглица он познакомился с известной в то время певицей Зонтаг и другими представителями театрального мира. В дневнике Клея встречаются также записи о том, что на балу в доме Юсуповых 8 января 1831 г. он был представлен «графиням Пушкиной и Лаваль», а на следующий день «отправил Юсуповым, австрийскому послу и Пушкину» свою визитную карточку (*Diary of J. R. Clay, January 8, 9, 1831. — LC, Randolph Papers*).

время — почти одновременно с известием об июльских событиях во Франции. Затем последовали события в Бельгии и эпидемия холеры на юге России.

В этих условиях едва ли можно было ожидать, что русское министерство «уделило бы свое время и внимание рассмотрению предложений Соединенных Штатов». Тем не менее осенью 1830 г. в соответствии с данными ему указаниями Дж. Р. Клей известил К. В. Нессельроде, что Дж. Рэндолф оставил для вручения русскому правительству «проект договора о морских правах», и просил сообщить, когда и в какой форме он мог бы это сделать. Никакого ответа на это письмо, однако, не последовало⁸³. Только 22 ноября Клей получил извещение о своем назначении поверенным в делах, а 18 декабря 1830 г. был официально представлен Николаю I⁸⁴. В январе следующего, 1831 г. он смог наконец вручить Нессельроде «проект договора о морских правах», а также осведомиться об отношении русского правительства к заключению торгового договора. Глава ведомства иностранных дел дал понять, что при существующем напряженном положении в Европе у русского правительства не было возможности заняться американскими делами. Он добавил при этом, что, «как только обстоятельства позволят, императорское министерство отправит ответ Рэндолфу через князя Ливена»⁸⁵.

По сути дела это была вежливая форма отсрочки на неопределенное время каких-либо серьезных переговоров с США. Впрочем, теперь уже и американское правительство мало верило в успешный исход переговоров в С.-Петербурге, хотя и оставляло вопрос об их продолжении на усмотрение Рэндолфа⁸⁶. Не проявляя излишней активности, Клей продолжал время от времени справляться о судьбе сделанных Рэндолфом предложений. Ни-

⁸³ Дж. Р. Клей — К. В. Нессельроде, 27 сентября (9 октября) 1830 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 87, л. 2; Дж. Р. Клей — М. Ван-Бюрену, 29 октября (10 ноября) 1830 г. — LC, Randolph Papers, Letter-book of J. R. Clay, p. 74—75; NA, DD, Russia, Vol. XII.

⁸⁴ Дж. Рэндолф — Дж. Р. Клею, 23 октября 1830 г. — LC, Randolph Papers, Diary of J. R. Clay, p. 50—51 (описание приема в Зимнем дворце).

⁸⁵ Дж. Р. Клей — М. Ван-Бюрену, 15(27) января 1831 г., № 3. — NA, DD, Russia, Vol. XII; АВПР, ф. Канцелярия, д. 87, лл. 3—29.

⁸⁶ См.: М. Ван-Бюрен — Дж. Рэндолфу, 10 и 19 января 1831 г. — NA, DI, AC, Vol. XIII, p. 201—205.

какого ответа от Нессельроде так и не было получено. Оба проекта явно не вызвали в С.-Петербурге какого-либо энтузиазма, но царское правительство продолжало следовать уклончивой и выжидательной тактике. Оно не хотело вызывать неудовольствие Соединенных Штатов преждевременным отклонением сделанных предложений и учитывало возможность возникновения обстоятельств, которые могли бы повлиять на окончательное решение.

В конце 1830 г. вспыхнуло восстание в Польше. Восставших поддерживало население Варшавы, а также польские воинские части. Повстанцы сразу же овладели Варшавой, а затем и всем Королевством Польским. Пламя революции грозило перекинуться в Литву и Белоруссию. Для подавления восстания Николай I направил стотысячную армию, которая, однако, долгое время не могла добиться решающих успехов. Лишь в сентябре следующего, 1831 г. И. Ф. Паскевич штурмом взял западный пригород Варшавы — Волю. Польская столица капитулировала, а остатки повстанческой армии перешли границы Австрии и Пруссии. Надежды руководителей восстания на помощь Англии и Франции не оправдались. Обе державы так и не решились пойти на признание независимости Польши и ограничивались словесными декларациями о желательности прекращения кровопролития. Царское правительство чрезвычайно болезненно реагировало на обсуждение польских дел, и отношения России с Англией и Францией заметно ухудшились. Меньшее значение придавалось, естественно, позиции правительства Соединенных Штатов, но и в этом случае польский вопрос оказался достаточно щекотливым и сложным⁸⁷.

На протяжении всего 1831 г. газеты и журналы США уделяли событиям в Польше самое пристальное внима-

⁸⁷ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. IV. М., 1967, стр. 463—464; «История Польши», изд. 2. М., 1956, т. I; В. И. Пичета. Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг.—«Уч. зап. Ин-та славяноведения», 1951, т. 3. Подробное изложение польского восстания 1830—1831 гг. было опубликовано в «American Annual Register for the Years, 1830—31», р. 166—213; ряд материалов в печати США был издан впоследствии и самими участниками польского восстания (см. в частности: G. Tochman, Major. Poland, Russia and the Policy of the Latter Towards the United States. Baltimore, 1844, р. 3, 18—23).

ние. К большому неудовольствию царского поверенного в делах общественное мнение в США почти единодушно выступало в поддержку польских повстанцев, и демарши К. Ф. Сакена оказывались в этом смысле совершенно неэффективными. Особенно напряженное положение сложилось в начале осени 1831 г., когда в ряде крупных американских городов (Нью-Йорк, Филадельфия и др.) прошли митинги в защиту Польши и была начата подготовка к отправке добровольцев⁸⁸. Отъезд волонтеров в Европу для вступления в ряды польских повстанцев был намечен на 20 октября 1831 г. На этот раз, однако, вмешался сам президент Соединенных Штатов. Отправка волонтеров была объявлена незаконным мероприятием, и 15 октября в правительственной газете появилась соответствующая статья⁸⁹.

В С.-Петербурге в полной мере оценили этот шаг американского правительства и поручили К. Ф. Сакену выразить Э. Ливингстону благодарность от имени императора. Как и ранее, Нессельроде считал, что бороться с американским общественным мнением нет никакой нужды. Вместе с тем следует стремиться к тому, чтобы правительство США официально не одобряло демонстраций в защиту революции в Польше⁹⁰.

Наряду с польским вопросом царские представители в Соединенных Штатах были обеспокоены проблемой дезертиров с русских торговых кораблей. Весной 1831 г. Сакен получил письмо от торгового дома Кавен и Смит в Филадельфии, в котором сообщалось, что с русского брига «Паулин Брант» (Pauline Brant), прибывшего из Архангельска, дезертировало семь человек. Ввиду отсутствия торгового договора (подобно договорам США с Францией и Пруссией) русский консул А. Г. Евстафьев не мог предпринять каких-либо действенных мер, и в

⁸⁸ К. Ф. Сакен — К. В. Нессельроде, 27 августа (8 сентября) и 17(29) сентября 1831 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 278, лл. 177—179, 204—205; нота К. Ф. Сакена — Э. Ливингстону от 24 августа 1831 г. — Там же, лл. 180—181, газетные вырезки — л. 182.

⁸⁹ К. Ф. Сакен — К. В. Нессельроде, 10(22) октября 1831 г., № 30. — Там же, лл. 225—226 с приложением перевода статьи из правительственной газеты.

⁹⁰ К. В. Нессельроде — К. Ф. Сакену, 22 декабря (ст. ст.) 1831 г. — Там же, лл. 279—285; ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 33, лл. 2—5.

результате капитан был не в состоянии отправиться в обратный путь⁹¹.

Царское правительство, естественно, было заинтересовано в договорном урегулировании этой проблемы и поэтому вполне одобрительно отнеслось к соображениям Сакена по поводу дезертиров и необходимости защиты русских подданных со стороны своих консульских представителей в Соединенных Штатах. Нессельроде отмечал, однако, что «настоящий момент» не позволяет заняться этими деликатными вопросами и время для заключения договора с США еще не наступило⁹².

В своих донесениях в Вашингтон в 1831 г. Дж. Р. Клей отмечал, что отсрочка переговоров о заключении торгового договора практически не окажет какого-либо неблагоприятного влияния на развитие деловых связей между обеими странами. Гораздо большее значение в этом смысле имела эпидемия холеры, и, по мнению Дж. Р. Клея, число американских кораблей, которые придут в С.-Петербург в 1831 г., вряд ли превысит 30—35 (вместо 46 в 1830 г.). Поверенный в делах обратил также внимание на то, что в Россию разрешено ввозить сахар только в необработанном виде и для предотвращения экспорта рафинада груз подвергается специальной проверке. Впрочем, это обстоятельство на практике действовало в пользу США, так как сахар, привозившийся из Гаваны, всегда проходил эту проверку, а рафинад, доставлявшийся на английских и немецких кораблях, подлежал конфискации⁹³.

Некоторые осложнения возникли, правда, в ноябре 1831 г., когда было издано постановление о повышении пошлин на 12,5%, распространявшееся на уже привезенный и хранившийся на государственных товарных складах американский сахар. В результате представлений иностранных купцов и дипломатических представителей заинтересованных стран Николай I распорядился, чтобы

⁹¹ К. Ф. Сакен — К. В. Нессельроде, 11(23) мая 1831 г. вместе с соответствующими приложениями см.: АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 278, лл. 100—101, 102—103 и др.

⁹² К. В. Нессельроде — К. Ф. Сакену, 24 июля (5 августа) 1831 г. — Там же, лл. 281—282; ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 33, лл. 47—50.

⁹³ Дж. Р. Клей — М. Ван-Бюрену, 10(22) марта 1831 г., № 4. — NA, DD, Russia, Vol. XII.

новая пошлина не касалась сахара, привезенного в 1831 г.⁹⁴

Посылая Рэндолфа в С.-Петербург, Джексон и Ван-Бюрен рассчитывали, что известие о заключении договора с Россией укрепит международное положение Соединенных Штатов. Вместо этого к открытию очередной сессии конгресса пришло сообщение о его неожиданном отъезде из С.-Петербурга. Чтобы как-то сгладить неприятное впечатление и избежать излишних нападок на администрацию, в президентском послании от 6 декабря 1830 г. указывалось: «Наши отношения с Россией носят самый устойчивый характер. Уважение к этой империи и уверенность в ее дружбе к Соединенным Штатам столь долго разделялись нами и так заботливо культивировались настоящим императором и его прославленным предшественником, что стали неразрывной частью общественного мнения Соединенных Штатов. Все средства будут использованы с моей стороны, чтобы содействовать развитию этих благородных чувств и таких улучшений, которые вызываются торговыми отношениями между обеими странами и которые приобрели дополнительное значение в результате нашего договора с Высокой Портой».

После столь торжественного и высокопарного вступления Джексон выражал искреннее сожаление, что американский посланник, «на чьи выдающиеся способности и огромный опыт в государственных делах» он особенно рассчитывал, был вынужден в результате крайнего ухудшения здоровья воспользоваться данной ему привилегией и временно оставить свой пост, переехав в более мягкий климат⁹⁵.

Обычно сдержанный главный клерк государственного департамента Д. Brent, ознакомившись с приводимым отрывком, не мог не выразить М. Ван-Бюрену

⁹⁴ Дж. Р. Клей — Э. Ливингстону, 21 ноября (3 декабря) и 12(24) декабря 1831 г., № 17 и 18. — *Ibidem*. Повышение таможенных пошлин было связано с расстройством финансов, которое явилось следствием колоссальных военных расходов в период польского восстания 1830—1831 гг. (см.: С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя политика России. М., 1947, стр. 218; W. M. Pintner. Russian Economic Policy under Nicholas I. Ithaca, 1967, p. 83 et seq.).

⁹⁵ Messages and Papers, ed. by J. Richardson. Washington, 1903, Vol. II, p. 505.

своего восхищения и даже вспомнил в этой связи президента Дж. Мэдисона, который как никто иной знал «цену словам»⁹⁶. Члены конгресса оказались людьми гораздо более практичными, и на них эти слова, по всей видимости, не произвели ни малейшего впечатления. Когда в январе 1831 г. начал обсуждаться вопрос о выплате Рэндолфу причитавшегося ему жалованья, в палате разыгралась настоящая буря.

12 января 1831 г. во время рассмотрения законопроекта об ассигнованиях (the annual appropriation bill) член палаты Стэнберри (штат Огайо) предложил исключить пункт об оплате жалованья посланнику в России на том основании, что фактически этот пост стал вакантным. Противники президента Джексона воспользовались удобным случаем, чтобы подвергнуть правительство резкой критике⁹⁷. В ходе обсуждения в защиту администрации 8 февраля выступил представитель Пенсильвании Джеймс Бьюкенен. «Должны ли мы приостанавливать миссию в России, которая была давно учреждена с большой пользой для страны, по той причине, что мы не одобряем поведение данного посланника? — спрашивал оратор сидевших в зале конгрессменов и сразу же отвечал: — Конституция не предоставила палате представителей какого-либо права приостанавливать миссию только потому, что она может быть не удовлетворена назначением или поведением посланника. Я признаю, что при настоящем беспокойном состоянии Европы было бы крайне важно, чтобы наш посланник действительно находился бы в С.-Петербурге, и я весьма сожалею, что состояние здоровья м-ра Рэндолфа не позволило ему вернуться в этот город»⁹⁸.

Красноречивая и логически последовательная речь Бьюкенена в немалой степени способствовала тому, что палата представителей согласилась выплатить Рэндолфу причитавшееся ему жалованье. По иронии судьбы освободившееся вскоре после этого место посланника в С.-Петербурге предложили конгрессмену от Пенсильвании. Уже 31 мая 1831 г. один из ближайших сотрудников президента Джексона, член так называемого

⁹⁶ *M. Van Buren. Autobiography, p. 421.*

⁹⁷ «Register of Debates», 21st Congress, 2nd Session, Vol. VII, p. 483—667.

⁹⁸ *Ibid.*, p. 654—656.

«кухонного кабинета» (Kitchen Cabinet) Джон Итон обратился к Дж. Бьюкенену с конфиденциальным предложением. «Миссия в С.-Петербурге в скором времени, как ожидают, станет вакантной. Президенту доставит удовольствие доверить Вам это ответственное место, если Вы согласитесь его принять. Он хочет, чтобы я известил Вас о его желаних, и просит дать ответ. В настоящее время — это важная и в высшей степени интересная часть мира»⁹⁹.

Надо сказать, что еще во время президентских выборов 1828 г. Дж. Бьюкенен проявил себя как активный сторонник Э. Джексона. Подавляющим большинством голосов он был переизбран в конгресс как представитель демократической партии. В целом Пенсильвания (в прошлом оплот протекционистов и сторонников «американской системы») на этот раз проголосовала за Э. Джексона («за» — 101 652, «против» — 50 848 голосов), и это оказалось едва ли не решающим фактором, определившим победу нового президента¹⁰⁰.

Предложение назначить Дж. Бьюкенена посланником в Россию было, однако, не только своеобразной формой вознаграждения за оказанную в прошлом поддержку, но и устранением возможного конкурента Ван-Бюрена в борьбе за пост вице-президента на выборах 1832 г. О том, что такая перспектива действительно существовала, свидетельствовала кампания, которая была развернута сторонниками Бьюкенена в Пенсильвании начиная с февраля 1831 г. Брат Джеймса Бьюкенена, Джордж, сообщал из Питтсбурга в апреле 1831 г., что кандидатура Джеймса на пост вице-президента очень популярна. Высказывалось предположение и о назначении Дж. Бьюкенена генеральным прокурором. Одновременно Джордж задавал вопрос, будет ли кандидатом на пост вице-президента М. Ван-Бюрен¹⁰¹.

⁹⁹ Дж. Итон — Дж. Бьюкенену, 31 мая 1831 г. — *J. Buchanan. Works*, Vol. II, p. 173; *G. T. Curtis. Life of James Buchanan*, 2 Vls. New York, 1883 (reprinted 1969), p. 130.

¹⁰⁰ *R. V. Remini. The Election of Andrew Jackson*. Philadelphia and New York, 1963, p. 185—187.

¹⁰¹ Джордж У. Бьюкенен — Дж. Бьюкенену, 29 апреля 1831 г. — *J. Buchanan. Works*, Vol. II, p. 172; *G. T. Curtis. Op. cit.*, Vol. I, p. 125—126; *P. S. Klein. President James Buchanan: A Biography*. University Park, 1962, p. 78—81.

Испытывая известные колебания, Дж. Бьюкенен первоначально дал Итону уклончивый ответ. Он ссылаясь при этом на незнание французского языка, что помешает ему свободно общаться в политических кругах С.-Петербурга, а также на наличие ряда неотложных дел в Соединенных Штатах. Когда же Итон разъяснил, что отъезд в Россию может быть отложен до весны следующего года, Бьюкенен счел за лучшее снять свои возражения и согласился принять сделанное ему предложение¹⁰². В частном письме Э. Джексону в сентябре 1831 г. Бьюкенен специально отмечал, что в настоящее время у него нет желания баллотироваться на пост вице-президента и что выдвижение его кандидатуры произошло без его согласия¹⁰³. Решено было также не сообщать о назначении нового посланника в Россию до того, как Рэндолф вернется в США. В этой связи кандидатура Бьюкенена была официально утверждена сенатом лишь 12 января 1832 г., а в конце марта были даны и инструкции относительно главных задач новой миссии в С.-Петербурге.

Как и ранее, правительство Соединенных Штатов стремилось к заключению торгового договора и конвенции о нейтральных правах на море. Государственный секретарь Э. Ливингстон при этом подчеркивал, что в последнее время произошло событие, которое еще более увеличило желание Соединенных Штатов поставить торговые отношения с Россией на более прочную основу договорных обязательств. Речь шла, в частности, об открытии для американской торговли Черного моря, а также о возможном военном столкновении, участницей которого могла стать Россия. Отсылая Дж. Бьюкенена к материалам, данным ранее Рэндолфу, Ливингстон одновременно рекомендовал посланнику обратить внимание на выгоды предлагаемых соглашений как для США, так и для России¹⁰⁴.

¹⁰² Дж. Бьюкенен — Дж. Итону, 4 июня, Дж. Итон — Дж. Бьюкенену, 7 июня и Дж. Бьюкенен — Дж. Итону, 12 июня 1831 г. — *J. Buchanan. Works*, Vol. II, p. 174—175; *G. T. Curtis. Op. cit.*, Vol. I, p. 130—131.

¹⁰³ Дж. Бьюкенен — Э. Джексону, 11 сентября 1831 г. — *G. T. Curtis. Op. cit.*, Vol. I, p. 135.

¹⁰⁴ Э. Ливингстон — Дж. Бьюкенену, 31 марта 1832 г., № 2. — *NA, DI, AC, Vol. XIII*, p. 281—287.

Выехав из Нью-Йорка в начале апреля, Бьюкенен вместе с сопровождавшим его личным секретарем лейтенантом Д. У. Бэрри, а также слугой-мулатом Э. Лэндриком прибыл в С.-Петербург 2 июня 1832 г. Не без некоторого удивления и замешательства он обнаружил, что за короткое время пребывания в С.-Петербурге Рэндолф предоставил в распоряжение царского правительства все имевшиеся у него «официальные и частные» документы, относящиеся к заключению договоров с Россией. Несмотря на подобную «откровенность», царское правительство до последнего времени не проявило ни малейшего желания вести переговоры с Соединенными Штатами.

В инструкциях Рэндолфу убедительно доказывались выгоды торгового договора для народа Соединенных Штатов. «Сейчас стало ясно,— отмечал Бьюкенен,— что лучший способ добиться такого договора,— это убедить императорское министерство в том, что он будет также способствовать важнейшим интересам их страны». Сделать это было, конечно, не так просто. Как американский гражданин он гордился тем, что равные права и взаимность на бумаге неизменно обращались на практике в пользу Соединенных Штатов. «Предоставьте американскому судоходству открытое море и равные возможности с другими нациями,— писал Бьюкенен,— и весь цивилизованный мир должен будет признать, что мы можем преодолеть любую конкуренцию». В то же время Бьюкенен считал, что есть другие могущественные причины, по которым и Россия могла бы быть заинтересована в заключении торгового договора, и именно эту сторону вопроса он хотел тщательно подготовить, прежде чем приступать к конкретным переговорам с Нессельроде¹⁰⁵.

¹⁰⁵ Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 12 июня 1832 г., № 2.— *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 193—198.* Материалы, связанные с пребыванием Бьюкенена в С.-Петербурге и его переговорами с царским правительством, опубликованы также в упоминавшейся биографической работе (*G. T. Curtis. Op. cit., Vol. I*) и материалах конгресса (*House Executive Document, N 111, 33th Congress, 1st Session, Serial N 726*). Наиболее полной и точной является публикация бумаг Бьюкенена под редакцией Д. Б. Мура, которой и будет оказываться предпочтение. См. также: *J. Buchanan. James Buchanan's Mission to Russia: 1831—1833. New York, 1970 (reprint).* Подлинники цитируемых

Следуя «благоразумному и осторожному курсу», Бьюкенен решил прежде всего осмотреться на новом месте, изучить международную обстановку, ближе познакомиться с руководителями царского правительства и положением внутри страны. Свои наблюдения и впечатления посланник изложил в серии интересных писем и донесений государственному секретарю Ливингстону, президенту Джексону, а также своим родственникам и друзьям в Соединенных Штатах. В отличие от Рэндолфа он сразу же освоился с жизнью в С.-Петербурге, хорошо устроил свои личные дела, завел друзей и даже не жаловался на климат. «Мои домашние условия весьма комфортабельны,— сообщал он своей сестре в августе 1832 г.— Я занял очень хороший дом на берегу Невы с прекрасным видом на эту величественную реку и корабли, входящие в изумительный и роскошный город. Секретарь посольства м-р Клей и м-р Бэрри являются членами моей семьи. Мы сами по себе составляем небольшое, но приятное общество. Американский консул м-р Гибсон и молодой джентльмен из Вашингтона м-р Манро (Munroe), который является адъютантом императора, часто с нами обедают; летом здесь много капитанов американских кораблей и лиц, сопровождавших грузы (supercargoes). При некоторой экономии я надеюсь уложиться в мое жалованье и это больше того, что я ожидал, когда покидал Соединенные Штаты»¹⁰⁶.

Хотя в целом Бьюкенен был вполне удовлетворен своей жизнью в С.-Петербурге, он не забывал при каждом удобном случае подчеркнуть, что «язык, манеры, политические учреждения и религия этого народа столь решительно противоположны нашим собственным, что я никогда не буду счастлив здесь так, как я был бы счастлив на горячо любимой земле»¹⁰⁷. Уже в первом письме к президенту Джексону из С.-Петербурга от 22 июня 1832 г. Бьюкенен указывал: «Самое серьезное возражение, которое, находясь в России, должен испытывать американец, заключается не в климате», а в от-

документов хранятся: HSP, Buchanan Papers, в Библиотеке конгресса США и особенно в NA, DD, Russia, Vol. XII. Ряд оригинальных документов Дж. Бьюкенена имеется и в фондах АВПР.

¹⁰⁶ Дж. Бьюкенен — Г. Генри, 3(15) августа 1832 г.— HSP, Buchanan Papers.

¹⁰⁷ Ibidem.

сутствии «свободы печати, общественного мнения» и крайне ограниченном обсуждении политических проблем. «Говоря кратко,— заключал Бьюкенен,— мы живем в тиши деспотизма» (in the calm of despotism) ¹⁰⁸.

Эти меткие и образные слова кратко и точно определяли главную черту политической жизни царской столицы в душную эпоху николаевской реакции. Мрачная тишина и спокойствие поддерживались всей мощью военно-бюрократического аппарата, жесткой цензурой и полной изоляцией страны от внешнего мира. «Печать находится под такой строгой цензурой,— писал посланник брату Эдварду,— что публикуется только то, что угодно правительству. Любой путь, каким в империю могут проникнуть свободные мнения, тщательно закрывается, и лишь очень немногие из высших классов общества достаточно осведомлены о нашей стране и ее учреждениях» ¹⁰⁹. Ряд дополнительных замечаний о социальном составе населения страны Бьюкенен высказал в письме своему другу и коллеге по палате представителей Дж. Б. Стериджеру 2 августа 1832 г: «За исключением купцов и немногих других в торговых городах, нет никакой промежуточной прослойки между дворянином и рабом. С крепостными, однако, не обращаются грубо. Они прикреплены к земле и, как правило, не должны работать на своих господ больше трех дней в неделю. Кроме того, они наделены землей, которую обрабатывают для себя» ¹¹⁰.

С явным пренебрежением и высокомерием американский дипломат отзывался о широких массах русского народа, считая его абсолютно неспособным к восприятию свободных учреждений и идей: «народ невежествен и дик», он «абсолютно неспособен принимать какое-нибудь участие в управлении»,— подобные выражения то и дело встречаются в письмах Бьюкенена и явно не делают чести их автору. «Простых людей» представитель демократической Америки чуть ли не поголовно считал мошенниками и ворами: «Среди этого класса понятие чести отсутствует. Они всегда вас обманут, если смо-

¹⁰⁸ Дж. Бьюкенен — Э. Джексону, 22 июня 1832 г.— *J. Buchanan. Works*, Vol. II, p. 199.

¹⁰⁹ Дж. Бьюкенен — Э. Бьюкенену, 15(27) июля 1832 г.— *Ibid.*, p. 217.

¹¹⁰ *Ibid.*, p. 219.

гут. Из этого правила я не встретил ни одного исключения» (?!) ¹¹¹.

Не будем, однако, слишком придирчивыми к Бьюкенену. В России он был очень немного времени, а общался в основном только со столичными чиновниками, придворной знатью и иностранными дипломатами. Его суждения о русском народе вряд ли могли поэтому отличаться особой оригинальностью и им нельзя, конечно, придавать сколько-нибудь серьезного значения. Можно только пожалеть, что эти и подобные им замечания просвещенного дипломата использовались некоторыми американскими историками для доказательства незыблемости и извечности устоев деспотизма в России ¹¹².

Гораздо более существенными представляются его замечания и действия, относящиеся непосредственно к главной цели миссии — заключению двух важных договоров с Россией. Уже в письме Э. Джексону от 22 июня 1832 г. Бьюкенен смог сообщить, что у него есть надежда и, можно сказать, даже «хорошая надежда», что ему удастся заключить оба договора ¹¹³. При этом он основывался не только на «необычайно любезном и сердечном приеме», оказанном ему Николаем I во время официальной аудиенции 11 июня 1832 г., но и на учете ряда объективных факторов, благоприятно влиявших на отношение царского правительства к США. «Это правительство почти не испытывает подозрительности в отношении Соединенных Штатов,— сообщал Бьюкенен Ливингстону,— во всяком случае гораздо меньше, чем в отношении Англии или Франции... Совершенно определено, что Россия не относится к нам враждебно. Она должна сознавать, что в настоящее время Европа является обширным пороховым складом и первая же искра, по-видимому, приведет к взрыву, который может потрясти до основания все европейские троны. Она хорошо понимает, что в подобном конфликте Англия и Франция должны выступить против нее. При таких обстоятельствах я имею основание полагать, что император очень хочет быть в хо-

¹¹¹ Ibid., p. 218.

¹¹² См., например: *Th. Bailey. America Faces Russia*. Ithaca, 1950 (Gloucester, 1964), p. 45—55; *J. Baylen. James Buchanan's «Calm of Despotism»*.— «РМНВ», Vol. LXXVII, N 3, July 1953, p. 296, 302—303 etc.

¹¹³ Дж. Бьюкенен — Э. Джексону, 22 июня 1832 г.— *J. Buchanan. Works*, Vol. II, p. 201.

роших отношениях с самым свободным народом на земле и что в еще большей степени он признателен за наше намерение поддерживать с ним дружбу. Я считаю поэтому, что время моего прибытия оказалось благоприятным»¹¹⁴.

Действительно, международное и внутреннее положение России летом 1832 г. складывалось в пользу Соединенных Штатов. Июльская революция 1830 г. во Франции, революционные события в Бельгии в августе — октябре 1830 г., восстание в Польше в 1830—1831 г. привели к резкому обострению отношений царского правительства с Парижем и Лондоном. Не без некоторого преувеличения Бьюкенен отмечал, что американская миссия в С.-Петербурге «при нынешнем положении Европы, без сомнения, является более важной, чем любое другое представительство, которое наша страна содержит за границей»¹¹⁵.

Американскому посланнику не составляло большого труда убедить себя в огромном значении своей дипломатической миссии в С.-Петербурге. Довольно легко он убедил себя и в том, что Россия крайне заинтересована в развитии торговли с Соединенными Штатами. Гораздо сложнее, однако, это оказалось доказать самому рус-

¹¹⁴ Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 29 июня 1832 г., № 4.— Ibid., p. 210—211.

¹¹⁵ Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 22 июня 1832 г., № 3.— Ibid., p. 203. Комментируя специальную миссию в С.-Петербурге британского дипломата лорда Дургама (Durham) летом 1832 г., Бьюкенен отмечал, что, читая английские газеты, можно подумать, что его главной целью будет вмешательство в защиту поляков. «У меня есть веские основания полагать,— продолжал американский дипломат,— что дело обстоит не так. Англия и Франция бросили эту храбрую нацию на произвол судьбы; но даже если бы они так поздно вмешались в ее пользу, то все их попытки были бы напрасны. Заклучив Польшу в объятия смерти, император будет поступать с ней, как с завоеванной страной, несмотря на все их представления» (Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 9 августа 1832 г., № 6.— Ibid., p. 228). Любопытно отметить, что к концу своего пребывания в России взгляды Бьюкенена в отношении Николая I и Польши существенно изменились. Посол демократической Америки «с каждым днем все более и более убеждался», что у царя не было иного пути в отношении Польши, чем тот, которому он следовал. По мнению Бьюкенена, критики Николая I в конгрессе США были к царю несправедливы и его жестокость в отношении поляков сильно преувеличена (см.: Diary, 5—17th June, 1833.— Ibid., p. 359; Дж. Бьюкенен — Л. Маклейну, 7 августа 1833 г., № 22.— Ibid., p. 380).

скому правительству. Уже во время первой неофициальной встречи с Бьюкененом находившийся в то время в С.-Петербурге П. А. Крюденер заметил, что под влиянием тарифа 1828 г. (известного в литературе как «тариф ужаса») торговля России с Соединенными Штатами быстро сокращается, и сослался при этом на доклад министра финансов США о торговле и мореплавании за 1830 г. Действительно, по официальным американским данным, импорт из России в США упал с 2 788 362 долл. в 1828 г. до 1 621 894 в 1830 г.¹¹⁶

Не отрицая этого факта, Бьюкенен утверждал, однако, что в течение последнего сезона наблюдался «огромный рост» торговых связей между обеими странами, и обещал прислать новые данные, полученные от американского консула в С.-Петербурге Гибсона. Касаясь вопроса о торговом договоре, Крюденер также заметил, что Россия придерживается столь либеральной системы в своих коммерческих связях со всеми странами, что вряд ли есть необходимость заключать специальные соглашения. При этом он, однако, намекнул, что положение могло бы измениться, если бы США снизили пошлины на русскую пеньку, подобно тому как по договору с Францией они сделали это в отношении вин¹¹⁷.

Другим обстоятельством, способствовавшим пробуждению у царского правительства интереса к заключению торгового договора, стал вопрос о дезертирах. Напомним, что уже в мае 1831 г. русский поверенный в делах в Вашингтоне К. Ф. Сакен направил в этой связи специальное донесение К. В. Нессельроде. Ряд интересных соображений привел по этому поводу в начале 1832 г. генеральный консул в Нью-Йорке А. Г. Евстафьев. Хотя русские торговые суда, приходившие в американские порты, исчислялись единицами (по сообщению Евстафьева, с 1829 по 1832 г. в США прибыло лишь три таких корабля: 1 — в Филадельфию и 2 — в Нью-Йорк, причем все они принадлежали предприимчивому архангельско-

¹¹⁶ T. Pitkin. A Statistical View..., p. 231.

¹¹⁷ Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 29 июня 1832 г., № 4. — J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 211. Выступая сторонником сближения с Соединенными Штатами, Крюденер много сделал для достижения соглашения. Не прерывал он и своих американских связей, свидетельством чего может служить его письмо президенту Э. Джексону от 21 августа (2 сентября) 1831 г., — F. Ley. Op. cit., p. 106—107.

му купцу Бранту), эта проблема приобрела значительную остроту. «Дезертирство среди членов экипажа русских судов, прибывающих сюда,— писал консул,— стало не только обычным, но и столь всеобщим, что я еще не знаю ни одного исключения, не говоря о других неприятностях..., связанных с отсутствием должного соглашения между двумя правительствами»¹¹⁸.

Развивая свои соображения относительно целесообразности заключения торгового договора, А. Г. Евстафьев одновременно обращал внимание на то, что американские суда, отправляющиеся в Россию из любой части Соединенных Штатов, не имеют обычно никаких удостоверений от русских консулов. Об их выходе из американских портов становится известно только после сообщения в местных газетах. «Я не знаю другой страны, которая, имея здесь консулов, допускала бы американские корабли без сертификатов от подобных агентов»,— писал Евстафьев и задавал далее вопрос: «Какой русский купец пошлет сюда свой корабль, если он морально уверен, что, как только судно войдет в американский порт, его команду склонят к дезертирству?» Как отмечал Евстафьев, корабль и его капитан не получат никакой помощи от русского консула, который по американским законам лишен в этом случае необходимой власти. Все это было, по мнению генерального консула в Нью-Йорке, результатом отсутствия специального договора с США, в связи с чем он ссылался на пример Франции¹¹⁹.

Русский поверенный в делах в Вашингтоне Сакен вполне разделял справедливость этих представлений и в этой связи вместе со своим собственным донесением направил в С.-Петербург в марте 1832 г. специальную записку, в которой излагались соображения Евстафьева по поводу дезертирства моряков¹²⁰. Со своей стороны русский дипломат писал, что США и Россия должны предоставить своим консулам полномочия, которые поз-

¹¹⁸ А. Г. Евстафьев — К. Ф. Сакену, Нью-Йорк 18 (30) январь 1832 г.— АВГР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 37, л. 11.

¹¹⁹ А. Г. Евстафьев — К. Ф. Сакену, 3 февраля 1832 г.— Там же, лл. 16—19.

¹²⁰ Détails et observations fournis par le Consul Général Evstafieff, au sujet de la desertion des matelots.— АВГР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 280, лл. 167—169.

волили бы им оказывать своим соотечественникам эффективную помощь. Он ссылался при этом на условия консульской конвенции Соединенных Штатов с Францией от 14 ноября 1788 г., предоставившей консулам исключительные права «во всех спорах между капитанами и моряками их стран». Включив соответствующие положения в договор, который будет заключен с США, императорское правительство устранит препятствия, мешавшие до последнего времени русским торговцам «предпринимать прямые экспедиции в Северную Америку»¹²¹.

Переговоры с Дж. Бьюкененом предоставляли царскому правительству удобный повод для того, чтобы поставить перед Соединенными Штатами вопрос о дезертирах и правах русских консулов. Соответственно во время встречи с Бьюкененом 21 июня 1832 г. Крюденер заявил, что, если торговый договор будет заключен, в него необходимо включить пункт о выдаче моряков, покинувших русские суда во время пребывания в США. Как считал американский посланник, в ходе переговоров можно было бы выработать приемлемое для обеих сторон решение¹²².

Важным фактором, который должен был, по мнению Бьюкенена, склонить царское правительство к заключению договора с США, была черноморская торговля¹²³. Еще в августе 1829 г. американским консулом «в Одессе и портах Черного моря» был назначен Ч. Ринд, а летом 1830 г. в Одессу прибыли два торговых корабля Соединенных Штатов. Осенью 1830 г. Ринд известил представительство США в С.-Петербурге, что вместо него обязанности консула в Одессе будет исполнять влиятельный местный купец Дж. Рэлли, а вице-консулом в Таганроге также будет один из местных торговцев, Г. Ширлин. В дальнейшем между Рэлли и американской миссией в С.-Петербурге завязалась систематическая переписка. Подробные соображения о выгодах черномор-

¹²¹ К. Ф. Сакен — К. В. Нессельроде, 16(28) марта 1832 г.— Там же, лл. 165—166.

¹²² Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 29 июня 1832 г., № 4.— *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 212.*

¹²³ О состоянии внешней торговли России в районе Черного моря см.: В. А. Золотов. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX в. Ростов-на-Дону, 1963; Е. И. Дружинина. Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970, стр. 332—364.

ской торговли Рэлли представил позднее и государственному секретарю США Л. Маклейну ¹²⁴.

Пользуясь недостаточной осведомленностью К. В. Нессельроде в конкретных вопросах русско-американских торговых отношений, Бьюкенен пустил в ход все свои способности, чтобы всемерно расписать «огромные преимущества», которые Россия получит в результате договора с США. Торговля с Америкой, подчеркивал посланник в ноте Нессельроде от 14(26) июня 1832 г., «оказывает самое могущественное влияние как на сельское хозяйство, так и на промышленность России», и ссылаясь на огромный спрос в США на русскую пеньку и железо. Особое внимание в ноте уделялось черноморской торговле, которая стала теперь открыта для участия в ней Соединенных Штатов. Доставляя продукцию южных провинций России в Константинополь и далее в страны Средиземного моря, Азии, Африки и Европы, Соединенные Штаты тем самым значительно увеличат ценность прилегающих к Черному морю территорий. Посланник предсказывал в этой связи, что уже в будущем году многие американские суда примут участие в торговле с черноморскими владениями России ¹²⁵.

Этот последний аргумент, по всей видимости, оказал на Нессельроде определенное влияние, и когда в одной из последующих бесед Бьюкенен осведомился, производится ли в районе Черного моря на экспорт шерсть, то министр иностранных дел сразу ответил утвердительно. Как выяснилось, Нессельроде и сам был не прочь продавать шерсть Соединенным Штатам, так как в его южном поместье насчитывалось около 20 тыс. овец. Не без юмора Бьюкенен заметил, что ему много пришлось слышать о Нессельроде, но он не предполагал, что граф к тому же еще и «производитель шерсти» (a wool grower) ¹²⁶.

¹²⁴ См.: Ч. Ринд — Дж. Рэндолфу, Смирна, 20 сентября 1830 г., Ч. Ринд — Э. Ливингстону, 30 мая 1831 г., Дж. Рэлли — Л. Маклейну, 20 января 1834 г. и др. — NA, DD, Russia, Vol. XII; CD, Odessa, 1831—1906, Vol. I; RG 84, Vol. 4332.

¹²⁵ Дж. Бьюкенен — К. В. Нессельроде, 14(26) июня 1832 г. — *J. Buchanan. Works*, Vol. II, p. 205—210; АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 74, лл. 5—13.

¹²⁶ Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 9 августа 1832 г., № 6. — *J. Buchanan. Works*, Vol. II, p. 225.

В ходе бесед с К. В. Нессельроде и П. А. Крюденером был затронут также вопрос о морской конвенции, которая должна была включать принцип — «свободные корабли делают свободными товары» и определить, что является законной блокадой и какие товары могут считаться контрабандой. На вопрос Нессельроде, что скажет по этому поводу Англия, Бьюкенен решительно отвечал, что соглашение будет касаться только России и Соединенных Штатов и Англия не может иметь основания для каких-либо возражений.

Первая реакция на предложения Бьюкенена оказалась в целом более или менее благожелательной. Сразу же вслед за вручением ноты Бьюкенена от 14 (26) июня Крюденер сообщил, что ему поручено подготовить доклад для императора. Вполне одобрительно он отзывался и о некоторых аргументах в пользу заключения торгового договора, в качестве образца для которого Бьюкенен предложил использовать недавно заключенное соглашение с Австрией¹²⁷. Меньший интерес Крюденер проявил к договору о нейтральных правах на море, поскольку Россия, по его словам, располагала лишь небольшим торговым флотом и не сомневалась, что «ее нейтральные права будут уважаться всеми воюющими сторонами». Поскольку, однако, Россия всегда действовала в соответствии с принципами, изложенными в американском проекте, Крюденер и в этом случае не видел препятствий для их оформления в виде договорного акта¹²⁸.

Надежды на успешный исход переговоров еще более возросли, когда 5 июля 1832 г. в С.-Петербург пришло известие о внесении 27 апреля в палату представителей нового тарифного билля. Бьюкенен немедленно информировал Крюденера о предполагаемом снижении пошлин на пеньку, парусину и кованое железо (*hammered iron*). На следующий день в беседе с американским посланником Крюденер не только высказал полное одобрение этой меры, но и отметил «счастливое влияние, которое она оказала бы на торговлю между обеими странами». Царский дипломат сообщил также, что он сразу же передал ноту Нессельроде, который оказался

¹²⁷ Текст договора с Австрией от 27 августа 1829 г. см.: *Treaties*, Vol. III, p. 507—517.

¹²⁸ Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 29 июня 1832 г. — *J. Buchanan. Works*, Vol. II, p. 215.

довольным ее содержанием и в тот же день отправился в Петергоф, чтобы доложить об этом вопросе Николаю I¹²⁹. Среди докладов императору за 1832 г. действительно сохранилась небольшая записка, посвященная проекту нового американского тарифа. В ней сообщалось, что посланник США только что получил информацию о новом тарифе, представленном на рассмотрение конгресса и содержащим важные для России изменения. «Пошлина на кованое железо (*fers battus*) снижалась со 112 до 90 сантимов за центнер, на пеньку — с 60 до 50 долл. за тонну и на полотно для парусов — с 12,5 до 10 сантимов за ярд»¹³⁰.

Однако спустя некоторое время выяснилось, что конгрессом могут быть приняты поправки, которые сделают законопроект менее благоприятным для русских товаров. Основываясь на сообщениях, полученных от К. Ф. Сакена из Вашингтона, К. В. Нессельроде и П. А. Крюденер сообщили свои опасения на этот счет во время очередной встречи с Бьюкеном 1 августа 1832 г.¹³¹ В то время вопрос о целесообразности заключения торгового договора был передан Николаем I на рассмотрение Е. Ф. Канкринна и, по мнению Нессельроде, министр финансов был бы более расположен к одобрению этой меры, если бы узнал, что «в Соединенных Штатах принят благоприятный для России тариф». Давать какие-либо гарантии на этот счет Дж. Бьюкеном не нашел для себя возможным. «Я не могу представить более пагубной политики, — писал он Ливингстону, — чем связать нас договором с иностранной державой таким образом, чтобы помешать конгрессу в любое время осуществлять свободное законодательство в соответствии с высшими интересами нации». Напомним, что сам Бьюкеном был в свое время решительным сторонником протекционистского тарифа. При обсуждении тарифов 1824 и 1828 гг. он активно выступал в палате представителей за уста-

¹²⁹ Здесь и далее мы используем донесение Дж. Бьюкенона Э. Ливингстону от 9 августа 1832 г., № 6. — *J. Buchanan. Works*, Vol. II, p. 221—230.

¹³⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 59, л. 24.

¹³¹ *J. Buchanan. Works*, Vol. II, p. 224. Донесение Сакена о ходе обсуждения нового тарифа см.: АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 280. К 39-му донесению Сакена Нессельроде от 11 (23) июля 1832 г. был приложен «An Act to alter and amend acts imposing duties on imports». — Там же, лл. 284—288, 290.

новление высоких пошлин на пеньку, лен и железо, с тем чтобы не давать иностранному государству исключительной монополии на американском рынке и предотвратить зависимость страны в столь важных для морского флота товарах от русского императора или шведского короля¹³².

Со временем он, однако, убедился, что американские фермеры не проявляли особого желания конкурировать в производстве высококачественной пеньки, и поэтому Соединенным Штатам придется «продолжать пользоваться русской пенькой как для своего военно-морского, так и торгового флота». В донесении от 9 августа 1832 г. посланник прямо указывал, что если законопроект о снижении пошлин на товары русского производства пройдет в конгрессе без существенных изменений, то договор удастся заключить «без особого труда». Эта уверенность была основана на явно преувеличенной и чересчур оптимистической оценке значения торговли с США для России. «Наша торговля,— писал Бьюкенен,— имеет огромное значение для этого народа, и они сделают все что смогут, чтобы ее поддержать и расширить». Только глубокое и все возрастающее сознание своей выгоды могло, по мнению Бьюкенена, преодолеть «предубеждение» С.-Петербурга в отношении торговых договоров¹³³.

Казалось, на этот раз все способствует успеху переговоров. 19 августа Бьюкенен получил известие о том, что благоприятный для русских товаров тариф прошел через обе палаты конгресса, и сразу же поспешил уведомить об этом царское правительство. «Пошлина на ковачное железо снижалась с 22,4 до 18 долл. за тонну, на пеньку — с 60 до 40 долл. за тонну и на парусину — с 12,5 цента за ярд до 15% ее стоимости». Это последнее снижение, как отмечал американский посланник, было особенно существенным, и оно значительно превосходило то, что намечалось первоначально¹³⁴.

¹³² *Annals of Congress*, 18th Congress, 1st Session, Vol. II, p. 188—189; «*Register of Debates*», 19th Congress, 2nd Session, Vol. III p. 747—749; Vol. IV, Pt 2, p. 2089 et seq.; *G. T. Curtis*. Op. cit., Vol. I, p. 36—37, 78—80.

¹³³ *J. Buchanan*. Works, Vol. II, p. 213, 226, 227 etc.

¹³⁴ Дж. Бьюкенен — К. В. Нессельроде, 8(20) августа 1832 г.— *J. Buchanan*. Works, Vol. II, p. 233; АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 74, л. 15.

Политический горизонт взаимоотношений между обеими странами практически был безоблачен. Инструктируя Крюденера в связи с его предстоящим отъездом в США, Нессельроде писал в августе 1832 г.: «Отношения между Россией и Соединенными Штатами ограничиваются сегодня простыми интересами торговли; нет необходимости поэтому, чтобы ко времени возвращения к Вашему посту Вы получили новые пространные инструкции...» Император неизменно дружественно расположен к Соединенным Штатам и «готов предоставить этому новое свидетельство, дав ход неоднократным предложениям, которые делались нам со стороны американского правительства для заключения договора о торговле и мореплавании». Министр иностранных дел отмечал также, что под влиянием договора укрепятся и политические связи «двух наиболее обширных государств Старого и Нового Света. В случае войны между нами и Англией американцы в силу обстоятельств станут нашими союзниками по обязанности»¹³⁵. Как доносил Дж. Бьюкенен, русский посланник в США незадолго до своего отъезда из С.-Петербурга с большой уверенностью говорил о заключении торгового договора и основывался при этом на беседе с Николаем I, в ходе которой он сообщил царю свои взгляды по данному вопросу¹³⁶.

Однако реальные события развернулись таким образом, как вряд ли кто мог предполагать. В октябре 1832 г. царское правительство дало наконец официальный ответ на предложения, сделанные первоначально Дж. Рэндолфом и подтвержденные затем в ноте Дж. Бьюкенена от 14(26) июня. Этот ответ оказался...категорически отрицательным! По мнению царского правительства, между Россией и США и без заключения торгового договора существует полная взаимность и равенство. Главная «дискриминация», на которую ссылались Соединенные Штаты, отменена еще в феврале 1830 г., и теперь с русских судов взимаются те же порто-

¹³⁵ К. В. Нессельроде — П. А. Крюденеру, 5(17) августа 1832 г. — АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, д. 32, лл. 112—113; ф. Канцелярия, 1832 г., д. 281, лл. 4—7.

¹³⁶ Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 2(14) сентября 1832 г., № 7. — *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 233.*

вые пошлины (*du droit de tonnage*), что и с иностранных кораблей, т. е. при *каждом* заходе в порт. Кроме того, в ноте отмечалось, что Россия и впредь предпочитает регулировать торговые отношения с другими странами в соответствии со своими внутренними потребностями без влияния договорных обязательств, которые могли бы со временем стать обременительными. Что касается конвенции о нейтральных правах на море, то, одобрительно отзываясь о ее принципах, император не считал тем не менее целесообразным заключать соглашение только между двумя державами. Подобная конвенция, по отзыву русского правительства, могла бы лишь привести к возобновлению ненужных дискуссий в момент, «когда общее положение дел в Европе не позволяет надеяться на быстрое соглашение по столь деликатным вопросам»¹³⁷.

Какие же причины привели к столь неожиданному и категорическому отказу? Как выяснилось из бесед Дж. Бьюкенена с К. В. Нессельроде и его ближайшим советником Ф. И. Брунновым, на решение Николая I повлияли мнения министра финансов Е. Ф. Канкрин и министра внутренних дел Д. Н. Блудова. Граф Канкрин был принципиальным противником заключения торговых договоров с иностранными державами вообще (а не только с США) и сторонником протекционизма. «В подавляющем большинстве случаев,— писал Канкрин,— охранительная система представляется и правомерной, и неизбежно необходимой»¹³⁸. На внешнюю торговлю страны он смотрел в первую очередь как на источник доходов, и таможенные, портовые, карантинные и иные пошлины служили для него важным рычагом фискальной политики.

Учитывая, что почти вся внешняя торговля страны велась на иностранных кораблях, пошлины с них можно было, в случае необходимости, повысить, не опасаясь, что ответная мера нанесет серьезный ущерб русским интересам (отечественные корабли и купцы почти не

¹³⁷ К. В. Нессельроде — Дж. Бьюкенену, 10(22) октября 1832 г.— *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 244—247*; проект, утвержденный царем 4(16) октября, см.: АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 74, лл. 76—88.

¹³⁸ Е. Ф. Канкрин и его очерки политической экономии и финансов. СПб., 1894, стр. 209.

участвовали в торговле с другими странами). Заключение же специальных торговых договоров могло в этом отношении создать лишь ненужные препятствия и осложнения. И хотя министр финансов признавал, что взаимность в торговых отношениях заслуживает предпочтения, он здесь же добавлял, что «по причине нравственных и коммерческих видов трудно переменить раз существующее»¹³⁹.

Если главным противником заключения торгового договора был Канкрин «и его друзья в императорском кабинете», то в отказе Николая I заключить конвенцию о правах нейтралов на море повинен был, по всей видимости, сам министр иностранных дел. Во всяком случае в качестве приложения к ноте Нессельроде от 10(22) октября 1832 г. в архиве сохранилась подробная записка, позволяющая проследить позицию ведомства иностранных дел по вопросу о заключении конвенции о морских правах начиная с конца 1823 г.¹⁴⁰ Еще в ответе, который был дан царским правительством Г. Миддлтону 1(13) февраля 1824 г., указывалось, что принципы, изложенные в американском проекте конвенции о правах нейтралов, могут быть проведены в жизнь только в результате общего согласия морских держав. Именно на эту неопределенную и полузабытую ноту К. В. Нессельроде счел необходимым сослаться, утверждая, что позиция России осталась с тех пор неизменной¹⁴¹.

Раздосадованный Бьюкенен ехидно заметил Брунову, что не понимает, зачем понадобилось сослаться на ноту от ...1(13) февраля 1824 г., когда есть нота П. А. Крюденера от 16(28) августа 1828 г., в которой давалось заверение, что русский император стремится к заключению соглашений о правах нейтралов на море.

¹³⁹ Е. Ф. Канкрин. Экономия человеческих обществ и состояния финансов.— «Библиотека для чтения», 1846, т. 79, разд. IV, стр. 16. О взглядах Е. Ф. Канкринина см. также: W. M. Pintner. Op. cit., p. 9—26.

¹⁴⁰ «Résumé des explications qui ont eu lieu avec les États-Unis au sujet d'une convention qui fixerait les principes de neutralité».— АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 74, лл. 89—100.

¹⁴¹ К. В. Нессельроде — Г. Миддлтону, 1(13) февраля 1824 г., циркуляр Алопеусу, Ливену, Поццо-ди-Борго и Обрескову от 14(26) февраля 1824 г.— Там же, лл. 89—90; NA, DD, Russia, Vol. X, N 34, Inc. B; К. В. Нессельроде — Г. Миддлтону, 10(22) октября 1832 г.— J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 247.

Находчивости американского дипломата и его умению вести полемику в данном случае нельзя не позавидовать. Для большей убедительности своих слов Дж. Бьюкенен не замедлил представить и полный текст упомянутого документа. Озадаченный Ф. И. Бруннов выразил уверенность, что эта нота никогда не пересылалась в С.-Петербург. Он также высказал предположение, что Крюденер превысил свои полномочия или, быть может, совершил ошибку. Вместо того чтобы написать о стремлении императора «одобрить путем взаимного согласия принципы нейтральных прав на море, он должен был написать о его согласии» с этими принципами ¹⁴².

Практического значения изящный дипломатический жест Бьюкенена, разумеется, иметь не мог. Даже в 1828 г., в трудный для России период войны с Турцией, перспективы заключения морской конвенции между Россией и США выглядели более чем сомнительно. Сам Бьюкенен прекрасно понимал, что главная причина отказа России от заключения этой конвенции связана с общей обстановкой в Европе и нежеланием царского правительства санкционировать договорным путем принципы, которые могли бы быть неприятны для Англии. С другой стороны, если бы Россия стремилась к обострению отношений с Англией и Францией, то она, вероятно, согласилась бы вести переговоры о заключении конвенции о морских правах. И в этой связи Бьюкенен высказывал не лишнее оснований предположение, что конвенция, которой так настойчиво добивались США, в действительности могла стать для них обременительным и опасным союзом (an entangling alliance). Сомневаясь в практической пользе такого договора для Соединенных Штатов, Дж. Бьюкенен подчеркивал, что лучшую гарантию безопасности американской торговли во

¹⁴² Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 19(31) октября 1832 г., № 8.— *J. Buchanan. Works, Vol. 11, p. 257.* Вопреки предположениям Бруннова нота Крюденера от 16(28) августа 1828 г. была своевременно отправлена в С.-Петербург и благополучно получена Нессельроде 9(21) октября 1828 г. вместе с донесением № 79. Более того, слова о стремлении императора одобрить взаимное соглашение с США были подчеркнуты в тексте архивного оригинала карандашом и отмечены знаком NB (АВПР, ф. Канцелярия, д. 12241, лл. 192—193). Черновой проект ноты (ф. Пос-во в Вашингтоне, д. 29, лл. 146—147) носит следы тщательной редакционной правки, что практически исключает возможность случайных ошибок или описок.

время войны может дать только сила их морского флота ¹⁴³.

Отклонение царским правительством американских предложений после их длительного и всестороннего изучения, на первый взгляд, означало полный провал миссии Бьюкенена. Все оказалось, однако, как раз наоборот. То, что должно было служить концом переговоров, стало в действительности их началом. История внешней политики России обогатилась еще одним примером двойной игры на фоне сложного противоборства соперничавших группировок внутри царского правительства. Обо всем этом подробно рассказал сам Бьюкенен в уже упоминавшемся донесении Ливингстону (№ 8). Вручив официальную ноту с отказом заключить торговый договор, К. В. Нессельроде неожиданно отбросил свою обычную дипломатическую осторожность и перешел к откровенной беседе. Он предложил американскому посланнику (причем повторил свою просьбу дважды), не придавая значения официальному отказу, вновь обратиться к русскому правительству по вопросу о торговом договоре, настоятельно рекомендовал специально отметить значение черноморской торговли ¹⁴⁴, а также «моральное впечатление», которое заключение договора произведет на народ Соединенных Штатов. Министр попросил Бьюкенена представить новую американскую ноту в наискратчайший срок и со своей стороны доверительно обещал сразу же представить ее на рассмотрение императора. Показательно, что Нессельроде намекнул, что отправку донесений в Вашингтон следует отложить до отхода из Кронштадта последнего корабля, в среду 19(31) октября 1832 г. ¹⁴⁵

Как и следовало ожидать, Бьюкенен действовал в точном соответствии с «рекомендациями» главы ведомства иностранных дел. Уже на следующий день, 11(23) октября он подготовил пространную ноту, в кото-

¹⁴³ Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 19(31) октября 1832 г., № 8.— *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 260—261.*

¹⁴⁴ Не исключена возможность, что перспектива открытия торговых связей с США через Одессу могла соблазнить влиятельные круги русского дворянства, владевшего землями в южных районах страны. Как уже отмечалось, известную заинтересованность в этой торговле имел и Нессельроде (см. также: *B. P. Thomas. Op. cit., p. 81*).

¹⁴⁵ Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 19(31) октября 1832 г., № 8.— *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 254.*

рой детально излагал мотивы в пользу заключения торгового договора. Посланник отмечал, в частности, что обе державы получают значительные выгоды, если уже существующие в их торговых отношениях справедливые и либеральные принципы будут санкционированы договором, а не сепаратными постановлениями двух правительств. Заключение договора, по словам Бьюкенена, пробудит к жизни новую важную отрасль черноморской торговли и подтвердит узы дружбы, которые на протяжении многих лет соединяют обе державы¹⁴⁶.

Вскоре после того как Бьюкенен переслал свою ноту в русский МИД, к нему явился барон Ф. И. Бруннов. Выразив удовлетворение по поводу общего содержания полученного документа, он предложил, однако, внести небольшие текстуальные изменения, с тем чтобы избежать впечатления, будто нота написана по желанию и просьбе Нессельроде. Для этого в самом начале вместо слов: «во исполнение желания, изъявленного е. пр-вом вице-канцлером нижеподписавшемуся...», — Ф. И. Бруннов предложил написать: «во исполнение беседы между е. пр-вом вице-канцлером и нижеподписавшимся...» и т. д. Последнюю фразу, где говорилось о том, что «эти взгляды» представляются «в форме ноты» в соответствии с «любезным предложением» К. В. Нессельроде Бруннов рекомендовал вообще снять.

Бьюкенен сразу же согласился внести эти поправки, чтобы не создавать Нессельроде «личных затруднений» в борьбе, «которая, по-видимому, происходила между ним и графом Канкриным»¹⁴⁷. Не прошло и часа после ухода Бруннова, как исправленный вариант ноты был уже готов. Американский посланник добавил в заключение несколько обычных фраз и немедленно отослал этот документ в русский МИД. На нем стояла прежняя дата 11 (23), хотя в действительности все это происходило уже 13 (25) октября 1832 г.¹⁴⁸ Несколько дней спустя (вече-

¹⁴⁶ Дж. Бьюкенен — К. В. Нессельроде, 11 (23) октября 1832 г. — *Ibid.*, p. 247—251.

¹⁴⁷ Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 19 (31) октября 1832 г., № 8. — *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 256.*

¹⁴⁸ Дж. Бьюкенен — К. В. Нессельроде, 11 (23) октября 1832 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 74, лл. 19—27 (подл.); NA, DD, Vol. XII (копия). На архивной копии ноты карандашом отмечены поправки, внесенные Бьюкененом в соответствии с предложениями

ром 30 октября) был получен официальный ответ: Николай Павлович милостиво давал свое царское благословение на открытие переговоров. Путь к заключению торгового договора был наконец открыт ¹⁴⁹.

Когда в соответствии с посланным ему накануне приглашением Бьюкенен явился 31 октября в резиденцию министра иностранных дел, то застал Нессельроде в отличном расположении духа. Заключение договора казалось делом уже решенным, и речь шла лишь о том, когда можно будет отправить Дж. Р. Клея с подписанным текстом в Вашингтон. Клей давно уже собирался в Америку, и его отъезд из С.-Петербурга намечался на 20 октября (1 ноября) 1832 г. ¹⁵⁰ Разумеется, закончить подготовку и подписание соответствующих документов в один день было невозможно, но двухнедельный срок представлялся Нессельроде вполне достаточным ¹⁵¹.

Однако оказалось, что ждать Дж. Р. Клею пришлось значительно дольше. Проходили дни, затем недели, а от Нессельроде не поступало каких-либо существенных известий. Наконец, 21 ноября 1832 г., встретив Бьюкенена на званом вечере, Нессельроде отвел посланника в сторону и сообщил, что проект торгового договора уже подготовлен и будет прислан ему для ознакомления через три дня. Соответственно 24 ноября Бьюкенен получил этот проект, а спустя два дня состоялось детальное обсуждение его содержания в министерстве иностранных дел ¹⁵².

Большинство статей русского проекта не встретило каких-либо возражений со стороны американского пос-

Бруннова. В сочинениях Бьюкенена опубликован лишь ее первоначальный вариант (*J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 247—251*).

¹⁴⁹ К. В. Нессельроде — Дж. Бьюкенену, 18 (30) октября 1832 г. — *Ibid.*, p. 252; АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 74, лл. 103—104.

¹⁵⁰ Просьбу Дж. Бьюкенена о выдаче Дж. Клею паспорта для отъезда в США от 18 (30) октября 1832 г. см.: АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 74, л. 44.

¹⁵¹ Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 19 (31) октября 1832 г., № 8. — *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 258—259*.

¹⁵² Подробное изложение хода переговоров содержится в донесении Дж. Бьюкенена Э. Ливингстону от 20 декабря 1832 г., № 9. — *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 271—289*; письмо К. В. Нессельроде Дж. Бьюкенену от 12 (24) ноября 1832 г. см.: NA, DD, Russia, Vol. XII, N 9, Doc. A; проект договора (Doc. B) опублик.: *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 289—293*.

лапника. Как правило, они соответствовали условиям уже заключенных США торговых договоров с Пруссией, Швецией и Австрией (за основу при подготовке текста проекта был взят договор с Пруссией)¹⁵³. С другой стороны, отдельные положения договора стали предметом острой дискуссии.

Дж. Бьюкенен стремился обеспечить полное равенство в уплате пошлин американскими и русскими кораблями и ликвидировать всякую возможность дискриминации в портах Российской империи. Следует иметь в виду, что в наиболее важных для торговли США портах (С.-Петербург и Архангельск) американские корабли давно уже платили такие же налоги, как и русские. В то же время в Одессе, Таганроге, Риге, Ревеле и некоторых других портах с иностранных, а значит и американских судов взимались несколько большие маячные, лоцманские и прочие портовые сборы. Отмечая совершенную незначительность дополнительных сборов с иностранных судов, Бьюкенен считал, что их отмена желательна не столько по практическим соображениям, сколько для поддержания принципа полного равенства. Нессельроде напомнил, однако, что балтийские провинции России (Курляндия, Ливония и Эстляндия) со времен Петра I сохранили ряд привилегий в отношении портовых сборов, и правительство не находит уместным вмешиваться в этот вопрос. В то же время министр иностранных дел согласился с предложенным Бьюкененом изменением редакции ст. 2, по которому равенство устанавливалось в отношении «ластовых пошлин» (*duties on tonnage*), в то время как на другие портовые сборы распространялся принцип наибольшего благоприятствования.

В соответствии с этой договоренностью вечером 14 (26) ноября 1832 г. Бьюкенен переслал новую редакцию ст. 2, которая и была включена в согласованный обеими сторонами текст договора¹⁵⁴.

В самый последний момент Бьюкенен, правда, предложил вернуться к первоначальному варианту, при условии, что полное равенство в пошлинах будет введено в

¹⁵³ Treaties, Vol. III, p. 427—439.

¹⁵⁴ Дж. Бьюкенен — К. В. Нессельроде, 14 (26) ноября 1832 г. — *J. Buchanan. Works*, Vol. II, p. 268—271; АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 74, лл. 46—49.

Одессе, а исключение из правила относилось бы лишь к портам балтийских провинций. У Нессельроде не было принципиальных возражений против такого предложения, но он заметил, что в таком случае придется вновь согласовывать текст статьи с Канкриным, а это приведет лишь к новым оттяжкам и затруднениям. Бьюкенен предпочел не испытывать судьбу и отказаться от своего намерения. Кроме того, следует учесть, что на практике вся так называемая «дискриминация» в отношении американского корабля водоизмещением 200 т составляла в Одессе по договору ...5 долл. Если бы русские суда приняли какое-либо участие в посреднической торговле двух стран, то лишь маячная пошлина в портах Соединенных Штатов более чем в 10 раз превысила «дискриминацию», уплачиваемую американцами в Одессе. В том, что касается мореплавания, приходил к выводу Бьюкенен, «никакой взаимности, кроме как на бумаге, между двумя странами существовать не может. В этом смысле договор полностью в интересах Соединенных Штатов»¹⁵⁵.

Несмотря на то что Бьюкенен участвовал в дипломатических переговорах впервые, следует признать, что он проявил завидное умение вести дискуссию и приходиться к согласованию приемлемых и выгодных для США условий соглашения. Причем с самого начала он последовательно строил свою аргументацию на доказательстве выгоды тех или иных условий договора для русской стороны. Американский посланник сразу же обратил внимание русских представителей на отсутствие в первоначальном проекте ст. 5 договора с Пруссией, содержащей принцип наиболее благоприятствуемой нации.

Выразив крайнее удивление по этому поводу, Дж. Бьюкенен заметил, что это как раз та статья, в которой Россия больше всего заинтересована. Он сослался при этом на доклад министра финансов США за 1830 г., в котором экспорт товаров американского производства в Россию определялся всего в 35 461 долл., а импорт русских товаров в США — в 1 621 899 долл.¹⁵⁶

¹⁵⁵ Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 20 декабря 1832 г., № 9.— *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 284.*

¹⁵⁶ *Ibid.*, p. 275. Ссылаясь на данные аналогичного доклада за 1831 г. («*Niles' Register*», Vol. XLIII, p. 155—167), проф. Б. П. Томас полагал, что Бьюкенен занизил данные по экспорту американских

Этим заявлением Бьюкенен, по его собственному отзыву, хотел убедить К. В. Нессельроде в том, что если США «получают почти все выгоды от мореплавания, то Россия имеет достаточную компенсацию в торговых делах». В результате обе страны оказывались заинтересованными в поддержании и расширении взаимных связей.

Чтобы окончательно убедить своих собеседников в выгодах и значении торговых отношений между Россией и США, Бьюкенен познакомил Нессельроде и Бруннова с таблицей экспорта русских промышленных товаров на американских судах из С.-Петербурга, составленной американским генеральным консулом А. П. Гибсоном. Из этой таблицы следовало, что за последние шесть лет (с 1826 по 1831 г.) на долю американских кораблей приходилось более $\frac{2}{3}$ экспорта таких важных товаров, как пенька, парусина, равендук и пр. Что касается железа (*bar iron*), то за тот же период на американских кораблях было вывезено 2657 тыс. пудов, а это составляло более половины общего экспорта железа из С.-Петербурга (4559 тыс. пудов)¹⁵⁷.

По сообщению Дж. Бьюкенена, К. В. Нессельроде имел ранее лишь самое поверхностное представление о фактическом состоянии русско-американской торговли и после ознакомления с представленными данными заметил Ф. И. Бруннову, что «эта торговля действительно является очень ценной». Он также выразил свое недоумение о причинах отсутствия в русском проекте статьи о принципе наиболее благоприятствуемой нации и тут же распорядился, чтобы она безусловно была включена в окончательный текст договора. Так был решен один из наиболее важных вопросов торгового соглашения, которого США добивались на протяжении многих десятилетий.

Без особых затруднений удалось договориться и о сроке нового соглашения. Первоначально в русском проекте предлагалось ограничить действие договора че-

товаров чуть ли не в 10 раз: в докладе за 1831 г. их стоимость определялась в 347 914 долл. (*B. P. Thomas. Op. cit., p. 86*). Между тем с чисто формальной стороны Бьюкенен был прав (другое дело, что эти данные совершенно не соответствовали реальному объему экспорта США), так как цифра 347 914 долл. относилась к экспорту товаров иностранного, а не американского производства.

¹⁵⁷ NA, DD, Russia, Vol. XII, N 9, Doc. C.

тырьмя годами. Бьюкенен настаивал на более продолжительном сроке, и Нессельроде без лишних возражений принял предложение, что договор останется в силе до 1 января 1839 г. с последующим продлением, пока одна из сторон за год до истечения срока не заявит официально о своем намерении прекратить его действие. При этом не исключалась возможность, что практически соглашение не будет ограничено во времени (в действительности так и произошло, поскольку договор оставался в силе вплоть до начала 1913 г., т. е. ровно 81 год)¹⁵⁸.

Хотя все основные статьи были в принципе согласованы уже на первой встрече 26 ноября 1832 г., дальнейшие события развивались не слишком быстро. В результате Бьюкенен стал опасаться, что сенат США не успеет ратифицировать новый договор до окончания сессии в марте будущего года, а Дж. Р. Клей проявлял все большее нетерпение по поводу срока своего отъезда из С.-Петербурга.

Вот тогда-то американскому посланнику и пришла счастливая мысль приурочить подписание договора ко дню рождения или, точнее, к именинам Николая I. Многоопытному в подобных делах Нессельроде эта идея понравилась, и 2(14) декабря 1832 г. Бьюкенен направил русскому правительству специальную ноту. Республиканский посланник сообщал, что ему было бы особенно приятно, «если бы договор можно было заключить в день рождения е. и. в-ва». Подобное событие, по отзыву Бьюкенена, явилось бы хорошим предзнаменованием тех счастливых последствий, которые обе страны извлекут в будущем из этого соглашения¹⁵⁹.

Задержки и отсрочки немедленно сменились теперь необычной деловитостью и исключительной быстротой завершения всех формальностей. В тот же день стороны согласовали последние мелкие поправки и поздно вечером Бьюкенен переслал в русский МИД английский перевод текста договора. 3(15) декабря Нессельроде отправился к Николаю I с докладом о завершении своих переговоров. Он представил на одобрение царя оконча-

¹⁵⁸ Об аннулировании договора см. резолюцию конгресса от 21 декабря 1911 г.— Documents on Russian-American Relations, ed. by S. S. Jados. Washington, 1965, p. 41.

¹⁵⁹ Дж. Бьюкенен — К. В. Нессельроде, 2 (14) декабря 1832 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 74, л. 51.

тельный проект и сообщил, что каждая статья, как и весь проект в целом, согласованы им с министром финансов Канкриным. Нессельроде специально обращал внимание, что в ходе переговоров он следовал общим принципам торговой системы России и не затрагивал специальных постановлений, которые призваны, в частности, оказывать содействие развитию русского мореплавания. Отмечая выгоды заключения договора, министр просил царя дать разрешение приступить к официальному подписанию представленного на его одобрение текста ¹⁶⁰.

Высочайшее «соизволение» было дано, и в тот же день Нессельроде известил Бьюкенена, что им получены полномочия для подписания торгового договора в том виде, в котором он накануне был согласован ¹⁶¹. Осталось лишь подготовить соответствующее число копий, о чем должны были позаботиться чиновник русского МИД Сакен и секретарь американской миссии Дж. Р. Клей. К вечеру 17 декабря все было уже закончено и подписание договора назначено на 2 часа дня 18 декабря 1832 г., сразу же после окончания утреннего приема в честь Николая I.

Следует иметь в виду, что переговоры Бьюкенена с Нессельроде происходили в обстановке строжайшей секретности. Намек Нессельроде о необходимости соблюдения строгой тайны и нежелательности ознакомления с ходом переговоров Великобритании был сразу же понят американской стороной. В дипломатических кругах русской столицы хорошо знали, что министр финансов Е. Ф. Канкрин против всяких торговых договоров. К тому же в С.-Петербурге распространились слухи о категорическом отклонении царским правительством американских предложений в октябре 1832 г. В результате о фактическом завершении переговоров были осведомлены лишь их непосредственные участники и технические исполнители.

¹⁶⁰ См. доклад К. В. Нессельроде Николаю I о торговых переговорах с Соединенными Штатами («Négotiation commerciale avec les États-Unis») с царской пометой: «Быть по сему» 3 декабря 1832 г.— Там же, лл. 55—61.

¹⁶¹ К. В. Нессельроде — Дж. Бьюкенену, 3 (15) декабря 1832 г.— NA, DD, Russia, Vol. XII, N 9, Doc. H.

Утром 18 декабря дипломатический корпус согласно этикету выстроился в царском дворце в ожидании выхода Николая Павловича и Александры Федоровны. Рядом с Бьюкеном оказался ничего не подозревавший и добродушный по своему характеру британский дипломатический представитель Блай. «Вы поймете мое удивление,— сообщал Бьюкенен Ливингстону,— когда император во всеуслышание обратился ко мне по-французски, сказав: «Я отдал вчера распоряжение, чтобы договор был оформлен в соответствии с Вашими пожеланиями»». Затем, повернувшись к изумленному Блау, царь попросил перевести свои слова американскому посланнику, который все еще недостаточно освоился с разговорной французской речью. Не могло быть сомнений в том, что вся эта сцена была заранее подготовлена Николаем I и разыгрывалась специально для того, чтобы вызвать замешательство и тревогу британского дипломата. После того как император удалился, Блай поспешил осведомиться о том, какой договор имеется в виду. И хотя Бьюкенен сразу же его успокоил, сообщив, что речь шла только о торговом соглашении США с Россией, этот факт выглядел для британского дипломата не слишком утешительно, если учесть, что заключение подобного же договора было ранее одной из целей миссии лорда Дургам¹⁶².

Сразу же после окончания приема Бьюкенен и Несельроде отправились в министерство иностранных дел, где состоялось официальное подписание подготовленных документов. На церемонии присутствовали лишь Бруннов и Сакен. По своему фактическому содержанию договор не выходил за рамки обычных торговых соглашений того времени. В соответствии со ст. I торговля и мореплавание между владениями обеих сторон объявлялись свободными и основанными на взаимности. Жителям обеих стран разрешалось торговать во всех местах, где допускалась иностранная торговля. Предусматривалось свободное ведение дел и ограждение их той же безопасностью и покровительством, которыми пользовались жители страны пребывания «с тем, однако же, что они подчинены будут существующим там законам и

¹⁶² Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 20 декабря 1832 г., № 9.— *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 282—283.*

учреждениям». Ст. 2 предусматривала распространение преимуществ, которые одна из сторон предоставит в области торговли и навигации какой-либо нации, на другую договаривающуюся сторону.

Общая таможенная политика каждой из договаривающихся сторон оставалась вполне автономной и условиями договора не затрагивалась. «Всякий товар и предметы торговли,— гласила ст. 3,— которые могут быть законно привозимы в гавани Российской империи и на российских судах, будет дозволено привозить также и на судах Американских Штатов с платежом только тех или не свыше таких пошлин или сборов, которые под каким бы ни было видом или названием взиматься будут... с таких же товаров или предметов торговли, привезенных на российских судах». Аналогичное условие распространялось «во взаимство» и на товары, привозимые в США на русских судах.

Каждой из договаривающихся сторон предоставлялось право иметь «консулов, вице-консулов, агентов и комиссаров по своему выбору с тем, что они пользоваться будут такими же правами и преимуществами, какими пользуются определенные в сих званиях от наиболее благоприятствуемых правительств» (ст. 8). Особо оговаривалось (ст. 9), что «помянутые консулы, вице-консулы или торговые агенты будут вправе требовать от местных начальств помощи для отыскания, взятия под стражу, задержания и заключения в тюрьму дезертиров с военных и купеческих судов, принадлежащих государству, таковых агентов определившему».

Трактат был заключен на срок до 1 (13) января 1839 г. с последующим продлением, если только одна из сторон за год до истечения срока не заявит официально о своем намерении прекратить его действие¹⁶³.

Подписывая договор о торговле и мореплавании, К. В. Нессельроде и Дж. Бьюкенен не сомневались в серьезном значении этого акта для развития отношений между Россией и Соединенными Штатами. Американский посланник с восторгом сообщал в Вашингтон, что

¹⁶³ Трактат о торговле и мореплавании, заключенный между Россией и Соединенными Американскими Штатами 6 (18) декабря 1832 г.— «Сборник торговых договоров, заключенных Россией с иностранными государствами». СПб., 1912, стр. 461—467.

заключение договора открывает «новую эру в русской дипломатии»¹⁶⁴. Разумеется, к этим словам следует относиться достаточно критически и ни в коей мере не понимать их буквально. Бьюкенен был явно склонен переоценивать успех своей миссии и слишком гордился тем, что ему удалось достичь наконец результата, которого США безуспешно добивались со времени посылки в С.-Петербург Ф. Дейна в 1780 г. Следует иметь в виду, что Россия практически не имела специальных торговых соглашений с другими странами, если не считать ближайших соседей — Пруссии и Швеции. Договор с США был, таким образом, лишь третьим актом подобного рода, и это обстоятельство не могло не придавать ему в глазах современников дополнительный смысл и значение.

Пересылая русскому поверенному в делах в Вашингтоне К. Ф. Сакену текст только что подписанного договора, глава русского ведомства иностранных дел выражал надежду, что этот акт несомненно окажет благоприятное влияние на отношения между Россией и Соединенными Штатами и что жители обеих стран смогут отныне с возросшим рвением заниматься торговыми делами. Нессельроде особо подчеркивал, что реальные выгоды обещает развитие черноморской торговли. Как видно, усилия Бьюкенена в этом направлении не пропали даром. Кстати, деятельность посланника Соединенных Штатов в С.-Петербурге получила самую лестную оценку Нессельроде, отмечавшего проявленную американским дипломатом большую откровенность, а также дух умеренности, которые способствовали успешному завершению переговоров¹⁶⁵.

Заключение договора с Соединенными Штатами произвело немалое впечатление в дипломатических кругах царской столицы и содействовало укреплению личного престижа американского посланника в России. Бьюкенен сразу же почувствовал это изменение и отметил, что даже министр финансов Канкрин одобрительно ото-

¹⁶⁴ Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 20 декабря 1832 г., № 9.— *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 286.*

¹⁶⁵ К. В. Нессельроде — К. Ф. Сакену, 8 (20) декабря 1832 г.— АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 37, лл. 182—201 (на лл. 184—199 текст договора); проект см.: ф. Канцелярия, 1832 г., д. 290, лл. 384—386.

звался как о договоре, так и о нем самом. В целях дальнейшего укрепления американского влияния в деловых кругах русской столицы Бьюкенен настойчиво рекомендовал назначить официальным банкиром Соединенных Штатов главу крупнейшего торгового дома в С.-Петербурге барона Стиглица, с которым у него уже установились тесные связи. «Это в еще большей степени расположит его в пользу торговцев нашей страны,— писал Бьюкенен,— и в случае необходимости они найдут в нем влиятельного защитника при здешнем правительстве»¹⁶⁶.

Используя «более интимные отношения», установившиеся между Россией и США после подписания договора, Нессельроде передал Бьюкенену 8(20) декабря 1832 г. неофициальную ноту, или, точнее, меморандум по поводу нападок американской печати на действия царского правительства в Польше. Он познакомил посланника также с содержанием ноты К. Ф. Сакена Д. Бренту 14 октября 1832 г. и выразил надежду, что правительство США сочтет возможным в будущем устранить повод для жалоб, по крайней мере в отношении газеты «Глоуб», которая считается официальным органом¹⁶⁷.

В ответ на демарш К. В. Нессельроде посланник заметил, что хотя «Глоуб» и называют официальной газетой, американское правительство не может оказывать на нее прямого влияния. Тем не менее Бьюкенен обещал Нессельроде обратиться по этому поводу непосредственно к президенту Джексону¹⁶⁸. Учитывая важность поддержания хороших взаимоотношений с Россией, посланник рекомендовал правительству «посоветовать» редактору газеты «Глоуб» воздержаться от резких нападок на императора. «Они не могут принести никакой пользы,

¹⁶⁶ Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 20 декабря 1832 г., № 9.— *J. Buchanan. Works*, Vol. II, p. 288—289. В соответствии с этим предложением «барон Стиглиц и компания» были официально назначены банкирами государственного департамента США в С.-Петербурге (см.: Д. Брент — Дж. Р. Клею, 6 апреля 1833 г.— *NA, DI, Russia*, Vol. XIV, p. 11).

¹⁶⁷ К. В. Нессельроде — Дж. Бьюкенену, 8 (20) декабря 1832 г.— *J. Buchanan. Works*, Vol. II, p. 305—306; АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 280, лл. 389—390.

¹⁶⁸ К. В. Нессельроде — К. Ф. Сакену, 8 (20) декабря 1832 г.— АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 37, л. 178.

зато могут причинить большой вред», — указывал американский дипломат и предлагал поместить в этой газете редакционную заметку, в которой отдавалось бы должное «доброму расположению» Николая I к Соединенным Штатам, доказательством чего явилось заключение торгового договора ¹⁶⁹.

В то время как в С.-Петербурге вопрос о нападках американской печати на Россию в связи с польским восстанием был без особого труда урегулирован, в Вашингтоне дело приняло совсем иной оборот. Нота Сакена Бренту от 14 октября 1832 г. вызвала серьезное недовольство правительства США особенно потому, что в ней задевалась личность президента Джексона. Из содержания ноты Сакена следовало, что, выступая с дружественными заверениями в адрес России, президент одновременно поощрял или во всяком случае смотрел сквозь пальцы на нападки американской печати на императора. Русский поверенный в делах в этой связи просил принять меры для того, чтобы редактор «Глоуб» следовал той же линии, которой придерживался президент ¹⁷⁰.

Замешательство американского правительства легко понять, если учесть, что еще ранее, воспользовавшись пребыванием Ливингстона в Нью-Йорке, Сакен неофициально познакомил его с содержанием этой ноты и просил использовать свое влияние для того, чтобы изменить сложившееся положение. Царский дипломат даже передал Ливингстону копию своего представления Бренту и со стороны государственного секретаря в то время не последовало каких-либо возражений по поводу его содержания ¹⁷¹. Когда же позднее в Вашингтоне

¹⁶⁹ Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 27 декабря 1832 г., № 10. — *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 304.* В этом же донесении Бьюкенен отмечал трудности сохранения дружественных отношений с Россией и необходимость соблюдения большого такта со стороны представителя США в С.-Петербурге. «Для этих людей совершенно невозможно представить себе положение дел в Соединенных Штатах. Мы являемся политическими антиподами, и поэтому крайне трудно поддерживать те дружественные отношения, которые так важны для интересов нашей страны» (*Ibidem*).

¹⁷⁰ К. Ф. Сакен — Д. Бренту, 14 октября 1832 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 280, лл. 351—354; *F. Ley. Op. cit., p. 95—98.*

¹⁷¹ К. Ф. Сакен — К. В. Нессельроде, 19 (31) октября 1832 г., № 48. — АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 280, лл. 347—350.

внимательно ознакомились с нотой Сакена, ее текст стал казаться совершенно неприемлемым.

Довольно долго демарш Сакена оставался без ответа. Попытки урегулировать недоразумение путем частных переговоров результатов не дали, и государственный секретарь решил в конечном итоге направить Сакену официальный протест, в котором указывал на невозможность дальнейших объяснений по данному вопросу, пока не будут сняты обвинения, наносящие ущерб репутации американского правительства и несовместимые с его искренним дружественным расположением к России¹⁷². Кроме того, в начале января 1833 г. Бьюкенену были даны специальные предписания о необходимости поставить вопрос о действиях Сакена перед царским правительством в С.-Петербурге¹⁷³.

Хорошие взаимоотношения Дж. Бьюкенена с К. В. Нессельроде позволили посланнику без особого труда ликвидировать все возможные последствия злополучной ноты. Министр иностранных дел выразил свое сожаление по поводу «недоразумения», которое произошло в Вашингтоне, и заверил Бьюкенена, что Сакен не мог иметь намерения оскорбить президента, поскольку предварительно текст ноты был показан Ливингстону. «Он заметил,— сообщал Бьюкенен в отчете о беседе с Нессельроде 26 февраля 1833 г.,— что, если бы м-р Ливингстон в то время представил возражения относительно какой-либо части ноты, барон Сакен сразу же изменил ее редакцию». Не без некоторого ехидства, хотя и в дружественной манере, министр иностранных дел обратил также внимание, что ноту Сакена не следует именовать «официальной», поскольку она составлена от первого лица и в ней нет слова «нижеподписавшийся».

Возвращение в апреле 1833 г. на пост посланника в Вашингтоне Крюденера и отъезд Сакена в С.-Петербург дали обеим сторонам формальное основание считать инцидент полностью исчерпанным, а Бьюкенен вновь подтвердил свое стремление добиться по возможности смягчения нападков американской печати на действия

¹⁷² Э. Ливингстон — К. Ф. Сакену, 4 декабря 1832 г.— NA, Notes, Russia, Vol. III; *F. Ley. Op. cit.*, p. 100.

¹⁷³ Э. Ливингстон — Дж. Бьюкенену, 2 января 1833 г., № 6.— NA, DI, Russia, Vol. XIV, p. 1—4.

России в Польше и, в частности, по собственной инициативе переслал соответствующие материалы из официальной русской газеты в США¹⁷⁴.

Без всяких осложнений прошла и ратификация торгового договора. В его тексте предусматривалось, что ратификационные грамоты «будут обменены в Вашингтоне в течение года» (ст. 13). Обе стороны, однако, не сомневались, что им удастся осуществить это гораздо раньше. Уже 27 декабря 1832 г. (8 января 1833 г.) договор был ратифицирован Николаем I, а месяц спустя Нессельроде направил соответствующие извещения Сакену и Крюденеру¹⁷⁵.

20 февраля 1833 г. после двухмесячного трудного путешествия Дж. Р. Клей доставил порученные ему официальные документы из С.-Петербурга в Вашингтон, а два дня спустя президент Э. Джексон представил договор о торговле и навигации на утверждение сената¹⁷⁶. Без особых возражений договор был ратифицирован конгрессом 8 апреля 1833 г., а 11 мая 1833 г. в помещении государственного департамента произошел официальный обмен ратификационными грамотами¹⁷⁷. В США открыто не скрывали своего удовлетворения по поводу нового соглашения с Россией, и президент Джексон писал в частном порядке Бьюкенену в С.-Петербург: «Договор хорош настолько, насколько мы могли ожидать или желать, и если Вам удастся заключить столь же удовлетворительно и другой, то это будет счастливым

¹⁷⁴ Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 26 февраля 1833 г., № 15.— *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 322—326.* О дружественном приеме Крюденера в Вашингтоне в апреле 1833 г. см.: П. А. Крюденер — К. В. Нессельроде, 5 (17) апреля 1833 г., № 4.— АВПР, ф. Канцелярия, 1833 г., д. 213, лл. 129—131.

¹⁷⁵ См.: К. В. Нессельроде — К. Ф. Сакену, а также П. А. Крюденеру от 25 января (6 февраля) 1833 г.— АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 35, лл. 1, 2, 4—5; ф. Канцелярия, 1833 г., д. 213, лл. 239—240. Непредвиденная задержка с отправкой ратификационной грамоты вызвала беспокойство Бьюкенена, и он специально беседовал по этому поводу с Нессельроде 5 февраля 1833 г. (*J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 317.*)

¹⁷⁶ *G. I. Oeste. John Randolph Clay. America's First Career Diplomat. Philadelphia, 1966, p. 122—128; Messages and Papers, Vol. II, p. 636.*

¹⁷⁷ П. А. Крюденер — К. В. Нессельроде, 29 апреля (11 мая) 1833 г., № 8.— АВПР, ф. Канцелярия, 1833 г., д. 213, л. 153.

результат, который поставит Вас в самый высший ряд наших способных и удачливых дипломатов»¹⁷⁸.

Надо сказать, что сам Бьюкенен давно уже сомневался в целесообразности морской конвенции и даже специально писал по этому поводу Ливингстону в октябре 1832 г. В Вашингтоне на этот раз не согласились с мнением своего посланника в С.-Петербурге и вновь подтвердили необходимость добиваться заключения договора о правах нейтральных держав на море¹⁷⁹. Последние сомнения на этот счет рассеял Дж. Р. Клей, вернувшийся в Россию 18 мая 1833 г. Он сообщил, что о возражениях Бьюкенена было доложено на заседании кабинета, но в конечном итоге решено было следовать прежнему курсу. Без всякой надежды на успех Бьюкенену пришлось вновь поднимать вопрос о злополучной конвенции. Не желая, однако, получать официальный отказ, посланник решил изложить взгляды американского правительства в виде неофициальной ноты и не настаивать на формальном открытии переговоров¹⁸⁰.

Хотя неофициальная нота Бьюкенена от 18(30) мая 1833 г. была составлена с присущим для него искусством и выгодно оттеняла ряд преимуществ, которые приобрела бы Россия в случае заключения договора о правах нейтралов на море¹⁸¹, никакого практического результата, как и следовало ожидать, она не имела. Когда в конце июля американский посланник вновь коснулся этого вопроса, Нессельроде с сожалением сообщил, что не может дать в данном вопросе ни малейшей надежды на успех¹⁸². При всем том личный престиж Бьюкенена в царской столице и дружественный характер его отношений с Нессельроде оставались неизменными. В письме своему другу Дж. Б. Стериджеру Бьюкенен не

¹⁷⁸ Э. Джексон — Дж. Бьюкенену, 21 марта 1833 г.— *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 329.*

¹⁷⁹ См.: Э. Ливингстон — Дж. Бьюкенену, 5 апреля 1833 г., № 9.— *NA, DI, Russia, Vol. XIV, p. 5—7.*

¹⁸⁰ См.: Дж. Бьюкенен — Э. Ливингстону, 22 мая 1833 г., № 17, Дж. Бьюкенен — Э. Джексону, 29 мая 1833 г.— *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 335—336, 340—341.*

¹⁸¹ Дж. Бьюкенен — К. В. Нессельроде, 18(30) мая 1833 г.— *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 342—345*; АВПР, ф. Канцелярия, 1833 г., д. 62, лл. 9—14.

¹⁸² Дж. Бьюкенен — Л. Маклейну, 31 июля 1833 г., № 21.— *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 374.*

без гордости отмечал, что стал в царской столице фаворитом, а его прощальная аудиенция в Петергофе 5 августа 1833 г. превратилась в своеобразное объяснение во взаимных симпатиях с всероссийским императором. Николай I просил передать президенту Джексону, чтобы новый американский посланник оказался бы точно таким, каким был Бьюкенен¹⁸³.

Уже на обратном пути в Америку Дж. Бьюкенен беседовал в сентябре 1833 г. с русским послом в Париже К. О. Поццо-ди-Борго, который откровенно изложил причины нежелания России заключить договор о морских правах с Соединенными Штатами. «Подобный договор,— отмечал Поццо-ди-Борго,— привел бы в настоящее время Англию в ярость. Россия всего лишь второстепенная морская держава. Она, однако, полностью согласна с принципами морских прав, которых мы (т. е. Соединенные Штаты.— *Н. Б.*) придерживаемся, и в соответствующее время будет их отстаивать так же, как если бы она заключила договор»¹⁸⁴.

В исторической литературе распространено мнение о том, что договор, подписанный в С.-Петербурге в декабре 1832 г., «не выходил за рамки обычных документов, регулирующих торговый оборот»¹⁸⁵. Только коммерческие интересы вряд ли, однако, могли заставить царское правительство отказаться от своего традиционного нежелания заключать торговые договоры. Кроме того, объем торговых связей с Америкой был не так велик, чтобы лишь на этом основании Нессельроде мог рассчитывать преодолеть сопротивление Канкрин, Блудова и других влиятельных министров царского правительства. Вспомним, что сам К. В. Нессельроде рекомендовал Дж. Бьюкенену сослаться на «моральное влияние», которое произведет заключение договора на народ Соединенных Штатов. Что касается Бьюкенена, то с самого начала своего пребывания в С.-Петербурге он стремился убедить царское правительство, что США настаивают на заключении договора «больше из жела-

¹⁸³ *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 334, 381.*

¹⁸⁴ Дневниковая запись от 13 сентября 1833 г.— *G. T. Curtis. Op. cit., Vol. I, p. 224.*

¹⁸⁵ См., например: «Очерки новой и новейшей истории США», т. I. М., 1960, стр. 170; *F. R. Dulles. The Road to Teheran. Princeton, 1945, p. 47.*

ния быть в наилучших отношениях с Россией», чем из расчета на получение каких-то огромных выгод от торговли¹⁸⁶.

Дж. Бьюкенен был, конечно, не вполне искренен, когда стремился замаскировать выгоды и преимущества США от заключения торгового договора. Вместе с тем совершенно очевидно, что деловые и коммерческие связи никогда не следует отделять от общих взаимоотношений и всякое торговое соглашение неизбежно приобретает и определенное политическое значение. Акт 6(18) декабря 1832 г. не был в этом смысле исключением и имел, как представляется, вполне очевидный политический оттенок. Не случайно поэтому сообщение Николая I о предстоящем заключении договора превратилось в своеобразную антианглийскую демонстрацию во время дворцового приема 6(18) декабря 1832 г. Отношения России и Англии к концу 1832 г. были достаточно натянутыми. Незадолго до этого произошел неприятный дипломатический инцидент, вызванный нежеланием Николая I принять нового британского посла С. Каннинга. Лорд Пальмерстон «не сразу примирился с афронтом, который учинил ему Николай Павлович», и некоторое время советник посольства Блай исполнял должность британского дипломатического представителя в царской столице в качестве поверенного в делах. Соответственно Х. А. Ливен покинул Лондон, где вместо него был оставлен «молокосос» Медем¹⁸⁷.

Одним из факторов, ускоривших заключение договора, явилось, по-видимому, и англо-французское соглашение от 22 октября 1832 г., в соответствии с которым обе державы выступили в поддержку независимости Бельгии. Надежды царя на использование противоречий между Лондоном и Парижем по бельгийскому вопросу оказались, таким образом, тщетными¹⁸⁸.

Главное, однако, что надо иметь в виду при оценке значения подписанного в конце 1832 г. договора,— это принцип наибольшего благоприятствования. Дж. Бьюкенену удалось добиться включения этого принципа в текст

¹⁸⁶ *J. Buchanan. Works, Vol. II, p. 225, 254 etc.*

¹⁸⁷ Этот инцидент с присущим ему изяществом описал Е. В. Тарле в кн.: «Крымская война», т. I. М.—Л., 1950, стр. 81 и далее.

¹⁸⁸ *B. P. Thomas. Op. cit., p. 87; BFSP, Vol. XIX, p. 258—265.*

соглашения, и в результате он стал официальной основой для всего последующего развития русско-американской торговли в XIX — начале XX в. Поскольку торговля с Россией находилась в основном в руках американцев и для ее поддержания использовались почти исключительно американские корабли, многие «равноправные» статьи договора оказывались выгодными в первую очередь Соединенным Штатам. Естественно также, что могущественная Россия представляла собой и более важного, чем США, политического партнера в международных делах. Не случайно поэтому сенатор Томас Бентон в качестве одной из заслуг администрации Э. Джексона указал на подписание «важного договора с великой державой». Заключение «давно желанного» договора было, по отзыву сенатора, крупным событием для Соединенных Штатов. И хотя ничего существенного не было добавлено к тем привилегиям, которыми на практике уже пользовались американцы в России, факт подписания договора придал ту стабильность и уверенность в их сохранении, которые столь необходимы в торговых делах¹⁸⁹.

В годовом послании конгрессу от 3 декабря 1833 г. президент Э. Джексон специально отметил, что «дружественные отношения, которые всегда поддерживались между Соединенными Штатами и Россией, получили дальнейшее развитие и были закреплены договором от 6 (18) декабря прошлого года...» Благодаря «либеральным условиям» этого договора развивается «процветающая и увеличивающаяся» торговля, что в свою очередь «придает новые мотивы той взаимной дружбе, которую обе страны до сих пор питали в отношении друг друга»¹⁹⁰.

¹⁸⁹ *T. Benton. Thirty Years' View...*, Vol. I. New York, 1854, p. 605—606.

¹⁹⁰ *Messages and Papers*, Vol. III, p. 22. Как обычно, русский посланник в Вашингтоне Крюденер не только переслал в С.-Петербург полный текст президентского послания, но и сопроводил его подробными комментариями (см.: П. А. Крюденер — К. В. Нессельроде, 10 (22) декабря 1833 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1834 г., д. 221, лл. 7—23).

часть

III

США И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

(1815—1830-е ГОДЫ)

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

АМЕРИКАНСКАЯ ТЕМА НА СТРАНИЦАХ
«ДУХА ЖУРНАЛОВ»

В 1820 г. в нескольких книгах петербургского периодического издания «Духа журналов» было опубликовано подробное изложение конституции Соединенных Штатов Америки¹. Для современного читателя этот факт может показаться не столь уж существенным, но, чтобы в полной мере оценить его значение, следует вспомнить, что в свое время лишь А. Н. Радищев отважился открыто одобрить и опубликовать в русском переводе отдельные статьи из конституций американских штатов в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790 г.). «Он хвалит Франклина, он хуже Пугачева»,— таков был приговор «просвещенной» Екатерины II великому русскому революционеру XVIII в. И вот спустя 30 лет изложение республиканской конституции появляется на страницах столичного органа русской печати, появляется не в «дней Александровых прекрасное начало», а в душный период аракчеевского произвола, в эпоху консолидации Священного союза. Что это? Нелепая случайность? Просчет

¹ Конституция Северо-Американских Областей.— «Дух журналов», 1820, ч. XXXVIII, кн. 2, стр. 73—88, кн. 3, стр. 97—116, кн. 4, стр. 157—164.

цензуры? Необъяснимая ошибка или закономерное, сознательное и продуманное действие издателя?

Отдельные исследователи уже отмечали факт опубликования «Духом журналов» ряда интересных американских материалов и прежде всего изложения текста конституции², но, к сожалению, сколько-нибудь подробным изучением проблемы в целом они не занимались. Между тем, чтобы правильно ответить на поставленные вопросы, необходимо обратиться к исследованию всей совокупности фактов, к рассмотрению обстоятельств, связанных с возникновением и последующей историей «Духа журналов», материалов, печатавшихся на его страницах, а также полемике, которую он вел с другими органами русской печати. Немалое значение имеет изучение отношений, которые складывались у «Духа журналов» и его издателя с правительственными властями и в первую очередь с царской цензурой. Наконец, самым важным для нашей темы является выявление и анализ материалов, специально относящихся к Америке, определение их места и значения в истории русской общественной мысли.

Неожиданности появились уже в самом начале. Даже возникновение «Духа журналов», начавшего выходить в свет с января 1815 г., оказалось не совсем обычным, было связано с непредвиденными трудностями и вызвало острую полемику на страницах русской печати. Объявление о новом журнале было помещено в газетах 17(29) ноября 1814 г. без ведома «высшего начальства», и попечитель С.-Петербургского учебного округа С. С. Уваров немедленно направил соответствующий запрос в столичный цензурный комитет: ««С.-Петербургские ведомости» в № 92 сего года напечатали объявление об издании на 1815 г. периодического сочинения под заглавием «Дух журналов, или Собрание всего, что есть лучшего... по части истории, политики и прочего». Но о дозволении оного от высшего начальства по министерству просвещения не имеется никаких предписаний»³.

Особое беспокойство по поводу планируемого изда-

² *М. И. Старцев*. Америка и русское общество. М., 1942, стр. 11—12; *D. Boden*. Das Amerikabild im russischen Schrifttum bis zum Ende des 19. Jahrhundert. Hamburg, 1968, S. 76—78.

³ «С.-Петербургские ведомости», 17 (29) ноября 1814 г., № 92, С. С. Уваров — СПб. цензурному комитету, 19 ноября (1 декабря) 1814 г.— ЦГИА, ф. 777, оп. 1, д. 181, л. 1.

ния проявил министр полиции С. К. Вязмитинов. Узнав, что журнал предполагает помещать материалы о внутреннем положении России и даже писать о недостатках и злоупотреблениях, он немедленно обратился к министру просвещения графу А. К. Разумовскому с письмом, в котором подчеркивал, что все эти предметы «относятся до попечения самого правительства и отнюдь не могут подлежать суждению частных лиц публично»⁴. В соответствии с этим обращением Разумовский потребовал вынести цензору Г. М. Яценкову выговор за разрешение публикации объявления о «Духе журналов», а С. С. Уваров отдал распоряжение о запрещении издания «помянутого журнала» впредь «до особого распоряжения на то е. с. г. министра народного просвещения»⁵. 9(21) декабря 1814 г. попечитель столичного учебного округа поручил выяснить также, кто является издателем нового журнала⁶. В дальнейшем было установлено, что им является... тот же самый Г. М. Яценков, который дал разрешение на публикацию объявления в «С.-Петербургских ведомостях»⁷. Царские власти оказались в затруднитель-

⁴ П. К. Щербальский. Материалы для истории русской цензуры 1803—1825.— «Беседы в обществе любителей российской словесности при имп. Московском университете» (далее: «Беседы...»), вып. III. М., 1871, стр. 16 (С. К. Вязмитинов — А. К. Разумовскому, 23 ноября (5 декабря) 1814 г.).

⁵ А. К. Разумовский — С. С. Уварову, 30 ноября (12 декабря) 1814 г.— ЦГИА, ф. 777, оп. 1, д. 181, л. 3; С. С. Уваров — СПб. цензурному комитету, 3 (15) декабря 1814 г.— Там же, л. 6.

⁶ ЦГИА, ф. 777, оп. 1, д. 181, л. 8.

⁷ Первоначально издатель пытался скрыть свою действительную роль и ссылался на то, что объявление о «Духе журналов» представил в цензуру коллежский асессор В. Ф. Вельяминов-Зернов, а все другие участвующие лица, «уваженные в публике как по своим рангам, так и по сведениям», желают остаться неизвестными («Беседы...», вып. III, стр. 17). О предшествующей деятельности Г. М. Яценкова известно немного. До поступления на работу в цензурный комитет, в 1804 г. он был учителем латинского и греческого языков, а затем адъюнктом «философии и свободных наук» в Московском университете. Занимался переводами и издал в конце XVIII — начале XIX в. значительное число книг немецких и французских авторов. Помимо «Духа журналов» (1815—1820 гг.), был также первым издателем «Журнала мануфактур и торговли» в 1825—1827 гг. (см.: Библиографические заметки С. Д. Полторацкого в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (№ 67, л. 35, № 54, л. 9); А. П. Пятковский. Из истории нашего литературного и общественного развития, ч. I—II. СПб., 1889, ч. II, стр. 196).

ном положении. Закрывать «Дух журналов» еще до его выхода в свет и после того, как в правительственной газете появилось специальное объявление, значило идти на публичный скандал без наличия «состава преступления» — в журнале еще не было напечатано ничего предосудительного. Официальной санкции на новый печатный орган действительно не было, но главным виновником этого оказался все-таки «свой брат» цензор, «статский советник и кавалер».

После рассмотрения всех обстоятельств дела министр просвещения счел возможным не прибегать к крайним мерам и в конце концов дал свое согласие на выход в свет нового периодического издания при условии строгого цензурного контроля. «По получении надлежащих сведений о предполагаемом периодическом издании под названием «Дух журналов», — писал Разумовский Уварову, — не нахожу нужным сие издание запрещать, почему прошу в пр-во распорядиться, дабы цензурный комитет дозволил печатание сего журнала». В письме Разумовского специально оговаривалось запрещение помещать в журнале газетные материалы, а также «замечания о внутреннем состоянии России» (VI статья объявления). Министр поручил Уварову дать цензурному комитету предписание «рассматривать сочинение сие со всею осторожностью» и возложить эту обязанность на цензора И. Тимковского⁸.

2(14) января 1815 г. Тимковский дал свою санкцию на выход первого номера «нового периодического издания 1815 года», на титуле которого значилось название «Дух журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах, по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч.». Объясняя задачи нового печатного органа, его издатель писал: ««Дух журналов» не есть сбор журналов: он не коснется ничьей собственности; но, подобно пчеле, извлекающей ароматные соки из тысячи цветов, которые от того не теряют ни свежести, ни красоты своей, он будет извлекать из всех цветов литературы силу и, так ска-

⁸ А. К. Разумовский — С. С. Уварову, 23 декабря 1814 г. (4 января 1815 г.). — ЦГИА, ф. 777, оп. 1, д. 181, л. 12; «Беседы...», вып. III, стр. 18.

зять, душу их; или подобно живописцу, рисуящему прелестные виды картинных местоположений, «Дух журналов» представит читателям панораму лучших периодических изданий, указывая только на те в них точки, которые более других достойны замечания»⁹.

Дать «панораму лучших периодических изданий», уловить в них самое главное и интересное, извлечь «душу их» оказалось, конечно, не так-то просто. Далеко не все опубликованные материалы представляли интерес для читающей публики и далеко не все сохранило значимость для исследователя. Бледным и явно неудачным в сравнении с «Сыном отечества» или «Вестником Европы» оказался литературный отдел журнала. Зато явно в выгодном свете выглядел «Архив исторический и политический», «Наблюдатель отечества», а также раздел «Новейшие путешествия». Специально для нашей темы особенно важно, что уже в первый год своего существования «Дух журналов» стал уделять систематическое внимание американской тематике — сообщениям о важнейших событиях в Соединенных Штатах, — статистическим данным об их экономическом развитии, разного рода официальным документам, а также публикации биографической серии «Изображение знаменитейших людей в Северной Америке». Отметим, в частности, что уже в первой части журнала были помещены «Статистическое обозрение Северной Америки», а также краткая биография Т. Джефферсона, заимствованные из книги Дж. Ламберта¹⁰. Заслуживает также упоминания статья «О торговле неграми», содержащая решительное осуждение «постыдной торговли, в которой участвовали все европейские нации» (кроме России, добавляет издатель и сообщает далее, что «по последним известиям из Вены»

⁹ «Дух журналов», 1815, ч. I, кн. 1, стр. VII. Для выполнения поставленной цели через «газетную экспедицию» и «по особому случаю» были выписаны 16 различных иностранных изданий, в том числе: «Journal des Débats», «Mercure de France», «Hamburger Correspondent», «Moniteur», «Edinburgh Review» и др. В дальнейшем состав выписываемых изданий несколько изменился и среди них появились также «Times», «Curier», «Morning Chronicle», «Esprit des Journaux» и некоторые другие (см.: «Дух журналов», 1815, ч. I, кн. 1, стр. VI; там же, ч. VII, кн. 44, стр. 951).

¹⁰ «Дух журналов», 1815, ч. I, кн. 4, стр. 227—229, 230—234 (из кн.: *Travels through Canada and the United States of North America in the Years 1806, 7, 8, by John Lambert* [3 Vls. London, 1810]).

принято наконец решение об «уничтожении» «торга невольниками») ¹¹.

Две недели спустя была опубликована еще одна статья «О торге невольниками», в которой подчеркивалось, что «в деле сем не принимаются в уважение никакие понятия о достоинстве человеческой природы... Все основано единственно на расчетах корысти» ¹². Несколько позже журнал напечатал послание президента Дж. Мэдисона конгрессу от 25 февраля ¹³, а также заметку о новом тарифе Американских Соединенных Штатов, принятом в начале марта 1815 г. «Очевидно, что закон сей,— указывалось в заметке,— в основании своем самый простой и самый справедливый, в короткое время умножит богатства и благосостояние сих счастливых областей, вместо того что запретные системы послужили бы только к разорению и обнищанию государства» ¹⁴.

Особое место на страницах «Духа журналов», а можно сказать, и всей русской журналистики 1815 г. в целом, заняла публикация серии интереснейших «Писем из Филадельфии», содержавших открытую защиту конституции, демократических свобод, веротерпимости и т. п. Вполне понятно, что издатель не мог публиковать подобные материалы от своего имени. Как это часто бывало, речь шла о переводе писем «одного немца», но их содержание и тон не оставляли никаких сомнений в политических симпатиях издателя «Духа журналов». Уже первое письмо из Филадельфии от 14 декабря 1814 г., помещенное в книге 31-й «Духа журналов» за 1815 г., открывалось чрезвычайно романтизированным описанием жизни в республиканской Америке: «Итак, я наконец в той земле, где человек может похвалиться, что он пользуется всею возможной политической свободой, и ничего не уважает, кроме закона... Здесь нет ни титулов, ни чинов, ни орденов, и, однако, все идет своим ходом в величайшем порядке и благоустройстве» ¹⁵.

Восторженные «Письма из Филадельфии» регулярно появлялись на страницах «Духа журналов» на протяже-

¹¹ «Дух журналов», 1815, ч. I, кн. 8, стр. 453—456.

¹² «Дух журналов», 1815, ч. II, кн. 10, стр. 558.

¹³ «Дух журналов», 1815, ч. II, кн. 18, стр. 985—986.

¹⁴ «Дух журналов», 1815, ч. IV, кн. 23, стр. 1266.

¹⁵ «Дух журналов», 1815, ч. V, кн. 31, стр. 217—218.

нии августа, сентября и октября 1815 г. (кн. 31, 32, 33, 35, 36, 37, 41, 42, 43). Их неизменным лейтмотивом было прославление конституции, правительства и условий жизни американского народа. «Всеобщее благосостояние народа в Соединенных Провинциях,— читаем в 36-й книге «Духа журналов»,— без сомнения, приписать должен свободному правительству и превосходной конституции, охраняющей права всех и каждого»¹⁶. Американская конституция ставилась значительно выше конституций многих европейских стран, включая Великобританию. «Конституция Американских Соединенных Провинций,— указывалось в первом «Письме одного немца из Филадельфии»,— имеет все преимущества английской конституции, не имея, однако, ее недостатков. К сим преимуществам принадлежит без сомнения неограниченная свобода мыслить, говорить и писать. Нигде в свете так свободно не говорят, не судят и не пишут, как в Великобритании и в Америке... Журналы и газеты, коих здесь великое множество и в которых каждый может свободно изъяснять свои мысли, много способствуют тому, чтобы знать общественное мнение и голос народа»¹⁷.

Пропаганда на страницах «Духа журналов» конституционного образа правления и открытая защита свободы печати не могли, естественно, остаться незамеченными. Характерно, что уже в первом обращении «К читателям» в феврале 1815 г. издатели нового журнала выражали «почтеннейшей публике свою чувствительнейшую благодарность за благосклонное ее одобрение». «Особенная благодарность» выражалась «г. Арзамаскому жителю за его прекрасные предположения, которые, однако, по причинам, ему самому известным, напечатаны быть не могут. Отзыв его о нашем издании тем более лестен, что образ его мыслей показывает в нем здоровое и опытное суждение»¹⁸. Нам трудно сказать, кто конкретно скрывался под «г. Арзамаским жителем», но скорее всего это был один из членов известного литературного объединения 1815—1818 гг., из которого вышли

¹⁶ «Дух журналов», 1815, ч. VI, кн. 36, стр. 488.

¹⁷ «Дух журналов», 1815, ч. V, кн. 31, стр. 222—223.

¹⁸ «Дух журналов», 1815, ч. I, кн. 8, стр. 479—480.

многие ставшие знаменитыми впоследствии писатели и декабристы¹⁹.

Значительный интерес представляет и специальное замечание Г. М. Яценкова в «Отчете общества издателей «Духа журналов» за 1815 г.» от 29 декабря (ст. ст.) 1815 г. об отношении читателей к рассматривавшимся выше «Письмам из Филадельфии». «Особенно мы имели случай неоднократно слышать удовольствие публики за любопытные «Письма из Филадельфии». Сколько приятнейших желаний возбудили они в сердце каждого, любящего благосостояние народа!»²⁰ Яценков не давал каких-либо дополнительных подробностей, но даже это краткое замечание необычайно красноречиво: «Письма из Филадельфии» с их страстной защитой конституционной формы правления не могли не возбудить самые «приятнейшие желания» в передовых кругах русского общества того времени.

Надо сказать, что журналу пришлось столкнуться не только с похвалой прогрессивной части русских читателей, но и с язвительными замечаниями реакционеров, критикой со стороны консервативных и умеренно консервативных органов печати и, наконец, с явным неудовольствием царских властей. Исключительно резкий отзыв был, в частности, опубликован в феврале 1815 г. на страницах одного из наиболее авторитетных и влиятельных русских журналов того времени — «Вестника Европы» М. Г. Каченовского. Это было письмо некоего «смоленского помещика», сожалевшего, что он перестал подписываться на «Вестник Европы», и критиковавшего новый журнал с реакционных и псевдопатриотических позиций. Особый гнев «смоленского помещика» вызвали «Письма из чужих земель одного русского путешественника», где сравнивались условия жизни в России и Англии и делался вывод, что «постоянство и честность англичан, равно как и превосходство их во всем, заслуживают, чтоб мы приняли их за образец себе»²¹.

Статья «русского путешественника» не была безупречна как с точки зрения фактического содержания, так

¹⁹ См.: «История русской литературы», т. V. М.—Л., 1941, стр. 327—338; «Арзамас и арзамасские протоколы», под ред. М. С. Боровковой-Майковой. Л., 1933.

²⁰ «Дух журналов», 1815, ч. VIII, кн. 52, стр. 1351.

²¹ «Дух журналов», 1815, ч. I, стр. 111.

и особенно в смысле общих оценок. Еще более предвзятой и, что самое главное, откровенно черносотенной выглядит отповедь, которую поместил в этой связи «Вестник Европы». «...Пусть русский выродец в Англии восхищается легионом цеховых нищих, воров и разбойников,— писал вышеупомянутый «смоленский помещик»,— у нас не надлежало бы печатать этих бредней, или по крайней мере без достаточных замечаний»²².

Отвечая на критику в адрес «Духа журналов», Яценков сформулировал в обращении «К читателям» свои принципиальные позиции в следующих взволнованных выражениях: «Издатели не хотят, подобно другим, кричать на каждой странице: *О дражайшее отечество! О святая истина! За вас хоть умереть!* Такие энтузиазмы смешны, а часто и подозрительны. Тем не менее издатели любят свое отечество и ищут истины, но еще больше справедливости»²³. Разъясняя отличие подлинного патриотизма от показного, главный издатель «Духа журналов» подчеркивал: «*Любовь к отечеству дорожит всем что есть в нем хорошего, ищет умножить в нем меру его благосостояния; но пристрастие ко всему отечественному, и пристрастие излишнее, и в самых недостатках его видит превосходство, а тем самым препятствует возвышению его благосостояния*»²⁴.

Чтобы в полной мере оценить трудности, с которыми приходилось сталкиваться издателю «Духа журналов», следует иметь в виду, что, несмотря на официальное разрешение о выходе журнала, он не переставал находиться под бдительным наблюдением царских властей, испытывая «гнет двойственной цензуры — министерства полиции и министерства народного просвещения»²⁵. Уже весной 1815 г. С. К. Вязмитинов усмотрел в материалах нового журнала дерзкую крамолу. В письме А. К. Разумовскому министр полиции отмечал, что помещенная в 16-й книге «Духа журналов» статья «О старании императрицы Екатерины II о дешевизне жизненных потребностей» наполнена рассуждениями не только самими глупыми, бессмысленными, но и непозволительными

²² «Вестник Европы», ч. LXXIX, № 3, февраль 1815 г., стр. 217.

²³ «Дух журналов», 1815, ч. I, кн. 8, стр. 485 (здесь и далее подчеркнуто Яценковым).

²⁴ Там же.

²⁵ А. П. Пятковский. Указ. соч., ч. II, стр. 195.

ми, дерзкими, могущими иметь влияние вредное на мнение народное». Особый гнев Вязмитинова вызвало сравнение положения в России в 1815 г. со временем Екатерины II: «Тогда не то было!» «Сие выражение,— писал министр полиции,— одной только глупостью извиниться может, ибо в противном случае было бы преступление, и преступление самое тяжкое»²⁶. Несколько дней спустя Разумовский направил Уварову секретное предписание, в котором отмечал «нелепые рассуждения и дерзкие замечания на счет нынешнего правления России», содержащиеся в упомянутой статье, и потребовал обратиться на новый журнал «особое внимание»²⁷.

Еще более усилилась и кампания против «Духа журналов» в периодической печати. Так, в сентябре 1815 г. в «Вестнике Европы» появилась новая резкая статья, содержащая ожесточенные нападки на «Дух журналов». По мнению рецензента (им был некто Стр-вич), «публика не потеряла бы ничего, если бы сего журнала не было вовсе». Аргументируя свое заключение, рецензент писал: «Издатели его стараются отличиться каким-то... тоном, вовсе непристойным русскому журналу... Слог неправилен и тяжел... Стихотворения в «Духе журналов» ниже посредственных... Издатели не имеют понятия об изящной литературе...» и т. д.²⁸ В свою очередь главный издатель «Духа журналов», по-видимому, не выдержал и разразился статьей о существовании против него настоящего «заговора»²⁹.

²⁶ С. К. Вязмитинов — А. К. Разумовскому, 29 апреля (11 мая) 1815 г.— «Беседы...», вып. III, стр. 19.

²⁷ А. К. Разумовский — С. С. Уварову, 3 (15) мая 1815 г.— ЦГИА, ф. 777, оп. 1, д. 181, л. 17. Поскольку Петербургский цензурный комитет не принял в отношении «Духа журналов» должных мер, А. К. Разумовский счел необходимым сделать летом 1815 г. С. С. Уварову повторное представление, на этот раз по поводу отрывка «из сочинений Бентама под заглавием: «О запрещении мануфактур», перед коим издатель поместил собственные свои рассуждения». Министр предупредил, «что сие замечание есть последнее, и при первом случае виновные цензоры будут без всякого снисхождения отпущены от сей должности» (А. К. Разумовский — С. С. Уварову, 1 (13) июля 1815 г.— *Н. Д[убровин]*. К истории русской цензуры (1814—1820).— «Русская старина», 1900, № 12, стр. 649).

²⁸ «Вестник Европы», ч. LXXXIII, № 18, сентябрь 1815 г., стр. 131—143.

²⁹ «Дух журналов», 1815, ч. VII, кн. 42, стр. 845.

Редактор «Сына отечества» Н. И. Греч принял намерение о «заговоре» на свой счет и 30 октября (11 ноября) 1815 г. публично потребовал «снабдить все сие доказательствами»³⁰. Александр Измайлов выступил с решительной поддержкой упомянутой выше статьи в «Вестнике Европы», а также категорически опроверг возможность заговора против «Духа журналов» со стороны редакторов «Сына отечества» или «Русского инвалида»³¹. К чести «Духа журналов» следует сказать, что на этот раз он нашел в себе силы прекратить дальнейшую перебранку. И хотя в редакцию неоднократно поступали письма с жалобами на издателя «Сына отечества», Г. М. Яценков решительно отказался их публиковать. Отвечая на одно из таких обращений, он писал: «Общество издателей «Духа журналов», уклоняясь от всякой вражды с журналистами, а всего более с таким, каков издатель «Сыны отечества», письма того печатать не намерено»³².

Более того, начав в 1816 г. систематически печатать «Обозрение русских журналов», Г. М. Яценков занял в отношении своих коллег вполне лояльную и объективную позицию. После внимательного ознакомления с первыми десятью книгами «Сына отечества» за 1816 г. он дал журналу весьма положительную оценку: «Мы с удовольствием читали все книжки «Сына отечества», в сем году изданные; в каждой находили не одну занимательную статью»³³. Особой похвалы издателя «Духа журналов» заслужили опубликованные на страницах «Сына отечества» сочинения И. А. Крылова. «Басня г. Крылова «Мартышка и зеркало», как и все его басни, выше всякой похвалы,—отмечает Яценков и далее подчеркивает: — О баснотворце можно сказать то же, что и вообще о поэте: что он *не делается, а родится*»³⁴.

Стремление не обострять без крайней нужды отношений с другими периодическими изданиями и даже найти общий язык с наиболее передовыми из них (в первую очередь с «Сыном отечества») сочетается у Яценкова с

³⁰ «Сын отечества», 1815, ч. 25, стр. 281—282 (переписка с журналами).

³¹ «Вестник Европы», ч. LXXXIV, № 22, 1815, стр. 142—148.

³² «Дух журналов», 1816, кн. 29 (от издателей).

³³ «Дух журналов», 1816, ч. X, кн. 13, стр. 631.

³⁴ Там же, кн. 2, стр. 94—95, кн. 3, стр. 135.

защитой основной принципиальной линии «Духа журналов» как печатного органа, имеющего право высказывать свои собственные суждения по политическим вопросам. В редакционном обращении «От издателей» в марте 1816 г. Яценков вновь подчеркивает: «...Не тот есть истинный патриот, который в отечестве своим все находит превосходным..., но тот, кто, открывая недостатки оно-го, тем самым указывает способы к дальнейшему его усовершенствованию»³⁵.

С редкой последовательностью и настойчивостью издатель «Духа журналов» отстаивал и свои взгляды в вопросах, относящихся к Соединенным Штатам. Как и прежде, тема Америки (изображаемой во многих случаях в идеализированном и абстрактном виде) служит для Г. М. Яценкова удобным поводом, чтобы поставить в завуалированной форме острые политические и экономические вопросы. С начала 1816 г. на страницах «Духа журналов» продолжают систематически публиковаться «Письма из Филадельфии» (кн. 3, 6). Затем последовали «Письма из Балтимора» (кн. 9, 10, 11), «Письма одного немца из Северной Америки» (кн. 13), «Письма из Вашингтона» (кн. 16, 18, 20), «Американский конгресс» (письма из Вашингтона, кн. 29, 33, 34, 35), «Взгляд на Северную и Южную Америку» (кн. 37) и т. д.

В разделе «Галерея славных мужей» наряду с материалами о Петре I и Суворове «Дух журналов» в 1816 г. помещает восторженные очерки о Вашингтоне, Мэдисоне и генерале Моро. В очерке о Вашингтоне (перевод с французского В. Ко-в, Тобольск) специально обращалось внимание на строгое соблюдение великим американцем законов своей страны и отсутствие в нем честолюбия. «Он принял вожжи правления, чтоб только утвердить счастье отечества; и отказался от власти, когда увидел, что оно не имеет более надобности в его усилиях... Но напрасно оставил он первое в республике место: имя *Вашингтон* пребудет навсегда первым именем в Америке»³⁶. В другой раз в упоминавшемся «Письме из Вашингтона» отмечалось: «Вашингтон, Адамс, Джефферсон, Мэдисон — все такие мужи, кои превыше похвал, и навсегда останутся в благодарной

³⁵ «Дух журналов», 1816, ч. IX, кн. 9, стр. 436.

³⁶ «Дух журналов», 1816, кн. 42, стр. 718.

памяти американцев»³⁷. Специального внимания в этом же письме заслуживает открытая защита представительной формы правления. «Такая система правления имеет ту выгоду, что она естественно возвышает дух и внушает всякому гражданину благородное честолюбие, возбуждающее к патриотизму... Все сии распоряжения,— делается вывод в «Письме из Вашингтона»,— великими основателями конституции Американских Соединенных Областей хорошо были обдуманы и соображены, что и доньше Америка признает в них истинный палладиум своей вольности»³⁸.

В целом можно без преувеличения сказать, что никогда еще на страницах подцензурной русской печати не помещались столь многочисленные и обстоятельные материалы о внутреннем положении Соединенных Штатов Америки, системе их государственного устройства, успехах в развитии промышленности и торговли³⁹.

Совершенно особое место среди публикаций «Духа журналов» в 1816 г. заняли пространные «Замечания о земледелии, мануфактурах и торговле в отношении к России», написанные неким «гражданином Американских Соединенных Областей». Ссылаясь на опыт Соединенных Штатов и стран Западной Европы, автор статьи доказывал необходимость для России развития промышленности и торговли, создания собственного морского флота и т. д. «Нерадение о мануфактурах и торговле бывает причиной упадка народа, ослабляет его силы и обращает его к первобытному варварству»⁴⁰. В то же время «американский гражданин» обращал внимание на экстенсивный характер земледелия в России, на малопроизводительный труд в сельском хозяйстве и на необходимость перехода к обработке и удобрению только лучших и выгодно расположенных участ-

³⁷ «Дух журналов», 1816, кн. 20, стр. 940.

³⁸ «Дух журналов», 1816, кн. 18, стр. 842, 848.

³⁹ Большое число американских материалов публиковалось также на страницах старейшего русского международного журнала, издававшегося профессорами Московского университета («Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света», 1790—1830). Яценков в известной мере заимствовал тематику «Исторического журнала», но придал своему изданию более радикальный и острый характер.

⁴⁰ «Дух журналов», 1816, кн. 21, стр. 981.

ков. «Часто видел я с удивлением,— пишет автор статьи,— в России неизмеримые поля худой земли, засеянные хлебом, и притом без всякого удобрения..., хлеб на них родился такой мелкий, редкий и худой, что, казалось, не стоило труда молотить его». Сокращение посевных площадей при одновременном улучшении обработки и удобрении не только повысило бы урожай, но и высвободило бы «множество народу, излишнего для земледелия, которых можно бы употребить для мануфактур»⁴¹.

Основываясь на своих личных наблюдениях, автор статьи разоблачал тенденциозные и некомпетентные свидетельства западных путешественников и с большой теплотой и симпатией отзывался о России и русском народе, его национальных чертах и способностях. Особенно примечательно, что «американский гражданин» обращал внимание на трудящиеся и угнетенные массы: «...Стоит только внимательно посмотреть на самый нижний класс народа и нельзя не заметить в нем природного ума и понятливости, в чем ни один европейский народ не превзойдет русских. ...Признаюсь, что я не заметил в них варваров, но нашел народ, способный к наилучшему образованию, нравственному и гражданскому»⁴².

Центральной идеей «замечаний» «гражданина Американских Соединенных Областей» стала мысль о выгодах тесного союза между Россией и Америкой, как наиболее могущественных держав двух полушарий, способных положить конец пагубному владычеству на морях Великобритании. По словам «истинного друга России», республика Соединенных Штатов «есть без сомнения самое прочное и наилучше устроенное государство.., и по всему вероятно будет одной из сильнейших морских держав на земном шаре. Сии причины совокупно с существующими ныне взаимными выгодами обеих наций должны соединить Россию и Америку теснейшими узами дружбы и союза. Можно также доказать, сколь важно и необходимо нужно для политического равновесия всего света, чтобы величайшая держава одного земного полушария была тесно соединена с величай-

⁴¹ «Дух журналов», 1816, кн. 21, стр. 1014—1015.

⁴² Там же, стр. 1026—1027.

шею и могущественнейшею державой другого полушария, дабы общими их усилиями обуздать опасное честолюбие того народа, который покусился бы захватить в одни свои руки господство на морях, назначенных проведением для свободного и равного употребления всему роду человеческому»⁴³.

Идеи, развитые в статье «гражданина Американских Соединенных Областей», нашли определенную поддержку и вызвали сочувственные отклики. Заслуживает внимания, в частности, «Мнение россиянина о замечаниях американца», помещенных в 21-й и 22-й книжках «Духа журналов», в котором подробно излагались соображения о необходимости для России собственного торгового флота. Автор статьи в прошлом был моряком и по собственному опыту знал важность развития морского судоходства. «Отдавая справедливость мнению почтенного американца и вникнув в истинные причины возвышения флотов иностранных держав, я смею сказать утвердительно, что, доколе Россия не будет иметь для флотских офицеров и матросов выгодной практической школы посредством внешней торговли на собственных своих кораблях, до тех пор не может она ожидать никакой пользы от своего флота»⁴⁴. Специальное внимание в «мнении россиянина» обращалось на «естественное положение реки Амур», в устье которой мог бы возникнуть «первейший в свете» морской порт — «столбовая дорога России для коммерции ее с Азией и Америкой»⁴⁵. В заключение «россиянин» выражал свое искреннее пожелание, чтобы пророчество «почтенного американца» скорее сбылось «и обе сии нации — Россия и Америка — сблизилась бы теснейшим союзом»⁴⁶.

В годовом отчете общества издателей «Духа журналов» за 1816 г. указывалось, что читательская публика «особенно отличила»: «Мысли о мануфактурах и торговле» г. Праводума; «Замечание о мануфактурах и торговле в России» почтенного американского гражданина; «Мнение россиянина о замечаниях американца»;

⁴³ Там же, стр. 986—987.

⁴⁴ «Дух журналов», 1816, кн. 23, стр. 1115.

⁴⁵ Там же, стр. 1109.

⁴⁶ Там же, стр. 1116.

«О российской торговле» г. Арсеньева⁴⁷ и некоторые другие сочинения. Как отмечал Яценков, «главный вопрос — польза свободной торговли и свободной промышленности — разрешен, кажется, неоспоримо. И скоро мы имели удовольствие видеть торжество свободной системы на самом деле изданием нового тарифа»⁴⁸.

Судя по отчету издателей за 1816 г., одобрение общественности получили и материалы, связанные непосредственно с американской тематикой. «Читатели особенно вспомнят,— указывал Яценков,— прекраснейшие «Письма из Филадельфии, Балтимора и Вашингтона», которые всякий, кому только благоденствие народов драгоценно, читал с живейшим удовольствием»⁴⁹.

Но если все эти материалы встретили интерес и сочувствие передовых кругов русского общества, то совсем иной оказалась реакция царских властей, тем более, что политическая обстановка в стране все более ухудшалась. В августе 1816 г. министром просвещения стал бывший обер-прокурор синода и глава русского библейского общества князь А. Н. Голицын. Вскоре после своего вступления в должность новый министр направил

⁴⁷ Речь, по всей видимости, идет о К. И. Арсеньеве, чье сотрудничество в журнале факт сам по себе весьма показательный. Смелым изобличением крепостного права и деспотизма явилась книга Арсеньева «Начертание статистики Российского государства», ч. I—II. СПб., 1818—1819. Некоторое время спустя автор этой книги был отстранен от работы в Петербургском университете и вместе с тремя своими коллегами привлечен к суду, инсценированному Д. П. Руничем (см.: А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.—Л., 1957, стр. 338).

⁴⁸ «Дух журналов» 1816, кн. 52, стр. 1183. Подробно об энергичной кампании «Духа журналов» против «запретительной системы» и огромном успехе этих выступлений в публике см.: М. Туган-Барановский. Русская фабрика. Изд. 6. М.—Л., 1934, стр. 214—219. Тарифы 1816 г. и особенно 1819 г. были существенным отступлением от системы протекционизма. Скоро обнаружилось, однако, что отечественные промышленные заведения не выдерживают иностранной конкуренции и закрываются. Современники начали рассматривать тариф 1819 г. как второе «разорение» после наполеоновского нашествия. Изменил свою позицию в этой связи и «Дух журналов» (см.: Н. С. Киняпина. Политика русского самодержавия в области промышленности (20—50-е годы XIX в.). М., 1968, стр. 96—97; «Московский телеграф», 1829, № 9, стр. 47; W. L. Blackwell. The Beginnings of Russian Industrialization 1800—1860. Princeton, 1968, p. 124, 172—173).

⁴⁹ «Дух журналов», 1816, кн. 52, стр. 1186—1187.

графу С. С. Уварову специальное письмо по поводу материалов, систематически публиковавшихся на страницах «Духа журналов». «Многие политические статьи,— писал Голицын,— не в духе нашего правительства, как, например, в письмах из Америки весьма неприличны замечания о тамошнем правительстве в сравнении с другими... стихи некоторые соблазнительны. При том некоторые книжки сего журнала (№ 34 и 35) цензурованы и одобрены самим Яценковым, который не должен быть судьей в своем деле»⁵⁰.

Трудно сказать, какие стихи показались «соблазнительными» главе библейского общества, но что касается «неприличных замечаний» в письмах из Америки, то для царского министра их в материалах, печатавшихся «Духом журналов», было более чем достаточно. Явно «неприличной» на языке А. Н. Голицына оказывалась, естественно, всякая пропаганда преимуществ демократической, представительной формы правления, свободы печати и т. д.

В заключении своего письма министр просвещения потребовал «обратить на журнал сей особенное внимание; издателю оного сделать замечание, чтобы дух сего журнала переменял он на другой, который был бы полезнее». В противном случае, угрожал Голицын, «журнал будет закрыт»⁵¹.

В соответствии с указанием А. Н. Голицына и с письмом С. С. Уварова С.-Петербургский цензурный комитет подтвердил свое решение об отстранении Г. М. Яценкова от «цензирования» издаваемого им журнала и вынес строгое постановление о том, что все статьи должны просматриваться цензором Тимковским⁵². Главному издателю «Духа журналов» было сделано «замечание» за помещение статей, признанных министром просвещения не заслуживающими одобрения, и вынесено решение «впредь строжайше наблю-

⁵⁰ А. Н. Голицын — С. С. Уварову, 6(18) сентября 1816 г.— ЦГИА, ф. 777, оп. 1, д. 221, л. 4; «Русская старина», 1900, № 12, стр. 651—652.

⁵¹ Там же.

⁵² С. С. Уваров — СПб. цензурному комитету, 30 августа (11 сентября) 1816 г.— ЦГИА, ф. 777, оп. 1, д. 221, л. 1; Постановление комитета от 1 (13) сентября 1816 г.— Там же, л. 2.

дать, дабы журнал сей не возбуждал начальственного неудовольствия⁵³.

В феврале следующего, 1817 г. последовало распоряжение о строгом запрещении «Духу журналов» печатать какие-либо статьи с обсуждением действий правительства⁵⁴. С.-Петербургский цензурный комитет также строго следил, чтобы в журнале впредь не помещались материалы об Америке, вызвавшие «начальственное неудовольствие» в 1816 г. Не удивительно поэтому, что на протяжении всего 1817 г., а отчасти и 1818 г. специально американских материалов на страницах «Духа журналов» почти не помещалось⁵⁵. Скромное место в журнале могли занять и сообщения о революционных событиях в Испанской Америке. Тем не менее даже в этих условиях главный издатель с удовлетворением отмечал, что в «Духе журналов» была дана относительно подробная «картина революций Южной Америки, которая обращает ныне наиболее внимание государственных мужей. Не занимаясь повседневными известиями, принадлежащими собственно в область газет, мы сообщили вполне важнейшие акты, служащие основанием нового устройства государств»⁵⁶. Уже летом 1817 г. в «Духе журналов» сообщалось, что богатые испанские колонии «почти все отпали и объявили себя независимыми», что испанские корабли перехватываются каперами, и высказывалось предположение, что «Испания тщетно борется с возмущившимися колониями»⁵⁷. В феврале следующего, 1818 г. в разделе «Новейшие политические известия» журнал опубликовал подробное изложение и комментарии годового послания президента Монро конг-

⁵³ Постановление СПб. цензурного комитета от 16 (28) сентября 1816 г.— Там же, л. 5.

⁵⁴ 8 (20) — 16 (28) февраля 1817 г. О строгом запрещении печатания в «Духе журналов» статей с обсуждением мероприятий правительства и о выговоре цензору Яценкову за разрешение книги «О винном откупе». — ЦГИА, ф. 777, оп. 1, д. 243. Статья Арсеньева «О винном откупе», опубликованная в «Духе журналов» в начале 1817 г., была особо отмечена в годовом отчете общества издателей. — «Дух журналов», 1817, кн. 52, стр. 1218.

⁵⁵ Одним из исключений был содержательный раздел «Американские Соединенные Области» в «Обзрении политических происшествий 1816 года». — «Дух журналов», 1817, кн. 51, стр. 1093—1104.

⁵⁶ «Дух журналов», 1818, ч. XXXI, стр. 677—678.

⁵⁷ «Дух журналов», 1817, кн. 26, стр. 242—243, 246—247.

рессу от 2 декабря 1817 г. и, что особенно важно, обстоятельное «Обозрение революций в испанских американских владениях (из записок очевидного свидетеля)» вместе с соответствующими примечаниями⁵⁸.

Вывод, к которому приходил «очевидный свидетель» событий в Испанской Америке, делает честь его проницательности: «Из всего вышесказанного явствует, что из всех испанских провинций в Америке только нижняя часть Перу остается донныне неотложно в подданстве Испании..., по той причине, что здесь находится большая часть помещиков, кои имеют множество невольников и которые, естественно, опасаются потерять свое имущество при народных мятежах и народном правлении: ибо земельная собственность есть самая надежная порука в преданности помещиков к существующему порядку вещей...»⁵⁹

Конечно, сообщений подобного рода в «Духе журналов» могло быть опубликовано очень немного, но тем не менее важно, что и в это время журналу удается проводить свою прежнюю линию. Показательно также, что журнал при случае продолжал отстаивать и идею о выгодах развития прямых торговых связей с Соединенными Штатами. Так, в обзоре «заграничной торговли при С.-Петербургском порте в 1817 г.» делался следующий важный вывод: «В заключение поздравим наше отечество с новыми надеждами выгоднейшей торговли, каковая открывается при теснейшей связи с американцами. Сей промышленный народ привозит к нам колониальные продукты из первых рук, следовательно, дешевле, а как он сам имеет нужду во многих наших произведениях, то торговля с ним есть из самых выгодных для России»⁶⁰.

Наиболее сложным при анализе материалов «Духа журналов» является правильное понимание позиции журнала в крестьянском вопросе. Отметим, что в конце 1817 г. на страницах «Духа журналов» появилась статья некоего «русского дворянина Правдина» (возможно, из числа «знатных господ», на поддержку которых рассчитывал Яценков)⁶¹, где доказывалось, что «воль-

⁵⁸ «Дух журналов», 1818, ч. XXVI, кн. 8, стр. 245—263, 264—270.

⁵⁹ Там же, стр. 262.

⁶⁰ «Дух журналов», 1818, ч. XXV, кн. 4, стр. 128.

⁶¹ А. П. Пятковский. Указ. соч., ч. II, стр. 203.

ность» (т. е. свобода) является «пустым» и «бедственным» словом и что русские крепостные живут «как у Христа за пазухой»⁶². Некоторое время спустя была опубликована еще одна статья г. Правдина — на этот раз в защиту барщины («Дух журналов», 1818, ч. XXV, кн. 6). В передовых кругах русского общества литературные упражнения г. Правдина вызвали естественное возмущение. В результате весной 1818 г. «Сын отечества» поместил статью А. П. Куницына «О состоянии иностранных крестьян», содержащую резкую и вполне справедливую отповедь защитнику крепостного права, выступавшему к тому же «под несвойственным ему именем»⁶³. В следующем номере журнала была опубликована и другая знаменитая статья А. П. Куницына, «О конституции», с ссылкой на речь Александра I при открытии польского сейма в марте 1818 г.⁶⁴ Именно эти обстоятельства и служат обычно главным доказательством консервативности «Духа журналов» и прежде всего его откровенно реакционных крепостнических позиций в крестьянском вопросе⁶⁵.

⁶² «Дух журналов», 1817, кн. 49, стр. 981—1008.

⁶³ «Сын отечества», 1818, № XVII, стр. 162—186. Раскрывая историю появления этой статьи, Н. И. Тургенев писал своему брату 29 мая (10 июня) 1818 г.: «Ты теперь верно уже прочел статью об иностранных крестьянах в 17 № «Сына От[ечест]ва». Ее писал один мой приятель и по моей просьбе; но не я сам, как думает здешняя и московская публика. Хамы меня бранят. Порядочные говорят спасибо; хотя первых и более... А я говорю, что хотя и не писал статью, но разделяю мысли сочинителя» (см.: «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу». М.—Л., 1936, стр. 261). Два года спустя сам Н. И. Тургенев выступил в «Сыне отечества» с ответом на критику «Опыта теории налогов» в «Духе журналов» (1820, № 4, 5, 6). Подробнее см.: Н. К. Пиксанов. Безвестные статьи Н. И. Тургенева (К истории русской публицистики). — «Декабристы и их время». М., 1932, т. II, стр. 113—129.

⁶⁴ «Сын отечества», 1818, № XVIII, стр. 202—211.

⁶⁵ И. Г. Блюмин. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. М.—Л., 1940, стр. 88—90, 106; «История русской экономической мысли», т. I, ч. II. М., 1958, стр. 19, 27—28, 38—39; «Русская периодическая печать (1702—1894)», под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. М., 1959, стр. 140—143, 149—151; «История русской журналистики XVIII—XIX вв.», под ред. А. В. Западова, изд. 2. М., 1966, стр. 137; D. Boden. Op. cit.; S. 76. Более объективная, хотя и не вполне четкая и последовательная оценка «Духа журналов», давалась в ряде старых русских исследований (А. П. Пятковский, В. И. Семеvский), в многотомной «Истории русской литературы» (т. V. М.—Л., 1941, стр. 51—52) и др.

В свете многочисленных фактов, приводимых в настоящей работе, точку зрения о реакционности «Духа журналов» следует решительно отвергнуть. В известной мере она может быть распространена только на позицию журнала в крестьянском вопросе, но и здесь дело обстоит совсем не так просто, как это считалось ранее. Журнал действительно поместил статьи крепостника Правдина, но значит ли это, что Г. М. Яценков полностью разделял взгляды «русского дворянина»? В «Духе журналов» печатался не только г. Правдин. Совсем иной характер носили, например, работа Арсеньева «О винном откупе» (1817, кн. 3), статья «О сохранных классах» (1819, кн. 2) и многие другие материалы, публиковавшиеся на страницах журнала. Лишь в 1818 г. вопросу о рабстве и крепостничестве была посвящена целая серия статей: «О преимущественных выгодах крестьян на барщине перед оброчными». Соч. г. Правдина; «Нечто о государственных крестьянах»; «О рабстве в иностранных европейских государствах»; «Что значит слово «раб»?» Соч. А. А. и др. В 20-й книге «Духа журналов» была помещена речь князя Н. Г. Репнина на открытии дворянских собраний в Полтаве и Чернигове в январе 1818 г. и т. д. Естественно, что объективная оценка позиции журнала может быть дана только при учете всей совокупности этих материалов, а не только «сочинений» г. Правдина.

Кроме того, даже статьи Правдина не следует оценивать лишь в негативном плане, а учитывать конкретные причины и обстоятельства, при которых они были опубликованы. Еще В. И. Семевский обратил внимание, что в этих статьях проводилась важная мысль «о вреде безземельного освобождения»⁶⁶. Отметим также, что сам г. Правдин в отдельных случаях не мог скрыть крайне бедственного положения русских крепостных крестьян, испытывавших бесконтрольный произвол помещиков, и именно на это обстоятельство обращал внимание Г. М. Яценков: «Читая сие и зная не один подобный пример, невольно воскликнешь: «Какие ужасные притеснения бедным крестьянам..!»⁶⁷ «Замечание Ваше

⁶⁶ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России..., т. I. СПб., 1888, стр. 400.

⁶⁷ «Дух журналов», 1818, ч. XXV, кн. 6, стр. 188.

(т. е. издателя «Духа журналов». — Н. Б.), — писал Правдин, — насчет несправедливых поступков многих помещиков со своими крестьянами на барщине есть, к сожалению, очень справедливо не только в С.-Петербургской и Новгородской губерниях, но и во всех прочих, особливо в велико- и белорусских»⁶⁸.

Надо сказать, что именно редакционные вставки и примечания самого Яценкова лучше всего характеризуют общую позицию журнала в крестьянском вопросе. Так, например, когда в одной из статей указывалось на необходимость личного надзора помещиков «за деревенским своим хозяйством», издатель добавил в скобках любопытнейшую вставку с едва прикрытым антикрепостническим содержанием: «Здесь следовало бы автору еще наведаться, в состоянии ли сами помещики наши надзирать за сельским хозяйством? Имеют ли они к тому нужные сведения? Стараются ли они приобретать оные? Так ли воспитываются дети их, чтоб быть хорошими хозяевами? А без того и личный их присмотр к лучшему не послужит»⁶⁹. В другом примечании к той же статье Яценков прямо связал нехватку хлеба в стране со «стеснительными мерами» царского правительства⁷⁰.

В условиях строгого цензурного контроля «Дух журналов», разумеется, не мог выдвигать сколько-нибудь радикальных проектов, но даже самые скромные и безобидные, на первый взгляд, разговоры о тяжелой доле крестьян, о необходимости каких-то форм для улучшения их участи вызывали негодование царских властей. 24 мая (5 июня) 1818 г. в письме к попечителю С.-Петербургского учебного округа С. С. Уварову царский министр «духовных дел и народного просвещения» сообщал: «Примечено мною и даже в бытность мою в Москве находил я неоднократно, что издатель «Духа журналов» помещает в нем статьи, содержащие в себе рассуждения о вольности и рабстве крестьян, о действиях правительства и многие другие неприлично-

⁶⁸ «Дух журналов», 1818, ч. XXV, кн. 6, стр. 184.

⁶⁹ «Дух журналов», 1816, кн. 22, стр. 1080.

⁷⁰ Там же, стр. 1074. Отметим также, что много лет спустя Г. М. Яценков опубликовал «иждвением» Вольного экономического общества специальную брошюру, содержащую резкую критику отсталых форм земледелия в России (Г. М. Яценков. На какой степени находится земледелие в России. СПб., 1841).

сти». А. Н. Голицын обращал далее специальное внимание на 20-ю книгу журнала за 1818 г., где была помещена статья, «о которой прежде того было... общее распоряжение по цензуре, чтобы оной не печатать»⁷¹. Речь шла об известном выступлении малороссийского военного губернатора князя Н. Г. Репнина на открытии дворянских собраний в Полтаве и Чернигове в январе 1818 г., в котором давались самые умеренные советы изыскать способы обеспечить благосостояние крестьян, «определив обязанности их» и не нарушая «спасительной связи» между помещиками и крепостными. Н. Г. Репнин рекомендовал дворянам несколько умерить свои аппетиты и не «изыскивать все, что может дать вам крестьянин доходу, а то, что вы можете от него требовать, не уменьшая благоденствия его»⁷².

Голицын «препоручал» попечителю С.-Петербургского учебного округа «обратить внимание цензуры на издаваемые журналы и другие сочинения, дабы в них ни под каким видом не было печатаемо ничего ни в зашишение, ни в опровержение вольности или рабства крестьян не только здешних, но и иностранных, ни вообще материй, касающихся до распоряжений правительства, как то говорится в статье «О крепостях на дома в уездных городах» той же 20 книжки «Духа журналов» или весьма неприличные намеки делаются там же в «Смеси» «О всенародных аудиенциях»⁷³. Кроме того, С. С. Уварову предлагалось потребовать соответствующих объяснений от издателя «Духа журналов» и от содержателя типографии, где этот журнал был напечатан⁷⁴.

Главным основанием для письма Голицына Уварову послужила обширная статья, опубликованная в 12-й кни-

⁷¹ А. Н. Голицын — С. С. Уварову, 24 мая (5 июня) 1818 г. — ЦГИА, ф. 777, оп. 1, д. 266, л. 2; «Русская старина», 1900, № 12, стр. 655.

⁷² «Дух журналов», 1818, ч. XXVII, кн. 20, стр. 559—600; В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России..., т. I, стр. 404—406.

⁷³ Имелись в виду письмо к главному издателю, в котором предлагались меры по облегчению системы продажи домов крестьянам, а также заметка о праве народа на публичные аудиенции и свободный доступ к императору («Дух журналов», 1818, ч. XVIII, кн. 20, стр. 603—606, 619—622).

⁷⁴ А. Н. Голицын — С. С. Уварову, 24 мая (5 июня) 1818 г. — ЦГИА, ф. 777, оп. 1, д. 266, лл. 2—3; «Русская старина», 1900, № 12, стр. 656.

ге «Духа журналов» за 1818 г. под названием «О рабстве в иностранных европейских государствах». С первого взгляда этот материал может показаться совершенно невинным и даже, если угодно, написанным в защиту крепостного права. Но это только с первого взгляда и только формально! Статья была написана как ответ на вопрос главному издателю «Духа журналов» и по форме действительно представляла собой обоснование преимуществ крепостной зависимости по сравнению с открытым рабством. Надо сказать, что вопрос был поставлен необычайно остро: «Я читаю в иностранных газетах, что некоторые немецкие государи уничтожают рабство в своих владениях. Я полагал, что рабство только у нас в России существует...» и пр.⁷⁵ Ответ издателя «Духа журналов» был сформулирован довольно хитроумно: «*Крепостное состояние* наших крестьян на том основании, как оно у нас узаконено, не *есть рабство* (а злоупотребление не есть закон)»⁷⁶.

Обратим внимание на любопытную фразу в скобках! В свете многочисленных «злоупотреблений», которые вскрывались на страницах журнала, она звучит особенно остро. Далее издатель журнала решительно возражал против «заблуждения», «будто бы *рабство* существует только у нас в России, а во всей Европе его нет». «Давно ли и везде ли рабство у них уничтожено? — спрашивал журнал. И отвечал: — В польских провинциях, принадлежащих Австрии, а также в Венгрии крепостное право на крестьян остается и донныне в полной силе... В Мекленбурге правительство не только не помышляет об уничтожении рабства, но и запрещает о нем говорить»⁷⁷.

Самое же существенное состоит в том, что «Дух журналов» открыто приветствовал отмену крепостного права в ряде немецких земель и, в частности, в Вюртенберге. «Нынешний король виртембергский предпринял важное и спасительное дело: дать своему народу новые свободнейшие постановления; и давно пора! — восклицает издатель. — Ибо посмотрите, как до сего времени угнетены были крестьяне и граждане в вир-

⁷⁵ «Дух журналов», 1818, ч. XXVI, кн. 12, стр. 359.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же, стр. 361, 362—363.

тенбергских владениях»⁷⁸. (Далее следовала пространная выдержка из журнала «Друг народа» — «Württembergischer Volksfreund», № 1.) В заключение в статье с особым гневом клеймилась позорная система рабства в Соединенных Штатах Америки и приводились потрясающие по своему цинизму и жестокости объявления из американских газет. «Слыхали ли Вы, милостивый государь мой, чтобы у нас в России горячим железом клеймили крепостных крестьян, не преступников и колодников, а только для приметы? — Или чтобы наше правительство продавало в неволю вольного человека (хотя бы и бродягу) за тюремные издержки? — А это делается в свободной Америке!» — подчеркивал «Дух журналов» и делал вывод: «Законы Американских Соединенных Областей касательно невольников — суть самые бесчеловечные, каких, может быть, никогда не существовало»⁷⁹.

Итак, в данном случае формальная защита преимуществ «крепостного состояния» в России по существу превращалась в свою противоположность — гневное обличение системы рабства и крепостной зависимости во всем мире, включая Соединенные Штаты. Не удивительно поэтому, что царские власти сразу же усмотрели в материалах, печатавшихся на страницах «Духа журналов», дерзкую крамолу и «многие другие неприличности». Чтобы навсегда исключить возможность появления подобных статей, князь А. Н. Голицын предусмотрительно распорядился запретить публикацию любых материалов «ни в защищение, ни в опровержение вольности или рабства крестьян не только здешних, но и иностранных».

«Министр духовных дел и народного просвещения» потребовал также, чтобы издатель «Духа журналов» и содержатель типографии представили соответствующие объяснения. Как послушный «верноподданный», Карл Край без всяких возражений дал твердое обязательство впредь не печатать в своей типографии ничего «без одобрения зависящей цензуры»⁸⁰. Совсем иной харак-

⁷⁸ Там же, стр. 368.

⁷⁹ «Дух журналов», 1818, ч. XXVI, кн. 12, стр. 374.

⁸⁰ См.: Объяснение содержателя типографии Карла Крайя, 11 (23) июня 1818 г. — ЦГИА, ф. 777, оп. 1, д. 266, л. 10.

тер носило «объяснение» Г. М. Яценкова — документ, свидетельствующий не только о смелости издателя «Духа журналов», но и его незаурядных дипломатических способностях. Вот здесь-то и пригодились упоминавшиеся выше статьи г. Правдина. Ссылаясь на подобные материалы, главный издатель мог решительно отвергать «состав преступления» и даже утверждать, что журнал выступал лишь «в защиту того порядка вещей, какой существует ныне на основании законов». Особенно же настойчиво Яценков отстаивал право журнала печатать материалы с обсуждением мероприятий правительства и ссылался при этом на соответствующий параграф «высочайше конфирмованного устава о цензуре», а также официальную «Северную почту». «Многочисленные повторения о пользе свободного книгопечатания для самого правительства, читаемые в «Северной почте»..., не оставляло ни малейшего сомнения, чтобы система сия, в границах благоучрежденной цензуры, изменилась»⁸¹.

Мы подходим здесь к объяснению не только характера деятельности и мировоззрения Г. М. Яценкова, как либерала и реформиста, сторонника конституционного правления, но и объективных причин, позволивших ему на протяжении почти шести лет издавать свой политический журнал. В правительственной политике (примерно до начала 20-х годов XIX в.) наблюдалась не только открыто реакционная, но и туманно либеральная тенденция. В литературе много писалось о «двойственности» Александра I, сочетавшего в одном лице и либерального реформатора, и крайнего реакционера. Сравнительно недавно А. З. Манфред справедливо заметил, что в политике и особенно дипломатии Александр I проявил себя умным и расчетливым деятелем, «великолепно усвоившим «вольнлюбивую» фразеологию XVIII в.». Среди монархов начала XIX в. он «был, вероятно, наиболее современным, во всяком случае более умным и ловким политиком, чем Фридрих Вильгельм прусский или австрийский император Франц»⁸².

⁸¹ Г. М. Яценков — СПб. цензурному комитету, «июня — дня 1818 г.». На подлиннике также делопроизводственная надпись: «7 июня 1818». — ЦГИА, ф. 777, оп. 1, д. 266, лл. 4—5; «Русская старина», 1900, № 12, стр. 657—658.

⁸² А. З. Манфред. Наполеон Бонапарт. М., 1971, стр. 513.

Отказавшись от обширной программы реформ, подготовка к которым велась в первые годы царствования, Александр I и после 1815 г. не исключал возможность того, что обстоятельства могут заставить его вновь вернуться к «либерализму». В обстановке глубокой тайны Н. Н. Новосильцов работал над Уставной грамотой — новым конституционным проектом для России. Различные конституционные материалы (французская хартия 1814 г., швейцарская конституция, государственные «уложения» германских государств) появлялись время от времени не только в либеральном «Сыне отечества», но часто и на страницах официозного «Консерватер импарсиаль». В марте 1818 г. на открытии польского сейма Александр I «продолжал уверять в своей приверженности к представительным формам правления, намекая на возможность их введения в России»⁸³.

Не приходится удивляться, что в этих условиях главный издатель «Духа журналов» возлагал свои надежды на «благотворные» намерения правительства и в первую очередь самого императора. Он с восторгом печатал в своем журнале «Речь, произнесенную е. и. в. при открытии сейма Царства Польского» 15(27) марта 1818 г. (кн. 14, стр. 423—430), а также «Государственное уложение Баварского королевства». «1818 год, — пишет издатель «Духа журналов», — останется всегда незабвенным в летописях Баварии: в сем году (мая 27 дня) баварцы получили от короля своего Государственное Уложение (конституцию), на правилах законной свободы, политической и гражданской, основанное. Акт сей есть толикой важности, что мы нужным считаем сообщить оный вполне»⁸⁴.

Наконец, в начале следующего, 1819 г. «Дух журналов» решился напечатать обращение непосредственно к Александру I. Форма этого обращения была довольно своеобразной. Журнал открывала статья «Гений девятнадцатого века», в которой прославлялась деятельность русского царя⁸⁵. И сразу же вслед за этим Г. М. Яцен-

⁸³ «Сын отечества», 1814, ч. XIV, стр. 259—270; «Conservateur Impartial», 28.VII (9.VIII) 1814, p. 342—344 etc.; С. Б. Окунь. Очерки истории СССР. Л., 1956, стр. 305.

⁸⁴ «Дух журналов», 1818, ч. XXXI, стр. 525; текст конституции. стр. 525—572.

⁸⁵ «Дух журналов», 1819, ч. XXXII, кн. 1, стр. 8.

ков публиковал развернутую программу либеральных и конституционных реформ, озаглавленную «Чего требует дух времени? Чего желают народы?» «*Дух времени*,— отмечает журнал,— есть общий глас народов, не всегда гласный, но для наблюдательного ума довольно невнятный... Народы желают *владычества* законов!— коренных, неизменных, определяющих права и обязанности каждого; равно обязательных и для властей, и для подвластных, при которых самовластие места иметь не может...»⁸⁶ Журнал писал далее, что народы ожидают этого «от трона», и ссылаясь на пример Франции. «Сами государи возчувствовали необходимость поставить *владычество законов* на незыблительном основании»,— даровать «государственное уложение», т. е. конституцию. Для обеспечения же государственного уложения в свою очередь необходимы «народные представители». «Они суть верные охранители его неприкосновенности, преследователи нарушителей его, советники государей и соучастники в законодательстве...— через них народ имеет свой голос, который есть тогда по истине *глас божий*»⁸⁷.

Великолепный знаток царствования Александра I А. В. Предтеченский, как известно, особо выделял 1818 г. «В этом памятном году» появились статьи А. П. Куницына, «Начертание статистики Российского государства» К. И. Арсеньева, «Опыт теории налогов» Н. И. Тургенева. «В первом номере «*Духа журналов*» за 1819 г. была напечатана наделавшая много шуму статья «*Дух времени*». В ней в ясных и твердых выражениях говорилось о преимуществах парламентского строя перед абсолютистским... Все эти события,— приходил к выводу автор,— могли произойти лишь при явном попустительстве цензуры и при столь же явной личной поддержке царя»⁸⁸.

Надежды на «августейшего миротворца», как известно, не оправдались, конституция не была «дарована» русскому народу ни в 1819 г., ни в последующие годы. Все более сложным становилось и положение журнала. В феврале 1819 г. А. Н. Голицын направил С. С. Уварову раздраженное письмо по поводу статьи «О сохран-

⁸⁶ «*Дух журналов*», 1819, ч. XXXII, кн. 1, стр. 10, 13.

⁸⁷ Там же, стр. 15—16.

⁸⁸ А. В. Предтеченский. Указ. соч., стр. 378.

ных классах» («Дух журналов», 1819, кн. 2), в которой проводилась мысль, что гражданские учреждения в России благоприятствуют только тем лицам, «кои и без того судьбой облагодетельствованы... Имущему дано будет и прибудет, а у неимущего отыметя». Царский министр нашел, что «сии изъяснения никак не могут быть позволительны», и пригрозил, что если издатель еще раз осмелится обсуждать действия правительства, то «журнал сей будет закрыт»⁸⁹.

К чести Г. М. Яценкова следует сказать, что даже в этих условиях он не прекратил борьбы и продолжал отстаивать необходимость конституционных реформ, свободы книгопечатания и т. д. Поскольку, однако, прямо касаться положения в России было уже невозможно, издатель все чаще и настойчивее обращается к своим излюбленным американским сюжетам.

Огромная публикаторская работа, осуществленная «Духом журналов» за пять лет со времени основания журнала, представляла собой, в известном смысле, только предысторию главных событий, которые развернулись в 1820 г. Судьба журнала была неразрывно связана с общим политическим развитием России, а отчасти и всей Европы. Довольно ясно сознавал это и сам главный издатель «Духа журналов», писавший в своем отчете за 1819 г.: «Началась борьба между вольностью, своевластием и деспотизмом. Наступающий 1820 г. чреват важными переменами, долженствующими решить судьбу потомства»⁹⁰.

Вся логика предшествующей деятельности Г. М. Яценкова ясно показывала, на чьей стороне находятся его истинные симпатии. Он не был, конечно, революционером, не был вторым Радищевым, но он был умным и честным публицистом, последовательным сторонником конституционной системы правления, борцом за свободу «книгопечатания» и прогрессивные для своего времени буржуазно-либеральные реформы. В начале 1820 г. жребий был окончательно брошен — «Дух журналов» открыто, во весь голос поставил вопрос о конституции. Не только поставил, но и впервые на русском языке

⁸⁹ А. Н. Голицын — С. С. Уварову, 3 (15) февраля 1819 г. — «Беседы...», вып. III, стр. 23—24; «Русская старина», 1901, № 7, стр. 158—159.

⁹⁰ «Дух журналов», 1819, ч. XXXVII, кн. 24, стр. 527.

опубликовал подробное изложение республиканской конституции и государственного строя Соединенных Штатов Америки.

Уже в отчете за 1819 г. Яценков сообщал, что им получен иностранный журнал под заглавием «Картина Америки». «Новый журнал,— по словам главного издателя,— есть в некотором смысле «Дух американских журналов». Мы решились воспользоваться сею счастливою мыслию и с будущего года составить особую статью из любопытнейших материалов о сей стране под заглавием «Картина Америки»⁹¹. В «предуведомлении» к «Картине Америки» в 1-й книге «Духа журналов» за 1820 г. Г. М. Яценков восторженно писал: «Когда хотят назвать страну, где народ пользуется всеми выгодами мудрого, свободолюбивого, на неизменных законах основанного правления, то именуют — Северную Америку!» Сторонник конституции и либеральных реформ, издатель «Духа журналов» обращал специальное внимание читателей, что Северная Америка все более процветает «под эгидой владычества законов»⁹². Неумеренные восторги «Духа журналов» по поводу государственного строя и политической жизни Соединенных Штатов могут показаться современному читателю наивными и идиллическими. Действительно, со страниц журнала Америка предстает в романтизированном виде, скорее как идеал, а не как реальность. Следует, однако, учитывать время публикации, обстановку внутри царской России, а также взгляды самого издателя. В условиях царского самовластия, произвола цензуры и разгула аракчеевской реакции республиканская конституция и буржуазно-демократические свободы в США могли действительно казаться идеалом.

По замыслу издателя ««Картина Америки, писанная с натуры»⁹³, то есть из собственных ее источников», должна была дать подробное и всестороннее представление о Соединенных Штатах — их территории, населении, государственном устройстве, конституции, эконо-

⁹¹ «Дух журналов», 1819, ч. XXXVII, кн. 24, стр. 533.

⁹² «Дух журналов», 1820, ч. XXXVIII, кн. 1, стр. 3.

⁹³ Так назывался журнал, издававшийся Обществом ученых мужей в Германии и послуживший источником публикаций в «Духе журналов».

мическом и политическом положении, армии, флоте, общественной жизни и т. д. Общая схема статьи, «которая будет продолжаться весь сей год, а может быть, и далее», была представлена в упомянутом «предупреждении». «Все сии материалы,—писал Яценков,—уже готовы; к ним присоединим «Новейшие политические происшествия как в Северной, так и Южной Америке, и, смеем надеяться, что такая разнообразная картина сей части света будет занимательна для каждого из читателей наших»⁹⁴.

В 1-й же книге «Духа журналов» за 1820 г. было опубликовано своеобразное «историографическое» введение⁹⁵, в котором давался критический анализ предшествующих описаний жизни в Америке. «Высокоумные английские критики,—указывалось во введении,—ополчась против нашего отечества и конституции оногo, рассказывают нам, американцам, такие вещи, которые кажутся нам сонными грезами; но простосердечные иностранцы принимают те их рассказы за сущую истину. Напротив того, другие писатели изображают нашу страну раем земным, а жителей — ангелами. Читая их описания, подумаешь, что Америка есть земля обетованная, текущая медом и млеком, где воздух наполнен ароматическими благоуханиями и вечная весна щедрой рукой рассыпает цветы свои... Такими блистательными чертами описывают Америку Гильберт Имлей, Сен Джон де Кревокер⁹⁶... Совсем противное говорят чернокнижники Паркинсон, Аше, Джансен⁹⁷ и их сотоварищи. По словам их, Америка — земля проклятая, дикая и бесплодная... правление слабое, самовластное и испорченное; народ — сор Европы». В этом же введении рекомендовались «Валнеевы рассуждения о почве земли и климате Соединенных Штатов»⁹⁸,

⁹⁴ «Дух журналов», 1820, ч. XXXVIII, кн. 1, стр. 4.

⁹⁵ Там же, стр. 9—13.

⁹⁶ *M. G. St. Jean de Crèvecoeur. Letters from an American Farmer (1770—1781)*. London, 1782 (в дальнейшем эта книга выдержала огромное число изданий и продолжает публиковаться вплоть до настоящего времени).

⁹⁷ *R. Parkinson. Tour in America*. London, 1804, rev. and extended, 1807; *T. Asche. Travels in America in 1806*. London, 1808; *C. W. Jan-son. The Stranger in America*. London, 1807.

⁹⁸ *C. F. C., comte de Volney. Tableau du climat et du sol des Etats-Unis*, 2 vls. Paris [1803].

Шульцевы путешествия», а также записки Мелита⁹⁹, Брадбури и Бирбека¹⁰⁰.

Сами составители «Картины Америки» без сомнения принадлежали к числу ее восторженных почитателей. «Нет сомнения,— указывалось во введении,— что республика Соединенных Областей Северной Америки в скором времени станет на чреду величайших и могущественнейших в свете держав... Сию неизмеримую страну населяет народ, свободный, как воздух,... народ крепкий, трудолюбивый, предприимчивый, воздержанный и храбрый, одаренный всеми качествами душевными и телесными, какие только способны сделать народ великим и счастливым»¹⁰¹. В радужных тонах расписывалось и положение трудового народа в Америке. «Поденщики получают у нас плату вдвое больше, нежели в Англии, и вчетверо больше, нежели во Франции. Землю, еще не возделанную, но годную к земледельству, можно купить за самую дешевую цену, от 2 до 5 долларов за акр»¹⁰².

Наиболее важным в «Картине Америки», печатавшейся «Духом журналов», были, разумеется, не все эти неумеренные восторги, а публикация документированного описания политического строя нового государства в форме пяти писем из Филадельфии, озаглавленных «Конституция Северо-Американских Соединенных Областей»¹⁰³. В целях маскировки и самозащиты Г. М. Яценков в специальном примечании оговаривался, что американская конституция описывается таковой, «какова она есть, без всякого суждения об оной и без приноравления к другим государствам. Само собой разумеется, что конституция республики отлична от конституции монархического государства, и образ правления для одного народа превосходный может быть вовсе

⁹⁹ Речь идет, видимо, о записках картографа Дж. Мелиша.— *J. Melish. Travels in the United States [1806—07; 1809—11], 2 Vls. Philadelphia, 1812.*

¹⁰⁰ *J. Bradbury. Travels in the Interior of America. Liverpool, 1817; M. Birkbeck. Notes on a Journey in America, from Virginia to Illinois. Philadelphia, 1817; idem. Letters from Illinois. Philadelphia, 1818.*

¹⁰¹ «Дух журналов», 1820, ч. XXXVIII, кн. 1, стр. 15, 16.

¹⁰² Там же, стр. 20—21.

¹⁰³ «Дух журналов», 1820, ч. XXXVIII, кн. 2, стр. 73—88, кн. 3, стр. 97—116, кн. 4, стр. 157—164 (на стр. 164 стоит подпись: Т. С.).

не годится для другого. Этого достаточно,— заключил издатель,— для предупреждения кривых толков»¹⁰⁴.

Впрочем, подобное «примечание» вряд ли могло служить надежным прикрытием. Уж слишком остро и революционно звучали в условиях самодержавной России самые основные принципы республиканской конституции. «Правительство должно быть основано на общественном условии, с согласия управляемых... Все законы и учреждения должны происходить от народа, должны быть приняты и утверждены оным... Власти — законодательная, исполнительная и судебная — происходят от воли тех самых граждан, или их уполномоченных, на коих они действовать должны. Источник всякой власти в государстве есть народ»¹⁰⁵ и т. д., и т. д. В ходе изложения конституции специальное внимание уделялось рассмотрению «прав и вольностей народных» — «равенство всех перед законом», ответственность и зависимость чиновников от народа, гласное судопроизводство, «свобода вероисповеданий», «свобода мнений» и т. п. Разъясняя принцип ответственности министров и всех государственных чиновников, автор писем отмечал, что «всякий чиновник может быть обвинен в нарушении должности своей, судим и наказан по законам»¹⁰⁶.

Трудно сказать, предвидел ли Г. М. Яценков все последствия предпринятой им на страницах «Духа журналов» публикации американских материалов, но, начав в январе 1820 г. издание «Картины Америки», он с удивительной последовательностью и настойчивостью продолжал выполнять поставленную задачу. Свои планы издатель не изменил даже после того, как его официально уволили с должности цензора¹⁰⁷. Осенью 1820 г. на страницах «Духа журналов» (ч. XLII, кн. 18) появляется новый важный документ — «Государственный календарь Американских Соединенных Штатов на 1819 год», в котором с исчерпывающей полнотой и в то же время кратко и ясно излагалась система правления и общая структура исполнительной, законодательной и

¹⁰⁴ Там же, кн. 2, стр. 73.

¹⁰⁵ Там же, стр. 75—77.

¹⁰⁶ «Дух журналов», 1820, ч. XXXVIII, кн. 3, стр. 112.

¹⁰⁷ См. материалы об увольнении цензора Г. М. Яценкова (10 апреля — 20 июня 1820 г. ст. ст.).— ЦГИА, э. 777, оп. 1, д. 340.

судебной власти в Америке¹⁰⁸. В этой же книге журнала публиковались данные о составе и деятельности американского флота¹⁰⁹, заметка «Дешевизна в Северной Америке»¹¹⁰, а также едкий анекдот («Без работы — без хлеба») о «молодом тунеядце», который, получив в Европе «модное воспитание», не смог найти себе места в Соединенных Штатах¹¹¹. Таким образом, вся 18-я книга журнала оказалась заполненной исключительно американскими материалами.

Для царских властей это было уже слишком. Терпение «министра духовных дел и народного просвещения» лопнуло, и он решил пойти на крайнюю меру — закрыть «Дух журналов» и тем самым прекратить всякую дальнейшую полемику о преимуществах конституционного правления. В октябре 1820 г. в письме к Уварову князь Голицын обстоятельно изложил свои соображения по поводу систематических нарушений «Духом журналов» устава о цензуре, выступлений с критикой действий правительства, и, наконец, открытых выступлений в защиту конституционной и республиканской формы правления¹¹². «В периодическом издании под названием «Дух журналов», — писал всесильный царский министр, — всегда замечаемы были мною мысли и изъяснения непозволительные и противные уставу о цензуре. Прежде неоднократно позволял себе издатель оного восставать на распоряжения министерства внутренних дел по части мануфактурной, когда непозволяем был ввоз в Россию чужестранных произведений; потом, когда по новому тарифу последовало распоряжение на свободный ввоз оных, журнал сей осмелился критиковать и сие распоряжение, так что с основательностью

¹⁰⁸ «Дух журналов», 1820, ч. XLII, кн. 18, стр. 175—187.

¹⁰⁹ Там же, стр. 188—202.

¹¹⁰ Там же, стр. 203—205.

¹¹¹ Там же, стр. 205—206.

¹¹² А. Н. Голицын — С. С. Уварову, 6 (18) октября 1820 г. — ЦГИА, ф. 777, оп. 1, д. 328, лл. 5—6 об.; «Русская старина», 1900, № 12, стр. 663—664. Хотя это письмо давно было известно исследователям, причины закрытия журнала обычно излагались не совсем точно. Публикуя в 1871 г. отрывок из письма А. Н. Голицына, П. К. Щербальский не смог определить, «к каким именно статьям» относились замечания министра («Беседы...», вып. III, стр. 24). Пятковский ошибочно связал закрытие журнала с помещением статьи «О сохранных классах» (А. П. Пятковский. Указ. соч., ч. II, стр. 205)

можно из сего заключать о намерении издателя представлять в глазах читателей своего журнала все распоряжения правительства, какие бы они ни были, необдуманно и противными общей пользе, единственно из желания осуждать оное во всех его действиях. Журнал сей нарушил правила устава и самого благоприличия даже и в том, что осмелился судить и хулить рассуждения и соображения лиц самых почтенных, именуя их в своих замечаниях, вовсе непристойных... Неоднократно уже были делаемы замечания цензуре здешней за разные непозволенные статьи сего журнала, кои ею пропускались к напечатанию; приметно даже, что издатель, пользуясь в прежнее время званием цензора, поспешал печатать свои книжки без надлежащего просмотра другим цензором, коему поручен был надзор за его журналом. Издатель и сам был призываем ко мне для личных ему замечаний».

После столь пространного и грозного вступления «министр духовных дел и народного просвещения» переходил к главному пункту своих обвинений. «Наконец, ныне вновь оказалось в книжке № 17 и 18 сего журнала явное порицание монархического правления таким образом, что приметно без наималейшего сомнения постоянное направление издания сего действовать в противность видам и интересам правительства, что ни в каких землях терпимо и попускаемо быть не может». «Все сии причины совокупно побуждают меня,—заклучал А. Н. Голицын,—просить в. пр-во о сделании по цензурному комитету надлежащего распоряжения, дабы с начала наступающего 1821 года журнал сей был прекращен».

Рассматривая материалы, опубликованные в 17-й и 18-й книгах «Духа журналов» за 1820 г., нельзя не признать, что негодование вельможного князя вполне объяснимо. Выше уже отмечалось, что вся 18-я книга журнала была посвящена американским сюжетам. Что касается 17-й книги «Духа журналов», то в ней была напечатана восторженная биография лидера вигской оппозиции, блестящего оратора конца XVIII в. Фокса и, в частности, цитировались его гневные выступления с осуждением короля Георга III и консервативного правительства лорда Норта. Царствование Георга III Фокс характеризует как «непрерывную цепь неслыхан-

ных бедствий и злополучий» и сравнивает с правлением Карла II, который был свергнут победоносной революцией в середине XVII в. «Вообще все речи его, говоренные в нижней палате во время американской войны, дышали мятежническим духом... Король смотрел на него, как на поджигателя бунтовщиков, и чем более уважал природные его способности, тем ближе чувствовал оскорбление»¹¹³.

Как и следовало ожидать, граф Уваров незамедлительно выполнил «просьбу» министра просвещения и препроводил в цензурный комитет копию письма А. Н. Голицына «для точного исполнения и наблюдения»¹¹⁴. Еще ранее в цензурный комитет было направлено также письмо Голицына от 1(13) октября 1820 г., в котором содержалась ссылка на конкретные страницы журнала, вызвавшие с его стороны особое негодование. «Г. министр духовных дел и народного просвещения в отношении от 1 сего октября пишет,— читаем мы в письме исполняющего должность попечителя СПб. учебного округа Н. И. Фуса,— что в книжке «Дух журналов» сего года № 17 и 18 на страницах 187 и 188 находятся такие мысли и выражения, кои явно восстают на монархические правительства, что совершенно противно уставу о цензуре»¹¹⁵.

Ссылка Голицына на конкретные страницы «Духа журналов» не оставляет никаких сомнений в действительных причинах закрытия этого издания. На страницах, указанных Голицыным, были помещены вступительные замечания к «Государственному календарю Американских Соединенных Штатов». Автором «предисловия», судя по его содержанию, мог быть сам издатель журнала, хотя это никак не оговаривалось и даже не выделялось шрифтом (это позволяет предположить, что скорее всего Г. М. Яценков воспользовался предисловием из немецкого журнала, где первоначально печаталась «Картина Америки»). Так или иначе, представляя американский «Государственный календарь» русскому читателю, журнал писал: «Перед нами Государ-

¹¹³ «Дух журналов», 1820, ч. XLII, кн. 17, стр. 167—181.

¹¹⁴ С. С. Уваров — СПб. цензурному комитету, 9 (23) октября 1820 г. — ЦГИА, ф. 777, оп. 1, д. 328, л. 3.

¹¹⁵ Н. И. Фус — СПб. цензурному комитету, 4 (16) октября 1820 г. — Там же, л. 1.

ственный календарь Соединенных Штатов Америки на 1819 год. В нем виден весь состав правительства сей республики с разделением на разные департаменты, с подробным означением званий, должностей и жалованья каждого чиновника. Весьма замечательно, каким малым числом людей производятся там все дела, для которых в иных государствах потребно целое войско должностных, штатных и сверхштатных чиновников». И чтобы у читателя уже не оставалось никаких сомнений, что именно имеется в виду, журнал далее специально подчеркивал: «...Здесь нет ни двора, ни гвардии — две важные статьи, необходимые в монархических государствах и требующие больших расходов»¹¹⁶.

Нельзя не согласиться с Голицыным, что речь шла о явном порицании монархического правления «таким образом, что приметно без наималейшего сомнения». Публикация «Государственного календаря» достаточно недвусмысленно связывалась с решительным осуждением бюрократической машины царского самодержавия с его войском «должностных, штатных и сверхштатных чиновников».

В точном соответствии с письмом А. Н. Голицына С.-Петербургский цензурный комитет принял 12(24) октября 1820 г. официальное постановление о закрытии «Духа журналов» с начала будущего года. «Предписание г. министра дух. дел и народ. просв., — записано в журнале комитета от 12(24) октября 1820 г., — о «Духе журналов» принять к надлежащему исполнению; объявление же о сем г. издателю предоставить по изъявленному желанию цензора, читающего сей журнал, на точном основании данного предписания. О чем и донести г. попечителю»¹¹⁷. 2(14) ноября 1820 г. соответствующая бумага была направлена С. С. Уварову¹¹⁸.

После решения о закрытии «Духа журналов» до конца 1820 г. вышло всего две книги (вместо пяти). На 20-й книге стоит дата 1(13) ноября, а на последней, 21-й книге — 13(25) декабря 1820 г. Уже по своему

¹¹⁶ «Дух журналов», 1820, ч. XLII, кн. 18, стр. 175—176 (186—187).

¹¹⁷ Выписка из журнала СПб. цензурного комитета от 12(24) октября 1820 г. — ЦГИА, ф. 777, оп. 1, д. 328, л. 4.

¹¹⁸ СПб. цензурный комитет — С. С. Уварову, 2(14) ноября 1820 г. — Там же, л. 7.

объему эти две последние книги сильно отличаются от предшествующих, и для наблюдательного читателя было очевидно, что цензура явно урезала их содержание. Тем не менее, если не считать «Замечаний одного путешественника о Лондоне»¹¹⁹, обе последние книги «Духа журналов» также были посвящены американским сюжетам и касались как Южной, так и Северной Америки. Журнал опубликовал, в частности, статьи «Нынешнее устройство милиции Американских Соединенных Штатов»¹²⁰, «О почтах в Соединенных Штатах Америки (Из американского журнала)»¹²¹, «Почтовые пароходы в Северо-Американских Соединенных Штатах»¹²², заметку «Город Буенос-Эрес (Из американского журнала)»¹²³, а также «Выписку из письма одного путешественника по Южно-Американским провинциям (из *Morgenblatt*)»¹²⁴. Обещанного «продолжения впредь» так и не последовало. На 21-й книге тощей XLIII части издание «Духа журналов» прекратилось.

Краткий «некролог» изданию был помещен в «Сыне отечества», публиковавшем на протяжении 1821 г. «Историческое и критическое обозрение российских журналов, вышедших в свет в прошлом 1820 году». Крамольному политическому органу автор обозрения, естественно, смог уделить всего несколько тщательно взвешенных строк. ««Дух журнала» (*de mortuis aut bene aut nihil!*), с окончанием прошедшего года прекратившийся, имел свой собственный дух и большое достоинство: сей журнал был больше политический, нежели литературный; в нем судили о правлении разных государств, о законах, финансах, торговле, тарифе, благоустройстве, причинах благоденствия и величия народов, часто весьма справедливо, но часто и ошибочно, с какой-то неуместной решительностью»¹²⁵.

«Сын отечества» не мог, конечно, дать подробный положительный разбор содержания «Духа журналов», как он это сделал в отношении всех других даже гораздо

¹¹⁹ «Дух журналов», 1820, ч. XLIII, кн. 20, стр. 287—294, кн. 21, стр. 303—318.

¹²⁰ Там же, кн. 20, стр. 261—270.

¹²¹ Там же, кн. 21, стр. 287—301.

¹²² Там же, стр. 300—302.

¹²³ Там же, кн. 20, стр. 255—260.

¹²⁴ Там же, стр. 271—285.

¹²⁵ «Сын отечества», 1821, ч. 68, № 12, стр. 208.

менее значительных журналов 1820 г. Приведя латинское изречение «О мертвых следует говорить хорошо или ничего не говорить!», «Сын отечества» как бы оправдывал свой отказ от детального разбора «Духа журналов». Вместе с тем даже приведенные выше строки достаточно выразительны. Журнал действительно имел «свой собственный дух и большое достоинство».

Разумеется, не все опубликованные «Духом журналов» статьи сохранили познавательный интерес и научную значимость. На страницах журнала встречались неудачные и несущественные материалы и даже статьи, написанные с консервативных позиций (в частности, сочинения «русского дворянина Правдина» в защиту барщины и крепостного права). В целом, однако, ознакомившись со всеми 43 томами «Духа журналов», мы можем взять на себя смелость утверждать, что это был один из лучших политических журналов своего времени. И хотя «Сын отечества» писал в начале 1821 г. о «неуместной решительности» «Духа журналов», современный читатель с полным правом может сказать, что решительность издателя была не только уместной, но и необходимой. Именно эта «решительность» делала честь русской журналистике в мрачную эпоху реакции и деспотизма.

Издатель «Духа журналов» не был, конечно, революционером. Он неоднократно заявлял о своей приверженности Александру I и его политической линии. Именно на императора Г. М. Яценков возлагал главные надежды, когда в начале 1819 г. опубликовал программу либеральных и конституционных реформ под заглавием «Чего требует дух времени? Чего желают народы?» Но он не был обычным царским верноподданным. С удивительной настойчивостью и энергией «Дух журналов» вел неравный бой с царскими властями и цензурой. Среди его противников находились влиятельнейшие царские сановники — князь А. Н. Голицын, С. К. Вязмитинов, граф А. К. Разумовский, граф С. С. Уваров и многие другие.

Естественно возникает вопрос, каким образом безвестному Г. М. Яценкову удалось продержаться все эти тяжкие шесть лет, не только продержаться, но и опубликовать 43 томика своего журнала. У его противников было достаточно власти, чтобы заставить замол-

чать «Дух журналов» в самом начале, при его возникновении и даже до возникновения, когда Яценков осмелился по своей собственной инициативе опубликовать объявление о новом периодическом издании без разрешения высшего начальства.

Издателю журнала, по всей видимости, помогали его служебные связи, умение маскировать свои намерения и взгляды, а также хорошее знакомство с механизмом внутреннего управления (вспомним, что Г. М. Яценков долгое время служил цензором). Он опирался на определенную помощь друзей и коллег, и в этой связи исследователям еще предстоит выяснить, кто был членом «Общества издателей «Духа журналов»», кто были те «влиятельные лица», на поддержку которых намекал сам Яценков, и т. д. Несомненно, однако, что самым важным объективным обстоятельством, которое определило возможность существования «Духа журналов», явилась упоминавшаяся ранее «двойственность» Александра I. В правящем лагере России никогда не было полного единодушия. Наряду с А. А. Аракчеевым, Р. А. Кошелевым, К. В. Нессельроде, значительное влияние на Александра оказывали такие деятели, как М. М. Сперанский, Н. П. Румянцев, Н. С. Мордвинов, И. А. Каподистрия и др. Русский император и после 1815 г. не оставлял мысли, что при определенных условиях ему, возможно, придется сменить методы открытой реакции и полицейского произвола на какое-то подобие либеральных реформ.

Революции 1820 г. в Европе окончательно похоронили неопределенные «конституционные проекты» в России. Сама действенность либеральных реформ в представлении Александра I была поставлена под сомнение, так как «дарование» конституций не предотвратило революционного взрыва в Европе. В октябре 1820 г. произошли волнения в Семеновском полку. Стихийный протест доведенных до отчаяния солдат был жестоко подавлен. Царские сатрапы действовали теперь почти исключительно кнутом, а о прянике даже не вспоминали. В этих условиях «Дух журналов» уже не мог существовать, и не случайно именно тогда, осенью 1820 г., он был официально запрещен.

Значит ли это, однако, что труд Г. М. Яценкова и тех, кто ему помогал, пропал даром? Конечно, нет.

Говоря о роли, которую «Дух журналов» сыграл в истории русской журналистики, следует иметь в виду, что это был по существу первый в стране печатный орган, осмелившийся открыто поставить ряд самых острых политических проблем,— конституционное управление, гражданские права, свобода книгопечатания. Мы не говорим здесь об обсуждении на страницах журнала отдельных мероприятий правительства, постановку вопросов о свободе торговли, развитии мануфактур и т. д. Наконец, только американские сюжеты на страницах «Духа журналов», как видно из предшествующего изложения, занимают самостоятельное и, можно сказать, даже исключительное место в истории русской общественной мысли. Никогда ранее ни в одном русском журнале не публиковались столь обширные и содержательные материалы о различных сторонах жизни в Соединенных Штатах, их государственном устройстве, экономическом развитии и т. д. Именно эти материалы, и в частности вступительные замечания к «Государственному календарю Американских Соединенных Штатов», послужили основанием для закрытия «Духа журналов» царскими властями. В сравнительно незначительном факте закрытия «Духа журналов» ярко проявилось важное принципиальное изменение общего курса царского правительства, происшедшее в 1820 г. Перемен в государственном строе России теперь надо было ждать не от правительства Александра I (как это делал Г. М. Яценков), а в результате ликвидации царского самодержавия и в борьбе за русскую республику, что стало в то время программой декабристов.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ДЕКАБРИСТЫ И АМЕРИКА

Тема «Декабристы и Америка» весьма многообразна. Она включает не только отношение участников декабристского движения к Соединенным Штатам, к американской революции XVIII в., их знакомство с законодательными актами молодой заокеанской республики, трудами американских просветителей XVIII — начала XIX в., но и отклики в США на восстание 14(26) декабря 1825 г., практическую деятельность отдельных декабристов в Российско-американской компании (К. Ф. Рылеев, Д. И. Завалишин и др.), их взгляды на будущее Русской Америки, развитие русско-американских отношений и т. д.

Из всего комплекса этих вопросов более или менее основательно изучено лишь влияние федеральной конституции 1787 г. и конституций отдельных американских штатов на конституционные проекты декабристов и в первую очередь на конституцию Н. М. Муравьева¹. Действительно, даже беглое ознакомление с конституционным проектом Никиты Муравьева обнаруживает много общего как с конституцией 1787 г., так и с конституциями отдельных штатов. Всей полнотой законодательной власти, по конституции Н. Муравьева, облечено

¹ См., в частности: *В. И. Семевский*. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 448—471; *Г. Г. Кричевский*. «Конституционный проект» Никиты Муравьева и американские конституции. — «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1945, № 6, стр. 397—406; *M. M. Laserson*. The American Impact on Russia, 1784—1917. New York, 1962, p. 145—171; *D. Boden*. Das Amerikabild im russischen Schrifttum bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. Hamburg, 1968, S. 79—82.

Народное вече, состоящее, подобно конгрессу США, из Верховной думы и Палаты представителей. Территория России разделялась на 13 держав и две области (Московскую и Донскую), причем каждая держава посылала в Верховную думу трех граждан, Московская область — двух и Донская — одного. «Народное вече,— гласит ст. 78 конституции Муравьева,— собирается по крайней мере раз в год. Открытие его заседаний назначается в первый вторник декабря месяца, доколе законом не будет определено другого срока»².

Хотя во главе исполнительной власти по конституции Н. Муравьева стоит император, его прерогативы как «верховного чиновника российского правительства» во многом напоминают права и обязанности президента США. Показательно в этой связи, что сам текст присяги русского императора «при вступлении в правление» почти дословно повторял присягу американского президента³. Подобно президенту Соединенных Штатов, император «соединяет в особе своей всю исполнительную власть», является верховным начальником «сухопутной и морской силы», назначает «посланников и министров, и консулов и представляет Россию во всех отношениях с иностранными державами», «имеет право останавливать действие законодательной власти и принуждает ее ко вторичному рассмотрению закона» (вето императора отменяется, если Народное вече вновь примет отвергнутый закон большинством в две трети голосов). Четыре «Приказа», по конституции Муравьева (казначейство, сухопутных и морских сил, внешних сношений) — соответствовали первоначальным американским департаментам.

² Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, приложение IV, стр. 331. Сравни со ст. I, сек. 4, § 2 конституции США: «The Congress shall assemble at least once in every Year, and such Meeting shall be on the first Monday in December, unless they shall by Law appoint a different day». — Documents..., Vol. I, p. 140.

³ Сравни, соответственно: «Я клянусь торжественно, что буду верно исполнять обязанности императора Российского и употреблю все мои силы на сохранение и защиту сего конституционного Устава России» (ст. 101, § 23 конституции Н. Муравьева) и: «I do solemnly swear (or affirm) that I will faithfully execute the Office of President of the United States, and will to the best of my Ability, preserve, protect and defend the Constitution of the United States» (ст. II, сек. 1, § 8). — Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 337; Documents..., Vol. I, p. 143.

Имелся также «Верховный блюститель (генерал-прокурор). Как и президент, русский император обязан «доставлять Народному вече сведения о состоянии России и представлять его суждению принятие мер, которые ему покажутся необходимыми или приличными»⁴.

В известной мере власть всероссийского императора, по конституции Н. Муравьева, даже более ограничена, чем права президента США. Специально оговаривалось, в частности, что император «не может употреблять войск во внутренности России в случае возмущения, не сделав о том предложения Народному вечу, которое немедленно обязано удостовериться посредством следствия в необходимости военного положения» (ст. 101, § 15)⁵. Любопытно, что, по конституции Н. Муравьева, император «ни в коем случае не имел права выехать из пределов отечества, даже в заморские владения»⁶ (в то время речь могла идти только о Русской Америке). Важным и совершенно оригинальным было ограничение прав лиц, служащих при дворе императора. По конституции Муравьева, «придворные звания не дают особам, носящим оные, права почитать себя в общественной службе..., и потому они не получают ни жалованья, ни каких-либо вознаграждений из общественного казначейства... Сверх того, они лишаются на то время прав гражданства, т. е. права избирать и преимущественно быть избранным в общественную должность, поелику они находятся в частном служении» (ст. 104)⁷.

Все эти ограничения были связаны с конкретными условиями русской действительности — частными иностранными поездками Александра I, непомерным влиянием царского двора и т. д. Они были тщательно продуманы и обоснованы юридически. Придворные императора лишались избирательных прав, так как находились «в частном служении»! Логичность доказательства сочетается здесь с оригинальностью конституционной мысли Н. Муравьева. Показательно также, что в ст. 103 ука-

⁴ В тексте конституции США (ст. II, сек. 3) президент обязан: «Give to the Congress Information of the State of the Union, and recommend to their consideration such Measures as he shall judge necessary and expedient». — Documents..., Vol. I, p. 143.

⁵ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 336.

⁶ Там же, стр. 338.

⁷ Там же, стр. 337.

зывалось, что члены семьи императора «не пользуются никакими особыми правами и преимуществами».

С другой стороны, в конституционном проекте Муравьева бросалась в глаза излишняя сложность избирательной системы и прежде всего наличие огромного имущественного ценза. Так, для избрания членом Верховной думы требовалось достижение 30-летнего возраста, 9 лет гражданства в России для иностранца, «недвижимого имущества ценою на 1500 фунтов чистого серебра или движимого на 3000 фунтов чистого серебра» (ст. 75).

По словам П. И. Пестеля, конституция Н. Муравьева не нравилась большинству по двум основным причинам: «У него предполагался федеральный образ правления, как в Соединенных Областях Америки. Это походило на древнюю удельную систему и потому пагубным казалось. Второе основание состояло в том, что права на должности в правлении и на участие в делах общих и государственных основаны были на богатстве так, что для исполнения должностей даже уездных правительств нужно было богатство, а для высших должностей — все более и более. Сия ужасная аристократия богатств заставляла многих и в том числе и меня противу его конституции сильно спорить»⁸.

Даже краткое рассмотрение конституционного проекта Н. Муравьева показывает, что его автор был хорошо знаком с основными европейскими и американскими конституциями. «Он говорил зрелым юридическим языком своего времени, а не лепетом наивного и неподготовленного политического мечтателя, — пишет академик М. В. Нечкина и далее справедливо указывает: — В гордой формуле «Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства» важно не то, что сам автор написал на полях «Из И. К.» (т. е. «Из испанской конституции»), а важно объективное значение этого утверждения для *России* (а не для Испании!). Очевидно также, что если Н. Муравьев «считал нужным положить два рубля в сутки на содержание русского депутата, так не потому, что в Род-Айленде клали на

⁸ Восстание декабристов. Материалы. Документы. Следственные дела, т. I—XII. М., 1925—1969, т. IV, стр. 86.

это столько-то долларов, а потому, что он прикидывал, во что обойдется по русским ценам пристойное содержание избранника народа, приличествующее его общественному положению»⁹.

Блестящий знаток истории создания конституционно-го проекта Никиты Муравьева академик Н. М. Дружинин указывал, что автору этого проекта были известны конституции всех 23 североамериканских штатов и он хорошо понимал «своеобразие англосаксонского права в его американской интерпретации». При написании своей конституции Муравьев широко использовал самые разнообразные источники (в том числе и американские), «но форма его заимствования была самостоятельной и достаточно разнообразной: сравнительно редко он производил инкорпорацию отдельных статей иностранного текста, ограничиваясь буквальным и точным воспроизведением; гораздо чаще он перелагал содержание юридической нормы, внося в нее тот или иной оттенок; нередко он изменял ее содержание, придавая заимствованному принципу новое истолкование; очень часто он отбрасывал ненужный материал, но зато вводил личные дополнения, исходя из действующего русского права или из самостоятельных теоретических соображений... В этом смысле его конституция,— приходил к выводу Н. М. Дружинин,— не менее самостоятельное произведение, чем французские конституционные акты или проекты русских политических реформаторов»¹⁰. Можно добавить также, что сам текст конституции был написан в соответствии с русской национальной традицией и с широким использованием таких терминов, как дума, вече, приказ, держава, тысяцкий, старейшина, и т. д.

Многочисленные документальные собрания, материалы следствия, письма, дневники и воспоминания участников движения декабристов свидетельствуют о том, что они живо интересовались политическими событиями в странах Европы и Америки, стремились внимательно познакомиться с их жизнью и государственным устройством. Так, декабрист С. Г. Волконский вспоминал в своих «Записках», что в 1815 г. он «выехал из Петер-

⁹ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. М., 1955, стр. 378—379.

¹⁰ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 179.

бурга с твердым намерением околесить всю Европу и даже с предположением посетить и прочие части света, особенно Американские Штаты, занимавшие тогда умы нашей русской молодежи по их самостоятельному быту и по демократическому политическому составу»¹¹.

Еще ранее, в 1806 г., о таких путешествиях мечтал Н. И. Тургенев. Сравнивая Пенна и Кортеса, будущий декабрист сразу же обратил внимание на принципиальную разницу в их действиях. «Кортес — воин и вместе тиран, Пен — населитель колонии в Северной Америке и вместе человек честный. What a difference! Как бы хотелось мне поехать по белу свету, побывать в Азии, Африке, Америке и вместе с этим в Европе, а более всего в Российском государстве»¹². Находясь в 1810 г. в Геттингене, Н. И. Тургенев с восхищением отмечал, что американцы «не щадили ничего для свержения английского ига» и для пользы «нового отечества — рождающейся республики»¹³.

Для многих декабристов Америка представлялась как своего рода «мать свободы»¹⁴. Сравнивая различные правления, они, как правило, отдавали Соединенным Штатам «полное преимущество»¹⁵. По словам С. Г. Волконского, «всегдашним разговором членов было, что американская конституция есть лучший образец для России»¹⁶.

Оправдывая на следствии свое увлечение вольнолюбивыми идеями, многие декабристы отмечали, что само правительство в свое время проявляло известную терпимость к либеральным настроениям и даже стремилось «приготовить Россию к принятию конституционных начал». Особенно часто при этом делались ссылки на известную речь Александра I в Варшаве при открытии польского сейма весной 1818 г. В качестве источника

¹¹ «Записки Сергея Григорьевича Волконского». СПб., 1902, стр. 327.

¹² «Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806—1811 гг.», т. I. СПб., 1911, стр. 27.

¹³ С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1958, стр. 249; В. М. Тарасова. О ранней работе Н. И. Тургенева «Рассуждения о банках и бумажных деньгах». — «Уч. зап.» (Марийский гос. пед. ин-т), т. 10, 1956, стр. 81.

¹⁴ Н. А. Бестужев. Статьи и письма. М.—Л., 1933, стр. 111.

¹⁵ Восстание декабристов, т. XII, стр. 91.

¹⁶ Восстание декабристов, т. IV, стр. 206.

либеральных идей назывались также статьи и сообщения периодической печати. В своем показании 9(21) февраля 1826 г. В. И. Штейнгель особо выделил «Дух журналов», несколько лет существовавшего «в качестве оппозиционного периодического издания, в котором печатались весьма сильные опровержения против распоряжений правительства, защищаемых министеральной газетой «Северная почта»»¹⁷.

Большое впечатление на современников произвела, как уже отмечалось, статья «Чего требует дух времени? Чего желают народы?», опубликованная в первом номере «Духа журналов» за 1819 г. Какое конкретное влияние она могла оказать на декабристов — сказать трудно, но очевидно, что ее вольнолюбивые и конституционные идеи получили в их трудах дальнейшее развитие. Напомним, например, что П. И. Пестель в «Русской правде» писал о «духе времени», который стремится «к свободе, на законах основанной», и одновременно подчеркивал необходимость полного уничтожения рабства, «особливо в то время, когда Россия стремится к установлению прочного законного порядка»¹⁸. В. И. Семевский высказывал предположение о том, что И. Д. Якушкину был, по всей видимости, «известен русский перевод баденской и баварской конституций в «Духе журналов», где он мог найти упоминание и о выкупе повинностей крестьян»¹⁹. Не приходится сомневаться и в том, что опубликование на страницах журнала огромного числа материалов, прославляющих государственный строй и благосостояние Соединенных Штатов, также сыграло свою роль в формировании в России передового общественного мнения,

¹⁷ В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 181; «Общественные движения в России в первую половину XIX в.», т. I. СПб., 1905, стр. 299. При всем значении свидетельства Штейнгеля, общее влияние «Духа журналов» и многочисленных конституционных материалов, публиковавшихся на его страницах, на формирование мировоззрения декабристов было, по всей видимости, сравнительно ограниченным. Напомним, что уже в 1820 г. «Дух журналов» был официально закрыт царскими властями, а отдельные материалы журнала, в частности статьи Правдина в защиту барщины и крепостного права, не могли не вызвать в декабристских кругах естественного негодования.

¹⁸ П. И. Пестель. Русская Правда.— Восстание декабристов, т. VII, стр. 174.

¹⁹ В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 622.

хотя этот вопрос заслуживает в дальнейшем специального исследования.

Участники декабристского движения и прежде всего декабристы-республиканцы постоянно ссылались на опыт революций во Франции, Испании и Америке. Они с восторгом называли имена Вашингтона и Франклина, систематически следили за событиями в Европе и США. «Последняя половина прошлого столетия и события нашего века столь богаты различными переворотами в правлениях,— писал П. Г. Каховский генералу Левашеву 24 февраля (8 марта) 1826 г.,— что мы не имеем нужды ссылаться в века отдаленные. Мы свидетели великих происшествий. Образование Нового Света, Северо-Американские Штаты своим устройством подвинули Европу к соревнованию. Они будут опять в пример и отдаленному потомству. Имя Вашингтона, друга, благодетеля народного пройдет из рода в род; при воспоминании его закипит в груди граждан любовь к благу и отечеству... Революция Франции сильно потрясла троны Европы и имела на правление и народы оной еще большее влияние, чем и самое образование Соединенных Штатов»²⁰.

Близкий друг В. К. Кюхельбекера и И. И. Пущина бывший лицеист В. Д. Вольховский писал в марте 1823 г.: «Любимый мой герой Франклин, сын типографщика, сам был простым работником...»²¹ Сравнение с Вашингтоном рассматривалось обычно как высшая похвала и знак особого восхищения. «Симон Боливар есть один из замечательнейших людей в новейшей американской истории. Многие называют его южноамериканским Вашингтоном»²². По словам В. Ф. Раевского, «не Бонапарт сделал революцию: он только воспользовался ею для своего властолюбия... Вашингтон и Франклин — освободители от рабства»²³.

Восхищение деятельностью Вашингтона и Франклина не было для декабристов чем-то чисто умозритель-

²⁰ П. Г. Каховский — генералу Левашеву, 24 февраля (8 марта) 1824 г.— *А. К. Бороздин*. Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906, стр. 12.

²¹ В. Д. Вольховский — В. К. Кюхельбекеру, 7 (19) марта 1823 г.— «Литературное наследство», т. 59, стр. 483.

²² «Московский телеграф», май 1825, ч. III, № X, стр. 187.

²³ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I—III. М., 1951, т. II, стр. 374.

ным и отвлеченным, а служило обоснованием их собственной революционной деятельности. Как свидетельствовал М. Муравьев-Апостол, Пестель доказывал необходимость установления временного правления, ссылаясь на пример США, успех которых определило существование во время войны централизованного управления, сосредоточенного «в особе Вашингтона, который был военный и гражданский начальник Америки»²⁴.

Значительное влияние на мировоззрение декабристов оказывало знакомство с лучшими произведениями русских и западноевропейских литераторов, философов, экономистов и историков. Как отмечал В. И. Семевский, у некоторых декабристов в результате систематического интереса к литературе стали создаваться целые библиотеки, например у П. М. Муравьева (унаследовавшего к тому же большую библиотеку от отца), П. И. Пестеля, В. С. Норова и др. Достаточно сказать, что по каталогу, составленному в 1824 г. Ф. П. Шаховским, в его библиотеке значилось 1026 названий на всех основных европейских языках. Здесь были труды чуть ли не по всем важнейшим отраслям науки и литературы. «Библиотека П. Я. Чаадаева уже в 1812 г. была известна библиофилам... Во время ссылки хорошие библиотеки оказались у С. Г. Волконского и С. П. Трубецкого»²⁵.

Хорошо известно, какое влияние на декабристов имели произведения А. Н. Радищева и А. С. Пушкина. Они слушали лекции и читали труды Куницына, Арсеньева, Германа. Им были хорошо известны сочинения Вольтера, Руссо, Гельвеция, Рейналя, Монтескье. В своей работе о налогах (1818 г.) Н. И. Тургенев цитирует Юма, Адама Смита, Бентама, Сэя. Из его дневника и приложений видно, что он читал и делал выписки из сочинений Плутарха, Тита Ливия, Робертсона, Сисмонди и многих других авторов. Весной 1821 г. он познакомился с «Комментарием» Детю де Траси²⁶. Поистине необозрим был круг чтения П. И. Пестеля. По словам Н. И. Лорера, в квартире Пестеля «во всю длину... комнат тянулись полки с книгами, более политическими,

²⁴ Восстание декабристов, т. IX, стр. 254.

²⁵ В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 209—210, 678.

²⁶ Там же, стр. 215—216.

экономическими и вообще ученого содержания, и всевозможные конституции... Я не знаю, чего этот человек не прочел на своем веку на многих иностранных языках»²⁷.

Хотя среди книг, которые в изобилии читались членами декабристских обществ, труды об Америке и особенно сочинения американских авторов занимали более чем скромное место, можно все же утверждать, что наиболее образованная часть декабристов стремилась по возможности пополнить свои познания и в отношении этой далекой от России части света. Многим декабристам было хорошо известно многотомное сочинение Рейналя об истории обеих Индий, изданное в русском переводе в 1805—1811 гг., они живо интересовались также книгами по «истории и современному быту Америки». Среди книг, которыми пользовались члены Южного общества, В. И. Семевский называет «Историю Америки» Робертсона (изд. 1777—1780 гг.) и «Жизнь Вашингтона»²⁸.

В списке книг Никиты Муравьева, приводимом в монографии Н. М. Дружинина²⁹, наряду с трудами выдающихся французских просветителей XVIII в. (Вольтера, Монтескье, Руссо), английских экономистов (Адама Смита, Давида Рикардо) и т. д. можно встретить работы крупнейших политических деятелей Соединенных Штатов — трехтомное сочинение Джона Адамса в защиту американского государственного строя и руководство по парламентской практике Томаса Джефферсона³⁰. Среди исторических сочинений — известный труд сторонника федералистских взглядов Д. Рамсея об американской революции XVIII в., а также французский перевод книги Г. М. Брэкенриджа об англо-американской войне 1812 г.³¹ Пространная выписка из книги Д. Рам-

²⁷ «Записки декабриста Н. И. Лорера». М., 1931, стр. 74.

²⁸ В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 225, 229.

²⁹ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 297—302.

³⁰ J. Adams. A Defence of the Constitutions of Government of the United States of America, Vls I—III. London, 1794; Th. Jefferson. Manuel du droit parlementaire ou précis des règles suivies dans le Parlement d'Angleterre et dans le Congrès des États-Unis... A Paris, 1814. В Соединенных Штатах «A Manuel of Parliamentary Practice», предназначенный для использования американским сенатом, был впервые издан в 1800 г. и затем многократно переиздавался (см.: Th. Jefferson. Writings, Vol. II, p. 331—450, Vol. XX, p. 15—16 (библиография)).

³¹ D. Ramsay. The History of the American Revolution, Vls I—II. London, 1791 (первое издание вышло в Филадельфии в 1789 г.); Н. М. Brackenridge. Histoire de la guerre entre les États-Unis d'Améri-

сея, сделанная Н. Муравьевым в начале 20-х годов, свидетельствовала о сочувствии декабриста восставшим американцам: «Колонист не слышал о Великой хартии Его политическая вера была проста, но очень содержательна. Он верил, что бог сделал все человечество от рождения равным и наделил его правами жизни, собственности и свободы настолько, насколько это было согласовано с правами других, и что правительство — политическое учреждение между равными естественно людьми — существует не для возвеличивания одного или немногих, но для счастья всего отечества»³².

В показаниях следственной комиссии П. И. Пестель сообщал: «От монархического конституционного образа мыслей был я переведен в республиканский главнейше следующими предметами и соображениями.— Сочинение Детю де Траси на французском языке очень сильно действовало на меня. Он доказывает, что всякое правление, где главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей сан наследствен, неминуемо кончится деспотизмом.— Все газеты и политические сочинения так сильно прославляли возрастание благоденствия в Северных Американских Соединенных Штатах, приписывая сие государственному их устройству, что сие мне казалось ясным доказательством в превосходстве республиканского правления.— Новиков говорил мне о своей республиканской конституции для России, но я еще спорил тогда в пользу монархической...» Далее Пестель ссылался на исторический опыт Греции, Рима и Великого Новгорода, критиковал конституционную монархию в странах Западной Европы, отмечал влияние «происшествий» в Неаполе, Испании и Португалии³³.

Мы видим, таким образом, что в качестве важной причины своего перехода к республиканским взглядам П. И. Пестель прямо ссылался на опыт Соединенных Штатов, «благоденствие» которых и преимущества их государственного устройства в свое время довольно широко пропагандировались на страницах русской периодической печати (вспомним в этой связи хотя бы уже

que et l'Angleterre (1812—1815), t. I—II. Paris, 1820 (американское издание: History of the Late War between the United States and Great Britain. Baltimore, 1817).

³² С. С. Волк. Указ. соч., стр. 250.

³³ Восстание декабристов, т. IV, стр. 91.

упоминавшийся нами «Дух журналов»). Американская тема к тому же была сравнительно безопасной, поскольку с Соединенными Штатами существовали вполне нормальные и даже благожелательные взаимоотношения. Что касается конституции М. Н. Новикова, то, по отзыву Пестеля, в ней также было много «сходства с американскою»³⁴.

Судя по свидетельству декабриста С. М. Семенова, на американский опыт П. И. Пестель ссыался уже в своем историческом докладе на совещании Коренной управы Союза Благоденствия в начале 1820 г. в С.-Петербургe на квартире у Федора Глинки. «Когда же в 1819 или в 1820 году Пестель явился в Совет, то в том рассуждаемо было о выгодах и невыгодах разного рода правлений. Пестель доказывал превосходство перед прочими правления Соединенных Штатов Америки. Все были согласны с Пестелем, что правление Соединенных Штатов Америки лучше всех доселе известных правлений». При поименном голосовании все присутствующие высказались за республику. Знаменитая фраза Н. И. Тургенева «*Le président,— sans phrases*» сжато и выразительно подвела итог: «президент,— без лишних толков», т. е. республика предпочтительнее, зачем тратить ненужные слова³⁵.

Возвращаясь к показаниям П. И. Пестеля о причинах его перехода к республиканским взглядам, отметим, что на первое место он поставил «Комментарий Духа законов Монтескье» Детю де Траси. Это сочинение было написано по предложению Томаса Джефферсона, который считал крайне желательным внести «радикальное исправление» в знаменитый трактат Монтескье, в котором обосновывались преимущества конституционной монархии по сравнению с другими формами правления. В дальнейшем именно благодаря стараниям Т. Джефферсона «Комментарий» был переведен на английский язык и издан в Филадельфии в 1811 г. Джефферсон полагал, что это — одна из наиболее ценных работ, которая «составит эпоху в науке о государственном управ-

³⁴ Там же, стр. 113.

³⁵ Восстание декабристов, т. IV, стр. 101—102; С. С. Ланси. Формирование революционной идеологии декабристов 1816—1825. Л., 1971 (рукопись докт. диссерт.), стр. 286 со ссылкой на ЦГИА, ф. 48, ед. хр. 67, л. 40 об.

лении»³⁶. Американское издание «Комментария», вышедшее в Филадельфии в переводе У. Дуана, по всей видимости, никогда в Россию не поступало. Зато в России была хорошо известна французская публикация этого труда, вышедшая в Париже в 1819 г. Этим изданием, очевидно, пользовался Пестель и многие другие декабристы, для которых «Комментарий», по выражению М. Ф. Орлова, был «высшей степенью премудрости»³⁷.

Свидетельства М. Ф. Орлова и самого П. И. Пестеля не следует, разумеется, понимать слишком буквально. Декабристы высоко ценили трактат французского публициста, но было бы совершенно неправильно полагать, что этот труд оказал решающее влияние на формирование их республиканских взглядов. Даже в случае с Пестелем, который сам подчеркивал сильное влияние на него сочинения Детю де Траси, речь может идти скорее о полном одобрении и солидарности со взглядами автора «Комментария», чем о решающем влиянии или тем более заимствовании. Напомним, что уже в начале 1820 г. Пестель выступил со своим знаменитым докладом на собрании Коренной управы в С.-Петербурге (по уточненным предположениям Б. Е. Сыроечковского, «в самом конце марта»). Между тем трактат Детю де Траси поступил в петербургский цензурный комитет и был допущен к продаже лишь в апреле 1820 г.³⁸ Таким образом, члены Союза Благоденствия приняли официальное решение бороться за республиканскую форму правления в России еще до того, как они имели возможность познакомиться с «Комментарием» Детю де Траси.

Значит ли это, что мы отрицаем всякое влияние и тем более значение трактата французского публициста, приверженца идей Руссо. Конечно, нет. Когда осенью 1824 г. П. И. Пестель встретился с А. В. Поджио и

³⁶ Т. Джефферсон — Детю де Траси, 26 января 1811 г. — *Th. Jefferson. Writings*, Vol. XIII, p. 13—15; Т. Джефферсон — Т. Куперу, 16 января 1814 г. — *Ibid.*, Vol. XIV, p. 62—63.

³⁷ *D. de Tracy. Commentaire sur l'Esprit des lois de Montesquieu*. Paris, 1819; В. И. Семеvский. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 546; Е. М. Двоиченко-Марков. Jefferson and the Russian Decembrists. — «The American Slavic and East European Review», Vol. IX, Oct. 1950, p. 162—167.

³⁸ С. С. Ланда. Указ. соч., стр. 306 со ссылкой на ЦГИА, ф. 777, рапорты за 1821 г., л. 117; сравни: Б. Е. Сыроечковский. Из истории движения декабристов. М., 1969, стр. 190—191, 213.

«ввел» его в «свою республику..., основанную на народном представительстве», последний сразу же обратил внимание, что «Комментарий» Детю де Траси он «весьма искусно» превратил «в систему, математически изложенную». Поджио с восторгом предсказывал Пестелю «славу Вашингтона» и отмечал, что «после водворения законного правления» он сможет «сейчас же удалиться к числу частных граждан»³⁹.

Значительный интерес представляют взгляды и отношение к Соединенным Штатам со стороны руководителя Северного общества К. Ф. Рылеева. Хотя в частных разговорах поэт «всегда защищал ограниченную монархию», в душе он «предпочитал ей образ правления Северо-Американских Соединенных Штатов, предполагая, что образ правления сей Республики есть самый удобный для России по обширности ее и разноплеменности населяющих ее народов». Именно об этом Рылеев говорил многим членам общества «и между прочим Никите Муравьеву, склоняя его сделать в написанной им Конституции некоторые изменения, придерживаясь Устава Соединенных Штатов, оставив, однако ж, формы монархии»⁴⁰. В ответ на прямой вопрос Пестеля о том, какое правление предпочтительнее для России, Рылеев ответил, что «удобнейшим для России кажется областное Северо-Американской республики при императоре, которого власть не должна много превосходить власти президента Штатов». «В наше время даже и честолюбец, если только он благоразумен,— заявил Рылеев,— пожелает лучше быть Вашингтоном, нежели Наполеоном»⁴¹.

О преимуществах республиканского правления Соединенных Штатов, событиях в Испанской Америке, предстоящем конгрессе в Панаме и т. п. неоднократно говорил Д. И. Завалишин. По свидетельству А. П. Беляева, он утверждал, что хорошим может быть только то правление, «в котором соблюдены все права Человека». Соединенные Штаты Америки казались Завалишину примером для России. «Северные Американские Штаты... также не маленькое государство, но в оном правление республиканское, и мы видим, что там народ, пользуясь

³⁹ Восстание декабристов, т. IX, стр. 75—76.

⁴⁰ Восстание декабристов, т. I, стр. 175, 211 и др.

⁴¹ Там же, стр. 178.

всеми правами и совершенною свободою, благоденствует; не так как у нас, где не только народ, но и дворянство потеряло права свои,—следовательно, чтоб возвратить права, должен быть переворот; а если уже делать переворот, то надобно выбирать лучшее»⁴².

Интерес декабристов к Америке не прекращался и после неудачи восстания на Сенатской площади, жестокой расправы над главными «государственными преступниками» и последующей многолетней ссылки остальных участников движения. В письме Е. А. Энгельгарту И. И. Пущин сообщал, что в Читинском остроге он перевел первую часть «Записок Франклина» (вторая часть была переведена бароном В. И. Штейнгелем). Было написано «и предисловие с посвящением труда Вам, почтенный друг,—указывал Пущин,—Вы еще в лицее познакомили меня с этой дельной книгой. Послали ее и другие переводы к одному родственнику Муханова, здешнего моего товарища,—все кануло в море: ни слуху, ни духу... Черновую рукопись я истребил по случаю бывшего тогда тюремного осмотра. Нельзя было сохранить эту контрабанду: чернила были запрещены»⁴³. Главы из знаменитой книги А. Токвиля «О демократии в Америке» переводили в Сибири Н. А. Бестужев и М. А. Фонвизин, интересовавшиеся историей английской колонизации Северной Америки и причинами восстания колонистов⁴⁴. В известном письме своей сестре 1 (13) декабря 1839 г. М. С. Лунин в числе других книг просил выслать ему «Отчет Штата Луизиана и Уложение о наказаниях этого штата, составленное Э. Ливингстоном»⁴⁵.

Специфика нашей темы может создать преувеличенное представление о значении американского опыта в формировании у декабристов революционного мировоззрения. Между тем в действительности американское влияние на участников декабристского движения, как и общее влияние Соединенных Штатов на развитие революционной мысли в России, было достаточно ограниченным. Приведенные факты показывают, что декабристы

⁴² Восстание декабристов, т. III, стр. 267, 270, 321, 327, 340.

⁴³ И. И. Пущин — Е. А. Энгельгарту, 29 апреля (11 мая) 1845 г.—*И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, стр. 201—202.*

⁴⁴ С. С. Волк. Указ. соч., стр. 249.

⁴⁵ Н. Эйдельман. Лунин. М., 1970, стр. 271.

были знакомы с историей Соединенных Штатов, высоко оценивали американскую революцию XVIII в., конституцию 1787 г., деятельность Вашингтона, Франклина и других выдающихся американских революционеров. Они интересовались текущими событиями в Америке, читали отдельные работы американских авторов (преимущественно в переводах на французский язык), а также книги по истории Соединенных Штатов. Но, разумеется, не следует думать, что все это было основным источником развития революционных настроений или что декабристы некритически воспринимали прочитанное, слепо копировали западноевропейский либо американский опыт.

Исключительно точно и образно высказался на этот счет декабрист А. В. Поджио: «Ужели, читая какого-нибудь Вордена⁴⁶, могли мы от него заимствовать убеждения и в России ввести Республику, подобную той, о которой он говорит. Соединенным Штатам многосложность служит силой и оплотом — мы сего опасались, чтобы введением федерального правления государство наше не распадалось на части, — там жителей девять миллионов, у нас — сорок. Там переселенцы Англии, у нас россияне!.. Там месть направлена была к врагам внешним, а мы врагов искали среди нас... Конечно, из книг почерпнули все уложения, суд присяжных и тому подобное, но мысли о восстании, решимость, отважность, вот это, как показать, истолковать, как не тем, что все это возымело свое начало не от книг, но в сердцах наших, среди всех страстей, их обуреваемых! Вот гнезда, где гнездились все замыслы, откуда они нисходили с пожирающим их пламе[не]м!»⁴⁷

В условиях царского самодержавия и полицейского произвола буржуазно-демократические свободы в Сое-

⁴⁶ Речь идет о кн.: *D. B. Warden. Description statistique, historique et politique des Etats-Unis de l'Amérique Septentrionale...* 5 v. Paris, 1820. Эта работа была известна многим членам общества, она значилась в упомянутом ранее каталоге библиотеки Ф. П. Шаховского, с ней был знаком Н. И. Тургенев и т. д. Первоначально труд Вордена вышел в Англии в 1819 г. (*D. B. Warden. Statistical, Political and Historical Account of the United States of North America*, 3 Vls. Edinburgh, 1819; «Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева», т. III. Пг., 1921, стр. 279).

⁴⁷ Восстание декабристов, т. XI, стр. 43.

диненных Штатах могли казаться чуть ли не идеалом и не удивительно поэтому, что декабристы, как правило, ссылались на американский опыт в положительном плане. Это не значит, однако, что они закрывали глаза на отрицательные стороны жизни в Соединенных Штатах. Декабристы резко осуждали существование в заокеанской республике рабства негров, истребление индейцев, а в дальнейшем увидели и многие другие темные стороны буржуазной действительности. Серьезные сомнения в отношении общепринятого мнения, якобы «для представительства народного нужны люди, имеющие значительную собственность», еще в 1817 г. высказывал Н. И. Тургенев. «Стоят ли те народы свободы, которые залогов оной ищут в интересе, а не в сердцах граждан? Но зато и свобода новейших народов отзывается деньгами!!»⁴⁸ Со свойственной ему решительностью и прямоотой писал о рабстве М. С. Лунин: «Рабство, не совместное с духом времени, поддерживается только невежеством и составляет источник явных противоречий по мере того, как народы успевают на поприще гражданственности. Прискорбный, но полезный пример этой истины представляют Американские Штаты, где рабство утверждено законом. Признав торжественно равенство людей перед законом как основное начало их Конституции, они виселицею доказывают противное и приводят оттенки цвета в оправдание злодейств, оскорбляющих человечество»⁴⁹.

Вспоминая о своем декабристском прошлом, А. П. Беляев уже на склоне лет справедливо отмечал: «Все мы мечтали о республике, все представляли себе это золотое время народных собраний, где царствует пламенная любовь к отечеству, свобода, ничем и никем не ограниченная, кроме закона, полное благосостояние народа! Конечно, мы мечтали и об освобождении народов посредством могущественной России. Словом, в наших мечтах осуществлялся чудный идеал всесовершенного счастья человеческого рода на земле, идеал, которого достигла, как мы думали, Америка, считавшаяся тогда раем либе-

⁴⁸ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I, стр. 194—195.

⁴⁹ М. С. Лунин — сестре Е. С. Уваровой, 22 октября (3 ноября) 1839 г.— Там же, т. III, стр. 195.

ралов... Мы тогда еще не подозревали, что идеалы наши — гордые республиканцы — способны идеально набивать свои карманы на счет великого отечества и пользоваться своєю законодательною властью для прикрытия самых нечестных проделок, акционерных и дру-гих»⁵⁰.

Несмотря на обилие исследований по истории декабристского движения, явно недостаточное внимание уделялось вопросу о связях декабристов с деятельностью Российско-американской компании. Между тем следует напомнить, что на службе компании находились К. Ф. Рылеев, Г. С. Батеньков, О. М. Сомов, В. П. Романов. Необычайную заинтересованность в делах компании проявил Д. И. Завалишин, побывавший в Русской Америке и Калифорнии на фрегате «Крейсер». В доме главного правления на Мойке вместе с К. Ф. Рылеевым жил А. А. Бестужев, останавливался В. И. Штейнгель и т. д. «На другой год, приехав в Петербург, — вспоминал барон Штейнгель, — я остановился в доме Российско-американской компании в квартире директора Прокофьева и нашел Рылеева правителем дел компании. Это еще более нас сблизило, особенно, когда надобно было заняться делом директоров Крамера и Северина, чуть было не доведших компанию до банкротства»⁵¹. Не приходится удивляться поэтому, что когда Николай I узнал о службе О. М. Сомова в Российско-американской компании, он с явным неудовольствием заметил: «То-то хороша собралась у вас там компания»⁵².

По мнению Е. П. Оболенского, деятельность К. Ф. Рылеева в качестве правителя канцелярии Российско-американской компании «заслуживала бы особенного рассмотрения по той пользе, которую он принес». «Не прошло и двух лет со времени вступления его в должность», как правление компании подарило «ему дорогую енотовую шубу, оцененную в то время в семьсот рублей». Оболенский вспоминал далее, что Рылеева сильно трево-

⁵⁰ А. П. Беляев. Воспоминания о пережитом и перечувствованном. — «Русская старина», март 1881, т. XXX, стр. 492—493; *он же*. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном 1805—1850. СПб., 1882, стр. 163.

⁵¹ «Записки барона В. И. Штейнгела». — «Общественные движения в России в первую половину XIX в.», т. I, стр. 411.

⁵² «Памяти декабристов», т. I. Л., 1926, стр. 242.

жил договор с Соединенными Штатами и, в частности, «передача североамериканцам основанной нами колонии Росс в Калифорнии... По случаю этой важной для Американской компании меры Рылеев как правитель дел вступил в сношения с важными государственными сановниками и в последствии времени всегда пользовался их расположением. Наиболее же благосклонности оказывал ему Михаил Михайлович Сперанский и Николай Семенович Мордвинов»⁵³.

Нам уже приходилось отмечать, что позиция Российско-американской компании во многих случаях существенно отличалась от официальной линии царского правительства. Достаточно вспомнить, какое резкое неудовольствие в кругах компании вызвали уступки, сделанные К. В. Нессельроде при заключении конвенций с США и Англией в 1824—1825 гг. (см. гл. V). Решительным пропагандистом распространения русского влияния в Калифорнии и расширения границ селения Росс выступал, как известно, Д. И. Завалишин. Уже находясь под следствием, он писал Николаю I, что плодородие, гавани и географическое положение Калифорнии заставили его желать присоединения этой провинции к России. «Я стал деятельно учиться испанскому языку, вошел в связи с миссионерами и начальниками и умел заслужить их доверенность. Желая, чтоб общество, мною учреждаемое, не токмо в главной цели своей, но и во всех побочных действиях было полезно отечеству, я предполагал соделать Калифорнию главным местом его пребывания, преобразовав его в орден рыцарский»⁵⁴.

В том же письме Д. И. Завалишин сообщал, что представил руководству компании свои замечания о недостатках в русских колониях в Америке, познакомился через Н. С. Мордвинова с К. Ф. Рылеевым и что ему

⁵³ «Воспоминания князя Евгения Петровича Оболенского». — «Общественные движения в России в первую половину XIX в.», т. I, стр. 236—237.

⁵⁴ Д. И. Завалишин — Николаю I, 24 января (5 февраля) 1826 г. — Восстание декабристов, т. III, стр. 228. Примерно аналогичные идеи в отношении Калифорнии развивал Завалишин в письме следственному комитету в мае 1826 г.: «Богатство сей провинции и политические виды (ограничение влияния Англии и Соед[иненных] Штатов и безопасность колоний) заставляли желать присоединения оной к России» (Там же, стр. 352).

было предложено поступить на службу компании и самому заняться их исправлением. «Знакомясь с ним (с Завалишиным.— *Н. Б.*),— свидетельствует Рылеев,— я имел прежде в виду получить от него обстоятельные сведения о состоянии заведений и промышленности Российско-американской компании на берегах Северо-Западной Америки»⁵⁵. В дальнейшем Завалишин принес Рылееву «Устав Гаитской республики и вскоре затем первый номер прошлогоднего журнала, в той же Республике издававшегося», полученные, по всей видимости, через отставного генерала французской службы Боёе, который был связан с президентом о-ва Гаити⁵⁶. Компания, как известно, мечтала установить прямые торговые связи с Гаити и предполагала отправить на остров свой корабль.

Дополнительный свет на цели калифорнийских проектов Д. И. Завалишина проливают воспоминания его друга и единомышленника А. П. Беляева. При выдвижении проекта «устройства и укрепления» селения Росс в Калифорнии имелось в виду, «что это местечко, населившись, должно сделаться ядром русской свободы. Каким образом ничтожная колония Тихого океана могла иметь какое-нибудь влияние на судьбы такого громадного государства, как Россия,— вспоминал Беляев,— тогда это критическое воззрение не приходило нам в голову,— до такой степени мы были детьми. Мы мечтали, строили воздушные замки, а как эти замки будут держаться на воздухе,— мы вовсе не думали об этом»⁵⁷.

Движение декабристов, закончившееся восстанием на Сенатской площади и выступлением Черниговского полка на Украине, давно уже считается одним из важнейших событий не только русской, но и мировой истории. Сравнительно небольшая группа дворянских революционеров, поднявшихся на борьбу против царского самодержавия и крепостного права, открыла славную летопись русского революционного движения и навсегда завоевала симпатии потомков. Пушки Исаакиевской площади, по выражению А. И. Герцена, разбудили целое поколение. Используя это образное сравнение,

⁵⁵ Восстание декабристов, т. III, стр. 233.

⁵⁶ Там же, стр. 331.

⁵⁷ *А. П. Беляев. Воспоминания...*— «Русская старина», март 1881, т. XXX, стр. 492.

В. И. Ленин сформулировал мысль о трех поколениях русских революционеров. Дело декабристов не пропало. Они «разбудили» Герцена. «Герцен развернул революционную агитацию»⁵⁸. Все это сейчас является почти аксиомой. Многие поколения людей чтут память декабристов и видят в них смелых и мужественных борцов за свободу и счастье русского народа.

Всеобщее признание пришло к декабристам далеко не сразу. С самого начала царское правительство постаралось приложить все силы, чтобы исказить задачи и характер движения, представить его участников обычными заговорщиками и государственными преступниками. Нельзя сказать, чтобы в значении и целях движения быстро разобрались в Западной Европе и в Америке. О характере откликов в США на известие о смерти Александра I и последующее восстание на Сенатской площади можно судить по материалам официального вашингтонского органа «Нэшнл интеллидженсер». Первое сообщение о кончине Александра I появилось в газете 11 февраля 1826 г.⁵⁹ В дальнейшем печатались подробные мемориальные материалы, а также биографические справки о Константине и Николае. Воспроизводились соответствующие статьи из «Журналь де деба», «Таймс», «Бостон дейли адвертайзер», «Морнинг кроникл». 24 февраля появилось сообщение о том, что Константин еще не прибыл в С.-Петербург, но одновременно опровергались слухи о его отречении в пользу Николая⁶⁰. Далее последовали новые, еще более обширные статьи, посвященные памяти покойного императора Александра I⁶¹.

Только 13 марта 1826 г. в «Нэшнл интеллидженсер» появилось «важное сообщение из Европы», в котором подтверждалось известие об отречении Константина и о вступлении на русский престол Николая I. Одновременно сообщалось, что из С.-Петербурга в Париж пришло «неприятное известие» (*very unfavorable intelligence*) о событиях 14(26) декабря на Сенатской площади. Численность восставших, по словам газеты, не превышала

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

⁵⁹ «National Intelligencer», 11.II 1826 (N 4074).

⁶⁰ «National Intelligencer», 13, 15, 24.II 1826.

⁶¹ «National Intelligencer», 28.II 1826 (The Late Emperor Alexander, from «New Monthly Magazine»), 10.III 1826 (вновь подробная статья: The Late Emperor Alexander).

2 тыс. человек (в действительности их было около 3 тыс.). «В конечном итоге, когда все мирные средства оказались бесполезными и после того, как разъяснения обстоятельств отречения Константина не дало результатов», император «был вынужден вызвать войска и пушки». И как бы подчеркивая свое неблагоприятное отношение к восставшим, газета писала, что император, проявивший во время этих событий «самые благородные черты характера, на следующий день (27 декабря) устроил смотр своим войскам». По мнению газеты, «наиболее вероятно, что большая часть войск была скорее введена в заблуждение, чем имела преступные замыслы» (rather misled, than culpable) ⁶².

Несколько дней спустя без всяких комментариев были опубликованы основные официальные материалы — манифест Николая I от 25 декабря 1825 г., отречение Константина и др. На этом информация американских граждан о важнейшем событии русской истории по существу закончилась. Правда, позднее в нью-йоркском еженедельнике «Телескоп» появилось сообщение, в котором указывалось, что положение в С.-Петербурге совсем не так спокойно, как об этом пишут некоторые газеты. Ссылаясь на опубликованное в Лондоне письмо из русской столицы от 14 февраля 1826 г., нью-йоркский еженедельник сообщал о докладе следственной комиссии Николаю I, содержащем длинный список участников заговора, и высказывал предположение о предстоящей казни 400 офицеров ⁶³. 6 мая 1826 г. тот же «Телескоп» поместил отрывок из другого частного письма, опубликованного 10 марта в Гамбурге. Справедливо отмечая, что «почти все дворянство этой огромной империи находится на подозрении», автор, однако, преувеличивал число арестованных (более 12 тыс.) и даже сообщал о неожиданной смерти в тюрьме «нескольких главных заговорщиков» ⁶⁴.

Современного читателя не может не удивлять очевидное непонимание на Западе характера и целей движения декабристов, по традиции изображаемого как результат соперничества дворцовых клик. Именно в этом плане оценивал события в России, в частности, амери-

⁶² «National Intelligencer», 13.III 1826.

⁶³ «Telescope», April 15, 1826, Vol. II, p. 184.

⁶⁴ «Telescope», May 6, 1826, Vol. II, p. 196 (Conspiracy in Russia).

канец Г. У. Бакис в письме д-ру Дж. Грину в марте 1826 г. Если Константин, по мнению автора письма, пользовался поддержкой значительной части армии, то за спиной другой партии стояла поддержка императрицы-матери и интриги Священного союза. Общий вывод звучал достаточно определенно: пусть в России спорят по поводу того или иного «орудия деспотизма» — это нас не трогает⁶⁵. Даже несколько лет спустя печать США продолжала следовать официальной версии царского правительства. В обзоре событий в России «Америкэн энюал реджестер» писал буквально следующее: вступление Николая I «на престол было отмечено военным восстанием, которое было немедленно подавлено благодаря его личной энергии и присутствию духа, хотя оно и было связано с грозным заговором, организованным против его предшественника и жертвами которого должна была стать вся семья Романовых». Авторитетный ежегодник подчеркивал далее мягкость, с которой Николай отнесся к участникам восстания, и его «отвращение» к «бесполезному пролитию крови»⁶⁶.

Понадобилось почти два десятилетия, чтобы в Соединенных Штатах появилось сообщение о тяжелейшей участи декабристов, «милостиво» сосланных русским царем в Сибирь⁶⁷. Не совсем точная в деталях статья была посвящена добровольной ссылке и жизни в Сибири супруги князя С. П. Трубецкого, урожденной графини Е. И. Лаваль. Подвиг Екатерины Ивановны Трубецкой преодолел, как мы видим, политические преграды и географические расстояния. Через многолетнюю стену молчания прорвался наконец открытый звук сочувствия русским революционерам. В сочувственных выражениях о судьбе декабристов-литераторов писала компетентная специалистка по славянской филологии Тереза Робинсон (Талви). Исследовательница справедливо отмечала, что издание «Полярной звезды» и литературные обзоры завоевали А. Бестужеву признание соотечественников. «Имя Бестужева было похоронено, но человек, который

⁶⁵ Г. У. Бакис — Дж. Грину, Новый Орлеан, 11 марта 1826 г.— HSP, Misc. Collection.

⁶⁶ «American Annual Register for the Years 1827—8—9». New York, 1830, p. 279—28.

⁶⁷ «Anglo American», Vol. II, February 17, 1844, p. 400.

носил его, вновь завоевал литературную известность как Александр Марлинский»⁶⁸.

При анализе американских откликов на восстание декабристов наибольший интерес, естественно, вызывают донесения посланника США в С.-Петербурге Г. Миддлтона, который сам был очевидцем событий на Сенатской площади. Еще до восстания посланник обратил внимание на популярность Константина в русской армии и обществе. С другой стороны, часть дворянства, по мнению Миддлтона, была настроена решительно в пользу Николая, который пользовался поддержкой и большинства иностранных миссий. Последние полагали, что он будет продолжать ту же политику, что и Александр I, и опасались каких-либо изменений со стороны Константина⁶⁹. 14(26) декабря 1825 г. Миддлтон оказался свидетелем восстания на Сенатской площади. В тот же день он получил от Нессельроде и экземпляр специального приложения к «Журналь де С.-Петербург» № 149, в котором был опубликован манифест Николая I о вступлении на престол, и документы, связанные с отречением Константина. Торопясь передать полученные документы с курьером, который отправлялся в Лондон, и не располагая временем для подробного описания событий, Миддлтон первоначально посвятил восстанию декабристов всего одну фразу: «В гвардии имеется некоторое недовольство в связи с предложенным изменением в престолонаследии, но, без сомнения, все будет урегулировано без большого волнения»⁷⁰.

19(31) декабря 1825 г. Нессельроде по распоряжению Николая I «с полной откровенностью» информировал американскую миссию о восстании на Сенатской площади. Некоторое время спустя эта же информация была

⁶⁸ *Talvi*. Historical View of the Languages and Literature of Slavic Nations... New York, 1850, p. 94.

⁶⁹ Г. Миддлтон — Г. Клею, 6 (18) декабря 1825 г. (частная приписка к донесению № 51). — NA, DD, Russia, Vol. X. Отрывок опублик.: *M. Raeff*. Documents. An American View of the Decembrist Revolt. — «ЖМН», Vol. XXV, September 1953, p. 288—289. Вместе с этим донесением Г. Миддлтон пересылал в Вашингтон письмо К. В. Нессельроде от 27 ноября (9 декабря) 1825 г. с извещением о смерти Александра I в Таганроге.

⁷⁰ Г. Миддлтон — Г. Клею, 14 (26) декабря 1825 г., № 53. — «ЖМН», Vol. XXV, 1953, p. 289. На подлиннике надпись: «Rec. 18 March» (получено 18 марта). — NA, DD, Russia, Vol. X.

опубликована в «Журналь де С.-Петербург»⁷¹. Пересылая полученные материалы в Вашингтон, посланник США полностью присоединился к правительственной версии, отмечая, что она дает «правильный отчет о событиях, имевших место 14 декабря на Исаакиевской площади, очевидцем которых я был». Сообщая некоторые дополнительные сведения, «почерпнутые из достоверных источников», Миддлтон писал, что «группа недовольных» в течение некоторого времени проводила различные совещания «с целью произвести в государстве известную перемену». Изменение в порядке наследования престола предоставило удобный повод для того, чтобы «сразу же привести их план в исполнение».

Как отмечал Г. Миддлтон, восставшие хотели представить сенату «план правительства» и учредить регентство. «Эта первая цель провалилась из-за того, что члены сената находились в императорском дворце, где они принесли присягу Николаю». Между тем к Московскому полку присоединились батальон лейб-гренадеров и гвардейский морской экипаж. Число восставших, по оценке посланника, возросло до 2—3 тыс. Попытки военного губернатора столицы графа Милорадовича, а также представителей церкви уговорить восставших не дали результатов, и в конечном итоге Николай «неохотно» распорядился употребить силу⁷².

Ряд дополнительных сведений и соображений по поводу восстания на Сенатской площади Г. Миддлтон сообщил в частном письме Г. Клею от 26 декабря 1825 г. (7 января 1826 г.). Посланник указывал, что «войны, которые несколько лет назад велись в Западной Европе, зародили в умах многих индивидуумов идеи, которые ранее никогда не проникали в русскую голову». Поскольку почти вся «русская цивилизация» формировалась «в рядах военных, то огромное значение имело настроение гвардии». Хотя «главная цель» еще не установлена, Миддлтон не сомневался, что речь шла о «*форме пра-*

⁷¹ См.: К. В. Нессельроде — Г. Миддлтону, 19 (31) декабря 1825 г., «Journal de St. Pétersbourg», 26 Dec. 1825 (7 jan. 1826), N 156.— Ibidem (приложение «в» к № 54).

⁷² Г. Миддлтон — Г. Клею, 21 декабря 1825 г. (2 января 1826 г.), № 54.— NA DD, Russia, Vol. X. Получено 9 апреля. В публикации М. Раева большая часть цитируемого донесения опущена («ЖМН», Vol. XXV, 1953, p. 289).

вительства» (institute of government). Он упоминал также о князе Трубецком как члене тайного общества и о намерении заговорщиков ввести в стране конституцию. Число арестованных, по словам посланника, было «очень значительно». Для проведения следствия создана «военная комиссия в составе 5 генералов во главе с военным министром»⁷³.

Полтора месяца спустя Г. Миддлтон вновь вернулся к памятным событиям 14(26) декабря 1825 г. в частном и конфиденциальном донесении Г. Клею: «Я имел честь сообщить в последний раз некоторые обстоятельства, случившиеся 14 декабря, когда часть императорской гвардии, поддерживая права Константина, отказалась принести присягу Николаю I. Это, несомненно, было искренним намерением многих замешанных лиц, но их руководители имели в виду другие цели»⁷⁴. Если первоначально полагали, что все происшедшее — лишь результат «недоразумения среди военных», то последующие открытия сделали очевидным, что «причина лежит глубже». Чтобы правильно понять характер недовольства некоторых групп населения России, отмечал Миддлтон, «необходимо обратиться к ее истории начиная со времен Петра Великого».

В дальнейшем американский дипломат ограничился, однако, в основном упоминанием о влиянии «доктрин, которые получили распространение на Западе», и особенно подчеркивал полное невежество ¹⁹/₂₀ всего населения страны. Дворянство (включая военных) рассматривалось им «единственной частью населения, которую можно считать цивилизованной», все остальные презрительно уподоблялись «животным с человеческими лицами», которые еще не созрели для понимания своих прав. В результате республиканский посланник выступал даже сторонником царского самодержавия: «Если справедливо то, что деспотизм не может процветать нигде, кроме как в варварской стране, то столь же

⁷³ Г. Миддлтон — Г. Клею, 26 декабря 1825 г. (7 января 1826 г.). — NA, DD, Russia, Vol. X; частично опубл.: «ЖМН», Vol. XXV, 1953, p. 289—290.

⁷⁴ Г. Миддлтон — Г. Клею, 30 января (11 февраля) 1826 г., № 55. — NA, DD, Russia, Vol. X. Весь основной текст донесения, исключая цитируемый абзац, опубл.: «ЖМН», Vol. XXV, 1953, p. 290—293.

очевидно, что в подобных обстоятельствах не может сохраниться никакая другая форма власти». Не без оснований Миддлтон считал естественным, что дворянство должно мириться с существованием автократии сверху, «чтобы использовать преимущество крепостного права (*servage*) внизу»⁷⁵.

Хотя ряд наблюдений и соображений посланника США представляются вполне справедливыми и заслуживают внимания, в целом от него можно было бы ожидать более объективного и благожелательного отношения к участникам восстания против царского самодержавия. Миддлтон и его семья (жена и дочери) уже давно находились в С.-Петербурге и на протяжении всех этих лет вели активную светскую жизнь. Они часто бывали на приемах, балах и званых вечерах у царских сановников, дипломатов, а также представителей высшего общества русской столицы, и им не могла быть безразлична судьба участников декабристского движения (в дневнике дочери Миддлтона часто упоминается, в частности, посещение дома графа Лавалея, дочь которого была женой С. П. Трубецкого)⁷⁶. Вместе с тем какую-либо явную симпатию к восставшим в бумагах семьи Миддлтона обнаружить довольно трудно. Гораздо чаще встречается выражение «верноподданнических» чувств. Расписывая проявления «всемирной скорби» по поводу кончины Александра I, миссис Миддлтон отмечала в письме своей сестре: «Тем не менее есть, как ты должна знать из газет, много лиц, которые уже в течение многих лет плели заговор с целью его уничтожения! Он несомненно больше, чем любой другой монарх, заслуживает любовь своих подданных. Есть сотни семей, находящихся в глубоком горе, родственники которых связаны с последним восстанием. Некоторые из них — самые вы-

⁷⁵ «ЖМН», Vol. XXV, 1953, p. 93. Одновременно с этим донесением (№ 55) Миддлтон пересылал в Вашингтон документы о восстании Черниговского полка на юге и официальную информацию о декабристских организациях в России.— NA, DD, Russia, Vol. X.

⁷⁶ Diary of Elise Middleton from May 1823 to June 1826.— HSP, Cadwalader Collection, J. Frances Fisher Sec., box 4. Содержание дневника слишком кратко, чтобы можно было сделать какие-либо определенные выводы. Характерна запись от 14 декабря 1825 г.: «Прогулка..., провозглашение Николая императором. Восстание Московского полка с *сопровождением* и т. д.— 15 [декабря]. Все спокойно».— Ibidem.

дающиеся молодые люди, которых мы никогда не подозревали в подобном глубоко скрытом проекте разрушения и зла»⁷⁷.

В конце апреля 1826 г. в С.-Петербург был послан специальный американский курьер Э. Вейер с инструкциями Миддлтоу и письмом президента Дж. К. Адамса Николаю I с выражением соболезнования по случаю смерти Александра I⁷⁸. Прибытие Вейера в царскую столицу совпало с вынесением приговора участникам декабрьского восстания и казнью главных «цареубийц» — Пестеля, Рылеева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховского. К чести Вейера следует сказать, что он сразу же оценил значение этого трагического события и немедленно отправил Г. Клею специальное донесение. «Вместе с этим письмом,— отмечал Вейер,— я посылаю Вам список тех, кому недавно был вынесен приговор русским сенатом. Пять из них были повешены в три часа сегодня утром, а остальные разжалованы и будут отправлены в ссылку. Судя по этому, сэр,— заключал дипломат,— народ этой страны еще не подготовлен к конституционной форме правления и *не будет* к ней готов еще многие предстоящие годы»⁷⁹.

Несколько дней спустя Вейер переслал в Вашингтон номера официальной петербургской газеты («Journal de St. Pétersburg», 15(27) juillet 1826, № 86, 17(29) juillet 1826, № 87), содержавшие материалы о следствии, суде и приговоре участникам декабристских организаций. «В настоящее время,— писал Вейер,— здесь все выглядит спокойно. Как долго это будет продолжаться, известно только богу. Николай должен *много* сделать, чтобы удовлетворить свой народ. Они начинают понимать, что миллионная армия слишком дорого стоит. Народ России никогда уже не будет таким пассивным, каким он был до сих пор»⁸⁰.

К своим донесениям из С.-Петербурга Э. Вейер приложил «Роспись государственным преступникам» и доклад верховного уголовного суда, адресованный импе-

⁷⁷ М. Х. Миддлтон — сестре С. Рутледж, 1 марта 1826 г.— Ibid., box 5.

⁷⁸ NA, DI, AC, Vol. XI, p. 29, 67.

⁷⁹ Э. Вейер — Г. Клею, 13 (25) июля 1826 г.— NA, RG 59. Letters from the Beares of Despatches.

⁸⁰ Э. Вейер — Г. Клею, 17 (29) июля 1826 г.— Ibidem.

ратору Николаю I. Таким образом, осенью 1826 г. правительство Соединенных Штатов получило все основные официальные документы, относящиеся к восстанию декабристов, но судя по всему не придавало им серьезного значения. Любопытно, что на оригинале первого донесения Вейера, полученного в Вашингтоне 30 сентября 1826 г., рукой государственного секретаря Генри Клея была начертана резолюция: «Мелкая новость» (Small news). Такова была оценка едва ли не самого важного события всей предшествующей российской истории, данная знаменитым американским государственным деятелем и «глашатаем свободы» Западного полушария.

Отзвук трагической судьбы декабристов можно встретить и в частной переписке жены Г. Миддлтона: «Судьба лиц, связанных с заговором 26 декабря, недавно была решена,— сообщала она своей сестре в августе 1826 г.— Пять главарей были повешены. Некоторые приговорены к пожизненным каторжным работам в сибирских рудниках, а другие — к 20, 15, 10 годам... Некоторые жены этих несчастных людей будут сопровождать своих мужей, но мне сказали, что им не разрешат свидания с ними. Они, однако, думают, что, находясь поблизости, с помощью денег смогут добиться для них некоторых удобств. Какая это печальная история! (What deplorable case it is!)»⁸¹.

Надежду на мягкое обращение с «заговорщиками», принадлежавшими к «лучшим семьям в стране», выражал и сам посланник⁸², хотя в целом приговор и судьба декабристов не вызвали с его стороны особого сочувствия. Разумеется, и на этот раз он подробно информировал свое правительство, причем не только государственного секретаря, но и частным образом президента Дж. К. Адамса, переслав последнему как официальное донесение Г. Клею № 62, так и копии докладов следственной комиссии и верховного уголовного суда. Комментируя эти материалы, Г. Миддлтон писал, что в результате тщательного расследования было установлено, что «в течение последних лет подготавливались заговоры, опасные для существующего правительства этой страны. Вся

⁸¹ М. Х. Миддлтон — С. Рутледж, 9 августа 1826 г.— HSP Cadwalader Collection, J. Frances Fisher Sec., box 5.

⁸² Г. Миддлтон — Г. Клею, 17 (29) июля 1826 г.— NA, DD, Russia, Vol. XI.

правда, возможно, и не нашла отражения в докладе, но большая часть кажется доказанной вне всяких сомнений». Любопытно, что американский посланник выступал даже в необычной роли защитника царского судопроизводства: «Какими бы несовершенными во многих отношениях не были судебные заседания, тем не менее они, по-видимому, вызвали в стране удовлетворение; и когда вспоминают, какими деспотическими и кровавыми мерами подобный заговор был бы подавлен столетие или даже полвека назад, то действительно появляется основание быть удовлетворенным существенным прогрессом цивилизации»⁸³.

Быть может, «бескровная» виселица и выглядела не столь чудовищным средством наказания, как средневековое четвертование, тем не менее рассуждения посланника о «прогрессе цивилизации» не могут не вызвать удивления. Трудно поверить и тому, что государственный секретарь мог поставить на донесении о суде и приговоре участникам декабристского движения резолюцию «мелкая новость». В прошедшей истории, однако, уже ничего нельзя изменить. Мужественные борцы против царского самодержавия получили всеобщее признание с большим опозданием.

⁸³ Г. Миддлтон — Дж. К. Адамсу, 29 июля (10 августа) 1826 г.— MHS, The Adams Papers.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

НАУЧНЫЕ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Русско-американские научные и культурные связи почти не привлекали внимание профессиональных историков. Редким исключением в этом смысле явились статьи Е. М. Двойченко-Марковой, опубликованные в трудах Американского философского общества и основанные на тщательном изучении архива Общества в Филадельфии¹. Именно в результате исследований Двойченко-Марковой впервые стало известно о давних и систематических связях, которые существовали между русскими учеными и двумя старейшими научными учреждениями Соединенных Штатов — Американским философским обществом в Филадельфии и Американской академией искусств и наук в Бостоне.

В рассматриваемый нами период членами Философского общества были избраны: Ф. П. Аделунг (16 января 1818 г.), Н. И. Фус (17 апреля 1818 г.), Г. И. Фишер (17 апреля 1818 г.), В. Г. Тилезиус (16 апреля 1819 г.), Я. В. Виллие (20 апреля 1821 г.), П. И. Полетика (18 января 1822 г.), И. Ф. Крузенштерн (16 апреля 1824 г.), Н. П. Румянцев (21 января 1825 г.), И. С. Лаваль (21 января 1825 г.), Г. А. Струве (20 октября 1826 г.), Ю. А. Валенштейн (15 января

¹ *E. Dvoichenko-Markov. The American Philosophical Society and Early Russian-American Relations.*— PAPS, Vol. 94, N 6, December 1950, p. 549—610; *eadem. The Russian Members of the Academy of Arts and Sciences.*— PAPS, Vol. 109, N 1, February 1965, p. 53—56. Ряд материалов, связанных с избранием американских ученых в состав Петербургской Академии наук, приводится в статье М. И. Радовского «Из истории русско-американских научных связей».— «Вестник АН СССР», 1956, № 11.

1830 г.), И. В. Буяльский (18 января 1833 г.)². Новыми русскими членами пополнился и состав Американской академии искусств и наук в Бостоне. 30 января 1828 г. иностранным членом этой Академии стал советник русской миссии в Вашингтоне Ю. А. Валенштейн, 29 января 1834 г.— всемирно известный астроном В. Я. Струве, 27 мая 1834 г.— выдающийся русский математик М. В. Остроградский, 12 ноября 1834 г.— внук знаменитого Эйлера математик Э. Коллинс³.

Уже простой перечень имен русских членов двух наиболее авторитетных американских научных учреждений свидетельствует о разнообразии и важности связей, которые существовали между учеными России и США в первой половине XIX в. Философское общество в Филадельфии и Академия в Бостоне поддерживали контакты с Петербургской Академией наук, Московским обществом испытателей природы, Пулковской обсерваторией, корпусом горных инженеров и другими научными учреждениями в России.

Важные и ранее совершенно неизвестные материалы о русско-американских научных контактах были обнаружены нами в архиве Национального института (преобразованного в 1846 г. в Смитсоновский институт). Дело в том, что в мае 1840 г. в американской столице был основан Национальный институт содействия науке, а его конституция и другие учредительные документы были направлены в различные иностранные научные организации, включая Петербургскую Академию наук, Медико-хирургическую академию, Минералогическое общество, Ботанический сад, Педагогический институт в С.-Петербурге, общества испытателей природы, любителей русской словесности в Москве и др.⁴

² PAPS, Vol. 94, N 6, p. 610. Различные документы об избрании русских членов, в том числе рекомендательные письма (Letters on nomination), сохранились в архиве Философского общества.— Philadelphia, APS Archives.

³ PAPS, Vol. 109, N 1, p. 56; «Memoirs of the American Academy of Arts and Sciences». Centennial Volume. Cambridge, 1888, Vol. XI. Foreign Honorary Members, p. 55—63, Boston Athenaeum. American Academy of Arts and Sciences. Records, Vol. II, p. 37, 89, 91.

⁴ Constitution of the National Institution for the Promotion of Science, established at Washington, May 1840. Washington, 1841; Second Bulletin of the Proceedings of the National Institution for the Promotion of Science. Washington, 1842, p. 142—143, 145. Об органи-

Если при организации Национального института в числе его членов-корреспондентов находились только два русских представителя — директор обсерватории в С.-Петербурге проф. В. Я. Струве и министр просвещения и президент Петербургской академии С. С. Уваров, то спустя два года их было уже около десяти. Членами-корреспондентами Национального института стали директор Ботанического сада в С.-Петербурге Ф. Б. Фишер, известный мореплаватель и ученый адмирал Ф. П. Литке, неутомимый путешественник географ П. А. Чихачев, литератор и журналист Н. И. Греч, начальник штаба корпуса горных инженеров генерал К. В. Чевкин, генерал-губернатор Новороссийского края граф М. С. Воронцов, секретарь Петербургского минералогического общества Ч. Крамер и др.⁵ В архиве Национального института сохранилось большое число документальных материалов, свидетельствующих о том, что начиная с 40-х годов XIX в. в США возник новый важный центр международных научных связей⁶.

Как американские, так и русские ученые неизменно придавали серьезное значение развитию взаимных контактов, ярким свидетельством чего может служить письмо вице-президента Американского философского общества, видного ученого филолога П. С. Дю Понсо русскому коллеге проф. Ф. П. Аделунгу. «Недавнее общее умиротворение,— писал американский ученый,— представило миру возможность заняться без помех науками и ремеслами, которые объединяют человечество; широкие взгляды Вашего августейшего государя и огромный прогресс, который Ваша страна сделала во всех областях науки,— все это указывает, что иностранная держава может стать для нас источником, из которого наш труд получит значительную помощь. Разрешите поэтому нам через Ваше посредство начать объединять два полушария, общими усилиями способствовать

зации и деятельности этого учреждения см.: *A. H. Dupree. Science in the Federal Government. Cambridge, 1957, p. 69—90.*

⁵ Constitution of the National Institution for the Promotion of Science, established at Washington, May 1840, p. 19; Third Bulletin..., p. 395—414, 417; National Institution, Miscellaneous 112 (List of Members 1840—1842).

⁶ Подробнее см. нашу заметку: «Американский ежегодник. 1971». М., 1971, стр. 333—337.

развитию науки, необходимость чего равным образом ощущается образованными людьми Вашей страны и нашими собственными учеными»⁷.

Обращение Дю Понсо к Аделунгу — едва ли не самый важный документ в истории ранних русско-американских отношений после первого письма Б. Франклина Ф. У. Т. Эпинусу от 6 июня 1766 г. и обмена посланиями между Т. Джефферсоном и Александром I в 1804 г. И хотя в данном случае речь идет, казалось бы, о переписке двух частных лиц, первостепенное значение письма американского ученого не подлежит никакому сомнению. Само обращение Дю Понсо к Аделунгу не было случайным. Американский филолог был осведомлен о трудах своего петербургского коллеги и высоко их ценил. В частности, он хорошо знал содержание полученных ранее Американским философским обществом от Аделунга работ о сходстве между русским языком и санскритом, а также о роли Екатерины II в развитии сравнительного языкознания⁸.

Весной 1818 г. Дю Понсо опубликовал в журнале «Портфолио» интересный обзор двух книг по сравнительной филологии, изданных в С.-Петербурге и Калькутте. «Первая из этих работ, хотя на ее титуле не значилось автора, принадлежала, — как указывал рецензент, — перу Фридриха Аделунга, одного из наиболее ученых филологов Российской империи» и была посвящена изучению сходства между русским языком и санскритом. Автором второго труда был член Британского

⁷ П. С. Дю Понсо — Ф. Аделунгу, 16 декабря 1817 г. — PAPS, Vol. 94, N 6, p. 584. Подлинник хранится: ЛО Архива АН СССР, ф. 89, оп. 2, д. 43, лл. 1—2.

⁸ [F. Adeling.] *Rapports entre la langue Sanscrit et la langue Russe*. St. Petersburg, 1811. Краткая заметка об этой работе была опубликована в одном из филиладельфийских журналов еще в июле 1812 г. — «Portfolio», July 1812, p. 37; *Catherines der Grossen Verdienste um die Vergleichende Sprachenkunde*. St. Petersburg, 1815. Упоминание Аделунга о помощи, оказанной Дж. Вашингтоном в подборе материалов для всеобщего сравнительного словаря, первоначально вызвало со стороны Дю Понсо определенные сомнения, и он обратился за соответствующими разъяснениями к Т. Джефферсону. Последний, однако, сразу же подтвердил, что все то, что профессор Аделунг писал по этому вопросу, «является правильным». Джефферсон отмечал далее, что существуют два издания всеобщего сравнительного словаря (одно — в двух, другое — в четырех томах), которые были переданы им Библиотеке конгресса (см.: Джефферсон — П. С. Дю Понсо, 30 декабря 1817 г. — *Th. Jefferson. Writings*, Vol. XV, p. 158).

королевского общества С. Уэстон, занимавшийся сравнительным анализом европейских и восточных языков, в частности английского и персидского. «Может показаться литературным парадоксом, что две работы, одна из которых написана на берегах Невы, а другая — на берегах Ганга, впервые рецензируются у слияния Делавэра и Скулкилла. Две наиболее отдаленные части света тем самым встречаются и объединяются друг с другом благодаря третьей, выступающей в роли самоназначенного арбитра их сравнительных достоинств... Это станет дополнительным свидетельством неодолимой тенденции литературы объединять людей и нации самыми сильными и восхитительными из всех человеческих связей — сходством вкусов и занятий»⁹. В заключительной части обзора книги Аделунга и Уэстона рекомендовались всем «искренним любителям филологии и сравнительного языкознания» — науки, от которой, по мнению Дю Понсо, можно ожидать интересных открытий¹⁰.

Надо сказать, что в распоряжении Философского общества не было первоначального издания всеобщего сравнительного словаря. Все предшествующие попытки приобрести эту работу закончились неудачей, и именно поэтому Дю Понсо решил в декабре 1817 г. обратиться к Аделунгу с личной просьбой о присылке знаменитого труда П. С. Палласа в Америку. В упоминавшемся ранее письме американский филолог отмечал, что «историческое и литературное отделение» Общества специаль-

⁹ «Portfolio», April 1818, Vol. V, N IV, p. 276—277. Изысканность литературной манеры П. С. Дю Понсо особенно очевидна, если привести английский оригинал: «It will be, perhaps considered as a literary curiosity, that two works, one of which was written on the banks of the Neva, and the other on those of the Ganges, should be reviewed for the first time at the confluence of the Delaware and Schuylkill. Two parts of the world from their most distant points, thus come together and meet in social union at the tribute of a third, the self-created judge of their comparative merits... It will be an additional proof of the irresistible tendency of literature to unite nations and men by the strongest and most delightful of all human ties, a similarity of tastes and pursuits». Авторство П. С. Дю Понсо установлено по содержанию письма Л. Гарриса от 23 апреля 1818 г. (APS Archives, Misc. Collection).

¹⁰ «Portfolio», April 1818, Vol. V, N IV, p. 284. Через Л. Гарриса, сохранявшего связи с «учеными корреспондентами» в России, Дю Понсо направил свой обзор в С.-Петербург (см.: Л. Гаррис — П. С. Дю Понсо, 23 апреля 1818 г.— APS Archives, Misc. Collection).

но занимается сравнительным изучением различных языков в первую очередь для выяснения грамматических форм и понимания, каким образом различные нации объединяют понятия в виде отдельных слов¹¹.

Петербургский ученый не только выполнил эту просьбу, но и одновременно направил в адрес Философского общества еще несколько важных работ, включая книгу И. Ф. Крузенштерна о языках народов, населяющих восточную часть Азии и северо-западное побережье Америки¹². Присланные Аделунгом книги и особенно словари, составленные Крузенштерном, оказались «исключительно полезными», поскольку американские ученые занимались в те годы сопоставлением языков различных индейских племен¹³. Образцом для этих исследований в то время послужили труды русских ученых и в первую очередь всеобщий сравнительный словарь П. С. Палласа. «Сравнительное языкознание, как наука, родилось в России», — отмечал П. С. Дю Понсо и указывал, что ее значение осознала еще Екатерина II¹⁴.

Хотя главная идея всеобщего сравнительного словаря оказалась ошибочной, его опубликование, как справедливо отмечала Е. М. Двойченко-Маркова, для своего времени имело положительное значение и оказало серьезное влияние на развитие языкознания в различных странах. Собирая материалы для Екатерины II, американцы оказались вовлеченными в сравнительный анализ различных языков, а позднее, под влиянием русского образца, были подготовлены словари индейских племен Б. С. Бартоном, Дж. Гекевелдером, Т. Шульцем и другими учеными. На это обстоятельство неоднократно обращал внимание Дю Понсо, а также его друг и коллега

¹¹ П. С. Дю Понсо — Ф. Аделунгу, 16 декабря 1817 г. — APS Archives; PAPS, Vol. 94, N 6, p. 584—585.

¹² *Linguarum totius orbis vocabularia Comparativa, augustissima cura collecta*. Petrop., 2 v., 1787—1789. *Wörter Sammlungen... Vocabularies of languages of some nations who inhabit the Eastern parts of Asia, and the North Western Coast of America, by... Krusenstern, Captain in the Russian Navy*. St. Peters., 1813 etc. — PAPS, Vol. 94, N 6, p. 588.

¹³ П. С. Дю Понсо — Ф. Аделунгу, 13 мая 1819 г. и 1 августа 1821 г. — ЛО Архива АН СССР, ф. 89, оп. 2, д. 43, л. 3; PAPS, Vol. 94, N 6, p. 587.

¹⁴ П. С. Дю Понсо — Ф. Аделунгу, 13 мая 1819 г. — ЛО Архива АН СССР, ф. 89, оп. 2, д. 43, л. 4.

президент Американской академии искусств и наук в Бостоне Д. Пикеринг, писавший, что изучение различных диалектов индейских племен в Соединенных Штатах в значительной мере являлось результатом «импульса», который был дан Екатериной II ¹⁵.

Важным результатом связей Американского философского общества с Петербургской Академией наук и отдельными учеными явилось создание в библиотеке Общества ценного собрания русских научных изданий. Особое место в организации регулярного книгообмена принадлежало упоминавшимся ранее Дю Понсо и Аделунгу. Так, в заметке о книгах, направленных русским ученым в адрес Философского общества в Филадельфии в 1820 г., значилось более 30 названий, включая одно из сочинений самого Ф. П. Аделунга (*Ubersicht aller Sprachen*). В списке книг, полученных от русского филолога в начале 1830 г., перечислено 18 различных изданий, некоторые из которых были многотомными ¹⁶. Существенная роль в пополнении библиотечных фондов Философского общества в Филадельфии и Американской академии в Бостоне принадлежала и академику Н. И. Фусу. Будучи неперменным секретарем Петербургской Академии наук, Фус информировал своих американских коллег о вышедших академических сериях и по возможности содействовал пересылке в Америку тех изданий, которые ранее в Соединенных Штатах отсутствовали ¹⁷.

¹⁵ «Memoirs of the American Academy of Arts and Sciences». Vol. IV. Cambridge, 1818, p. 321; PAPS, Vol. 94, N 6, p. 562. В очередном томе «коллекций» Массачусетского исторического общества за 1822 г. была опубликована «индейская грамматика» Элиота (1666), комментарии к которой были составлены совместно Дю Понсо и Пикерингом. Еще до выхода в свет этого труда Дю Понсо информировал о его содержании Ф. П. Аделунга, а затем переслал в С.-Петербург и сами «коллекции» (см.: П. С. Дю Понсо — Ф. Аделунгу, 13 октября 1821 г. и 22 декабря 1822 г. — APS, Hist. Com. Letter-book, Vol. 3, p. 1—2, 21—23).

¹⁶ «List of Books presented to the American Philosophical Society by the Chevalier Frederick (правильно — Friedrich) Adelung of the St. Petersburg», February 4, 1830. — APS Archives.

¹⁷ American Academy of Arts and Sciences. Letters, Vol. III, 1803—1818, p. 50, 109 (письма Н. И. Фуса от 12 (24) июля 1809 г., 28 июня (10 июля) 1815 г. и др.); APS Archives, PAPS, Vol. 94, N 6, p. 593—594 (Н. И. Фус — Л. Гаррису, 14 (26) сентября 1818 г., Л. Гаррис — Дж. Вогану, 29 декабря 1818 г., Н. И. Фус — Дж. Вогану, 16 (28) сентября 1820 г. и 16 (28) сентября 1823 г. и др.).

В 1829 г. по поручению Петербургской Академии наук П. Гётц (Götz) направил Дю Понсо немецкий перевод этимологического труда А. С. Шишкова, а также две своих работы о русских и сербских народных песнях¹⁸. В дальнейшем, однако, выяснилось, что ни эти книги, ни сопроводительное письмо П. Гётца на латинском языке в Филадельфию не дошли, и в августе 1837 г. в адрес Американского философского общества было повторно направлено большое число русских научных изданий. Среди них находились «Известия Российской Академии» (12 томов), «Полное собрание сочинений и переводов А. С. Шишкова» (16 томов), «Повременное издание Российской Академии» (4 тома), «Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академией» (7 томов), «Краткие записки, издаваемые Российской Академией» (3 тома), «Словарь Российской Академии» (6 томов), «О ближайшем сродстве языка славянского и греческого» (3 тома) и т. д. (всего 14 названий). В список посланных книг П. Гётц вновь включил «Untersuchungen über die Sprache» (3 тома) А. С. Шишкова и немецкий перевод русских и сербских народных песен¹⁹.

Несмотря на откровенно консервативные взгляды адмирала Шишкова, его «исследования о языке» имели определенную познавательную ценность и в этой связи получили положительную оценку американских филологов. По инициативе Дю Понсо полученные от П. Гётца экземпляры работы А. С. Шишкова были направлены Национальному институту в Вашингтоне, Американской академии в Бостоне, Колумбийскому колледжу в Нью-Йорке и Виргинскому университету²⁰.

В целом благодаря содействию Ф. П. Аделунга, Н. И. Фуса, П. Гётца, Л. Гарриса, А. Я. Дашкова и др., библиотека Философского общества Филадельфии стала

¹⁸ П. Гётц — П. С. Дю Понсо, 7 (19) августа 1829 г.— PAPS, Vol. 94, N 6, p. 599.

¹⁹ П. Гётц — П. С. Дю Понсо, 17 (29) августа 1837 г.— APS Archives, Film 628, N 94. Для большей сохранности ящик с книгами на этот раз был отправлен вместе с багажом нового русского посланника в США А. А. Бодиско.

²⁰ П. С. Дю Понсо — Американскому философскому обществу, 20 августа 1841 г.— PAPS, Vol. 94, N 6, p. 600—601; List of publications forwarded to Du Ponceau for APS, June 10 (22) 1839.— APS Archives.

обладать богатым собранием русских научных изданий. Уже к 1822 г. в фондах библиотеки числилось 62 тома трудов Петербургской Академии наук, в том числе полный комплект «Commentarii» за 1726—1746 гг. (14 томов), 16 томов «Novi Commentarii» за 1747—1771 г. (всего вышел 21 том), 6 томов (из 12) «Acta», 15 томов «Nova Acta» и, наконец, комплект «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg» за 1803—1816 гг. (7 томов)²¹. Значительное число русских книг имелось и в библиотеке Американской академии искусств и наук в Бостоне. В сохранившемся в Бостонском асенауме рукописном каталоге этой библиотеки значилось 11 работ Леонарда Эйлера, избранного в свое время первым русским членом Американской академии, несколько десятков томов трудов Петербургской Академии наук за 1794—1836 гг. и многие другие издания²².

Значительная роль в развитии культурных и научных связей принадлежала русским дипломатическим и консульским представителям в Соединенных Штатах — А. Я. Дашкову, А. Г. Евстафьеву, П. И. Полетике, Ю. А. Валенштейну и др. Важным результатом своей миссии в США А. Я. Дашков справедливо считал доставку в Россию образцов двух крупных технических изобретений — знаменитой хлопкоочистительной машины Э. Уитни и многозарядного орудия (Swivel or repeating gun) Т. Бэрри, которое с успехом применялось на американских фрегатах во время войны с Англией²³. В 1817 г. из Америки в С.-Петербург был доставлен также книгопечатный стол, изобретенный Климмером (Филадельфия)²⁴. Среди бумаг А. Я. Дашкова сохранились записки о благотворительных учреждениях, школах и тюрьмах в Америке, отрывки из доклада Перринга о железнодорожном строительстве и практическом использовании изобретения Р. Стеффенсона и т. д.²⁵

²¹ «List of Russian Books in the Library of the APS». 1822.— APS Archives.

²² Boston Athenaeum. American Academy of Arts and Sciences. Catalogue.

²³ См.: Записка А. Я. Дашкова о деятельности в США, а также представление К. В. Нессельроде от 29 августа (10 сентября) 1819 г.— ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 102, л. 3; д. 94, лл. 3, 7.

²⁴ ЦГИА, ф. 733, оп. 86, д. 482.

²⁵ ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 103, 105 и др.

Несколько интересных технических изобретений привез в С.-Петербург в 1817 г. А. Г. Евстафьев: «весы для взвешивания драгоценных металлов», «род безмена для взвешивания тяжелых товаров», модель машины для подъема кирпича на строящиеся здания, модель нового ткацкого станка. Он рекомендовал царскому правительству и новую машину для «споспешествования судоходству по каналам», с помощью которой можно было поднимать на высоту 50 футов «нагруженную барку в 100 тонн». В целом, по мнению русского консула в Бостоне, «из Америки можно доставлять самые лучшие... и полезнейшие изобретения, коими она во многих случаях превышает Англию», тем более что «там нет запрещения на вывоз машин и мастеров». Для соответствующих разъездов по стране, осмотра действующих машин и приобретения отдельных недорогих изобретений Евстафьев просил «назначить ежегодно особенную сумму не более 1 т[ысячи] талеров»²⁶.

Министр внутренних дел О. П. Козодавлев, «признавая труды и усердие Евстафьева заслуживающими внимания правительства», счел необходимым снестись по этому поводу с управляющим министерством иностранных дел К. В. Нессельроде, «который отозвался», что находит приобретение «означенных машин весьма полезным». Вполне положительным было и заключение, представленное правительству самим О. П. Козодавлевым.

Рассмотрев этот вопрос осенью 1817 г., комитет министров отметил, что «весы и особенно безмен могут с большой пользой введены быть в употребление», и принял решение о их приобретении, выдав А. Г. Евстафьеву «назначенную за них сумму (2850 руб.) из государственного казначейства». Равным образом решено было «принять и машину для вносу кирпича», изъявив при этом особую благодарность от русского правительства ее изобретателю «бостонскому гражданину» Дирборну. «О прочих же предположениях Евстафьева», и в частности модели ткацкого станка Стимпсона, О. П. Козодавлев должен был дополнительно снестись

²⁶ Заседание Комитета министров, 6 (18) октября 1817 г. «Записка и отношение о представленных Евстафьевым машинах, привезенных им из Америки». — ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, 1817 г., д. 128, лл. 167—171.

с «инженер генерал-лейтенантом Бетанкуром и управляющим Александровской мануфактурой Вильсоном». Что касается «машин для взвода судов по каналам и выписки мастеров», то решено было передать этот вопрос на усмотрение «начальству путей сообщения»²⁷. Заключение совета управления путей сообщения оказалось, однако, отрицательным. В письме Евстафьеву от 19 (31) июля 1819 г. члены совета отмечали, что до тех пор, пока в России не будет системы «малого лодочного судоходства, замысловатое изобретение г. Дирборна» не может быть применено, поскольку оно не рассчитано на подъем используемых в России крупных судов²⁸.

Позднее, уже в 1829 г., Евстафьев познакомил американских медиков с важным трудом знаменитого русского хирурга и анатома проф. И. В. Буяльского (Анатомико-хирургические таблицы о перевязывании больших артерий. СПб., 1828). Через Евстафьева Буяльский получил «два лестных на латинском языке отношения Пенсильванского и Гарвардского университетов». «Славнейший в Америке оператор» Джон Коллиз Уоррен из Гарварда благодарил доктора Буяльского за его «ученейшее» сочинение и рассматривал эту работу как «доказательство процветания наук и познаний в Российской империи». Д-р Уоррен писал далее, что работа Буяльского оказала американским медикам существенную помощь в новых опытах, поскольку «она все прежде изданные книги и таблицы об артериях весьма много превосходит»²⁹.

По дипломатическим каналам были установлены связи с Американским колонизационным обществом. Напомним, что это Общество возникло в декабре 1816 г. для содействия переселению свободных негров из Северной Америки в Африку³⁰. Первым президентом общест-

²⁷ ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, 1817 г., д. 128, лл. 175—176.

²⁸ Совет управления путей сообщения — А. Г. Евстафьеву, 19 (31) июля 1819 г., № 3503. — ЦГИА, ф. 159, оп. 1, д. 304, лл. 32—33.

²⁹ «Северная пчела», 26 ноября (8 декабря) 1829 г., № 142.

³⁰ Подробнее см.: М. Ю. Френкель. США и Либерия. Негритянская проблема в США и образование Республики Либерия. М., 1964, стр. 102—144. На деятельность Общества в свое время обратил внимание А. Я. Дашков, писавший, что главная цель его организаторов заключалась в том, чтобы «утвердить еще более право собственности над принадлежавшими им невольниками и на должайшее время укупить цепи их» (ЦГАОР, ф. 907, оп. 1, д. 69, лл. 1—2).

ва стал Бушрод Вашингтон (племянник Дж. Вашингтона), а одним из вице-президентов — Генри Клей. В 1819 г. через русского посла в Лондоне Х. А. Ливена в С.-Петербурге был получен второй годовой отчет колонизационного общества, и русский император не замедлил выразить полное одобрение целей и деятельности нового учреждения. Русскому посланнику в Соединенных Штатах П. И. Полетике специально поручалось сообщить его организаторам о «высочайшем удовлетворении»³¹. В соответствии с полученными инструкциями Полетика выразил президенту колонизационного общества «живую заинтересованность» императора в успехе благотворительной деятельности и «удовлетворение, которое он испытал» при знакомстве со вторым годовым отчетом общества³². Польщенный одобрением «выдающегося монарха», Б. Вашингтон ответил собственноручным посланием, где в прочувствованных выражениях высказывал Александру I и русскому посланнику в США «самую теплую признательность»³³.

Перед отъездом в США П. И. Полетика взял на себя обязательство «содействовать в доставлении сведений по части минералогического общества, так и филантропии» и, в частности, установить деловые контакты с Нью-Йоркским благотворительным обществом (The Society for the Prevention of Pauperism in the City of New York). Президент этого общества м-р Кларксон был избран членом-корреспондентом императорского благотворительного общества в С.-Петербурге (Société Impériale de Bienfaisance à St. Pétersbourg), и П. И. Полетике было поручено передать ему соответствующий диплом³⁴.

Хотя и с некоторым опозданием, посланник выполнил свои обещания и направил весной 1820 г. в С.-Петербург сочинение Г. Скулкрафта о свинцовых рудниках Миссури, коллекцию образцов американских минералов,

³¹ К. В. Нессельроде — П. И. Полетике, 22 ноября (4 декабря) 1819 г. — АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 18, л. 1.

³² П. И. Полетика — Б. Вашингтону, 30 марта 1820 г. — Там же, д. 16, л. 298.

³³ Б. Вашингтон — П. И. Полетике, 30 апреля 1820 г. — Там же, л. 305.

³⁴ См.: Б. Фиттингоф — П. И. Полетике, 25 октября (6 ноября) 1819 г. и 18 (30) мая 1820 г. — Там же, лл. 286, 307—308.

а также второй годовой отчет Нью-Йоркского благотворительного общества. Соответственно 8(20) сентября 1820 г. барон Б. Фиттингоф от имени обоих русских обществ (минералогического и благотворительного) выразил посланнику «отличную признательность». Барон сообщил также, что императорское человеколюбивое общество решило поместить в издаваемом им журнале извлечение из отчета своих нью-йоркских коллег³⁵.

Активно содействовал П. И. Полетика и связям американских ученых с Петербургской Академией наук. Получив 9 августа 1819 г. от Уильяма Ламберта несколько экземпляров его работы по астрономическому вычислению долготы американской столицы, посланник незамедлительно направил их президенту Петербургской Академии наук С. С. Уварову. Позднее в тот же адрес Полетика отправил труды по ботанике профессора Рафинека (Кентукки), с которым он познакомился будучи проездом в г. Лексингтоне летом 1820 г.³⁶ Самые тесные контакты Полетика установил и с членами Американского философского общества в Филадельфии. В январе 1822 г. русский посланник был избран в состав этого общества, причем показательно, что его рекомендовали сразу несколько лиц — Д. Хопкинсон, Р. Уолш, Н. Чэпмен, Л. Гаррис, Дж. Воган и Р. Паттерсон (последний был в те годы президентом Философского общества)³⁷.

За время своего пребывания в Соединенных Штатах П. И. Полетика основательно познакомился с жизнью страны, а также официальной американской документацией, включая материалы цензов 1810 и 1820 гг. Свои наблюдения он изложил в книге, изданной без указания имени автора в Лондоне на французском языке и переведенной в Бостоне в 1826 г. В предисловии к этой примечательной работе бостонский издатель дал высокую оценку эрудиции автора, отметил его прекрасное знакомство с положением в стране, ее законами и обычаями

³⁵ П. И. Полетика — Б. Фиттингофу, 15 (27) апреля 1820 г., Б. Фиттингоф — П. И. Полетике, 8 (20) сентября 1820 г. и др. — Там же, лл. 379, 332, 294.

³⁶ См.: У. Ламберт — П. И. Полетике, 9 августа 1819 г., П. И. Полетика — С. С. Уварову, 10 августа 1819 г. и 9 декабря 1820 г. — АВПР, ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 16, лл. 98, 163, 392.

³⁷ APS Archives, Letters on nomination, Vol. I, p. 81.

ми, а также объективность суждений о достоинствах и недостатках жизни в Америке. Глубокое знание Соединенных Штатов и объективная оценка американских институтов казались издателю особенно удивительным, поскольку сам автор родился и вырос среди совершенно непохожих на американцев людей³⁸. Лестную оценку это сочинение получило и на страницах «Норт Америкэн ревью» в октябре 1826 г.

Книга П. И. Полетики действительно отличалась многочисленными достоинствами. Она была хорошо документирована, точна в отношении приводимых фактов, а главное отличалась редкой глубиной отдельных авторских наблюдений. При чтении книги вполне очевидными становились прогрессивные взгляды ее автора, который не скрывал своих симпатий к республиканскому строю США, подробно анализировал американское судопроизводство, с восторгом отзывался о «Хабеас корпус» и суде присяжных. Характерно также, что Полетика явно симпатизировал индейским племенам, которые рассматривались им как «законные владельцы всей земли». Очень резко автор осуждал и рабство негров — абсолютное зло, оказывающее тормозящее влияние на развитие цивилизации³⁹. Именно рабовладельческие штаты, отмечал Полетика, оказывали до последнего времени «преобладающее влияние на ход национальных дел», и не случайно поэтому четыре из пяти американских президентов были выходцами из Виргинии⁴⁰.

С завидной проницательностью П. И. Полетика сумел разобраться и в некоторых особенностях исторического развития Соединенных Штатов. При всей молодости страны ее цивилизация, по мнению автора книги, была старой. Непрерывно расширяя свои границы, американские поселенцы лишали индейцев принадлежавших им земель «либо силой, либо под предлогом формальных соглашений». В результате колонизации существенно менялись обычаи и культура самих переселенцев, так же как и весь их образ жизни. По мере

³⁸ A Sketch of the Internal Conditions of the United States and Their Political Relations with Europe. By a Russian. Baltimore, 1826, Publisher's Preface, p. 2.

³⁹ Ibid., p. 29.

⁴⁰ Ibid., p. 33.

продвижения на запад «цивилизация» становилась все менее выраженной и, путешествуя по стране, можно было «подниматься и спускаться по лестнице цивилизации»⁴¹.

Поскольку в США говорят на том же языке, что и в Англии, американцам, по мнению автора книги, очень трудно открыть новый путь в изящной словесности, и до сих пор они все еще «не создали национальной литературы». Вместе с тем П. И. Полетика обратил внимание на огромные успехи просвещения, в котором он усматривал одну из наиболее важных основ республиканского правления⁴².

Касаясь собственно русско-американских отношений, П. И. Полетика подчеркивал дружественное расположение народа и правительства Соединенных Штатов к России. Это было в первую очередь результатом «умеренности императорского правительства» в те периоды, когда американские интересы вступали в противоречие с интересами других морских держав. «Россия,— грозная сама по себе», не вызывает опасений в Соединенных Штатах, и они даже рассчитывают на ее поддержку в случае возникновения каких-либо затруднений в отношениях с другими европейскими державами, приходил к заключению П. И. Полетика⁴³.

Наиболее активную научную и литературную деятельность в Соединенных Штатах развернул в 20-е годы XIX в. секретарь русской миссии Ю. А. Валенштейн. Сразу же после приезда в Вашингтон в середине апреля 1823 г. он начал проводить серию метеорологических наблюдений с помощью совершенных для того времени инструментов, приобретенных им еще в Европе (в Парижской обсерватории он получил, в частности, барометр, которым пользовался Араго). О ходе своих экспериментов русский дипломат сообщил президенту Американского философского общества Р. Паттерсону, предложив опубликовать их результаты в очередном номере трудов этого общества⁴⁴. Наблюдения Валенштейна

⁴¹ A Sketch..., p. 21, 106—111.

⁴² Ibid., p. 117, 126.

⁴³ Ibid., p. 72.

⁴⁴ Ю. Валенштейн — Р. Паттерсону, 12 августа 1823 г.— PAPS, Vol. 94, N 6, p. 605—606.

заинтересовали американских ученых, и в начале мая 1824 г. он представил на рассмотрение Философского общества подробную «Сводку метеорологических наблюдений, проведенных в Вашингтоне с 18 апреля 1823 г. по 18 апреля 1824 г.»⁴⁵. Анализ этих наблюдений был дан Ю. А. Валенштейном в специальной сопроводительной записке, которую заслушали на заседании 7 мая 1824 г. и опубликовали во втором томе новой серии трудов Американского философского общества⁴⁶. Это была первая русская работа, опубликованная Американским философским обществом.

До последнего времени о литературной деятельности Ю. А. Валенштейна и его связях с американскими учеными почти ничего не было известно. Между тем только в бумагах крупнейшего американского историка первой половины XIX в. Джереда Спаркса в Хугтоновской библиотеке (Гарвард) сохранилась обширная коллекция писем, а также несколько специальных исторических работ Ю. А. Валенштейна. Наибольший интерес представляют «Очерки дипломатической истории американской революции»⁴⁷, подготовленные им в 1830 г., а также «Замечания о причинах и принципах союза между Францией и Соединенными Штатами в 1778 г.»⁴⁸. Написанная по-французски рукопись осталась неоконченной. Тем не менее, по компетентному заключению Дж. Спаркса, это была ценная работа (a valuable paper)⁴⁹, и можно только пожалеть, что она практически затерялась в архиве маститого историка. Дополнительную ценность эта рукопись приобретает также потому, что она была первой русской работой по истории американской револю-

⁴⁵ «Tableau des observations météorologiques, faites à Washington, depuis le 18 avril jusqu'au 18 avril 1824». Par J. de Wallenstein. Membre correspondant de l'Académie d'Histoire de Madrid.— APS Archives, M. S. Communication to APS, Vol. 2, p. 599—645.

⁴⁶ Mémoire pour accompagner le Tableau des observations météorologiques, faites à Washington, depuis le 17 avril 1823 jusqu'au 28 avril 1824. Par J. de Wallenstein.— «Transactions of the American Philosophical Society», Vol. II. New Series. Philadelphia, 1825, p. 421—437.

⁴⁷ J. Wallenstein. Sketches of a Diplomatic History of the American Revolution.— HL, Wallenstein Manuscripts, p. 1—103.

⁴⁸ J. Wallenstein. Remarks on the Causes and Principles of the Alliance between France and the United States 1778.— Ibid., p. 116—150.

⁴⁹ Ibid., p. 115.

ции XVIII в. В бумагах Спаркса сохранился также английский перевод обширного мемуара Валенштейна о борьбе испанских колоний в Америке за независимость, в котором события доводились до 1817 г.⁵⁰

Наряду с работами по истории в Хугтоновской библиотеке сохранилось множество писем Валенштейна, свидетельствующих о том, что царский дипломат занимался литературной деятельностью, и в частности писал для «Норт Америкэн ревю», редактором которого был Дж. Спаркс⁵¹. Из писем Валенштейна от 23 ноября и 5 декабря 1826 г. видно, что опубликованный им в Филадельфии перевод «Русских сказок» пользовался в Соединенных Штатах значительным успехом. Полуофициальный «Нэшнл интеллидженсер» поместил о книге небольшую заметку, а несколько позже Э. Эверетт опубликовал рецензию на страницах «Норт Америкэн ревю»⁵².

Большой интерес в Соединенных Штатах проявляли к материалам первой русской кругосветной экспедиции 1803—1806 гг. Еще в июне 1815 г. в «Аналектик мэгэзин» (Филадельфия) был опубликован подробный обзор английского перевода «Путешествия вокруг света» капитана И. Ф. Крузенштерна, а также записок участника экспедиции акад. Г. И. Лангсдорфа⁵³. Приехав в Россию, П. И. Полетика связался летом 1823 г. со знаменитым мореплавателем и сообщил о желании Американского философского общества получить экземпляр его «Путешествия вокруг света». В результате в июле 1823 г. И. Ф. Крузенштерн направил через П. И. Полетику свой труд в Филадельфию, а в апреле 1824 г. по рекомендации П. С. Дю Понсо и Дж. Вогана русский мореплаватель был избран членом Американского философского

⁵⁰ *J. Wallenstein. Annals of Insurrection of the Spanish Colonies and the Contemporary History of the Mother-country. Translated, 1826.—Ibid., p. 153—192.*

⁵¹ См. переписку Ю. А. Валенштейна с Дж. Спарксом за 1824—1842 гг. (89 писем).— HL, Sparks Papers, Cambridge.

⁵² «North American Review», Vol. 24 (1827), p. 188 (Russian Tales, from the French of Count Xavier de Maistre. Philadelphia, 1826).

⁵³ Russian Voyage round the World.— «Analectic Magazine», New Series, Vol. V, June 1815, p. 441 (Voyage Round the World in the Years 1803, 3, 5, and 6... under the command of Captain... von Krusenstern, 750 p., Voyages and Travels in Various Parts of the World... By G. H. von Langsdorf, 370 p.).

общества⁵⁴. Хотя и с некоторым опозданием, И. Ф. Крузенштерн получил через Ю. А. Валенштейна официальное извещение о своем избрании и направил в 1825 г. в адрес Философского общества изданную им коллекцию карт Тихого океана вместе с соответствующей пояснительной запиской⁵⁵.

Из переписки Ю. А. Валенштейна видно, что в конце 1826 — начале 1827 г. он настойчиво работал над пространным обзором трудов И. Ф. Крузенштерна для «Норт Америкэн ревью». По замыслу автора, эта работа должна была представлять собой не просто рецензию на «Путешествие вокруг света», а учитывать многие другие труды русского мореплавателя⁵⁶. Заканчивая подготовку своей работы о Крузенштерне, Валенштейн обосновал необходимость приведения в ней пространных цитат тем фактом, что третий том «Путешествия вокруг света» еще не переводился на английский язык, а его содержание «действительно интересно и важно»⁵⁷.

Журнал «Норт Америкэн ревью» был главным, но не единственным органом, где Валенштейн печатал свои работы. Так, в октябре 1829 г. он сообщил Спарксу, что статью об Американской энциклопедии (*Encyclopaedia Americana*) пришлось передать в «Америкэн куортели ревью», выходивший в Филадельфии с 1827 г. В оправдание Валенштейн писал, что опубликование рецензии в Филадельфии в большей мере соответствовало бы желаниям редактора энциклопедии. Кроме того, он не был уверен в том, что Спаркс одобрит его рецензию и сможет включить ее в номер «Норт Америкэн ревью»⁵⁸.

Свидетельством признания литературной деятельности Ю. А. Валенштейна в Соединенных Штатах явилось его избрание в январе 1828 г. членом Американской академии искусств и наук в Бостоне, а два года спустя —

⁵⁴ П. И. Полетика — Дж. Вогану, 2 (14) июня 1823 г. — PAPS Vol. 94, N 6, p. 597; APS Archives, Letters on nomination, Vol. I, p. 112.

⁵⁵ И. Ф. Крузенштерн — Американскому философскому обществу, 6 (18) января 1825 г., Г. Миддлтон — Дж. Вогану, 7 июля 1825 г. — PAPS, Vol. 94, N 6, p. 598.

⁵⁶ Ю. А. Валенштейн — Дж. Спарксу, 5 декабря 1826 г. — NL Sparks Papers.

⁵⁷ Ю. А. Валенштейн — Дж. Спарксу, 22 февраля 1827 г. — Ibidem.

⁵⁸ Ю. А. Валенштейн — Дж. Спарксу, получено 26 октября 1829 г. — Ibidem.

членом Философского общества в Филадельфии⁵⁹. Выражая признательность в связи с избранием в состав Философского общества, Ю. А. Валенштейн заверил секретаря общества Дж. Кейна в своем искреннем стремлении поддерживать связи с учеными как в США, так и за их пределами⁶⁰. И надо сказать, что русский дипломат приложил немало усилий для того, чтобы содействовать развитию международных научных контактов. В круг его американских друзей входили такие известные лица, как Э. Эверетт, Дж. Спаркс и Д. Уэбстер. Свою переписку с ними, и в первую очередь с Дж. Спарксом, Валенштейн не прекратил и после переезда в конце 1832 г. в Рио-де-Жанейро, куда он был назначен русским генеральным консулом. Когда же, в конце 30-х годов XIX в., в столице Бразилии было основано литературное общество, царский дипломат был избран его членом-корреспондентом. В свою очередь по предложению Валенштейна почетными членами литературного общества в Рио-де-Жанейро были избраны Джеред Спаркс и Вашингтон Ирвинг⁶¹.

Важная роль в ознакомлении общественности Соединенных Штатов с общим положением в России, развитием русской науки и литературы, с успехами просвещения и крупнейшими событиями культурной жизни принадлежала периодической печати. Правда, основное внимание неизменно уделялось сообщениям о международных событиях, русско-турецкой войне 1828—1829 гг., польскому восстанию 1830—1831 гг., информации о состоянии русских вооруженных сил и т. д.⁶² Но время от времени появлялись и статьи о развитии в России просвещения, науки и литературы. Так, из заметки на страницах «Нью-Ингланд фамер» от 9 октября

⁵⁹ American Academy of Arts and Sciences, Records, Vol. II, p. 37.—PAPS, Vol. 94, N 6, p. 607, Vol. 109, N 1, p. 56.

⁶⁰ Ю. А. Валенштейн — Дж. Кейну, 22 января 1830 г.—PAPS, Vol. 94, N 6, p. 607.

⁶¹ Ю. А. Валенштейн — Дж. Спарксу, 19 декабря 1839 г.—HL, Sparsk Papers.

⁶² См., в частности: А. Н. Everett (?). Politics of Europe.—«North American Review», Vol. XXVII, N LX, July 1828, p. 255—268; «The American Annual Register for the Years 1827—8—9». New York, 1830, p. 267—402 (обзор военных действий); Ibid., for the Years 1830—1831, p. 166—213 (польское восстание); Russian Army.—«Army and Navy Chronicle», July 30, 1833, I, p. 242, August 13, 1840, IX, p. 102 etc.

1824 г. американские читатели узнавали, что в 1820 г. в академической библиотеке в С.-Петербурге насчитывалось около 3 тыс. русских работ, включая 150 романов. С тех пор число работ возросло до 8 тыс. Только в Москве насчитывалось девять читательских обществ (reading societies) и 10 издательств⁶³. В информационном сообщении о русской литературе в «Музеум оф форин литератче» в сентябре 1827 г. указывалось, что с начала книгопечатания и до 1823 г. в России было опубликовано 13 249 оригинальных и переводных работ⁶⁴.

Обстоятельные статьи в «Америкэн куортели реджистер» (август 1832 г.) и особенно в «Америкэн куортели обзервер» (январь 1834 г.) давали читателю довольно полное представление о развитии начального и высшего образования в России, приводили конкретные материалы о системе университетской подготовки, сведения о числе гимназий, лицеев и школ⁶⁵. Специальная заметка была посвящена структуре и деятельности Медико-хирургической академии в С.-Петербурге, чья библиотека насчитывала к 1818 г. 16 282 работы, имелись специальные кабинеты по анатомии, хирургии, зоологии, фармакологии, минералогии, химии, ботанический сад, клиническая больница и т. п.⁶⁶ Как редкое исключение в американской печати можно было встретить упоминания о русских открытиях и изобретателях, например заметку о Кулибине⁶⁷.

Следует сказать несколько слов и об отчетах иностранных путешественников, побывавших в России и опубликовавших затем свои впечатления и наблюдения в виде отдельных книг. Отметим, в частности, что в 1824 г. в Филадельфии была издана книга английского капитана Дж. Кохрейна, совершившего в начале 20-х годов XIX в. путешествие из С.-Петербурга до Камчатки. Поскольку большую часть пути Дж. Кохрейн прошел пешком, он довольно обстоятельно познакомился с

⁶³ «New England Farmer», Vol. III, October 9, 1824, p. 87.

⁶⁴ «Museum of Foreign Literature», Vol. XI, Sept. 1827, p. 285; см. также информацию о русских книгах, опубликованную в «American Register», Vol. I, 1817, p. 368—369, Vol. II, 1817, p. 273.

⁶⁵ «American Quarterly Observer», Vol. II (January 1834), N 1; «American Quarterly Register», Vol. V (August 1832), p. 59—61.

⁶⁶ «Analectic Magazine», Vol. II, 1818, p. 83.

⁶⁷ «Poughkeepsie Casket», Vol. II, November 17, 1838, p. 126.

жизнью русских крестьян, которые кормили его и давали приют во время длительного и трудного путешествия⁶⁸.

В середине 30-х годов XIX в. в той же Филадельфии вышла книга другого английского путешественника, Л. Ричи, «Россия и русские», ставшая в Америке «одной из наиболее популярных книг сезона»⁶⁹. Но если Л. Ричи забавлял своих читателей пересказом занимательных анекдотов и ярким описанием тех мест, где он побывал, то более содержательной была книга американца Дж. Л. Стефенса, опубликованная в Нью-Йорке в 1838 г. Американский путешественник сначала побывал в Греции и Турции, затем попал в Одессу, проехал через всю европейскую часть России, побывал в С.-Петербурге и через Польшу вернулся на родину. В предисловии к книге он справедливо отмечал, что именно русская часть путешествия покажется его соотечественникам наиболее интересной и новой. «Ни в одной стране мира,— писал Дж. Л. Стефенс,— города не возникают так быстро и не развиваются так стремительно, как у нас, и возможно ничто не может быть в этом смысле сравнимо с Буффало, Рочестером, Цинциннати и т. д. Но Одесса выросла быстрее, чем каждый из них, и не имеет в своем облике ничего, что напоминало бы наши новые города. Обе наши страны молоды и обе гигантскими шагами идут к величию, но движемся мы разными путями. Весь облик страны от нового города на берегах Черного моря и до сибирских степей свидетельствует о другой системе управления и другой организации общества»⁷⁰.

⁶⁸ *J. D. Cochrane. Narrative of a Pedestrian Journey through Russia and Siberian Tartary, from the Frontiers of China to the Frozen Sea and Kamchatka. Philadelphia, 1824, 12 + 415 p.*

⁶⁹ *L. Ritchie. Russia and the Russians; or, a Journey to St. Petersburg and Moscow, through Courland and Livonia; with Characteristic Sketches of the People. Philadelphia: E. L. Carey and A Hart, 1836.* Краткий обзор книги и отрывок с описанием С.-Петербурга см.: «*Southern Literary Messenger*», Vol. II (1835—1836), p. 515—516.

⁷⁰ *J. L. Stephens. Incidents of Travels in Greece, Turkey, Russia and Poland, 2 Vls. New York, 1838, Vol. I, p. 259.* В новом справочнике об отчетах иностранных путешественников, побывавших в России, нет упоминания об этом издании книги Дж. Л. Стефенса, а сам автор ошибочно назван англичанином. Не упоминается в указателе и ряд других работ, о которых идет речь в нашем изложении (*To Russia and Return. An Annotated Bibliography of Travelers' English-*

Любопытно, что Дж. Л. Стефенс побывал в доме «одесского американца» Е. В. Зонтага (1786—1841), познакомился с его русской женой, урожденной А. П. Юшковой, и дочерью, слушал в исполнении последней американские песни. Сам Зонтаг еще в 1811 г. был зачислен на службу в русский Черноморский флот, участвовал в ряде кампаний и дослужился до генеральского чина. В его библиотеке, по свидетельству Стефенса, находилось множество американских книг, включая произведения В. Ирвинга, Ф. Купера, портреты выдающихся деятелей Соединенных Штатов, отчеты о строительстве каналов и железных дорог, карты и т. п.⁷¹ В книге Стефенса сообщалось и о судьбе другого американца в России, Манро, который был адъютантом у великого князя Константина Павловича и императора Николая I. Преждевременная смерть оборвала жизнь молодого Манро, «когда перед ним открывалась блестящая карьера». Он сумел, однако, завоевать в стране большую известность, и Дж. Л. Стефенс свидетельствовал, что «слышал о нем по всей России»⁷².

При всем кажущемся обилии материалов о различных сторонах жизни в России общее представление о стране, знание ее культуры, науки и литературы все еще оставалось поверхностным. Не только в США, но и в Англии многие считали Россию «безмолвной» страной, которая все еще не имеет своего поэтического гения. А ведь эти слова были сказаны Карлейлем в его лекции «Поэт как герой» в 1840 г., т. е. три года спустя после того как в России перестало биться сердце А. С. Пушкина. Впрочем, о Пушкине в Англии (не говоря уже об Америке) в то время было еще очень мало известно⁷³.

Language Accounts of Russia from the Ninth Century to the Present
Compiled by H. W. Nerhood. Ohio State Univ. Press, 1968, p. 53).

⁷¹ J. L. Stephens. Op. cit., Vol. I, p. 264—266. Отрывок о встрече с Е. В. Зонтагом был опубликован также в журнале «Rural Repository», Vol. XV (Nov. 1838), p. 85 (An American Russian).

⁷² J. L. Stephens. Op. cit., Vol. II, p. 11—12.

⁷³ D. Brewster. East-West Passage. A Study in Literary Relationship. London, 1954, p. 45, 53. Об изданиях А. С. Пушкина на английском языке см. библиографию, составленную А. Ярмолинским («Pushkin in English; a list of works by and about Pushkin». N. Y., 1937).

Для современного читателя может показаться странным, что первым русским романом, переведенным в Америке, оказался совсем не «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и не «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, а давно забытый «Иван Выжигин» Ф. Б. Булгарина. Популярный среди невзыскательных читателей роман о похождениях ловкого проходимца пришелся, по всей видимости, по вкусу предприимчивым американцам. Едва успев появиться в России (1829 г.), «Иван Выжигин» сразу же пересек бурную Атлантику и в 1831 г. появился на прилавках американских книжных магазинов в английском переводе. Остается при этом только пожалеть, что американские читатели начали знакомство с русским романом далеко не по лучшему образцу⁷⁴.

Очевидный факт плохой осведомленности американских читателей о величайших русских поэтах — А. С. Пушкине и М. Ю. Лермонтове, а также и о некоторых других русских классиках привел к тому, что до сих пор еще не предпринималась серьезная попытка изучить начальный этап распространения знаний о русской литературе в Соединенных Штатах. Между тем даже предварительное обследование библиотечных фондов, и в первую очередь периодической печати. США, позволило выявить множество ранее неизвестных фактов и решительно отвергнуть версию о полной неосведомленности (или, в лучшем случае, крайне слабом знакомстве) американцев с тем, как происходило развитие русской литературы вплоть до середины XIX в.

Важную роль в распространении первых сведений о русской литературе XVIII — начала XIX в. в Англии и США сыграла сравнительно небольшая, но тщательно составленная антология русских поэтов в переводе Джона Боуринга. Впервые эта книга вышла в Лондоне в 1821 г., а уже на следующий год она была опубликована в Бостоне в издательстве Каминга и Хилиарда⁷⁵.

В ряде английских и американских журналов «Edinburgh Review» (Эдинбург и Нью-Йорк), «Museum

⁷⁴ G. Phelps. *The Russian Novel in English Fiction*. London, 1956, p. 16; «История русской литературы», т. VI. М.—Л., 1953, стр. 548.

⁷⁵ «Specimens of the Russian Poets: with Preliminary Remarks and Biographical Notes», translated by John Bowring, F.L.S. Boston: published by Cumming and Hilliard, 1822.

of Foreign Literature» (Филадельфия), «Christian Disciple» (Бостон) и др. появились обстоятельные рецензии сборника, в которых приводились обширные выдержки из опубликованных Дж. Боурингом стихов. Один из бостонских рецензентов справедливо подчеркивал, что изданная Дж. Боурингом поэтическая антология представляет особый интерес, поскольку знакомит с литературой страны, которая, несмотря на ее роль в международных делах последних лет, была ранее американцам практически неизвестна. «Весь мир слышал грохот ее пушек, топот ее конницы, шум ее побед, но лишь очень немногим было дано услышать рассказ ее летописцев или песнь ее бардов»⁷⁶. Журнал отмечал далее, что среди английских переводчиков нет ни одного, кто был бы лучше подготовлен для того, чтобы сохранить «дух оригинала» и в то же время внести в него частицу собственного таланта. Дж. Боуринг жил в России, хорошо знал русский язык и обладал «утонченным вкусом и очевидным поэтическим талантом»⁷⁷.

Ознакомление с антологией, составленной Дж. Боурингом, в общем подтверждает лестное мнение рецензентов. В сборник были включены произведения тринадцати русских писателей XVIII — начала XIX в., а также несколько народных песен в достаточно квалифицированном и, как правило, точном переводе на английский язык. В числе авторов, чьи сочинения вошли в антологию Боуринга, мы находим М. В. Ломоносова,

⁷⁶ «Christian Disciple», 1822, Vol. III, p. 371; «The whole world has heard the din of its arms, the tramp of its horsemen, and the shout of its victories; but it has been given to but few to listen to the story of its chroniclers or the song of its bards».

⁷⁷ Ibid., p. 372. Издание антологии рассматривалось Боурингом как первый шаг к написанию «общей истории русской литературы», и американский рецензент выражал заинтересованность в том, чтобы этот замысел был бы как можно скорее выполнен («Specimens of the Russian Poets», p. 1; «Christian Disciple», 1822, Vol. III, p. 372). Действительно, уже в первом номере издававшегося Дж. Боурингом «Вестминстер ревью» за 1824 г. появилась обширная статья о политическом положении и литературе в России, в которой использовались материалы альманаха «Полярная звезда», издававшегося в 1823—1825 гг. декабристами А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылевым. Первый выпуск альманаха (1823 г.) открывался знаменитой статьей А. А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России». — *D. Brewster. Op. cit.*, p. 51; «Westminster Review», London, 1824, N 1 (Politics and Literature of Russia); «Полярная звезда», СПб., 1823.

Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, И. А. Крылова, К. Н. Батюшкова, а также произведения менее известных поэтов — И. Ф. Богдановича, Е. И. Кострова, И. И. Хемницера и др. Сборнику предпослана обширная вступительная статья Дж. Боуринга, имеются биографические и критические замечания, предоставленные составителю «его знаменитым другом фон Аделунгом»⁷⁸.

Будучи лично знаком со многими русскими литераторами и хорошо владея языком, Дж. Боуринг сумел нарисовать более или менее объективную, хотя по необходимости и краткую картину состояния поэзии в России в конце XVIII — начале XIX в. Очень высоко составитель отозвался и о достоинствах русского языка, который, по его мнению, был «одним из наиболее богатых, если не самым богатым» в Европе. По словам Боуринга, русский язык был «изменчивым, гармоничным, полным ритма, богатым по звучанию и обладающим всеми поэтическими элементами»⁷⁹. «Отцом русской поэзии» составитель называл М. В. Ломоносова, а первое место среди поэтов отдавал своему любимцу Г. Р. Державину⁸⁰. Во вступительной статье затрагивалось также творчество А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина и некоторых других русских писателей XVIII в., чьи произведения не вошли в основной текст антологии. Среди плеяды русских баснописцев составитель особо выделил И. А. Крылова, опубликовавшего «примечательную по своему духу оригинальности» книгу⁸¹. Ряд ценных библиографических сведений содержалось и в заметках Ф. П. Аделунга, посвященных М. В. Ломоносову, Г. Р. Державину, И. Ф. Богдановичу, И. И. Хемницеру, Е. И. Кострову и В. А. Жуковскому, хотя при этом не всегда соблюдались необходимые пропорции. Сказались, очевидно, и некоторые личные симпатии. Так, непомерно много места было уделено И. Ф. Богдановичу, и автор «Душеньки» оказался явно в привилегированном положении по сравнению со своими более именитыми соотечественниками (отчасти это объ-

⁷⁸ «Specimens of the Russian Poets...» Boston, 1822, p. IX—XXXII, 201—235 (сравни: «Русская поэзия XVIII века». М., 1972).

⁷⁹ Ibid., p. XXVI—XXVII.

⁸⁰ Ibid., p. XV, p. 1—42.

⁸¹ Ibid., p. XIX.

яснялось тем, что в качестве заметки о Богдановиче был использован готовый текст статьи в «Вестнике Европы») ⁸².

Успех, который сопутствовал первому изданию «Образцов русской поэзии», побудил Дж. Боуринга опубликовать вторую часть своей антологии, куда наряду с произведениями уже известных авторов вошли стихи Долгорукова, Мерзлякова, Воейкова, Муравьева, Капниста, Петрова, Шатрова, Милонова и Хованского. Особое внимание уделялось народным песням, которые доставляли «радость миллионам» ⁸³.

Совершенно особое значение для ознакомления американцев с развитием русского языка и литературы имела оригинальная работа Терезы Робинсон, опубликованная в апреле — июле 1834 г. на страницах «Библикал репозитори» (Нью-Йорк) ⁸⁴. Поскольку в раннем возрасте Тереза несколько лет провела на юге России и в С.-Петербурге, она имела возможность основательно изучить язык и познакомиться с произведениями русских литераторов в оригинале. На основе широкого круга источников и критической литературы исследовательница нарисовала подробную и в большинстве случаев сравнительно точную картину развития русской литературы с древнейших времен до начала 30-х годов XIX в. В числе использованных ею источников можно встретить «Русскую Правду» и сочинения Н. М. Карамзина, биографические словари Н. И. Новикова и Е. А. Болховитинова, «Опыт российской библиографии» В. С. Сопикова и краткую историю русской литературы Н. И. Греча. Широко использовались Робинсон и немногочисленные западноевропейские работы, в частности история славянского языка и литературы Шафарика (*Schafarik's Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur*. Buda, 1826), рецензии и обзоры в «Форин кюртели ревю» и т. д. Вся история русского языка и

⁸² Ibid., p. 208—225.

⁸³ «Specimens of the Russian Poets, with Introductory Remarks», Part II. By John Bowring, F.L.S. London, 1823; «Littell's Museum of Foreign Literature», Philadelphia, Vol. 2, 1823, p. 520—524.

⁸⁴ [*Th. Robinson.*] *Historical View of the Slavic Language in its various Dialects: with special reference to Theological Literature.*—«Biblical Repository», Conducted by Ed. Robinson, Vol. IV, N 14 (April 1834), p. 328—413, N 15 (July 1834), p. 417—532, 615—616.

литературы была разделена ею на четыре периода: с древнейших времен до начала царствования Петра Великого, 1689 г.; от Петра Великого до Ломоносова, 1689—1741 гг.; от Ломоносова до Карамзина, 1741—1796 гг.; от Карамзина до начала 30-х годов XIX в.

В свете современных знаний многие замечания Т. Робинсон представляются, конечно, наивными, неточными, а часто даже ошибочными. Но в одном вопросе ей принадлежит бесспорный приоритет. Она первая в Америке написала обстоятельную историю языка и литературы славянских стран, включая Россию. Касаясь заслуг М. В. Ломоносова, Т. Робинсон упоминала академическое издание его сочинений в 6-ти томах и особо подчеркивала роль ученого в развитии русского языка. В целом, однако, она полагала, что Ломоносов «скорее проницательный человек, наделенный большим талантом, чем поэтический гений»⁸⁵. В работе затрагивалось также творчество Сумарокова, Хераскова, Фонвизина, Державина, Хемницера, Княжнина, Капниста и ряда других литераторов второй половины XVIII в. Лучшей театральной пьесой Т. Робинсон справедливо считала «Недоросль» Д. И. Фонвизина, в которой давалась «несравненная картина» образа жизни, обычаев и привычек «русского мелкопоместного дворянства»⁸⁶.

Центральной фигурой в русской литературе Т. Робинсон считала, однако, Н. М. Карамзина, творчество которого открывало, по ее мнению, наиболее плодотворный период изящной словесности в России. Главной заслугой Карамзина уже в то время считалось создание многотомной «Истории государства Российского», первые восемь томов которой вышли в свет в 1818 г.⁸⁷ Отмечая огромную популярность «этого великого исторического труда» как в России, так и в Западной Европе (он был переведен на немецкий и французский языки), а также его литературные достоинства, Т. Робинсон одновременно подчеркивала «недостаток правды» — романтическую идеализацию Карамзиным «исторических лиц и фактов» даже в тех случаях, когда «все обстоятель-

⁸⁵ «Biblical Repository», Vol. IV (1834), p. 373.

⁸⁶ Ibidem.

⁸⁷ Рецензия на «Историю» Н. М. Карамзина была опубликована в филадельфийском журнале «Museum of Foreign Literature», Vol. 14 (1828), p. 221.

ства времени и места» находились с этим в явном противоречии. Автор обращала внимание и на рост оппозиции Н. М. Карамзину в самой России, ссылаясь, в частности, на критическое выступление редактора «Московского телеграфа» Н. А. Полевого, который приступил к изданию собственной «Истории русского народа» (в противоположность «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина)⁸⁸. Значительное внимание в работе Т. Робинсон уделялось также теологической литературе и деятельности русского библейского общества, в связи с чем американскому читателю рекомендовалась книга Е. Гендерсона⁸⁹.

Через два года после опубликования очерка о развитии языка и литературы славянских стран на страницах бостонского «Норт Америкэн ревью» появился специальный обзор славянской поэзии⁹⁰. Автором обзора была та же Тереза Робинсон, а большинство примеров приводилось в переводе с оригинала. «Выразительная прелесть русских народных мелодий,— отмечала Т. Робинсон,— давно уже служила предметом восхищения иностранных композиторов, которые так или иначе могли о них узнать». Со своей стороны она подчеркивала «меланхолическую музыкальность» русских народных песен, выразительность и нежность любовной лирики⁹¹. «Русские всегда были поющей нацией (a singing race)»,— делала вывод автор обзора и особо отмечала в этой связи значение войны 1812 г., пробудившей патриотические чувства народа. Французское вторжение в 1812 г., вызвав мощный подъем русской нации, «привело к появлению немалого числа патриотических песен, многие из которых были созданы крестьянами и простыми солдатами»⁹².

Статьи, опубликованные в «Библикал репозитори» и «Норт Америкэн ревью» в 1834—1836 гг., легли в основу монографического труда Т. Робинсон (Талви) о разви-

⁸⁸ «Biblical Repository», Vol. IV (1834), p. 383.

⁸⁹ Ibid., p. 329 (Preliminary note of the Editor), p. 380; E. Henderson. Biblical Researches and Travels in Russian. London, 1826, 534 p. Автор книги побывал в России в 1821—1822 гг. и принимал личное участие в работе русского библейского общества.

⁹⁰ Slavic Popular Poetry.— «North American Review», Vol. XLIII, July 1836, p. 85—120.

⁹¹ Ibid., p. 106.

⁹² Ibid., p. 104.

тии славянских языков и литературы, опубликованного в Нью-Йорке в 1850 г.⁹³

Нам уже приходилось упоминать, что в течение долгого времени в Соединенных Штатах об А. С. Пушкине по существу ничего не знали. В антологию Дж. Боуринга произведения поэта еще не вошли. В середине 30-х годов XIX в. Т. Робинсон писала о великом поэте только как об «имитаторе Байрона»⁹⁴. И чтобы у американских читателей не было сомнений в отношении уровня сочинений А. С. Пушкина, она отмечала далее, что восторженные поклонники поэта при сравнении с Байроном имеют в виду направление произведений Пушкина, а не его гений. И это говорилось о человеке, который в то время уже был автором «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина»! Причем, в данном случае нельзя делать скидок на неосведомленность. Г-жа Робинсон не только знала об опубликовании «Бориса Годунова» в 1831 г., но и называла эту трагедию «самым замечательным произведением» поэта. Более того, она специально подчеркивала, что обзор сочинений Пушкина в 10 томе «Форин куортели ревью» был написан до того, как в Англии стало известно о главном произведении поэта⁹⁵.

Лишь много лет спустя, публикуя свой очерк о славянских языках и литературе в виде отдельной книги, Т. Робинсон поставила А. С. Пушкина во главе русской поэзии уже почти «вне конкуренции»⁹⁶. Теперь Пушкин рассматривался ею как совершенно исключительное явление и как почти единственный из русских поэтов, «который даже мыслил стихами»⁹⁷. Особенно высоко оценивался «Борис Годунов», но явно не повезло «Евгению Онегину». Г-жа Робинсон сетовала, что «вместо свежести силы и радости» у представителей молодой, растущей литературы она нашла образ «лишнего человека» (*un homme blasé*), — «раздражение, неудовольствие и безразличие»⁹⁸.

⁹³ *Talvi. Historical View of the Languages and Literature of the Slavic Nations...* New York, 1850, XV, 425 p.

⁹⁴ «Biblical Repository», Vol. IV (1834), p. 384.

⁹⁵ *Ibid.*, note 67.

⁹⁶ *Talvi. Historical View of the Languages and Literature of the Slavic Nations...*, p. 80.

⁹⁷ *Ibid.*, p. 97.

⁹⁸ *Ibid.*, p. 69.

Сейчас пет необходимости полемизировать по поводу конкретных оценок и симпатий автора книги. Произведения А. С. Пушкина или М. Ю. Лермонтова вряд ли нуждаются в защите. В свое время А. С. Пушкину и у себя на родине пришлось пережить немало обвинений, несправедливых нападок и прямых фальсификаций. Но у русского читателя по крайней мере имелась возможность познакомиться с первоисточником, прочесть произведения поэта и составить собственное мнение об их достоинствах и недостатках. У американского читателя таких возможностей было гораздо меньше. Лишь очень немногие специалисты и отдельные любители поэзии могли познакомиться с произведениями Пушкина, которые выходили в России или издавались в Западной Европе. Считалось даже, что в первой половине XIX в. в Соединенных Штатах вообще не было английских переводов Пушкина. Лишь случайно в Гарвардском университете сохранился редкий перевод «Талисмана» и еще нескольких стихотворений, изданных в С.-Петербурге всего в 100 экземплярах⁹⁹. Однако уже в 1846 г. в Нью-Йорке вышел перевод «Капитанской дочери»¹⁰⁰, а три года спустя, в июле 1849 г., Уильям Д. Льюис опубликовал «Бахчисарайский фонтан» вместе с некоторыми другими произведениями русских поэтов¹⁰¹.

О самом У. Д. Льюисе и изданной им книге следует сказать особо. Книгу переводов Льюис посвятил «русским друзьям» как знак признательности за проявленное к нему внимание и доброту во время пребывания «в их исключительно гостеприимной стране». Он отмечал также, что некоторые включенные в книгу произведения публиковались ранее без указания имени переводчика в «National Gazette», издававшейся в свое время

⁹⁹ A. S. Pushkin. The Talisman: from the Russian [By G. Borrow]. With other pieces. St. Petersburg, 1835, 14 p.

¹⁰⁰ A. S. Pushkin. The Captains Daughter; or The Generosity of the Russian Usurper Pugatscheff. From the Russian of Alexander Pushkin, by G. C. Hebbe. New York, C. Müller, 1846, 48 p.

¹⁰¹ The Bakchesarian Fountain by Alexander Pooshkeen, and other poems by various authors translated from original Russian by William D. Lewis. Philadelphia: C. Sherman, Printer, 1849. Книга предназначалась для «частного распространения» и сразу же после выхода превратилась в библиографическую редкость. 18 (30) июля 1851 г. в «Северной почте» была опубликована об этой книге специальная заметка.

Р. Уолшем, «Atlantic Souvenir» и других периодических органах печати¹⁰². Несколько «народных» песен Ю. А. Нелединского-Мелецкого, опубликованных У. Д. Льюисом на страницах филаделфийской «National Gazette» в 1821 г.,— едва ли не первые русские стихи, появившиеся в американской печати. И хотя ранее этот факт иногда упоминался¹⁰³, литературная деятельность У. Д. Льюиса до начала 1970-х годов по существу никем не изучалась. Между тем в его бумагах в Пенсильванском историческом обществе сохранилось значительное число материалов, свидетельствовавших о том, что со времени своего приезда в Россию в мае 1814 г. Льюис начал основательно изучать русский язык и серьезно интересоваться русской литературой. Именно с этой целью он переехал в августе 1814 г. в Москву, где в то время было больше возможностей для практики в разговорном языке¹⁰⁴.

Изучая русский язык, У. Д. Льюис в сентябре 1814 г. начал переводить «Путешествие в полуденную Россию в письмах, изданных Владимиром Измайловым» (М., 1802). Год спустя он перевел на английский язык «Приключения флота капитан-лейтенанта (ныне капитана 2-го ранга) Головинина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах с приобщением его замечаний о японском государстве и народе»¹⁰⁵. Льюис побывал в Твери, Туле, Калуге, посетил Бородино, а с осени 1815 г. проживал в столице. Здесь он познакомился с издателем «Сына отечества» Н. И. Гречем, который ввел его в круг литераторов, собиравшихся в доме Г. Р. Державина. Среди бумаг Льюиса сохранился перевод прославленной державинской оды «Бог», сделанный им 19 ноября (ст. ст.?) 1815 г. Позднее эта ода вошла в число произведений, изданных в приложениях к «Бахчисарайскому фонтану». Хотя державинский «Бог» быстро за-

¹⁰² The Bakchesarian Fountain..., p. 34.

¹⁰³ D. Brewster. Op. cit., p. 46.

¹⁰⁴ Подробнее см.: N. E. Saul. America's First Student of Russian: William David Lewis of Philadelphia.— «PMHB», Vol. XCVI, N 4, October 1972, p. 469—479. В нашем изложении мы стремились не повторять уже известные по статье Саула факты.

¹⁰⁵ PHSP, W. D. Lewis Papers, Autobiography (Philadelphia, 1870), p. 29; Russian note-books 1815—1818 etc.

воевал всемирную известность и неоднократно переводился на основные европейские языки, перевод У. Д. Льюиса был вполне оригинален. В отличие от Боуринга он сумел достаточно точно, в некоторых случаях даже буквально передать не только общий смысл, но и оттенки державинской оды ¹⁰⁶.

Быстрым успехам У. Д. Льюиса в изучении русского языка можно было только позавидовать. Уже весной 1815 г. он смог писать письма своим петербургским знакомым не на английском, а на русском языке, а в сентябре перевел «Янки дудл» (Yankee Doodle), что вызвало похвалу американского посланника в Швеции Дж. Рассела ¹⁰⁷. Заслуживают внимания и наблюдения Льюиса о жизни в России, которыми он поделился с Дж. Расселом и американским путешественником Э. Колем ¹⁰⁸. Среди бумаг У. Д. Льюиса сохранилось множество литературных выписок, переводов популярных стихотворных произведений, а также собственные сочинения. Отметим, в частности, стихотворное описание петербургской красавицы (Description of a Petersburg Beauty), «Совет другу моему влюбленному молодому человеку» (август 1815 г.), «Странное чувство» и некоторые другие литературные опыты молодого американца. Не случайно, по-видимому, Льюиса особенно привлекло известное сентиментальное стихотворение И. И. Дмитриева «Сизый голубочек» (1792 г.). Он специально переписал это стихотворение по-русски, передал его звучание с помощью латинского алфавита, а затем перевел на английский язык. В результате ему удалось не только почти буквально передать незамысловатое содержание стихотворения, но и сохранить при этом единство эмоционального тона и однообразную напевность сентиментального романа. Напомним некогда популярные

¹⁰⁶ «The Bakhchazarian Fountain...», p. 66 (note), p. 67; «To God» by Derjavin; HSP, Lewis — Neilson Papers, Literary Section (2 boxes). Рукописный перевод оды «God», November 19, 1815.

¹⁰⁷ У. Д. Льюис — А. Марку, «Москва, Марта 25-го 1815 г.» — HSP, John D. Lewis, 1810—1821; N. E. Saul. A Russian «Yankee Doodle». — «Slavic Review», Vol. 33, N 1, March 1974, p. 46—54.

¹⁰⁸ N. E. Saul. America's First Student of Russian. — «PMHB», Vol. XCVI, N 4, October 1972, p. 478, S. J. Zygniewski. A Delawarean's View of Russia in 1816. — «Delaware History», Vol. IX (1961), p. 326—340.

дмитриевские строки:

«Стонет сизый голубочек
Стонет он и день и ночь,
Его миленький дружок
Отлетел надолго прочь».

В английском переводе Льюис воспроизвел это четверостишие почти слово в слово:

«The little Dove with heart of sorrow
In silent grief sigh'd night a day,
No pleasure he from earth could borrow,
His little mate flew far away»¹⁰⁹.

По мнению Льюиса, стихотворение Дмитриева давало некоторое представление о характере русского языка, который «по своей природе является в высшей степени поэтическим». Он особенно подчеркивал исключительную гибкость русского языка и возникающую в этой связи возможность создания «самых великолепных звуковых сочетаний». Несмотря на молодость литературы, в России уже имелось, по словам американца, много поэтов, наделенных талантом и вкусом¹¹⁰.

Увлечение литературой не было главным в деятельности У. Д. Льюиса, и его вклад в развитие культурных связей между Россией и США в целом оказался достаточно скромным. В октябре 1819 г. Льюис навсегда уехал из России, а в Соединенных Штатах так и не нашел практического применения своим уникальным познаниям в русском языке. Тем не менее ему принадлежит заслуга открытия для американцев нескольких видных русских поэтов конца XVIII — начала XIX в., а главное опубликование первого перевода на английский язык «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина.

После отъезда У. Д. Льюиса в С.-Петербурге еще около двух десятилетий (вплоть до смерти в 1841 г.) находился его брат Джон, продолжавший успешно

¹⁰⁹ HSP, Lewis — Neilson Papers, Literary Section. «Сизый голубочек» (The Blue Little Dove). Это стихотворение позднее было включено в сборник 1849 г. (The Little Dove, by Dmitrieff, p. 51).

¹¹⁰ HSP, Lewis — Neilson Papers, Literary Section.

коммерческую деятельность. В своих письмах из С.-Петербурга он регулярно сообщал У. Д. Льюису сведения о состоянии русского рынка, товарах, ценах и пр., но, к сожалению, совершенно не интересовался литературными вопросами. Между тем в это время русская литература сделала особенно значительные успехи и именно с этого времени началось систематическое знакомство русских читателей с произведениями американских писателей.

Примечательным в этом отношении был 1825 год, когда в России были опубликованы отрывок из «Путешествия в Англию» В. Ирвинга (1783—1859) и роман «Шпион» Ф. Купера (1789—1851), где описывалась история Гарви Берча, добровольно взявшего на себя сложную и опасную роль разведчика во время войны США за независимость¹¹¹. Опубликование романа «Шпион» «Московский телеграф» назвал приятной новостью для русских читателей, которые убедятся, что «недаром сочинения Купера приняты с таким одобрением не только в его отечестве, но в Англии и во Франции»¹¹². В том же 1825 г. декабрист А. А. Бестужев перевел рассказ В. Ирвинга «Рип Ван Винкль», опубликованный в популярном русском журнале «Сын отечества». Герой знаменитого рассказа, ленивый и простодушный Рип Ван Винкль, выпив однажды заколдованный ром, заснул на двадцать лет и преспокойно проспал всю войну США за независимость. Когда же, проснувшись, он спустился из горного ущелья в свое родное местечко, то никак не мог ничего понять и чуть-чуть не попал впросак, назвавшись по привычке подданным его британского в-ва короля Георга III¹¹³.

Активным пропагандистом произведений Ирвинга и Купера в России был издатель «Московского телеграфа» (1825—1834) Н. А. Полевой. На страницах этого журнала были помещены ирвинговские «Гостиница в Террачине» (1825), «Вольфер Веббер, или Золотые сны» (1826), «Безголовый мертвец» (1826), «Бакалавр Саламанкский» (1826), «Заколдованный дом» (1827), «Анне-

¹¹¹ «Московский телеграф», 1825, № 4, стр. 297—306; «Шпион», М., 1825.

¹¹² «Московский телеграф», 1825, № 7, стр. 254—255.

¹¹³ «Сын отечества», CIV (1825), № 22, стр. 115—145.

та Деларбр» (1828), «Принц Азмед» (1828)¹¹⁴. Именно на страницах «Московского телеграфа» в 1829 г. появилась и статья Ф. Купера, познакомившая русскую публику с общим состоянием просвещения и литературы в Соединенных Штатах¹¹⁵. Американский писатель откровенно делился со своим итальянским корреспондентом мыслями относительно быстрых успехов просвещения, огромном числе газет и журналов, полной свободе книгопечатания, взыскательности вкуса читателей, с одной стороны, и явным отставанием национальной литературы — с другой. «Литература в Соединенных Штатах должна победить много препятствий, прежде нежели она станет на ряду с литературой английской», — писал Ф. Купер и ссылаясь далее на конкуренцию уже зарекомендовавших себя британских писателей и однообразие отечественных материалов. «Здесь совершенное равенство позволяет каждому иметь одни и те же приемы. Нигде не видел я нации более, нежели жители Соединенных Штатов, похожей на себя. Здесь не только один похож на другого, но все явно представляются тем, чем здравый смысл указывает им быть»¹¹⁶.

Несмотря на это, Ф. Купер называл нескольких молодых поэтов, «имеющих редкие таланты», в частности: Брайента, автора романа «Виланд» Брокдена Брауна и, конечно, В. Ирвинга, слава которого известна всем. Именно Ирвинг, по мнению Купера, в высочайшей степени обладал тем, что англичане называли юмором, и в чем так долго отказывали его соотечественникам. В целом, несмотря на все трудности и недостатки молодой литературы, автор статьи подчеркивал, что «число оригинальных сочинений в Соединенных Штатах увеличивается, ибо таланты и гений умеют преодолевать все препятствия», и он не сомневался, что в конечном итоге американские писатели «у всех народов приобретут славу, на которую имеют право»¹¹⁷.

¹¹⁴ Список переводов В. Ирвинга в России в 20—30-е годы XIX в. приводит М. П. Алексеев («Пушкин. Статьи и материалы», вып. II. Одесса, 1926, стр. 85).

¹¹⁵ Взгляд на состояние литературы и просвещения в Американских Соединенных Штатах (Из писем Фенимора Купера о Соединенных Штатах). — «Московский телеграф», 1829, № 16, стр. 387—417.

¹¹⁶ Там же, стр. 406, 409.

¹¹⁷ Там же, стр. 416—417.

Сам Ф. Купер эту славу уже начал завоевывать. В том же 1829 г. в типографии Селиванского в Москве был напечатан «второй роман знаменитого американского писателя» «Американские степи», и Н. А. Полевой сразу же откликнулся на него рецензией в «Московском телеграфе»¹¹⁸. Обращение Ф. Купера к жизни американского Запада, прерий (the Prairie), или степей, было обусловлено, по мнению журнала, тем, что его родное общество «столько благоразумно, столько не разнообразно, и так хорошо в политическом отношении (!), что с него нечего списывать». Именно это обстоятельство заставило Купера искать «оригинальный предмет» и ввести нас «в общество диких». «Нужно ли говорить, как мастерски пользуется он своими предметами? Купер — художник. Читатели согласятся с этим, прочитав его *Степи*, роман, который переведен на русский язык не совсем дурно»¹¹⁹.

Первое знакомство русских читателей с творчеством Ирвинга и Купера происходило через Западную Европу, и «несносные слова с французского» (выражение Н. А. Полевого) еще долго украшали титульные листы их произведений. Впрочем, тот же Н. А. Полевой справедливо отмечал, что приходилось «довольствоваться хорошими переводами с французского», пока необходимость не сблизит «наших переводчиков» с английским языком¹²⁰. Не обходилось при этом и без курьезных ошибок. Рецензируя роман «Американский пуританин, или Долина Вис-Тон-Вигская», Н. А. Полевой обратил внимание, что название «le Puritain d'Amérique» дал французский переводчик. «Купер назвал свой роман просто: Обитатели границ, или Долина Виш-тон-Виш (Wish-ton-Wish, что по-русски превратилось в Вис-Тон-Виг)». Несмотря на досадные ошибки в переводе, рецензент полагал, что «это один из лучших романов Куперовых. Он издал их доньше около десяти. Все они могут разделены быть на три рода: одни, по содержанию своему, относятся к заселению Северных Американских

¹¹⁸ Американские степи. Сочинение Д. Фенимора Купера. Пер. с франц. 3 части. М., 1829; «Московский телеграф», 1829, № 16, стр. 489—490.

¹¹⁹ «Московский телеграф», 1829, № 16, стр. 490.

¹²⁰ «Московский телеграф», 1832, № 23, стр. 400—401.

областей и борьбе европейцев с дикими туземцами Америки (Пионеры, Степи, Последний Могикан), другие — к борьбе Северной Америки с Англией (Шпион, Лионель Линкольн); третьи — к жизни американских моряков и похождениям на море (Красный корсар, Лоцман, Пенитель моря)»¹²¹.

Еще О. Бальзак заметил, что Ф. Купер своей славой обязан «главным образом страстному восхищению Франции..., благодаря универсальности нашего языка его имя проникло к народам, не знающим английского языка». Сам Бальзак, читая романы Купера, «рычал от восторга»¹²². Огромным успехом произведения американского романиста пользовались и у русских читателей. В статье о творчестве Ф. Купера, перепечатанной летом 1831 г. журналом «Телескоп», обращалось внимание на самобытную, типично американскую окраску его произведений. «В них ощутительно дышит какая-то необычайная заатлантическая свежесть: и творцу их по всем правам принадлежит всеобщее признанное имя *великого американского романиста*». Учитывая, что Купер не имел предшественников и «пустился в океан, еще ни одним веслом не прорезанный», автор статьи называл писателя «литературным Христофором Колумбом»¹²³.

Высокую оценку русской общественности получил вышедший в 1832 г. в С.-Петербурге исторический роман Ф. Купера «Лоцман», главным героем которого был знаменитый американский моряк Поль Джонс. По отзыву «Московского телеграфа», это «произведение мастерское» и «всякий, любящий наслаждение изящными созданиями Искусства, прочтет его с живым, приятным чувством»¹²⁴. Русский переводчик (им был М. Сорокин) приложил к роману «краткое известие о Павле Джонесе». Н. А. Полевой счел это приложение неудовлетворительным и опубликовал в журнале свой собственный, «более верный очерк жизни замечательного героя Куперова романа», где отметил, в частности, что Екате-

¹²¹ «Московский телеграф», 1831, № 13, стр. 109—110.

¹²² «История американской литературы», т. I. М.—Л., 1947, стр. 153.

¹²³ «Телескоп», 1831, № 14, стр. 193, 197.

¹²⁴ «Московский телеграф», 1832, № 23, стр. 401.

рина II пригласила американского моряка на русскую службу «и пожаловала своим контр-адмиралом»¹²⁵.

Не менее популярными в 20—30-е годы XIX в. были в России и произведения В. Ирвинга, появившиеся не только на страницах упоминавшегося выше «Московского телеграфа» Н. А. Полевого, но и в «Сыне отечества», «Вестнике Европы», «Атенее», «Телескопе», «Литературной газете» и некоторых других изданиях. На русский язык были переведены отдельные новеллы и очерки из «Книги эскизов», «Брейсбридж холла», «Рассказов путешественника» и др. Повести В. Ирвинга были включены и в сборники переводов сочинений иностранных писателей, издававшиеся Н. А. Полевым и Н. И. Надеждиным¹²⁶. Творчеством Ирвинга интересовались ссыльные декабристы: А. П. Беляев в Сибири перевел «Завоевание Гренады», В. К. Кюхельбекер сравнивал американского писателя то с Марлинским, то с Вельтманом¹²⁷. В 1835 г. в журнале «Библиотека для чтения», издававшемся О. И. Сенковским, была опубликована специальная статья о жизни и творчестве американского литератора. «Вашингтон Ирвинг был первый, которого провозгласили оригинальным писателем Северной Америки; и конечно, он — писатель, одаренный гением, мысль его обширна, разнообразна, остроумна; слог его удивительно звучен и строен»¹²⁸.

В этом же журнале два года спустя был помещен пространный обзор русского перевода «Истории жизни и путешествий Христофора Колумба», занимавший чуть

¹²⁵ Лощман. Исторический роман. Сочинение Фенимора Купера. Перевел с французского М. Сорокин, 4 части. СПб. В типографии А. Смирдина, 1832; «Московский телеграф», 1832, № 23, стр. 401—403.

¹²⁶ «Повести и литературные отрывки, изданные Николаем Полевым». М., 1829, ч. 2—4; «Сорок одна повесть лучших иностранных писателей». М., 1836, ч. 9 (В. Ирвинг. Губернатор Манко. Из Алгамбры).

¹²⁷ «Пушкин. Статьи и материалы», вып. II, стр. 85; А. П. Беляев. Воспоминания декабриста... СПб., 1882, стр. 298; «Русская старина», 1891, X, стр. 92.

¹²⁸ «Библиотека для чтения», 1835, т. IX, отд. II, стр. 107—108. Как отмечал М. П. Алексеев, эта статья была дословным переводом из «Revue Britannique», 1834, t. XI, p. 122—138, которым она в свою очередь была заимствована из «American Monthly Magazine». — «Пушкин. Статьи и материалы», вып. II, стр. 86.

ли не пятьдесят страниц¹²⁹. Довольно часто в журналах публиковались рецензии и на иностранные издания произведений В. Ирвинга. Так, начав в 1830 г. издавать «Московский вестник», М. П. Погодин поместил в нем рецензию на «Хронику покорения Гренады» (*A Chronicle of the Conquest of Granada*)¹³⁰, а Н. А. Полевой дал краткий анализ «Сказок Алгамбрских» (*Les contes de l'Alhambra*), изданных в 1832 г. в Париже¹³¹. Даже такой сравнительно далекий от «изящной словесности» орган, как «Журнал министерства народного просвещения», и тот решил не отставать от моды и уделил американской литературе специальную заметку. Наряду с Ирвингом и Купером в числе «любимых романистов Америки» был назван Джеймс Полдинг. «Между лирическими поэтами» пальма первенства отдавалась Д. Персевалю, хотя и оговаривалось, что «Брайент и Дана имеют более вкуса и легкости»¹³².

Творчеством В. Ирвинга и Ф. Купера интересовался и А. С. Пушкин. В библиотеке поэта находились по крайней мере пять произведений Ирвинга и собрание сочинений Ф. Купера в 13 томах. Советские пушкинисты и в первую очередь акад. М. П. Алексеев давно уже обратили внимание на жанровую близость «Истории Нью-Йорка» и «Истории села Горюхина», хотя прямых доказательств, что это сочинение В. Ирвинга было известно А. С. Пушкину, обнаружить не удалось. Замысел «Истории села Горюхина» как породы на исторические труды, конечно, мог возникнуть у А. С. Пушкина под влиянием В. Ирвинга или какого-либо другого автора (такая возможность вполне реальна, учитывая интерес поэта к американскому писателю, а также прекрасную осведомленность в западной литературе и журналистике). «Получив толчок к созданию сходного замысла,— писал М. П. Алексеев,— Пушкин, однако, совер-

¹²⁹ «Библиотека для чтения», 1837, т. XX, отд. С, стр. 39—86 (обзор книги «История жизни и путешествий Христофора Колумба». Сочинение Вашингтона Ирвинга. Пер. с франц. Н. Бредихина. СПб., 1836, т. I).

¹³⁰ «Московский вестник», 1830, ч. 1, стр. 301—308.

¹³¹ «Московский телеграф», 1832, № 14, стр. 250—251.

¹³² «Журнал министерства народного просвещения», 1837, ч. 16, стр. 480—482.

именно самостоятельно и на собственном материале применил сходные пародические приемы»¹³³.

Хорошо известен и тот факт, что Пушкин ссылался на Ирвинга, Купера, Шатобриана и Токвиля в «Джоне Теннере»: «Нравы североамериканских дикарей знакомы нам по описанию знаменитых романистов. Но Шатобриан и Купер оба представили нам индейцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения. «Дикари, выставленные в романах,— пишет Вашингтон Ирвинг,— так же похожи на настоящих дикарей, как идиллические пастухи на пастухов обыкновенных». Это самое подозревали и читатели; и недоверчивость к словам заманчивых повествователей уменьшала удовольствие, доставляемое их блестящими произведениями»¹³⁴.

Впервые статья «Джон Теннер» была напечатана А. С. Пушкиным в издававшемся им литературном журнале «Современник» осенью 1836 г. с подписью *The Reviewer* (обозреватель)¹³⁵ и с того времени получила самую широкую известность. Цитируемое выше место неоднократно комментировалось в различных изданиях, причем чаще всего указывалось, что Пушкин приводил слова В. Ирвинга... из предисловия к «Запискам» Дж. Теннера¹³⁶. В начале 60-х годов XX в. Б. Марьямов провел в этой связи специальное исследование и убедительно доказал ошибочность прежних комментариев¹³⁷. Книга

¹³³ М. П. Алексеев. К «Истории села Горюхина». — «Пушкин. Статьи и материалы», вып. II, стр. 70—87; *D. Boden. Das Amerikabild im russischen Schrifttum...* Hamburg, 1968, S. 98, 105. Отметим также, что современники усматривали известное сходство между повеллами В. Ирвинга и «Повестями Белкина». Это сходство всячески подчеркивал еще Н. А. Полевой, который в свое время приветствовал романтизм Пушкина, но не смог принять Пушкина-реалиста. Отсюда язвительный тон сравнительной характеристики «Повестей Белкина» и произведений Ирвинга. «И. П. Белкину явно хотелось попасть в колею В. Ирвинга» и т. д. (см.: «Московский телеграф», 1831, № 22, стр. 255—256).

¹³⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. (академическое), т. XII. М., 1949, стр. 105.

¹³⁵ «Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным», т. III. СПб., 1836, стр. 205—256.

¹³⁶ См., например: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах, т. 5. М., 1954, стр. 388.

¹³⁷ Б. Марьямов. Об одном примечании к статье А. С. Пушкина «Джон Теннер». — «Русская литература», 1962, № 1, стр. 64—67.

Джона Теннера о его тридцатилетнем пребывании среди индейцев была впервые издана в Нью-Йорке в 1830 г. и автором предисловия к ней был совсем не В. Ирвинг, а Э. Джемс¹³⁸. А. С. Пушкин пользовался, однако, не американским, а французским изданием 1835 г., введение к которому было написано Э. Блосвилем¹³⁹. Что касается слов В. Ирвинга, то они действительно приводились во вступительной статье Блосвиля, который в свою очередь заимствовал их из сравнительно малоизвестного сочинения писателя «Поездка в прерию» (*A Tour on the Prairies*)¹⁴⁰.

О путанице в примечании к статье «Джон Теннер», быть может, не стоило и говорить, если бы она не свидетельствовала о том, как тщательно и точно следует комментировать сочинения А. С. Пушкина. К сожалению, в сочинениях поэта составители примечаний по существу оставили текст «Джона Теннера» без всяких комментариев.

Крайне слабо изучена эта статья и в специальной литературе. А между тем подумать здесь есть о чем. Почему Пушкин так подробно остановился именно на книге никому не известного Джона Теннера? Ведь он был прекрасно осведомлен о сочинениях того же Ф. Купера и В. Ирвинга. Пушкин как историк и писатель-реалист предпочел непритязательный, но достоверный рассказ очевидца красочным романам Ф. Купера, которыми зачитывалась в то время вся Западная Европа и Россия. Шатобриан и Купер, по отзыву Пушкина, представили индейцев с «поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения». (Если верить составителям справочного тома к последнему академическому собранию сочинений, Пушкин имел в виду романы Купера «Пионеры», «Последний из могикан» и

¹³⁸ *A Narrative of the Captivity and Adventures of John Tanner... Prepared for the Press by Edwin James. New York, 1830.* На русский язык впервые полностью переведен в 1963 г. «Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера». М., 1963.

¹³⁹ *Mémoires de John Tanner, ou Trente années dans le déserts de l'Amérique du Nord, traduits sur l'édition originale publiée à New York, par M. Ernest de Blosseville, t. I—II. Paris, 1835.*

¹⁴⁰ *Ibid.*, t. I, p. XI; Б. Марьянов. Указ. статья.— «Русская литература», 1962, № 1, стр. 66—67.

«Прерии», а также «Атала», «Начес», и, возможно, «Путешествия в Америку» Ф. Шатобриана¹⁴¹.)

«Записки» Дж. Теннера не имели, разумеется, особых литературных достоинств, но для поэта они были «драгоценны во всех отношениях» как достоверный первоисточник и правдивое свидетельство очевидца событий. Показательно, что в этой связи А. С. Пушкин выступал не только как литератор, но и как историк, проводящий тонкий источниковедческий анализ рассказа Теннера о его жизни среди индейцев. «Он самый полный и вероятно последний документ бытия народа, коего скоро не останется и следов... Достоверность сих «Записок» не подлежит никакому сомнению. Джон Теннер еще жив; многие особы (между прочим Токвиль, автор славной книги «*De la democratie en Amérique*») видели его и купили от него самого его книгу. По их мнению, подлога тут быть не может. Да и стоит прочесть несколько страниц, чтобы в том удостовериться: отсутствие всякого искусства и смиренная простота повествования ручаются за истину»¹⁴².

Приводимый отрывок примечателен во многих отношениях, но в первую очередь ссылкой на знаменитую книгу А. Токвиля «О демократии в Америке», которая вышла на французском языке в 1835 г. и с тех пор вновь и вновь переиздается как в Европе, так и в США. Сразу же после своего выхода эта работа привлекла пристальное внимание А. С. Пушкина. В первом томе издаваемого им «Современника» за 1836 г. в «Хронике русского в Париже» А. И. Тургенева был дан о ней самый лестный отзыв, а в октябре 1836 г. сам поэт писал, что все еще находится под впечатлением от прочитанной книги¹⁴³.

Действительно, многие наблюдения и выводы А. Токвиля делают честь проницательности французского аристократа, который, пожалуй, лучше, чем кто-либо прежде, сумел подметить многие характерные черты американской действительности, и его труд до сих пор считается чуть ли не наиболее авторитетной интерпре-

¹⁴¹ См.: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. (академическое), справочный том. М., 1959, стр. 255, 451.

¹⁴² «Современник», 1836, т. III, стр. 207.

¹⁴³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. (академическое), т. XVI, стр. 161.

тацией истории США. Именно на мнение Токвиля, как автора «славной книги», счел необходимым сослаться Пушкин для доказательства достоверности наблюдений Дж. Теннера. Известно также, что он почерпнул из работы А. Токвиля и яркий материал для критических замечаний об американской жизни и нравах.

Своей книгой Токвиль привлек внимание европейской общественности к положению в Соединенных Штатах, причем оказалось, что реальная жизнь в молодой республике мало соответствует прежним идиллическим о ней представлениям. «С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. Не политические происшествия тому виною: Америка спокойно совершает свое поприще, доныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов (речь шла в первую очередь о Токвиле¹⁴⁴) в настоящее время занялись исследованием прав и постановлений Американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными», — писал Пушкин и переходил далее к суровым критическим замечаниям: «Уважение к сему новому народу сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нетерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами»¹⁴⁵.

¹⁴⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. (академическое), справочный том, стр. 420.

¹⁴⁵ Там же, т. XII, стр. 604; «Современник», 1836, т. III, стр. 205—206.

Особое негодование поэта вызвала «явная несправедливость» и «бесчеловечие американского конгресса» к индейским племенам, неизбежность исчезновения которых «при приближении цивилизации» он предвидел. «Остатки древних обитателей Америки,— с грустью писал Пушкин,— скоро совершенно истребятся; и пространные степи, необозримые реки, на которых сетями и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревьями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и разовьется флаг американский»¹⁴⁶.

Наряду с книгой А. Токвиля в числе источников, которые использовались А. С. Пушкиным, следует указать работу Г. Бомона, а также находившиеся в библиотеке поэта труды М. Льюиса и Т. Гамильтона¹⁴⁷. Главным источником для А. С. Пушкина служила, однако, книга самого Джона Теннера, из которой в статье приводились многочисленные отрывки, что дало русскому читателю богатый материал для того, чтобы составить собственное представление о жизни американских индейцев.

По отзыву А. С. Пушкина, «Записки» Теннера давали «живую и грустную картину» жизни американских индейцев. «Цивилизация европейская, вытеснив их из наследственных пустынь, подарила им порох и свинец: тем и ограничилось ее благодетельное влияние». В «Записках» Теннера было «какое-то однообразие, какая-то сонная бессвязность», что, по мнению поэта, давало «некоторое понятие о жизни» американских индейцев. «Это длинная повесть о застреленных зверях, о метелях, о голодных, дальних шествиях, об охотниках, замерзших в пути, о скотских оргиях, о ссорах, о вражде, о жизни бедной и трудной, о нуждах, непонятных для чад образованности»¹⁴⁸.

¹⁴⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. (академическое), т. XII, стр. 104—105; «Современник», 1836, т. III, стр. 206.

¹⁴⁷ J. T. Shaw. Puškin on America: His «John Tanner». — «Orhis Scriptus. Dimitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag». München, 1966, S. 740 ff.; D. Boden. Op. cit., S. 41; G. de Beaumont. Marie, ou l'Esclavage aux États-Unis, 1835; M. G. Lewis. Journal of a West Indian Proprietor, 1834; T. Hamilton. Les hommes et les moeurs aux États-Unis d'Amérique, 1834.

¹⁴⁸ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. (академическое), т. XII, стр. 110; «Современник», 1836, т. III, стр. 217.

Благодаря Пушкину лучшие страницы «Записок» Дж. Теннера стали доступны широким кругам русских читателей и внесли существенные поправки в занимательные описания Ф. Купера. Не исключена возможность того, что статья Пушкина оказала влияние на некоторое разочарование сочинениями американского романиста, которое наметилось во второй половине 30-х годов XIX в. Больше того, когда в 1839 г. в С.-Петербурге был издан роман Ф. Купера «Браво», первоначальная редакция русских журналов (хотя уже и по иной причине) оказалась крайне неблагоприятной. Особенно резкой и даже издевательской по тону была рецензия в «Сыне отечества», неофициальным редактором которого в это время был Н. А. Полевой. Отрицательными в целом были отзывы о романе в «Библиотеке для чтения» и «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»»¹⁴⁹.

Учитывая, что «почти во всех наших журналах было повторено, что Купер — хороший романист у себя в Америке да на море, а в Европе — срезался и что его «Браво» — скучный пошлый роман», совершенно особое значение приобретает развернутая рецензия В. Г. Белинского, опубликованная на страницах «Московского наблюдателя» в 1839 г.¹⁵⁰ «Прежде, нежели произносить такой решительный и такой презрительный приговор произведению такого великого мастера, как Купер, — указывал В. Г. Белинский, — не худо было бы прочесть его в подлиннике, если доступен язык его, или хотя во французском переводе». Это было тем более необходимо, так как «этот роман явился на русском языке в самом безграмотном переводе, какой только может себе вообразить самое пылкое и смелое безграмотное изображение».

¹⁴⁹ «Браво, или Венецианский бандит», исторический роман. Сочинение Я.-Ф. Купера. С.-Петербург, 1839; «Сын отечества», 1839, т. VII, № 2, отд. IV, стр. 128; «Библиотека для чтения», 1839, № 3, отд. VI, стр. 4; «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду»», 1839, № 6, стр. 129; см. также: А. К. Савуренок. Роман Фенимора Купера «Браво» в оценке русской критики 1830-х годов. — «Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева». М. — Л., 1966, стр. 122—128.

¹⁵⁰ «Московский наблюдатель», 1839, т. II, № 4, стр. 87—91; В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. III. М., 1953, стр. 158—160.

Сам В. Г. Белинский с успехом преодолел все затруднения с чтением русского «перевода» и сумел открыть для себя «дивные образы, которые могла создать только фантазия великого художника... Вот старый рыбак Антонио, с его энергической простотою нравов..., вот кроткая, чистая, милая Джельсомина; вот ветреная и лукавая Анина — какие лица, какие характеры!.. Коварная, мрачная, кинжальная политика венецианской аристократии; нравы Венеции; регата, или состязание гондольеров; убийство Антонио — все это выше всякого описания, выше всякой похвалы». По мнению русского критика, «Купер — писатель совершенно самостоятельный оригинальный и столько же великий, столько же гениальный», как и Вальтер Скотт. «Дивный, могучий, великий художник!» Будучи представителем нового молодого государства, он создал «особый род романов — *американско-степных и морских*»¹⁵¹.

Исключительно высокую оценку В. Г. Белинский дал и другому роману Ф. Купера, «Путеводитель в пустыне, или Озеро-море» (*The Pathfinder; or the Inland Sea*), который вышел в свет в 1840 г. и сразу же был переведен и напечатан в «Отечественных записках» (в 1841 г. этот роман был издан в С.-Петербурге отдельной книгой)¹⁵². По мнению рецензента, перевод нового романа вознаграждал «Купера за его тяжкие испытания на русском языке: этот перевод, во-первых, с подлинника, во-вторых, поэтически верный духу своего оригинала, воспроизведенного с художественным тактом». Белинский отмечал также, что сам Купер готовился к этому роману, «как к великому подвигу». Действительно, через ряд произведений Ф. Купера начиная с «Пионеров» (1823) и кончая «Следопытом» (1840) и «Зверобоем» (1841) под разными именами проходил один и тот же герой — Натти Бумпо, прозванный Кожаным Чулком. Комментируя новый роман, В. Г. Белинский искренне восхищался глубиной мысли, смелостью замысла и зрелостью гения автора. «Многие сцены «Путе-

¹⁵¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 158.

¹⁵² «Путеводитель в пустыне, или Озеро-море» (в настоящее время принято переводить этот роман как «Следопыт»). Роман Джемса-Фенимора Купера. Пер. с англ. СПб., 1841; В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 457—460 («Отечественные записки», 1841, т. XIV, № 1, отд. VI, стр. 8—9).

водителя», — писал критик, — были бы украшением любой драмы Шекспира. Основная его идея — один из величайших и таинственных актов человеческого духа: *самоотречение*, и в этом отношении роман есть *апофеоз самоотречения*»¹⁵³.

Увлечение В. Г. Белинского романами Ф. Купера разделял и М. Ю. Лермонтов. Едва ли не единственная встреча Белинского с Лермонтовым оказалась связанной с именем американского романиста. «Я был без памяти рад, — писал В. Г. Белинский В. М. Боткину 19 апреля (1 мая) 1840 г., — когда он сказал мне, что Купер выше Вальтера Скотта, что в его романах больше глубины и больше художественной целостности. Я давно так думал и еще первого человека встречаю, думающего так же»¹⁵⁴. Приводимые слова не следует, конечно, понимать слишком буквально. Речь идет скорее о симпатиях В. Г. Белинского и М. Ю. Лермонтова более демократическому характеру произведений Ф. Купера, чем об умалении заслуг великого англичанина. В упоминавшейся рецензии сам Белинский подчеркивал: «Вальтера Скотта не должно и сравнивать с Купером, так же как Купера с Вальтером Скоттом: каждый из них велик по-своему, каждый самобытен и оригинален в высшей степени, а по силе творческой деятельности оба они принадлежат к величайшим мировым явлениям в сфере искусства».

Близость к природе, прославление простых и естественных человеческих качеств, более демократический характер творчества Ф. Купера (в противоположность торийскому аристократизму Вальтера Скотта) — все это должно было импонировать как Белинскому, так и Лермонтову и в конечном итоге определить их отношение к произведениям американского романиста. Не приходится сомневаться и в популярности Ф. Купера среди широких кругов русских читателей. Даже приводимые нами далеко не полные данные достаточно определенно свидетельствуют о том, что уже в 20—30-е годы XIX в. все лучшие произведения писателя были переведены на русский язык и живо обсуждались на страницах наиболее известных литературных и общественно-политических журналов.

¹⁵³ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1954, стр. 459.

¹⁵⁴ Там же, стр. 458.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говоря об истории русско-американских отношений в XVIII—XIX вв., следует в первую очередь обратить внимание на то, что эти отношения во многом были производными и зависимыми от общей системы европейской, а отчасти и восточной политики России. Их всестороннее исследование и правильное понимание возможно поэтому только с учетом состояния отношений России с Англией, со странами континентальной Европы, Турцией, политики на Дальнем Востоке, деятельности Российско-американской компании и т. д. Хотя в общей системе внешней политики России отношения с Америкой занимали более или менее скромное место, тем не менее их анализ дает исследователю большой материал для интересных наблюдений, сравнений, выводов и размышлений.

Известно, что обе страны — Россия и Соединенные Штаты — никогда не воевали друг с другом и в целом их взаимные связи развивались в благоприятном направлении. Это не означает, конечно, что между Россией и Америкой никогда не было разногласий и противоречий, осложнявшихся к тому же различием в общественно-политических системах. Игнорировать классовые противоречия, писать об «искренней» и «забытой» дружбе царей и президентов, как это делают некоторые современные авторы, столь же неверно, как пропагандировать тезис о существовании между Россией и США «извечной враждебности». И если уж говорить о главном уроке истории русско-американских отношений, то он состоит совсем не в отсутствии противоречий и конфликтов, а в возможности их преодоления не с помощью оружия, но мирным путем, путем переговоров¹.

¹ Н. Н. Болховитинов. Становление русско-американских отношений 1775—1815. М., 1966, стр. 599—600.

Этот вывод, сделанный нами в книге о становлении русско-американских отношений в 1775—1815 гг., в полной мере подтверждается и при детальном анализе развития отношений России и Соединенных Штатов после 1815 г. Напомним в этой связи, что ряд обстоятельств первоначально мало благоприятствовал успешному развитию связей между Россией и Америкой. Нормальное развитие дипломатических отношений оказалось неожиданно прерванным из-за прискорбного «дела Козлова». В дальнейшем, в результате провозглашения Александром I сентябрьского указа 1821 г., обострились противоречия на Северо-Западе Америки. Во всей полноте обозначались и различия в отношении войны Испанской Америки за независимость. Консервативно-охранительные принципы легитимизма и реакционная политика Священного союза, ставшего в начале 20-х годов на путь прямого подавления революционного движения в Европе, и провозглашение Соединенными Штатами доктрины Монро 2 декабря 1823 г., казалось бы, вообще исключали возможность соглашения и сотрудничества.

В действительности, однако, конфронтацию с Соединенными Штатами удалось без особого труда избежать и в ходе деловых и конструктивных дипломатических переговоров прийти к заключению взаимовыгодных соглашений. Открывая 9(21) февраля 1824 г. официальные переговоры с посланником США в С.-Петербурге Г. Миддлтоном, К. В. Нессельроде сразу же предложил перенести дискуссию из области абстрактных принципов в сферу реальных фактов и постараться урегулировать разногласия между Россией и Соединенными Штатами на наиболее приемлемой для их «взаимных интересов основе»².

Осуществить это оказалось не так уже трудно. Хотя с формальной стороны провозглашение доктрины Монро действительно было связано с русско-американскими отношениями, фактически и главным образом «принцип неколонизации», а в конечном счете и все послание от 2 декабря 1823 г. были направлены против Великобритании, обладавшей наиболее крупными колониальными владениями в Северной Америке и являвшейся основ-

² ASP, FR, Vol. V, p. 458.

ным соперником Соединенных Штатов в борьбе за влияние в Западном полушарии. Кроме того, практически Соединенные Штаты не возражали против самого факта существования русских владений на Северо-Западе Америки. В результате уже в апреле 1824 г. в С.-Петербурге было заключено первое важное соглашение между Соединенными Штатами и Россией — конвенция о торговле, мореплавании и взаимном разграничении на северо-западном берегу Америки. Год спустя была подписана аналогичная конвенция с Великобританией, и в результате границы Аляски приняли современные очертания. По условиям конвенции 1824 г. граждане Соединенных Штатов получили также право в течение 10 лет свободно производить в пределах русских владений рыбную ловлю и торговлю с местными жителями.

18(30) декабря 1832 г. в С.-Петербурге было подписано еще одно важное соглашение — первый торговый договор между Россией и США, заключения которого американцы настойчиво добивались начиная с войны за независимость. Этот договор официально закрепил в отношениях между обеими странами режим наибольшего благоприятствования. В дальнейшем условия договора служили основой для развития торговых отношений между этими странами на протяжении всего XIX и начала XX в. (вплоть до начала 1913 г.).

Исследователи, как правило, уделяли проблемам русско-американской торговли минимальное внимание. По отзыву М. Лазерсона, для отношений между обеими странами с самого начала было характерно «преобладание чисто политических соображений», тогда как торговые связи на протяжении всего XIX в. «никогда не имели большого значения»³.

Более внимательное изучение статистических материалов о русско-американских торговых связях в конце XVIII — первом десятилетии XIX в. позволило установить существенное значение для Соединенных Штатов импорта русской пеньки, полотна и железа. Уже в 1800 г. стоимость русского импорта, по официальным американ-

³ М. М. Laserson. *The American Impact on Russia 1784—1917*. New York, 1950 (reprint 1962), p. 122—123.

ским данным, превысила 1524 тыс. долл., а к 1832 г. достигла 3252 тыс. долл.⁴

Первоначальное мнение о ничтожном объеме торговли Соединенных Штатов с Россией было таким образом существенно исправлено, но в целом отвергнуто не было. Уж слишком незначительными, особенно по современным масштабам, выглядели официальные американские данные об экспорте в Россию. Напомним, что в 1801 г. стоимость американского экспорта в Россию составляла всего 9136 долл., а тридцать лет спустя (1831 г.) возросла до 462 766 долл. Даже склонный к преувеличению А. Кросби расценивал развитие русско-американской торговли после войны 1812 г. довольно скептически и отмечал, что спрос в России на американские товары оставался на низком уровне⁵.

Одним из важнейших выводов настоящего исследования является решительный пересмотр традиционных представлений об объеме американского экспорта в Россию. Как показывают материалы русской статистики, с начала 1830-х годов в Россию привозилось гораздо больше американских товаров, чем русских товаров доставлялось в США. Лишь на имя Дж. Д. Льюиса в 1832 г. было привезено товаров на 10 369 636 руб., что во много раз превышало официальные статистические данные об экспорте США в Россию. Общий же объем американского экспорта в Россию в начале 1830-х годов составлял 20—25 млн. руб. (или примерно 4—5 млн. долл.). По своему характеру торговля США с Россией, как уже подробно говорилось в соответствующей главе, была *треугольной* и на американских кораблях в С.-Петербург доставлялись не только товары самих Соединенных Штатов, но в первую очередь и главным образом произведения стран Латинской Америки (кубинский сахар, бразильский кофе и т. д.). В результате реальная роль США в поставках колониальных товаров в

⁴ A. W. Crosby, Jr. *America, Russia, Hemp, and Napoleon*. Ohio State University Press, 1965, p. 18. С 1839 по 1843 г. на производство канатов пошло более 5 млн. фунтов русской пеньки, около 400 тыс. фунтов манильской и только 66 тыс. фунтов американской (*J. F. Hopkins. A History of the Hemp Industry in Kentucky*. Lexington, 1951, p. 216—217; *J. R. Thompson. Introduction of the Use of American Waterrotted Hemp for our Naval and Commercial Marine*. Washington, 1859).

⁵ A. W. Crosby, Jr. *Op. cit.*, p. 272.

Россию была гораздо более значительной, чем это находило отражение в официальной американской статистике, а в среднем в 1827—1839 гг. из Америки в Россию доставлялось товаров на 20 447 тыс. руб., в том числе сахара 912,2 тыс. пудов (на 16695,7 тыс. руб.), кофе — 36,3 тыс. пудов (1174,2 тыс. руб.), красильного дерева — на 117,49 тыс. руб. и т. д.

Общее значение и объем торговых связей между Россией и США не следует, конечно, слишком преувеличивать. В конце первой трети XIX в. на долю Соединенных Штатов приходилось лишь около 5% русского экспорта. Значительно большим в 30-е годы XIX в. стал импорт товаров из Америки. Так, в 1831 г. из Америки было привезено товаров на 22 102 166 руб., а весь русский импорт составлял 155 049 655 руб. Только из Англии было привезено товаров на значительно большую сумму, а все другие страны, включая «ганзиатические города», Францию и Турцию, уступали предприимчивым американцам, доставлявшим в Россию не только собственные товары, но и произведения своих южных соседей⁶.

В ходе исследования пересмотрены или существенно уточнены и некоторые другие традиционные представления как по частным, так и принципиальным вопросам истории отношений между Россией и США. Так, со времени опубликования известной монографии С. Б. Окуня (1939 г.) в исторической литературе утвердилось мнение, что Российско-американская компания была всего лишь удобной ширмой для проведения экспансионистской политики царизма, что ее практическая деятельность осуществлялась под строгим контролем правительства, была тождественна или во всяком случае очень близка официальной линии императорского кабинета⁷.

В самом общем плане это действительно было так, но, повторяем, только в самом общем плане. По многим конкретным вопросам и даже проблемам принци-

⁶ Приводимые выше данные заимствованы в основном из официальных статистических сборников: «Государственная внешняя торговля» за соответствующие годы, а также «Материалы к пересмотру русско-американского торгового договора», вып. 2. СПб., 1912, стр. 2, 6, 8.

⁷ См.: С. Б. Окунь. Российско-американская компания. М.—Л., 1939, стр. 26, 39, 49—50, 90—94, 145, 257—258.

ального характера между руководством компании и царским правительством не только не было единства, но даже возникали открытые и серьезные противоречия. Одним из выводов настоящей работы является, в частности, установление и детальный анализ различий в позиции царского правительства и руководства компании в отношении общей политики на Северо-Западе Америки, гавайской авантюры доктора Шеффера, торговли с «бостонскими корабельщиками», территориального разграничения с США и Англией и т. д. Торговые интересы и практическая деятельность русских колонистов в Америке все чаще вступали в противоречие с политикой царского правительства в С.-Петербурге. Если члены царского правительства не стремились к активной экспансии на Северо-Западе Америки и к какому-либо серьезному нарушению статус-кво, то главное правление компании при удобном случае было не прочь расширить свои владения, воспользоваться выгодами, которые открывались в связи с основанием селения Росс в Калифорнии, установить постоянные торговые связи с Мексикой, Гавайскими островами, Гаити и т. д. Компания настойчиво добивалась сохранения своих монопольных прав на Тихоокеанском Севере и стремилась оградить свои владения от проникновения иностранных конкурентов. С особой силой эти разногласия проявились в период заключения конвенций 1824—1825 гг., когда Российско-американская компания вступила в открытый конфликт с ведомством иностранных дел, о чем подробно говорилось в соответствующих разделах настоящей работы.

Значительное внимание в ходе изложения уделялось испаноамериканскому вопросу, который в период войны Латинской Америки за независимость занимал в отношениях между Россией и США важное, а иногда даже центральное место. Несмотря на реакционную систему легитимизма, которая все эти годы лежала в основе внешней политики России, на практике царское правительство не могло не учитывать реальное развитие событий в Испанской Америке и не проявляло прямой заинтересованности в организации вооруженной интервенции Священного союза против восставших колоний. Правда, еще в 1817—1818 гг. царское правительство удовлетворило просьбу Фердинанда VII и согласилось

продать Испании русские военные корабли, но при этом оно попыталось по возможности придать соглашению характер частной «торговой сделки» и избежать каких-либо обязательств в отношении подавления восстания в Испанской Америке. Это выразилось, в частности, в отказе Александра I ратифицировать заключенную русским посланником в Мадриде Д. П. Татищевым 30 июля (11 августа) 1817 г. «секретную конвенцию» и замене ее задним числом «актом о продаже». Разъясняя Фердинанду VII позицию Священного союза, Александр I писал в декабре 1818 г., что все разногласия держав в отношении «коллективного вмешательства» могут быть сведены к «одной-единственной трудности» — оппозиции «принципу военного сотрудничества». В конечном итоге царское правительство было вынуждено признать успех революционного движения в Латинской Америке и даже решило в 1825—1826 гг. посоветовать Испании примириться с отделением ее американских колоний, приняв мирные предложения правительства Колумбии. Русское правительство действовало при этом в тесном контакте с Вашингтоном⁸.

Особенностью настоящей работы является изучение не только официальных дипломатических контактов, но также научных, общественно-политических и литературных связей. Учитывая возрастающее значение международного научного сотрудничества, уместно напомнить о речи вице-президента Американского философского общества д-ра Томаса Бонда, произнесенной 21 мая 1782 г. Д-р Бонд дал исключительно высокую оценку достижениям русской науки. Он сказал: «Если мы обратимся к странам древнего и нового мира, то обнаружим, что наиболее значительной чертой в их характере, чертой, которая обеспечила им признание за рубежом, была их любовь литературы, искусств и наук. Россия, которая еще несколько лет назад была почти неизвестна в Европе, поднялась к светлому величию подобно утреннему солнцу. Она занялась поисками ученых во всем мире и предоставила все возможное поощрение различным отраслям литературы; есть что-то общее и похожее

⁸ См.: Александр I — Фердинанду VII, 10 (22) декабря 1818 г. — АВПР, ф. Канцелярия, д. 6590, лл. 6—9; К. В. Нессельроде — Ф. П. Мальтицу, 18 (30) сентября 1826 г. — Там же, д. 12226, лл. 7—11.

между Россией и Америкой в том, что касается созданных улучшений и неожиданного величия. Я не могу удержаться от искренней рекомендации Обществу содействовать знакомству с учеными и учреждениями этой выдающейся страны. Наука находится на попечении всеобщей дружбы. Она не знает, что такое вражда и ненависть. Она ни с кем не ведет войну. Она находится со всеми в мире, и путь сотрудничества, который она открывает, открыт для всего человечества»⁹.

Успешное развитие научных и культурных связей между обеими странами привело к избранию в первой половине XIX в. членами Американского философского общества в Филадельфии и Американской академии искусств и наук в Бостоне таких крупных ученых, как В. Я. Струве, М. В. Остроградский, Я. В. Виллие, К. М. Бэр и др. В связи с основанием в 1840 г. в Вашингтоне Национального (с 1846 г. Смитсоновского) института его членами-корреспондентами стали директор Ботанического сада в С.-Петербурге Ф. Б. Фишер, известный мореплаватель и ученый адмирал Ф. П. Литке, географ П. А. Чихачев и многие другие. Изучение американской печати первой половины XIX в. показало также значительную осведомленность общественности Соединенных Штатов о состоянии русской литературы и произведениях многих видных писателей XVIII—начала XIX в. (М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, И. А. Крылов и многие другие). Гораздо меньше, к сожалению, было известно о творчестве А. С. Пушкина, хотя в 40-е годы в Америке появились первые переводы произведений великого поэта.

В России американская тематика получила более или менее систематическое освещение на страницах «Сына отечества», «Исторического журнала», «Вестника Европы» и некоторых других периодических изданий. Активным пропагандистом творчества В. Ирвинга и Ф. Купера в 20—30-е годы XIX в. выступал «Москов-

⁹ Anniversary Oration, Delivered May 21st, before the American Philosophical Society, Held in Philadelphia, for the Promotion of Useful Knowledge, for the Year 1782. By Doctor Thomas Bond, Vice-President of that Society. Philadelphia: Printed by John Dunlap (1782), p. 31—32.

ский телеграф» Н. А. Полевого. Совершенно особое место американские сюжеты еще ранее заняли на страницах «Духа журналов». Без преувеличения можно сказать, что никогда ранее ни в одном русском издании не публиковались столь обширные и содержательные материалы о различных сторонах жизни в Соединенных Штатах, их государственном устройстве (включая изложение конституции), экономическом развитии и т. д. Именно эти материалы, и в частности вступительные замечания к «Государственному календарю Американских Соединенных Штатов», послужили поводом для закрытия журнала царскими властями в 1820 г.

Изучение многочисленных американских публикаций «Духа журналов» в 1815—1820 гг. позволило пересмотреть и общую оценку этого важного периодического органа, который впервые осмелился открыто поставить ряд самых острых политических проблем — конституционное управление, гражданские права, свобода книгопечатания и т. п. И хотя на страницах журнала появлялись иногда явно неудачные материалы и даже статьи, написанные с консервативных позиций (например, сочинения «русского дворянина Правдина» в защиту барщины и крепостного права), у нас нет сомнений в том, что в целом это был один из лучших политических журналов своего времени, который на протяжении своего недолгого существования вел неравный бой с царскими властями.

Специальное внимание в монографии уделено и анализу отношения к Америке со стороны декабристов, их знакомству с законодательными актами молодой республики и трудами американских просветителей, а также практической деятельности участников декабристского движения (К. Ф. Рылеев, Д. И. Завалишин и др.) в Российско-американской компании, их взглядам на будущее Русской Америки и развитие связей с Соединенными Штатами. Неизвестные ранее архивные документы, а также материалы американской печати использовались при анализе откликов в США на восстание 14(26) декабря 1825 г. на Сенатской площади в С.-Петербурге. Трудно поверить, что выдающийся американский политический и общественный деятель Г. Клей мог поставить на донесении о суде и приговоре участникам декабрьского движения сухую и небрежную резолю-

цию — «мелкая новость»¹⁰. Приходится, однако, констатировать, что первоначально восстание декабристов не нашло сочувствия и понимания в Соединенных Штатах, а газеты ограничились краткими и малосодержательными сообщениями, выдержанными в духе официальной версии царского правительства.

Усиление реакции в России после подавления восстания декабристов нашло выражение в опубликовании 10(22) июня 1826 г. нового так называемого «чугунного устава» о цензуре и учреждении 3(15) июля того же года III отделения «собственной е. и. в-ва канцелярии», во главе которого был поставлен шеф жандармов А. Х. Бенкендорф¹¹. Учрежденный весной 1828 г. «комитет цензуры иностранной» с особым рвением следил за всеми поступающими из-за границы книгами. Цензоры не должны были пропускать любое сочинение, в котором развивались идеи, враждебные политическому и социальному строю царской России, православной церкви и религии вообще. По каждой иностранной книге готовилось специальное заключение со ссылкой на соответствующие параграфы устава о цензуре, а затем составлялись списки изданий, «запрещенных комитетом цензуры полностью или частично»¹².

В качестве примера можно привести выписку из «журнала комитета цензуры иностранной от 5-го января 1829 года», где вторым пунктом значился немецкий перевод книги А. Эверетта о политическом положении стран Америки¹³. По словам цензора, автор книги выступал защитником демократического правления и осуждал всякое другое. «Он с восторгом восхваляет конституцию и постановления Соединенных Штатов, сильно восстает против всякого другого рода правления, в особенности же против монархических, неограниченных государств Европы, меж коими означил и Россию, которой сия часть света должна наиболее страшиться по неограниченной и теперь уже ее власти над всеми другими государствами, даже самыми сильнейшими». Далее указывалось, что цензор нашел «сочинение сие наполнен-

¹⁰ См.: Э. Вейер — Г. Клею, 13 (25) июля 1826 г. — NA, RG 59, Letters from the Beares of Despatches.

¹¹ ПСЗРИ (собр. второе), т. I, № 403, 449.

¹² ЦГИА, ф. 772, оп. 1, д. 82, 92, 147 и др.

¹³ ЦГИА, ф. 772, оп. 1, д. 92, лл. 2—3.

ным политическими до излишества либеральными правилами и некоторыми неблагоприятными отзывами об императоре Александре и потому на основании § 3 устава о цензуре подлежащим запрещению». Как обычно в таких случаях, «комитет цензуры иностранной» согласился с представленным заключением и «положил на основании § 3 пункта 1-го и § 9 устава о цензуре сочинение сие запретить»¹⁴.

Неугодную книгу можно было, конечно, запретить, а при особом желании даже уничтожить, но помешать распространению «крамольных» идей было не так-то просто. Передовые представители русского общества продолжали живо интересоваться революционными событиями в Западной Европе, а в ряде случаев были неплохо осведомлены и о положении в Америке. Об интересе к событиям в Америке и симпатиях к республиканскому строю Соединенных Штатов свидетельствует, в частности, встреча американского путешественника Дж. Л. Стефенса с молодым русским офицером в Киеве. Этот офицер, по отзыву Стефенса, «давно уже смотрел на Америку и ее республиканское правительство, как на воплощение идеальной системы». Особенно же поразила американского путешественника совершенно исключительная осведомленность его «нового друга» во всем, что касалось Соединенных Штатов. «Он знал имена, характеристики и свободно говорил о всех наших виднейших деятелях со времен Вашингтона до сегодняшнего дня, прочитал все наши основные книги и был гораздо лучше меня осведомлен о сочинениях Франклина, Ирвинга и др. Короче говоря, он сказал мне, что прочитал каждую американскую книгу, брошюру или газету, которые могли попасть в его руки, и его знания были столь конкретными в деталях, что он упоминал Чеснут-стрит как одну из главных улиц Филадельфии»¹⁵. Молодой офицер, с которым Стефенс подружился в Киеве, вряд ли был типичным представителем царской армии в эпоху николаевской реакции, но его удивительная осведомленность обо всем, что касалось Соединенных Штатов, свидетельствовала, что цар-

¹⁴ ЦГИА, ф. 772, оп. 1, д. 92, л. 3.

¹⁵ *J. L. Stephens. Incidents of Travel in Greece, Turkey, Russia and Poland.* New York, 1838, Vol. II, p. 28—29.

ской цензуре и ведомству Бенкендорфа так и не удалось изолировать русское общество от влияния либеральных идей.

Острейшие классовые противоречия русской действительности, жесточайший крепостнический гнет, сочетавшийся с новыми буржуазными формами эксплуатации, создавали объективную основу для распространения в стране революционных идей. Осуждая американское рабство, передовые представители русского общества имели в виду также и крепостное право. Восхищаясь Вашингтоном и Франклином, обсуждая преимущества и недостатки государственного строя США, они думали о преобразованиях в своей собственной стране. С другой стороны, можно отметить, что существование плантационного рабства в Соединенных Штатах и крепостного права в России в первой половине XIX в. в известной мере облегчало сближение между правящими кругами обеих стран. Вспомним, например, что в 1822 г. царское правительство решило спор о толковании ст. I Гентского договора в пользу американских плантаторов, а в 1825—1826 гг. с пониманием отнеслось к аргументам Соединенных Штатов в отношении сохранения существующего строя на Кубе и в Пуэрто-Рико. Не случайно, по всей видимости, почти все американские посланники в С.-Петербурге были в то время представителями Юга — У. Пинкни, Дж. Кэмпбелл, Г. Миддлтон, Дж. Рэндолф, Дж. Бьюкенен, Дж. Р. Клей и т. д.

В целом опыт изучения русско-американских отношений показывает необходимость комплексного и многостороннего подхода. Отношения между Россией и США — это не только дипломатические контакты, официальные переговоры, обмен нотами, заключение договоров и конвенций, но и история торговых, общественно-политических, научных и культурных связей между русским и американским народами. Это — история Русской Америки, включая селение Росс в Калифорнии, история деловых контактов русских промышленников и «бостонских корабельников» у берегов Северной Америки, Гавайских островов и всем Тихоокеанском Севере. Такой подход значительно расширяет и усложняет задачу исследователя, но в конечном итоге позволяет дать более полное и правильное представление о развитии русско-американских отношений в прошлом, а, быть может, также выявить некоторые уроки и перспективы для будущего.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ О РУССКО-АМЕРИКАНСКОЙ ТОРГОВЛЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ТОРГОВЛЯ США С РОССИЕЙ (В ДОЛЛ.)¹

Год	Импорт	Экспорт		
		товары американского производства	товары иностранного производства	в целом
1815	Нет данных	248 047	326 502	574 549
1816	»	181 101	525 783	706 884
1817	»	134 557	505 636	640 193
1818	»	87 138	353 881	441 019
1819	»	143 752	485 869	629 621
1820	»	159 951	1 222 470	1 382 331
1821	1 852 199	127 939	500 955	628 494
1822	3 307 328	177 261	351 820	529 081
1823	2 258 777	51 635	597 099	648 734
1824	2 209 663	92 766	139 215	231 981
1825	2 067 110	55 191	232 210	287 401
1826	2 617 169	11 044	163 604	174 648
1827	2 086 077	45 510	336 734	382 244
1828	2 788 362	108 922	341 573	450 495
1829	2 218 995	51 684	334 542	386 226
1830	1 621 899	35 461	381 114	416 575
1831	1 608 328	114 852	347 914	462 766
1832	3 251 852	121 114	461 568	582 682
1833	2 772 550	223 734	480 071	703 805

¹ T. Pitkin. A Statistical View of the Commerce of the United States of America... New Haven, 1835, p. 231.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ОБЪЕМ ВАЖНЕЙШИХ СТАТЕЙ ЭКСПОРТА США В РОССИЮ (В ФУНТАХ)¹

Год	Хлопок	Сахар-сырец	Сахар-рафинад или песок	Кофе
1815	676 516	140 653	151 901	303 490
1816	92 344	654 838	161 815	795 636
1817		Д а н н ы х		
1818	»	»	»	»
1819	»	»	»	»
1820	»	»	»	»
1821	304 680	1 380 011	1 468 570	257 946
1822	713 789	190 429	417 714	796 435
1823	309 678	563 918	387 558	1 040 702
1824	501 645	151 825	143 197	222 921
1825	133 934	313 881	412 334	76 137
1826	15 262	353 903	748 945	44 528
1827	147 101	204 732	519 177	572 076
1828	649 791	293 364	120 435	872 404
1829	227 883	623 238	247 950	312 766
1830	108 316	101 618	1 050 954	576 051
1831	761 735*	278 227	2 554 276	143 124
1832	838 951	261 847	709 276	663 100
1833	1 447 405	12 549	3 069 482	607 608

¹ Составлено по: *T. Pitkin. A Statistical View...*, p. 136, 137, 158, 159, 160, 161, 162.* Кроме того, было ввезено 3060 фунтов хлопка «си-айленд» (*T. Pitkin. Op. cit.*, p. 134).

П Р И Л О Ж Е Н И Е 3
ТОННАЖ СУДОВ, УЧАСТВОВАВШИХ В ТОРГОВЛЕ
МЕЖДУ РОССИЕЙ И США ¹

Год	Тоннаж американских судов	
	прибывших в порты США	вышедших из портов США
1821	13 827	4 521
1822	22 761	4 325
1823	15 142	2 771
1824	16 051	2 201
1825	12 310	3 279
1826	17 342	1 386
1827	15 310	3 509
1828	17 840	3 785
1829	16 420	2 943
1830	13 681	3 492
1831	8 931	4 310
1832	21 824	3 146
1833	17 075	6 498

Год	Тоннаж иностранных судов	
	прибывших в порты США	вышедших из портов США
1821	—	—
1822	1 199	—
1823	915	—
1824	343	—
1825	310	—
1826	—	—
1827	360	117
1828	1 023	286
1829	1 015	—
1830	264	264
1831	577	—
1832	1 832	391
1833	1 139	—

¹ Составлено по: *T. Pitkin. A Statistical View...*, p. 266—290.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ЧИСЛО СУДОВ, ЗАНЯТЫХ В РУССКО-АМЕРИКАНСКОЙ ТОРГОВЛЕ ¹

Год	Американские суда					Русские суда		
	пришли			ушли		пришли	ушли	
	всего	из Америки	из «Индии»	из Бразилии	всего	в том числе в Америку	из Америки	в Америку
1815	56(24) *	16	Д а н н ы х н е т		91	67	(1)	—
1816	69(16)	30	»	»	69	65	2	—
1817	54(19)	20	»	»	53	50	—	2
1818	68(23)	11	»	»	61	59	1	—
1819	32(4)	15	»	»	33	33(1)	2	—
1820	70(10)	42	»	»	70	63	1	1
1821	79(14)	41	»	»	80(1)	76(1)	7	1
1823 **	43(10)	26(3)	»	»	43(1)	39(1)	—	—
1824	60(6)	40(2)	»	»	60(1)	53	2	1
1825	81(15)	30	»	»	81	72	1	—
1826	61(10)	28	»	18	61(1)	53	—	—
1827	67(10)	19	20	4	67(1)	48	1	1
1828	70(6)	36	14	3	70	59	1	4
1829	67(3)	12	39	7	67	51	—	1
1830	56(1)	14	36	1	54(2)	18	2	2
1831	62(8)	14	30	—	63	37	—	2
1832	74	17	44	—	74	71	—	2

¹ Составлено по: «Государственная внешняя торговля...» за 1815—1832 гг. СПб. [1816—1833].

* Число судов с балластом указывается в скобках.

** За 1822 г. указанный сборник не выходил.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

ДОСТАВКА ОСНОВНЫХ ТОВАРОВ В С.-ПЕТЕРБУРГ С УЧАСТИЕМ АМЕРИКАНСКИХ СУДОВ¹

Товар	1815 г.	1816 г.	1817 г.	1818 г.	1819 г.	1820 г.	1821 г.
Кофе (пуды)	21 796	74 715	73 958	48 449	79 921	146 957	62 159
Хлопок-сырец (пуды)	17 905	4 159	13 357	24 600	34 136	10 982	23 998
Индиго (пуды)	7 986	21 071	18 927	16 810	13 167	38 011	14 022
Нанка (ткань) (куски)	12 912	20 837	41 400	12 903	12 583	82 371	10 240
Масло прованское и др. (пуды)	8 188	12 445	21 849	70 729	17 798	95 407	110 678
Красильное дерево (пуды)	21 018	22 907	7 170	1 040	20 097	24 156	3 912
Рис (пуды)	44 779	75 684	814	9 139	50 917	35 197	70 360
Сахар всех видов (пуды)	350 916	467 745	624 366	674 720	566 327	1 242 288	1 932 665

¹ HSP, Lewis - Neilson Papers, John D. Lewis, Box 2 (W. D. Lewis, Feb. 9, 1822).

Торговый дом	Число кораблей	1820 г.			Число кораблей	1821 г.		
		импорт	экспорт	всего		импорт	экспорт	всего
Джон Д. Льюис John D. Lewis	25	6 899 181	4 427 365	11 326 546	33	6 342 064	4 823 970	11 166 034
Л. Стиглиц и К° Stiglitz and C°	13	2 542 366	2 097 643	4 640 009	10	2 914 241	2 671 645	5 585 886
Джон Веннинг John Venning	12	3 379 861	2 351 378	5 731 239	8	1 556 994	1 856 803	3 409 797
Томас Райт и К° Thomas Wright and C°	7	2 176 701	1 398 117	3 574 818	10	1 721 633	1 561 318	3 282 951
Братья Крамер Brothers Cramer	6	747 900	1 443 404	2 191 304	10	2 068 309	2 003 235	4 071 544
Мейер, Брюкснер и К° Meyer, Brückner and C°	1	135 700	222 204	357 904	1	172 710	186 560	359 270
Томсон, Бонар и К° Thomson, Bonar and C°	1	—	236 028	236 028	2	229 825	553 363	783 188
Г. А. Ситгоф H. A. Sutthoff	1	—	24 011	24 011	1	—	42 353	42 353
Горнби, Бейли и К° Hornby, Bayley and C°	—	—	—	—	3	943 764	415 378	1 359 142
Аллан Стюарт и К° Allan Stewart and C°	—	—	—	—	1	—	71 204	71 204
Жюселин и Браш Jousselin and Brasch	—	—	—	—	—	184 912	61 173	246 085
У. Грей и К° W. Gray and C°	—	—	—	—	—	41 250	—	41 250
Итого:	66	15 881 709	12 200 150	28 081 859	79	16 175 702	14243 002	30 418 704

¹ John D. Lewis account of business transacted at St. Petersburg..., forwarded by William D. Lewis. У. Д. Льюис — Дж. Эндрюсу, 9 февраля 1822 г. — Essex Institute, Capt. John H. Andrews, Letters and Miscel., Vol. 1; HSP, Lewis — Neilson Papers, John D. Lewis, Box 1,2.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

ОБЪЕМ ТОРГОВЛИ ДЖОНА Д. ЛЬЮИСА (В РУБ.)¹

Год	Привоз	Вывоз	[Итого]
1815	1 070 900	1 828 714,26	2 899 614,26
1816	2 170 597	1 557 122,44	3 727 719,44
1817	2 674 763,63 ^{1/2}	2 538 284,23	5 207 047,86 ^{1/2}
1818	1 449 605	2 572 368,46	4 027 973,46
1819	2 313 781,62 ^{1/2}	1 030 484,6	3 346 265,68 ^{1/2}
1820	8 886 301,66	3 954 149,36	12 838 451,2
1821	5 099 037	4 521 676,13	9 623 713,13
1822 *	2 158 220	2 300 577	4 459 797
1824	6 627 700	5 278 275	11 897 975
1825	3 529 905	7 798 688	11 328 693
1826	4 456 822	4 217 989	8 675 811
1827	4 529 130	4 365 417	8 896 547
1828	7 971 974	3 737 270	11 707 244
1829	7 796 698	2 188 483	9 984 181
1830	4 982 410	1 331 844	6 321 254
1831	4 345 711	4 601 009	8 946 720
1832	10 369 636	2 369 746	12 739 382

¹ Составлено по: «Государственная внешняя торговля...» за 1815–1832 гг.

* За 1822 г. указанный сборник не выходил.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8
ЭКСПОРТ РУССКИХ ТОВАРОВ ИЗ С.-ПЕТЕРБУРГА В США ¹

Товар	Год							
	1815	1816	1817	1818	1819	1820	1821	1822
	число судов							
	59	65	50	60	35	66	79	86
Железо полосовое (пуды)	414 906	427 440	213 017	302 402	148 261	293 522	275 976	441 144
Железо листовое (пуды)	3 735	8 206	1 310	7 645	3 948	2 660	3 901	11 969
Пенька (пуды)								
очищенная (clean)	202 440	189 999	96 423	265 359	133 345	231 126	315 639	513 421
неочищенная (outshot)	99 698	20 476	1 954	27 959	11 019	29 878	41 900	36 317
полуочищенная (1/2 clean)	6 825	12 093	52	6 959	152	—	1 315	5 863
Сало (пуды)	—	82 828	139 350	8 798	7 657	52 684	82 388	18 742
Щетина (пуды)	706	145	1 715	4 122	488	887	1 535	3 340
Полотно (куски)								
парусное	28 381	21 947	31 502	34 817	17 421	28 282	33 617	40 549
фламское	18 612	28 397	39 368	25 937	13 446	40 413	42 952	36 194
равендук	25 638	17 010	17 927	35 183	13 823	18 297	29 848	45 767
Полотно (аршины)								
салфеточное широкое	304 838	74 401	547 353	625 160	114 629	260 301	562 978	1 151 639
» узкое	24 686	18 200	83 490	9 595	43 377	4 413	18 715	3 983
Холст (аршины)	164 597	29 180	198 702	191 707	15 076	99 008	168 021	492 824

¹ Составлено по архивным материалам и прежде всего бумагам Дж. Д. Льюиса — HSP, Lewis — Neilson Papers, John D. Lewis, Box 1—3; Essex Institute, Capt. John H. Andrews, Manuscripts, Vol. II, Letters and Miscel., Vol. I; APS, Girard Papers, etc.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8 (окончание)

Товар	Год							Данные не обнаружены
	1823	1825 *	1826	1827	1828	1829	1830	
	число судов							
	42	76	49	57	66	60		
Железо полосовое (пуды)	256 461	420 869	203 990	310 745	435 638	757 273	417 009	
Железо листовое (пуды)	5 257	14 415	200	12 889	28 530	2 176	1 245	
Пенька (пуды)								
очищенная (clean)	167 670	285 430	139 086	243 948	224 136	60 105	10 880	
неочищенная (outshot)	3 161	50 924	46 670	41 623	54 215	91 837	83 516	
полуочищенная (1/2 clean)	—	—	129	3 129	14 566	1 281	4 433	
Сало (пуды)	—	—	7 481	16 451	52 596	—	—	
Щетина (пуды)	2 705	4 237	3 102	5 652	6 836	2 712	3 087	
Полотно (куски)								
парусное	32 296	42 092	27 065	46 240	43 373	15 523	19 643	
фламское	23 871	91 422	49 590	70 512	68 562	35 647	59 598	
равендук	34 643	61 816	37 410	57 136	35 460	10 776	23 947	
Полотно (аршины)								
салфеточное широкое	755 995	1 534 989	998 329	733 912	1 713 663	1 598 420	1 509 196	
» узкое								
Холст (аршины)	105 326	358 495	165 368	194 198	157 295	339 361	423 293	

* За 1824 г. сведений не обнаружено.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9
ОБЪЕМ И СТОИМОСТЬ ОСНОВНЫХ СТАТЕЙ АМЕРИКАНСКОГО ИМПОРТА В РОССИЮ 1

Товар	1827 г.	1828 г.	1829 г.	1830 г.	1831 г.	1832 г.
Кофе (пуды)	22 087	34 781	24 866	48 521	44 234	59 346
» (руб.)	927 654	1 455 743	899 761	1 942 974	1 176 438	1 480 575
Хлопчатая бумага (пуды)	4 275	15 930	8 343	5 095	23 077	28 544
» » (руб.)	116 622	407 795	191 193	104 538	525 363	623 575
Краски						
индиго (пуды)	2 214	3 022	2 313	708	1 725	2 011
» (руб.)	885 600	997 448	1 026 025	159 300	353 385	382 090
кошениль (пуды)	179	621	—	91	—	—
» (руб.)	122 052	325 913	—	38 675	—	—
креп и морена (пуды)	119	—	—	—	390	45 340
» » (руб.)	3 600	—	—	—	10 530	136 020
сандал и красильное дерево (пуды)	75 465	81 105	50 722	65 191	63 047	—
то же (руб.)	449 007	418 550	279 500	281 750	313 118	—
разные (руб.)	151 900	244 475	192 400	230 250	388 875	—
Сахарный песок (пуды)	240 930	201 483	269 268	893 521	1 101 133	985 703
» » (руб.)	6 825 142	5 570 193	7 166 404	22 241 785	18 669 305	14 811 057
Табак (пуды)	данных нет	689	546	165	116	509
» (руб.)		37 200	42 750	66 563	39 200	131 707
Всего	9 960 184	10 168 198	10 361 492	25 306 141	22 102 166	20 494 317

1 Составлено по: «Государственная внешняя торговля...» 1827—1832 гг. СПб. (1828—1833) (из таблиц).

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

ОБЪЕМ И СТОИМОСТЬ ОСНОВНЫХ СТАТЕЙ РУССКОГО ЭКСПОРТА В АМЕРИКУ 1

Товар	1827 г.	1828 г.	1829 г.	1830 г.	1831 г.	1832 г.
Лен (пуды)	14 787	26 643	16 394	1 444	5 875	12 930
» (руб.)	147 574	239 786	163 937	15 884	64 625	154 524
Пенька (пуды)	246 734	303 457	137 406	48 275	177 554	189 676
» (руб.)	2 361 244	2 731 110	1 236 654	386 200	1 333 215	1 327 732
Железо (пуды)	225 633	510 233	686 286	251 667	335 155	401 621
» (руб.)	1 177 804	2 596 439	3 802 576	1 334 328	1 344 978	1 685 602
Веревки и канаты (пуды)		85 383	54 059	8 710	24 049	42 669
» » (руб.)	нет данных	848 768	526 316	76 926	199 313	372 903
Парусное полотно (куски)	39 866	39 112	14 960	13 519	29 859	27 185
» » (руб.)	2 803 342	2 339 370	816 425	578 133	1 437 860	1 222 411
Фламское полотно (куски)	57 033	49 953	19 562	24 884	21 047	36 429
» » (руб.)	2 052 763	1 748 075	635 460	750 300	443 278	1 131 028
Равендук (куски)	47 651	28 431	9 307	14 331	49 080	24 961
» (руб.)	1 225 500	597 052	203 576	288 378	1 497 591	524 291
Щетина (пуды)	4 956	4 680	1 551	669	3 122	
» (руб.)	385 477	327 262	76 252	32 020	145 246	
Общая сумма экспорта *	11 330 592	13 668 722	8 775 360	4 657 742	9 285 684	8 585 696

Составлено по: «Государственная внешняя торговля...» за 1827—1832 гг. СПб. (1828—1833).

* В общую стоимость русского экспорта входит стоимость и других статей — воска, сала, меди и прочих товаров.

ИСТОЧНИКИ И ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА *

- К. Маркс.* Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 9.
- К. Маркс.* Восточный вопрос. Революция в Испании. Мадридская печать.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 10.
- К. Маркс.* Революционная Испания.— Там же.
- К. Маркс.* Революция в Испании.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 12.
- К. Маркс.* «Господин Фогт».— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 14.
- К. Маркс.* Американский вопрос в Англии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 15.
- К. Маркс.* Гражданская война в Северной Америке.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 15.
- К. Маркс.* Гражданская война в Соединенных Штатах.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 15.
- К. Маркс.* Общественное мнение Англии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 15.
- К. Маркс.* Интервенция в Мексике.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 15.
- К. Маркс.* Капитал, т. 1.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23.
- К. Маркс и Ф. Энгельс.* Новый «Священный союз».— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 6.
- К. Маркс и Ф. Энгельс.* Аякучо.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 14.
- Ф. Энгельс.* Положение в Германии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 2.
- Ф. Энгельс.* Внешняя политика русского царизма.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 22.
- В. И. Ленин.* Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3.
- В. И. Ленин.* Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск 1. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки.— Полн. собр. соч., т. 21.
- В. И. Ленин.* Памяти Герцена.— Полн. собр. соч., т. 21.
- В. И. Ленин.* Письмо к американским рабочим.— Полн. собр. соч., т. 37.

* В настоящий список не включены издания, упомянутые в библиографии в кн. «Становление русско-американских отношений 1775—1815». М., 1966, стр. 601—625.

1. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив внешней политики России (АВПР). Москва

- Переписка МИД России с посланниками в Вашингтоне за 1815—1833 гг., ф. Канцелярия, оп. 468, д. 12174—12245; оп. 469, 1830 г., д. 293—295, 307—310; 1831 г., д. 87, 278; 1832 г., д. 59, 74, 75, 280, 281; 1833 г., д. 56, 62, 213; миссия США в С.-Петербурге, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 3349—3358, 3091, 3092, 3105, 3106, 3131, 3132, 3152, 3156, 3172, 3173, 3180, 3181, 3201, 3202, 3219, 3220, 3232, 3233, 3245, 3246; консульство в Филадельфии, ф. Канцелярия, д. 9245—9250. Материалы русской дипломатической миссии в Соединенных Штатах за 1815—1833 гг., ф. Пос-во в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 9—35; оп. 512/2, д. 6—22.
- Целиком или выборочно просматривалась переписка с основными европейскими столицами — Мадридом, Лондоном, Парижем, Веной, Берлином.
- Мадрид, ф. Канцелярия, д. 6536, 6590, 7548—7562, 7583, 7590, 6991, 7593, 7594, 7595;
- Лондон, ф. Канцелярия, д. 6921, 6931, 6941, 6942, 6955, 6956, 6948, 6958, 6959, 6975;
- Париж, ф. Канцелярия, д. 9124, 9128—9130, 9137, 9138, 9139, 9140, 9141, 9143, 9147, 9148, 9152, 9153;
- Берлин, ф. Канцелярия, д. 784, 787 и т. д.
- ф. Собрание документальных материалов по истории Российско-американской компании и русских владений в Северной Америке (ф. РАК), оп. 888, д. 224, 232, 236, 237, 245, 246, 248, 258, 262, 274, 275, 281, 283, 284, 285, 288, 289, 290, 291, 292, 295, 296, 301, 304, 308, 310, 314, 318, 320, 321, 323, 326, 327, 329, 331, 334, 337, 339, 340, 341, 344, 346, 349, 350, 351. Микрофильмы, д. 963—965, 988—990.
- ф. СПб., Гл. арх. 1—10, 1817—1819, д. I (Гавайские острова), Гл. арх. IV—5, 1812,—оп. 123, д. 4 (П. Добелл), ф. Канцелярия, д. 13378, 2804.

Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА). Ленинград

- ф. 1263, оп. 1. Журналы заседаний комитета министров (с 1815 по 1835 выборочно); ф. 1409 (собственная е. и. в-ва канцелярия) оп. 1, д. 2911; ф. 796, оп. 100, д. 692, оп. 102, д. 1068; ф. 994, оп. 2 (Мордвиовы), д. 831, 832, 833, 834, 835, 838, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 848, 849, 850, 851, 853, 854, 856, 857, 858; 859, 864, 866, 934, 803, 672; ф. 733 (деп. нар. просвещения), оп. 86, д. 482; ф. 777 (СПб. цензурный комитет), оп. 1, д. 176, 181, 200, 221, 226, 233, 328, 340, 443, 457, 458, 484; ф. 772 (главное управление цензуры), оп. 1, ч. 1, д. 82, 92, 121, 147, 179, 297, 306, 329, 337, 386, 517; ф. 18, оп. 5, д. 67 (донесения П. И. Полетики); ф. 560, оп. 8, д. 150, 259, оп. 5, д. 317; ф. 1152, д. 23; ф. 37, оп. 18, д. 31, оп. 2, д. 126; ф. 1018, оп. 5, д. 173; ф. 1282, оп. 2, д. 2099; ф. 1643, оп. 1, д. 60; ф. 18, оп. 5, д. 1209, 1231, 1239, 1315 (Гавайские о-ва).

Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (ЦГАВМФ). Ленинград

Материалы об указе 1821 г., плаваниях русских кораблей к Северо-Западу Америки и т. д.

ф. 410, оп. 2, д. 980; ф. 166, оп. 1, д. 649, 650, 660, 665, 666, 673, 683, 694; ф. 930, оп. 2, д. 6; ф. 283, оп. 1, д. 469, 1519; 3736, 5502; ф. 402, оп. 1, д. 652; ф. 243, оп. 1, д. 3736; ф. 283, оп. 2, д. 5502; ф. 410, оп. 1, д. 683, 1119; ф. 930, оп. 2, д. 6.

Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Москва

Госархив. Разряд XV, Дипломатический отдел, д. 279 (микрофильм, 4 катушки), 333, 372, 667 и др. Газеты. Инвентарная книга, д. 770—775 и др.

Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР). Москва

Материалы о пребывании А. Я. Дашкова в США, ф. 907 (А. Я. Дашков).

Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (ЛО Архива АН СССР)

Документы о связях Петербургской Академии наук с американскими учеными ф. 89, оп. 2, д. 43, оп. 1, д. 180; ф. 32, оп. 2, д. 110; ф. 1, оп. 2—1839, № 19, § 344, ф. 1, оп. 2—1839, № 18, § 326, ф. 1, оп. 1, № 33, 9 окт. 1822, § 323; Р. II, оп. I, д. 275 (Историческое и статистическое обозрение российских владений в северо-западной Америке К. Хлебникова); Р. IV, оп. 1, д. 1012 (материалы Шеффера, собранные А. В. Фрейгангом) и т. д.

Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ ОР). Москва

Российско-американская компания. Переписка Баранова с Кусковым, ф. 204, картон 32. Библиографические заметки С. Д. Полторацкого, д. 54, 67 и др.

Архив Географического общества СССР (АГО). Ленинград

Путевые записки и дневники К. Т. Хлебникова, документы РАК, ф. 99, оп. 1, д. 8, 18, 22, 23, 25, 28, 29, 34, 47, 123, 143 и др.

Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ). Ленинград

ф. 679 (Свиньин П. П.), ф. Сухтелена. Коллекция автографов, кн. 102; ф. 762 (Татищев).

National Archives (NA). Washington, D. C.

Department of State. Record Group (RG) 59.

Diplomatic Instructions of the Department of State, All Countries 1801—1906 (DI, AC). Microcopy (M)-77, roll (r) 2—8, Vls 7—13 (1815 — Mar. 8, 1833); Diplomatic Instructions of the Department

- of State, Russia, r. 136, vol. 14 (Jan. 2, 1833 — Dec. 27, 1864). Special Missions, r. 152 (Dec. 15, 1823 — Nov. 13, 1852).
- Despatches from United States Ministers to Russia, 1808—1906. (DD, Russia), M-35, r. 5—13 (Feb. 1814 — July 29, 1839); Despatches from United States Consuls in St. Petersburg, 1803—1906 (CD, St. Petersburg), M-81, r. 2—3, Vls 2—4 (June 13, 1810 — Dec. 6, 1838); Despatches from United States Consuls in Archangel, 1811—1861, M-481 (Aug. 29, 1811 — January 2, 1861); Despatches from United States Consuls in Odessa, 1831—1906, M-459, r. 1, Vls 1—2 (May 30, 1831 — Jan. 12, 1858); Despatches from United States Consuls in Riga, 1834—72, 1890—1906, M-485, r. 1 (June 4, 1811 — Aug. 27, 1872); Notes from Russian Legation in the United States to the Department of State, 1809—1909, M-39, r. 1—2; Notes to Foreign Ministers and Consuls in the United States from the Department of State, 1793—1834, M-38, r. 2—5; Communications Received by the Department of State from Special Agents of the Department of State, 1793—1839, M-37, r. 4, 6, 9; Miscellaneous Letters of the Department of State, 1789—1829, M-179, r. 56—59, 64; Records of the Russian-American Company, 1802—1867 (RRAC), M-11; Letters sent by the Governors General, r. 1—4, Letters received by the Governors General, r. 26—29; Journal of Capt. James Biddle, Commanding the Ontario, 1817—19, T—22. 1 r.
- L. Harris. Official Correspondence in Russia, Vol. A (1804—1816), exp. Vol. B (1804—1816), rec. L. Harris, 4 Vls (1815—1816); Record Group (RG) 84, American Legation, St. Petersburg, Various Documents Received, 1815—1860, Vls 4325—4346; Russia, Miscellaneous Sent, Vls. 4479—4483 etc.; Register of the Letters Received, Vls I—VII (1817—1832).

Library of Congress (LC), Manuscript Division. Washington, D. C.

John Randolph Papers, Diary and letterbook of John Randolph Clay, 1830—1831.

Andrew Jackson Papers, Van Buren Papers, Henry Clay Papers, James A. Bayard Papers. Russian Collections. G. V. Yudin. Russian-American Company Papers, 1786—1830, 3 boxes.

Smithsonian Institution Archives (SIA). Washington. D. C.

National Institution, Miscellaneous, 99, 100, 104, 115, 116, 121 etc. Letters to National Institution, Vls III, IV.

Massachusetts Historical Society (MHS). Boston

The Adams Papers. Материалы Джона Куинси Адамса за 1815—1829 гг. (I Diaries, II Letterbooks, III Miscellany, IV Letters Received and Other Loose Papers). Microfilms, r. 37—40 (Diary, 1823—1830), r. 51 (Diary and miscellaneous entries, 19 Aug. 1823—31 Dec. 1826) r. 462—490 (Letters Received and Other Loose Papers, July 1823 — March, 1829).

Harvard University, Houghton Library (HL). Cambridge

Jared Sparks Papers. «Wallenstein's Manuscripts». Переписка между Спарксом и Валенштейном за 1824—1842 гг.

William E. Nagengast. *Russia through American Eyes, 1781—1863* (1954).

Boston Athenaeum. Boston

American Academy of Arts and Sciences. Records, vol. I, II; Cathalogue; American Academy. Letters, Vols III—VI.

The Historical Society of Pennsylvania (HSP). Philadelphia

Lewis — Neilson Papers, William D. Lewis, Literary Section (2 boxes), Russian notebooks 1815—1818. W. D. Lewis' Letters 1810—1828, W. D. Lewis. Miscellaneous Letters and Documents. Autobiography of W. D. Lewis; Harris vs Lewis. Trial Papers. W. D. Lewis. Letterbooks 1818—1820, 1824—1826.

John D. Lewis Papers, box 1 (1810—1821), box 2 (1824—1828), box 3 (1829—1841).

James Buchanan Papers. Buchanan Letters and Drafts, 1831—1834; Correspondence, 1828—1832 (box 45), 1833—1834 (box 46). Cadwalader Collection, J. Francis Fisher Section. Mrs. H. Middleton (box 5), Miss Middleton (box 4), Maria Middleton (box 8) etc. George M. Dallas Correspondence 1811—1869. Dallas Family Letters, 1837—1839.

The American Philosophical Society (APS). Philadelphia

Материалы об избрании русских членов и переписка с учеными и научными учреждениями в России F. Adelung, N. Fuss, G. Fischer, G. T. Tilesus, J. Wylie, P. Poletica, I. Krusenstern, N. Rumiantzov, J. Laval, H. Struve, J. Wallenstein, I. Bujalsky, E. Kankrin, A. Kupffer, A. Fischer, V. Sakharov, P. Strelkovsky, Ch. Dvorjak, V. Struve, P. Goetze, Colonel Jackson, H. Middleton, L. Harris, J. Buchanan, F. Maltitz. Société impériale des naturalistes des Moscou, St. Petersburg, Academie impériale des sciences, St. Petersburg Corps des ingénieurs des mines etc. APS, Hist. and Liter. Committee, Minutes. Stephen Girard Papers, Correspondence 1769—1831.

New York Public Library (NYPL), Manuscript Division. New York

James Monroe Papers; Joseph Gardner Swift Collection (papers of G. W. Whistler).

New York Historical Society (NYHS). New York

Albert Gallatin Papers, Rufus King Papers (отдельные письма J. Q. Adams, L. Bradish, N. Brown, J. Brown etc.).

Essex Institute, Salem. Massachusetts

Материалы о плаваниях американских судов в русские порты (С.-Петербург, Архангельск).

Capt. John H. Andrews. Letters and Miscel., 1719—1822, Vol. I; Manuscripts, Vol. II; Letters, 1826; Letters, 1827—1828 etc.

Peabody Museum, Salem, Massachusetts

Материалы о плаваниях американских судов в С.-Петербурге. N. Bridge and Company. Bates, box 2A; Bates and Company, box 38 (U. S. Havana-Russian Trade), box 42; Comet (brig), Journal of Moses Bond, 23 Apr. 1816 to Dec. 1818; Washington (brig), Log of voyage from Salem to Alexandria, the Carribean and St. Petersburg from 11 Jan. 1830 to 4 Nov. 1830; Leopard (bark), Log of voyage from Boston to St. Petersburg and return from 27 Apr. 1821 to 11 Oct. 1821 and many others.

University of California, Bancroft Library (BL). Berkeley

A. L. Pinart. Les Russes aux îles Hawaii (1809—1822) — копия русских документов об авантюре д-ра Шеффера на Гавайях, снятые А. Пинаром в 1874 г.

Innokentii, Metropolitan of Moscow.

Путевой журнал И. Вениаминова о путешествии в Калифорнию 1836. Rossiisko-amerikanskaia kompaniia. Опись делам Российско-американской компании с 1781 по 1825 г. и т. д.

Russian America, Ross colony, List of transactions of the Russian American Company from 1801—1825 etc.

Stanford University, Hoover Institution on War, Revolution and Peace

Frank Golder Collection, box IV, XVI, XX.

II. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Публикации официальных документов, дипломатическая переписка, протоколы и пр.

Восстание декабристов. Материалы. Документы. Следственные дела, т. I—XII. М., 1925—1969.

Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими, от заключения всеобщего мира в 1814 до конгресса в Вероне в 1822 году. Часть первая. Акты публичные, т. I—II. СПб., 1823—1825.

Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814—1820). Под наблюдением А. А. Половцева.— Сб. РИО, т. 112, 119, 127. СПб., 1901—1908.

К истории русской цензуры (1814—1820 гг.). Сообщил Н. Д[убровин].— «Русская старина», декабрь 1900, № 12.

Окунь С. Б. Царская Россия и Гавайские острова.— «Красный архив», т. 5 (78), 1936.

Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII в.— 60-е годы XIX в.). Документы и материалы. А. А. Губер (отв. ред.) и др. М., 1962.

Русские дипломаты о войне за независимость в Латинской Америке.— «ННИ», 1966, № 1, 5.

Сборник торговых договоров, заключенных Россией с иностранными государствами. СПб., 1912.

- Щебальский П. К.* Материалы для истории русской цензуры 1803—1825.— «Беседы в обществе любителей российской словесности при имп. Московском университете», вып. III. М., 1871.
- Register of Debates in Congress, 1825—1837, 29 Vls. Washington, 1825—1837.
- Britain and the Independence of Latin America, 1812—1830, ed. by Ch. K. Webster, Vls. I—II. London, 1938.
- Correspondence of the Russian Ministers in Washington, 1818—1825.— «АНР», Vol. XVIII, N 2, January 1913, N 3, April 1913.
- Documents on Russian-American Relations. Washington to Eisenhower, ed. by S. S. Jados. Washington, 1965.
- Diplomatic Correspondence of the United States Concerning the Independence of the Latin-American Nations, ed. by W. R. Manning, 3 Vls. New York, 1925.
- Diplomatic Correspondence of the United States. Canadian Relations 1784—1860, ed. by W. R. Manning, 4 Vls. Washington, 1940—1945 (Vol. I—II).
- Ford W. S.* Some Original Documents on the Genesis of the Monroe Doctrine.— PMHS, 2nd Ser., Vol. XV, January 1902.
- History and Digest of the International Arbitrations to Which the United States Has Been a Party, ed. by J. B. Moore, 6 Vls. Washington, 1898 (Vol. I).
- Pierce R. A.* Russia's Hawaiian Adventure, 1815—1817. Berkeley, 1965.
- Proceedings of the Alaskan Boundary Tribunal, 7 Vls. Washington, 1904 (Vls. I—II).
- Protocols of Conferences of Representatives of the Allied Powers Respecting Spanish America, 1824—1825.— «АНР», Vol. XXII, 1917, N 3.
- Raeff M.* Documents. An American View of the Decembrist Revolt.— «Journal of Modern History», Vol. XXV, September 1953.

Бумаги из личных архивов. Переписка, сочинения, мемуары и дневники политических и общественных деятелей

- Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. III—IV. М., 1953—1954.
- Беляев А. М.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. СПб., 1882.
- Бестужев Н. А.* Статьи и письма. М.—Л., 1933.
- Воспоминания Петра Ивановича Полетики.— «Русский архив», 1885, кн. III.
- Декабристы-литераторы.— «Литературное наследство», т. 59, т. 60, кн. 1—2. М., 1954—1956.
- Завалишин Д. И.* Калифорния в 1824 году.— «Русский вестник», т. 60, ноябрь 1865.
- Завалишин Д. И.* Дело о колонии Росс.— «Русский вестник», т. 62, март 1866.
- Завалишин Д. И.* Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» в 1822—1823 под командою Михаила Петровича Лазарева.— «Древняя и новая Россия», 1877, т. 3, № 5—7.
- Завалишин Д. И.* Вселенский Орден восстановления и отношения мои к Северному тайному обществу.— «Русская старина», 1882, т. 13, кн. 33.
- Завалишин Д. И.* Записки декабриста. СПб., 1906.
- Записки декабриста Н. И. Лорера. М., 1931.

- Записки Сергея Григорьевича Волконского. СПб., 1902.
- Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I—III. М., 1951.
- Лазарев М. П. Документы, т. I. М., 1952.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч. (академическое), т. I—XVI. М.—Л., 1937—1949. Справочный том. М., 1959 (и другие собрания сочинений).
- Пушкин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956.
- Стурдза А. С. Воспоминания о жизни и деяниях графа И. А. Каподистрии, правителя Греции. М., 1864.
- Тургенев Н. И. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.—Л., 1936.
- Тургенев Н. И. Дневники и письма, т. I—III. СПб., 1911—1921.
- Аperçu de la situation intérieure des États-Unis d'Amérique et de leurs rapports politiques avec l'Europe. Par Un Russe [П. И. Полетика]. Londre, 1826 (англ. перевод: Baltimore, 1826).
- Benton T. H. Thirty Years' View, Vol. I. New York, 1854.
- Buchanan J. Works, ed. by J. B. Moore, 12 Vls. Philadelphia, 1908—1911 (Vls I—II).
- Buchanan J. James Buchanan's Mission to Russia: 1831—1833. New York, 1970 (reprint).
- Chateaubriand R. de. Le Congrès de Vérone, 2 vls. Paris, 1838.
- George Canning and His Friends, ed. by J. Bagot, 2 Vls. London, 1909.
- Jefferson Th. Writings, ed. by A. A. Lipscomb and A. L. Bergh, 20 Vls. Washington, 1905.
- Metternich C. W. L. Mémoires. Publiés par R. de Metternich, t. I—II. Paris, 1880.
- Neuville J. G. Hyde de. Mémoires et souvenirs, 3 vls. Paris, 1890—1892.
- Pozzo di Borgo Ch. A. Correspondance diplomatique (1814—1818) t. I—II. Paris, 1890—1897.
- Rush R. A Residence at the Court of London. London, 1833.
- Rush R. Memoranda of a Residence. Philadelphia, 1845.
- Van Buren M. Autobiography, ed. by J. C. Fitzpatrick. Washington, 1920.
- Villèle J. de. Mémoires et correspondance, 5 vls. Paris, 1888—1890.
- Webster D. Works, 6 Vls. Boston, 1877.

Труды путешественников и другие работы современников изучаемых событий

- Головнин В. М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах. М., 1965.
- Добель П. Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-Китайском архипелаге, ч. I—II. СПб., 1833.
- Коцебу О. Е. Путешествие в Южный океан..., т. I—III. СПб., 1821—1823.
- Коцебу О. Е. Путешествие вокруг света... в 1823, 24, 25 и 26 годах. СПб., 1828.
- Литке Ф. П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе Синявине в 1826, 1827, 1828 и 29 годах, ч. I—III. СПб., 1834—1835.
- Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана, вып. I—IV. СПб., 1861.
- Теннер Джон. Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера... М., 1963.

- Шур Л. А.* [составитель]. К берегам Нового Света. Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века. М., 1971.
- Bowring John.* Specimens of the Russian Poets, with preliminary remarks and biographical notices. Boston, 1822.
- Chichinov Z.* Adventures in California of Zakahar Tchitchinoff, 1818—1828. Introduction by A. Woodward. Los Angeles, 1956.
- Cochrane J. D.* Narrative of a Pedestrian Journey Through Russia and Siberian Tartary from the Frontiers of China to the Frozen Sea and Kamchatka, 1820—23. Philadelphia, 1824.
- Hitchcock D. K.* Vindication of Russia and the Emperor Nickolas. Boston, 1844.
- Kotzebue O.* A Voyage of Discovery into the South Seas 1815—18. London, 1821.
- Kotzebue O. A.* New Voyage Around the World 1823—26. London, 1830.
- Roquefeuil Camille de.* Camille de Roquefeuil in San Francisco, 1811—1818. By Ch. N. Rudkin. Los Angeles, 1954.
- Roquefeuil Camille de.* A Voyage Round the World Between the Years 1816—1819. London, 1823.
- Stephens J. L.* Incidents of Travel in Greece, Turkey, Russia and Poland, 2 Vols. New York, 1838.
- Tarakanov V. P.* Statement of My Captivity Among the Californians, by Vassili Petrovitch Tarakanov. Los Angeles, 1953.
- Talvi [Robinson Therese].* Historical View of the Languages and Literature of the Slavic Nations, with a Sketch of Their Popular Poetry. New York, 1850.
- Tracy Destutt de.* Commentaire sur l'Esprit des lois de Montesquieu. Paris, 1819.
- Wrangell F. P.* Statistische und ethnographische Nachrichten über die Russischen Bezitzungen an der Nordwestküste von Amerika. St. Petersburg, 1839.

Пресса

- «Библиотека для чтения», СПб., 1834—1840.
- «Дух журналов», СПб., 1815—1820.
- «Журнал мануфактур и торговли», СПб., 1825—1840.
- «Журнал министерства народного просвещения», СПб., 1815—1840.
- «Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света». М., 1815—1830.
- «Московский телеграф», 1825—1834.
- «Московский вестник», 1827—1830.
- «Отечественные записки», СПб., 1818—1830.
- «Полярная звезда», СПб., 1824—1826.
- «Северная пчела», СПб., 1825—1840.
- «Современник», СПб., 1836—1837.
- «Соревнователь просвещения», СПб., 1818—1824.
- «Телескоп», М., 1831—1836.
- «American Almanac», Boston, 1830—1840.
- «American Biblical Repository», New York, 1831—1840.
- «American Monthly Review», Boston, 1832—1833.
- «American Quarterly Register», Andover, 1829—1840.
- «American Quarterly Review», Philadelphia, 1827—1837.
- «Analectic Magazine», Philadelphia, 1815—1820.

«American Annual Register», New York, 1825—1833.
 «Christian Disciple», Boston, 1819—1823.
 «Aurora», Philadelphia, 1815—1829, 1834—1835.
 «Friend of Peace», Boston, 1816—1828.
 «Christian Examiner», Boston, 1824—1840.
 «Hunt's Merchant's Magazine», New York, 1839.
 «Museum of Foreign Literature», Philadelphia, 1822—1839.
 «North American Review», Boston, 1815—1840.
 «New York Review», New York, 1837—1840.
 «Port Folio», Philadelphia, 1815—1827.
 «National Intelligencer», Washington, 1815—1840.
 «New York Evening Post», New York, 1815—1820.
 «Niles' Weekly Register», Baltimore, 1815—1835.
 «Princeton Review», Princeton, 1828—1840.
 «Select Journal of Foreign Literature», Boston, 1833—1834.
 «Southern Literary Messenger», Richmond, 1835—1840.
 «Southern Review», Charleston, 1828—1832.
 «United States Literary Gazette», Boston, 1825—1827.
 «Washington Globe», Washington, 1830—1840.

Выборочно просматривались также многие другие газеты и журналы:
 «Army and Navy Cronicle» (1833—1840), «New England Farmer» (1824),
 «New Yorker» (1836—1838), «Exriboir» (1826), «Telescope» (1826),
 «National Register» (1819), «Times» (London), «Conservateur Impar-
 tial» (СПб.), «Le Moniteur Universel» (Paris).

Статистические материалы, справочники, указатели, историографические обзоры

- Агранат Г. А.* Новые американские работы о Русской Америке.—
 «Летопись Севера», т. II. М., 1967.
- Болховитинов Н. Н.* Некоторые итоги и задачи изучения новой ис-
 тории США в Советском Союзе.—«НИИ», 1969, № 2.
- Болховитинов Н. Н.* В архивах и библиотеках США: находки, встре-
 чи, впечатления.—«Американский ежегодник. 1971». М., 1971.
- Болховитинов Н. Н.* Новые материалы по истории русско-американ-
 ских отношений XIX — начала XX в.—«Материалы первого сим-
 позиума советских историко-американистов (30 ноября —
 3 декабря 1971 г.)». М., 1973.
- Быстров И. П.* Опыт алфавитного указателя к русским периодическим
 изданиям. Часть историческая. Вып. I. СПб., 1841.
- «Восстание декабристов». Библиография. Указатель литературы.
 М.—Л., 1929.
- Вяземский П. А.* Обзорение русских газет и журналов с самого на-
 чала их до 1828.—«Московский телеграф», 1827, № 22—24.
- Государственная внешняя торговля... в разных ее видах (1815—1835).
 СПб. [1816—1836].
- «Движение декабристов». Указатель литературы 1928—1959. М.,
 1960.
- Комиссаров Б. Н.* Архив В. М. Мирошевского.—«Записки отдела ру-
 кописей ГБЛ», вып. 28. М., 1966.
- Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Ука-
 затель, т. I—II. М., 1963.
- Материалы к пересмотру русско-американского торгового договора,
 вып. 2. СПб., 1912.

- Материалы экспедиции академика Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821—1829 гг. Научное описание. Сост. Д. Е. Бартельс, Б. Н. Комиссаров, Т. И. Лысенко. Л., 1973.
- Неболсин Г. Н.* Статистические записки о внешней торговле России, ч. I—II. СПб., 1835.
- Неболсин Г. Н.* Статистическое обозрение внешней торговли России, ч. I—II. СПб., 1850.
- Русская периодическая печать (1702—1894), под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. М., 1959.
- Свет Я. М., Шур Л. А.* Русско-латиноамериканские отношения XVI—XIX вв. в освещении зарубежных исследователей.—«Латинская Америка», 1970, № 6.
- Сироткин В. Г.* Историография и источники франко-русских отношений 1815—1822 гг.—«Проблемы освободительного движения и международных отношений в новое и новейшее время». М., 1973.
- Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии, ч. I—V. СПб., 1813—1821.
- Срезневский В. И.* Список русских повременных изданий с 1703 по 1899. СПб., 1901.
- Шур Л. А.* Материалы русских путешественников XVIII—XIX вв. как источник по географии, истории и этнографии стран Латинской Америки.—«Известия ВГО», т. 100, 1968, № 3.
- Шур Л. А.* Путевые записки и дневники русских путешественников как источник по истории Калифорнии (первая половина XIX в.).—«Американский ежегодник. 1971». М., 1971.
- Bibliography Relating to the Russians in California.—«Quarterly of the California Historical Society», Vol. XII, N 3, September 1933.
- A Bibliography of United States—Latin American Relations Since 1810, comp. and ed. by D. F. Trusk, M. C. Meyer, R. R. Trusk. Lincoln, 1968.
- Bradley Ph.* A Bibliography of the Monroe Doctrine 1919—1929. London, 1929.
- Cowan R. E. and Cowan R. G.* A Bibliography of the History of California and the Pacific West, 1510—1906. San Francisco, 1914.
- Grimsted P. K.* Archives and Manuscript Repositories in the USSR. Moscow and Leningrad. Princeton, 1972.
- A Guide to the Manuscript Collections of the Bancroft Library, ed. by D. L. Morgan and G. P. Hammond. Berkeley, 1963.
- Harvard Guide to American History, 2 Vls. Cambridge, 1974.
- Kerner R. J.* Russian Expansion to America; Its Bibliographical Foundations.—«Papers of the Bibliographical Society of America», Vol. XXV, 1931.
- Kuehl W. F., compl.* Dissertations in History. An Index to Dissertations Completed in History Departments of the U.S. and Canadian Universities 1873—1960. Lexington, 1965.
- Lada-Mocorski V.* Bibliography of Books on Alaska Published Before 1868. New Haven, 1969.
- Meyer H. H. B.* List of References on the Monroe Doctrine. Washington, 1919.
- Mott F. L.* A History of American Magazines, Vol. I. Cambridge, 1957.
- The National Union Catalog of Manuscript Collections. Ann Arbor, 1962—.

- Poole W. P.* Index to Periodical Literature. New York, 1853.
Poole W. P. Index to Periodical Literature. Boston, 1882.
 Records in the National Archives Relating to the Russian Empire and the Soviet Union. Reference Information Paper, N 41, August 1952.
 To Russia and Return. An Annotated Bibliography of Travelers' English-Language Accounts of Russia from the Ninth Century to the Present, comp. by H. W. Nerhood. Ohio State Univ. Press, 1968.
Wickersham J. A Bibliography of Alaskan Literature, 1724—1924. Cordova, 1927.

Биографии

- Алексеев А. И.* Федор Петрович Литке. М., 1970.
Алексеев М. П. Пушкин. М., 1972.
Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. Н. Сперанского в Сибири, ч. I—II. М., 1872.
Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.
Корф М. А. Жизнь графа Сперанского, т. I—II. СПб., 1861.
Манфред А. Э. Наполеон Бонапарт. М., 1971.
Эйдельман Н. Лунин. М., 1970.
Adams H. John Randolph. Boston, 1882.
Adams H. The Life of Albert Gallatin. New York, 1943.
Ammon H. James Monroe. The Quest for National Identity. New York, 1971.
Barrows E. M. The Great Commodore. The Exploits of Matthew Calbraith Perry. Indianapolis, 1935.
Bassett J. S. Life of Andrew Jackson, 2 Vls. New York, 1925.
Bemis S. F. John Quincy Adams and the Union. New York, 1956.
Bruce W. C. John Randolph of Roanoke, 1773—1833, 2 Vls, New York, 1922.
Curtis G. T. Life of James Buchanan. 2 Vls. New York, 1883.
James M. Andrew Jackson, 2 Vls. Indianapolis, 1933—1937.
King C. R. Life and Correspondence of Rufus King, 6 Vls. New York, 1894—1900.
Klein P. S. President James Buchanan. University Park, 1962.
Lane-Poole S. The Life of the Right Honorable Stratford Canning, Vol. I. London, 1888.
Ley F. La Russie, Paul de Krüdener et les soulèvements nationaux 1814—1858 (d'après de nombreux documents inédits). Hachette, 1971.
Oeste G. I. John Randolph Clay. America's First Career Diplomat. Philadelphia, 1966.
Powell J. H. Richard Rush. Philadelphia, 1942.
Putnam H. E. Joel Roberts Poinsett. Washington, 1935.
Raeff M. Michael Speransky. The Hague, 1969.
Seaburg C. and *Paterson S.* Merchant Prince of Boston. Colonel T. H. Perkins, 1764—1854. Cambridge, 1971.
Woodhouse C. M. Capodistria. The Founder of Greek Independence. London, 1973.

III. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

- Алексеев М. П.* К «Истории села Горюхина». — «Пушкин. Статьи и материалы», вып. II. Одесса, 1926.
- Альперович М. С.* Испанская Америка в борьбе за независимость. М., 1971.
- Альперович М. С.* Война за независимость Мексики (1810—1824). М., 1964.
- Альперович М. С.* «Аркадия Нового Света» (Неизвестные материалы о Парагвае 20-х годов XIX в.). — «ННИ», 1969, № 3.
- Белов М. И.* К столетию продажи Аляски. — «Известия Всесоюзного географического общества», т. ХСІХ, 1967, № 4.
- Блюмин И. Г.* Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в. М. — Л., 1940.
- Болховитинов Н. Н.* К вопросу об угрозе интервенции Священного союза в Латинскую Америку. — «ННИ», 1957, № 3.
- Болховитинов Н. Н.* Доктрина Монро. М., 1959.
- Болховитинов Н. Н.* Заключение русско-американского торгового договора 1832 г. — «История СССР», 1974, № 1.
- Болховитинов Н. Н.* Декабристы и Америка. — «ВИ», 1974, № 4.
- Болховитинов Н. Н.* Из истории русско-американских научных связей в XVIII—XIX веках. — «США: экономика, политика, идеология», 1974, № 5.
- Вишняков Н.* Россия, Калифорния и Сандвичевы острова (Исторический очерк). — «Русская старина», т. СХХIV, ноябрь 1905.
- Григорьевич С. С.* Политика России на крайнем Северо-Востоке Азии в первой трети XIX в. «Вопросы международных отношений», вып. 2. Томск, 1968.
- Дружинин Н. М.* К вопросу о генезисе капитализма в России. — «Известия Северокавказского научн. центра высшей школы. Серия общ. наук», 1974, № 1.
- Дружинина Е. И.* Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970.
- История русской журналистики XVIII—XIX вв., под ред. А. В. Западова, изд. 2. М., 1966.
- Ефимов А. В.* США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М., 1969.
- История американской литературы, т. I. М. — Л., 1947.
- История Сибири, т. 2. М., 1968.
- История СССР с древнейших времен до наших дней, т. IV. М., 1967.
- Киняпина Н. С.* Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963.
- Киняпина Н. С.* Политика русского самодержавия в области промышленности (20—50-е годы XIX в.). М., 1968.
- Комиссаров Б. Н.* Об отношении России к войне Латинской Америки за независимость (по материалам архива В. М. Мирошевского). — «Вестник ЛГУ», 1964, № 8.
- Комиссаров Б. Н.* Спор о русско-испанской конвенции. — «ВИ», 1966, № 6.
- Кривевский Г. Г.* «Конституционный проект» Никиты Муравьева и американские конституции. — «Известия Академии наук СССР, Серия истории и философии», 1945, № 6.
- Ланда С. С.* Формирование революционной идеологии декабристов. 1816—1825 (докт. дисс.). Л., 1971.

- Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. II. М., 1955.
- Общественные движения в России в первую половину XIX в., т. I. СПб., 1905.
- Окунь С. Б.* Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX в. Л., 1956.
- Окунь С. Б.* Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX в. Л., 1957.
- Орлик О. В.* Передовая Россия и революционная Франция (I половина XIX в.). М., 1973.
- От Аляски до Огненной Земли. М., 1967.
- Пиксанов Н. К.* Безвестные статьи Н. И. Тургенева (К истории русской публицистики).— «Декабристы и их время», т. 2. М., 1932.
- Проблемы исследования Америки в XIX—XX вв. Тезисы докладов к конференции, посвященной 200-летию со дня рождения академика Г. И. Лангсдорфа. Л., 1974.
- Пятковский А. П.* Из истории нашего литературного и общественного развития, ч. I—II. СПб., 1889.
- Радовский М. И.* Из истории русско-американских научных связей (Протокольные бумаги Архива АН СССР XVIII—XIX вв.).— «Вестник АН СССР», 1956, № 11.
- Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. I. СПб., 1888.
- Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.
- Спаская И. В.* К вопросу о характере русско-испанской конвенции 1817 г.— «Вестник ЛГУ», 1973, № 14.
- Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика. М.— Л., 1934.
- Тумаркин Д. Д.* Вторжение колонизаторов в «край вечной весны». М., 1964.
- Тумаркин Д. Д.* Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820—1865 гг. М., 1971.
- Фадеев А. В.* Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958.
- Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М., 1971.
- Фонер Ф. С.* История Кубы и ее отношений с США 1492—1845 годы. М., 1963.
- Френкель М. Ю.* США и Либерия. Негритянская проблема в США и образование Республики Либерия. М., 1964.
- Шебунин А. Н.* Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Л., 1925.
- Шур Л. А.* Дневники путешествий по Калифорнии К. Т. Хлебникова (1820—1831).— «Известия ВГО», т. 106, 1974, № 5.
- Adams H. M.* Prussian-American Relations, 1775—1871. Cleveland, 1960.
- Alaska and Its History*, ed. by M. B. Sherwood. Seattle, 1967.
- Albion R. G.* The Rise of New York Port, 1815—1860. Hamden, 1961.
- Alexander W. D.* The Proceedings of the Russians on Kauai. 1814—1816.— «Papers of the Hawaiian Historical Society», N 6, Honolulu, 1894.
- Andrews C. L.* Russian Plan for America Dominion.— «Washington Historical Quarterly», Vol. XVIII (Apr. 1927).
- Andrews C. L.* Alaska under the Russians...— «Washington Historical Quarterly», Vol. VII, N 3, July 1916; N 4, October 1916.
- Andrews C. L.* The Story of Sitka. Seattle, 1922.
- Andrews C. L.* Russian Shipbuilding in the American Colonies.— «Washington Historical Quarterly», XXV, N 1, January 1934.

- Bartley R. H.* Russia and Latin American Independence, 1808—1826. (Dissertation). Stanford University, 1971.
- Baylen J. O.* James Buchanan's «Calm of Despotism».—«PMHB», Vol. LXXVII, N 3, July 1953.
- Bemis S. F.* The Latin American Policy of the United States, an Historical Interpretation. New York, 1943.
- Bergquist H. E., Jr.* Russian-American Relations, 1820—1830: The Diplomacy of Henry Middleton, American Minister of St. Petersburg (Dissertation). Boston University Graduate School, 1970.
- Blue G. V.* The Oregon Question, 1818—1828: a Study of Dr. John Floyd's Efforts in Congress to Secure the Oregon Country.—«Oregon Historical Society Quarterly», Vol. XXIII, N 3, Sept. 1922.
- Boden D.* Das Amerikabild im russischen Schrifttum bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. Hamburg, 1968.
- Bolkhovitinov N. N.* The Study of United States History in the Soviet Union.—«AHR», Vol. LXXIV, N 4, April 1969.
- Bolkhovitinov N. N.* Russia and the Declaration of Non-Colonization Principle: New Archival Evidence.—«Oregon Historical Quarterly», Vol. LXXII, N 2, June 1971.
- Bolkhovitinov N. N.* The Adventures of Doctor Schäffer in Hawaii, 1815—1819.—«Hawaiian Journal of History», 1973, Vol. 7.
- Bolkhovitinov N. N.* On the Present State of American Studies in the Soviet Union.—«American Studies», Vol. XI, N 2, 1972.
- Bradley H. W.* The American Frontier in Hawaii. The Pioneers 1789—1843. Stanford Univ. Press, 1942.
- Brewster D.* East-West Passage. London, 1954.
- Brock P.* Pacifism in the United States: from the Colonial Era to the First World War. Princeton, 1968.
- Buell R. K.* and *Skladal Ch.* Sea Otter and China Trade. New York, 1968.
- Callahan J. M.* American Foreign Policy in Canadian Relations. New York, 1967.
- Castro M.* Manuel Estados Unidos y América Latina [La Habana], 1960.
- Caughey J. W.* Hubert Howe Bancroft, Historian of Western America.—«AHR», Vol. L, N 3, April 1945.
- Chevigny H.* Russian America. The Great Alaskan Venture 1741—1867. New York, 1965.
- Cleland R. G.* History of California, the American Period. New York, 1939.
- Cleland R. G.* The Early Sentiment for the Annexation of California. Austin, 1915.
- Cleland R. G.* From Wilderness to Empire; a History of California. New York, 1959.
- Coleman A. P.* A New England City and the November Uprising; A Study of Editorial Opinion in New Haven, Conn, Concerning the Polish Insurrection of 1830—1831. Chicago, 1939.
- Cook W. L.* Flood Tide of Empire. Spain and the Pacific Northwest, 1543—1819. New Haven, 1973.
- Cresson W. P.* The Holy Alliance; the European Background of the Monroe Doctrine. New York, 1922.
- Crosby A. W., Jr.* America, Russia, Hemp, and Napoleon. Columbus, 1965.
- Curti M. E.* The American Peace Crusade, 1815—1860. Durham, 1929.

- Dangerfield G.* The Awakening of American Nationalism, 1815--1828. New York, 1965.
- Donovan F.* Mr. Monroe's Message. The Story of the Monroe Doctrine. New York, 1963.
- Dvoichenko-Markov E. M.* Jefferson and the Russian Decembrists.—«The American Slavic and East European Review», Vol. IX, October 1950.
- Du Four C. J.* The Russian Withdrawal from California.—«Quarterly of the California Historical Society», Vol. XII, N 3, Sept. 1933.
- Essig E. O.* The Russian Settlement at Ross.—«Quarterly of the California Historical Society», Vol. XII, N 3, Sept. 1933.
- Fabela I.* Les doctrines Monroe y Drago. Mexico, 1957.
- Farrar V. J.* The Reopening of the Russian American Convention of 1824.—«Washington Historical Quarterly», Vol. XI, N 2, April 1920.
- Field J. A. Jr.* America and the Mediterranean World, 1776—1882. Princeton, 1969.
- Franco J.* Política continental americana de España en Cuba, 1812—1830. La Habana, 1964.
- Gibson J. R.* Feeding the Russian Fur Trade. Madison, 1969.
- Goetzmann W. H.* When the Eagle Screamed. The Romantic Horizon in American Diplomacy, 1800—1860. New York, 1966.
- Griffin Ch. C.* United States and the Disruption of Spanish Empire, 1810—1822. Ann Arbor, 1962.
- Grimsted P. K.* The Foreign Ministers of Alexander I. Berkeley, 1969.
- Gronsky P.* Les Russes aux îles Hawaii au début du XIXe siècle.—«Le Monde Slave», vol. IV, Oct. 1928.
- Gronsky P.* L'établissement des Russes en Californie.—«Revue historique moderne», IV, Nov. 1929; V, Mar. 1930.
- Harrison J. A.* The Founding of the Russian Empire in Asia and America. Coral Gables, 1971.
- The Hawaiian Islands, ed. by A. P. Taylor and R. S. Kuykendall. Honolulu, 1930.
- Howay F. W.* A List of Trading Vessels in the Maritime Fur Trade, 1785—1825. Kingston, 1973.
- Hecht D.* Russian Radicals Look to America 1825—1894. Cambridge, 1947 (reprint 1968).
- Hillman F. P.* The Diplomatic Career of James Buchanan (Dissertation). Washington, 1953.
- Huculak M.* When Russia Was in America. The Alaska Boundary Treaty Negotiations, 1824—25, and the Role of Pierre de Poletica. Vancouver, 1971.
- Kaufmann W.* British Policy and the Independence of Latin America, 1804—1828. New Haven, 1951.
- Kerner R. K.* The Russian Eastward Movement: Some Observations on Its Historical Significance.—«PHR», Vol. XVII, May 1948.
- Kissinger H. A.* A World Restored. Metternich, Castlereagh, 1815—1822. Boston, 1957.
- Knapten E. J.* The Origin of the Treaty of Holy Alliance.—«History», Vol. XXVI, September 1941.
- Kossok M.* Im Schatten der Heiligen Allianz. Berlin, 1964.
- Kuchner H. A.* American-Russian Rivalry in the Pacific North West. 1790—1867 (Dissertation). Cornell University, 1970.

- Kuykendall R. S.* The Hawaiian Kingdom 1778—1854. Foundation and Transformation. Honolulu, 1947.
- Lawson L. A.* The Relation of British Policy to the Declaration of the Monroe Doctrine. New York, 1922.
- Lepotier A. A. M.* Les Russes en Amérique. Paris [1958].
- Lerski J. J.* A Polish Chapter in Jacksonian America. The United States and the Polish Exiles in 1831. Madison, 1958.
- Lockey J. B.* Pan-Americanism, Its Beginnings. New York, 1920.
- Logan J. A., Jr.* No-Transfer: An American Security Principle. New Haven, 1961.
- Machowski J.* Alaska. Wyd. 2. Warszawa, 1969.
- MacLemore R. A.* Franco-American Diplomatic Relations, 1816—1836. Baton Rouge, 1941.
- Mahr A. C. (ed.)*. The Visit of the «Rurik» to San Francisco in 1816. Stanford, 1932.
- Manning W. R.* Early Diplomatic Relations between the United States and Mexico. Baltimore, 1916.
- Mazour A. G.* The First Russian Revolution, 1825. Stanford, 1937 (reprint 1961).
- Mozour A. G.* Egor Scheffer: Dreamer of a Russian Empire in the Pacific.—«PHR», Vol. VI, N 1, March 1937.
- Mazour A. G.* The Russian-American and Anglo-Russian Conventions, 1824—1825; An Interpretation.—«PHR», Vol. XIV, Sept. 1945.
- Mehnert K.* The Russians in Hawaii, 1804—1819. Honolulu, 1939.
- Millar D. E.* Maritime Trade Rivalry in the Pacific Northwest.—«Historian», 1959, 21 (4).
- The Monroe Doctrine: Its Modern Significance, ed. by D. M. Dozer. New York, 1965.
- The Monroe Doctrine, ed. by A. Rappaport. New York, 1964.
- Morison S. E.* The Maritime History of Massachusetts, 1783—1860. Boston, 1961.
- Näf W.* Zur Geschichte der Heiligen Allianz. Bern, 1928.
- Nichols I. C., Jr.* The Russian Ukase and the Monroe Doctrine: A Re-evaluation.—«PHR», Vol. XXXVI, N 1, February 1967.
- Nichols I. C., Jr., Ward R. A.* Anglo-American Relations and the Russian Ukase: A Reassessment.—«PHR», Vol. XVI, N 4, November 1972.
- Perkins D.* The Monroe Doctrine, 1823—1826. Cambridge, 1927.
- Perkins D.* The Monroe Doctrine, 1826—1867. Baltimore, 1933.
- Perkins D.* A History of the Monroe Doctrine. Boston, 1963.
- Perkins D.* Russia and the Spanish Colonies, 1817—1818.—«AHR», Vol. XXVIII, July 1923.
- Phelps G.* The Russian Novel In English Fiction. London, 1956.
- Phillips W. A.* The Confederation of Europe: a Study of the European Alliance, 1813—1823, as an Experiment of the International Organisation of Peace. New York, 1966.
- Pierce R. A.* Two Russian Governors.—«Alaska Journal», Vol. I, N 2, Spring 1971.
- Pierce R. A.* Alaska's Russian Governors.—«Alaska Journal», Vol. I, N 3, Summer 1971; N 4, Autumn 1971; Vol. II, N 1, Winter 1972.
- Pirenne J. H.* Les tentatives russes en vue d'obtenir l'adhésion des États-Unis à Sainte-Alliance d'après quelques documents connus, 1816—1820.—«Revue belge de philologie et d'histoire», t. XXXIV, N 2, 1956.

- Planas-Suarez S.* Les principes américains de politique internationale et la doctrine de Monroe. Bâle, 1960.
- Portell Vilá H.* Historia de Cuba en sus relaciones con los Estados y España, Vol. I. La Habana, 1938.
- Quimby G. I.* Hawaiians in the Fur Trade of North-West America 1785—1820.—«Journal of Pacific History», 1972, Vol. 7.
- Rauch B.* American Interest in Cuba. New York, 1948.
- Rhoads J. B.* Harris Lewis and the Hollow Tree.—«American Archivist», Vol. 25, July 1962.
- Riasanovsky N.* Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825—1855. Berkeley, 1961.
- Rippy J. F.* Rivalry of the United States and Great Britain over Latin America (1808—1830). Baltimore, 1929.
- Rives G. L.* The United States and Mexico, 1821—1848, Vol. I. New York, 1913.
- Robertson W. S.* Russia and the Emancipation of Spanish America.—«HAHR», Vol. XXI, N 2, May 1941.
- Rothbard H. N.* The Panic of 1819. New York, 1962.
- Russian Foreign Policy: Essays in Historical Perspective, ed. by I. J. Lederer. New Haven, 1962.
- Russia Under Western Eyes 1517—1825, ed. by A. Cross. London, 1971.
- Saul N. E.* America's First Student of Russian: William David Lewis of Philadelphia.—«PMHB», Vol. XCVI, N 4, Oct. 1972.
- Saul N. E.* A Russian «Yankee Doodle».—«Slavic Review», Vol. 33, N 1, March 1974.
- Starr J. L.* The Cultural and Educational Development of Aborigines and Settlers in Russian America, 1784—1867 (Dissertation). New York University, 1961.
- Tatum E. H.* The United States and Europe, 1815—1823. Berkeley, 1936 (reprint: New York, 1967).
- Taylor G. P.* Spanish-Russian Rivalry in the Pacific, 1769—1820.—«The Americas», Vol. 15, N 2, October 1958.
- Temperley H.* The Foreign Policy of Canning 1822—1827. London, 1923.
- Thomas B. P.* Russo-American Relations, 1815—1867. Baltimore, 1930.
- Thompson R. A.* The Russian Settlement in California Known as Fort Ross. Santa Rosa, 1896.
- Vilá Vilar E.* Les rosos en America. Sevilla, 1966.
- Völkl E.* Russland und Lateinamerika, 1741—1841. Wiesbaden, 1968.
- Völkl E.* Die russische Atlantik-Politik unter Alexander I.—«Saeculum», XXI, Ht 1 (1970).
- Webster Ch. K.* The Foreign Policy of Castlereagh 1815—1822. Britain and the European Alliance. London, 1934 (first published: 1925).
- Wheeler M. E.* Empires in Conflict and Cooperation: The «Bostonians» and the Russian—American Company.—«PHR», Vol. XL, N 4, November 1971.
- Whitaker A. P.* The United States and the Independence of Latin America, 1800—1830. New York, 1941 (reprint 1964).
- Wilbur W. A.* The Monroe Doctrine. Boston, 1965
- Williams W. A.* The Contours of American History. Chicago, 1966.
- Williams W. A.* The Roots of the Modern American Empire. New York, 1969.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПр — Архив внешней политики России
АГО — Архив географического общества СССР
«ВИ» — «Вопросы истории»
ВПр — Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия первая, 1801—1815 гг. Отв. ред. А. Л. Нарочницкий, т. I—VIII. М., 1960—1972
ГБЛ ОР — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
ГВТ — Государственная внешняя торговля... года в ранних ее видах
ЛО Архива АН СССР — Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР
«ННИ» — «Новая и новейшая история»
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
Сб.РИО — Сборник императорского русского исторического общества
ЦГАВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР
«АHR» — «American Historical Review»
APS — American Philosophical Society
ASP, FR — American State Papers, Foreign Relations
BFSP — British and Foreign State Papers
BILA — Britain and the Independence of Latin America, 1812—1830, ed. by Ch. K. Webster, I—II. London, 1938.
BL — Bancroft Library
CD, St. Petersburg — Despatches from United States Consuls in St. Petersburg
Documents — Documents of American History, ed. by H. S. Commager, Vol. 1. New York, 1963

- DCUS — Diplomatic Correspondence of the United States Concerning the Independence of the Latin American Nations. Selected and arranged by W. R. Manning, Vol. I—III. New York, 1925
- DD, Russia — Despatches from United States Ministers to Russia
- DI, AC — Diplomatic Instructions of the Department of State, All Countries
- «HAHR» — «Hispanic American Historical Review»
- HL — Houghton Library
- HSP — Historical Society of Pennsylvania
- «JMH» — «Journal of Modern History»
- MHS — Massachusetts Historical Society
- «MVHR» — «Mississippi Valley Historical Review»
- LC — Library of Congress
- NA — National Archives
- NYHS — New York Historical Society
- NYPL — New York Public Library
- PABT — Proceedings of the Alaskan Boundary Tribunal
- PAPS — Proceedings of the American Philosophical Society
- «PHR» — «Pacific Historical Review»
- «PMHB» — «Pennsylvania Magazine of History and Biography»
- PMHS — Proceedings of the Massachusetts Historical Society
- RRAC — Records of the Russian-American Company
- Treaties — Treaties and Other International Acts of the United States of America, 1775—1863, ed by H. Miller, 8 Vls. Washington 1931—1948

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адамс Дж. 19, 462, 501
 Адамс Дж. К. 22, 23, 26, 30—
 32, 39, 41, 60—62, 67—70,
 72—75, 77, 80, 85, 159, 185—
 187, 189—193, 197, 198,
 200—204, 206—208, 210—
 220, 223—233, 240—242, 256,
 257, 259, 260, 265, 266, 273,
 281, 283—285, 291, 292, 310,
 313, 317, 318, 323, 326, 334,
 338, 345, 355—357, 379—
 381, 390, 391, 519, 520
 Адамс Л. 79
 Адамс Ч. Ф. 208
 Аддингтон Г. 215
 Аделунг Ф. П. 522, 524—529,
 546
 Алагон 69
 Александер У. Д. 87
 Александр I 5—23, 25, 28, 30,
 31, 35, 40, 44, 47, 48, 50, 51,
 54, 57, 59—64, 66—68, 75,
 76, 79—85, 98, 102, 107, 113—
 120, 123—126, 130, 138,
 141, 143, 158, 162, 172, 179,
 185, 186, 190, 191, 194, 200,
 210—212, 217, 226, 241, 242,
 260, 269, 277—279, 290, 291,
 293, 295, 297, 298, 300, 303,
 306, 308, 318, 319, 323, 325,
 328, 339, 345, 348, 351, 356,
 392, 470, 476—478, 489, 490,
 494, 497, 512, 515, 518, 519,
 525, 533, 570, 575, 579
 Александра Федоровна 440
 Алексеев М. П. 4, 556, 559—
 561
 Аллен П. 21
 Аллен Р. 4
 Алопеус Д. М. 242, 329, 330
 Альперович М. С. 314, 354
 Альтимира И. 295
 Алат-тан 142
 Андерсон Р. 335, 337, 349
 Ансиллон 329
 Анфилатов К. 303
 Араго 536
 Аракчеев А. А. 297, 490
 Аргуельо Л. А. дон 251, 295
 Аро Г. А. 149—151, 193, 260
 Арсеньев К. И. 466, 468, 471,
 478, 500
 Астор Дж. Дж. 92, 153, 187,
 191
 Аше Т. 481
 Баджет Ч. 81—84, 257—264,
 269, 286, 288
 Байрон Дж. Г. 550
 Бакнс Г. У. 514
 Бальзак О. де 558
 Баранов А. А. 88, 89, 92—95,
 100, 101, 103, 104, 106, 108,
 112, 116, 127, 137, 152—155,
 169, 244, 268
 Баранов Антипатр 100
 Бартли Р. 45, 54, 56, 60
 Бартон Б. С. 527
 Батеньков Г. С. 509
 Баттерфилд Л. Х. 4
 Батюшков К. Н. 546
 Баумгартен Г. 52
 Бейард Дж. 41
 Бейлен Дж. 419
 Бейли Т. 185, 419
 Бейлис Ф. 200, 201
 Белинский В. Г. 566—568
 Беляев А. П. 508, 509, 511,
 559
 Беляев П. П. 505

- Бенкендорф А. Х. 578, 580
 Беннет Дж. 93, 94
 Бентам 460, 500
 Бентон Т. 187, 354, 450
 Бентон 354
 Берг 366
 Бергасс Н. 7
 Бергкуист-мл. Г. Е. 78, 79, 81,
 379, 390
 Бернсторф Х. фон 329, 330
 Беррион 353
 Берх В. Н. 108, 276
 Берч Г. 555
 Бестужев А. А. 509, 514, 545,
 555, 559
 Бестужев Н. А. 497, 506
 Бестужев-Рюмин М. П. 519
 Бетанкур 532
 Бибииков Д. 364
 Биддл Дж. 384
 Бимис С. Ф. 184, 198, 205,
 206, 216
 Бирбек М. 481, 482
 Блай 440, 449
 Бланшард 269
 Блосвил Э. 562
 Блудов Д. Н. 429, 448
 Блэжуелл У. Л. 466
 Блю В. 187
 Блюмин И. Г. 460
 Боадмэн 191
 Богарт Дж. Г. 67
 Богданович И. Ф. 546, 547
 Боден Д. 452, 470, 492, 561,
 565
 Бодиско А. А. 529
 Бойе Ж. 300, 511
 Боливар С. 311, 332, 337, 354,
 499
 Болховитинов Е. А. 547
 Бомон Г. 565
 Бонд Т. 575
 Бороздин А. К. 499
 Боткин В. М. 568
 Боуринг Дж. 544—547, 550,
 553
 Брадбури Дж. 481
 Брайант 152, 191, 200
 Брайент В. К. 556
 Бранденбург Ф. 150, 151
 Брант 364, 421
 Браун Б. 556
 Браун Д. 316, 325—328
 Брей Ф. Г. 62
 Брент Д. 314, 346, 381, 382,
 412, 443, 444
 Брок П. 18
 Бруннов Ф. И. 429—431, 433,
 434, 437, 440
 Брус У. 388—390, 404, 407
 Брэдли Г. У. 92
 Брэкенридж Г. М. 501, 502
 Брюстер Д. 543, 545, 552
 Буайе 299
 Булгари М. Н. 71—73
 Булгарин Ф. Б. 544
 Булдаков М. М. 112, 113, 123,
 126, 128, 138, 153, 188, 268
 Бустаманте 311
 Буяльский И. В. 523, 532
 Бьюкенен Джеймс 370, 371,
 401, 413—420, 423, 443,
 445—449, 580
 Бьюкенен Джордж 414
 Бьюкенен Э. 418
 Бэнкрофт Г. Г. 86, 150
 Бэр К. М. 576
 Бэрри Д. У. 416, 417
 Бэрри Т. 530
 Вагин В. 138, 164, 167—169
 Вадзворт (Воздвит) У. 98, 104
 Валенштейн Ю. А. 226, 236,
 237, 522, 523, 530, 536—540
 Валишевский К. 23
 Ван-Бюрен М. 355, 382, 385,
 386, 388, 390—399, 404—407,
 412, 414
 Ванкувер Г. 91, 274
 Ван-Несс Дж. П. 388
 Ван-Несс К. П. 355
 Варгас 69
 Васильев 398
 Ваугхан Ч. 332—334
 Вашингтон Б. 533
 Вашингтон Дж. 462, 499, 500,
 505, 507, 525, 533, 579, 580
 Ведемейер И. А. 138
 Вейер Э. 345, 519, 520
 Веллингтон 64, 197, 380
 Вельтман 559
 Вельяминов-Зернов В. Ф. 453
 Веннинг Дж. 366, 367
 Вивес Ф. Д. 71, 77, 225, 310
 Вила-Вилар Э. 150
 Виллие Я. В. 522, 576
 Вильсон Д. 366
 Вильсон 532

- Виншип Дж. 92, 94
 Виншип Н. 92, 94
 Вирт У. 207, 218—220
 Висенте А. Ф. де 251, 252
 Виттимор И. 100, 101
 Вишняков Н. 87
 Воган Дж. 534, 538
 Воейков А. Ф. 547
 Волк С. С. 497, 502, 506
 Волконский С. Г. 496, 497, 500
 Волф Дж. Де 285
 Вольтер 500, 501
 Вольховский В. Д. 499
 Ворден Д. 507
 Воронцов М. С. 524
 Воронцов С. Р. 28
 Вязмитинов С. К. 452, 459,
 460, 489
- Гагемейстер Л. А. 92, 93, 113,
 123, 126, 127, 141—145, 148,
 155, 167, 244, 245
 Галлатин А. 66, 218
 Гамильтон Т. 565
 Гамильтон 354
 Гаррис Дж. Л. 40, 41
 Гаррис Л. 16, 23—25, 34—37,
 39—43, 363, 526, 529, 534
 Гекевелдер Дж. 527
 Гельвеций К.-А. 500
 Гем-ле-ле 142
 Гендерсон Е. 549
 Гентц Ф. 11, 12
 Георг III 91, 485, 555
 Георг IV 10, 11
 Гервинус 12
 Герман К. Ф. 500
 Герцен А. И. 511, 512
 Гётц П. 529
 Гиббон Э. 21
 Гибсон А. П. 362, 363, 398,
 417, 421, 437
 Гилман Д. Т. 18
 Глинка Ф. Н. 503
 Гоецман У. Х. 255
 Голдер Ф. А. 87, 149
 Голицын А. Н. 18, 44, 163,
 165, 466, 467, 473, 475, 478,
 484—487, 489
 Головин В. М. 92, 105, 109, 130,
 133, 139, 143, 160—164, 167—
 169, 174, 188, 293, 298, 552
 Греч Н. И. 461, 524, 547, 552
 Гримстед П. К. 4
- Грэн Дж. 514
 Гриффитс Д. 4
 Гронский П. 87
 Губер А. А. 115, 116
 Гурьев Д. А. 48, 117, 163—
 181, 188, 194, 196
- Даллас А. 35
 Даллес Дж. Ф. 185
 Даллес Ф. Р. 448
 Дама А.-Г. де 325—328
 Дауес Т. 20
 Дашков А. Я. 28, 33—35, 37—
 39, 43, 77, 529, 530, 532
 Двойченко-Маркова Е. М. 504,
 522, 527
 Дебидур А. 7
 Девис 164
 Д'Еврез 210
 Дейна Ф. 442
 Деларов Е. И. 151
 Дементьев 148
 Демосфен 22
 Державин Г. Р. 546, 548, 552
 Детю де Траси А.-С. 500, 502—
 505
 Джадос С. С. 375
 Джансен К. У. 481
 Джексон Э. 24, 73, 355, 357,
 382, 387—392, 399—401, 403—
 405, 407, 412—415, 417, 419,
 421, 443, 444, 446, 448, 450
 Джемс Э. 562
 Дженкс Л. 356
 Джефферсон Т. 16, 19, 208,
 209, 282, 391, 401, 455, 462,
 501, 503, 504, 525
 Джирард С. 369
 Джонс Дж. 200
 Джонс П. 558
 Джонс 106
 Джонсон Дж. У. 390
 Диас Ч. 67
 Дирборн 385, 531, 532
 Дисброу Е. 330
 Дмитриев И. И. 553, 554
 Добелл П. 87, 129, 130, 164
 Додж Д. Л. 18, 19
 Долгоруков 547
 Донован Ф. 183
 Достян И. С. 82, 378, 383
 Дружинин Н. М. 4, 493, 494,
 496, 501
 Дружинин Я. А. 138, 279—281

- Дружинина Е. И. 4, 423
 Дуан У. 504
 Дубровин Н. 460
 Дургам лорд 420, 440
 Дэвис В. Х. 92, 94
 Дэнджерфилд Дж. 205
 Дю Понсо П. С. 524—529, 538
 Дюпри А. Х. 524
 Дю Фур К. Дж. 140
- Евстафьев А. Г. 35, 36, 67,
 410, 421, 422, 530—532
 Эйберт Р. Ф. 7
 Екатерина II 148, 158, 392,
 398, 451, 459, 460, 525, 527,
 528, 559
 Ефимов А. В. 4
- Жуковский В. А. 546, 576
- Завалишин Д. И. 247, 294—
 298, 300, 306, 492, 505,
 509—511, 577
 Зайков П. К. 151
 Зеленский 138, 153
 Зиновьев С. С. 147, 149, 150
 Золотов В. А. 423
 Зонтаг А. П. (Юшкова) 543
 Зонтаг Г. 407
 Зонтаг Е. В. 543
 Зорина А. М. 310, 332
- Иванов Ф. Ф. 67, 198, 234
 Изкаков Г. 105
 Измайлов А. 461
 Измайлов В. 552
 Имлей Г. 481
 Инфантадо П. А. 340—343,
 348, 350
 Ирвинг В. 404, 405, 540, 543,
 555—557, 559—562, 576, 579
 Ирл Е. М. 218, 378
 Ирухо 69
 Итон Дж. 414, 415
- Кааумана 96, 129
 Кавен 410
 Камеамеа 90—92, 94—96, 98,
 100, 102, 121, 126, 129
 Камеамеа II 129
 Камеамеа III 131
 Каминг 544
 Канкрин Е. Ф. 269, 278—281,
 289—291, 293, 300, 301, 426,
 429, 430, 433, 436, 439, 442,
 448
- Каннинг Дж. 184, 185, 204—
 209, 213—215, 218, 219, 237,
 239, 256—258, 260—265,
 273, 287, 288, 320, 331—334,
 352
 Каннинг С. 188—190, 256, 288,
 449
 Капнист В. В. 547, 548
 Каподистрия И. А. 6, 8, 24,
 25, 29, 36, 37, 43, 54, 58,
 73, 84, 113, 119, 164, 196,
 197, 490
 Карамзин Н. М. 544, 546—
 549, 576
 Карл II 486
 Карланд Х. А. 404
 Карлейль Т. 543
 Каслри Р. лорд 7, 11, 14,
 59, 83
 Каткарт лорд 53
 Каумуалии (Томари) 90, 93,
 95, 98—100, 103, 104, 107—
 109, 111—113, 115—118, 122,
 124—129
 Каховский П. Г. 499
 Каченовский М. Г. 458
 Кейн Дж. 540
 Кернер Р. Дж. 89
 Кернер 142
 Кёрти М. Е. 18
 Кёртис Дж. Т. 41, 414—416,
 427, 448
 Кинг Р. 316, 317, 320, 324,
 330, 331
 Кинг У. 26
 Киняпина Н. С. 255, 466
 Кислаковский 142
 Киссинджер Г. 10
 Кичеров П. 98
 Клайн М. А. 378
 Кларксон 533
 Клей Г. 217, 313—320, 322—
 324, 326, 332—336, 338, 339,
 342, 344, 345, 350, 352, 355,
 375, 376, 380, 516, 517, 519,
 520, 533, 577
 Клей Дж. Р. 389, 400, 404,
 407, 408, 411, 417, 434, 438,
 439, 446, 447, 580
 Клейн П. С. 414
 Клеменц 366
 Кнэптон Е. Дж. 7

- Княжнин 548
 Коал Э. 67
 Козлов Н. Я. 32—34, 36, 37, 39, 40, 67, 570
 Козодавлев О. П. 110, 113—117, 123, 124, 132, 141, 162, 163, 165, 531
 Кокрейн 56
 Коллинс Э. 523
 Колумб Х. 558, 559
 Комиссаров Б. Н. 46, 87
 Константин 512—515, 517, 543
 Корсаковский П. 144
 Кортес Ф. 497
 Коссок М. 45, 330
 Костров Е. И. 546
 Кохрейн Дж. 541, 542
 Коцебу О. Е. 102, 103, 105, 106, 117, 118, 129—131, 139
 Кочубей В. П. 163—165, 172, 177, 178, 304
 Кошелев Р. А. 490
 Край К. 475
 Крамер В. В. 107, 109, 112, 123, 125, 126, 128, 138, 153, 188, 247, 509
 Крамер, братья 367
 Крамер Ч. 524
 Кревокер С. Дж. де 481
 Крессон У. 8, 17, 23
 Кристоф 299
 Кричевский Г. Г. 492
 Кросби-мл. А. 358, 360, 361, 572
 Крузенштерн И. Ф. 137, 167, 522, 527, 538, 539
 Крылов И. А. 461, 546, 576
 Крюденер В.-Ю. 7
 Крюденер П. А. 353, 374, 376—382, 385, 386, 388, 395, 420, 423, 425, 426, 428, 430, 431, 445, 446, 450
 Куикендолл Р. С. 91, 129
 Кук Дж. 111
 Кук Т. А. 208
 Кук У. Л. 150—152
 Кулибин И. П. 541
 Куницын А. П. 470, 478, 500
 Купер Ф. 543, 555—558, 560—562, 566—568, 576
 ✓ Кусков И. А. 108, 138, 139, 141, 142
 Кушнер Х. А. 162, 191, 248
 Кэллахан Дж. М. 309
 Кэллаун Дж. 69, 72—74, 79, 207, 214, 215, 218, 224, 227
 Кэмпбелл Дж. У. 60—66, 71, 73, 76, 159, 580
 Кюхельбекер В. К. 499, 519, 559
 Лаваль И. С. 62, 518, 522
 Лаваль 407
 Лазарев М. П. 153—155, 194, 195, 295, 296
 Лазерсон М. М. 255, 492, 571
 Ламберт Дж. 455
 Ламберт У. 534
 Ламберт Я. О. 259
 Лангсдорф Г. И. 538
 Ланда С. С. 503, 504
 Ланцев Г. В. 89
 Ла Серна 314
 Левашев Н. В. 499
 Лей Ф. 374, 381, 382, 421, 444, 445
 Ленин В. И. 512
 Лермонтов М. Ю. 544, 551, 568
 Ливен Х. А. 13, 28, 50, 110, 111, 115, 120, 123, 184, 187, 197, 237—239, 242, 261, 289, 317, 324—326, 330, 331, 380, 398—400, 403—408, 449, 533
 Ливерпуль Р. лорд 11, 204
 Ливингстон Э. 410, 415, 417, 419, 426, 432, 440, 444, 445, 447, 506
 Лисянский Ю. Ф. 91, 137, 167
 Литке Ф. П. 139, 142, 524, 576
 Ллойд Дж. 199—201, 284, 285
 Логан-мл. Дж. 230, 309, 319
 Локки Дж. Р. 311, 354
 Ломоносов М. В. 2, 545, 546, 548, 576
 Ломоносов С. Г. 68
 Лорер Н. И. 500
 Лоундес У. 74, 75
 Лунгстедт А. 87, 119, 130
 Луниин М. С. 506, 508
 Льюис Дж. Д. 366—368, 554, 572
 Льюис М. 565
 Льюис У. Д. 40, 41, 366—369, 551—554

- Льюис 105
 Лэмб Ф. 343
 Лэндрик Э. 416
 Мадден Р. Р. 356
 Мазур А. Г. 88, 162, 294, 296
 Макги Дж. У. 204
 Маклейн Л. 94, 401, 403, 424
 Мальгитц Ф. П. 338, 350, 352
 Мамышев В. Н. 147
 Манро 417, 543
 Манфред А. З. 476
 Маркс К. 6, 13, 20
 Марлинский см. Бестужев А. А.
 Мартенс Г. 52
 Мартенс Ф. 5, 7, 11—13, 83—
 85, 241, 288, 289, 380
 Мартинес Э. Х. 149—151
 Марченко 303
 Маршалл Дж. 191
 Маршод 260
 Марьямов Б. 561, 562
 Медем 449
 Мейерс Х. 304
 Мелит (Мелиш) Дж. 481
 Менарт К. 88
 Мерк Ф. 257
 Мерзляков А. Ф. 547
 Меттерних К. 9—11, 14, 83,
 321
 Мехмед II 386
 Миддлтон Г. 30—32, 78—85,
 162, 194, 195, 197, 202, 213,
 217, 241, 256—261, 264—
 267, 269—271, 273, 281, 282,
 284, 285, 313—324, 326, 327,
 330, 335, 336, 338, 345—
 347, 349, 350, 352, 375—377,
 380, 383, 384, 386, 388, 390,
 398, 400, 403, 430, 515—520,
 570, 580
 Миддлтон М. Х. 518, 520
 Миддлтон Э. 518
 Мик Т. 129, 164, 253, 269
 Миллер Г. Ф. 147
 Миллер Х. 81
 Милонов М. В. 547
 Милорадович М. А. 516
 Мирошевский В. М. 46, 52,
 55, 56
 Моллер А. Ф. 53, 55, 194,
 295
 Моллер Ф. В. 181
 Молчанов П. С. 138
 Монро Дж. 1, 5, 26, 28, 34, 36—
 38, 42, 59, 72—76, 157, 183—
 186, 198, 199, 203, 204, 207,
 208, 213—218, 220—224, 226,
 227, 230—234, 236—238,
 240, 241, 243, 255, 256, 262,
 263, 282, 284, 313, 314, 334,
 390, 468, 570
 Монтестье Ш. 500, 501, 503
 Мордвинов Н. С. 245, 254, 255,
 269, 273—275, 277, 291, 296,
 297, 301—303, 490, 510
 Морисон С. Э. 92, 152, 198,
 359, 397
 Моро 462
 Моррис Р. Б. 4
 Мур Д. Б. 416
 Муравьев М. И. 127—130,
 148, 168, 182, 188, 195, 245,
 246, 248—252, 254, 268, 269,
 292
 Муравьев Н. М. 492—496,
 500—502, 505
 Муравьев 547
 Муравьев-Апостол М. И. 500
 Муравьев-Апостол С. И. 519
 Муханов 506
 Мэд-жы-ны 142
 Мэдисон Дж. 35, 208, 209,
 282, 413, 456, 462
 Мэннинг У. 229, 311, 312
 Нагенгаст У. Е. 21
 Надеждин Н. И. 559
 Найлс Х. 15, 16, 397
 Наполеон 13, 21, 90, 375, 499,
 505
 Нарочницкий А. Л. 4
 Неболсин Г. 361, 364, 368,
 369, 372
 Нелединский-Мелецкий Ю. А.
 552
 Нессельроде К. В. 6, 29, 35—
 39, 47, 48, 50, 53, 54, 61,
 71—73, 75—77, 81, 83, 84,
 107, 110, 112—115, 117—120,
 123—125, 140, 143, 145,
 156, 158, 164, 165, 172, 177,
 178, 188, 192, 194—197, 210,
 212, 223, 225, 233, 235, 236,
 238, 240, 242, 254, 257, 258,
 261, 265—267, 269—271,
 273, 275—279, 286—293,
 296, 297, 301, 311, 319, 321—

- 324, 336, 338, 340, 342, 346—
 349, 353, 376—378, 381, 383,
 384, 398, 400, 401, 408—411,
 416, 421, 424—426, 428—
 443, 445—447, 490, 510,
 515, 531, 570
 Нечкина М. В. 495, 496
 Нёф В. 9—11
 Николай I 44, 298, 300, 301,
 304, 345, 349, 351, 357, 376,
 386, 401, 403, 404, 406, 408,
 409, 411, 419, 420, 426, 428—
 430, 434, 438—440, 444, 446,
 448, 449, 509, 510, 512—517,
 519, 520, 543
 Николс И. 186, 256
 Новиков М. Н. 502, 503
 Новиков Н. И. 547
 Новосильцов Н. Н. 477
 Норов В. С. 500
 Норт лорд 485
 Ньюэль Дж. 253

 Оболенский Е. П. 509
 Обрезков 242
 Оесте Дж. Р. 446
 Окунь С. Б. 87—89, 119, 136,
 146, 171, 186, 255, 294, 295,
 300, 306, 477, 573
 Онис Л. 43, 58, 70
 Орлик О. В. 399, 402
 Орлов А. Ф. 382, 385, 386
 Орлов М. Ф. 504
 Осипов Ф. 105, 118
 Острогорский П. 121
 Остроградский М. В. 523, 576
 Офлей Д. 385

 Павел I 158
 Пален Ф. П. 383
 Паллас П. С. 526, 527
 Пальмерстон Г. Дж. Т. лорд
 449
 Паркинсон Р. 481
 Паркман Ф. 18
 Паскевич И. Ф. 409
 Паттерсон Р. 534, 536
 Пазс Х. А. 339, 346
 Пенн У. 497
 Перкинс Б. 184, 185, 204
 Перкинс Д. 4, 52, 183, 184,
 197, 204, 205, 212, 220, 227,
 230, 240, 256, 354
 Перкинс Дж. 191

 Перкинс Т. Х. 191
 Перри М. 397
 Перринг 530
 Персеваль Д. 560
 Пестель И. Б. 137
 Пестель П. И. 495, 498, 500,
 502—505, 519
 Петр I 90, 399, 435, 462, 517,
 548
 Петит де Вилер Т. Д. 67
 Петров В. П. 547
 Пигот У. 154, 155, 164
 Пикеринг Д. 528
 Пиксанов Н. К. 460
 Пинар А. Л. 87, 89, 90
 Пинкни У. 25, 26, 40, 41, 44,
 45, 53, 157, 158, 580
 Пинкни Ч. 27
 Пинтнер У. М. 412, 430
 Пирс Р. А. 89, 90, 93—100,
 103—105, 107—109, 118,
 119, 125—127
 Пиррен Дж. 23
 Писарро Ф. 57, 140
 Питкин Т. 205, 359, 371, 421
 Пичета В. И. 409
 Пламмер У. 220
 Планес-Суарес С. 183
 Плутарх 500
 Погодин М. П. 560
 Поджо А. В. 504, 505, 507
 Подушкин Я. А. 95, 97, 98, 126
 Пойнсетт Дж. Р. 318, 335
 Покровский С. А. 412
 Полдинг Дж. 560
 Полевой Н. А. 549, 555, 557—
 561, 566, 577
 Полетика П. И. 28—30, 58,
 67—71, 73—75, 77, 78, 160,
 187, 188, 190, 192—194, 198,
 258—260, 263, 266, 267, 270,
 271, 278, 279, 286, 288, 296,
 298, 522, 530, 533—536, 538
 Полиньяк А.-Ж. де 185
 Полторацкий С. Д. 453
 Портель Вила Э. 309, 310
 Портер К. 92
 Поуп 191
 Поццо-ди-Борго К. О. 57, 59,
 73, 210, 238, 239, 242, 317,
 326, 328, 330, 448
 Правдин 469—472, 476, 489,
 498, 577
 Праводум 465

- Превост Дж. 160
 Предтеченский А. В. 466, 478
 Прокофьев И. В. 248, 254, 268, 289, 290, 298, 509
 Пугачев Е. И. 451
 Пушкин А. С. 6, 68, 407, 500, 543, 544, 550, 551, 554, 560—566, 576
 Пушкина Н. Н. 407
 Пушин И. И. 499, 506
 Пятковский А. П. 453, 459, 469, 470, 484

 Радищев А. Н. 451, 479, 500
 Радовский М. И. 522
 Раев М. 515, 516
 Раевский В. Ф. 499
 Разумовский А. К. 453, 454, 459, 460, 489
 Райвз У. 401, 403
 Райт 367
 Рамсей Д. 501, 502
 Рассел Дж. 553
 Раух Б. 309, 356
 Рафинек 534
 Раш А. 358
 Раш Р. 29, 80, 202, 205—207, 209, 213, 237, 257, 262, 263, 388
 Ревенга Х. Р. 337, 338, 349
 Резанов Н. П. 140
 Рейналь Г. 500, 501
 Ремини Р. В. 414
 Ренувин П. 23
 Репнин Н. Г. 471, 473
 Рибопьер А. И. 385
 Рикардо Д. 501
 Риккорд П. И. 164
 Ринд Ч. 385, 386, 423
 Рихман Г. В. 2
 Ричи Л. 542
 Ришелье А.-Э. Д. 59
 Родс Дж. Б. 41
 Робертсон В. 500, 501
 Робертсон У. С. 59
 Робертсон 65
 Робинсон Т. (Талви) 514, 515, 547—550
 Роджерс Дж. 360
 Рожков 398
 Романов В. П. 509
 Ростро 69
 Румянцев Н. П. 43, 44, 117, 293, 490, 522

 Рунич Д. П. 466
 Руссо Ж.-Ж. 500, 501, 504
 Рутледж Х. М. 388
 Рылеев К. Ф. 277, 279, 289, 297, 492, 505, 509—511, 519, 545, 577
 Рэлли Дж. 423, 424
 Рэндолф Дж. 387—392, 394, 396—408, 412, 413, 415—417, 428, 580

 Савуренок А. К. 566
 Сакен К. Ф. 386, 387, 404, 410, 411, 421, 422, 426, 442—445
 Сакен 439, 440
 Салазар Х. М. 336, 337, 352
 Салмон М. Г. 352
 Сан-Карлос 347
 Сантандер Ф. де П. 310
 Саул Н. Е. 358, 366, 552, 553
 Саутхарт С. Л. 360
 Свет Я. М. 46, 147, 148
 Свифт Дж. 67
 Сеа Бермудес Ф. 55, 140, 339, 340
 Северин А. И. 107, 112, 125, 126, 128, 138, 153, 188, 268, 278, 289, 290, 509
 Селиванский 557
 Семейский В. И. 470, 471, 473, 492, 498, 500, 501, 504
 Семенов С. М. 503
 Сенковский О. И. 559
 Серра-Каприола А. М. 62
 Сироткин В. Г. 4
 Сисмонди Ж. 500
 Скотт В. 567, 568
 Скулкрафт Г. 533
 Слезкин Л. Ю. 45, 46, 49, 56, 61, 64, 238, 300, 308, 329
 Слободчиков П. 92
 Смит А. 500, 501
 Смит 94
 Смит 410
 Снос С. 67
 Сола Висенте П. де 139, 144, 250
 Сомов О. М. 509
 Сопиков В. С. 547
 Сорокин М. 558
 Спаркс Дж. 537—540
 Спасская И. В. 55

- Сперанский М. М. 164—169,
 172, 177, 178, 196, 279, 297,
 298, 490, 510
 Стайлес Э. 2
 Стаплтон Е. Дж. 352
 Старцев А. И. 452
 Стаудер К. 86
 Стериджер Дж. Б. 418, 447
 Стефенс Дж. Л. 542, 543, 579
 Стеффенсон Р. 530
 Стиглиц Л. 366, 367, 407, 443
 Стимпсон 531
 Струве В. Я. 523, 524, 576
 Струве Г. А. 522
 Стургис У. 152, 191, 192, 198—
 200
 Стурдза А. С. 8
 Стюард С. Г. 89
 Стэнберри 413
 Суворов А. В. 462
 Сумароков А. П. 546, 548
 Сутер 152
 Сыроечковский Б. Е. 504
 Сэй Ж.-Б. 500

 Тайлер 95
 Талейран Ш.-М. де П. 391
 Тараканов Т. 98, 103, 105
 Тарасова В. М. 497
 Тарле Е. В. 449
 Татищев Д. П. 28, 46—51,
 54—57, 64, 69—71, 73, 140,
 575
 Татум Э. 22, 66, 190
 Тейлор Дж. П. 147
 Тейль Ф. В. 27, 28, 38, 157,
 158, 160, 194, 195, 202, 204,
 210—214, 223—236, 240—
 242, 278, 280—285, 291, 292,
 311, 317, 318, 322, 324—326,
 332, 335, 375
 Темперлей Г. 185
 Теннер Дж. 561—566
 Тилезиус В. Г. 522
 Тимковский И. 454, 467
 Тит Ливий 500
 Тихменев П. А. 86, 93, 102,
 105, 106, 130, 133, 135, 144,
 146, 155, 166, 171, 178, 179,
 247, 254, 270, 272, 278, 299,
 305
 Токвиль А. де 506, 561, 563—
 565
 Толедо Х. де 44

 Томас Б. П. 21, 23, 39, 256,
 312, 344, 347, 389, 390, 432,
 436, 437, 449
 Томпкинс С. Р. 258, 288
 Томпсон Дж. Р. 361, 572
 Торндайк И. 375
 Точман Дж. 409
 Траверсе И. И. 55, 169, 170,
 175, 180, 181
 Трачевский А. 54, 55
 Трубецкая Е. И. (Лаваль) 514
 Трубецкой С. П. 500, 514, 517,
 518
 Туган-Барановский М. 466
 Тулубьев 181
 Туманин П. 142
 Тумаркин Д. Д. 88—91, 119,
 124, 127, 129—131
 Тургенев А. И. 563
 Тургенев Н. И. 28, 470, 478,
 497, 500, 503, 507, 508

 Уатт Б. 390
 Убри П. Я. 61, 120, 310, 323,
 324, 328, 339—344, 348, 350,
 352, 353
 Уваров С. С. 452—454, 460,
 467, 472, 473, 478, 484, 486,
 487, 489, 524, 534
 Уилбур У. А. 184
 Уилер М. Е. 152, 162, 244
 Уилли Р. 131
 Уитни С. 86
 Уитни Э. 530
 Уиттл Ф. 67
 Уолш Р. 534, 552
 Уорд Р. А. 186, 256
 Уоррен Дж. К. 532
 Уорсестер Н. 18, 19, 22
 Уэбстер Д. 540
 Уэбстер Ч. 14, 23, 83, 352
 Уэстон С. 526

 Фабела И. 184
 Фадеев А. В. 82, 378, 383
 Федорова С. Г. 133, 134, 143,
 144, 147—149, 151
 Фелпс Дж. 544
 Фердинанд VII 42, 45—51, 54,
 59, 68, 143, 339, 349, 353,
 574, 575
 Фёлькль Э. 45, 46, 147, 148,
 150, 151, 294, 295
 Филд-мл. Дж. А. 378

Филлипс У. А. 12
Фиттингоф Б. 534
Фишер Г. И. 522
Фишер Ф. Б. 524, 576
Флерио М. де 260
Флойд Дж. 187—189
Флоридабланка 150
Фокс 485
Фонвизин Д. И. 546, 548
Фонвизин М. А. 506
Фонер Ф. 310, 311, 332, 337,
354
Форд В. 207, 208, 227, 229, 231
Форсит Д. 69—71, 73
Франклин Б. 2, 451, 499, 507,
525, 579, 580
Франко Х. 310
Франц I 5, 9, 10, 476
Фредерик 304
Фрейганг А. В. 87, 90
Френкель М. Ю. 532
Фридрих Вильгельм III 5, 7,
9, 476
Фунес Д. 311
Фус Н. И. 486, 522, 528, 529

Хант У. 95, 97, 98, 153—155
Хаускина П. дон 141
Хемнишер И. И. 546, 548
Херасков М. М. 548
Хилдт Дж. 23, 34, 37, 39, 62—
64, 81, 256, 358
Хилиард 544
Хлебников К. Т. 56, 86, 92,
97, 98, 142, 250—254, 299
Хованский Г. А. 547
Холландер Э. 67
Хопкинс Дж. Ф. 361, 572
Хопкинсон Д. 534
Хоугтон 225, 226
Хоуэй Ф. У. 91, 152, 253, 270
Хэндлин О. 4

Цезнерос 55

Чаадаев П. Я. 500
Чевкин К. В. 524
Чириков А. И. 147, 149, 193
Чихачев П. А. 524, 576
Чу-гу-ан 142
Чэпмен Н. 534

Шамиссо А. 102, 103
Шатобриан Ф. 561—563

Шатров Н. М. 547
Шафарик 547
Шаховской Ф. П. 500
Шевиньи Х. 162, 248
Шейлер У. 356
Шекспир У. 568
Шеффер Г. А. 86—90, 93—112,
114, 116—123, 125, 126, 129,
130, 175, 574
Шильдер Н. К. 13
Ширлин Г. 423
Шишков А. С. 529
Шмидт К. И. 250—252
Шоу Дж. Т. 565
Шпаро О. Б. 378
Штейнгель В. И. 498, 506,
509
Штивенс 245, 246
Шултц Т. 527
Шур Л. А. 4, 46, 139, 143, 254

Щебальский П. К. 453, 484

Эббетс (Эбец) Дж. 92, 95, 97,
164
Эверетт А. 22, 38, 190, 338—
346, 348, 350—355, 379, 578
Эверетт Э. 538, 540
Эгиа Ф. де 48, 51
Эйдельман Н. Я. 506
Эйлер Л. 523, 530
Эйрс 92
Элиот 528
Энгельгарт Е. А. 506
Энгельс Ф. 6, 13, 20
Эндрюс Дж. 366
Эпинус Ф. У. Т. 2, 525
Эсиг Е. О. 299
Этолин А. К. 252—254, 304, 305

Юз Х. 206, 256, 257, 259, 260
Юм Д. 500
Юсуповы 407

Якушкин И. Д. 498
Янг (Юнг) Дж. 95, 104, 105
Яновский С. И. 126, 127, 174
Ярмолинский А. 543
Яценков Г. М. 453, 458, 459,
461—463, 466—469, 471, 472,
475—477, 479, 480, 482, 483,
486, 489—491

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	1
Часть I	
От создания Священного союза к провозглашению доктрины Монро (1815—1823)	5
Глава первая	
Под эгидой Священного союза	15
Глава вторая	
Гавайская авантюра доктора Шеффера	86
Глава третья	
Российско-американская компания на рубеже 20-х годов XIX в.	132
Глава четвертая	
Россия и провозглашение доктрины Монро	183
Часть II	
По пути соглашений и сотрудничества (1824—1833)	244
Глава пятая	
Конвенции 1824—1825 гг. и Русская Америка	244
Глава шестая	
Соединенные Штаты, Россия и Испанская Америка в 1825—1826 гг.	308

Глава седьмая	
Развитие торговых связей (1815—1830-е годы)	358
Глава восьмая	
Русско-американское сближение и торговый договор 1832 г.	374

Часть III

США и русское общество	451
(1815—1830-е годы)	

Глава девятая	
Американская тема на страницах «Духа журналов»	451

Глава десятая	
Декабристы и Америка	492

Глава одиннадцатая	
Научные, общественно-политические и литературные связи	522

Заключение	569
------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статистические материалы о русско-американской торговле	581
Источники и основная литература	593
Список сокращений	611
Указатель имен	613

CONTENTS

Preface	1
Part I	
From the Creation of the Holy Alliance to the Promulgation of the Monroe Doctrine (1815—1823)	5
Chapter One	
Under the Auspices of the Holy Alliance	15
Chapter Two	
The Hawaiian Adventure of Dr. Schäffer	86
Chapter Three	
The Russian American Company on the Threshold the Twenties	132
Chapter Four	
Russia and the Promulgation of the Monroe Doctrine	183
Part II	
Along Road Towards of Agreements and Cooperation (1824—1833)	244
Chapter Five	
Conventions of 1824—1825 and Russian America	244
Chapter Six	
The United States, Russia, and Spanish America, 1825—1826	308

Chapter Seven	
Development of Trade Relations (1815—1830's)	358
Chapter Eight	
Russian-American Rapprochement and the Commercial Treaty of 1832	374

Part III

The U.S.A. and Russian Society (1815—1830's)	451
Chapter Nine	
American Theme as Reflected in «Dukh Zhurnalov»	451
Chapter Ten	
Decembrists and America	492
Chapter Eleven	
Scientific, Social, and Literary Ties	522
Conclusion	569

APPENDIX

Tables of Russian-American Trade	581
Bibliography ^	593
Abbreviations	611
Index	613

Monsieur le Comte,

J'ai l'honneur de transmettre à votre Excellence une pièce diplomatique, qui m'a été remise par Mr le Secrétaire d'Etat Adams d'une manière confidentielle. Elle sert de réponse aux communications, que je me suis trouvé porté à faire en dernier lieu à ce ministre, relativement tant aux Colonies Espagnoles, qu'aux affaires de la Péninsule, les dernières pusses dans la dépêche de votre Excellence du 18 Aout. Mr Adams n'a point fait difficulté d'admettre quelques observations, que j'avais pensé devoir lui offrir après la lecture de la première rédaction de cette pièce et il a adopté dans celle, que je transmits à votre Excellence, quelques modifications et des retranchemens [...]

Monsieur le Comte,

de votre Excellence,

Le très-humble et très-obéissant serviteur

Washington,

le 20 novembre 1823